63.521(=64)
К 86

Г. В. КСЕНОФОНТОВ

УРААНГХАЙ-САХАЛАР

ОЧЕРКИ ПО ДРЕВНЕЙ
ИСТОРИИ ЯКУТОВ

ТОМ I

ОГИЗ
ВОСТОЧНОСИБИРСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИРКУТСК—1937

63 521 (=634) - 3
К 86

Г. В. КСЕНОФОНТОВ

9(57)
К. 86

УРААНГХАЙ-САХАЛАР

ОЧЕРКИ ПО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ЯКУТОВ

ТОМ I

Инв № 23159
23159
84

„Благодаря тому простому факту, что каждое последующее поколение находит производительные силы, добытые прежними поколениями, и эти производительные силы служат ему сырым материалом для нового производства, — благодаря этому факту образуется связь в человеческой истории, образуется история человечества...".

Карл Маркс

(К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения т. XXV стр. 22. Партиздат 1934).

02
Библиот...
музея-за...
23159

ОГИЗ
ВОСТОЧНОСИБИРСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИРКУТСК—1937

K TM23929/183

ПРЕДИСЛОВИЕ

Классики марксизма-ленинизма придавали истории первостепенное значение. Энгельс писал: „...Мне история представляется еще величественнее природы... Ведь в конце концов природа и история—это два составных элемента той среды, в которой мы живем, движемся и проявляем себя." (Энгельс—Дасону Лемпло. 11 апреля 1893 г.)

К группе исторических наук Энгельс относит науки, изучающие „в их исторической преемственности и современном состоянии условия существования людей, общественные отношения, юридические и государственные формы с их идеальной надстройкой в виде философии, религии, искусства и т. д." (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочин. т. XIV, стр. 89).

Совершенно ясно, что Энгельс неразрывно связывает историческое познание с классовой борьбой.

Вот почему марксистское исследование исторического прошлого любого народа, в частности якутов, представляет не только большой теоретический интерес, но и является актуальной проблемой для самой практики революционной борьбы рабочего класса и трудящихся всего мира.

Разработка истории народов советского Севера, не исключая и якутов, по-настоящему только начинается. Между тем, марксистское исследование экономики, социального строя, быта, нравов и проч.этих народов вскрывает огромное количество фактов, совершенно опровергающих нелепые „теории" буржуазных ученых, оголтелые расистские измышления фашистов.

Народы Севера, значительная часть финнов, народов горного Кавказа и многие другие в царской России не признавались историческими народами. Если буржуазные этнографы, в редких случаях и историки,

пытались заниматься судьбами этих народов и признавали какие-либо изменения в их жизни, то это относилось, главным образом, к области узко-общественных установлений (развитие брака, правовых воззрений, культа и т. п.). Считалось, что можно говорить об истории этих народов только с момента соприкосновения их с русским населением, т. е., с того времени, как они очутились в пределах русского государства. Такого—взгляда на историю малых народностей держалась, и т. н., школа Покровского. Центром исторических проблем в работах этой школы выступала история великоруссов. В замечаниях т. т. Сталина, Кирова и Жданова указывается, что группа историков, которой было поручено написать учебник, „не поняла самого задания. Она составила конспект русской истории, а не истории СССР, т. е. истории Руси, но без истории народов, которые вошли в состав СССР (не учтены данные по истории Украины, Белоруссии, Финляндии и других прибалтийских народов, народов Средней Азии и дальнего Востока, а также волжских и северных народов: татары, башкиры, мордва, чуваши и так далее").

К числу таких „неисторических" народов отнесены были и якуты. Об якутах старые буржуазные историки, а равно и последователи Покровского, считали возможным упоминать лишь в связи с, т. н. „колониальными" захватами в Сибири. В то же время, однако, нельзя сказать, чтобы об якутах мало писали. Напротив, литература об якутах по сравнению со многими северными народами весьма обширна. К числу обстоятельств, способствовавших обилию этой литературной продукции, надо отнести политическую ссылку. В XIX и в начале XX века тогдашняя Якутская область служила тем „гиблым краем", куда царское правительство ссылало политических. Многие из ссыльных, живя в крае годами, принимались изучать его в различных отношениях. Большие заслуги политических ссыльных в деле научного познания якутского народа общепризнаны. Однако, научные работы „политиков" направлялись главным образом по линии этнографии и языкознания. Только некоторые из них давали в своих работах те или иные ученые домыслы о происхождении якутского народа и по вопросам социальной и общественной организации их в эпоху до прихода русских.

В настоящее время к изучению истории каждого из народов Советского Союза обязывает нас великая Сталинская Конституция, провозгласившая равноправие всех рас и национальностей. Это есть одно

из величайших завоеваний социалистической революции. Оно является одним из основных устоев социалистической организации государства рабочих и крестьян. Товарищ Сталин в своем докладе на VIII Чрезвычайном Всесоюзном Съезде Советов о проекте новой Конституции, разъясняя его принципиальные отличия от всех буржуазных конституций, высказал следующее:

„В отличие от этих конституций, проект новой Конституции в СССР наоборот—глубоко интернационален. Он исходит из того, что все нации и расы равноправны. Он исходит из того, что разница в цвете кожи или в языке, культурном уровне или в уровне государственного развития, равно как какая-либо разница между нациями и расами—не может служить основанием для того, чтобы оправдать национальное неравноправие. Он исходит из того, что все нации и расы, независимо от их прошлого и настоящего положения, независимо от их силы, или слабости—должны пользоваться одинаковыми правами во всех сферах хозяйственной, общественной, государственной и культурной жизни общества."

Царская Россия, бывшая „тюрьмой народов" и „очагом всякого рода гнета—и капиталистического, и колониального, и военного, взятого в его наиболее бесчеловечной и варварской форме", конечно, не способствовала зарождению и развитию подлинной исторической науки о народах, населяющих Россию, тем более о народах Севера и в частности об якутах.

Выше мы указывали, что об якутах написано не так мало, и было бы крайне ошибочным совершенно игнорировать буржуазную науку об аборигенах Сибири. Действительно, эти материалы, за редким исключением, можно рассматривать лишь как запас фактических данных, который подлежит вдумчивой теоретической обработке в свете историко-социологического учения Маркса и Энгельса, дополненного и развитого дальше их гениальными учениками—Лениным и Сталиным.

Мы считаем необходимым указать на ряд наиболее ценных исследований культурной и общественной жизни якутов, произведенных в дореволюционное время.

Богатейший фактический материал по культуре якутов содержится в словаре якутского языка, на составление которого в царскую эпоху потратил полвека своей жизни Э. К. Пекарский, политический ссыльный, революционер из среды русских народников. Словарь Э. К. Пекарского, по словам академика С. Ольденбурга, содержит в себе разъ-

яснение и истолкование до 25 тысяч якутских слов. Академия Наук СССР в настоящее время приступила к переводу этого словаря на турецкий язык.

Значительный запас материалов по фольклору якутов накоплен при царизме же трудами И. А. Худякова, С. В. Ястремского, того же Э. К. Пекарского и других. Обычное и семейное право якутов, а также порядок землепользования у них изучались Н. А. Виташевским, Л. Г. Левенталем, Д. М. Павлиновым, Д. А. Кочневым и многими другими. Материальная культура, обычаи, нравы якутов, а также вообще вся внешняя сторона их быта неплохо изучены в классическом этнографическом труде В. Серошевского, опубликованном под заглавием „Якуты". Обстоятельную монографию о дохристианских верованиях якутов написал В. Ф. Трощанский.

Однако, при царизме не появлялось ни одного солидного научного труда по общественному строю и социальной организации якутов, по конкретной гражданской истории, а тем более по их древней истории. Известная и очень ценная монография Л. Г. Левенталя—„Подати, повинности и земля у якутов"—посвящена разработке узко-специальной темы о развитии податного обложения с половины XVIII в. по архивным данным, и стоит совершенно одиноко.

В с о в е т с к о е время вышли три крупные работы, посвященные истории якутов: „Очерки по истории Якутии"—Г. А. Попова, статья профессора С. В. Бахрушина—„Исторические судьбы Якутии" в сборнике „Якутия" Академии Наук СССР и, наконец, обширная статья Л. Мамет под заглавием „Колониальная политика царизма в Якутии в XVII—XIX веках„ по замечанию самого автора, являющаяся „изложением первой части" его монографии „по истории якутского народа." Несмотря на разнокачественность этих работ, все они историю Якутии ограничивают тремя последними столетиями. Правда, Г. А. Попов в своей книге дает вводную главу, где мы находим ряд общих соображений по истории Якутии до XVII столетия и краткие резюме господствующих в предшествующей литературе гипотез о происхождении якутов. В этой главе дан общий обзор эпохи палеолита, неолита и „медного века". Древними насельниками края автор считает палеоазиатов, позже пришли тунгусы и, наконец, только в XIV-XV веках откуда-то с юга—якуты.

Таким образом, в известной нам исторической литературе об якутах, вышедшей после Октябрьской революции, также нет ни

одной работы, которая была бы посвящена изучению древней, дорусской истории якутов. И то, что у Попова уместилось на нескольких страницах, у автора настоящей книги, Г. В. Ксенофонтова, развернуто в целый том. Следовательно, Г. В. Ксенофонтов поднимает вопросы, о которых прежние дореволюционные и пореволюционные исследователи говорили лишь мимоходом или совершенно обходили их.

Весьма характерно то, что царская эпоха не дала ни одного, более или менее известного, якутоведа из среды самих якутов, не было тогда ни одного якута-этнографа, фольклориста, историка, лингвиста, которые занялись бы делом изучения культуры и истории своего народа. При советской власти ученые якуты начали появляться в первые же годы после Октябрьского переворота. Таким коренным якутом, который после укрепления в Якутии советской власти посвятил себя изучению культуры и истории своего народа, является автор настоящего исследования — „Очерков по древней истории якутов" Г. В. Ксенофонтов.

История бесписьменного народа, каковыми были древние якуты, может быть восстановлена по археологическим данным, по писаным источникам культурных соседей и, наконец, по показаниям языка и фольклора. В археологическом отношении Якутия обследована очень мало. Да и сам по себе археологический материал совершенно беспомощен, если он не опирается на близкие ему письменные памятники. Культурные соседи, обладавшие письменностью (древний Китай, орхонские турки и проч.), от якутов далеки, кроме того показания их исторических памятников требуют весьма кропотливого изучения и особых методов расшифровки и истолкования, прежде чем уяснить их отношение к истории народов отдаленного Севера. Таким образом, оставалось исследовать древнюю историю якутского народа, главным образом, по тому материалу, который сам народ сохранил в своем языке, легендах, былинах и в фольклоре вообще.

Автор настоящего исследования по своим исходным положениям очень близко стоит к тем исследователям, которые занимались Гомером. Им исследуется такой исторический период из жизни якутского народа, от которого кроме легендарных и былинных воспоминаний и следов почти ничего не осталось. Перед исследователем стояла задача—из мифологических и сказочных (если иметь в виду былины) элементов выжать такой положительный материал, который помог бы реконструировать прошлую жизнь данного народа. В этой области, и

по вниманию к эпохе, и по новизне методических приемов, автор настоящей работы является пионером. Но, однако, было бы неверно утверждать, что автор единственный научный источник усматривает только в одном фольклоре. Он в своем исследовании использует разнообразные научные источники и доказательства — физико-географические условия территории, занятой якутами, и соседних областей Восточной Сибири, их топографическое устройство, основы экономического быта разных отделов якутского народа, их язык, обычаи и нравы, сравниваемые с таковыми же у соседних по языку и культуре народов, наконец, и показания письменных источников по истории древне-турецких и монгольских народов. Но тем не менее в системе его научной аргументации безусловно превалирует использование материалов по героическому эпосу и мифологии как самих якутов, так и других народов. Причем героические сказания народа автор квалифицирует как его „устные летописи".

В нескольких главах своих очерков он разрабатывает методику использования легендарного материала как исторического источника, иллюстрируя свои выводы на конкретных примерах разбора той или другой группы легенд и мифов. (См. в I ч. главы IV и V, во 2 ч. главы III, в 3 ч. главы III, IV, VI, и VII).

Марксистско-ленинское историческое мировоззрение бесспорно дает опору для реставрации фактов давно прошедшей истории по пережиточным явлениям из сферы народной идеологии, сохраняющихся до поздних эпох в форме легенд и мифологических представлений. Маркс и Энгельс этим методом пользовались при изучении первобытной религии, а иногда даже и религиозных обычаев культурных народов.

Дорусскую историю якутского народа, в пределах его современной родины, автор делит на три крупных периода, представляющих собою разные ступени культурного развития. В начале эпохи великого переселения народов Азии (конец 1-го века н. эры) из Прибайкалья переселяется на Вилюй по-якутски говорящий оленеводческий народ смешанного этнического происхождения. Потомки этих ранних „якутов", по мнению автора, проживают и теперь за полярным кругом Якутии от полуострова Таймыр на западе до низовьев р. Индигирки на востоке. Это — якуты-оленеводы, занимающиеся также рыболовством и охотой. Эти ранние якуты занесли на Лену железную

технику и якутский язык, унаследованные ими от древних хуннов или гуннов, занимавших тогда обширные монгольские степи.

Второй период якутских переселений на север характеризуется заносом и развитием в бассейне Вилюя скотоводческого хозяйства якутского типа предками современных вилюйских якутов, которые должны были вытеснить дальше на север ранних переселенцев, якутов-оленеводов. По гипотезе автора, проживание предков вилюйских якутов на запад от Байкала в пределах Приангарского края устанавливается в VII и VIII вв. нашей эры показаниями китайских летописей и древне-турецкими орхонскими надписями. Китайские историки описывают их под названием Гулигань, а в орхонских надписях они упоминаются под названием „Юч-Курыкан". Они входили в состав древне-турецких племен, обитавших тогда в степной Монголии и известных китайцам под названием гао-гюйцев или хой-хоров (уйгуров). По мнению Г. В. Ксенофонтова, культурный уровень этих первых якутов-скотоводов, занявших бассейн р. Вилюя, должен был характеризоваться господством переходных форм от быта якутов-оленеводов вплоть до развития более современного нам якутского скотоводческого быта. Автор доказывает, что якуты б. Вилюйского округа в некоторых своих отделах вплоть до наших дней наряду с рогатым скотом и лошадьми держали оленей, занимались в широком масштабе рыболовством и охотой, а также в своей материальной культуре, обычаях и нравах сохранили явные признаки своего этнического и культурного родства с северными якутами-оленеводами. Основываясь на этих данных, Ксенофонтов высказывает гипотезу, что как северные якуты-оленеводы, так и основное ядро вилюйских якутов-скотоводов по своему этническому происхождению не были турками. Всю эту группу автор объединяет под названием якутов-урянхайцев, усматривая в этом этническом термине позднейшую лингвистическую метаморфозу имени орочон (орончон) с переходными формами орон-кон, уран-кан, ураанықаан. При таком предположении, якуты-урянхайцы образовались из отуреченных тунгусских племен Манчжурии, Амура, Прибайкалья и самой Лены. В их составе автор предполагает небольшую примесь западных монголов-ойратов, в числе которых были и предки современных северо-байкальских бурят, Эхирит-Булагатов.

Третий период древней истории якутов на Лене начинается с переселения из Предбайкалья в бассейн средней Лены (территория быв. Якутского округа) основной массы древне-турецкого народа,

якутов-саха. В настоящем томе своих очерков автор ограничивается лишь констатированием того факта, что, по данным исторических летописей монголов (по труду Рашид-Эддина), в эпоху образования монгольской империи Чингис-Хана народа „саха" нигде в пределах Южной Сибири, Прибайкалья и Урянхая уже не существовало. Отсюда автор заключает, что якутский народ в конце XII в. нашей эры в полном составе уже переселился в пределы своей современной родины. Подробное изложение исторических судеб якутов-саха автор имеет в виду дать во 2 томе своих исторических очерков.

В какой мере исторические построения Ксенофонтова о древних судьбах и происхождении якутского народа обоснованы и могли бы войти в инвентарь науки как бесспорные и положительные достижения, а также какие существенные промахи и ошибочные суждения и выводы содержатся в его прогнозах и проч., само собой разумеется все это составляет задачу последующей серьезной критики соответствующими специалистами на основе иного понимания использованных автором материалов или привлечения других упущенных им исторических источников.

Однако, нельзя не отметить теперь же, что исторические очерки Ксенофонтова должны заинтересовать не только лиц, занятых разработкой вопросов древней истории якутов, но также и знатоков истории и культуры бурят-монголов, эвенкийских и манчжурских племен, присаянских турок и специалистов по истории древне-турецких и монгольских племен. Радиус научных выводов и обобщений автора и общий диапазон работы как по объему использованного материала, так и по методической проработке его, захватывает довольно широкий круг исторических тем и проблем, выходящих за пределы древней истории одной якутской народности.

Остановимся еще на административной и этнической терминологии автора. Самая тема работы, а именно, изучение древнейших исторических судеб якутского народа, обязывала его пользоваться дореволюционными родовыми названиями, а не современными советскими, в которых отражаются новые и новейшие фактические отношения среди якутов. Точно также в научных исторических исследованиях, при необходимости почти на каждой странице цитировать и пользоваться дореволюционными источниками, нет никакой возможности изгнать из обращения старую установившуюся этническую терминологию—якуты, тунгусы, юкагиры и проч. К этому же выводу пришли и составители

недавно (в 1936 г.) изданного сборника исторических документов „Колониальная политика московского государства в Якутии XVII в“. (См. предисл. стр. VIII и XV.)

При передаче якутских и тунгусских собственных имен, слов (особенно в прилагаемом словаре) и выражений автор пользуется русским алфавитом, ибо новый якутский алфавит сделал бы работу недоступной для не-якутов. Древней историей якутов могут и должны заинтересоваться центральные научные работники, историки Бурятии, Казахстана и многих других туркоязычных народов СССР, нельзя также исключать и интерес турковедов вообще. Для читателей якутов мы даем ниже примечание самого автора, в котором значения употребляемых им русских букв уясняются при посредстве знаков современного якутского алфавита“.*

Считаем необходимым дополнить предисловие фактическими сведениями по вопросам происхождения и издания настоящей работы.

Автор впервые приступил к разработке вопросов древней истории якутов и к систематическому собиранию ее фольклорных источников (героического эпоса якутов) в течение 1920—1922 гг-, состоя ассистентом факультета общественных наук Иркутского государственного университета при кафедре археологии и этнографии, а также работая в составе краеведческих организаций Восточносибирского края. С января 1925 г. он переключился в научные организации Якутии, будучи определен стипендиантом Совнаркома АЯССР. Настоящая книга написана им по поручению Якутского государственного Изд-ва в течение 1932—1933 г., позже частично дополнялась, а издается она Восточносибирским областным Издательством по специальному заказу Наркомпроса ЯАССР и Якутиздата.

---

* Первые буквы употребляются автором при передаче якутских слов и выражений, а вторые соответствующие им знаки современного якутского алфавита (на основе унифицир. ново-тюркского):

а—a; э—e; ы—ь; ч—i; о—o; ё—ө; у—u; ю—y; б—b; д—d; ч—c; г—g; й—j; к—k; л—l; м—m; н—n; п—p; х—q; р—r; с—s; т—t; дж—ç; нг—носов. н нь, нньнj, njnj; ль, лль—lj, ljlj. Дифтонги; уо—uo; юё уө; иэ—ie; ыа—ьa; Долгота гласных передается удвоением. Придыхательные „Г“ и „С“ не обозначаются.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОБЗОР ТЕОРИЙ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЯКУТОВ И ИХ ДРЕВНИХ ПЕРЕСЕЛЕНИЯХ

08
23159

„Wenn ich bei diesen meinen Untersuchungen die Ansichten meiner Vorgänger öfters angreife, so möge man meine Freimüthigkeit nicht übel deuten, mein Angriff gilt stets nur der Sache, nie der Person des Autors."

W. Radloff. „Phonetik der Nördlichen Türksprachen" Leipzig—1882.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О ЯКУТАХ

Чуть ли не с самого начала пробуждения научной мысли в царской России было обращено внимание на обособленное положение якутов от общей массы, родственных им, «татарских» народов, являющихся, по преимуществу, степняками и обитателями западных пределов Азии и восточной Европы. В связи с этим разрывом якутского племени от своего родного ствола и возникла загадочная «якутская проблема», содержащая в себе ряд вопросов: когда, как и почему, под давлением каких исторических причин и в каком географическом пункте этот «татарский» народец оторвался от своих единокровных братьев, какими путями он добрался в глухой и таежный Ленский край, за время своего путешествия в глубь Лены не имел ли он где-либо продолжительную остановку и т. д.?

Разного рода попытки разрешения якутской проблемы, предпринятые учеными людьми царской эпохи, отчасти и иностранными авторами, не лишены научного интереса и теперь. Даже больше того, как убедимся дальше, самые ранние авторы, заинтересовавшиеся якутской проблемой, проявили более трезвое и правильное понимание исторической действительности, нежели позднее и почти современное нам поколение ученых деятелей, несмотря на то, что последние располагали более богатыми научными источниками и совершенными методами. На данном конкретном примере мы можем получить наглядную иллюстрацию постепенного гниения и разложения буржуазной исторической мысли.

Само собой разумеется, что проблема о происхождении якутов и расследование путей переселения их на Лену есть только минимум вопросов по древней истории этого народа, не разобравшись в которых нельзя приниматься за разрешение других. Хотим ли мы разобраться в туманных образах якутской эпической поэзии, задаемся ли целью истолковать мифологические образы, понятия, представления или обряды древней религии якутов, пытаемся ли разгадать их социальную организацию и общественный строй к моменту прибытия русских завоевателей, изучаем ли мы происхождение, смысл и значение элементов якутского орнаментального искусства и т. д. и т. д.— совершенно безразлично: ни одна из этих тем не может быть проработана с желательной полнотой и ясностью, если мы не знаем—где, под какой геогра-

фической широтой и долготой и при какой окружающей обстановке сложились самые устойчивые привычки, понятия и представления якута. Не может быть спора о том, что человек, со всем комплексом его понятий и представлений есть переменная историческая категория, которая при новых изменившихся условиях может дальше развиваться, деградировать или оставаться, приблизительно, на одном уровне. Карл Маркс в письме к Анненкову говорит:

«...Всякая производительная сила есть приобретенная сила, продукт предшествующей деятельности. Таким образом, производительная сила—это результат практической энергии людей, но сама эта энергия ограничена теми условиями, в которых люди находятся, производительными силами, уже приобретенными раньше, общественной формой, существующей до них, которую создали не эти люди, которая является созданием прежних поколений. Благодаря тому простому факту, что каждое последующее поколение находит производительные силы, добытые прежними поколениями, и эти производительные силы служат ему сырым материалом для нового производства,—благодаря этому факту образуется связь в человеческой истории, образуется история человечества»... (Курсив везде наш).

Таким образом, производительные силы, добытые прежними поколениями, и общественные формы, существовавшие в ранние эпохи, при посредстве непрерывной цепи новых нарастающих звеньев должны оказывать большое влияние на течение, характер и содержание позднейших исторических событий. Если эти положения Маркса применить к интересующим нас вопросам, то древнюю или дорусскую историю якутов не только можно, но и должно рассматривать как общий фундамент, на котором с некоторыми видоизменениями вырастает новый или порусский этап их исторической жизни. Иначе говоря, исчерпывающее знание и понимание новой истории якутов немыслимо без изучения их древней истории.

От царского периода нами унаследована обширная этнографическая литература о якутах. Как известно, наиболее ценная часть этой литературы принадлежит этнографам якутоведам, вышедшим из рядов русских революционеров народнического направления. Последние, между прочим, уделили очень много внимания вопросам социальной и общественной организации якутов до и после русского завоевания. Но, к сожалению, научные работы подавляющего большинства этнографов народников характерны в том отношении, что в них применяется абстрактный социологический метод. Элементы древней якутской культуры познаются ими при помощи готовых социологических и этнологических схем, обычно позаимствованных у классиков западно-европейской колониальной этнографии. Вопросы же гражданской истории якутского народа—события и факты, относящиеся к его этническому составу, уясняющие взаимоотношения его отдельных частей, пути и даты переселения последних с юга на север, исторические связи якутов с извест-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения т. XXV партиздат. 1934. 22 стр.

ными народами древности, объем и точное содержание культурного капитала, унаследованного ими от родственных или иноплеменных народов, последовательные стадии в культурном развитии самих якутов и многие другие вопросы того же порядка совсем не затрагивались народниками или же освещались поверхностно и без учета известных в науке обширных источников по древней истории кочевых народов центральной и восточной Азии. Вот почему увязка вопросов якутской истории с данными орientалистики должна быть признана одной из очередных задач якутоведения советского периода. Но эта задача осуществима лишь при условии применения исторического, а не социологического метода.

Из числа якутоведов народников в настоящем обзоре исторической литературы о якутах мы останавливаемся лишь на тех авторах, которые высказывались по вопросу о происхождении якутов и их древних переселениях. Что же касается их социологических прогнозов по вопросам культурного состояния якутов дорусского периода, то на них мы будем останавливаться лишь в соответствующих главах нашего собственного исследования.

Первыми этнографическими и историческими сведениями о якутах мы обязаны иностранцам. Из них к нашей исторической теме имеют прямое отношение труды Исбрандта Идеса, Филиппа Страленберга, Герарда Миллера и Иоганна Фишера. Эти деятели науки, впервые высказавшиеся по вопросу о южном происхождении якутов, образуют одну группу историков. Они жили в XVIII веке и могут быть названы «ранними историками якутов». Их мнения и суждения тесно связаны друг с другом и образуют одну цепь. Эти авторы представляют для нас большой интерес еще и потому, что в их воззрениях на историческое прошлое якутов еще не чувствуется влияния русской общественности и политических установок царизма. Они подходили к вопросу более объективно, чем позднейшие ученые.

По прошествии значительного перерыва после выступления ученых иностранцев начали сказываться плоды усвоения европейской культуры и науки самими русскими. Последние усваивают литературное наследство иностранных авторов и тоже начинают трактовать о происхождении и историческом прошлом якутского народа. Работы этих новых авторов образуют второй период в развитии якутской историографии. Их мы объединили в одну группу под названием «поздних историков». Эта группа довольно многочисленна, но мы ограничиваемся изложением воззрений лишь тех авторов, которые не только выставляют те или другие гипотезы происхождения якутского народа, но и дают их научное обоснование. Работы поздних историков якутского народа любопытны в том отношении, что в их теоретических взглядах больше всего отразилась великодержавная политика царизма и господствующих классов старой России, поместного дворянства и буржуазии, а также националистические предрассудки мелко-буржуазных кругов.

Несколько в стороне от поздних историков стоят труды грамматиков и знатоков турецких наречий, которые тоже брались за разрешение якутской исторической проблемы или давали очень ценную для ее разгадки лингвистическую экспертизу. К ним принадлежат академик Отто Бётлингк, первый со-

ставитель якутской грамматики и словаря, известный австрийский турковед Герман Вамбери и, наконец, знаменитый турколог академик В. В. Радлов. Каждый из этих крупных деятелей науки выступает со своей свитой последователей и почитателей, которые повторяли их взгляды и суждения по вопросу о происхождении якутов. Об этих представителях той или другой лингвистической школы мы будем говорить в связи с изложением учений их основоположников.

В наш обзор исторической литературы об якутах мы не нашли возможным включать все разрозненные высказывания отдельных авторов о состоянии якутской культуры в дорусский период, чтобы без особой надобности не увеличивать объем настоящего раздела наших очерков.

Глава I

РАННИЕ ИСТОРИКИ ЯКУТОВ

I. ИСБРАНДТ ИДЕС И ПЕРВИЧНЫЙ ИСТОЧНИК ГИПОТЕЗ О ЮЖНОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ ЯКУТОВ.

Теория южного происхождения якутов оформилась еще в конце XVII столетия в записках одного иностранного купца, немца или голландца, Эверта Исбрандта Идеса, который, по поручению русского правительства, ездил через Сибирь в Китай для улажения пограничных дел. Он выехал из Москвы в 1692 г. и вернулся через три года в феврале 1695 г. Во время своего путешествия Исбрандт вел дневник, в котором между прочими сведениями заключались и краткие этнографические данные о некоторых туземных народах Сибири, в том числе о бурятах и якутах. Сведения о последних автор должен был получить, конечно, проезжая через Иркутск, путем расспросов бывалых людей при посредстве местной администрации. Отрывки из дневника Исбрандта Идеса через год после его возвращения в 1696 г. были изданы в Берлине Менцелем, опубликовывались также и Г. Г. Лейбницем в 1697 и в 1699 г.г. Наконец, в 1704 г. дневник Идеса был издан полностью в Амстердаме в переводе на голландский язык под редакцией Н. Витцена. По словам М. П. Алексеева, автора книги «Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей», откуда мы заимствуем сведения о труде Исбрандта Идеса, «книга эта привлекла к себе большой интерес и перепздавалась много раз на разных языках»[1]. Часть дневника Идеса, относящаяся к бурятам и якутам, полностью переведена на русский язык и напечатана в упомянутом выше труде М. П. Алексеева.

Исбрандт Идес, по собранным им слухам, описывает одежду якутов, их верования, кое-что из религиозных обрядов и обычаев, дает сравнительную характеристику якутского языка и отмечает их южное происхождение. Ввиду особо почетной роли Идеса в деле развития якутской историографии, мы

[1] См. названное сочин. М. П. Алексеева. Т. I, часть II, Иркутск. Крайгиз. 1936. Стр. 141. Амстердам.

позволим себе привести все те данные, которые удалось ему собрать о якутах во время своего путешествия.

«Перехожу к большой реке Лене, которая течет на юго-запад (?) из озера Байкала, отделяющего, как сказано выше, Сибирь от Даурии. На этой реке расположен город Якутск—главный город северной области Сибири. Народы, живущие в окрестностях этого города и на берегах реки Амги, называются якутами. Они носят одежду, составленную из кусков меха различного цвета, образующих странную смесь. На швах и вокруг всей одежды господствует обшивка из шерсти белого оленя, шириной в руку; одежда открыта с обоих боков и сделана вроде как бы по немецкой моде. Народы эти носят длинные волосы, свисающие до плеч. Обычай носить рубашку им незнаком».

Осведомленность Идеса по географии Якутского края для того времени довольно точна. Он сообщает еще и названия притоков Лены: «Витим, Олекма и Майя, которые текут все на юг. Берега их так богаты черным соболем и некоторыми другими сортами прекрасного меха, что зимой там можно купить множество шкур за три-четыре рубля».

О верованиях якутов мы находим следующие сведения:

«Они (якуты) убеждены в существовании некоего бога в небе, которому считают себя обязанными своим имуществом, женами и детьми. У них в году всего лишь один праздник, они празднуют его весной, с большой торжественностью. Церемония состоит в том, что они разжигают большой костер и поддерживают его во все время, пока длится праздник; они воздерживаются в это время от питья, но употребляют свой кумыс или арак на изготовление возлияний, которые они, один за другим, приходят выливать с восточной стороны. Этот кумыс представляет собой водку из молока, которую они обычно употребляют».

«Когда кто-нибудь из них умирает, ближайший из его родственников принужден быть погребенным совершенно живым рядом с умершим, прискорбный обычай, происходящий, возможно, из той области Индии, где жена обязана итти на костер и смешать свой прах с пеплом супруга, дабы иметь возможность на том свете возобновить их обоюдное наслаждение».

Довольно близкое к истине описание Идесом якутского кумысного праздника «ысыах», устраиваемого в начале лета в честь творца неба и земли, главного виновника размножения людей, скота и молочного изобилия, небожителя Юрюнг-Айыы (Белого Создателя), передача им довольно популярного и теперь фольклорного сюжета о похороне в древности со знатным лицом его раба—стремянного («ююнньют, ынгыырджыт»—дословно—взнуздателя и седальщика) (осведомители Идеса вряд ли умели отличать преданье от живого обычая), а также уловления таких узко-местных географических названий как Амга и Мая—ясно свидетельствуют о том, что этот первый якутовед получил свои сведения от какого-то уроженца Якутского края, вернее, конечно, г. Якутска, который, по всей вероятности, был хорошо знаком и с якутским языком.

«Язык якутов,—сообщает Идес,—очень близок к языку магометанских татар, живущих в окрестностях

Тобольска и происходящих от бухар; может быть, именно, в подражание этим татарам каждому якуту разрешается иметь столько жен, сколько он может прокормить».

Здесь не только намечается родство якутов с турецкими племенами, но уловлен и ясный признак классовой организации тогдашнего якутского общества, ибо содержание целого гарема жен не могло быть доступно «каждому якуту», как пишет Идес, а только представителям господствующего класса.

О переселении якутов на север откуда-то из южных мест Идес говорит в следующем отрывке:

«Они имеют обыкновение говорить, что предками их были монголы и что они населяли некогда часть страны калмыков, откуда русские их выселили, чтобы переселить в эти свои земли. Они добавляют, что гораздо охотнее предпочли бы жить на своей родине, чем в крайне холодной стране, где они вынуждены проводить три четверти года в подземных пещерах.»[1]

Как видим, южная родина якутов определяется здесь со ссылкой на исторические воспоминания самих якутов. Мы имеем некоторое основание предполагать, что, приведенная выше, формулировка южного происхождения якутов могла принадлежать не самому Идесу, а редактору голландского издания его дневников, Николаю Витцену. М. П. Алексеев в своей книге ссылается на воспоминание Н. Витцена в письме на имя Х. Кюперу от 24 сентября 1709 г. следующего содержания. (Витцен вспоминал)—«Описание путешествия Исбрандта в той форме, как оно издано, было редактировано мною по бумагам, которые он мне прислал и которые были написаны весьма запутано на его гамбургском или нижнесаксонском наречии».[2]

Наше подозрение о редакторском произволе Витцена при издании дневника Идеса подтверждается еще одним фактом, а именно, цитатой из тех же дневников сообщения Идеса о южной родине якутов Ф. Страленбергом в его известном сочинении о Северной части Азии, изданном в Стокгольме в 1730 г. Этот автор, не указывая места и года издания, приводит маленькую выдержку из какого-то немецкого издания его «Путешествия»:

«Исбрандт Идес говорит, что они (якуты) и буряты, которые теперь живут около Байкальского моря, прежде составляли один народ».[3]

За восемь лет до издания дневников Идеса в 1692 г. был переведен на голландский язык труд французского иезуита Филиппа Авриля «Voyage en divers états d'Europe et d'Asie» и проч., в котором содержится краткое сведение и о якутах. Авриль пишет:

---

[1] См. Там же. 147—148 стр.
[2] См. Там же. 140 стр.
[3] См. соч. Страленберга. Стр. 128 стр.

«Кроме тех родов татар, о которых я говорил, есть еще другие, называемые: остяки, братские якуты и тунгусы, рассеянные по рекам и озерам, находящимся на пространстве земель от Сибири до земли монгольской. Но как у всех сих народов—одинаковая физиономия и один язык с калмыками, то должно полагать, что они суть разные отделившиеся роды от калмыков, и что, привыкнувши постепенно к московитянам, они покорились, наконец, им».[1]

Что Н. Витцен был хорошо знаком с трудом Авриля, конечно, не может подлежать никакому сомнению. Если дело обстояло так, то что же удивительного в том, что «путанное», по его мнению, сочинение Идеса он местами выправил, согласно приведенной выше, «ученой» и довольно самоуверенной классификации Аврилем народов Сибири и центральной Азии. Авриль, который тоже прожил некоторое время в Москве и написал свое сочинение по собранным там сведениям, мог показаться Витцену более ученым и надежным авторитетом, чем простой купец Идес. Этот густой туман этнографического неведения, как убедимся дальше, стал рассеиваться лишь с выходом в свет известного научного труда Ф. Страленберга, которому впервые, на основании более точных лингвистических данных, удалось создать более или менее точную классификацию народов северной и центральной Азии, раскрыв вместе с тем и картину близкого или дальнего родства их между собою.

На основании приведенных выше данных, мы вправе признать купца Исбрандта Идеса родоначальником всех позднейших теорий, родящих якутов то с западно-сибирскими татарами, то с бурятами, то с монголами.

Идес ездил в Китай через Южную Сибирь и Даурию. Следовательно, самих якутов он не видел и получил сведение о них только в г. Иркутске, где находилось главное управление тогдашней Восточной Сибири. Высказываясь о южном происхождении якутов, Идес, повидимому, повторяет прочно сложившееся мнение местных русских людей, которые были представлены ему в качестве знатоков тех или других туземных народов Сибири. В тогдашнем Иркутске людей, долго проживших в г. Якутске и хорошо осведомленных о якутах, конечно, можно было найти в любое время, ибо Якутск, как в административном, так и в торговом отношении, зависел от Иркутска. Таким образом, научное открытие Идеса упирается на убеждение и осведомленность русских людей, проживших в центре Якутского края.

Но, спрашивается, почему же у русских сложилось такое мнение о прошлом якутского народа?

Старинный г. Якутск был совсем не похож на другие города Сибири: он, по справедливости, мог бы называться городом якутов, ибо там в частной и общественной жизни господствовал якутский язык.

Отдаленность Якутского края от центров русской оседлости и ничтожное количество русских, затерявшихся маленькими кучками среди массы туземного народа, способствовали объякучению русских старожилов во всех городах Якутского края, что констатируется многими старинными авторами.

---

[1] М. П. Алексеев. Там же. Т. I. Ч II, стр. 88.

Адъюнкт Академии Наук Иван Исленев, побывавший в г. Якутске в 1769 г. для астрономических наблюдений, в своем дневнике, между прочим, отмечает:

«Живучи с младенчества между якутами, все жители научились говорить по-якутски, ибо у последнего казака служитель и работник бывают якуты и якутки и не малое число ныне таких, как уже худо говорят по-русски, отчего мало-помалу вкоренились в них якутские обычаи и суеверия...»[1]

Н. Щукин, побывавший в г. Якутске в 1830 г., пишет:

«Старушки нередко толкуют между собой по-якутски. Этот язык господствует здесь между всеми классами, как у нас в столицах французский. Нет ни одного жителя, который не знал бы по-якутски. Да и неудивительно: в доме няня—якутка, кухарка—якутка, кучер, работник, все—якуты. Здешний житель лучше говорит по-якутски, нежели на отечественном. Если вам нужно найти чей-нибудь дом, то не скоро доберетесь до него: у кого ни спросите, никто не знает по-русски».[2]

Почти то же самое о старожилах г. Якутска констатируется несколько позднее и Миддендорфом.

«...Укажу на самый г. Якутск, где в мое время на чиновничьих, купеческих вечеринках говорили по-якутски... Укоренился якутский язык между русскими, очевидно, вследствие якутской прислуги».[3]

У Маака о русских на Вилюе мы находим следующие строки:

«В городе Вилюйске я видел русских казаков в присвоенной им форме, относящих царскую службу, но не знавших почти ни одного русского слова».[4]

Таковы русские горожане, а о немногочисленном русском крестьянстве не приходится и говорить. Все крестьяне, поселенные в старину вдоль Иркутско-Якутского тракта по берегу Лены, до сих пор в своем домашнем быту разговаривают только по-якутски, а знающих русский язык можно встретить лишь ввиде редкого исключения из числа хорошо грамотных или лиц, отбывавших воинскую повинность.

Барон Майдель обратил внимание на полное объякучение олекминских и нюрбинских крестьян. Автор в двух русских селениях Олекминского округа с населением в 1800 душ нашел только одного парня, который говорил по-русски.[5]

Столетием раньше картина объякучения русских в городах Якутского края не могла не быть еще более полной, ибо тогда, ввиду недостатка в русских женщинах, гораздо чаще должны были иметь место браки с якутками. Для наших целей особенно важно полное объякучение русских старожилов в г.

---

[1] См. журн. „Новые ежемесячные сочинения". Ч. XXII, апр. 1788, „Из дневниковых записей адъюнкта Акад. Н. Ивана Исленева, бывшего в г. Якутске для наблюдения явления Венеры в солнце 1769 г.".

[2] „Поездка в Якутск". 1814. 2 изд. Стр. 228.

[3] „Путешествие на север и восток Сибири". Спб. 1869 г. Ч. II. стр. 759.

[4] „Вилюйский округ". Спб. 1878. Ч. 3, стр. 38.

[5] „Путешеств. по северо-вост. части Якут. обл. в 1868—1870 г. г. Перевод с немец. Спб. 1894 г. стр. 450—451.

Якутске и образование в нем смешанного русско-якутского общества, пользующегося в своем быту якутским языком. Первые иностранцы, писавшие о якутах, почерпали свои сведения, несомненно, при посредстве единичных представителей этого старожилого населения г. Якутска, временно или постоянно проживавших в Иркутске.

В цикле устных сказаний якутов о своем прошлом центральное место занимает сюжет о воображаемом прародителе всего племени «Эр-Соготох Эллэй-Боотуре» (Муж—одиночка Эллэй-Богатырь), который, поссорившись со своими родственниками, решил бежать с дряхлым отцом из родного края. Отец умирает по дороге, а Эллэй прибывает к верховьям реки Лены, строит здесь маленький плотик или даже просто садится верхом на бревно с корневищем и плывет вниз по реке. Он прибывает к местожительству богача Омогоя, у которого две дочери. Эллэй поступает к богачу в работники и женится на одной из дочерей Омогоя. Все якутское племя, якобы, и является размножившимся потомством Эллэй-Богатыря. Во многих вариантах народных сказаний и богач Омогой представляется точно таким же беглецом из верховьев Лены, как и его зять. По поводу популярности этой легенды Серошевский замечает:

«Всякий якут, неравнодушный к преданиям своего народа, знает его и может передать с большей или меньшей полнотой», (Якуты 190 стр.).

Замечание Серошевского справедливо лишь в отношении населения центрального и обширного Кангаласского улуса, на землях которого поставлен г. Якутск. Якуты Верхоянского и Колымского округов этих мифологических имен не знают и понятий об общеплеменном предке не имеют. Во всех прочих якутских улусах знатоки легенды об Эллэе встречаются реже, главным образом, в улусных центрах; относительно большей популярностью она пользуется в пределах юго-западного Вилюя, благодаря обилию там эмигрантов из того же Кангаласского улуса.

Не может быть двух мнений о том, что приведенная легенда очень рано была усвоена и русскими старожилами г. Якутска. Так как второе и третье поколение казаков-завоевателей большею частью происходило от якуток и должны были чувствовать себя полу-якутами, то якутские генеологические сказания оказывались далеко не чуждыми и для русского служилого класса. Мы думаем, что, на почве родства старинных казачьих родов с якутами и совершенного знания их представителями якутского языка, в г. Якутске создались весьма благоприятные условия для дальнейшей эволюции сказаний об Омогое и Эллэе. Казаки, как народ бывалый и обладающий более широким этногеографическим горизонтом, чем якуты, значительно изменили основной строй якутской легенды, внеся в нее серьезные интерпретации. Например, они включили в сказ об этих мифологических героях сюжет столкновения якутов с бурятами—«бырааскай». (Это название бурят есть ничто другое как якутское произношение русского «братский»), тогда как это имя якутам дорусской эпохи было абсолютно чуждо и не могло заключаться в их первоначальных сказаниях. (Современные буряты представляют историческое новообразование и в эпоху проживания якутов около Байкала, как самостоя-

тельная народность, можно сказать, и не существовали. Об этом см. в продолж. наших очерков ч. III, глава VI).

Как мы видели выше, якуты своих легендарных предков обычно представляют беженцами: бежит с семьей Омогой-Баай, за ним, сев на бревно, плывет Эллэй-Боотур, что тоже носит характер бегства. Отчего и почему они бегут? В устах самих якутов бегство их прародителей большею частью объясняется семейными раздорами, лишь в редких случаях вводится мотив притеснения иноплеменных народов. Но русские люди, знающие туземное население Предбайкалье, откуда течет Лена, не могли удержаться от соблазна соответствующим образом корректировать легенды темных якутов:

«Их предки бегут по Лене. Знамо дело, побежали от тамошних бурят, которые живут там в Верхоленских степях».

Так, несомненно, родился псевдо-якутский сюжет о проживании якутов около Байкала «совместно с бурятами» и о бегстве их предков, вследствие неудачных войн с бурятами. Приведенное выше краткое сообщение Исбранта Идеса доказывает, что уже в конце XVII столетия якутские генеологические легенды стали достоянием русских людей и рассказывались ими с интерпретациями, применительно к этнографическому горизонту по русской истории. Несколько лет спустя после проезда Идеса легенду об отделении якутов от бурят черпает из того же источника иркутских знатоков Страленберг. Сюжет о войнах и бегстве якутов от бурят еще более укоренился в историко-этнографической литературе,когда исследователи добрались до самих старожилов г. Якутска, этих главных носителей псевдо-якутских сказаний. Наличие русских обывателей, могущих сойти за настоящих якутов, делало излишним расспрашивание самих якутов. И первые писатели о якутах почти до конца 70-х годов прошлого столетия пробавляются пересказами все той же легенды полурусского общества г. Якутска.

Итак, гипотезу Исбранта Идеса, об южном или прибайкальском происхождении якутов нужно рассматривать не как научно-исторический прогноз о прошлых судьбах якутского народа, а как простую запись основного содержания легенды самих якутов о переселениях вниз по Лене Омогоя и Эллэя, ставшего известным при посреднической роли объякученного старожилого населения г. Якутска. Таким образом, легендарное воспоминание самих якутов стало краеугольным камнем и исторической литературы об этом народе. Вот почему необходимо обратить сугубое внимание на героический эпос якутского народа и в нем искать дальнейшие указания о прошлых этапах его исторической жизни.

Имя якутов и данные об их местожительстве попали в западно-европейскую литературу еще за 12 лет ранее издания путевых записок Исбранта Идеса, а именно, по расспросным сведениям писал о них, упомянутый выше, голландский ученый Николай Витцен, прозванный современниками «новым Колумбом и открывателем Северо-Восточного света», в своем труде о «Северо-Восточной Тартарии» с очень длинным и описательным заглавием. (1-ое изд. вышло в Амстердаме в 1692 г.).

В книге Витцена приводится в переводе на якутский язык молитва «отче наш», имена числительные и 35 якутских слов. (Эти сведения заимствуем из труда академика Бётлингка: «Uber die Sprache der Jakuten»). Если бы в те времена существовали специалисты—туркологи, то они, по данным Витцена, безошибочно определили бы турецкую природу якутского языка, ибо, как известно, якутские числительные не дают существенного расхождения с другими турецкими языками. Кроме того, у Витцена приводятся такие общераспространенные тюркские корни, как «ат»—конь, «тангара»—небо, «сир»—земля и т. д., хотя и в сильно искаженной транскрипции, но все же допускающей возможность уловления языковых параллелей.

Витцен имеет правильное представление и об основах экономического быта якутов. Он сообщает о наличии рогатого и конного скота. От него мы узнаем о таких фактах из области хозяйства, которые в позднюю эпоху, когда умножились писаные и печатные источники, не могли быть наблюдаемы ввиду разрушения старинного хозяйственного уклада якутов. Он, например, сообщает о владельцах многотысячных табунов конного скота, т. е. такое явление, которое до недавнего времени могло быть наблюдаемо лишь среди киргиз-казахов и у забайкальских бурят. Эти факты, два столетия тому назад имевшие очевидцев, в памяти современного нам поколения превратились в сюжеты легендарных сказаний. Такое сосредоточение в единичных руках живой собственности, несомненно, говорит о господстве в древнем якутском быту олигархических порядков и наследственного дворянства, составляющих особенности скотоводческого феодализма, ибо в течение двух-трех человеческих поколений немыслимо такое накопление движимой собственности. Так как всякого рода крайности, обычно, бывают обусловлены друг другом и уживаются вместе, то мы вправе предположить, что среди якутов того времени имелся гораздо больший процент народной бедноты, бесскотных, безлошадных и безземельных, чем возможно было наблюдать в позднюю, более или менее известную нам эпоху.

2. ФИЛИПП СТРАЛЕНБЕРГ (ТАББЕРТ).

В области якутской историографии и этнографии имеет большое значение труд Филиппа Страленберга. Будучи офицером шведской армии, он в битве под Полтавой попал в плен к русским, а затем, в порядке административного усмотрения, был сослан в Сибирь, где провел 13 лет. Получив возможность разъезжать по Сибири, он ознакомился с бытом и нравами ее коренных обитателей и с разными вещественными памятниками старины. По возвращении на родину он выступил в качестве автора довольно солидного этногеографического описания Сибири и восточной части Европы со включением многих данных из русской и центрально-азиатской истории под заглавием «Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia» u. s. w.[1].

Благодаря новизне и обилию сведений, добытых многолетними наблюдениями самого автора, из области географии, этнографии и археологии, это

[1] Стокгольм. 1730 г.

сочинение должно было обратить на себя большое внимание образованных кругов Западной Европы и до появления более обширных трудов членов русских академических экспедиций в течение нескольких десятилетий оставалось в роли почти единственного «окна Сибири», обращенного на внешний мир. Тем больший интерес представляет для нас этот первый по времени научный труд с серьезным этнографическим уклоном.

Страленберг в местах обитания самих якутов не был и осведомлялся о них, несомненно, из того же источника, откуда почерпнул свое сообщение и Идес, т. е. у проживающих в Иркутске якутских служилых и торговых людей или объякутевших казаков. Из приведенных им отрывков якутской легенды ясно видно, что он столкнулся с таким знатоком якутов, их языка и фольклора, который мог бы дать очень много ценных сведений, если бы у самого автора было желание и хватило умения фиксировать нужные факты. К сожалению, Страленберг, как по уровню своего общего развития, так и по воззрениям тогдашнего образованного общества на дикарей, не смог использовать благоприятный момент, чтобы полностью записать, интересующие нас теперь, сюжеты якутских исторических преданий. Лишь по отдельным отрывочным данным мы можем теперь догадаться о содержании слышанных им преданий. Поэтому его писания носят характер своеобразной шарады, которая может быть понята лишь при современном уровне изучения якутского фольклора.

Главная научная заслуга Страленберга в области якутологии заключается в том, что он впервые определил принадлежность якутов по лингвистическим признакам к обширной семье турецких народов—«татарских», как их называет Страленберг. В дальнейшем родство якутского языка с татарским становится одним из решающих научных доказательств южного происхождения якутов.

Путешествуя по Сибири вместе с Мессершмидтом, Страленберг составил небольшой сравнительный словарик по языкам важнейших туземных народов, обратив главное внимание на имена числительные и на простейшие слова из имен существительных и прилагательных.

Несмотря на полное отсутствие грамматических данных, этот лингвистический материал оказался вполне достаточным для установления родства языков и расположения их в соответствующие семейные группы. Таким образом, Страленберг впервые указал на родственную связь целого ряда языков, объединяемых ныне под названием «урало-алтайских», наметив в общих чертах и дальнейшее их внутреннее подразделение. Автор о родстве языков судит, конечно, по простому совпадению значений созвучных слов, взятых из разных диалектов. Несовершенство примененной им транскрипции туземных слов, очень далекой от научной точности, а также и неумение унифицировать при сравнении грамматические формы (напр., якутское слово «бас»—голова он берет в форме «баспыт»—наша голова, иньэ—мать в форме «иньэгэтэ» (правильно—иньэтэ)—его мать, не умея выделить от основы местоименные аффиксы, и т. д.) не помешали ему усмотреть родство

якутского наречия с диалектом татар, обитающих по верхним притокам Оби и даже чувашей. Дальше он замечает:

«Mit diesem dreiyen Völchern haben die Türchen, Crim—Usbech, Baschirr, Kirgis und Türkomannische Tatern, fast einerley Dialect».[1]

Эта первая попытка классификации алтайских языков и установление тесного родства турецких языков, со включением и якутского, вызвала и соответствующую историческую гипотезу о древнем местожительстве якутов. Автор намечает такой пункт исхода для якутского народа, который мог бы удовлетворительно объяснить последующее расхождение членов одного языкового семейства, когда-то развивавшихся, так сказать, в одной общей колыбели. Стралепберг, повидимому, был убежден, что все турецкие племена искони веков были обитателями центрально-азиатских протяженных степей. С другой стороны, разрешая проблему отрыва якутов от прочих турок, он проглядел население Алтае-Саянского горного массива со включением Урянхайского края. Поэтому, вслед за признанием прибайкальского этапа якутской истории, он строит гипотезу о пребывании якутов в далеком прошлом в степях Южной или Внутренней Монголии:

Das unsere Jakuten zuvor im Mitag gegen das Königreich Tanguht zu gewohnet (so sie mir selber berichtet) und Isbrand Jdes in so weit confirmiret, der da saget „sie und die Bratten, welche ietzo noch am Baikal Mare wohnen, wären vorhin ein Volk gewesen"[2].

Автор этой гипотезы, проехавший взад и вперед через таежную полосу Средней и Восточной Сибири, не мог, конечно, в приемлемой форме объяснить генетическую связь якутского языка с наречиями западно-сибирских степных татар, не допуская обходный путь исторического общения народов крайнего Востока и далекого Запада через монгольские степи. Что Стралепберг допускал исторические связи обитателей древней Монголии с кочевниками степей Туркестана, подтверждается сопоставлением им племенного наименования якутов «саха» с «сака'ми» греко-персидских писателей со ссылкой на византийского историка VI-го века Прокопия. Сопоставление этих же имен «саха» и «сака» мы находим позже у Германа Вамбери и Н. А. Аристова, очень сведущих турковедов конца XIX века.

Не мешает отметить также и другую научную заслугу Стралепберга, а именно, точное установление того положения, что русское официальное название «якут» является чуждым для носителей этого имени и что они называют себя «цаха-саха». Он пишет:

Ein heydnisch Volk, von denen Russen also („Jakuten") genannt,... nennen sich aber selbst im ihrer Sprache Zinn Zacha oder Zinn Zogotoch"[3].

Между прочим, даже некоторые современные авторы путают племенное название якутов, допуская форму «зоха» или «соха». (Этот вариант имени

---

[1] Перевод цитат из иностр. авторов см. в конце книги—Прим. I.

[2] 128 стр.

[3] Стр. 375.

«саха» узаконяет, напр., современный историк Сибири, профессор Н. Н. Козьмин, предполагая существование «окающих» якутов. Окание и акание не имеет никакого отношения к слову «саха»).

Страленберг племенное название якутов осложнил лишь прилагательным эпитетом «zinn.—джинг». Для каждого, кто знаком с якутским языком, смысл приведенного им сочетания слов ясен: «джинг—саха» значит—истинный, настоящий «саха». Дальше мы увидим, что автор допускает употребление имени «саха» и без предшествующего эпитета. В речи самих якутов прилагательное «джинг» нередко сопровождает нарицательное имя «саха» (См. словарь Пекарского: «джинг-саха»—настоящий (завзятый) якут». Ст. 830).

Что же касается другого аналога того же имени, а именно, «Джинг-Соготох», допускаемого Страленбергом, то здесь мы имеем дело с несомненным недоразумением, обусловленным неверным пониманием сообщения информатора. Чтобы понять происхождение этого ложного синонима имени «саха», нужно обратить внимание на попытку Страленберга углубиться в семасиологическое истолкование этого имени. Он пишет: «Sie nennen sich Zacha von einem Fürsten, den sie vor alten Zeiten gehabt»[1].

Таким образом, по мнению автора, «саха» первоначально было собственным именем князя или царя якутского племени. В связи с сообщением о древности этого якутского князя мы вправе умозаключить, что Страленберг слышал легенду о первом якутском царе, прародителе всего племени, до появления которого породы настоящих (джинг) якутов и не существовало. Наше предположение находит прямое подтверждение в том обстоятельстве, что Страленберг дает ему второе имя «Джинг-Соготох», где вместо имени «саха» вставлено слово «Соготох». Выше мы указывали, что якуты своему легендарному предку дают сложное имя «Эр Соготох Эллей-Боотур». Прозвище «Эр-Соготох» дается прародителю племени не случайными единицами, а подавляющим большинством сказителей древних мифов[2].

В легенде о бегстве Эр-Соготох Эллэя с дряхлым отцом, между прочим, мы находим сюжет перехода через безводную степь, где беглецы страдают от отсутствия воды[3]. Это обстоятельство Страленберг мог истолковать, как переселение предков якутов через пустыню Гоби и Шамо, ибо, отыскав их прежнюю родину около государства Тангут, он ссылается на показание самих якутов. Вот почему мы имеем основание думать, что Страленберг двести лет тому назад слышал остов легенды о первом якуте—Эр-Соготох Эллэй-Боотуре. Не поняв своего собеседника, он придал Эллею два имени «Саха» и «Соготох», одновременно понимая и то и другое, как племенные названия якутов, заимствованные от имен героя—эпонима. Прилагательный эпитет «джинг»—истинный настоящий, должен был возникнуть в связи с утверждением сказителя, что до Эллэя, собственно говоря, и не существовало еще

---

[1] Стр. 375.

[2] См. наш сбор. „Эллэйада" §§ 1, 4—10, 13, 14, 19, 26, 37, 49, 229, 232–235, 236, 265, 316.

[3] Там же. §§ 1, 20, 37 и 224.

Гос. Музей ИНВ. № 23159

народа, обозначаемого именем «саха», и что лишь (Эр) Соготох (Эллэй) есть «джинг-саха». Ясно, конечно, что в подлинном рассказе «джинг-саха» было не собственным именем, а пояснением той мысли, что Эр-Соготох есть прародитель народа или иначе «перво-якут».

С приведенными комментариями фольклорные материалы Страленберга могут принести большую пользу в деле изучения якутского героического эпоса. Они не только устанавливают древность цикла сказаний об Эллэе, но и дают нам возможность определить принципиальные изменения в их структуре, происшедшие в результате более тесного соприкосновения с русскими за последние два столетия.

При современном уровне развития лингвистики и этнологии мы имеем возможность с гораздо большими подробностями записать якутские предания об Эр-Соготох Эллэе, но над нами висит неотвратимый закон всемогущего времени, разлагающего первобытные верования якутов. Вот почему при наличии серьезного расхождения между записью Страленберга и современными вариантами тех же легенд, мы вынуждены будем оказать больше доверия фольклористу начала XVIII-го века. Но в чем же заключаются эти расхождения?.

Мною в пределах разных улусов Якутской республики записано 35 вариантов сказаний об Эр-Соготох Эллэе. В 19-ти случаях ему приписывается татарское происхождение (Современные якуты под «татарами» разумеют татар Европейской России), в двух случаях он рисуется бурятом, а остальные 14 сказителей не определяют его национальности, повидимому, предполагая в нем якута. А у Страленберга, как мы указывали выше, он фигурирует в качестве «джинг-саха»—истинного якута. С особой народностью «татар» якут познакомился, по всей вероятности, не ранее XIX-го столетия, когда они стали прибывать в Якутский край в качестве ссыльных. Замечая сходство татарского языка со своим, рядовой якут должен был притти к выводу, что его предок Эллэй когда-то был татарином и, отделившись от них, поплыл вниз по Лене, чтобы породить там целый якутский народ. В самом сюжете мифа об Эллэе имелись некоторые элементы, которые натолкнули якута на такое умозаключение. Следовательно, татарское происхождение Эллэя в современных вариантах якутских сказаний нужно рассматривать, как продукт влияния по русской истории на фольклорное сознание якута. Краткая запись Страленберга «джинг-саха (Эр) Соготох (Эллэй)—князь древних якутов» дает нам полную уверенность в правильности этого вывода. На это обстоятельство мы обращаем особенное внимание читателей, ибо в течение 19-го века на почве этого измененного сюжета сказаний об Эллэе выросло целое историческое течение, роднящее предков якутов с «красноярскими татарами», предполагая прародину их в степях Южного Енисея. Весьма возможно, что мысль о татарском происхождении предков якутов (Эллэя) сначала родилась среди русских старожилов г. Якутска, а позже усвоена и якутами.

С другой стороны, чрезвычайно важно и ценно в записи Страленберга то, что в его время этот же самый «Соготох» (Эллэй), настоящий якут, представлялся древним князем или правителем якутов. В настоящее время

большинство якутских сказителей рисует его простым человеком, лишь в пределах одного Кангаласского улуса наделяют его званием ханского сына, т. е. царским происхождением. Так как и мифологические параллели, обнаруживаемые у южных степных народов, турецких и монгольских племен, приводят к тому же выводу, что идея предка народа находится в тесной связи с образами легендарных царей, то запись Страленберга опять-таки воскрешает пред нами фольклор «подлинного» якута с его ранней и самобытной психологией.

Заслуги Страленберга, в области установления основных фактов якутского героического эпоса, изложенным не ограничиваются. Ему же мы обязаны первым печатным зафиксированием общеякутской легенды о том, что они до прихода русских жили под управлением своего царя Тыгына. По его словам, того князя, под предводительством которого они переселились из Прибайкалья на Лену, называли «Deptzi Tarchan Tegjn»—Дэпци Тархан Тэгин [1].

И в данном случае, к нашему величайшему удивлению, мы констатируем существенное отклонение от фактов современного фольклора. Во всех известных нам вариантах сказаний о якутском царе Тыгыне он представляется старожилом Якутского края и живет постоянно там, где теперь стоит г. Якутск. По Страленбергу же, он со своим народом переселяется на Лену из Прибайкалья. Значит, двести лет тому назад среди якутов еще были живы воспоминания о последних волнах их переселений с юга, во главе с Тыгыном. Это тем более вероятно, что Тыгын прежде всего представляется вождем Кангаласского улуса, который занимает самые южные окраины Якутского округа, ввиду чего кангаласцы должны быть отнесены к самым поздним переселенцам на Лену. Весьма сильные и сложные переживания якутских масс в период по русской истории, конечно, могли заслонить в их памяти некоторые варианты их сказаний о своем прошлом. Страленберг же еще застал второе или третье поколение якутов, отцы и деды которых совсем не знали русских. Вот почему мы даже и не вправе спорить со Страленбергом, обвиняя его в искажениях якутских легенд по непониманию или по какому другому недоразумению. Опять-таки наталкиваемся на такой момент, по поводу которого мы вынуждены признать, что этот автор имел дело с истинными якутами, тогда как мы можем изучать якутский героический эпос лишь через призму в значительной мере обрусевшего сознания.

Достойно удивления и то, что Страленберг записал «Тэгин», а не «Тыгын», как звучит теперь это имя в устах якута. Дело в том, что современные знатоки турецких языков уже согласились на том, что якутское «Тыгын»—не собственное имя, а нарицательное, обозначающее звание или титул древне-турецких князей, принадлежащих к царствующей ханской фамилии. (Этот титул констатируется, по преимуществу, в пределах Монголии и отчасти Китайского и Русского Туркестана). Причем этот титул у древних турок произносился и обозначался на письме именно «тэгин»[2].

---

[1] Там же 375 стр.

[2] Радлов. Опыт словаря. Т. 3 ст. 1034 и 1038.

В связи с записью Страленберга «Тэгин», а не «Тыгын» возникает очень спорный вопрос: возможно-ли допустить, чтобы якуты двести лет тому назад сохраняли древне-турецкое произношение этого слова или автор не уловил своеобразие якутского произношения? Так как у нашего раннего якутолога при транскрипции слов встречаются довольно грубые ошибки, последний вывод был бы не лишен основания, но, с другой стороны, архаическая форма современного «Тыгына» могла быть «Тэгином».

Надо заметить, что и слово «Тархан», в древне-турецком орхонском диалекте, обозначавшее тоже особый титул или достоинство [1], современные якуты произносят «дархан»[2]. Таким образом, и это слово транскрибируется Страленбергом по-древне-турецки.

В обоих случаях имеем ли мы дело с неточной передачей якутской фонетики или с руссифицированной передачей этих слов или, наконец, во времена Страленберга у якутов сохранилось еще такое произношение? Мы лично придерживаемся того положения, что за два последних столетия якутская общенародная фонетика не могла сделать столь резкий скачок от мягких гласных к твердым и от глухих согласных к звонким, тем более потому, что этнический состав якутов оставался неизменным. С другой стороны, очень мудрено допустить, чтобы Страленберг при записи обоих слов столь удачно ошибся, что воспроизвел их действительное архаическое произношение. Выход из затруднительного положения нам представляется в исторической гипотезе, что в момент прибытия русских в самом центре Якутского края, на том самом месте, где стоит теперь г. Якутск, и в его ближайшем окружении еще сохранялся особый говор якутского языка, значительно разнящийся от известного нам говора массы. Этот говор мог принадлежать группе последних завоевателей якутского народа. Те части их, которые распылились небольшими родами среди подавляющей массы якутского населения, должны были быстро утратить следы своего первоначального наречия, но более компактная масса их, группирующаяся вокруг своего Тэгина, до прихода русских продолжала хранить следы своего первоначального не якутского наречия. Самые сильные удары русских казаков обрушились именно на эту небольшую головку якутского народа, расселившейся на левом берегу Лены, на Сайсарской равнине между двумя Ытык-Хая (Почтенными горами. Собственно говоря, это не горы, а мысы возвышенного берега Лены). Сохранились довольно точные сведения о том, что почти все население упомянутой равнины при первом разгроме от русских и значительно позже при ликвидации ряда восстаний кангаласцев разбежалось в дальние окраины Якутского края. С этого момента, само собой разумеется, ликвидация особого говора старых господ якутского народа не могла дольше задерживаться, ибо их носители все без остатка разбросались маленькими группочками среди массы собственно якутского народа. Но, однако, некоторые слабые следы этого говора господствующих родов (из среды которых выделился старинный якутский тоёнат) могли сохраняться еще некоторое время около г. Якутска. Иными словами, мы ду-

[1] Радлов. Там же. Т. 3, 851 и 854 ст.
[2] Пекарский. Якут. слов. 678 ст.

маем, что Страленберг записал совершенно верно «Тэгин» и «Тархан», но это было не общеякутское произношение, а маленькое отличие тех якутов, которые жили тогда в окрестностях г. Якутска.

Если фонетика языка и грамотность нашего раннего лингвиста не являются достаточно надежным основанием, чтобы на них строить историческую гипотезу о завоевании якутов какими-то другими тюрками, то в материалах Страленберга сохранилось еще одно, пожалуй, более веское указание на неякутское происхождение того говора, на котором говорил его информатор. В лингвистической таблице Страленберга понятие «золото» у якутов передается словом «алтан», которое у якутов повсюду значит «медь», тогда как «алтын», «алтун» на всех прочих тюркских языках, действительно, имеет значение золото. Здесь речь идет не о маленькой фонетической разнице, а о значительном расхождении лексического состава по сравнению с современным якутским наречием. Имеются еще аргументы в пользу иного этнического происхождения якутских «тэгинов» и их ближайших родов, но об этом подробно мы будем говорить позже в соответствующих местах наших очерков.

Имя Тэгин Страленберг дает в сочетании еще двух лишних слов «Дэнги-Тархан». Эти имена в якутском героическом эпосе встречаются, а именно, в сказаниях Кангаласского улуса. Сыновья Эллэя или его ближайшие потомки имеют двойные имена—«Мунньан-Дархан», «Кюрсэн-Дархан», «Мэнги-Дархан, Дэги-Дархан», отдельно—Дэнги и Дэхси; в легендах других улусов можно констатировать имена «Дэри-Дархан и Дэли-Дархан». (См. Элл. §§ 6, 13, 65, 172, 180, 182, 185 и 187). Носители этих имен, по легендам—очень важные персоны, большею частью принадлежащие к поколениям, жившим ранее Тыгына. Мунньан-Дархан во многих вариантах Кангаласского улуса обычно представляется отцом Тыгына, а остальные Дарханы его дядья. По моим записям, якутский царь Тыгын выступает без всякого дополнительного прозвища, но зато его имя не прилагается к именам упомянутых Дарханов. Возможно, что и тут мы имеем дело с потускнением памяти позднейших поколений, которые уже забыли, что царь Тыгын был не один и что ранее его было еще поколение Тыгынов, которые носили дополнительно прозвище «Дархан» или «Тархан». Вместе с тем получает подтверждение и вывод современной лингвистической науки, что «тыгын» не собственное имя, а лишь звание, и что устные сказания самих якутов во времена Страленберга знали еще других «тыгынов».

Вот сколько серьезных и принципиально важных вопросов в области якутской истории и даже лингвистики затрагивают краткие заметки «полтавского героя». «Мал золотник, да дорог», так и Страленбергу, в очень немногих по счету словах, удалось показать нам совершенно иную стадию в развитии якутского героического эпоса, а также вызвать основательное подозрение в существовании у якутов ко времени прибытия русских особого центрального говора, по своим фонетическим признакам и лексическому составу, приближающегося к древне-турецкому диалекту. И этот первый, по времени историк якутов, фольклорист и лингвист, пожалуй, заслуживающий

звания «отца научной якутологии», по какой-то несправедливости судьбы оказался забытым.

В доступной нам литературе по истории якутов мы не нашли ни единой строчки, посвященной историческим прогнозам Страленберга. «Полтавский герой», в качестве историка якутского народа, предан полному забвению. Право первого почина по научной разработке истории якутов, обычно, приписывается профессору Миллеру, который шел по следам Страленберга. Не ведает о гипотезе Страленберга и Серошевский и позднейшие историки, В. И. Огородников и Н. Н. Козьмин. Мы имеем теперь и прямые заявления, закрепляющие научный приоритет за Миллером [1].

Забвение имени Страленберга, положившего первый камень в теории южного происхождения якутов, объясняется умолчанием о нем Миллера и Фишера, позаимствовавших его основное положение о родстве якутского языка с татарским. Особенно Фишер усердствует в отрицании ценности и важности труда Страленберга, который, по его словам, якобы, наполнен «многими безпутными слов произведениями» [2].

Однако, в современном урало-алтайском языкознании трудам Страленберга, этого вольного старателя науки, придается серьезное научно-историческое значение, о чем мы можем судить по следующему отзыву известного языковеда Н. Н. Поппе на «Первом Всесоюзном Тюркологическом Съезде» (1926 г. в Баку):

«Начало урало-алтайскому языкознанию, из которого впоследствии выросло алтайское сравнительное языкознание, относится к XVIII ст. Основание ему было положено выходом в свет замечательного для своего времени труда Strahlenberg'a, сделавшего много ценных наблюдений над языками целого ряда народностей... Труд этот замечателен, прежде всего, как первая попытка обосновать родство урало-алтайских языков... Страленберг выдвинул урало-алтайскую проблему и в этом—его заслуга» [3].

Конечно, вслед за Поппе и историк якутов обязан отметить: Страленберг выдвинул проблему прибайкальского и южного степного происхождения якутов, дав ей лингвистическое обоснование. Этим было положено начало якутской истории. Кроме того, «безпутные слова» Страленберга, в которых констатируются элементы генеологических сказаний якутов, как первые по времени записи, при всем их несовершенстве представляют из себя ценный и незаменимый вклад в науку.

3. ГЕРАРД МИЛЛЕР И ИОГАНН ФИШЕР.

С Петра I-го в правящих верхах появляется интерес к изучению истории завоевания Сибири, а также быта и нравов ее многоязычных туземных обитателей. В императорской России об истории Сибири заговорили тогда, когда составление «истории государства Российского» проходило еще подго-

---

1 См. сбор. трудов „Саха Кескиле". Вып. III. 1927. стр. 7

2 „Сибирская история". Стр. 5—6, прим, 4.

3 „Первый Всесоюзный Тюрколог. Съезд. Стен. отч. Баку 1926 стр. 106.

товительную стадию в работах предшественников знаменитого Карамзина. В этом явлении нет ничего странного, ибо оно вытекало в свое время из притязаний русского царизма на громкие титулы—«император» и «империя», с чем неохотно мирился культурный Запад.

Еще в древнем Риме все известные полководцы, завоеватели обширных и богатых провинций, закрепили за собой право устраивать пышные триумфальные въезды в столицу. Это был живой и красноречивый отчет полководца державному римскому народу, одновременно и иллюстрация его заслуг пред отечеством. Позже римские императоры триумфальный въезд в столицу превратили в исключительную прерогативу своей священной особы, как главы государства и войска. Нельзя сомневаться в том, что и описание «царства Сибирского», составившее целую эпоху в истории научной деятельности вновь учрежденной Академии Наук, было ни чем иным, как разновидностью того же императорского триумфа коронованных особ, которым обычно посвящались эти труды. Проф. Миллер свое сочинение «Описание царства Сибирского» посвятил императрице Елизавете, а работа Георги «описание обитающих в Российском государстве народов» была посвящена Екатерине 2-ой. Точнее говоря, здесь шла речь о выявлении исторических заслуг царей Романовской династии, присоединивших к России обширную Сибирь и расширивших ее пределы до Великого океана, чуть не до стен «недвижимого Китая». Этим самым обосновывалось право российских венценосцев носить громкий титул «император», ибо культурный Запад был, несомненно, сильно озадачен дерзостью отсталых «московитов» поставить свое государство рядом «со священной Римской империей». Вот почему к триумфальной колеснице российских императоров был прицеплен довольно длинный обоз из «инородцев Сибири», имена которых фигурируют в числе победных трофеев «российского оружия».

Первый историограф Сибири, проф. Герард Миллер в своем капитальном труде «Описание Сибирского царства», изданном в 1750 г., уделяет внимание и якутам, притом, по преимуществу, с точки зрения разъяснения их далекого исторического прошлого, находя последнее весьма достопримечательным:

«Из всех сибирских инородцев, что касается до происхождения, нет такого достопамятного, как живущие внизу реки Лены якуты, которых язык и телесный вид довольно являют, что они и татары из древних лет один народ были».

«Не малое затруднение», проистекающее, по мнению Миллера, «от разобщенности жилищ» якутов и татар разъясняется «древней повестью» первых:

«Они сказывают, что в древние времена предки их с мунгалами и бурятами, которые им по именам только знакомы, в соседстве жили, но прогнаны от них войной, после чего они вверху реки Лены со своим скотом на плоты сели и около Олекмы и Якутска поселились, а потом и по прочим, ныне обитаемым, местам расселились».

По Миллеру, «сия повесть есть, подлинно, не без основания». Об этом он умозаключает по следующим соображениям:

«Я заподлинно полагаю, что в произведении народов никакое доказательство столь достоверно не будет, как то, которое от их языка возмется. Наперед уже объявлено, что надлежит из языка рассуждать, что якуты с татарами один народ были. Однако, тот же язык имеет в себе и много мунгальских слов и таких, которые с диалектом бурятским сходны. Из сего прежние их жилища подтверждаются, о которых якуты объявляют, что они с бурятами вместе жили».

«Состояние верхних мест реки Лены служит еще к доказательству, что такой народ, который в степях обык жить и по большей части от скота пропитание имеет, ни чем иным, как только войною и, яко в отчаянии будучи принужден, стал при оной реке свое жилище выбрать, ибо она течет там между крутыми и высокими горами, где для многого числа скота довольно угодьев нет»[1].

Позднейшие историки якутов (Серошевский, Кочнев, Аристов и Козьмин), невнимательно разобравшись в текстах Миллера, приписали ему авторство гипотезы о минусинском происхождении якутов. Но, однако, приведенные выше рассуждения Миллера не уполномочивают нас на такое заключение. Он очень охотно увязывает прошлую историю якутов с какими-то «татарами», но этому этническому обозначению придает довольно широкое значение, которое ни в коем случае не ограничивается понятием минусинских или красноярских татар. (Ныне они известны под названием «хакасов»). Мы имеем даже прямое указание Миллера, что древние родичи якутов совсем не южно-сибирские татары. Вот это место:

«Когда татаре начало своего имени производят от владельца Татар-Хана, который, как сказывают, произошел в 7 колене от Яфета, Ноева сына, то весьма примечания достойно, что якуты между богами, которым они поклоняются, имеют и такого, которого именем сего древнего татарского владельца называют... И по тому видно, что оная повесть не в наши дни пронеслась, но по крайней мере с того времени, как сей народ с оставшимися татарами и мунгалами кочевали вместе»[2].

По поводу Татар-Хана Миллер ссылается на сочинение Абуль-Гази. Ознакомившись с Абул-Гази, Миллер не мог не знать, что западно-турецкие ханы, в том числе и сам Абуль-Гази Багадур-Хан, производят себя от монгольского Чингис-Хана. Кочевание якутов вместе с татарами Абуль-Гази и мунгалами совсем не ведет их через водораздел Ангары и Енисея в Минусинский край. Если Миллер признал, что какой-то легендарный предок якутских владетельных князей, превратившийся в божество, есть тот же мифологический персонаж, от которого производили себя западно-турецкие ханы и

[1] Опис. Сиб. царст. Спб. 1787. Изд. 2 стр 21.
[2] Там же. 22 стр.

чингизиды Монголии, то его исторические воззрения о прошлом якутского племени нельзя комментировать иначе, как приписав ему мнение об исходе якутов из степей древней Монголии.

Историческая работа Миллера состояла из 23 глав, из которых в его «Описании Сибирского царства» вошли только шесть глав, а остальные 17 глав, со всеми неиспользованными им источниками в рукописи, были переданы академику Иоганну Фишеру с просьбой переложить эту работу в сокращенном виде и продолжить до позднейшей поры[1].

Фишер в своем историческом труде, написанном по-немецки, указал в предисловии, что эта сокращенная история Сибири составлена по просьбе историографа Миллера и на основании материалов, вывезенных им из своего сибирского путешествия.[2] Но в русском переводе Фишеровой истории упомянутой оговорки о происхождении книги сделано не было, поэтому, говорит проф. Огородников,—«русские читатели, знакомые с книгой Фишера по ее русскому переводу, долго думали о ней, как о труде совершенно самостоятельном, тогда как она была простым сокращением сибирской истории Миллера, доведенной, правда, до начала 1660-х годов»[2].

Ввиду указанных разъяснений мы вправе в Фишеровском сокращении труда Миллера искать более подробных комментариев к изложенным выше тезисам этого ученого по вопросу происхождения якутов. История Фишера интересна в том отношении, что она сопровождается обширным введением, в котором широкими мазками набрасывается общая картина исторических взаимоотношений кочевых народов центрально-азиатских степей и аборигенов таежной Сибири. Это введение приводит в полную ясность отрывочные суждения Миллера и Фишера, помещенные в особом разделе их труда, относящемся собственно к якутам. Фишер, касаясь происхождения якутов, почти буквально повторяет все утверждения Миллера. Поэтому мы лишены возможности различать суждения того и другого историка.

Фишер при составлении своего введения использовал, главным образом, названный выше труд Абуль-Гази—«Родословная о татарах история», сочинение иезуита Гобиля «История о владении монголов» и «История Чингис-Хана» Петн-де-ла-Круа, а также описание путешествий Рубруквиса, Марко-Поло и Плано-Карпини. На основании этих, сравнительно скудных, материалов автор или авторы (Миллер-Фишер) предвосхищают почти целиком основные достижения новейшей ориенталистики по истории древних народов центральной Азии. Во всяком случае, они более подготовлены для разбора исторического прошлого якутов, нежели целая серия позднейших авторов, (Серошевский и др.), высказывавшихся по данному вопросу, даже и не подозревая о существовании сочинения Абуль-Гази.

Во-первых, они констатируют передвижение кочевых племен из глубин монгольских степей, пограничных с великой Китайской стеной, в западном направлении. Они совершенно правильно устанавливают, что манчжурское племя Кара-Кидане, в до-чингисову эпоху владевшее Туркестаном вплоть до

[1] Огородников. Очерки истории Сибири. Ч. I. Иркутск 1920, 51 стр.
[2] Там же. 52 стр.

Каспийского моря, переселилось на запад из Южной Манчжурии, уступив владычество над Северным Китаем другому манчжурскому племени Ниуче (Нюй-чжи или Чжур-чжени). Точно также и многочисленные татарские племена, наводнившие западные страны, по их мнению, вышли из той же Монголии в эпоху Чингисовых завоеваний и позже при его преемниках. Вот что, например, они заявляют о роли татар в эпоху монгольских завоеваний:

«Может так же статься, что, так называемых, татар в войсках Чингис-Хановых было гораздо больше, нежели самих моголов. О преемнике Чингис-Хана Оготае объявляется, что у него было больше полутора миллиона солдат. Заподлинно принять можно, что между сим неслыханным множеством была едва десятая часть настоящих моголов»[1].

...«А что по времени имя татар смешалось с моголами и верх одержало, то может быть произошло от того, что татара, по приведении Чингис-Ханом всех их поколений под одну власть, в войсках его и наследников его, служили в гораздо большем числе, нежели самые моголы»[2].

Интересно также мнение наших историков о древних местожительствах могол и татар. Они совершенно правильно комментируют сбивчивое показание Рубруквиса о древнем местожительстве основного ядра монголов Чингис-Хана:

«Рюбрюкис объявляет, что настоящее отечество моголов, и место, где Чингис-Хан кочевал, называлось Манхеруле, или, как он в другом месте говорит, Онамхеруле. Трудившиеся над чтением Рюбрюкисовых путешествий по сих пор пренебрегали сие слово, как не вразумительное. Но оно не иное, что есть, как испорченное сложение имени обеих рек О н о́ н а и К у р у л а н а, (К е р л о н а). А что в сих местах было настоящее древних моголов жилище, свидетельствует везде китайская история о их владетельном поколении»[3].

К тому же выводу пришли все новейшие знатоки древней истории монголов. По поводу раннего местожительства другого крупного отдела монгольского племени, ойратов или ёлётов, Миллер-Фишер, после некоторого колебания между верховьями Амура и Желтой рекой, остановились на последней, толкуя сообщение Абуль-Гази о проживании ойратов на восьмиречии, которые, якобы, вливаются в большую реку Икран-Мурэн[4].

В этом пункте наши историки, несомненно, заблудились благодаря неточности передачи во французском переводе текста Абуль-Гази. В новейшем русском переводе Саблукова (1914 г.) значится «Айкара-Муран» вместо Икран-Муран. Кроме того, в настоящее время точно установлено, что Абуль-Гази большую часть своих исторических сведений позаимствовал у персидского историка Рашид-Эддина, выступая в роли его компилятора. У последнего автора, вместо «Айкара», значится совершенно ясно «Ангара-Мурэн» (Мурэн—по-монгольски значит—река):

---

1 Фишер. Сибир. ист. Спб. 1774 ст. 17—18.
2 Там же. 89 стр.
3 Там же. 18.
4 Там же. 25—29.

«Юрт и жилище этих племен ойратских было восьмиречье: в древности на тех реках обитало племя Тумэт. Из того места выходят реки, все вместе соединяются, и образуется река, которую называют Кем и после того впадает в Ангару-Мурэн. Имена тех рек суть: Кокэ-Мурен, Он-Мурен, Хара-Усун, Ибэй—Усун, Ухут-Мурен, Ук-Мурен, Хорха-Мурен, Чаган-Мурен»[1]

Конечно, не может быть никакого сомнения в том, что здесь речь идет об Ангаре и Верхнем Енисее, известном у туземных народов под названием Кэм. Иными словами, предки ойратов до переселения в Западную Монголию проживали в Урянхайском крае и отчасти, может быть, на северном склоне Саянского хребта, где протекает много рек, впадающих в Ангару.

Миллер-Фишер точнее помещают «уйратов»—«у самого Гоанга выше земли Ортусской», т. е. к западу от Ордоса, приблизительно в Ала-Шани.

Теперь интересно узнать, где они размещают татар.

К числу татар они, между прочим, причисляют и «Караитскую орду». (Кераит), «которая имела жилища по реке Толе и Орхону» и в начальный период Чингисовой эпохи находилась под управлением «Унк-Хана» или «Тогруля»[2].

К татарам же причисляют и найман, которые жили «на западной стороне древних и природных подданных чингис-хановых[3], которые, по словам Миллера-Фишера, очутились в составе узбеков «в великой Бухарии и Хорасмии».

Наши историки думают, что и «киргизы и они жили всеконечно недалеко от Китайской стены»[4]. Они предполагают также, что «все поколения, которые именуются киргизами, одного происхождения». «Особливо вышепомянутые бурутские киргизы (т. е. современные кара-киргизы) с соседними киргизами составляют бесспорно один народ»[5]. К тому же народу причисляют они и тех киргиз, которые «появились паки в верьху у рек Кема (или как ее россияне называют Енисея) у Абакана, Белого и Черного Июса (которые места принадлежат ныне к Красноярскому уезду)[6]. Время рассеяния киргизов из своего древнего местожительства наши авторы с некоторым сомнением относят к смутной эпохе, когда началась вражда между потомками Чингис-Хана, Огодая и Тулуя[7].

Местожительства других татар, не определяя их племенных наименований, предполагают в разных местах Монголии: на северо-западе от Китая в верхних местах реки Гоан-го, у озера Боронор (Бунр-нор Г. К.), другие у Онона, какие то «белые татары», по данным китайской истории, помещаются к юго-востоку от Алтайских гор[8] (со ссылкой на Гобиля). Уйгуров авторы

---

[1] Рашид-Эддин, Истор. монголов. Введ. о турец. и монг. плем. труды Вост. Отд. Имп. Арх. Общ. Ч. V. 1858. стр. 78—79.

[2] Там же, 16, 44 и 48 стр,

[3] Там же. 56 стр.

[4] Там же. 54 стр.

[5] Там же. 59 стр.

[6] Там же. 57 стр.

[7] Там же. 63 стр.

[8] Там же. Прим. 66 на стр. 89.

тоже причисляют к татарам и их раннее местожительство указывают «в земле Турфанской»[1]. Наконец, еще каких-то безыменных татар, следуя Абуль-Гази, помещают в земле, «ныне Ортус называемом», т. е. в Ордосе за Гоанхо[2].

И так, по мнению Миллера-Фишера, главная масса турко-татар до эпохи возвышения Чингис-Хана обитала в пределах Монголии в ближайшем соседстве с монголами. Причем первые по своей численности должны были чуть не в десять раз превосходить последних.

Любопытно еще одно соображение авторов:

«Древние татара, как которые монголам были соседи, содержали такие же обыкновения и ту же веру, что так же явствует из взаимного снесения праздничных дней и других церковных обрядов у якут и языческих татар. Но в рассуждении махуметанских татар другое должно утверждать, ибо, принятая ими, новая вера принудила их оставить стези своих предков»[3].

Здесь авторы ссылаются на старинный обычай якутов при смерти знатного господина сжигать на костре его любимца, каковой обычай сопоставляется с сообщением Марко-Поло о погребальных обрядах монгольских ханов, для посмертного служения которым хватались «кто ни попадется в дороге и умерщевлялись».

Это место для нас особенно интересно потому, что якуты не только не исключаются из числа татар, когда-то живших в Монголии, но даже выделяются из среды прочих, как наиболее отчетливо сохранившие следы своего соседства с древними монголами. К тем же преимущественным признакам проживания якутов в Монголии, само собой разумеется, нужно относить и особенность их диалекта, а именно, обилие монгольских слов, о чем говорит Миллер. Опять-таки, по мнению историка, якуты оказываются, по преимуществу, древнейшими обитателями Монголии и притом самым ближайшими к монголам.

Слова историка—«сей народ с оставшимися татарами и мунгалами кочевали вместе», «в степях обыкли жить», «по большей части от скота пропитание имеют»—разве еще могут нуждаться в более ясных комментариях?

Все выселения турецких племен из степей Монголии историки, повидимому, склонны связывать лишь с эпохой возвышения монголов при Чингис-Хане и его ближайших потомках. Это положение, пожалуй, можно рассматривать, как наиболее слабое место в исторических построениях Миллера-Фишера, но в данном случае мы пока суживаем нашу задачу лишь уяснением их теоретической позиции. По частному поводу о якутских переселениях в бассейн средней Лены, мы уже имели случай установить точку зрения Миллера: «Ни чем ином, как только войной и, яко в отчаянии, будучи принужден стать при оной реке». Иначе говоря, татары вытеснялись монголами силою оружия. У Фишера мы находим повторение той же мысли:

---

1 Там же. 56 стр.
2 Там же. 54 стр.
3 Там же. 66 стр.

«Сие (переселение) по всему видно возпоследовало в великую при Чингис-Хане перемену, при которой побежденные народы по большей части во все искоренены были, а победители поселились в землях побежденных. Что сие самая правда, о том легко можно удостовериться из девятой части Абуль-Газовой истории, в которой находим мы народов, кои прежде Чингис-Ханова нашествия жили в Монголии, а потом переселились к Каспийскому морю, или к рекам Аму, Сирту, или в землю Канчакскую, Персидскую, Багдатскую и в др.»[1].

По мнению авторов, и второстепенные отделы самого монгольского племени, как, например, буряты, которые около озера Байкала «всеконечно пришельцы», и ойраты-калмыки (между прочим, эти оба народа прежде составляли якобы один народ) вытесняются из глубин Монголии войною же. Таким образом, Чингис-Хан становится источником общих бед как для турецких племен, так и для одной части самих монголов.

«На сороковом году возраста своего он приходит в знать и, покоря себе сперва все турецко-татарские поколения, напал и на прежде бывшаго своего государя Алтан-Хана (Император Северного Китая из племени Нюй-чжи. Г. К), которого одолев, продолжал далее свои победы»[2].

Другая причина выселения татар из Монголии усматривается историками в завоевательных предприятиях монгольских властителей:

«По смерти Чингис-Хана большая часть монгольских татарских орд, оставя старинные свои жилища, переселилась на другие места, не по собственной, правда, воле, но понеже завоеванные земли разделены были между потомками сего великого победителя, за которыми монгольские и татарские народы необходимо следовать, и новым государям для защиты и охранения служить долженствовали: ибо иначе не можно бы было ни побежденных народов удержать в послушании, ниже завоеванных земель и крепких мест сохранить»[3].

В отношении переселения якутов на север основные мысли историков теперь уясняются вполне отчетливо. Татары выселяются из Монголии в период предварительных войн Чингиса, когда он, покоряя их, создавал и укреплял свою власть. Тут бегут те, которые не хотят подчиниться новому повелителю. Беженчество развивается в двояком направлении—на запад по степям и на север в Южную Сибирь. Второе выселение татар, так сказать, плановое, по предначертаниям преемников Чингиса. Переселенцев второго порядка, само собой разумеется, нужно искать в тех странах, куда распространялись завоевания чингизидов. Очевидно, татар-якутов нужно относить к первой категории, т. е. к беженцам от войн Чингиса. Повидимому, в таком же порядке часть киргизов попадает за Саяны в Минусинский край. Точно так же калмыки ойраты оттесняют телеутов (алтайцев) на север.

Общую историческую концепцию Миллера-Фишера можно понять в том смысле, что турко-татарские племена впервые появились на территории

---

[1] Там же. 31 стр.
[2] Там же. 16—17 стр.
[3] Там же. 56 стр.

Южной Сибири в период чингисовых войн, т. е. в конце XII-го и в начале XIII-го веков по Р. Х. и позже. Во всяком случае, мы нигде не находим оговорок, которые допускали бы более раннее появление татарских племен в пределах Сибири. Точно так же авторы не заикаются и о возможности существования в этих краях татар-аборигенов.

По вопросу о том, в какую историческую эпоху якуты под давлением бурят покинули область Предбайкалья, у Миллера-Фишера мы не находим никаких указаний. Повидимому, это событие предполагается намного позже смерти Чингис-Хана, ибо якуты, якобы, некоторое время прожили по соседству с бурятами.

В какой же части степной Монголии Миллер-Фишер помещают прародину якутов? Этот вопрос, повидимому, по недостатку исторических данных, они оставили открытым. Но тем не менее в их трудах мы находим намеки на то, что и этот вопрос не ускользнул из их внимания. Мы позволим себе привести здесь еще одну цитату, в которой сохранился след их раздумий:

«Абуль-Гази-Хан... упоминает о татарах, как о многолюднейшем народе между всеми турецкими поколениями: он говорит еще, что разделились они на разные части, и что одна из них имела тяжкие войны с китайцами; что все весьма хорошо согласует с китайскою историею, так же Есукай, отец Чингис-Хана, и Чингис-Хан сам имел кровопролитные войны с одним из татарских поколений. Наконец, по мнению моему, не малой важности сие, что якуты считают между богами своими Татара; ибо по тому с вероятностью можно догадываться, что сей татар как якутов, так всех других татарских орд, которые не вместе, но по разным, далеко между собою отстоящим, местам в рассеянии жили, конечно, был праотец».

Дальше, историки выражают сомнение по поводу рассуждений Абуль-Гази о том, чтобы «Татар и Могол, праотцы обоих по нем названных народов, были два родные братья, ибо монгал очень много разнится от татарина наружным видом и языком»[1].

По нашему мнению, «не малой важности сие» упоминание имени якутов и их общего с татарами предка на том самом месте, где говорится об особых «кровопролитных войнах» Чингисова рода с одним татарским поколением. Очевидно, историков очень соблазняла мысль сблизить якутов с теми татарами Абуль-Гази, которые имели особенно упорную вражду с монголами еще со времен Эсукай-Багадура, отца Чингис-Хана. Это место в сочинении Абуль-Гази заимствовано у Рашид-Эддина, который во введении к своей «истории монголов» трактует о борьбе Чингисова рода с «Бопр-норскими татарами».

Не лишено интереса и то обстоятельство, что Миллер по каким-то своим соображениям счел нужным скрыть от читателей известный ему факт, что по своим антропологическим признакам буряты и якуты не различимы друг от друга. Прожив среди якутов целый год и проехав через Бурятию, проф.

---

1) Там же. 88—89 стр.

Миллер не мог не заметить этого обстоятельства. Сопоставьте с этим, приведенное выше, место «монгал очень много разнится от татарина наружным видом и языком», ввиду чего нельзя их рассматривать, как родных братьев. Но, однако, Миллер свое повествование о прошлом якутов начал с утверждения—«язык и телесный вид (якутов) довольно являют, что они и татары из древних лет один народ были». Профессор дает заведомо неверное освещение фактам, несомненно, по соображениям научной стратегии, чтобы ученые, знающие почти европейскую наружность западных турко-татар, не отнеслись подозрительно к его теории о близком родстве якутов и древних татар. Но с другой стороны, очевидная для него истина о чисто монгольском «телесном виде» якута дала ему полную уверенность в том, что они в древности из числа всех татарских племен должны были быть самыми ближайшими соседями монголов и бурят, чтобы получить от них свое монгольское обличие. Тот же монгольский облик якута подсказал профессору мысль и догадку о том, что в его языке имеется «много мунгальских слов и таких, которые с диалектом бурятским сходны». Это положение мог бы высказать лишь современный лингвист, знакомый со всеми тонкостями монгольских и турецких наречий. Между прочим, еще ни один турколог до сих пор не решился утверждать, чтобы якутский язык был ближе к бурятскому диалекту, чем к другим монгольским наречиям. Все изложенное характеризует очень выпукло научные воззрения Миллера на древнюю историю якутов. Якуты самые близкие к древним монголам турки, ибо омонголились по типу и по языку. Из близости рождается и ярая, непримиримая вражда, ввиду чего якуты, когда монголы при Чингис-Хане пришли в силу, «в отчаянии будучи» бегут на север в Предбайкалье и дальше войною же принуждаются «при оной реке (Лене) свое жилище выбрать».

Миллер-Фишер во всяком случае были твердо уверены в том, что общение якутов с монголами было настолько тесное и длительное, что нельзя было бы отличить их от последних, если бы не сохранился язык: «Сумнительно от монголов ли они произошли или от татар, ибо с обеих сторон являются важные основания, и равномерно вероятные».

«Но остался еще один (довод), который берется от языка, и сим должно решиться дело»[1].

Позволительно теперь задаться нам вопросом, на каком же основании якутоведы (Серошевский, Кочнев, Аристов и Козьмин) навязывают Миллеру и Фишеру авторство теории исхода якутов из Минусинского края? При поверхностном ознакомлении с трудами обоих историков, а именно, при беглом и отрывочном просмотре двух-трех страниц, посвященных собственно якутам, действительно может создаться такое впечатление, что Миллер и Фишер допускают самое близкое родство между якутами и минусинскими татарами. Лишь, проштудировав целиком всю историю Фишера, можно понять, что оба

[1] Там же. 64. 67 стр.

автора прошлое якутов увязывают с общими историческими судьбами всех турко-татарских племен, которые лишь в эпоху чингисовых войн эвакуировались из степной Монголии. Фишер историю Сибири излагает в пяти книгах, предпослав им введение в 106 страниц, в котором намечаются общие контуры прошлых судеб туземных народов Сибири. Внимательно не изучив эти 106 страниц, нельзя понять общей мысли историка, что турецко-татарские народы рассматриваются им не как коренные обитатели Сибири, а как недавние пришельцы из степной Монголии, не исключая и якутов, отступивших не особенно давно с юга на север в зону оленеводческого хозяйства. В до-монгольскую эпоху историки, повидимому, допускают турецкие переселения по степям в западном направлении, что видно, например, из признания ими в мадьярском языке татарских элементов, принесенных, якобы, «в древние времена уйгурами»[1].

У Фишера имеются достаточно определенные заявления о том, что ни татары и ни киргизы не являются коренными обитателями южных частей б. Енисейской губернии. Остатками древних насельников этого края признаются им малые народности—котовы, ассаны, арины, камаши и койбалы, по языкам родственные с северными остяками и самоедами, которые раньше должны были обитать южнее. Мы приведем эти места из Фишера:

«Они (котовы)... говорят почти тем же языком с ассанами. Но арины и остяки у Енисея, хотя и имеют в своем языке несколько котовских слов, однако, весьма разнствуют не токмо от них, но и между собою в языке. Чаятельно можно бы было между самоядью у Ледовитого моря, которые живут между реками Енисеем и Леной, найти следы языка сих народов. Не без вероятности догадываться можно, что сии народы суть древнейшие обитатели средней Сибири, из которых иные, киргизами выгнанные, ушли к Ледовитому морю, а другие, оставшиеся, приведены под их власть»[2].

«Как арины, котовы и ассаны с Енисейскими остяками, так же с Мезенскою и Югорскою самоядью имеют в языке некоторое общество, что наиболее явствует из сравнения их чисел... Камаши—древнейший народ средней Сибири, и по времени, пришедшими вновь другими народами, притеснен к северу, и, наконец, принужден был удалиться и к Ледовитому морю»[3].

В примечании 51 на стр. 271 указывается, что арины в древнейшие времена жили у великой реки Кема, именуемого ныне Енисеем от устья Качи до порогов и что многие из них забыли старинный свой язык и говорят по-татарски.

«Томские остяки и камаши жили прежде сего вместе и составляли один токмо народ, хотя ныне живут далеко друг от друга. По всему видно, что они остатки древних жителей в средней Сибири, из которых часть, боясь татар, пошла в ближайшие к северу старны. Живущих там ныне называют

1 Там же. 99 стр.
2 Там же. 285, прим. 64.
3 Там же. 287 стр. прим. 65.

самоядью»[1]. В приложенной карте Сибири (Таб. I и II)—камаши, аринцы, ассаны и котовы показаны в числе жителей южных частей б. Енисейской губ., наряду с татарами и киргизами. На 74 странице Фишер, возражая Страленбергу, который роднит остяков, обских и енисейских, с самоедами, а тех и других производит от финнов, говорит:

«Может статься, что остяки у Тома и живущие у рек Кана и Маны камаши с Пустозерскою или Югорскою самоядью—одного происхождения, ибо они имеют почти половину одинаких слов с ними. Но я не соглашаюсь на это мнение, что они от Ледовитого моря переселились в южные страны, а напаче думаю, что они древние и первоначальные жители средней части нынешней Сибири, и что таким образом, не они отделены от самояди, но напаче самоядь может почесться за отдельные их поколения, которые, боясь татар, а напаче киргизов, которые нападают на них неприятельски, вышли оттуда к Ледовитому морю, а остальные приведены в рабское состояние. Таким образом, конечно, заняты берега Ледовитого моря, которые иначе для ужасной стужи и совершенного неплодородия может быть вечно оставались бы в запустении».[2]

На стр. 85 он пишет: «Как татара овладели Сибирью, то скоре по примеру многих древних народов стали себе воображать, что они от бога и от естества одарены пред другими людьми, конечно, некоторыми преимуществами и так вкоренилось в них презрение к побежденным народам».

Мы уже отмечали, что Миллер-Фишер эпоху распыления татарских орд приурочивает ко времени деятельности исторического Чингис-Хана, а расселение киргизов, появившихся в долине южного Енисея и Абакана, даже к более позднему сроку возникновения междуусобий среди его потомков. Следовательно, тогда же должен был начаться отход остяков и самоедов на север и отатаривание их остатков—камашей, котов, аринов, ассанов и койбал, «приведенных в рабское состояние».

Теперь мы укажем на одно место в трудах Миллера-Фишера, которое дало некоторое основание к неправильному истолкованию исторических воззрений этих авторов о происхождении якутов.

Проф. Миллер, настаивая на татаризме якутов, между прочими аргументами приводит и следующий:

«Между прочим надлежит здесь упомянуть и из описания народов, коим образом якуты называют себя соха, с чем весьма изрядно сходствует, что между татарами Красноярского уезда имеется, небольшое поколение, которое тем же именем называется».[3]

Здесь Миллер, несомненно, имеет ввиду тот отдел минусинских тюрков, который известен под названием «сагай» или «сагайцы». «Саха» и «сагай»,

---

[1] Там же. 84 стр.
[2] Там же. 74 стр.
[3] Миллер. 22 стр.

конечно, «весьма изрядно сходствует». Проф. Н. Н. Козьмин думает, что Миллер сравнивал наименование якутов «соха» с именем одного из родов минусинских татар «соххы» или «сохы». Но мы не имеем никаких данных утверждать, что последнее название было известно Миллеру. Первые историки Сибири, конечно, не имели возможности устанавливать названия мелких родов или сюёков. А племенные подразделения минусинских татар на «Качских» (качинцы), «Сагайских», «Кизиллы» Миллеру-Фишеру хорошо известны. Название «Сагайские татары» крупным шрифтом обозначено и на карте, приложенной к истории Фишера, упоминается о них неоднократно и в тексте. Что же касается пресловутого «соха» в отношении якутов, то это название, по всей вероятности, является продуктом какого-то недоразумения, ибо даже Страленберг точно зафиксировал племенное название якутов «цаха-саха». Здесь, надо полагать, у Миллера имеет место простая опечатка или описка, своевременно не замеченная автором или результат порчи рукописных материалов.

Нигде в трудах Миллера, кроме приведенной цитаты, мы не находим указаний на то, чтобы он прародину якутов помещал в Красноярском уезде. Что же касается, приведенной выше, лингвистической справки Миллера, то, во-первых, он приводит ее «между прочим» и, во-вторых, не делает из нее никаких исторических выводов. Он даже остерегается прямо утверждать, что «небольшое поколение» минусинских татар, сонменное с якутами, является родичем последних. В самом деле, сходство имен можно толковать по разному: это—маловажная случайность, которой историк не придает серьезного значения, чтобы разбираться в ее происхождении, или, когда «саха» жили совместно с бурятами около Байкала, их небольшая часть пробилась на запад и осела в долине южного Енисея, или, наконец, когда «саха» кочевали в степях Монголии, совместно с мунгалами и татарами, от них отделилась маленькая ветвь, которая раньше или позже через Урянхайский край попала в Минусинские степи. Можно толковать и так: часть «саха», сдавшаяся монголам Чингис-Хана, могла быть направлена за Саяны с монгольскими частями при покорении Чингис-Ханом Минусинского края с его киргизскими властями и осталась там в качестве монгольского гарнизона.

Вообще, в связи с общими историческими воззрениями Миллера-Фишера на древние взаимоотношения монголов и турко-татар, о чем мы достаточно подробно говорили выше, по поводу разъединения саха-якутов и сагайцев, можно высказать сколько угодно гипотез.

Фишеровское сокращение истории Миллера, как известно, было написано по-немецки, а потом переведено на русский язык. В русском издании Фишера упомянутое замечание Миллера, приняло следующую форму:

«Между татарами Красноярского уезда остался еще один малый род, который называется «соха», так как якуты».[1]

Вот это случайное словечко «остался», весьма возможно, неудачно введенное переводчиком Голубцовым (к сожалению, мы не имеем под рукой немецкий текст Фишера, чтобы проверить точность перевода), и нужно рассма-

[1] Фишер. § 60.

тривать, как камень преткновения новейших знатоков якутской истории, которые на нем построили псевдо-миллеровскую гипотезу об енисейском происхождении якутов.

И так, если Миллер и Фишер не могут быть признаны основоположниками теории южного происхождения якутов, то еще того менее они причастны к минусинской гипотезе.

Миллеру и Фишеру можно приписать только дальнейшее развитие и более глубокое обоснование гипотезы Страленберга об исходе предков якутов из монгольских степей с приурочением даты их переселений к эпохе возвышения монголов при Чингис-Хане.

Труды этих авторов создали целую эпоху в развитии якутской историографии и в течение почти полутораста лет служили общим руководством для всех последующих работников, интересующихся вопросом происхождения якутов. Они подошли к делу как настоящие историки, давши свод обоснованных и систематизированных знаний с использованием всех источников, доступных по состоянию науки того времени. Самое достоверное доказательство они видят в данных языка якутов и в их «телесном виде», т. е. в их антропологических признаках. Наряду с этим они обращают внимание на экономику, то—чем народ живет, из чего извлекает пищу, как он «обык» хозяйничать. На втором плане, повидимому, они ставят народное предание, называя его «древней повестью», а также религиозные воззрения и обычаи народа. («Божества» и похоронные обычаи).

В лингвистических показателях они обращают внимание на монгольские примеси в якутском языке, выдвинув этот вопрос, как программный тезис для будущих исследований. У Фишера мы находим и ссылку на слово «байкал», которое в якутском языке будто бы значит «богатое озеро».[1] (Это неверное мнение, между прочим, до наших дней не сходит со страниц научных работ, ставши притчей во языцех).

Собственно якутские источники они дополняют параллельным изучением известных писаных памятников по истории центрально-азиатских степных народов, придавая им более решающее значение. Метод изучения исторического прошлого якутов, путем смычки его с общими судьбами исторических народов центральной Азии, особенно ярко проявившийся во вводной части труда Фишера, до сих пор не нашел ни сознательного отношения к себе, ни критиков, и тем более продолжателей. В какой мере Миллер-Фишер правильно поняли далекое прошлое якутского народа, мы не можем решать до приступа к подробному изучению этой сложной проблемы на основании всех, обнаруженных в наши дни, научных материалов.

Бесспорная научная заслуга Миллера и Фишера заключается в том, что они поставили якутскую проблему, признав в якутах, так сказать, чуждый элемент среди коренных обитателей Сибири и завещав позднейшим исследователям свое убеждение, что они в прошлом были номадами-степняками.

---

[1] Фишер. 547 стр.

В частности, касаясь заслуг профессора Миллера, мы должны отметить, что именно ему мы обязаны первым печатным зафиксированием общего остова якутской легенды об Омогое и Эллэе. В тексте своей истории, как мы видели выше, он ограничился приведением резюме этой легенды в том виде, в каком она жила среди объякученных старожилов г. Якутска, т. е. с по-русски интерпретациями по поводу бегства якутов от бурятских притеснений. Более подробный текст этой «древней повести» опубликован в труде одного из товарищей Миллера по Камчатской экспедиции, Иоганна Гмелина—«Reise durch Sibirien.[1]

Мы имеем основание думать, что это предание записано самим Миллером и передано Гмелину для опубликования. Миллер, как ученый историк, опирается на эту легенду, как на одно из важных доказательств своих научных воззрений на прошлое якутов. Поэтому он, конечно, был заинтересован в том, чтобы ученые коллеги, историки, не заподозрили его в фабрикации, нужных для себя, исторических фактов. Недаром проф. Миллер пытается уверить своих читателей, что:

«...оная повесть не в наши дни прославилась, но по крайней мере с того времени, как сей народ с оставшимися татарами и мунгалами кочевали вместе»... и что «сия повесть есть подлинно не без основания».

В труде самого Гмелина можно найти целый ряд указаний на то, что все этнографические наблюдения и записи по верованиям якутов производились профессором Миллером и что Гмелин присутствовал при этом лишь в роли простого зрителя. Так, например, Гмелин пишет: «Профессор Миллер заставил одного якутского шамана совершить свое фиглярство, при этом присутствовал и я. Была поставлена юрта».[2]

«Мы услышали о волшебнице, которая так прославилась. Профессор Миллер послал за ней и она явилась... И, так она показала свое искусство. До сих пор она жила и кормилась у проф. Миллера...»[3]

В настоящее время мы имеем и документальное доказательство того, что Гмелин—«этнограф» опубликовал материалы проф. Миллера. В. В. Попов в Московском архиве иностранных дел в портфелях Миллера отыскал тетрадь с заголовком—«Известие о шаманах или колдунах сибирских». Здесь Миллер дает протокольное описание всего хода якутского ысыаха, совершавшегося по их старинным верованиям. Этот материал опубликован в качестве приложения IV-го к труду В. Ф. Трощанского «Эволюция черной веры у якутов».[4]

В книге Гмелина мы тоже находим подробное описание, виденного им, якутского ысыаха, устроенного каким-то князем 31-го мая 1737 года в 14 верстах от г. Якутска. (Очевидно, в Багарацком или Орсюдском наслеге За-

---

1 Т. 2-й. Стр. 344—346.
2 Назв. раб. т. 2, стр. 351.
3 Там же. 493—499 стр.
4 Казань. 1902. Стр. 182—185.

падно-Кангаласского улуса). Сличая описание Миллера с немецким текстом Гмелина (Т. 2-ой, стр. 499—507), нетрудно убедиться, что они относятся друг к другу, как краткая дневниковая запись (Миллера) к ее позднейшей литературной обработке. Миллер отмечает все существенные фактические моменты виденного им ысыаха, а Гмелин расписал то же самое с небольшими, не идущими к делу, лирическими отступлениями, надуманными в кабинете. Если Миллер описал якутский ысыах, то тем более, интересующее нас, историческое сказание якутов должно было быть делом его рук, ибо праотец Эллэй почитается, как организатор первого ысыаха. Легенда об Эллэе, по существу говоря, есть ответ на вопрос о том, как и почему якуты начали устраивать свои ысыахи:

«А, это затеял наш праотец... Эллэй... Дело было так то и так то...»

И дальше следует рассказ о том, как он раньше жил где-то далеко на юге, бежал оттуда... Поплыл вниз по Лене, женился на дочери богача Омогоя, понаделал разную красивую посуду для кумыса и молока, а потом приступил к устройству, невиданного и неслыханного ранее якутами, празднества с держанием чаш с кумысом в честь богов и т. д.

Ввиду того, что запись легенды о прародителях якутов Миллером в Гмелинской редакции является первой по времени и остается до сих пор не использованной в этнографических работах, мы позволим себе привести ее полностью в русском переводе:

«У якутов существует старинное сказание о том, что их предки проживали в верховьях Лены. Будучи теснима бурятами, одна часть из них с семьями и скотом добровольно переселилась вниз по Лене. Часть якутов осталась по соседству с бурятами, оказывая им возможное сопротивление, но, наконец, и эти были поставлены в такое положение, что вынуждены были бросить на произвол судьбы все то, что имели, и даже не имели возможности совершить свое бегство на лодках, но поплыли по Лене, схватившись за первые попавшиеся бревна. Последние беглецы прибыли к тем своим соплеменникам, которые уже устроились ниже по Лене. Так как новые беглецы очутились в крайней бедности, то им пришлось приобретать себе имущество у своих же сородичей разными путями: кто женитьбой, кто работой; так как якуты были очень воинственным народом, то они, если не имели правых путей (к обогащению), разграбливали своих богатых соплеменников и обращали их в своих рабов. Так как дальше среди своих уже было некого грабить и им стало известно, что Патомские тунгусы зажиточные люди, то они изгнали их войной из той местности, где теперь стоит г. Якутск и где было их, якутов, собственное первое местожительство, точно так же и в местности Гусельма-Горы разграбили и уничтожили одну их большую часть. И теперь еще Патомские тунгусы и якуты, живущие на противоположной стороне Лены, находятся между собой в постоянных распрях. Якуты полагают, что Патомская местность принадлежит им так же, как и тунгусам, и потому ходят туда охотиться. Однако, тунгусы их часто прогоняют прочь, так как тунгус теперь много лучше владеет луком».

Ознакомившись с этой якутской легендой, нетрудно установить, что в основу ее положены апокрифические сказания русского населения г. Якутска, о которых мы говорили раньше. В приведенной переработке выброшены собственные имена легендарных праотцев якутского народа—Омогой-Бая, в данном варианте, добровольно переселяющегося в Якутский край от притеснений бурят, и Эр-Соготох Эллэй-Боотура, плывущего вниз по Лене на коряжине. Эти персонажи народных мифов, трудно сказать—по чьему произволу (русских сказителей, Миллера или Гмелина), размножились и представлены уже большими совокупностями. Однако, судьба легендарного Эллэя хорошо выдержана. Как известно нам, он прибывает к богачу Омогою одиноким бродягой, поступает к нему конским пастухом и устраивает свое благополучие, женившись на одной из его дочерей. По Миллеровской записи, последние беглецы из верховьев Лены тоже впадают в крайнюю бедность и приобретают себе имущество, кто работой, а кто женитьбой.

Нам не приходится сетовать на проф. Миллера за то, что он дал народной легенде историческое истолкование и, так сказать, раскрывает скобки мифологических сюжетов. Ученый редактор в обращении с фольклорным материалом оказался весьма деликатен и набросил на него столь тонкую кисею, что, как говорится, в якутских былинах о красавицах: «сквозь тело кости просвечивают, а сквозь кости мозги виднеются».

И так, мы теперь знаем, что якутская легенда об Омогое и Эллэе ровно двести лет тому назад, когда якуты еще не приняли христианства и не впитали в себя много чуждого элемента, в основном своем сюжете рассказывалась так же, как и теперь. Установление этого факта, конечно, есть непреходящая научная заслуга проф. Миллера пред якутской фольклористикой.

Касаясь трудов Миллера в деле развития якутской историографии, конечно, нельзя умолчать об его огромной работе по собиранию и охранению исторических актов, относящихся к истории завоевания Якутского края. Исторические акты, добытые им, полностью еще не опубликованы, а дело изучения и комментирования их, повидимому, и не сдвинулось дальше с той точки, на которой покинули их сам Миллер и его преемник Фишер.

Труженики науки, которые на двести лет вперед определили состояние якутской историографии, конечно, заслужили глубокую благодарность потомства и всех последующих работников, приступающих к продолжению их дела.

Глава II

ПОЗДНИЕ ИСТОРИКИ ЯКУТОВ

Если в XVIII веке происхождением якутов интересовались ученые иностранцы, то в XIX и XX веках мы встречаемся уже с их русскими учениками, которые дальше развивают краткие исторические замечания Миллера и Фишера на основе более близкого знакомства с якутским языком, преданиями, бытом и т. д. Из числа ученых деятелей, уделивших внимание вопросу происхождения якутов и уяснению путей их древних переселений, можно назвать в порядке хронологической последовательности появления работ следующих авторов—Н. Остолопова, неизвестного автора из «Русского Архива» за 1822 г., Н. Н. Щукина, В. Л. Серошевского, Н. А. Аристова, Д. А. Кочнева, В. Ф.Трощанского, Н. Н. Козьмина и В. И. Огородникова. Эти авторы выделены нами в особую группу от лингвистов, знатоков турецких наречий, Германа Вамбери, академиков Отто Бётлингка и В. В. Радлова, ввиду своеобразия и особенностей применяемого ими научного метода. Если лингвисты туркологи при определении происхождения и этнического родства якутов руководствуются, по преимуществу, данными сравнительного изучения языков,—якутского, остальных турецких наречий, древних и современных, а также и монгольского в грамматическом и лексическом отношениях, то упомянутые выше авторы пользуются в основном лишь одним, правда, тоже лингвистическим показателем, а именно, этническими терминами, которые сохранились в самом якутском языке как самоназвание племени. Таких терминов в современном якутском языке констатируется два: первый, существующий в открытом сознании народа и постоянно употребляемый в живой разговорной речи, это—«саха», второй термин—«ураангхай», появляющийся обычно в песнях, в эпической поэзии, в шаманских молитвах, или, как удачно выразился Серошевский, «в торжественных оборотах речи» и притом чаще в сочетании с первым термином—«ураангхай—саха» и «саха—ураангхай».

Э. К. Пекарский, составитель полного словаря якутского языка, термин «ураангхай» определяет как «старинное название якутского племени». По его мнению, в былинном языке слово «ураангхай»

равносильно понятиям,—«якут, человек, земнородный», но в сочетании «саха-ураангхай»—«люди—якуты, все племя, все якуты».[1]

Вот эти-то этнические термины «саха» и «ураангхай» группа названных выше историков—не лингвистов использует как решающие научные доказательства, которые предуказывают древнюю родину якутов и их ближайших родственников из числа ныне существующих турецких племен, ибо аналогичные и созвучные племенные термины обнаруживаются среди южносибирских и засаянских турецких народов, а именно, «сагай» в Минусинском крае, «уранхай» в Уранхайском крае, нынешней Танну-Тувинской республике. Более ранние авторы—Остолопов, неизвестный автор из «Русского Архива», Щукин, Аристов и Козьмин отдают предпочтение главному и обычному самоназванию якутов «саха», а другие—Кочнев, Трощанский и Огородников старинному и былинному термину «ураангхай». В. Серошевский, взвесив исторический смысл обоих этнических терминов при сравнении с их южными турецкими аналогами, останавливается в нерешительности и не знает, которому из них можно отдать предпочтение. Вопрос о южной родине якутов и их ближайших родичах он оставляет открытым. Однако, придавая решающее значение тому или другому этническому термину, каждый из авторов пытается подкрепить его целым рядом косвенных доказательств, позаимствованных из народных преданий, эпической поэзии и языка, ссылками на физико-географические условия края, на данные из истории древне-турецких и монгольских племен и т. д. Поэтому, чтобы получить ясное представление о путях развития якутской историографии, необходимо ознакомиться с каждым автором в отдельности.

Таким образом, мы имеем два ряда исторических построений о далеком прошлом якутского народа: по одному раннее местожительство якутов и их ближайшие соплеменники намечаются в бассейне Енисея в пределах Южной Сибири, а по другому в бассейне того же Енисея, но южнее Саянского хребта. Характерным и общим признаком этих теорий является увязка древней истории якутов с водной системой верхнего Енисея и включение их в состав саяно-сибирских турецких племен, занимающих горно-таежную территорию, где степные места встречаются лишь оазисами. Если некоторые авторы в очень далеком прошлом и допускают исход якутов из центрально-азиатских степей, то это не конкретно-историческое представление, которое могло бы с какой-либо стороны характеризовать якутское племя и его культуру, а абстрактное суждение, относящееся к древним туркам вообще. Во-вторых, все эти теории проживание предков якутского народа около Байкала понимают как временный этап. Причем якуты, двигающиеся с запада или юго-запада в бассейн Ангары, могли временно заселить лишь область западного Прибайкалья. Имеется еще группа историков, которые начинают древнюю историю якутов лишь с эпохи их проживания около Байкала в бассейнах Ангары и верхней Лены, считая это положение бесспорным и не требующим представления каких-либо особых доказательств. Такова, например, позиция

[1] Словарь, ст 3061

известного историка Сибири П. А. Словцова, который древней истории якутов посвятил всего лишь одно предложение: «Якуты (Сохи) с конца XIV в. оттесненные с севера Байкальских степей на рр. Лену, Олекму, Вилюй, и в последствии, когда война и оспа уходила юкагир, разделившие достояние их вместе с тунгусами...»[1] Тот же характер носит утверждение Л. Шренка: ...«якуты, до пришествия своего в долину Лены, жили около озера Байкала в непосредственном соседстве и тесных сношениях с монгольскими племенами, а именно, с бурятами, под давлением которых и вынуждены были подвинуться на север»... В другом месте своего труда Шренк считает якутов первобытными обитателями территории, примыкающей к озеру Байкал с запада, а монголо-буряты натыкаются на них, двигаясь на запад с верховьев Амура.[2] Таково же мнение В. И. Иохельсона:

«Якуты... не первобытные обитатели области. По мнению ученых, их первоначальной родиной были или верховья Енисея или берега Байкальского озера, откуда они были вытеснены бурятами во времена движения монголов под начальством Чингис-Хана.[3]

1. ОСНОВОПОЛОЖНИКИ МИНУСИНСКО-ЕНИСЕЙСКИХ ГИПОТЕЗ.

Исток енисейских гипотез происхождения якутов мы находим в самом начале XIX столетия. В журнале «Любитель словесности» за 1806 год, издававшемся неким Ник. Фед. Остолоповым, который известен как писатель, поэт, переводчик, появилась статья об якутах. Статья составлена и подписана самим издателем и редактором Остолоповым, но автор дает библиографическую справку об источниках своих довольно обширных и интересных познаний об якутах. По его словам, статья составлена «по запискам быв. в Северо-Восточной Морской экспедиции доктора и проф. Мерка, проживавшего некоторое время в Якутске и еще по другим запискам двух чиновников, находившихся в сем городе при должности (которые были «п р и ч и н о й с е г о о п и с а н и я») и все это было проверено с о д н и м п р и я т е л е м, т а м р о д и в ш и м с я».[4]

Статья Остолопова, если не ошибаемся,—первый по времени серьезный этнографический труд о якутах, в котором в качестве авторов выступают русские люди, а не иностранцы, как это имело место в XVIII веке.

Исторические воззрения автора статьи по вопросу о происхождении якутов, как и подобает быть истоку нового учения, излагаются очень кратко. Он, не соглашаясь с Гаттерером, профессором истории в Геттингенском университете (автор нескольких трудов по всеобщей истории), который роднит якутов с монголами-калмыками, заявляет:

---

[1]. П. А. Словцов. Истор. обозр. Сибири. Спб. 1886. Т. I. стр. 86.

[2]. Л. Шренк. Об инородцах Амурского края Т. I 95 и 211 стр.

[3]. „Заметки о населении Якутской обл. в историко-этнографическом отношении. Памятн. книжка Якут. обл. на 1896. Вып. I. 114 стр.

[4] Жур. „Любитель словесности" за 1806 г. Ч. I, стр. 118—147 «О происхождении, веро и обрядах якутов".

«Якуты произошли от татар, живущих в Тобольской губ. по Барабинской степи».

Это положение доказывается ссылкой на физический тип якутов, «которые лицом похожи на названных татар», «имеют не малое сходство в языке» и тем, что «некоторая часть татар Красноярского уезда называется саха, как и якуты себя называют. Нынешнее же название дали им русские». Вот и все.

В таком виде работа Остолопова не представляет для нас ничего нового. Это очень плохой комментарий к уже известным нам местам из исторических работ Миллера и Фишера. Но соучастие лиц, которые хорошо знали якутов и их язык, отразилось здесь в точной передаче племенного названия якутов «саха», а не «соха», как это имело место у Миллера и Фишера. Почему из наличия в Красноярском уезде части «саха» вытекает близкое родство якутов только с барабинскими татарами, это—не обосновано. Однако, не взирая на всю несерьезность исторических суждений Остолопова, его статья превратилась в краеугольный камень енисейской гипотезы. Это случилось потому, что в ней содержится экстракт легенды якутов об их прародителях, Омогой-Бае и Эллэе, бытовавшей в объякученной среде старожилого русского населения г. Якутска. Если раньше в трудах Страленберга, Миллера и Гмелина мы нашли отдаленные отзвуки и силуэты знаменитой якутской легенды, то в статье Остолопова она как бы облекается в плоть и кровь с приведением точных якутских имен. В этом отношении труд Остолопова представляет большую историческую ценность, ибо опубликованная им запись, якобы, якутской легенды представляет собой образец труда ранних фольклористов. Кроме того, в ней, по всей вероятности, мы имеем тот первоисточник, откуда черпали материал, названные выше, иностранные авторы. Приведем подлинный текст этой самой ранней записи якутских легендарных сказаний:

«У них (у якутов) отличаются от прочих два поколения: 1) Батулинское, происшедшее от Омогой-Бая, который неизвестно откуда перешел через, лежащие около Иркутска, бурятские земли и поплыл по Лене. К сему якуты присовокупляют, что когда шел Омогой к Лене, тогда на него хотели напасть буряты, но показавшийся ущерб луны воспрепятствовал их предприятию, ибо, по суеверию своему и доныне еще продолжающемуся, они в сие время ничего не начинают. Омогой, видя таковой удобный случай, перешел с товарищами своими через горы, сделал плот, пустился в путь, продолжая оный до Олекмы и... до того места, где ныне г. Якутск. 2) 2-ое поколение производит себя от Эллэя, чаятельно соотечественника Омогоя, который, узнавши об уходе последнего, отважился и сам пуститься в такую дальную и трудную дорогу. Он приплыл к тому же месту, соединился с Омогоем, приобрел доверенность его и женился на его дочери, от которой имел 12 сыновей. Размножившиеся от них потомки всегда вручали начальство поколению старшего Эллэева сына Хангаласса, по имени которого называется Хангаласский улус. И сие преимущество продолжалось до Тыгына, то есть до времени покорения якутов под Российскую державу посредством одного отделившегося от них владельца Мымака. Род же Омогоев, под именем Батулинского, нахо-

дится и ныне около Якутска, в Верхневилюйском, Устьянском и других местах, но против поколения Эллэева в весьма меньшем количестве.

К ним потом присоединились хоринцы—народ живший за Байкалом. Но когда они присоединились и в каком числе, время из памяти истребило, однакож то известно, что и между якутами они долго свой язык сохраняли. Сие доказывается и поныне употреблением пословицы, ответствующая не вслушавшемуся в сказанные слова: (ведь) я говорю не по хорински. А ныне и язык, и обряды, и обычаи имеют уже общие» [1].

Можно ли признать эту легенду за якутскую? В ней есть якутские имена, переданные безукоризненно точно,—Омогой-Бай, Эллэй и Тыгын, имеется слабый намек на сюжет омогое-эллэевских сказаний, выражающийся в том, что Омогой—первый переселенец, а Эллэй прибывает позже, что Эллэй делается зятем первого и почитается как прародитель большинства якутского племени. Но сюжет бегства Омогоя от бурят, присоединение к якутам хоринцев, живущих за Байкалом, этих элементов в подлинных якутских народных легендах, записанных нами во многих вариантах, не встречается и быть не может. Эти элементы несомненно попали в якутскую легенду в порядке интерпретации ее в сведущих кругах бывалых русских людей. Догадка последних, что якутские роды Хоро, в официальных русских документах фигурирующие в форме—«Хоринские наслеги», суть ни что иное, как соплеменники многочисленных—«одиннадцати хоринских родов» забайкальских бурят (сами буряты это имя произносят «Хори»), привела к дополнению якутского рассказа о предках соответствующей вставкой. Та же догадка, что якуты, родственные по языку с татарами, должны были покинуть свою южную родину, будучи вытеснены бурятами, которые в качестве победителей остались на прежних якутских местах, должна была послужить основанием и для признания Омогоя беженцем от тех же бурят. Кроме того, в якутских преданиях, записанных мною, Эллей обычно наделяется не 12-ю сыновьями, а только пятью или шестью, по числу главных улусов Якутского округа.

Но еще более интересна дальнейшая миграция этой легенды в трудах позднейших историков якутского народа. Вот пред нами ее новая редакция в книге Н. Н. Щукина, изданной под заглавием «Поездка в Якутск».

«Сами якуты говорят, что они происходят от красноярских татар и рассказывают о происхождении своем следующую сказку:

Некто Омогой-Бай с 150 человек отделился по неизвестным причинам от своих родичей, обитавших в южных пределах Енисейской губ., пошел от реки Енисея на восток. Достигнув Манзурских степей, где кочевали буряты, он расположился тут на жительство. Встревоженные буряты решили было истребить их, но как луна была на ущербе, время, в которое буряты ничего не предпринимают важного, то отложили они намерение свое до благоприятного предзнаменования. Между тем татары узнали о заговоре. Не теряя времени, отправили несколько человек на реку Лену для постройки плотов и, когда все было готово, ночью перешли через гору на Лену со всем скотом,

[1] Там же. 119—120 стр.

сели на плоты и поплыли. Достигнув до того места, где теперь стоит Якутск, остановились на жительство. Спустя некоторое время, приплыл к ним некто из татар Эллэй. Удалец этот приобрел любовь состарившегося Омогоя, женился на одной из дочерей его и прижил с нею 12 сыновей. Из них замечателен Хангалас, сообщивший свое имя Хангаласскому роду.

Спустя несколько десятков лет после прибытия Эллэя, приплыли к татарам по Лене забайкальские буряты хоринского рода, перемешались с ними и составили теперешних якутов, народ, имеющий сходство языком и нравами с татарами и монголами. Доныне существует между якутами пословица: я говорю тебе не по-хорински» [1].

Кто не узнает в этой Щукинской редакции литературную переделку, приведенного выше Остолоповского текста, со всеми его мельчайшими подробностями и с сохранением последовательности отдельных частей? Щукин нигде не заикается, что воспользовался статьей Остолопова.

В деле обоснования енисейской гипотезы происхождения якутов работа Щукина сыграла решающую роль и создала гипотезе большую популярность. Дальнейшие бытописатели и историки якутов стали ссылаться на Щукина. Его «Поездка в Якутск», написанная живым литературным языком и богатая разнородным содержанием, между прочим, и картинками из быта и нравов русского общества г. Якутска, в свое время должна была произвести большой шум и несомненно широко была известна как в самом Якутске, так и в других сибирских городах. О большом успехе этой книги свидетельствует и тот факт, что скоро потребовалось второе издание. (1-ое изд. в 1833 г., а 2-ое в 1844 г.).

Позднее барон Майдель, занимавший в Якутской области должность окружного исправника за время от 1861 по 1871 г., в своем большом научном труде—«Путешествия и изыскания в Якутской области» зафиксировал очень любопытный вариант той же легенды с новыми дополнениями.

«По древнему якутскому сказанию, которое и теперь на Лене известно, якуты первоначально обитали на Енисее, в стороне Красноярска; были оттуда вытеснены и перешли на восток, в бурятские степи. Но там они долго не удержались, потому что буряты отнеслись к ним неприязненно и делали на них неоднократное нападение. Вследствие этого, приблизительно, 400 лет т. н., весь народ под предводительством Омогоя, по словам других, Оконома собрался в верховьях Лены, построил там челноки из воловьих шкур и плоты для скота из деревьев береговых лесов и поплыл по течению реки, пока не нашел хороших пастбищ около устья Олекмы. Здесь он остановился. Через некоторое время к Омогою присоединился некто Эллей, по одним сведениям—якут, находившийся в плену у бурят и от них бежавший, по другим же—бурятский старшина, пожелавший присоединиться к якутам. Эллэй женился на дочери Омогоя или Оконома и от его 12 сыновей произошли главные роды якутов. Так, напр., от его сына Хангаласа ведет свое начало большое племя Хангала или Кангала, которого жилища простираются по

[1] Н. Щукин. Поездка в Якутск. Изд. 2 Спб. 1844 г. стр. 273—274.

обоим берегам Лены от Олекмы до Якутска. Один из позднейших старшин этого племени Тыхын или Тыгин построил укрепленный городок на горе Чебодал, на правом берегу Лены. Но пришли русские, крепость его разрушили и построили на его месте острог» [1].

Вилюйский исправник Кларк в своем труде «Вилюйск и его округ», изданном в 1864 г., тоже заявляет:

«Якуты, происходящие от одного из поколений, принадлежащих к тюркским племенам и поныне называющие себя саха, кочевали в древности, как свидетельствуют изустные их предания, в верховьях Енисея, потом около Байкала, но оттесненные оттуда полчищами Чингис-Хана, были отодвинуты к вершинам Лены, по которой со скотом своим спустились до долины нынешнего Якутска и уже оттуда распространились по долинам других рек и, между прочим, по Вилюю. Встретившиеся им на Лене, тунгусы называли их Еко и это то имя русские казаки изменили в звание екут, как выговаривают и теперь русские, или якут, как принято называть их в письменном языке [2]».

И здесь нетрудно узнать сокращенный пересказ того же Щукина, о чем свидетельствует, кроме ссылки на имя саха и кочевание в верховьях Енисея, производство современного «якут» от тунгусского «еко», на что впервые указал Щукин.

Изложенного, думается нам, вполне достаточно для того, чтобы понять на каком ненадежном фундаменте выросла гипотеза минусинского происхождения якутов, которая только благодаря частому повторению и некритическому отношению к своим научным источникам, получает значение научно построенной теории. Щукин отрицал какую-либо возможность переселения скотоводческого народа из Красноярска до Ангары и, наоборот, уверял о простоте и легкости пути из Красноярска вниз по Енисею на плотах и дальше вверх по Нижней Тунгуске на Вилюй и на Лену, т. е. по такой территории, где до русского завоевания могли бродить только оленеводы-охотники. По Нижней Тунгуске и теперь, за исключением ее верховьев, на расстоянии почти 1500 км не имеется ни одного коня и ни одной коровы.

«Нет никакой вероятности и даже возможности перебраться народу со стадами лошадей, коров и овец с Енисея на Манзурскую степь. Это пространство, имеющее расстояние 1000 верст, покрыто и теперь лесами, а тогда эти леса были непроходимы. Остается допустить мнение, что татары из окрестностей Красноярска спустились на плотах по Енисею до устья Ниж. Тунгуски. Здесь от тунгусов узнали они, что к востоку лежали степи по реке Вилюю. Татары перебрались с Енисея на Вилюй. А по этой реке добрались и до Лены и, таким образом, распространились по всей Якутской области».[3]

---

[1] Baron Maydell. Reisen und Forschungen im Jakutskischen Gebiet Ostsibiriens. 1896. Zw. Theil 454 s.

[2] Вилюйск и его округ. Зап. Сиб. отд. Имп. Рус. Геогр. О-ва 1864. кн. VII. стр. 39—40.

[3] Там же. 274 стр.

Мы не стали бы долго останавливаться на научных трудах Щукина, если бы В. Серошевский в своих «Якутах» не запнулся на этом Щукинском варианте реставрации древней истории якутов в противовес движению их вниз по Лене и раннему проживанию около Байкала.[1]

Серошевского заставил уделить большое внимание к гипотезе Щукина кн. Н. А. Костров, который в своей, в общем довольно дельной, работе—«Очерки юридического быта якутов»[2] теорию их родства с минусинскими татарами и переселения вниз по Енисею и вверх по Ниж. Тунгуске приемлет как бесспорную историческую истину. Он опять-таки ссылается на предание самих якутов:

«По преданию якутов, они—пришельцы с верховьев Енисея. Действительно, на юге Енисейской губ., именно в Минусинском округе, и теперь еще в ведомстве Сагайского родоначалия, есть один род татар, называющий себя соха, сохаляр...» (Дальше точное повторение Щукина).

Костров, повидимому, бывал в Туруханском Севере и, в подтверждение переселения якутов вниз по Енисею, ссылается на один «незначительный Шорохинский род якутов» около г. Туруханска, который «совершенно утратил свою народность и усвоил все обычаи русских». В этих шорохинцах Костров усматривает остаток якутов, главной своей массой двинувшихся на восток. Как увидим дальше, этот взгляд о происхождении шорохинцев не выдерживает критики. (См. след. разд. о Серошевском).

Итак, из научной аргументации сторонников минусинской гипотезы нужно совершенно выбросить ссылку на предание о родстве якутов с минусинскими татарами, якобы, когда-то записанное с уст самого народа. Такой же ненаучный характер носит и ссылка на псевдо-якутский сюжет о борьбе Омогоя с бурятами, а также и о присоединении к якутам части хоринских бурят. Мы уже имели случай указать на тот факт, что до эпохи русского завоевания якутам не было известно даже само этническое наименование «бурят», ибо этот народ известен якутам только под названием «бырааскай», в чем нельзя не узнать простую фонетизацию русского «братский». Да и сама легенда об Омогое и Эллэе в том виде, в каком она сохранилась в устах якутов, не есть историческое воспоминание или предание, а искусственный миф религиозного содержания, преследующий определенные политические и дидактические цели. Это есть родословие о происхождении древних якутских феодалов, их господствующего класса, в частности, царствовавшего у якутов велико-княжеского рода из среды каких-то древне-турецких тегинов. (Лингвисты, знатоки турецких языков, уже бесспорно доказали, что якутское мифологическое имя «Тыгын» есть ни что иное, как древне-турецкий титул «тегин»). Это положение доказывается и приведенным выше текстом русского фольклора, зафиксированного в начале XIX века Н. Ф. Остолоповым. Тыгыну, «как потомку старшего сына Эллея Хангаласа», приписывается «начальство над всем размножившимся потомством Эллэя», т. е. над всем якутским племенем,

[1] Серошевский. „Якуты". 206 стр.
[2] См. зап. Имп. Русс. Геогр. О-ва за 1878 г. т. VIII. Отд. 2 стр. 259—299

ибо последний всеми якутами скотоводами почитается как предок или прародитель всего народа. Тыгын же во всех, записанных нами, якутских преданиях, представляется повелителем и начальником (тойоном) всего племени, а его собственной и ближайшей вотчиной признается обширный улус «Хангалас» (в официальных бумагах «Кангаласский», разделившийся позже на два, Восточный и Западный по ориентации на реку Лену). Этот улус в пределах всего Якутского края занимает центральное положение и самые лучшие земли по долине Лены с ее заливными лугами на многочисленных островах на протяжении 400 км. Эти экономические преимущества, центральность положения улуса Хангалас и царственное положение его вождя Тыгына в момент прихода русских завоевателей, устанавливаемое всеобщим народным гласом, в связи с показаниями авторитетных лингвистов о значении имени «Тыгын», совершенно ясно и отчетливо свидетельствуют о действительном существовании у якутов феодальной монархии степного скотоводческого типа. На этом вопросе мы имеем ввиду подробно остановиться во 2-м томе наших очерков. Здесь же мы подчеркиваем большую научную ценность устного предания самих русских завоевателей, зафиксированного почти 150 лет тому назад Остолоповым со слов русских старожилов г. Якутска. Согласно этому сказанию, начальственное положение Тыгына прерывается лишь с приходом русских «посредством отделившегося от них владельца Мымака». Если Мымаку пришлось отделяться от чего-то, то значит, у якутов была единая, общеплеменная организация, возглавляемая Тыгыном, князем Хангаласского улуса. Иными словами, сами русские завоеватели после близкого общения с «владельцами» вроде Мымака (а Мымак—историческая личность, удостоверенная документами эпохи завоевания), ориентирующимися на них, уже поняли, что у якутов раньше существовала единая власть. С этим новым научным источником, с устными преданиями старожилого русского общества в самом центре Якутского края, в деле познания древнего общественного строя якутов нельзя не считаться, ибо в архивных документах самой эпохи завоевания края чувствуются зияющие пробелы, обусловленные тем обстоятельством, что первые русские пришельцы до общения с самими якутами, не имели никаких путей и возможностей ознакомиться с общественными отношениями, господствовавшими в неведомой для них стране.

Критикуя наивные исторические построения ранних якутоведов, мы обязаны отметить и их научные заслуги, в частности Н. Ф. Остолопова, опубликовавшего весьма важный фольклорный материал, почерпнутый с уст русских старожилов г. Якутска конца XVIII и начала XIX веков. В это время русских людей отделяло от эпохи завоевания края всего лишь три-четыре поколения и, кроме того, их общественная жизнь в такой отдаленной глуши, как Якутия, должна была течь безмятежно, не волнуемая нашествием новых людей. Гор. Якутск через столетие, в конце XIX и в начале XX столетия, после установления пароходного движения по Лене, основания приисков по системе Витима и Олекмы, а в особенности, после проложения великого рельсового пути через всю Сибирь, конечно, переродился до полной

неузнаваемости. Во всяком случае, до эпохи развитых буржуазно-капиталистических отношений и оживленных торговых связей центра с окраинами старая нить устных преданий самих покорителей якутского народа не могла уже сохраниться.

Гипотезу енисейского происхождения якутов до Щукина поддерживал еще один анонимный автор в жур. «Северный Архив» за 1822 г. в пространной статье под заглавием—«Описание якутов, их происхождение, население страны Ленской, внутреннее их управление, покорение под власть России, благосостояние, нравы и обычаи»[1]. К сожалению, мы не имели возможности ознакомиться с содержанием этой статьи и знаем о нем лишь по отдельным цитатам из труда Н. А. Аристова. Этот автор, повидимому, дал новый вариант легенды, опубликованной Остолоповым. Основываясь на сходстве имени «саха» с «сагай», родовым термином у минусинских турок, он высказал лишь теорию родства якутов с сагайцами и возможном отделении первых путем откочевания от Енисея на Ангару и дальше на Лену. Теория родства племенного названия «саха» и «сагай» с точки зрения лингвистической науки сама по себе безукоризненна и, пожалуй, даже неоспорима, но отсюда никак еще не вытекает, что передвигались только одни якуты, а минусинские сагайцы, по сравнению с якутами, представляющие лишь осколок народа, сидели неподвижно на своих прародительских землях. Проще и естественнее, конечно, допущение, что предки сагай когда-то оторвались от своего ствола «саха» и по той самой причине оказались заброшенными в приабаканские степи, в долину Южного Енисея. Дальше мы убедимся, что остаток якутов «саха» констатируется не только в пределах южного Енисея, но и в других географических пунктах. Чтобы разрешить сложный исторический вопрос, где первоначально проживали или кочевали общие предки саха и сагай, для этого, конечно, нужно иметь куда большую историческую осведомленность и дальний кругозор, чем это было доступно Остолопову, Щукину и другим ранним авторам.

Следующие сторонники енисейского происхождения якутов, Серошевский и Аристов, подошли к делу много серьезнее, но и их поиски далеко не увенчались успехом, ибо они колеблются и признают законность многих решений.

2. В. Л. СЕРОШЕВСКИЙ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЯКУТОВ

Большой и общепризнанный авторитет Серошевского по вопросам якутоведения вынуждает нас отнестись с особым вниманием к его высказываниям об историческом прошлом якутского народа, ибо большинство ходячих мнений об якутах, в конечном счете, опираются на этого автора. В его известном этнографическом труде «Якуты», глава «О южном происхождении якутов»,[2] на первый взгляд, может показаться содержащей в себе самые

---

[1] „Северный архив." 1822 г. Ч. 3. стр. 204—221, 273—300, 367—380

[2] „Якуты". „О южном происхождении якутов". Стр. 183—210.

блестящие страницы из всего того, что написано им о якутах, не только в стилистическом отношении, но и в смысле полноты всех научных источников, использованных им. Создается впечатление, что Серошевский исчерпал все то, что можно было сказать о южном происхождении якутов. Но, однако, при более внимательном изучении этой главы, обнаруживается довольно поверхностное ознакомление автора с теми источниками, на которые он ссылается, необычайная спешка в проработке, относящегося к вопросу, материала и легковесные выводы. У него мы находим ссылку на Германа Вамбери с утверждением, что этот автор сближает якутов «по простому созвучию племенного имени саха с древними сакаи».[1] А на деле этот крупнейший знаток многих турецких языков и их древней истории впервые выдвинул гипотезу родства якутов с древними уйгурами на основании глубокого знания грамматики и лексики языка тех и других, ибо Вамбери, будучи уйгуроведом, пользовался обширной грамматической монографией акад. Бётлингка о якутском языке. (О воззрениях Вамбери на прошлое якутов см. след. главу). В свое время под влиянием теоретических воззрений Вамбери на характер якутского языка находились такие авторитетные тюркологи, как проф. Н. Ф. Катанов и акад. В. В. Радлов. Серошевский ссылается еще на Риттера, который будто бы указывал древнюю родину якутов в Забайкалье. Но, однако, у Риттера мы не нашли ничего похожего, да и вообще высказывался ли он по вопросу о происхождении якутов? Наконец, он выдвигает, никем из серьезных авторов не обоснованную, гипотезу об исходе якутов из Амура (кроме Аристова, который писал после Серошевского) и из верховьев Толы и Селенги. Кто, когда, где писал об этом, Серошевский не указывает.

Серошевский формально не объявляет себя сторонником минусинского происхождения якутов. Однако, у его читателя создается впечатление, что якуты жили раньше где-то в пределах Южной Сибири, в степных местностях, но только не около озера Байкал, и могли попасть на Лену либо вниз по Енисею, либо, долго проплутав в пути с Енисея на восток до Ангары, очень ускоренным маршем свернули на Лену.

Самый серьезный промах Серошевского, несомненно, заключается в его скептическом отношении к проживанию якутов около озера Байкал,—«могли быть и не быть там».[2] Этим самым он поднял в науке удельный вес совершенно наивной и фантастической гипотезы Щукина о древних переселениях якутов вниз по Енисею и вверх по Ниж. Тунгуске, хотя формально Серошевский опять-таки признает—«длину, сложность, суровый климат, большую глубину зимних снегов и отсутствие на огромных пространствах пастбищ» на этом щукинском пути[3].

Во всяком случае, от Серошевского мы были бы вправе ожидать признания достоверности долгого проживания якутов около Байкала и движения

---

1 Там же. 197 стр.
2 Там же. 201—202 стр.
3 Там же. 206.

их дальше на север, вниз по Лене. Но вместо этого у него безграничный скептис, мы ничего не знаем и не можем знать:

«О пути, по которому прошли якуты на север, также ничего не известно; они нигде не оставляли следов, упося все с собою, как истые помады».

«Если трудно установить точно место южной родины якутов, то еще труднее, почти немыслимо, указать на время их выхода».[1]

Серошевский твердо уверен лишь в том, что якуты не аборигены Ленского края, а пришельцы из южных степей. Как чуткий художник-беллетрист, Серошевский констатирует в наклонностях, привычках и поэтических произведениях якутов любовь «к степному простору, к широким ровным полям»... «лес и воду не особенно жалуют». По его словам, к рыбакам они относятся весьма пренебрежительно: «смердящий рыбак, живет рыбой, точно бродяга чужестранец». «В этих отзывах чувствуется степняк-скотовод», замечает он.

Наблюдения весьма тонкие и меткие, обнаруживающие долгое соприкосновение автора с якутами и хорошее знание их психики.

Дальше, Серошевский указывает, что якуты имеют представление о львах, змеях, верблюдах, животных совершенно не встречающихся в теперешней родине якутов. Им известно и южное название этих животных. Змею называют по-монгольски «могой», верблюда по-тюркски «тэбиэн» (надо заметить, что это—общее турко-монгольское слово, ибо монгольское «тэмэн» есть то же, что и «тэбэ-тэвэ» турков. Лингвисты давно установили, что согласные звуки «м» и губные «б-в-ф» обычно замещают друг друга). Льва называют «хахай», что по-монгольски значит «свинья». Дикие свиньи в Якутском крае не водятся, значит, якуты это слово вынесли из южной родины,—рассуждает Серошевский.[2]

Между прочим, Серошевский удивляется, что у якутов не сохранилось название тигра, известного южным тюркам под именем «пар, бар, барс, нарс». Но это удивление напрасное, ибо в якутских былинах часто упоминается «бар-кыыл».[3] Он известен также и под другим вариантом того же имени «баабыр».[4]

Серошевский приводит еще названия растений, сопоставляя их с общетюркскими,—тополя, сосны, лиственницы, березы, тальника, кедра, но эти имена, если бы даже и сходились с названиями в других тюркских наречиях, не могут служить веским доказательством южного происхождения якутов, ибо все эти растения встречаются и на теперешней родине их. Если же говорить о сходстве якутских корней вообще с общетюркскими, то их, конечно, бесконечное множество и помимо названий растений.

Не столь убедительны и его ссылки на мнения и соображения случай-

---

[1] Там же. 206 и 209 стр.

[2] В Якутской поэзии „хахай" собственно и значит вепрь, ибо он всегда служит символом лютости, свирепости, а льва якуты обычно называют „кыыл ыраахтаагыта", царь зверей. Впрочем, у современных якутов, не видящих в натуре ни того и ни другого зверя, эти названия вполне естественно путаются.

[3] См. словарь Пекарского. 366 стр.

[4] См. там же. 323 ст. и Будищев—„Русско-якутский словарь".

ных якутов, что, якобы, в старину было теплее, снег выпадал поздно, таял рано, что травы росли выше и гуще, цветов на полях было много и т. д. Во-первых, Серошевский все эти мнения берет не из текстов цельных сказаний, отмечая в них типические черты, а из простых бесед с якутами, в которых решающую роль могли играть внушение и целевая установка их ученого собеседника. Во-вторых, подобные суждения свойственны всем народам бытовой и бесписьменной культуры. Они обычно бывают связаны с идеей «золотого века» в прошлом, что, де, «в старину живали деды веселей своих внучат», а также с культом предков и идеализацией давно живших поколений.

Иное дело художественные описания страны вечного лета и бесконечного дня («бараммат сайын, кюрюлююр кюнюс»), встречающиеся почти постоянно в якутских богатырских былинах. В этом явлении, с одной стороны, можно видеть переживание древнего, беспечного пастушеского быта, возможного только в зоне открытых степей, когда люди не косили, не заводили покосов, не строили изгородей, крытых помещений для скота и т. д. С другой стороны, в них, может быть, чувствуются и отголоски обитания предков якутского народа в иных, более благоприятных климатических зонах. Эти былинные образы и картины у якутов находятся в связи с идеей «Хоро сирэ» (страна хоринцев). С этими понятиями мы ознакомимся позже в связи с разбором т. н. хоринского вопроса в якутских легендах и его исторического смысла.

Заслуга Серошевского заключается в том, что он наметил важность былинных образов и картин, в которых может жить, так сказать, отблеск того, что когда-то переживалось предками якутов. Но, однако, историку нельзя забывать того, что былинные образы, вообще говоря, есть поэтическое восприятие житейских фактов, в котором творческую роль, прежде всего, играет фантазия певцов. А с фантастическими образами, конечно, нужно быть весьма осторожными. Они могут быть приняты за историческое доказательство, если их показания найдут подтверждение в целом ряде других аргументов и построений.

Серошевский указал также на несовпадение якутского лунного календаря с физико-географическими условиями их теперешней родины. Дело в том, что якуты «март» называют месяцем поимки жеребят, апрель—месяцем ледохода, тогда как в действительности и то и другое в местах их обитания опаздывает почти на месяц. В этом явлении Серошевский видит «отпечаток южного происхождения».

Впрочем, в интересах справедливости необходимо отметить, что самые важнейшие из приведенных выше оригинальных положений и аргументов Серошевского годом раньше были высказаны В. Похельсоном в его статье «Заметки о населении Якутской области в историко-этнографическом отношении», напечатанной в «Живой старине» за 1895 г.[1]:

[1] Вып. 2 130—140 стр., а также в „Памятн. книжке Якутской области за 1896 г.—„Заметки о населении Якутской области в историко-этногр. отношении". Стр. 114. Прим. 2.

«В некоторых песнях поется, что жили они (якуты) когда-то в теплой стране у моря...», где «не приходилось так мерзнуть и много трудиться, как здесь...» «Март месяц по-якутски «кулун тутар-ый», т. е. время, когда ловят и привязывают жеребят..., а здесь это делается только в начале июня месяца».

Вот все главные аргументы Серошевского по вопросу о южном происхождении якутов. При этом необходимо иметь в виду, что под «степями» он разумеет не научно-географическое понятие—область господствующих степных просторов—Азии, в частности Монголию. В его суждениях чаще фигурируют степи Верхоленские, Манзурские, Балаганские, Красноярские, Минусинские, а о возможности исхода якутов из собственно-монгольских степей, он нигде не заикнулся. В главе о якутской «лошади»[1] он даже прямо отрицает возможное родство якутского конного скота с бурят-монгольским.

Фактически он готов увязать прошлую историю якутов с южными пределами Сибири, где изредка встречаются небольшие открытые места, носящие характер степей, т. е. не отрывает якутов из зоны тайги и не выводит их из пределов Сибири. В этом отношении воззрения Серошевского, несмотря на кажущуюся полноту и обстоятельность, представляют собой шаг назад по сравнению с известными нам положениями Страленберга и Миллера-Фишера, ибо первый из них в ранние эпохи поселяет якутов в южной Монголии, а оба последних автора, говоря «обыкли жить в степях», в последнее понятие, безусловно, вкладывают не обывательское содержание, а понимают его как физико-географическую зону, пояс господствующих степей.

За Серошевским в деле разработки древней истории якутов можно признать ту заслугу, что он указал на двойное этническое наименование якутов, а именно, «ураангхай саха», употребляющееся «в торжественных оборотах речи, в сказках, песнях и молитвах».[2] В связи с этим, он обратил внимание ученых на тот общеизвестный факт, что дархаты, монголы и китайские чиновники тем же именем «уранхай» или «урянх» называют обитателей современной Танну-Тувинской республики или Урянхайского края. Опираясь на исследования Г. Н. Потанина, Серошевский отметил также, что язык урянхайцев дархаты зовут уйгурским языком, а их самих—«народом уйгурского языка». Сам Серошевский из этих фактов никаких исторических выводов не делает, но они, повидимому, помешали ему более определеннее высказаться за минусинско-енисейскую гипотезу, которой он весьма симпатизирует. Но тем не менее своими фактическими и литературными справками об употреблении имени «ураангхай» у якутов, монголов и урянхайцев Серошевский указал путь для дальнейшего развития енисейской гипотезы в урянхайскую. Этими указаниями воспользовались Кочнев и Трощанский.

У Серошевского попадаются замечательно дельные исторические замечания, которые, в конечном счете, всегда обусловлены прекрасным знанием им якутского быта и его незаурядной наблюдательностью. Таковы, например, следующие мысли:

---

[1] „Якуты"—165 стр.
[2] „Якуты". 203 стр.

«Мы лично склоняемся к тому мнению, что якуты, по крайней мере значительная часть их, задолго до царствования Чингис-Хана уже попала в эту, вполне изолированную от остального мира, впадину, окруженную со всех сторон широким горным поясом, где они прожили независимые и никому неизвестные до самого пришествия русских»[1].

«Весь переход якутов с юга в места настоящего жительства длился, по всей вероятности, очень долго. Возможно даже, что он совершился по частям, в несколько промежутков разделенных веками, и что в состав якутского народа вошли родственные, но различные по своей родине племена. Долго, десятки, а может быть, и сотни лет они отдыхали в тех степных участках, которые попадались им по пути, высылая далеко вперед в виде щупальцев свои передовые отряды. Отпрыски эти селились, обживались, знакомились с местностью, а между тем глухая молва разносила по всему племени сведения, почерпнутые лазутчиками на новых землях».[2]

И дальше у автора мы находим ссылку на свои практические наблюдения:

«Таковых приемов в колонизации новых земель держатся до сих пор якуты».

При ретроспективном анализе древнего общественного строя якутов дорусского периода Серошевский пользуется художественно-интуитивным методом и нагромоздил целую гору принципиальных заблуждений, но обо всем этом мы будем говорить в своем месте.

Серошевскому мы обязаны записью и опубликованием одного интересного варианта (Намского улуса) якутских сказаний об Омогое и Эллэе.[3] Но этот фольклорный материал в отдельных местах вызывает большие подозрения, ибо автор простонародный рассказ пропустил сквозь призму своей собственной художественной фантазии.

В заключение мы позволим себе остановиться еще на одном пустяковом факте, на котором не раз запинаются историки при поисках путей древних переселений якутов на север, в том числе и Серошевский. Он, сославшись на гипотезу Щукина о переселении якутов вниз по Енисею и вверх по Ниж. Тунгуске, пишет: (этот)... «путь имеет за себя то, что в окрестностях Туруханска, в Шорохине и южнее по Енисею в нескольких деревнях существовали небольшие колонии якутов, совершенно оторванные от восточной компактной массы. Они занимались рыболовством, но у них с о х р а н и л с я с к о т. (Разр. Серошевского). Костров считает их поселения древними. В колониях этих можно, пожалуй, усматривать остатки главного отряда, впоследствии двинувшегося на восток».[4]

Фактически недалеко от старого Туруханска существует только одна деревня Сорокино (или Шорохино), которая среди старожилов края слывет еще под вторым названием «Якуты».

---

[1] Там же. 210 стр.
[2] Там же 208 стр.
[3] Там же 183—190 стр.
[4] Там же. 206 стр.

По поводу происхождения этого названия среди самих шорохинцев бытует и поднесь смутная легенда о том, что их предки будто бы были якуты. Летом 1925 г. нам удалось видеть одного шорохинца в г. Ново-Туруханске. Однако, ни в его физическом облике и ни в языке не осталось никаких следов его якутского происхождения. Это был обыкновенный русский крестьянин сибиряк. По его словам, и остальные шорохинцы ничем не отличаются от массы русских старожилов. Шорохинцы «русскими» значатся и в официальных документах. В «Материалах поголярной переписи 1926—1927 гг. в Сибирском крае» мы читаем:

«Станок Якуты (Шориха), русские, 12 хозяйств, муж. 46, жен. 36, обоего пола 82; 25 человек заняты сельск. хоз., 34 рыбол., 14 охотой, 14 чел. проч. занятиями. Лошадей 14, коров 14».[1]

О физическом облике шорохинцев еще Миддендорф отметил: «По общему наружному виду преобразились в русских».

Секрет происхождения шорохинских «якутов», столь смущавших воображение этнографов и историков, однако, довольно прост.

Среди якутов Южного Вилюя нам удалось записать в двух вариантах одно довольно популярное предание о вилюйских якутах Бордонского наслега, которые уплыли когда-то в далекую страну вниз по Нижней Тунгуске и поселились где-то около г. Туруханска. Один вариант, рассказанный якутом 2-го Бордонгского наслега Семеном Даниловым (62 лет), мы приведем целиком:

«Давно когда-то, по существующему у нас преданию, семь человек якутов Бордонского наслега поехали в центр России (дословно «на юг»), чтобы высудить себе место по реке Чоне. Один из них, по рассказам, умер на реке Хатанге (так якуты и тунгусы называют Ниж. Тунгуску) в местности «Монастырь». (Это старое название тепер. г. Ново-Туруханска), а остальные шестеро поплыли вниз и поселились в Туруханске. Там, рассказывают, есть одна якутская деревня».[2]

По другому более разработанному варианту, поплыл вниз по Ниж. Тунгуске родовитый и знатный якут по имени Бээкээн, который по распоряжению окружного начальника был подвергнут телесному наказанию. Бээкээн поехал с целью добраться до столицы и подать жалобу императрице Екатерине на самоуправство местных русских властей. Он будто бы взял с собой свиту из 30-ти человек, своих якутов. По легенде, сам Бээкээн, немного не доехав до г. Туруханска, схватил какую-то болезнь и умер. А его люди побоялись возвратиться на родину и остались жить в Туруханском крае. Сказитель свой рассказ заключает следующими словами:

«Здешние якуты рассказывают, что потомки тех людей будто бы и по сию пору живут там, о чем гласит неопределенная ходячая молва, идущая из дальних краев».[3]

---

[1] Красноярск. 1928 г. Изд. ЦЗУ СССР Сиб. Краев. стат. отд. Вып. 1, стр. 14.
[2] См. „Эллейада" § 315.
[3] См. „Эллейада" § 315.

Эта легенда, конечно, не могла бы сложиться среди вилюйских якутов без всякого основания. Во всяком случае, факт исхода каких-то якутов из пределов Южного Вилюя, плавание их вниз по Ниж. Тунгуске и поселение около г. Туруханска нужно признать достоверным. Вместе с тем взрывается и «камень преткновения» некоторых сторонников гипотезы минусинского или красноярского происхождения якутов.

На данном примере мы убеждаемся—какое огромное значение в деле прояснения исторического прошлого якутов имеют их собственные предания. Благодаря оторванному и уединенному положению своей родины от всего внешнего мира и замкнутости своей общественной жизни, якуты получили возможность сохранить много старинных преданий. Они любят рассказы о своей старине и хранят эти рассказы в большой неприкосновенности, иногда украшая разными мифологическими или поэтическими подробностями. Так, например, в приведенном предании сказитель рисует столкновение князя Бэакээня с окружным исправником, имевшее для него столь роковое последствие, в таких образах:

«И так, г. начальник, вы сказали, что мое дело может выправиться, если изменится к лучшему ваше душевное расположение? (т. е. намекает на то, что он требует от него взятку Г. К.).

«Так сказав, Бэкээн потрясал в воздухе высоко поднятым указательным пальцем, направленным в небеса, и еще добавил:»

«Пока существует (на свете) солнце—государь, я останусь непослушен вашим словам!»

«Вслед за этим Бэакээн стремительно выхватил свой должностной кортик и, поворачивая так и сяк, поиграл в воздухе его металлическим блеском».

Дальше рассказывается о том, как исправник составил на него протокол, в котором говорилось, что этот наслежный князец в присутствии всего улусного схода обвинил его в лихоимстве и грозил еще оружием.

Якутские народные предания могут заменить отсутствующие у них своды писаных летописей, конечно, при надлежащем критическом отношении к ним.

З. Н. А. АРИСТОВ.

Н.А. Аристов в своей работе «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей»[1] довольно определенно высказался за енисейское происхождение якутов. Он пишет: «Основываясь на якутских преданиях, на тождестве имени «саха» с «сагай» и на множестве этнографических данных, свидетельствующих не только о южном, но и об енисейском происхождении якутов, можно вместе с Миллером и большинством писателей, касавшихся этого вопроса, считать весьма вероятным, что якуты представляют собою часть тюркского племени сагай, перешедшего с Енисея в бассейн Лены и по-

[1] Живая Старина. 1896 г. Вып. III—IV. 329—333 стр.

лучившего сильные примеси в аборигенах этой страны тунгусах и в соседних с нею с юга бурятах».

Свидетельство об енисейском происхождении якутов Аристов находит в наиболее ранних записях их сказаний об Омогое и Эллэе, которые прямо признаются татарами, вышедшими из Красноярского уезда. (Ссылается на «родословие якутов», опубликованное неизвестным автором в Северном Архиве 1822 г., на запись Н. Щукина и барона Г. Майделя.

Аристов признает трудным лишь разрешение вопроса о времени переселения якутов на Лену, но, руководствуясь тем, что русские застали их в начале XVII в. довольно многочисленным народом, он время этого переселения относит к эпохе не позже XIII или XIV вв.

В примечании на стр. 332 Аристов допускает еще второй более фантастический вариант образования якутской народности, который несколько противоречит изложенным выводам. Он говорит, что в китайской истории династии Юань (монгольской,—Чингис-Хана) имеется сообщение, что император Хубилай в 1293 г. переселил из Енисея в Манчжурию «орду кыргызов» и поселил их в земле Наян в укрепленном местечке Чао-Чжеу (ссылается на соч. Шотта). Это сообщение подтверждается будто бы и архимандритом Палладием, который пишет: «Некогда были в Манчжурии оседлые колонии тюркских племен с Енисея: из кэргиз, урянхайцев и хакасы, которых Хубилай перевел (в 1293 г.) в Абалаху по близости к Амуру».[1]

Аристов допускает, что эти переселенцы состояли из сагайцев и урянхайцев, которые после изгнания монгольской династии из Китая во второй половине XIV в. во время неурядиц, обижаемые монголами, отодвинулись на север и из верховьев Амура ушли на Лену. Эта гипотеза, по мнению Аристова, дает ясную разгадку—почему якуты называют себя «урангхай-саха». Правдоподобие такого пути якутов на Лену Аристов хотел бы видеть и в том, что имена их легендарных предков, Оногоя и Эллэя, можно отыскать в верховьях Амура: «На истоках малого Агуза (бассейн реки Ингоды) есть «скалистая вершина, называемая «Еллоо», на котором вьют свои гнезда коршуны-бородачи (по-монгольски еллоо), а на р. Аргуни есть деревня Онохой». (Автор ссылается на Риттера—«Землеведение Азии»).

Изложенные воззрения Аристова по вопросу о происхождении якутов нужно дополнить еще одним положением, которое он выдвинул довольно неожиданно в конце своей книги. На основании рассмотрения родового состава различных тюркских племен и исторических известий о них он перечисляет «несколько главных тюркских племен, которые легли в основу существующих ныне народностей». В числе этих главных тюркских племен Аристов намечает большое племя сака, остатком которых являются якуты-саха:

«Племя саха или якуты, составляющее до 230 тысяч душ главное население Северо-Восточной Сибири, является остатком древнего тюркского племени, главная масса которого некогда занимала Зап. Тяньшань под именем сака или са, се и закончила свое существование в Индии, оставив по себе

[1] Зап. Имп. Русс. Геогр. Общ. по отд. этнограф. т. 4. стр. 446.

следы в Зап. Тяньшани ввиде кара-киргизского поколения саяк и на Енисее в виде рода сагай».

Автор не считает нужным представлять какие-либо доказательства. Он, очевидно, основывается лишь на сходстве племенного наименования «саха» «сака» и «сагай».

4. Д. А. КОЧНЕВ.

Д. А. Кочнев, автор небольшого монографического исследования—«Очерки юридического быта якутов», мимоходом занявшись вопросом происхождения якутов, высказал новую гипотезу об исходе их из Урянхайского края, а в более раннюю историческую эпоху из Туркестана. Автор думает, что «слово ураангхай и история тюркских племен дают некоторый ключ к разрешению вопроса о ближайшем происхождении якутов», ибо якуты называют себя «саха, а в сказках и в старину—ураангхай—саха». Он думает, что по понятиям якутов, «ураангхай относится к слову саха, как общее к частному, как племенное к родовому». Это обстоятельство дает Кочневу основание предполагать, что «якуты происходят от урянхайцев».

В родстве якутов с обитателями Урянхайского края убеждает Кочнева и «несомненная близость языка якутского и урянхайского», о чем он судит со слов проф. Катанова и по тем географическим именам, которые автор почерпнул у Серошевского и Потанина. Например, он географические названия Урянхайского края «Улу-Кем», «Бай-Кем» (названия рек) признает за «чисто якутские слова»: «улуу кэм», по-якутски—великая мера, а «бай-кэм»—богатая мера. (Надо заметить, что «кэм» по-урянхайски значит нарицательное имя «река», а «улуг»—прилагательное «большой, великий», ввиду чего «Улуг-Кэм» значит «большая река или большой Кэм, а не «великая мера», как думает Кочнев). Название хребта «Тангну-Ола» переделывает в «Тангна-Уола» и переводит по-якутски «сын Тангна». (Название Тангну-ола вероятнее всего монгольского происхождения, ибо «уула» по-монгольски значит «гора-хребет», так что якутское слово «уол» тут не причем). А географические названия, которые не поддаются переводу на якутский язык, например, Косогол и Кобдо, Кочнев объявляет «или совсем неправильно написаны или названия не урянхайские».

Первоначальную родину якутов Кочнев помещает в Туркестане потому, что, якобы, лингвисты «первобытным местом происхождения тюрко-татарского племени считают Туркестан». По мнению Кочнева, когда явился Чингис-Хан и покорил монгольские и тюркские племена, то часть урянхайского народа—якуты «удалились на северо-восток, к берегам Байкала». Проживание якутов около Байкала Кочнев выводит из наличия в якутском языке слова «байгал» со значением море и объявляет:

«Гипотеза о байкальском происхождении якутов теряет свою силу и обращается в гипотезу о временном их пребывании около Байкала». Дальше, опираясь на предание самих якутов, «гласящее, что они убежали от бурят и единогласное мнение исследователей якутов, что они вытеснены в Якутскую область бурятами», автор примыкает к общему мнению об отступлении якутов

на север по Лене. Племя Сагай в Минусинском крае, урянхайцы Танну-Тувы и еще какие-то урянхайцы в Северном Китае, по Кочневу, части якутов или «большого племени урянхайцев, вышедших под напором Чингис-Хана и осевших во время пути в названных местах».[1]

Автор не претендует быть историком якутов и не сопровождает свои общие исторические выкладки о взаимоотношениях турецких и монгольских племен в эпоху Чингис-Хана ссылками на научные источники, а свою гипотезу о происхождении якутов весьма скромно квалифицирует лишь как «приблизительное предположение». Поэтому мы, конечно, не вправе быть слишком требовательными к автору этой гипотезы, который, не удовлетворяясь высказанными предположениями о далеком прошлом якутов, намечает новые пути для разрешения этой сложной научной проблемы. Ввиду того, что якуты в своих богатырских былинах и в песнях действительно именуют себя «ураангхай саха», теория урянгхайского происхождения якутов, как рабочая гипотеза, конечно, должна была быть высказана. Историческую науку в целом можно уподобить правильно организованной войсковой части, которая имеет своих разведчиков, пробующих пути по разным направлениям. Кочнев выполнил роль одного из разведчиков и наскоро набросал план нового научного марша в сторону урянхайцев. В этом большая заслуга автора. Некоторые его исторические прогнозы безусловно заслуживают большого внимания. Автор по происхождению—вилюйский крестьянин, но объякученный с материнской стороны, ввиду чего якутский язык является для него родным.

«У якутов существует предание, читаем мы у Кочнева, согласное с мнением исследователей якутов, что у них была высшая культура, была письменность, которую они утратили во время своего странствования».[2]

По его мнению, урянхайцы среди тюрков когда-то составляли «большое племя» и упорно боролись с Чингис-Ханом. «Часть урянхайцев покорилась ему, а часть удалилась на северо-восток, к берегам Байкала». Таким образом, Кочнев превращает своих якутов в головную часть урянхайцев. Мало того, он даже наделяет урянхайцев званием культурных учителей монголов Чингис-Хана:

«Письменностью обладали почти все племена тюрков, а большей культурностью урянхайцы, так что они одни при дворе Чингис-Хана занимали должности, требующие письменности и способности к управлению».[3]

Чтобы понять это заявление Кочнева, нужно иметь в виду, что он, опираясь на свидетельство Г. Н. Потанина, отождествляет имена «урангхай» и «уйгур». Дело в том, что Потанин за время своих этнографических поездок констатировал:

«Дархаты зовут язык урянхайцев уйгурским, а народ их народом уйгурского языка».[4]

---

[1] Извест. Общ. Археол. Истории и Этн. при имп. Казанском универ. т. XV, вып. 5—6, 1898 г. 21—29 стр.

[2] Там же 28 стр.

[3] Там же. 29 стр.

[4] Г. Н. Потанин. „Очерки Северо-Запад. Монголии". Ч. IV. стр. 13.

Основываясь на этом факте, Потанин высказывает осторожное предположение, что урянхайский народ можно признать потомками древних «хойхоров» (китайских летописей), т. е. уйгуров (там же прим. 24). Это положение Кочнев распространяет и на якутов, т. е. признает в последних тоже потомков древних хойхоров-уйгуров. В связи с этим стоит положение Кочнева:

«Слово уйгур, которым называют урянхайцев, известно и якутам и означает человека дерзкого; с таким же обозначением якуты употребляют и слово ураангхай».[1]

С другой стороны, «действительно слово ураангхай относится к слову саха, как племенное к родовому, что, по моему, указывает на происхождение якутов от урянхайцев» (уйгуров).

Таким образом, гипотезу Кочнева в конечном итоге нужно квалифицировать, как теорию уйгурского происхождения якутов. Причем, по мнению автора, древние уйгуры были известны у монголов под общим этническим обозначением «ураигхай». В составе же этих урянхайцев-уйгуров было одно племя, именуемое саха, т. е. предки якутов. Своеобразие теоретических воззрений Кочнева заключается в том, что он, не будучи знаком с историей древне-турецкого народа, в частности хойхоров-уйгуров, местожительство последних указывает в верховьях Енисея в современном Урянхайском крае, тогда как фактически уйгуры занимали всю Восточную Монголию (Халху) со включением русского Забайкалья, Приангарья и Прикосоголья.

При выработке теоретических воззрений Кочнева, несомненно, оказала огромное влияние ученая среда Казанского университета, в частности устные беседы и информации проф. Н. Ф. Катанова, специалиста по турецким языкам. Катанов в своих ранних научных работах довольно часто высказывался за принадлежность языка урянхайцев и якутов к уйгурской группе. Так, например, в своей лекции—«Этнографический обзор турецко-татарских племен» он делал такие сближения:

«Наречия тобольских, тюменских, тарских татар и татар Минусинского округа Енисейской губ. из древних языков ближе всего к языку команскому или половецкому, т. е. к языку того народа, который в XI и XII веках не мало беспокоил русских князей».

«Наречия карагассов, урянхайцев и якутов близки из древних языков более всего к уйгурскому, на котором писан, напр., «Кудакту-Билик», манускрипт XI века, найденный в Герате и для тюркских наречий имеющий такое же значение, какое Остромирово евангелие имеет для славянских».

В своих «Письмах из Сибири и Восточного Туркестана» о языке урянхайцев он писал:

«Из записанных мною слов видна близость к уйгурскому языку... из родовых имен интересны для меня имена: Соян, Кыргыс, Уйгур»... «Два сойота рассказали мне 28 марта, что уйгуры жили прежде здесь по р. Бом-

[1] Кочнев. Там же. 27 стр.

Кемчикиу и Улу-Кему. У них дети стреляли из таких больших луков, каких теперь не могли бы поднять и самые сильные люди. Весь уйгурский народ ушел на юг, куда то в сторону Тыбат (Тибат). Остатки уйгуров—нынешнее племя, называющееся ондар-уйгур или уйгур-ондар и живущее теперь по Бом-Кемчику». «Из данных языка и родовых имен можно вывести, что все урянхайцы тюрки, представляющие смесь (Уйгур, Кыргыс, Чоды, Сояи) и финнов или самоедов».[1]

Но позже, когда проф. Катанов приступил к подробной теоретической разработке своих материалов по урянхайскому языку, ему пришлось отказаться от формулированного выше положения о преимущественной близости урянхайского языка к уйгурскому и якутскому, о чем мы будем говорить в своем месте. Это отступление проф. Катанова от прежних своих позиций Кочневу осталось неизвестным, ибо обстоятельная монография Катанова по грамматике урянхайского языка была издана позже выхода в свет труда Кочнева.

5. В. Ф. ТРОЩАНСКИЙ И В. И. ИОХЕЛЬСОН.

Гипотезу Кочнева об исходе якутов из Урянхайского края, а в более раннюю историческую эпоху из Туркестана, повторяет в несколько модифицированном виде В. Ф. Трощанский в своей работе «Эволюция черной веры у якутов».[2] Между прочим, проф. Н. Ф. Катанов, написавший предисловие к труду Трощанского, заявляет, что сочинение В. Ф. Трощанского было закончено 25 декабря 1895 г; затем в течение 1896 и 1897 годов оно переписывалось автором набело, но закончить переписку автор не успел, скончавшись 28 января 1898 года». Если руководствоваться этими датами, то выходит, что работа Трощанского была закончена за четыре года до появления в печати труда Кочнева «Очерки юридического быта якутов». (Изд. в 1899 г.). Но в упомянутом предисловии Катанова мы находим указание, что работа Трощанского и после 1895 г. «исправлялась и переделывалась» самим автором, а потом «исправлялась» редактором Э. К. Пекарским, который «делал поправки в тех случаях, в которых автор привык полагаться на него, г. Пекарского». С этими неопределенными для нас переделками сочинение Трощанского увидело свет лишь в 1902 г., т. е. через три года по опубликовании работы Кочнева. Вот почему научный приоритет по разработке гипотезы об «урянхае-туркестанском» происхождении якутов мы приписываем Кочневу, а не Трощанскому. Кроме того, мы имеем основание думать, что «Трощанский»—не фамилия подлинного автора названного выше сочинения, а литературный псевдоним другого лица, которое по разным соображениям не захотело объявить свое авторство.

---

[1] Письма Н. Ф. Катанова из Сибири и Вост. Туркестана. Прилож. к LXXIII-му тому „Зап. Имп. Акад. Наук“ № 8, Спб. 1893. Стр. 2 и след.

[2] Казань. 1902 г. 12—17 стр. Глава II—„Родственные якутам народы. Прародина якутов“.

Устанавливать личность псевдо-Трощанского в данный момент мы считаем излишним.

Былинное наименование якутов «ураангхай-саха», толкуемое Худяковым в смысле «коренной якут», у Трощанского получает значение «человек из Урянгхая», т. е. в последнем слове автор видит не название племени, а страны. Дальше он отождествляет якутов с упоминаемым в сочинении Рашид-Эддина «История монголов» народом ойн-уряпха, впрочем, не заглядывая в подлинный текст Рашид-Эддина, а лишь руководствуясь ссылкой на него, Банзарова в его статье «Об ойратах и уйгурах».[1] Затем и сами обитатели Урянхайского края представляются Трощанскому «киргизами-урянхайцами». По словам Трощанского, у самих якутов будто бы существует предание, что «они пришли из страны, находящейся на три тысячи верст южнее того места, где ныне стоит г. Иркутск. Киргиз Сарабай-Тойон и жена его Сай-Сар, родом татарка, с детьми своими отправились с своей родины на север, Сарабай-Тойон умер в том месте, где ныне стоит г. Иркутск, а жена его с детьми отправилась дальше и прибыла на то место, где теперь стоит г. Якутск». Кто записал это предание, когда, где и от кого, на этот счет автор не приводит никаких данных. Руководствуясь тем же Банзаровым, Трощанский находит в сочинении Рашид—Эддина еще упоминание о народе Хори («относительно которых Банзаров замечает, что это нынешние хоринские буряты»). «У якутов же мы встречаем в настоящее время роды и наслеги Хоро в Кангаласском и Борогонском улусах Якутского округа, а также и в Вилюйском и Верхоянском округах». По толкованию Худякова, «хоро» название предков якутов, употребляется также в смысле юг, южный. Еще брат жены Омогоя, легендарного праотца якутов, называется Улуу-Хоро. (Автор ссылается на запись В. Л. Приклонского). У якутов сохранилось понятие о том, что шаманы говорили «хоролуу», т. е. на языке Хоро; есть у якутов сказочный богатырь Хоро-Дыыбырдаан и сказочное животное «Хоро-Тэбиэн». Все эти данные убеждают Трощанского в том, что якутские роды Хоро являются частью хоринских бурят, которые вместе с Ойн-Урянха жили в Урянхайском крае.

По мнению Трощанского, часть урянхайцев («два рода») должна была переселяться вниз по Енисею, где на севере Туруханского края они живут поныне (т. е. якуты Туруханского края), другая часть «через Тункинский проход, по р. Тунке на Ангару, а затем по Лене», и, наконец, хоринцы «по притокам р. Селенги, берущим начало около оз. Косогол, а затем по самой Селенге, проникли в Забайкальскую область». Из последней группы переселенцев «урянхайцы остались в Селенгинском округе, а хоринцы поселились на северо-западной стороне Байкала». В данном случае под «урянхайцами», очевидно, разумеются роды Урянхай среди селенгинских бурят, а под хоринцами, конечно, хоринские буряты. («Северо-зап. сторона Байкала», надо полагать, описка).

---

[1] „Черная вера" и др. статьи. Спб. 1891, стр. 82—87.

Так же, как и Кочнев, Трощанский более раннее местожительство якутов предполагает в Туркестане (русском), ибо, по словам акад. Радлова, «центром оседлого тюркского населения средней Азии должно безусловно признать долину Заревшана». (Район Самарканда и часть Бухары между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей. Г. К.).

Когда хоро-урянхайцы переселились из Урянхайского края в Прибайкалье и дальше на Лену и в Туруханский край, какая сила гнала их на север, обо всем этом автор умалчивает.

Теоретические построения Трощанского по научной аргументации слабее Кочневских. Еще того хуже обоснована у Трощанского т. н. Заревшанская прародина якутов, ибо, если даже в имени акад. Радлова видеть своеобразный научный оракул, то Заревшан, «как центр оседлого тюркского населения Средней Азии», еще не равняется прародине тюркских племен вообще. Дальше (ч. III, гл. VI наших очерков) мы убедимся, что отождествление Ойн-Урянха Рашид-Эддина с предками якутов является простым недоразумением. Точно так же и якутские Хоро совсем не могут быть приравнены монголам—хоринским бурятам. (Об этом см. 2 том наших очерков).

В частности, ему совсем неведомо, что урянхайцы называют себя «туба» или более точнее «туба киджи»[1] (последнее слово значит—человек) и что имя «урянхай» привито извне властвующими над ними монголами и китайцами:

«Сами себя урянхайцы называют туба, под каковым именем знали их и китайцы древних времен, называя их дубо...». «Монголы и манчжуры в правительственных бумагах зовут урианхай, за ними и я зову этот народ урянхайским или урянхайцами» (Проф. Н. Ф. Катанов).[2]

«Монголы называют татар северо-восточной Монголии Урянха. Те же племена известны у русских под названием саянцев, а у алтайцев и абаканских татар—под именем сойонг... Сами себя эти татары называют тубо». (Академик В. В. Радлов).[3]

В пределах Алтае-Саянского нагорья «туба» представляет собой довольно распространенное этническое наименование. Так зовут себя и карагассы, откуда происходит и их современное советское название «тофалар» и общее их административное имя «Тофалария» (от «тофа-туба»[4]). По свидетельству Радлова, тем же именем «туба» телеуты, алтайцы и урянхайцы называют черневых татар, которые сами называют «йыш кижи», что значит человек

---

1 М. Райков. Отчет о поездке к верховьям реки Енисея в 1897 г. Изв. Имп. Русс. Геогр. О-ва, т. XXXIV, вып. IV, стр. 29

2 См. Опыт исслед. урянх. языка. Казань, 1903 г. Предисл. II стр.

3 См. „Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии". (Перевод с немец.) Томск. 1887 Стр. 11.

4 См Проф. Н. Ф. Катанов. „Поездка к карагассам в 1890 г." Зап. Имп Русс. Географ. О-ва по отд. этн. т. XVII, вып. II, стр. 141, а также В. Н. Васильев: —«Краткий очерк быта карагасса». Этнограф. Обозр. кн. LXXXIV—LXXXV Стр. 3 отд. отт.

черни, гор покрытых лесом[1]. Н. М. Ядринцев писал: «Черневые татары большею частью называют себя туба, тубалары или йиш-кижи».[2] Есть род Туба у качинских татар. По Радлову, именем «туба» называют койбал и минусинские сагайцы.[3]

Так как сойоты называют себя «туба кижи», а черневые татары «туба» или «йыш кижи», сам по себе напрашивается вывод, что слова «туба» и «йыш» когда-то были синонимы и обозначали одно и то же понятие тайга, чернолесье, горы покрытые лесом. И, действительно, в якутском языке сохранилось это же слово в палатализированном варианте—«тюбэ» с тем же значением—густая, темная тайга, по преемуществу, в долинах горных рек и речек. Э. К. Пекарский в своем полном словаре, ссылаясь на разные источники, дает такие определения:

«Тюбэ, тюмэ—I) лесок (роща) из кустарников, лесная чаща (—тюбэ-ойуур-Афанасьев), густой лес... чаща, тайга, М. (Это очевидно, Маак. Г. К.); место очень густо поросшее по преимуществу мелочью-Ионов; тюбэ тыа-дремучий, густой лес над рекою, приречная поляна. Порядин».[4]

Якутское «тюбэ», по всей вероятности, ответвилось от общетурецкого и якутского же корня «тёбё, тёпё, тэбэ, тэпэ, тюбэ—макушка, головка, верхушка, темя. Древние турки гористые и холмистые страны, очевидно, обозначали именем «тюбэ». У казанских татар и теперь возвышенные и холмистые места называются «тюбэ джир»,[5] у кара-киргиз «дёбё, тёпэ»—холм.[6] В древне-турецкой орхонской письменности, повидимому, от этого же слова происходит название Тибета—«Тюпют», что одновременно обозначает и тибетанца.[7] Отсюда ясно, что первоначальное нарицательное значение этнического названия «туба кижи» было ни что иное как «тюбэ кижи»—горный человек, горец, житель горной тайги, черни. В якутском языке вплоть до наших дней сохранилось аналогичное понятие «тыа киситэ»—человек тайги, каковое выражение очень часто употребляется со значением—отсталый, некультурный человек. Но, с другой стороны, нам хорошо известно, что якутское «тыа» образовалось от древне-турецкого «таг»—гора.[8] Иными словами, первоначальное значение приведенного понятия «тыа киситэ» было—горный житель, горец. В современном якутском языке этот термин употребляется в отношении обитателей отдаленных окраин и глухих медвежьих уголков, чаще так характеризируют жители приленской долины население таежных улусов с некоторым оттенком пренебрежения.

Вместе с тем устанавливается, что якутское «тыа киситэ» и древне-турецкое «тюбэ кижитэ» или «тюбэ кижи» были синонимы, возникшие в условиях степного быта. Якутские богатырские былины рисуют предков якутско-

---

1 Радлов. Опыт словаря... т. 3, ст. ст. 497, 1513—1514.

2 „О алтайцах и черневых татарах. Изв. Имп. Русс. Геогр. Общ. 1881. т. XVII, вып. 4. стр. 230.

3 Опыт слов, т. 3, ст. 1514.

4 Словарь якут. яз. 2877 ст.

5 См. Радлов. Опыт словаря... Т. 3. ст. 1597.

6 См. Там же.

7 См. Там же. Т. 3. ст. 1596.

8 См. Словарь Пекарского, ст. 2929.

го народа как обитателей безграничных степей по преимуществу, на чем мы остановимся подробно во 2-м томе наших очерков. Никем из этнографов и знатоков якутского языка не удостоверено, чтобы якуты называли себя «тюбэ» или «туба». Этим самым опровергается праздное предположение Трощанского о единстве происхождения урянхайцев-тубаларов и якутов. Что же касается названия «уранхай», навязанного тубаларам монголами (между прочим, нижне-удинские буряты и карагасс называют «уранкан»)[1], то опять-таки напрашивается простейший вывод: не есть ли имя «уранхай» в современном монгольском языке пережиток от тех отдаленных времен, когда монголы жили в окружении многочисленных турецких племен и обозначили их общим именем «уранхай»? Если дело обстояло так, то и воображаемое родство якутов с туба-урянхайцами ограничивается только принадлежностью тех и других по языку турецкому миру. Происхождение имени «уранхай» и отношение к нему якутов представляет собой очень сложный исторический и лингвистический вопрос, разобраться в котором не так то просто, как это кажется Трощанскому.

В связи с изложенным выше разбором семантики этнического наименования «туба», ответвившегося от нарицательного имени «тюбэ»—«тюмэ», не лишне отметить здесь несомненное родство с ним названия монгольского племени «Тюмэт» или «Тумат». Так как в монгольском языке замечается тенденция племенные названия передавать во множественном числе, например,—баргут, олхонут, керент, меркит, урянхит, теленгут, баяут, между прочим, и сахалт (от саха)[2] и т. д., то и имя «Тумэт», «Тумат» нельзя ли понять как форму множест. числа, по грамматике монгольского языка, от того же имени «тюбэ-тюмэ», «туба-тума»?

Если исходить из анализа племенных названий, вот с кем следовало бы роднить урянхайцев—тубалар (по-монгольски—тубат-тумат). Но могли ли монголы тумэты быть древними обитателями Урянхайского края и находиться в родстве с его коренными обитателями «туба»? На этот вопрос мы попытаемся ответить в гл. VI-ой 3-ей части наших очерков.

Мы остановимся еще на последней работе В. Н. Похельсона, который недавно в 1933 г. спубликовал в Америке на английском языке довольно объемистый этнографический очерк о якутах под заглавием «The Yakut».[3] Исторические воззрения Похельсона о прошлых судьбах якутского народа в общем и целом повторяют урянхайскую гипотезу Трощанского.

В. И. Похельсон, в качестве политического ссыльного царской России, прожил среди якутов девять лет (1888—1897 гг.) и был одним из деятельных участников знаменитой Сибиряковской экспедиции, организованной по частной инициативе и на средства известного мецената и капиталиста И. М. Сибирякова для изучения быта, главным образом, якутов. По программе экс-

---

1 См. Русско-монголо-бурят. словарь И. А. Подгорбунского. Стр. 120.

2 См. История монголов. Рашид Эддина. Введение.

3 Waldemar Wochelson: The Yakut. Anthropological Papers of the American Museum of Natural History V. XXXIII, P II. New York. 1933.

педиции, ему было поручено этнографическое и экономическое обследование якутов Колымского округа и Жиганского улуса Верхоянского округа, но главным образом юкагиров (в лингвистическом, антропологическом и историко-географическом отношениях).

Иохельсон вторично посетил Якутский край в 1900—1902 гг., состоя членом Американской Джезуповской экспедиции. Тогда же он собрал для Американского Музея Естественной Истории довольно богатую этнографическую коллекцию по якутам.

По своему основному научному интересу Иохельсон, совместно со своим товарищем по Сибиряковской и Джезуповской экспедиций—проф. Тан-Богоразом, считается крупным знатоком палеоазитов Сибири, отчасти и полярных народов Северной Америки. Его главные работы относятся к юкагирам и корякам. Якутами же он раньше интересовался мимоходом. Кроме упомянутой раньше статьи—«Заметки о населении Якутской области в историко-этнографическом отношении» известен его труд—«Очерк зверепромышленности и торговли мехами в Колымском округе»[1] и статья на английском языке в юбилейном сборнике в честь американского этнолога проф. Боаза «Кумысный праздник якутов и декоративная резьба на их кумысных чашах».[2]

Таким образом, в лице Иохельсона мы сталкиваемся с известным якутоведом. Последний труд Иохельсона «Якуты» по широте программы мало в чем уступает «Якутам» В. Серошевского и задуман с очевидной целью восполнить недостатки последнего по новейшим достижениям этнографической науки о якутах.

Сжатое физико-географическое описание Якутского края, его флоры, фауны и демографии по округам и улусам составляет как бы естественное обрамление этнологической по своему основному содержанию работы, посвященной исключительно якутам с их самобытной материальной и духовной культурой. Коренное отличие от труда Серошевского заключается в наличии весьма компактных и содержательных глав по антропологии (82—90 стр.) и языку, т. е. как раз тех разделов якутологии, которые всего дальше продвинуты членами Сибиряковской экспедиции. В отношении якутского языка Иохельсон использовал еще неизданную переработанную грамматику С. В. Ястремского. На протяжении восьми страниц автор ухитряется ознакомить своих читателей в отрывках с якутской грамматикой (фонетикой и морфологией), почему-то пропустив имена существительные и прилагательные.

Глава по антропологии якутов представляет собой в общем пересказ соответствующей части обширной статьи И. И. Майнова—«Население Якутии», помещенной в академическом сборнике «Якутия» с небольшими дополнениями самого автора, тоже занимавшегося когда-то антропометрическими измерениями якутов. Дальше—якутский календарь (98—103 стр.), религия—шаманство (103—123 стр.), семья и род (123—135 стр.), более развернu-

---

[1] Спб. 1898.

[2] Kumiss Festivals of the Yakut and the Decoration of Kumiss Vessels. New .-Yok. 1906.

тое описание материальной культуры якутов (135—192 стр.), отдельно искусство. Много внимания автором уделено преданиям якутов об их прошлом, которые приводятся во многих, известных в литературе вариантах, позаимствованных, главным образом, из лингвистической монографии акад. В. В. Радлова—«Якутский язык в его отношении к тюркским языкам». Но этот фольклорный материал не сопровождается никакими комментариями. Рассуждения автора об историческом прошлом якутов, равно и других народов Сибири, носят аподиктический характер.

Тунгусов и якутов, как и всех монголоидных обитателей Сибири, Иохельсон признает пришельцами с юга. Более ранними обитателями Сибири, по его мнению, были длинноголовые народы, заселившие ее с запада. Они постепенно были истреблены монголоидами или растворились в их среде. Это положение будто бы установлено находками археологов. Иохельсон думает, что тунгусы в своей южной прародине обладали высшей культурой и превратились в оленеводов и охотников лишь в пределах холодной Сибири. Тунгусы заселили Якутский край в незапамятные времена, а якуты переселились на север только в течение XIII века новой эры под давлением монголо-бурят, двигавшихся на запад с верховьев Амура. Но распространение якутов за Верхоянский хребет и на восток за Становой хребет автор относит к порусской эпохе.(7 стр.).

По мнению Иохельсона, якуты были обитателями западной части Прибайкалья с захватом верховьев Лены с очень давних времен. Но одновременно он подчеркивает, что якутская самобытная культура по своему характеру является степной, центрально-азиатской и что якуты в более раннюю историческую эпоху должны были обитать где-то в пределах Северной Монголии. Он ссылается на разноречивые мнения тех или других ученых авторитетов. Академик В. В. Радлов будто бы роднит якутов с сойотами Урянхайского края, академик А. Н. Самойлович включает якутский язык в одну группу с древне-уйгурским наречием, а проф. Б. Э. Петри признает в якутах выходцев из центрально-азиатских степей, где они раньше будто бы находились в деятельных сношениях с Китаем. Рассуждения Радлова автор очень плохо понял, ибо у него мы не находим указаний на родство якутов с сойотами. Как дальше увидим, Радлов отождествляет предков якутов с ойн-урянхами, упомянутыми в историческом труде Рашид-Эддина, но помещает их в пределах северной части русского Забайкалья.

В одном месте своего труда (164 стр.) Иохельсон определенно говорит о передвижениях якутов из Минусинского края на восток в пределы Ангары. Очевидно, под «Северной Монголией» он разумеет современный Урянхайский край.

В связи с археологическими находками проф. Петри памятников древнетурецкой письменности в пределах Западного Прибайкалья Иохельсон допускает знакомство предков якутов с енисее-орхонскими письменами. Ссылается и на предания самих якутов об утрате своей письменности.

В общем книга Иохельсона—не самостоятельное научное исследование, а простая компиляция уже добытых знаний о якутах и их историческом прош-

лом, которые признаются автором более или менее достоверными и доказанными прежними исследованиями [1]. Поэтому нет никаких оснований переходить здесь к критическому разбору, выставленных им, тезисов, которые им самим научно не обоснованы. Достаточно будет ограничиться констатированием того факта, что Иохельсон примыкает к известным нам гипотезам минусинско-урянхайского происхождения якутов, очевидно, признавая их господствующими в современной историко-этнографической литературе о якутах.

6. ПРОФ. В. И. ОГОРОДНИКОВ.

Проф. В. И. Огородников—первый университетский преподаватель истории Сибири на ее собственной почве. В течение нескольких лет со дня открытия Иркутского Государственного университета (с 1918 г.) он занимал кафедру по истории Сибири и читал студентам систематический курс лекций, которые в сжатом виде были изданы им в 2-х частях под заглавием «Очерк истории Сибири». Первая часть этого очерка целиком посвящена истории дорусской Сибири. В этом отношении проф. Огородников делает большой и принципиальный шаг вперед по сравнению с прежними историками Сибири, которые в своих общих курсах уделяли внимание только истории порусской Сибири, понимая ее как дополнение общерусской истории. Огородников, определяя «задачи изучения сибирской истории», прямо заявляет: «Русскому владычеству в Сибири предшествовала многовековая история туземной Сибири... В настоящее время эта древняя история остается совершенно неизученной, а между тем с нею неразрывно связан вопрос об исторических судьбах упомянутых народов, из которых многие и до сих пор живут в Сибири. Из такого положения нас может вывести только научная самостоятельность сибирской истории и ее всестороннее изучение». (Стр. 2).

Огородников, повторяя исторические взгляды Миллера и Фишера, указывает на «тесную зависимость древней истории Сибири» от тех великих перемен и переворотов, которые происходили внутри центрально-азиатских

---

[1] Нельзя не отметить слишком преувеличенное представление Иохельсона о ценности и значении раскопок проф. Петри в деле установления прибайкальского этапа якутской истории.

Иохельсон заблуждается и относительно опубликованных Петри пряслешков из каменного угля с орхонскими письменами, полагая, что они принадлежат к составу раскопочного материала самого Петри. На деле эти пряслешки представляют из себя случайный подъемный материал, добытый посторонними лицами. Заслуга проф. Петри заключается в отыскании этих находок и опубликовании их. И этого вполне достаточно для признания огромного значения археологических работ Петри в деле прояснения древней истории якутского народа, ибо на отысканных им пряслешках расшифровываются слова якутской речи. (О расшифровке орхонских письмен, заключающихся в двух пряслешках, опубликованных Петри, см. статью финляндских лингвистов Кая Доннера и Марти Резенена в жур. Финно-Угорского общ. т. XV, 2 за 1931 г. под заглавием „Zwei neue türkische Runeninschriften“ и рецензию автора этих строк в оборон. "Язык и Мышление“ I, за 1933 г. Ленинград. 170—173 стр. под заглавием—„Расшифровка двух памятников орхонской письменности из западного Прибайкалья“.

степей и что, кроме того, Южная Сибирь с древнейших времен входила в состав различных кочевых государств степной Азии. (Ч. I. 130 стр.).

В нашу задачу не входит критика всех исторических построений проф. Огородникова, тем более с точки зрения марксистских установок, но мы не можем согласиться с его утверждением, что и все коренные оленеводческие и охотничьи племена Сибири, финно-угры в ее западной половине и тунгусы в восточной части, являются на занятой ими территории сравнительно недавними пришельцами. Если, например, в тунгусах—эвенках и эвенах—признать типичных оленеводов и охотников, то для развития этой формы хозяйственого быта трудно было бы даже и представить себе иной, более приспособленный самой природой, естественный плацдарм, чем вся северная половина Сибири, включая сюда и полосу тундры. А у Огородникова все сибирские тунгусы имеют «прародину» где-то в Манчжурии и в Южном Приамурье. Оттуда в первые века н. эры они двигаются на север, чтобы заполонить затем всю восточную половину Сибири (Так же Ч. I. стр. 180). Проф. Огородников вообще болеет исканием «прародины» для всех племен и народов и доводит до полнейшего абсурда теорию буржуазных ученых о вечных миграциях и переселениях народов, презюмируя эти явления как нечто само собой разумеющееся. Миграции и переселения в истории, конечно, имели место, но в каждом отдельном случае они должны быть точно доказаны и обоснованы общими или местными законами развития и распространения культуры.

Переходя к изложению истории якутов, в дорусскую эпоху коневодов по преимуществу, расселившихся теперь весьма разбросанно на огромном пространстве среднего бассейна Лены, Яны, Индигирки, Колымы, Оленека, Анабара и Хатанги, проф. Огородников отыскивает для них на юге лесистую и гористую прародину не то в лесах северного Урянхая, не то в гольцах восточных Саян в районе «Южного Прибайкалья». Отсюда в XIII—XIV веках выталкивают их монголо-буряты, двигаясь из Забайкалья по южному берегу Байкала. Движение в западном направлении для якутов почему-то оказывается запретным, и они держат путь на север, где им предстояла еще борьба с тунгусами [1]. Огородников в районе Прибайкалья во владение предков якутов отводит землю размерами чуть ли не с ладонь или с одну бычью шкуру, тогда как они по своей численности почти равны современным бурятам, которые в момент русского завоевания, как известно, занимали и Забайкалье и Предбайкалье. Надо заметить еще, что якуты и буряты, вместе взятые, по данным современной статистики, равняются двум третям туземного населения всей Сибири. Следовательно, эти племена в истории дорусской Сибири должны были бы играть довольно заметную роль, хотя бы в смысле распоряжения землей. Не приходится при этом упускать из виду и то обстоятельство, что турецкие и монгольские скотоводы управлялись не обособленными родами, как это имело место у охотников и рыболовов, а большими группами родов, которые сплошь и рядом превращались в

[1] См. „Очерк истории Сибири". Ч. I, стр. 143, 163—164 и 182—183.

общеплеменную организацию феодального типа. Но о возможности сохранения у якутов скотоводов феодального строя, вынесенного ими из южной родины, у проф. Огородникова нет, конечно, и в помине. Останавливаясь на общественной организации древних якутов он, по традиции ранних русских историков, предпочитает говорить об «орде»: «якуты пришли на север целою ордою». (Там же 271 стр.). Во всем следуя Серошевскому, допускает также «родовые союзы», как объединение нескольких родов, связанных между собой единством происхождения и хозяйственными интересами. (Там же 275). Анализ общественной организации древних якутов профессор кончает великорусской патриотической тирадой, позаимствованной у Пекарского [1], вложенной в уста самих якутов: «Недаром теперешние якуты, вспоминая о своем далеком прошлом, говорят—«если бы мы не подпали под власть русских, то непременно в конце концов перерезали бы друг друга». (276 стр.). Иными словами, до прихода русских все якутские роды или родовые союзы находились в состоянии вечной войны друг с другом.

Имея пред собой историка специалиста, мы вправе также выразить удивление по поводу переселения якутов из Предбайкалья при преемниках Чингис-Хана, когда вся территория Южной Сибири целиком вошла в состав Монгольской империи, разделенной на уделы и правильно организованной в смысле управления. Могли ли якуты, живя под боком исторического Каракорума, быть независимыми от властителей тогдашней Монголии, мощное влияние которых чувствовали даже в далеком Ватикане, не говоря, конечно, о тогдашней Руси, Сирии, Кавказе и т. д. Самовольный уход якутов на север пришлось бы квалифицировать, как явный бунт против власти могущественных тогда Чингизидов. Точно так же и сепаратные войны бурят с якутами были бы нарушением прерогативы названных властителей, державцев полумира, на суд и расправу по делам всех своих подданных. Если нужно и необходимо говорить о переселении якутов из Предбайкалья на Лену, то всего целесообразнее отводить этому событию время до окончательного оформления Монгольской империи или же в самый разгар военных столкновений, непосредственно предшествовавших возвышению самого Чингис-Хана.

Дальше, переселение якутов-скотоводов на север в зону оленеводческого хозяйства, Огородников представляет себе по образцу библейских картин, сорокалетнего странствования Израильского народа по пустыне Аравийской.

«Кочевники якуты двигались на север сплоченными ордами с кибитками и скотом, и потому одерживали верх над храбрыми, но разрозненными противниками». (Там же 183 стр.).

Однако, в живой действительности, если бы якуты действовали по указанному рецепту Огородникова, то они, вероятно, потеряли бы весь свой скот. Дело в том, что в пределах Якутского края быки и коровы не могут существовать в зимнее время подножным кормом, да и табунам конного скота вряд ли поздоровилось бы, ибо в диких лесах горных хребтов верхнего

---

[1] Э. К. Пекарский и Г. Ф. Осмоловский. „Якутский род до и после прихода русских". Пам. кн. Якут. обл. 1896 г., вып. I, стр. 25.

бассейна Лены, кроме оленных стад бродячих охотников, иной домашний скот пастись не может. Весь свой рогатый скот в течение 8-ми месячной зимы якуты всегда кормили запасами сухого летом накошенного сена. Иначе говоря, в стране, занятой якутами, возможно только оседлое скотоводство, ибо там естественных лугов, заготовленных самой природой, почти не существует, годные пастбища тоже весьма ограниченны и встречаются незначительными клочками или даже точками, отыскание которых само по себе требует от человека огромного труда и усилий.

Затем переселение якутов на север Огородников представляет себе в виде одноактного действия, как если бы шла речь о передвижениях маленького цыганского табора: все якуты разом поклонились своей прибайкальской родине и обрели новую там, где раньше бродили лишь оленеводы, охотники и рыболовы.

В предисловии проф. Огородников говорит о больших трудностях, с которыми было сопряжено «научное построение истории Сибири, особенно дорусской», которое до него отсутствовало, и просит «смотреть на его труд, как на одну из немногих попыток научного обследования вопросов краевой истории и снисходительно относиться к способу ее выполнения». Утверждения вполне справедливые, ибо первые опыты конкретного изображения давно прошедших исторических событий, тем более у безписьменного народа, не могут быть вполне удачными. Будем благодарны проф. Огородникову, как бывшему представителю университетской кафедры, за его гражданское и ученое мужество—начать дело научного познания древней истории «неисторических» народов первобытной Сибири.

7. ПРОФ. Н. Н. КОЗЬМИН.

Перейдем теперь к изложению взглядов проф. Н. Н. Козьмина, последнего, пожалуй, и наиболее авторитетного сторонника гипотезы минусинского происхождения якутов, ибо он во всех своих работах обнаруживает обширную осведомленность не только по истории Сибири и этнографическому описанию ее народов, но и по древней истории кочевых народов центральной Азии. Козьмин касается происхождения якутов в нескольких своих работах и обычно мимоходом, разбираясь в исторических судьбах других народов [1].

В южном происхождении якутов Козьмин не сомневается, ибо принадлежность их к группе тюркских народов сама по себе свидетельствует о приходе «не с севера и не с востока, а с юга-запада». Разрешая вопрос об их древней прародине и ближайших родичах, он придает очень важное значение племенному наименованию:

---

[1] „Д. А. Клеменц и историко-этнографические исследования в Минусинском крае". Изв. Вост. Сиб. Отд. Русс. Геог. Общ. за 1916 г. стр. 47—48, 57—58, „Туба"—в „Сибирских записках" за 1918 г., „Хакасы"—1925 г. 16—17, 21—23 стр. „К вопросу о расселении бурят около Байкала"—„Сибирская Живая Старина". 1925 г. и „К вопросу о происхождении якутов—сахалар",—в „Очерках по изучению Якутского края". Вып. 2, 1928 г. стр. 5—14.

«Якуты, как известно, называют себя соха или саха, в зависимости от того, говорит ли человек на «окающем» или «акающем» наречии. Их сородичи, живущие в Минусинском крае, отчетливо окают и поэтому произносят свое имя, по крайней мере, в единственном числе «соккы» с большим нажимом на «о» и гортанный звук. Во множественном числе это слово уже не произносится с таким отчетливым повышением голоса на «о»: может слышаться «сахалар».

«Сокы—это один из наиболее многочисленных сёоков (костей) или племен северо-абаканских и июсских турков, наряду с каш (кашинцы, качинцы в русском словоупотреблении), ара (аринцы), туба (тубинцы), тинн (тинцы), частых (или ястых—ястинцы), кыргыз, бюрют, ызыр (езерцы) и др.». Дальше, Козьмин сообщает о делении сокы на белых сахалар (ак сокы) и черных сахалар (хара-сокы).

По мнению Козьмина, на этих минусинских сохы, как на родичей якутов, указывали еще Миллер и Фишер и «странно, почему существование этого племени ускользнуло от внимания позднейших исследователей». Аристов и Серошевский имя «саха» сопоставляли с «сагай», что, по мнению Козьмина, ошибочно: «Очевидно, тут играла роль близкая созвучность имен... Саган принадлежат, надо думать, к другой, хотя и турецкой же, племенной группе».

Эта теория отождествления минусинских «сохы» с якутами «саха», как мы доказывали раньше, не заключается в исторических построениях Миллера и Фишера, но тем не менее, вопреки мнению Козьмина, она и не является большой новостью, ибо еще у Н. Щукина мы читаем:

«Теперь между татарами качинскими, обитающими в Енисейской губ. по р. Енисею и Абакану, есть род, называющийся доныне Соха или Соха-ляр. До пришествия русских кочевал он на равнинах по речке Каче, в окрестностях Красноярска. Легко могло статься, что часть рода Соха под предводительством Омогоя отделилась от главного племени и пошла искать степей для кочевий»[1]. На эти же Соха-Сохаляр ссылался и Костров.

Щукин своих красноярских соха ведет по Енисею и вверх по Ниж. Тунгуске на Вилюй и на Лену, а проф. Козьмин приводит их в места современного обитания якутов через Ангару и верховья Лены. Итак, в построениях проф. Козьмина мы имеем дело с иной вариацией Щукинской гипотезы.

Руководствуясь показаниями русских исторических актов, Козьмин утверждает, что род Сокы в XVIII веке входил в состав т. н. Кубанова аймака, ввиду чего представители рода Сокы и теперь иногда причисляют себя к роду Кубан. На северном Алтае по реке Бии живут кумандинцы, которые делятся на роды: со и кубан. Отсюда Козьмин умозаключает:

«Ясно, что это те же сокы и кубан, что и в Абаканско-июсских степях».

«Абаканские и алтайские сахалар входили в состав тех енисейско-алтайских кыргысских государственных образований, которые в жестокой

[1] „Поездка в Якутск". 2 изд 273 стр.

борьбе с русскими за свою независимость дотянули до первого десятилетия XVIII века».

Среди якутов Козьмин находит след существования еще одной кости или рода, который констатируется теперь в Минусинском крае:

«На Лене встречаются названия урочищ и селений—«Ары», «Аринская», указывающие на название кости Ара у абаканских инородцев и аринцев. Часть «аринцев» русские застали вместе с Кашинской ордой, а другую, вероятно, увлекли с собой и ассимилировали сахалар».

Козьмин думает, что в древние времена Урянхайский край, долина Южного Енисея (Минусинский край) и Алтай—«в этнографическом, а периодами и в политическом отношении представляли одно целое». Когда-то это была цветущая и культурная страна. Минусинский край и Урянхай проф. Козьмин отождествляет с государством «Хакяньсы» или «Хагас», описываемым в китайских летописях, которое позже было известно в тех же летописях под именем «ки-ли-кидзе» (т. е. киргиз). Страна «кыргысов» упоминается и в орхонских надписях, датируемых первыми тремя десятилетиями восьмого века. По словам Козьмина, хакасы-кыргызы принимали участие в международной торговле с средне-азиатскими государствами и даже с арабами: «Их вооруженные отряды сопровождали торговые караваны арабов по средне-азиатским дорогам». «Страна кыргызов много вывозила и ввозила, как об этом свидетельствуют предметы, находимые в могилах или просто в земле».

«Русские застали здесь... руины когда-то могущественного и культурно-оригинального государства хагасов-кыргызов».

Переселение якутов-сахаларов из долины Енисея на Ангару Козьмин объясняет экономическим и торговым кризисом в стране хакасов-кыргызов, наступившим в связи с изменившейся конъюнктурой тогдашнего мирового рынка:

«Византийская империя с ее рынками была поколеблена сначала междуусобицами, войнами с персами, потом подверглась разгрому со стороны арабов... Арабские государства были не в состоянии продолжить византийскую торгово-культурную миссию. Возникают торговые флоты Венеции и Генуи. На севере создается ганзейский союз. Вырастает торговое значение Великого Новгорода и варяго-русских приднепровских княжеств. Все это расстраивало значение средне-азиатских торгово-политических организаций. Население их беднеет. Появляются голодные банды наездников, начинается передвижение кочевых орд... Затем открываются морские пути в Индию и Китай. Жизнь на севере замирает. Интенсивная культура падает. Оросительные канавы забрасываются... Скотоводство мало дает предметов для вывоза... Начинается усиленная погоня за единственным, не утрачивающим никогда значения и весьма легким, удобным для транспортирования товаром—мягкой рухлядью, т. е. дорогими мехами...»

«Из киргизской земли начинается отлив не находящего для себя достатка населения. Так уходит

вероятно значительная часть сахаларов. Они продвигаются со своими стадами на северо-восток и занимают балаганские, кудинские и верхоленские степи».

«За ними продвигаются кашка-каштар». (Это предки будущих карагассов Г. К.).

Приведенные цитаты взяты из работы Н. Н. Козьмина—«Д. А. Клеменц и историко-этногр. исследования в Минусинском крае». То же самое он повторяет и в поздней работе «Хакасы» (Стр. 14—16) и добавляет: «В этом—ключ к пониманию политических условий Минусинского края».

Из приведенных рассуждений Козьмина трудно установить приблизительную дату, когда в пределах Хакасии-Киргизии разразился экономический кризис и ее население стало отливать из Енисея на Ангару в погоне за мягкой рухлядью. Войны Византии с персами происходили в первой четверти VII века, с арабами во второй половине того же века и в VIII веке, оживление торговли Великого Новгорода и приднепровских княжеств относится к IX—XI векам, Ганзейский союз возникает еще позднее.

Еще непонятнее то, что сохалары, по Козьмину, в начале VII века уже проживали в Предбайкалье, ибо он отождествляет их с одним народом, описанным в китайских летописях под именем «гулигань». По сказанию китайских историков, «гулигане» кочевали «на северную сторону Байкала» (Это территория южных уездов б. Иркутской губ.) и их старейшины представлялись китайскому двору в 629 и 647 гг.[1]

Проф. Козьмин думает, что сохалар-гулигане прожили около Байкала до начала XIV века, когда с востока из-за Байкала проникли буряты и вытеснили их на север, на Лену. На Лене якуты должны были столкнуться с народом, который в китайских летописях обозначается под названием мохэ. В последнем профессор предполагает юкагиров. Кроме того, он допускает, что «в области Енисея и Прангарья» обитали котовы или котуан, остатки которых сохранились до наших дней под названием «енисейцев (кет) или енисейских остяков». «Таким образом у якутов должна быть примесь крови котовской и юкагирской».

Тунгусы же, по мнению Козьмина, двинулись на север не ранее второй половины XIII и первой половины XIV века, т. е. почти одновременно с якутами.

Признав в якутах исконных обитателей Алтае-Саянской области и переселенцев из Минусы на Ангару, Козьмин высказывается за принадлежность якутов-гулигань к группе уйгурских народов, описываемых китайцами в составе 15-ти племен, и заявляет: «Гулигань были, видимо, в тесных сношениях с соседними уйгурскими соплеменниками». (Надо заметить, что центром уйгуров является бассейн Селенги и Орхона и вообще современная Халха. Г. К.).

[1] См. Иакинф Бичурин—"Собрание сведений о народах средней Азии" и т. д. Ч. 1, стр. 375, 439—440.

Свою последнюю статью, посвященную специально происхождению якутов, Козьмин заключает такими словами:

«Открывается любопытное обстоятельство близкого родства якутов с частью, во всяком случае, племенных групп Алтая и верхнего Енисея. Эти близкие родственные связи, вероятно, окажутся в результате изучений еще более расширенными».

Перейдем теперь к кратким критическим замечаниям.

1. Козьмин усматривает тождество имен «сокы» и «саха». Чтобы сблизить эти имена, он допускает существование окающих и акающих якутов: одни говорят «соха», а другие «саха».

В своей последней статье профессор сознается: «Набрасывая заметки, автор не имел под рукой справочников и пособий, цитаты и ссылки сделаны на память; возможны поэтому неточности».

Это, конечно, очень плохо. Так вот во всех справочниках значится, что племенное паименование якутов «саха» не допускает каких-либо вариаций в коренных гласных. Это обстоятельство Козьмин мог бы узнать из словаря, приложенного к грамматике акад. Бётлингка, изданного 80 лет тому назад, из «Краткого русского-якутского словаря» Э. К. Пекарского, изданного в 1916 г. (стр. 241), наконец, при желании он мог бы заглянуть и в соответствующий выпуск большого словаря того же автора, вышедший за два года до написания им своей статьи о происхождении якутов и своевременно присланный в Иркутск в библ. ВСОРГО. Пекарский рискует сопоставлять имя «саха» лишь со словами «сага» и «джага».[1] Радлов приводит лишь тюркскую параллель «йаха», соответствующую якутскому «сага»—граница, край, воротник.[2]

Точно так же ни в одном лингвистическом справочнике Козьмин не найдет указания на то, чтобы слово «саха» подвергалось закону окания и акания. Да и вообще в тюркских наречиях, среди них и в якутском диалекте, нет и не может быть абсолютного закона окания и акания, ибо в указанных языках конституция коренных гласных отличается удивительным постоянством и лежит в основе их лексикологии. Именно потому, как дальше увидим, академик Радлов, основываясь на некоторых отклонениях якутского языка в коренных гласных от общетюркского типа, заподозрил в якутах народ не тюркского происхождения. Если-бы якуты в один прекрасный день заокали и заакали во всю, то они перестали бы понимать друг друга и отличать коня «ат» от травы и сена «от», глагол «толкни»—«ас» от глагола «ос»—исцеляться, существ. имя «сор»—несчастье от птицы «сар» и т. д. Если лингвисты и говорят, что одни якутские улусы «окают», а другие «акают», то в основе этого подразделения якутского наречия на говоры лежит разное произношение очень немногих слов, которых вряд ли наберется и два—три десятка.

---

[1] См. Словарь якут. яз. 2134 стр.

[2] См. Die jakutische Sprache и т. д. стр. 53.

Якутское племенное наименование «саха» вполне закономерно может быть сопоставлено лишь с именем «сагай», ибо согласные звуки, как заметил и сам Козьмин, в тюркских наречиях всегда колеблются в пределах известного фонетического сродства. Аристов и Серошевский, конечно, правильно сопоставляли имена «саха» и «сагай», ибо здесь имеет место не только «близкая созвучность имен», но и вполне безукоризненная закономерность в переходах согласных звуков. (Ср. приведенные выше лингв. справки Пекарского и Радлова).

Самое слово «соха» для якута непроизносимое сочетание звуков. За два года до написания разбираемой нами статьи Козьмина П. Н. Поппе в своей «Учебной грамматике якутского языка» успел популяризировать все основные достижения грамматических исследований якутского диалекта и дал точную формулировну, господствующего в нем, закона последовательности или «гармонии гласных». (Стр. 16—17). В якутском языке:

«За «а» может следовать только «а» или «ы»,
за «о» « « « «о» «у».

Иначе говоря, если в первом слоге слова стоит гласный звук «о», то в следующем слоге якут может выговорить лишь гласные «о» или «у»: «сохо» или «со-ху», а сказать «соха» у него не повернется язык. Последовательность гласных в якутском языке была точно установлена еще акад. Бётлингком, работа которого популяризирована в грамматических трудах С. В. Ястремского (См. Падежные суффиксы в якутском языке. Иркутск, 1898 г., стр. 6).

II. Кроме того, для обоснования своей исторической гипотезы Козьмин совершает точно такие же насилия над фонетическими законами и абаканских наречий. По его толкованию, имя «сокы» во множественном числе выговаривается «с резким гортанным звуком» и с переменой коренного гласного, а именно—с а х а л а р, т. е. точно так же, как и множест. ч. якутского «саха—саха-лар». Перемена коренного гласного при прибавлении аффикса множ. числа в тюркских наречиях, хотя мы и не можем хвалиться знанием и пониманием грамматических явлений, нам представляется слишком большой новостью. Во всяком случае, в сознании рядового работника, обязанного руководствоваться общеизвестными научными пособиями, это явление никак не укладывается. По поводу мн. числа имени «Соххы» ниже мы увидим безукоризненную лингвистическую запись, не только профессора-тюрколога, но и абаканского тюрка по происхождению, Н. Ф. Катанова: «С о х х ы-С о х х ы л а р».

Точно так же и переход во множ. числе согласного «к» в «х» в слове «сохы-сохылар» существует только в воображении самого проф. Козьмина, ибо, если лингвисты и пишут «соккы», то это—не точная передача тюркских звуков русскими буквами. В тюркских текстах проф. Катанова в слове «соххы» и «соххылар» (ед. и мн. ч.) стоит буква-знак глухого заднеязычного согласного, передаваемого особой буквой, похожей на русское «к» с длинной спинкой. Все якутологи, следуя научным заветам акад. Бётлингка, этот же самый общетюркский звук передают русской буквой «х». Еще проф.

А. Н. Самойлович, указывая на тождество Бётлинговского «х» в якутском диалекте с общетюркским заднеязычным взрывным согласным «к» (с длинной спинкой), рекомендовал писать «сака»—якут, а не «саха».[1] Следовательно, в записях проф. Катанова «Соккы» нужно произносить «Соххы».[2] В наших собственных записях среди абаканских турок везде стоит «Сохы» и «Сохылар», т. е. почему-то наше ухо не улавливает удвоение согласного «х».

И так, имя интересующего нас рода абаканских тюрков в единственном и во множ. числе звучит—Соххы-Соххылар. Это обстоятельство чрезвычайно важно для семасиологии слова «соххы» и отыскания его якутского аналога.

III. Существительное имя «соххы-сохха» в абаканских, алтайском и киргиз-казакском диалектах имеет точное и бесспорное нарицательное значение, а именно, ступка, стук.[3] Койбалы же, по Радлову, сохранили это же слово в форме «согах» или «соох».[4] Вместе с тем становится ясным, что это нарицательное имя происходит от глагола «сох»—бить ударять. Нарицательное имя «соххы-согах» сохранилось и в якутском диалекте.

В словаре Пекарского читаем:

«Согох (от сох+ох; ср. тюрк. согах, соох, сохха—ступка, осм. соху палка или шест для вталкивания чего нибудь внутрь).

Ступочный пест; мелен (деревянный пестик, коим трут или мелют табак в ступке); ступа, ручная баба для убивания земли».

«Сох (гл.) (ср. суохай, тюрк, сох бить, ударять, толочь в ступке) толочь в ступке».[5]

Мы думаем, что и якутское слово «сохсо»—плашка, ловушка, западня (для лова мышей и зайцев), по всей вероятности, находится в генетической связи с глаголом «сох»—бить, ударять, ибо это орудие лова как раз и основано на внезапном ударе зверя тяжестью гнетка—«баттык».

Что же получается в результате наших простых сверок в существующих «справочниках и пособиях» по языкам тюркских племен?

Название прибаканского рода «соххы», м. б., даже и «сохха», оказывается, не бог весть, какое мудреное слово и представляет из себя название обиходной вещи, ступки для толчения чего-либо, распространенное от Абакана вплоть до Каспийского моря. А якуты перенесли то же самое слово на пест или пестик, которым толкут в деревянной ступке «кэлии». Таким образом, если языковеды давным давно разыскали смысл и значение родового названия «соххы» с его якутским аналогом, то имелась ли какая-либо надобность натягивать и равнять его с племенным названием якутов—«саха»?

IV. Дальше, проф. Козьмин усматривает лингвистическое родство назва-

---

[1] См. Его предисловие к „Краткому якут. словарю“ Пекарского. Петроград. 1916 г. стр. X.

[2] См. Катанов. “Отчет о поездке, соверш. с 15 мая по 1 сентября 1896 г. в Минусинский окр.“ Учен. Зап. Казанск. унив. за 1897 г. Отд. „Унив. летопись“ Стр. 43 и 44.

[3] Радлов. Опыт слов, т. 4, ст. 523.

[4] Там же. 528 ст.

[5] Слов. якут. яз. 2259 и 2295 ст.

ния кости «Ара», «Аринский» у абаканских тюрков с названием «урочищ» и «селений» у якутов—«Ары» и «Аринская». Этот аргумент Козьмина еще того менее заслуживает внимание, ибо он основан на простом неведении якутского языка. Пишущий эти строки сам является уроженцем местечка, носящего название «Тит-Ары». От этого географического термина происходит и название русского селения «Тит-Аринская станция», на что, вероятно, обратил внимание Козьмин. Есть у якутов даже целые наслеги, в название которых входит слово «арыы», например, «Хатынг-Аринский» в Намском улусе Якутского округа, а географических названий с этим добавлением действительно очень много: Тоен-Арыы, Улуу-Арыы, Хатынг-Арыы, Кумах-Арыы и т. д. Однако, ларчик здесь открывается очень просто. Дело в том, что по-якутски «арыы» значит «остров», а также и «масло», и все географические имена, интригующие проф. Козьмина, без исключения являются названиями тех или других ленских островов с добавлением нарицательного слова «остров». И обитатели таких островов иногда именуются по названиям последних, отсюда проистекают—«хатынг-аринцы», «тит-аринцы, «тоен-аринцы»... Несколько русских селений по берегу Лены тоже получило название по именам противолежащих ленских островов. Ясно, конечно, что якутские «арры» и «аринцы» не могут иметь чего-либо общего с названием кости или рода абаканских турок.

Неудачные опыты лингвистических сопоставлений и выкладок проф. Н. Н. Козьмина убеждают нас в том, что без хорошего звания якутского языка вообще довольно рискованно пускаться в дальнее плавание в поисках потерявшихся родичей якутов, тем более имея заявление одного, по словам Э. К. Пекарского, из лучших знатоков этого языка, Дмитриана Попова—«якутский язык неисчерпаем как море».[1]

V. Основная ошибка проф. Козьмина и многих других исследователей, роднящих якутов с турецким населением Алтае-Саянского нагорья, заключается в игнорировании лингвистической науки. Если якуты вышли из Минусинского края или Урянхая, то языковеды должны были констатировать ближайшее родство якутского наречия с приабаканскими и урянхайским диалектами. Может ли историк отыскивать ближайшую родню якутов в этих областях, не спрашивая заключения знатоков турецких языков о том, в какой степени родства и близости находятся якутский и турецкие наречия обитателей верхнего бассейна р. Енисея? В следующей главе мы убедимся, что тюркология на этот вопрос давно дала свой отрицательный ответ. Конечно, этнографы вправе противопоставить лингвистическому методу установления родства народов свой этнографический метод, который заключался бы в сравнениях и сопоставлениях нравов, обычаев, верований, героического и богатырского эпоса, материальной культуры и т. д. Если бы этнографы собрали такой сравнительный материал, роднящий якутов с минусинскими турками или с урянхайцами, то, м. б., и лингвисты пересмотрели показания своей науки.

---

[1] Э. К. Пекарский. Якут. словарь. Предисл. 11 стр.

По поводу тождества имен «саха» и «сагай», весьма возможно, и трудно возражать, но это обстоятельство отнюдь не обосновывает минусинского происхождения якутов при отсутствии лингвистических и этнографических данных, устанавливающих близкое родство якутов с турками Южного Енисея. Численность собственно «сага'ев» в Минусинском крае незначительна, чтобы процинровать проживание там же якутов-саха, народа, превышающего двести тысяч душ. По данным 1863 г., в главном местожительстве сагаев, в ведомстве Аскызской степной думы, числилось:

Сагаев 1-й половины	804 муж	302 жен
Сагаев 2-й половины	753 «	307 «
Итого	1557 муж.	609 жен.

(В. Радлов. Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии. Перевод с нем. 1887 г. стр. 4).

По данным 1889 г. их значится немного больше:

Сагайский род 1-й половины	1888 д. об. п.
Сагайский род 2-й половины	1832 « « п.
Итого	3720 д. об. п.

Эти данные приводит проф. Н. Ф. Катанов.[1] Несколько позже он же приводит другие цифры, относящиеся к 1896 г., а именно:

В обоих сагайских родах	1402 муж.
	1365 жен.
	Итого 2767 душ об. п.

По словам Катанова, в ведомстве Аскызской инородной управы значится 12 родов, из них только два рода носят собственное название Сагай, хотя в официальных бумагах еще 8 родов тоже значатся сагайцами же, один род называется бельтирским и один койбальским. Во всех 12-ти родах Аскызской управы число всех душ 15736. Из них:

Собственно сагаев	2767 д. об. п.
Официальн. сагаев	7642 д. об. п.
Бельтир	4384 д. об. п.
Койбал	943 д. об. п.

Таким образом, из десяти тысяч офиц. сагаев только четвертая часть может рассматриваться как настоящие сагай'цы. При этих условиях мы были бы вправе предположить, что сагайцы являются в Минусинском крае пришельцами откуда-то со стороны, которые влились в незначительном числе в гущу туземных турок и усвоили их наречие, обычаи и нравы.

От яблони ветер сорвал одну веточку и носит ее где-то вдали от породившего дерева. Мы находим в долине Южного Енисея саха'йскую или сагайскую веточку и вопрошаем: «Каких холмов, какой долины ты украшением была?»

Почем знать, может быть, сорвали ее исторические бури, когда сахайское дерево цвело на берегах прозрачной Ангары или еще ранее в степях Монголии? Но мы считаем абсолютно неприемлимым искание корней племе-

[1] Н. Катанов. Отчет о поездке, совершенной в 1896 г. в Минусинский округ. Учен. Зап. Казанского унив. за 1897 г. кн. III.

ни «саха» там, где очутилась одна его веточка.

Историк не вправе забывать одно весьма знаменательное обстоятельство, а именно, то, что между древностью якутского народа и современной этнографической картой Сибири лежит бурная эпоха владычества Чингисханидов, когда мятущиеся народы или их остатки, попав в водоворот исторических событий колоссального масштаба и силы, носились по волнам точно щепки и могли приткнуться к совершенно неведомым берегам. А движение Чингисханидов захватило всю Южную Сибирь.

В той части Южной Сибири, которая прилегает к открытым степным районам Западной Сибири, как убедимся дальше, и продвижение русских завоевателей и колонизаторов тоже было чревато перемещениями и разбеганием в разные стороны многих туземных народов. А в числе мест, задетых этим движением, безусловно относится и Минусинский край.

VI. И относительно еще более незначительного рода «сохы» при более внимательном изучении его прошлого не трудно установить, что и он не принадлежит к аборигенам Минусинского края.

Козьмин полагает, что «сокы—это один из наиболее многочисленных сюёков или племен северо-абаканских и июсских турок наряду с каш (качинцы)...» Он не приводит никаких данных об их численности, чтобы мы могли определить удельный вес этого рода в составе минусинских турок. Мы не можем согласиться с расширением сюёка (кости) Соххы до понятия целого племени, тем более с уравнением его с «каш-качинцы». Радлов в упомянутом выше «Этногр. обзоре...» об абаканских татарах дословно пишет следующее:

«Западными соседями камасинцев являются, так называемые, абаканские татары, которые распадаются на четыре племени: качинцев, сагаев, койбалов и кызыльцев».[1]

Следовательно, каш-качинцы действительно—племя, а что же представляет из себя соххы?

По словам того же Радлова, сюёк, помимо своего прямого значения—кость, значит «род».[2] Сам же Козьмин приводит слова одного «сахалар» (читай—соххылар), подтверждающие толкование Радлова: «сохы это есть как у русских фамилия». Между прочим, качинские татары и мне лично в 1925 г. давали точно такое же разъяснение: «сюёгюнг кимдир», раньше спрашивали у нас прежде всего, вместо теперешнего—«как твоя фамилия». На мой вопрос, много ли у вас сюёков, ответили—«да много, сорок однако есть», хотя и не смогли насчитать их больше десятка наименований. Очевидно, многие сюёки забылись, так как старинные родовые подразделения давно утратили свое практическое значение. Кое-какие следы этих древних родовых делений сохранились в связи с религиозными обычаями. Каждый сюёк имел, видимо, своего определенного духа-патрона, которому для постоянного почитания посвящался конный скот определенной масти, т. н., изых (у якутов—ытык). Например, мне при перечислении разных сюёков обя-

[1] См. Перевод с немец. яз. самого же Козьмина. Иркутск. 1929, стр. 6.
[2] Опыт слов. Т. 4. 571 ст.

зательно присовокупляли масть присвоенного им изыха. Сюёку Сух-Харга—вороная масть, Ах-Хасха—рыжей, Аары—бурый изых (кюрэнг), Хыргыс—голубой масти, Сохы—белой масти и т. д.

Таким образом, ясно, что в древности сюёк представлял из себя сравнительно небольшой кровно-родственный союз (впрочем, чаще фиктивный). Иными словами, сюёк есть след древних мелких подразделений народа. В настоящее время члены одного сюёка б. ч. не сохранили своего прежнего единства и территориальной близости, а живут смешанно в составе различных административных делений по-русского происхождения.

Итак, о сюёке нельзя говорить как о племени. Хотя в виде редкого исключения могут быть и такие случаи, когда название сюёка может указывать на племенное название, если племя почему-либо распалось и представлено одним или двумя маленькими родами. Якутская практика, например, доказывает, что части крупных подразделений народа, присоединяясь к другим его отделам, обычно утрачивают свое мелкое родовое название и становятся известными под именем той крупной единицы, к которой они принадлежали прежде. Так якуты, убежавшие на Вилюй из разных улусов—Борогон, Мэнгэ, Хангалас, обычно составляют среди вилюйчан мелкие роды с упомянутыми улусными именами. Если же беженцев из одного улуса было много, то они сохраняют свои былые мелкие родовые названия. И среди минусинских тюрков наблюдается аналогичное явление. Остаток племени Хыргыс, после прихода русских укочевавшего в Монголию, носит сюёковое название Хыргыс, хотя в составе последнего он мог принадлежать к роду другого наименования. Но это явление представляет из себя исключительный случай, который отнюдь не доказывает, что каждый современный сюёк обязательно должен рассматриваться как остаток целого племени. Иными словами, род есть род, а не племя. И род Соххы есть ни что иное, как маленькое административное деление, не современное, а старинное, племени качинцев. Проф. Катанов. пишет:

«Кости (колена) качинского племени: Пюрют, Каска, Ызыр, Ара, Сарыг и Соккы». О происхождении Соккы у Катанова читаем:

«Что же касается кости Соккы, то она пришла с костью Пюрют из Красноярска».[1]

О происхождении же всех качинцев, в их составе, конечно, и Соккы, Радлов сообщает следующее:

«Остатки подданных хана Кучума были вытеснены с Иртыша напиравшими на них русскими к северу от Томска вплоть до Енисея, где часть их осела на Каче, около Красноярска. Когда киргизы были вытеснены из Абаканской долины, упомянутые татары продвинулись к югу, в долину верхнего Енисея и осели в главной своей массе между Абаканом и Юсом севернее Аскыза. Потомки этих последних еще теперь называют себя Каас (Каш, Кач) и подведомственны Качинской степной думе»[2].

---

[1] См. Цитир. выше его отчет.

[2] См. „Этногр. обзор". Переводы Козьмина и неизв. автора.

Может быть, проф. Козьмину удастся доказать, что его Соххы не были в составе беглецов с Иртыша и что они—коренные обитатели прибаканских степей?

Мы позволим себе привести здесь, записанное нами самими в 1925 г. с уст качинского татарина из рода Хара-Соххы, Василия Антонова 65-ти лет (Ойошинского сельского общества Чебаковского района), преданье о том, как у них впервые учредили изых. Рассказ интересен не только с исторической точки зрения, доказывая правильность сообщения Радлова, но и с этнографической. Он рассказывал по-русски на ломанном языке, лишь изредка прибегая к татарским фразам:

«Изых ставится, когда захворает кто, что(бы) он спасал все семейство от болезни... Изых ставится айна (чорту), ...как Сохы радились, так и изых родился... Сохы жил Иртыш сугда (Ирт. реке) около Тобола, Сохы там жил... Ребятишки три парня было и один девка. Девка старшая. Старшего брата звали Кюёх-Сохы (голубой Сохы), Ах-Сохы (Белый С.)—среднего, Хара-Сохы (Черный С.)—младшего. Девку сватали, она не хотела... Состарилась. Многие сватали. Хотела за всякого выйти, но другие не хотели. Стала старой»...

«Русские стали теснить, хазахтар (так называют русских—«казаки»). Хазахтар убивают... Кучум сдался, давай татарлар бить... (В это время) сестра старшая на постели лежала. И вот братья бежать, взяли скот, детей бросать жалко, но сестру не могли. Пришли на Качу (речка около Красноярска) с женами, детьми. Живут на Каче... Вдруг явилась (оставшаяся) сестра... Видят, что сестра. У них голубая жеребая кобылица осталась там. Проглядели на Тоболе. Явилась на голубой кобыле, братьев догнала... Живая ли, мертвая... (Здесь рассказчик, видимо, откликается на мой вопрос и не умеет ответить, в каком виде явилась оставшаяся сестра). Вот изых начался... Енисей река, лодка нет. Опять русские пришли... По Енисей верх (бежали). Остановились. Сестра умерла на Каче. Братья остановились в степи. Потом уже ребятишки хворать начали... Заплачет, умирает. Вот три брата шомана (пригласили)... Вот, говорит, ваш изых... Ваша сестра стала «айна буолварган» (чортом сделалась)... вас догнала и дети пропадают. Своих же ест... Вам изых нужно поставить—ой хызрах. (Это место мною не понято, видимо, речь идет о каких-то приметах конного скота). Если не поставите, то все помрете, сестра съест... У ней кобыла, на которой ехала, пропала, поэтому она требует кобылу той же масти»...

«Когда шоман изых ставит, коню кланяется, ты нас спаси, айна не давай... Бог другой (отвечает на мой вопрос, не спасает ли бог)... Все обращаются в сторону коня и кланяются».

(В скобках мои дополнения, поясняющие мысли рассказчика. Многоточия означают непонятые мною части, когда рассказчик, затрудняясь выразить свою мысль по-русски, переходил к татарскому языку. Остов рассказа и существенные элементы мифологического сюжета мною хорошо поняты, ибо речь идет о знакомых мне религиозных воззрениях древне-турецких кочевников, которые особенно отчетливо сохранились у якутов).

Итак, соххы проф. Козьмина, оказывается, поздние пришельцы из Западно-Сибирских степей, пригнанные на Енисей постепенным наступлением русских завоевателей. Может быть, в их составе имеется значительная примесь киргиз-казахов. М. И. Райков (автор небольших этнографических работ), родом—качинский татарин, получивший филологическое образование и практически знакомый со многими турецкими наречиями (проживал в русском Туркестане и в Закавказье), на мой вопрос, «с представителями каких племен вам, качинцам, легче всего разговаривать», ответил: «Лучше всего понимаем киргиз-казахов».

Минусинские сагаи и качинцы-соххы-лары на вопрос о том, не являются ли они аборигенами долины Южного Енисея, были бы вправе перефразировать слова известной русской песни:

«С Орхона, Толы, с Иртыша
Собрались мы сюда...»

VII. Переселение якутов из Южного Енисея на Ангару проф. Козьмин объясняет разрушением торговых связей Хакасии с внешним рынком и перемещением мировых торговых путей и центров, в результате чего «жизнь на севере замерла», «появились банды голодных наездников» и «начались передвижения кочевых орд».

Проф. Козьмин безусловно переоценил значение торговли в быту древних кочевников. Караванная торговля того времени ни в коем случае не могла бы захватить жизненные интересы массы кочевого населения, чтобы в результате ее прекращения начался экономический кризис. Древняя торговля при караванном сообщении на большие расстояния по степям, наполненным воинственными кочевниками, никогда не могла получить значение решающего экономического фактора. Торговали тогда, главным образом, предметами роскоши, в которых нуждались лишь верхушки народа. Поэтому мы никак не можем согласиться с утверждениями Козьмина, что расстройство караванных торговых путей вызвало голод среди кочевников и их внутренние перемещения. В построениях автора заключаются и логические неувязки. По его мнению, вслед за разрушением внешней торговли внутри Хакасии начинается усиленная погоня за «мягкой рухлядью»—дорогими мехами и якуты-сахалары со своими стадами переселяются на Ангару, очевидно, чтобы накопить там целые амбары этой валютной ценности. Дорогая пушнина в те времена, вероятно, была единственным экспортным товаром из таежной Сибири. Поэтому обрыв внешних торговых связей означал бы, как раз наоборот, уменьшение спроса на пушнину.

Скотоводческий народ благоденствует тогда, когда имеются для его скота обширные и плодородные пастбища. Скот размножается, жиреет, дает молоко, масло, шерсть, мясо, служит средством передвижения, и древний скотовод, конечно, был вполне доволен своей судьбой. Это простое положение киргиз-казахи не так давно выражали характерной поговоркой: «Зачем нам трудиться, коли бык скачет на корову».

Было бы иное дело, если проф. Козьмин доказал, что в долине Южного Енисея в результате перемещения мировых торговых путей получилось пере-

население, теснота и малоземелье. Тогда мы бы поняли, что якуты-скотоводы в поисках более просторных и удобных пастбищ потянулись на восток в бассейн Ангары. Но проф. Козьмин вряд ли возьмется доказывать это положение. Минусинский край и теперь слывет «житницей Сибири», а в эпоху древнего номадизма тем более существовали там все условия для процветания экстенсивного скотоводческого хозяйства. Любой специалист по экономической географии Сибири приведет цифровые данные, иллюстрирующие плодородие и богатство просторов долины Южного Енисея, как в отношении скотоводства, так и земледелия. А Приангарский край ни раньше и ни теперь не мог бы выдержать сравнения с округами Канска, Красноярска, Минусинска и Ачинска. И этот богатый край к моменту прихода русских завоевателей почти пустовал так же, как и территория соседней-Томской губ. в ее старых пределах. Если бы якуты-скотоводы были коренными обитателями долины Южного Енисея в пределах русских владений, с чего ради они полезли бы на восток через дикую тайгу и хребты, чтобы сменить «синицу на ястреба?» Перенаселения там не было, политические бури, которые иногда вызывают перемещение народов, исключаются и самим проф. Козьминым.

Итак, по поводу воображаемых переселений древних якутов из округов Минусинска, Канска и Красноярска на Ангару, мы должны сказать: «От добра добра не ищут, от овса кони не рыщут».

VIII. В исторических прогнозах проф. Козьмина заключается еще одно серьезное внутреннее противоречие.

Он знает, что некоторые лингвисты причисляют якутский язык к уйгурской группе. Радлов, например, в одной из ранних работ писал:

«Язык карагассов указывает на влияние тюркской стихии отличной от качинской, стоявшей в близком родстве с сойотской или якутской, словом, одного из колен уйгурских, живших прежде на юге. Они, по моему мнению, смешались с качинцами, в недавнее время переселившимися сюда в небольшом числе с запада».[1]

Проф. Козьмин недавно снова перевел эту статью Радлова и издал в Иркутске, находя, что мы «не имеем равного по обилию и строгой точности записей историко-этнографического материала, относящегося к, т. н., сибирским турко-монголам». Но приведенное выше место он почему-то счел необходимым выбросить, хотя это обстоятельство не помешало ему позаимствовать мысль Радлова, что карагассы перемешались с качинцами, переселившимися «в недавнее время» с запада. Радлов, конечно, имел ввиду передвижение качинцев на восток под напором русских завоевателей, гнавшихся за ними с Иртыша, а у Козьмина каш-качинцы переселяются в древние времена вслед за «соха-ларами»—якутами.

Надо иметь ввиду, что Радлов в своих последних работах о якутском языке совершенно отказался от приведенного выше положения о принадлежности якутского диалекта к уйгурской группе. Это обстоятельство, очевидно,

[1]) „Этногр. обзор и проч. Перевод с немец. неизв. авт. Томск. 1877, стр. 2.

осталось неизвестным Козьмину. Тогда же Радлов в своих этнографических очерках Aus Sibirien»,[1] разбираясь в данных китайской истории, высказался, что якуты, «вне всякого сомнения, идентичны с народом гулигань, описанным в китайских летописях в первой половине VII века и проживавшим тогда на западной стороне Байкала. (Об этом подробно см. в наших очерках ч. 3,). Академик Радлов позже отказался и от этого положения, а его большой поклонник афиширует теперь ранним откровением своего учителя: «На западной стороне Байкала жили гулигань или якуты-сахалар».[2]

«Гулигань вполне обычная китайская транскрипция туреңкого названия курыкан».[3]

«Но якуты-курыканы, повидимому, как и соседние тубинцы, принадлежали к уйгурской группе. Некоторые лингвисты-тюркологи, (например, Катанов) якутский язык относят к этой группе». (Там же).

Историческое положение о тождестве якутов с гулиганами китайских летописей впервые высказано вполне категорически Радловым, а мысль о принадлежности якутского языка к группе уйгурских, как увидим дальше, он до поры до времени позаимствовал у венгерского тюрковеда Германа Вамбери (См. об этом дальше). Вероятно, опираясь на тот же источник, высказывался и Катанов. Подробно ознакомившись с якутским диалектом и проф. Катанов, повидимому, отказался от сближения его с уйгурским языком.

Проф. Козьмин не только замалчивает прикосновенность акад. Радлова к теории уйгурского происхождения якутов, но и, выбрасывая соответственное место в новом издании его «этнографического обзора», способствует забвению научной заслуги Радлова в прояснении исторического прошлого якутского народа. Вольно было самому Радлову отказываться от своей, безусловно верной, исторической позиции, но последующие исследователи якутской проблемы не вправе вновь открывать уже открытые Америки. Но главная беда проф. Козьмина заключается, однако, не в этом моменте.

Он не замечает того простого положения, что, присоединяясь к теории принадлежности якутов к народам уйгурской группы и отождествляя их с гулиганами китайских летописей, в корне подрывает и разрушает свою собственную гипотезу о минусинском происхождении якутов. Проф. Козьмин знает, что всех уйгурских племен, или гаогюйцев, описанных китайскими историками, было 15 и в числе их—гулигане. Подписавшись под этим положением, Козьмин для уяснения происхождения якутов и их древних переселений должен был установить центр уйгуризма и места, занятые ими. Эти исторические разыскания привели бы его к очень простому положению: уйгурами или гаогюйцами в китайских исторических летописях назывались те туреңкие кочевники, которые когда-то занимали почти всю современную Монголию от Хингана вплоть до Тарбагатая и Джунгарии, а также и северо-западные окраины Китая. Но центром уйгуризма, по преимуществу, была современная Халха, а еще более точнее—бассейн Селенги и Орхона. Эти реки,

[1]) Т. I. стр. 134.
[2]) „К вопросу о времени переселения бурят в Прибайкалье".
[3]) „К вопросу происхожд. якутов".

как известно, текут с юга на север, протекают через озеро Байкал и дальше продолжают свой путь в океан под названием Ангары. Можно ли сомневаться в том, что Приангарский край искони веков находился в сфере влияния тех самых воинственных кочевников, которые господствовали, можно сказать, в верхнем течении Ангары? Если степная Халха со временем глубочайшей древности была бушующим кратером вулкана народов Монголии, то Приангарский край был его предверьем или глубоким тылом, куда обычно спасались остатки разбитых и потрепанных степных племен. Вот почему историк должен притти к выводу: бряцание сабель, звон мечей, свист стрел и боевых копий, раздававшиеся в степях, прилежащих к Орхону и Толе, были постоянно слышны на берегах Ангары и так или иначе должны были отражаться на судьбах ее обитателей. Минусинский край, по сравнению с Приангарьем, конечно, был тихой обителью и укромным уголком. Следовательно, в древние эпохи нужно предполагать передвижение племен и народов от Ангары на запад, а никак не наоборот.

Итак, Н. Н. Козьмин сам же постарался аннулировать свою гипотезу минусинского происхождения якутов, подписавшись под положением некоторых языковедов, что якуты суть гулигане китайских летописей и должны принадлежать к группе уйгурских племен. Это обстоятельство он узнал позже, но не решился пересматривать свою старую гипотезу о переселении якутов из Минусы на Ангару в погоне за мягкой рухлядью.

IX. Переселение якутов в бассейн Лены проф. Козьмин приурочивает к концу XIII и началу XIV веков, когда они должны были столкнуться с бурятами, двигавшимися из-за Байкала. Мы позволим себе задать уважаемому профессору следующий вопрос:

Если якуты «соха-лар» переселились из долины Южного Енисея на Ангару, то почему же они под натиском бурят, двигавшихся с востока, не повернули свои оглобли назад—на Кану, Енисей и Абакан, где жили их соплеменники—соххы, койбалы, бельтиры и енисей-остяки? Неужели таежная Лена, где в те времена обитали жалкие оленеводы, охотники и рыбаки, якутам-скотоводам показалась краше, богаче и привольнее «житницы» современной Сибири?

Как мы должны закончить критический разбор работ проф. Н. Н. Козьмина по вопросу происхождения якутов? Имеют ли они какое-либо положительное значение?

Мы думаем, что исторические воззрения Козьмина составляют необходимое звено в диалектическом развитии той маленькой научной дисциплины, которую мы называем якутской историографией. Иногда то или другое непонятное явление лучше уясняется, если подойти к нему с обратной стороны. (В математике этот метод называется «доказательством от противного» и применяется тогда, когда нет прямых путей для решения трудной задачи или теоремы). Проф. Козьмин по вопросу отыскания исторических корней якутского народа как раз и продемонстрировал этот законный и вполне научный прием. Он заострил минусинскую гипотезу и подвел под нее все необходимые сваи. Теперь каждый сторонник может любоваться ею в законченном

виде. Затем проф. Козьмин, на один миг прислушавшись к голосам лингвистов, перешел на такую историческую позицию, которая представляет из себя естественный «пат» для главного представителя минусинской и вообще енисейской гипотезы. Он, идя обратным путем, как нельзя лучше доказал, что исторические корни якутского народа нужно искать не на запад от Ангары и Байкала, а только на востоке или юго-востоке от этих мест, т. е. за Байкалом. И в этом—непреходящее научное значение теоретических прогнозов проф. Козьмина, этого вполне заслуженного сибироведа и историка-ориенталиста, по интересующему нас вопросу. Из борьбы мнений рождается истина—старая истина.

X. Мы закончили обзор работ тех авторов, которым дали условное наименование «поздних историков» якутского народа. Помимо уже проделанной нами работы по ознакомлению с каждым из этих авторов в отдельности вряд ли имеется какое-либо основание подводить еще и общие итоги по всей группе этих историков. Мы уже имели возможность указать, что в основе более ранних литературных высказываний о происхождении якутов и их древней как бы «прародине» лежали, главным образом, толки в среде русских старожилов г. Якутска, которые рождались, так сказать, сами по себе в результате усвоения ими сказаний самих якутов об их легендарных прародителях,—Омогое и Эллэе.

Мы позволим себе заключить нашу главу о «поздних историках» маленькой фактической справкой, сохранившейся в рукописях быв. якутского прокурора Д. М. Павлинова. Она помещена в IV томе «Трудов комиссии по изучению Якут. Авт. Сов. Соц. Респ.».[1] Павлинов извлек из какого-то якутского архива рукопись, относящуюся к XVIII в., составленную «колл. ассес. Эверстом, бывшим в Якутске 10 лет расправным судьей и колл. асс. Горловским, бывшим в Якутске исправником, начиная с 1781 г.», и сделал сообщение в якутском статистическом комитете на заседании от 16 мая 1875 г. по поводу ее довольно любопытного содержания. Она представляла из себя не официальное дело, а частные бумаги с заметками на разные темы.

Подлинная рукопись упомянутых авторов конца XVIII века, очевидно, погибла, сохранились только краткие извлечения, сделанные из нее Павлиновым. Но для наших целей представляет большой научный интерес лишь одна небольшая часть этой исторической рукописи, озаглавленная «Происхождение якутов». Вот ее точное содержание по извлечению Павлинова:

«Слово якут, данное русскими, произошло от дже хот, куда (?) не уйдешь (?), которое якуты употребляли в битвах с русскими. Прямое же название якутов—уранхай-саха. По преданию, они отделились от народов, населявших западную сторону Уральского (Аральского?) моря, дошли до Тунки и соединились с бурятами; некоторые ушли в Китай, где и ныне называются урянхи. Можно думать, что сагаи, живущие ныне в Красноярском уезде, того же происхождения. Подтверждением преданию служит сходство в счислении и именовании месяцев с киргизскими тех киргизов, кото-

[1]) Ленинград. 1929. Стр. 44.

рые живут при (Аральском?) море. Названия: хоринцы, баягантайцы, сортолы указывают на совместную жизнь с бурятами; кангаласцы—на переселенцев Архангельской губ., живших прежде у Белого моря.

Вражда разных родов на новых местах повела сначала к преобладанию кангаласцев, а потом—к покорению их русскими».

Это, конечно, не научная работа о происхождении якутов, а несомненно письменно зафиксированное предание или устный сказ, что не отрицается и самими авторами, хотя он и не простонародного происхождения, но тем не менее элементы народности, выраженные, главным образом, в простоте, наивности и прямолинейности всех суждений в нем—налицо, как, например, производство этнического термина «якут» от якутских слов «джэ куот»—ну же, утекай (а не «куда? не уйдешь»,—как переводят сами авторы, пытаясь по-своему осмыслить элемент легенды) или «архангельское» происхождение якутских кангаласцев...

Итак, мысль о родстве якутов «саха» с минусинскими сагайцами, с урянхайцами Танну-Тувинского края на почве сближения известных этнических наименований «урянхи-сойоты» и якутское «ураангхай-саха», а также якутских родов «Хоро» с бурятскими «Хори» в разобранной нами исторической литературе отнюдь не является большой новостью. Эти положения теперь нужно рассматривать как элементы издавна бытующего русского старожильческого фольклора, родившегося впервые, по всей вероятности, в среде объякученных казаков г. Якутска, как выражение их собственного этнического полу-якутского, по материнской линии, самосознания. Если нужно искать родоначальников минусинско-урянхайских гипотез происхождения якутов, то таковыми являются упомянутые выше судья Эверст и исправник Горловской. Рукописи Павлинова, как известно, находились в распоряжении членов Сибиряковской экспедиции. Следовательно, рассмотренные выше гипотезы Трощанского и Иохельсона представляют из себя лишь более развернутое изложение старо-русской легенды.

Глава III

ЗНАТОКИ ТУРЕЦКИХ ЯЗЫКОВ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЯКУТОВ

1. АКАДЕМИК ОТТО БЁТЛИНГК (O. Böhtlingk).

После трудов Миллера-Фишера на развитие якутской историографии большое влияние оказало турецкое языкознание, а именно, разработка сравнительной грамматики турецких языков и накопление материала по их лексическому составу. (Составление словарей). И в том и в другом отношении, по общему мнению специалистов, особенно повезло якутскому наречию, изучение которого в грамматическом и лексическом отношении идет впереди очень многих не первостепенных турецких диалектов.

«Начало вполне научному исследованию языков тюркского семейства было положено трудом по якутской грамматике академика Отто Бётлингка».[1]

Таким образом, именно с грамматического изучения якутского языка началось сравнительное турецкое языкознание. В связи с этим вполне понятно, что со времени выхода в свет труда Бётлингка «Über die Sprache der Jakuten. St. Petersb. 1851», вопросом происхождения якутского языка и племени начали интересоваться знатоки турецких языков.

Хотя лингвистический интерес не всегда совпадает с историческим, и сильно расходится по применяемым методам, тем не менее историк якутов обязан внимательно прислушаться к мнениям авторитетных лингвистов не только по специальным вопросам языка, но даже и по вопросам общего исторического характера, ибо при разработке истории безписьменного народа данные языка являются самым главным и надежным научным источником.

Академик Бётлингк, очевидно, принадлежал к тому разряду лингвистов, которые не любят выходить за пределы своей узкой специальности. В этом отношении его великая скромность вполне гармонирует с громким авторитетом, заслуженным им в области его специальных познаний. Во введении к

---

[1] См. проф. Н. И. Ашмарин Из его доклада на „Первом Всесоюзном Тюркологическом съезде“ в Баку. Стен. отч. 1926. Баку, стр.143.

своему труду он, едва затронув вопрос о происхождении и историческом прошлом якутов, неожиданно заявляет: «...Об этом... подробно говорит мой ученый друг и коллега Миддендорф в 4-м томе своего «Путешествия в Сибирь», о переселении якутов в Сибирь, об их распространении, правах и обычаях... использовав источники, которые частью не были в моем распоряжении, а отчасти, м. б., не достаточно проработаны и оценены мною, то я осмеливаюсь отослать читателя к нему». Иными словами, по мнению Бётлингка, даже натуралист более компетентен разрешать вопросы о прошлом и настоящем якутов, чем узкий лингвист. Вот почему Бётлингк чрезвычайно скуп по части научных прогнозов об историческом прошлом якутского народа, но тем не менее, по интересующим нас вопросам, он успел высказать несколько положений, на которые уполномочивали его специальные лингвистические интересы и познания.

Из приведенной выше цитаты уже видно, что Бётлингк не признает в якутах аборигенов Сибири, ибо якуты когда-то переселились в Сибирь откуда-то извне.

По вопросу якуто-монгольских взаимоотношений Б. пишет:

«Предание, что якуты и буряты некоторое время жили в тесном соприкосновении, удостоверяется не только языком якутов, содержащим множество монгольских слов и некоторые грамматические окончания, повидимому, позаимствованные из монгольского языка, но и их физическим типом».

Для историка якутов более ценно общее заключение Бётлингка о взаимоотношениях якутского языка с остальными турецкими наречиями, в частности, с языками южно-сибирских тюрков:

«Из прилагаемого сочинения читатель может усмотреть, что между известными, кроме якутского языка, членами тюркской фамилии значительно меньше различия, чем у каждого из них с якутским. Язык языческих татар в Сибири, сколько я знаю из материалов, сообщенных мне Кастреном, кажется, также ближе к языку мугаметанских татар, нежели к языку христианских якутов. Если якуты, действительно, первые, как я полагаю, отделились от прочих членов своей фамилии, то, может быть кстати было бы назвать это многочисленное семейство языков турецко-якутским.[1]

Здесь Бётлингк довольно ясно высказывается за большую древность образования якутского языка и народа. Его слова можно истолковать даже в том смысле, что единый «ира-тюркский» язык сначала разделился на две ветви—турецкую и якутскую. А значительно позднее турецкая ветвь расчленилась на целый ряд поднаречий, которые и существуют ныне в виде всех известных турецких диалектов за исключением якутского, который менее подвергся процессу эволюционных изменений и существует доныне в виде самостоятельной половины древне-тюркского двуединого языка. Иными

[1] См. „О языке якутов". Учен. Зап. Акад. Н. по I и III отд. т. I, вып. 5, стр. 415.

словами, об якутах с их языком нужно говорить, как о старо-тюрках, а об остальных турецких племенах и диалектах, как о младо-тюрках.

Если лингвистические воззрения Бётлингка о месте якутского языка среди прочих турецких диалектов перевести на язык истории, то выходит, что носители якутского языка и культуры в древнейшие эпохи общетурецкой истории до переселения на север могли обладать гораздо большим удельным весом и, весьма возможно, являются остатком какого-то крупного пратурецкого народа.

Другое замечание Бётлингка о большей близости языка «языческих татар Сибири» к языку магометанских татар, нежели к якутскому наречию тоже чрезвычайно важно для историка якутов. Судя по ссылке Бётлингка на лингвистические материалы Кастрена, под языческими татарами Сибири нужно разуметь минусинских татар (ныне хакасы), карагасс и сойот-урянхайцев. Кастрен, изучивший языки турецких племен Южной Сибири до написания якутской грамматики Бётлингка, неоднократно заявлял, что сойоты по языку очень близки к минусинским татарам (качинцам), а в особенности к карагассам и что все эти народы—единого происхождения.

Таким образом, лингвистическое заключение Бётлингка исключает близкие родственные связи якутов и их наречия с турецкими народами и языками всей Саянской горной области со включением сюда же и Урянхайского края. У Бётлингка мы находим и прямо выраженное отрицательное отношение к историческим гипотезам, роднящим якутов с турецкими племенами Южного Енисея:

«Якутов хотят производить от одного маленького рода с подобным названием (саха) качинцев. Это мнение кажется мне более, чем сомнительным».[1]

Итак, академик Бётлингк своим грамматическим трудом давно сигнализировал всем исследователям, интересующимся прошлыми судьбами якутского племени, о тщетности попыток помещать его раннюю родину в южных пределах б. Енисейской губ. и в Урянхайском крае, ибо в указанных областях проживают турецкие племена иного происхождения и языковой группировки. Но, как мы знаем из предыдущего изложения о различных гипотезах происхождения якутов, предостережение акад. Бётлингка все еще остается гласом вопиющего в пустыне. Историки якутов придают больше веса суждениям неспециалистов о, якобы, близком родстве якутского языка с татарским, чем авторитетному заключению отца научной туркологии.

Сам Бётлингк, не решаясь самостоятельно разрешать чуждые для него исторические проблемы, по вопросу происхождения якутов, очевидно, солидаризируется с Миддендорфом и признает в якутах поздних переселенцев в Сибирь из монгольских степей, которые проследовали на север после длительной остановки в пределах Западного Прибайкалья, где они проживали в близком соприкосновении с бурятами. Напомним здесь слова Миддендорфа о

[1] Бётлингк. Там же,—немец. текст. Введение. XXXIX стр.

древнем местожительстве якутов:

«Кырса..., которое у монголов означает степную лисицу, корсака, а якутами глубокого севера... песца... Это убедительно говорит в пользу появления якутов из безводных степей». Дальше, коснувшись остатков старинного быта якутов—кумысных праздников «ысыах», хорового пения якутов и проч., Миддендорф пишет: «Такие остатки прежних понятий и порядков, тем более, казалось мне, имели значение в этнографическом отношении, что со временем ближайшее знакомство с народами Средней Азии все-таки может нам дать возможность вывести положительные заключения, которые могут указать на первобытные сношения и место пребывания якутов. Что они относятся к чрезвычайно отдаленным временам, это нам показали исследования Бётлингка»[1]

«По первоначальному месту своего пребывания якуты были коневодами. Такими хорошими наездниками, содержащими по нескольку тысяч лошадей, какими их знал уже старик Витцен, они и доселе еще остаются в главных местах своего пребывания. Овечьи стада, которые без сомнения были у них в первобытных местах пребывания, совершенно погибли в лесистой полосе севера»[2].

Вот согласованное мнение двух маститых авторов по вопросу прародины якутов и времени их исхода «из безводных степей», где они были, по преимуществу, коневодами, хорошими наездниками, и имели овечьи стада. О времени исхода якутов из степей в лесистую полосу Сибири можно лишь сказать, что это имело место в «чрезвычайно отдаленные времена». Бётлингк уступил право и приоритет высказать эти положения своему «ученому другу», конечно, по той простой причине, что последний путешествовал по Якутскому краю, видел самих якутов в живой обстановке и имел возможность присматриваться к их быту и нравам. В самом деле, было бы довольно смешно пророчить о прошлых судьбах якутов, не глядя на них, на основании голого лингвистического материала.

Первую серьезную разработку якутской проблемы мы нашли в исторических трудах Миллера-Фишера. Любопытно отметить, что окончательные выводы этих авторов о далеком прошлом якутского народа нашли подтверждение в трудах знаменитого лингвиста прошлого столетия, основательно изучившего якутский язык.

Другое, не менее важное, значение грамматического исследования Бётленгка в деле развития якутской историографии заключается в том, что он вместе с грамматикой создал научную транскрипцию для якутского языка. Наличие безукоризненного научного алфавита дало возможность накоплять материал для составления якутского словаря, первый опыт которого был по-

[1] А. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. II. Коренные жители Сибири. 769, 792—793 стр.

[2] Там же. 764 стр.

казан самим же Бётлингком. В настоящее время мы уже имеем полный словарь якутского языка, составленный Э. К. Пекарским. Последний эпиграфом к своему труду взял следующие весьма знаменательные слова:

«Язык племени—это выражение всей его жизни, это музей, в котором собраны все сокровища его культурной и высшей умственной жизни». Если дело обстоит даже на половину так, то в словесном богатстве якутского языка мы вправе видеть важнейший источник, на основании которого может быть построена и научная история народа, носителя этого языка. В данном случае под языком народа нужно разуметь, конечно, не простой набор слов с разъяснением их значения, но, главным образом, их осмысленное выражение, застывшее в произведениях народной словесности или фольклоре. Таковы былины—олонгхо, саги—легенды, народные песни, шаманские гимны, пословицы, поговорки и иные крылатые речения, которые переживают века и тысячелетия. Запись и издание подлинного текста богатейшего богатырского эпоса якутов, а также их героического эпоса (преданий о предках) стало возможным лишь благодаря лингвистической работе академика Бётлингка. Таким образом, самая возможность построения теперь научной истории якутов, в конечном итоге, обусловлена учеными трудами этого автора.

2. ГЕРМАН ВАМБЕРИ (H. Vambery)

Г. Вамбери, известный путешественник, знаток турецких языков, быта, нравов и истории, является одним из первых лингвистов, который серьезно поразмыслил над вопросом происхождения якутов и попытался отыскать среди других турецких племен их ближайших родичей, пользуясь методом лингвистических аналогий. Впервые он высказался по этому вопросу в своей монографической работе, посвященной изучению текста и содержания «Кудатку Билик», религиозно-философской поэмы, написанной на уйгурском языке в середине XI века хр. эры. (Uigurische Sprachmonumente und das Kudatku Bilik. Innsbruck. 1870).

Разбираясь в языке этого литературного памятника, Вамбери утверждает: «Однако, отдельные элементы в фонетических явлениях и его словесное богатство имеют удивительное родство с языком якутов, живущих на отдаленном севере Азии, что, безусловно, доказывает переселение якутов на льдистую зону ввиду вытеснения их казахами и другими южно-алтайскими племенами»[1].

Дальше, коснувшись вопроса о наречии турецкого населения Восточного (или Китайского) Туркестана, которое нужно рассматривать как потомков древних уйгур, автор замечает, что «оно не только сегодня, но уже в 13 и 14 веках... было не более уйгурскими... и наречие, которое обслуживает теперь население шести городов (Вост. Турк.), что касается словарного запаса, отстоит много дальше от древне-уйгурского языка, чем якутский диалект, на котором разговаривают на берегах студеной Лены»[2].

---

[1] Г. Вамбери. Названн. соч. 10 стр.
[2] Там же. 12—13 стр.

Количество якуто-уйгурских языковых совпадений Вамбери не находит многочисленным: «Тесное родственное отношение уйгурского языка с якутским простирается вполне естественно лишь на некоторые аналогии в области фонетических явлений и на ограниченное количество коренных слов, которые в других родственных диалектах отсутствуют»[1]. Но, принимая во внимание очень много бурных столетий, отделяющих эпоху разобщения якутов с уйгурами, а также своеобразие условий существования якутов «в ужасном ледяном севере», констатируемый им остаток языковых аналогий якутского языка с языком Кудатку-Билик не представляется Вамбери «никоим образом маловажным».

К сожалению, автор не конкретизирует свое общее положение и не иллюстрирует его частными примерами языковых аналогий, хотя он и руководствовался грамматической работой Бётлингка. Это обстоятельство, конечно, значительно уменьшает ценность и значение его гипотезы о близком родстве якутского наречия с языком Кудатку-Билик тем более, что позднейшие уйгуроведы, повидимому, не разделяют воззрения Вамбери.

К вопросу о родстве якутов с древними уйгурами Вамбери возвращается еще через 14 лет в большой работе о тюркском народе (Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. Leipzig. 1885) и более точнее формулирует свои исторические воззрения о происхождении якутов. Он пишет:

«Какими путями якуты... добрались до своей теперешней родины и каковы их ближайшие родственные связи с остальным турецким народом, об этом можно строить лишь частные гипотезы. Одни, принимая во внимание пункты сближения якутов с бурятами, усматривают родство якутов с названным народом, другие же почитают их за крайнее звено той цепи народов, которые упомянуты на предыдущих страницах под общим названием «сибирских тюрков», тогда как с наибольшей вероятностью можно причислить якутов к тем тюркским племенам, которые еще давно, в доисторические времена, отделились от тюрков Джунгарии, обозначаемых собирательным именем уйгуров и народными сдвигами, которыми эта область чрезвычайно богата, были вытеснены в дикую область дальнего севера».

«К этой гипотезе побуждает нас не свидетельство о физическом типе их, не совпадение отдельных черт в нравах, но, главным образом, результат сравнительного изучения языка, на основании чего наречие якутов, что касается звуковых отношений, форм и запаса слов, удивительным образом приближается к подлинно уйгурскому наречию».[2]

Определить эпоху, а тем более момент переселения якутов на север, Вамбери отказывается, но он уверен, что оно совершилось недобровольно и «не однажды, а многоразличными этапами, что ясно вытекает из сути вещей».

---

[1] Там же. 41 стр.
[2] Назван. соч. 148 стр.

Нам особенно важно отметить здесь, что и этот знаток многих турецких наречий, как и Бётлингк, очень решительно восстает против гипотезы близкого родства якутов с турецкими племенами Алтае-Саянского горного района:

«Но вполне уверенно, без колебаний, можно согласиться, что якуты в генетическом отношении стоят много ближе к уйгурам, чем к койбалам, алтайцам и качинцам». (Там же).

Ясно, конечно, что Вамбери высказывается здесь, также исходя из сравнения наречий тех и других.

Интересно указать и на то, что, по мнению Вамбери, племенное название «саха» имеет «достоверный тюркский отпечаток» и имеет аналогию с названием «sakha древности, как греки и персы называли тюрков на восток от Ирана».

Между прочим, В. Серошевский, просматривая Das Turkenvolk Вамбери, обратил внимание лишь на последнее положение автора и его гипотезу уйгурского происхождения якутов излагает в таком виде:

«Предположения, где их (степи, где была прародина якутов) следует искать, нельзя даже признать за гипотезы, до того они мало основательны. Вамбери, например, указывает на Джунгарию и сближает их по простому созвучию племенного имени саха с древними саками»[1].

По поводу уйгурской гипотезы Вамбери, как и в отношении Кочнева, мы должны заметить, что и этот автор ошибочно определяет коренное местожительство древних уйгур, очерчивая ее в следующих границах:

«Мы можем здесь обозначить границы Уйгурской страны: на восток китайская провинция Кан-су или пустыня Гоби, на юге Тибет и горы Куэнь-Лунь, на западе высокое плоскогорье Памир и на севере Джунгария и южные отроги гор Алатау».[2] Это—коренное и древнее местожительство уйгуров, вполне совпадающее с Китайским Туркестаном. Вамбери допускает проникновение уйгур на запад и на восток от указанной территории, но все это, по его мнению, только лишь уйгурские колонии. Он отвергает, как ненужные басни, легенды самих уйгур, что в древности их предки жили где-то далеко на востоке «на десяти и девяти реках»[3]. Он отрицает научную ценность китайских исторических летописей, которые, якобы, ничто по сравнению с его «Кудатку-Билик»—«громадным сокровищем, которое много ценнее, чем китайские источники вместе взятые с их ужасным коверканием слов. Идентификация их имен с оригинальными турецкими словами есть дело пылкой фантазии Ремюза, Клапрота и пр., чему нельзя придавать безусловной веры».[4]

В настоящее время эти воззрения Вамбери никто из сведущих ориенталистов и туркологов, конечно, разделять не может, ибо показания китайских летописей об уйгурах получили неожиданное подкрепление в орхонских

[1] В. Серошевский. Якуты. 197 стр.
[2] Вамбери. Уйгур. яз. пам. и т. д., стр. 3.
[3] Там же. 3 стр.
[4] Там же. 5 стр.

надписях, содержание которых стало теперь достоянием науки благодаря гениальному открытию проф. Вильгельма Томсена, установившего точное значение всех букв енисее-орхонских письмен. Коренной прародиной уйгуров или тогуз-огузов является Северо-Восточная Монголия, в особенности бассейна Селенги (показание, т. н. «Селенгинского камня» собственно—уйгурского памятника), отчасти и современное русское Забайкалье. В связи с этим вообще вся область Прибайкалья оказывается в сфере непосредственного влияния и распространения древнего уйгурского народа.

Однако, оттого, что коренное местожительство уйгурского народа перемещается из Китайского Туркестана в бассейн Орхона и Селенги, гипотеза Вамбери об уйгурском происхождении якутского народа отнюдь не проигрывает, а, наоборот, получает еще лишнее фактическое подтверждение, доказывая большую лингвистическую прозорливость ее автора. Вот почему мы не можем легко и просто, по примеру Серошевского, отмахнуться от уйгурской гипотезы происхождения якутов.

Мы точно знаем, что предки якутов когда-то очень долго прожили в Ирнангарском крае. На запад от них через леса и горы, на расстоянии 1000 с лишним километров, проживают и поныне минусинские татары. Столь же далеко на юго-западе через Саянский хребет обитали и обитают тоже тюрки, сойоты-урянхайцы. Наконец, на восток от тех же прибайкальских якутов, всего лишь через озеро Байкал, оказывается, проживал многочисленный уйгурский народ. Относительно языка последнего авторитетный знаток турецких языков прямо заявляет:

«Вы ищите ближайших родичей якутов, вот вам турецкий народ, язык которого «удивительным образом близок к якутскому диалекту».

Можно ли, вопреки строжайшему запрету знатоков турецких наречий, искать ближайших родственников якутского народа в пределах Южного Енисея или, по указанию Вамбери, следует ухватиться за уйгуров, проживавших когда-то всего-на-всего в нескольких десятках километрах за Байкалом?

Гипотеза Вамбери с вышеуказанным исправлением по поводу местожительства древних уйгуров есть яркий луч, который неожиданно освещает темный лабиринт исторических путей якутского народа. В этом—огромная научная заслуга венгерского турковеда.

За близость якутского языка к древне-уйгурскому, как мы знаем, в одно время высказывался и проф. Н. Ф. Катанов, подстрекнув Кочнева к формулировке уйгурско-урянхайской гипотезы происхождения якутов. Весьма возможно, что Катанов, самостоятельно не разбираясь в этом вопросе, повторял мысль Вамбери. Но, однако, какой бы заманчивой и простой не казалась гипотеза уйгурского происхождения якутов, среди позднейших знатоков турецких языков она не пользуется популярностью и не имеет сторонников. В особенности же суровое вето накладывают на нее лингвистические воззрения академика Радлова о происхождении якутского языка и народа.

3. АКАДЕМИК В. В. РАДЛОВ.

Если якутскому языку исключительно повезло в смысле изучения его грамматики и словарного запаса благодаря капитальным трудам академика

Бётлингка, С. В. Ястремского и Э. К. Пекарского, то столь же благоприятно сложившиеся условия способствовали увенчанию всех ранних лингвистических работ солидной монографией такого авторитета в области турецкого языкознания, как покойный русский академик Василий Васильевич Радлов. Труд Радлова «Die jakutische Sprache in inrem Verhältnisse zu den Türksprachen»[1] по своему характеру и содержанию является дополнением к грамматики Бётлингка, ибо автор задался целью определить место якутского языка среди прочих турецких диалектов по особенностям его грамматических явлений и лексическому составу. Во времена Бётлингка, как мы знаем, научное турецкое языкознание только что зарождалось и разные турецкие диалекты, за исключением османского и татарского, оставались совершенно не изученными. Поэтому сравнительно-грамматическая часть в труде Бётлингка не могла быть развернута с надлежащей полнотой. Радлов свою научную задачу понял даже значительно шире намеченных выше рамок, ибо он не ограничивается уяснением отношения якутского языка к остальным турецким, а пытается определить его отношение и с монгольскими наречиями. К моменту написания труда Радлова изучение как турецких, так и монгольских языков продвинулось далеко вперед и автор имел пред собой готовые и разработанные лингвистические материалы.

Ближайшим поводом к занятиям Радлова якутским языком, повидимому, послужило завершение в самом основном изучения языка памятников древне-турецкой письменности, найденных в Монголии в долине Орхона и Толы, а также и в области верхнего Енисея. Пред взором ученых силою науки и человеческого гения как бы вновь ожили те турецкие народы, которые когда-то владычествовали в степях Монголии и прилежащих к ней областях Южной Сибири, и заговорили на своем родном языке. Важнейшие из упомянутых надписей датировались первой половиной VIII века н. эры и немного позднее. (Енисейские надписи, по мнению научных авторитетов, относятся к более ранней эпохе, хотя и не точно определяемой).

Академик Радлов в начале своей научной деятельности, собрав обширный лингвистический материал по языкам турецких племен Алтая-Саянского нагорья и прилежащих к нему степных областей, рассматривая изученные им наречия как подлинно турецкие, отнесся критически к теоретическим воззрениям академика Бётлингка о якутском языке. Он не только признал якутский язык не турецким по своему первоначальному происхождению, но даже не включил его в общую группу турецких языков. Но эта оппозиция Радлова научным взглядам академика Бётлингка не нашла признания в науке не только потому, что авторитет последнего в научных кругах был слишком высок, но также и по той простой причине, что «приведенные им основания были недостаточно убедительны, ввиду чего имелась потребность в более обстоятельном исследовании, чтобы вполне научно установить отношение якутского языка к названным (тюркским) языкам», как позже сознается сам Радлов.[2]

[1] Зап. Импер. Акад. Н. по истор. фил. отд. № 7. Спб. 1908.
[2] См. назв. соч. Радлова, стр. 1.

Проф. А. Н. Самойлович в своей рецензии на последний труд Радлова пишет: «Якутский и чувашский языки были признаны древнейшими турецкими языками, сохранившими следы своей глубокой старины благодаря уединенному положению среди языков не-турецких. Ранее в своей Phonetik der Nördlichen Türksprachen (Лейпциг. 1882 г.) акад. В. Радлов высказал на те же языки иной взгляд: он их признал языками не турецкими, а отуреченными»[1].

Таким образом, Die jakutische Sprache Радлова имело своей ближайшей целью реабилитацию его научного престижа, слегка поколебленного благодаря неравному спору с академиком Бётлингком. Расшифровка енисее-орхонских надписей дала Радлову очень важный козырь по вопросу о древности якутского языка, ибо то турецкое наречие, на котором говорили степные турки VIII века по Р. Х., оказалось столь же далеким от якутского диалекта, как и все прочие живые турецкие языки. Казалось, что сама история обнаружила ошибку Бётлингка, который, устами своего друга Миддендорфа, высказался за исход предков якутов «из безводных степей» Монголии и образование их диалекта «в чразвычайно отдаленные времена». Это, вновь открывшееся, обстоятельство являлось вполне достаточным основанием для пересмотра проблемы о якутском языке в духе прямо противоположном утверждениям Бётлингка, т. е. что этот язык образовался не в степях Монголии в эпоху древне-турецкой истории, а где-то на севере в лесистой полосе и сравнительно в недавнее время.

Таков, несомненно, истинный ход рассуждений Радлова, возобновившего свой старый спор с академиком Бётлингком о древности якутского языка. Если бы язык орхонских памятников, паче чаяния, оказался ближайшим родичем якутского, то новая работа Радлова, конечно, не могла и появиться.

I

Работа Радлова делится на часть лингвистическую и историческую. Все то, что констатируется автором на правах глубокого знатока многих живых и мертвых турецких языков, при разработке истории якутов, само собой разумеется, должно быть принято с исключительным вниманием. Не считаться с ними, значило бы игнорировать турецкое языкознание в лице его выдающегося представителя. Откладывая подробное изложение всех важнейших указаний Радлова о грамматических особенностях якутского языка до другого более удобного момента, мы ознакомим здесь наших читателей лишь с его основными выводами. (Приведенные ниже тезисы у самого Радлова не подытожены и в интересах экономии места и времени приводятся в нашей формулировке).

1. Якутский язык, как он живет теперь в устах народа, нужно рассматривать, как один из турецких диалектов.[2]

---

[1] Жур. „Живая Старина". 1908 г. Вып. II. 254—256 стр.
[2] Там же. 51 стр.

Здесь Радлов, очевидно, делает большую уступку против своих прежних воззрений, ибо, согласно приведенному заключению, якутский язык должен быть включен при классификации в состав всех прочих турецких диалектов, тогда как чувашский попрежнему остается вне их круга.

II. По своему грамматическому строю и, что еще важнее, по лексическому составу якутский диалект занимает в ряду тюркских языков совершенно особое место. Среди современных живых турецких диалектов и древних языков, сохранившихся в памятниках письменности, нельзя указать ни на одно наречие, которое находилось бы в близком родстве с якутским.

Этот тезис неоспоримо вытекает из всего того, что написано Радловым в лингвистической части его труда.

III. Все прочие тюркские наречия имеют общий грамматический и лексический остов и могут быть противопоставлены якутскому, как «тюркские», в собственном смысле этого слова. Якутский же язык имеет ясный отпечаток «nachtürkisch»—по-турецкий или точнее—позднетурецкий, что изобличает незначительную давность его образования, как тюркского диалекта.

IV. В лексическом составе якутского языка приблизительно лишь одна треть корней должна быть показана как тюркского происхождения, одна треть—как монгольского, а последняя треть проистекает даже из какого-то неведомого источника.

V. Целый ряд весьма важных грамматических особенностей якутского языка соотвествует поздним ступеням развития турецких языков, ввиду чего было бы ошибочно утверждать, что его характерные особенности носят архаический характер.

VI. Наличие в якутском языке огромного количества монгольских корней и словообразовательных аффиксов, чуждых тюркскому языковому миру и более напоминающих монгольские, свидетельствует о том, что этот язык по своему происхождению не был турецким и очень долгое время находился под влиянием и даже в составе монгольских наречий.

VII. В связи с изложенными положениями, Радлов намечает в развитии якутского языка три самостоятельных этапа:

1) Урянхайский, когда якутский язык был самим собой, не монгольским и не турецким.

2) Монгольский, когда якутский праязык превратился в одно из монгольских наречий.

3) Турецкий, когда урянхае-монгольское наречие было затоплено сильной турецкой языковой волной и преобразилось в турецкое в его современном виде.

VIII. Последняя стадия полного тюркизирования якутского языка, по мнению Радлова, должна была иметь место после эпохи возвышения монголов Чингис-Хана.

IX. То турецкое племя и наречие, которое тюркизировало якутский язык, можно процирировать только теоретически. Оно существовало когда-то и рас-

палось. «Отдельные части этой (турецкой) языковой ветви теперь можно отыскать в составе западных диалектов, а другие части—среди восточных».[1]

Раннее отношение Радлова к якутскому языку было основано на сравнительном изучении фонетики турецких языков. В частности, нетурецкую природу якутского языка он выводил из многочисленных фактов отклонения в нем коренных гласных от общетурецкого типа. (Например, все тюрки говорят «ай—месяц, а якуты—«ый», у тюрков «ал»—бери, а у якутов—«ыл» и т. д.). В последней работе Радлов более подробно разобрал вопрос о наличии в якутском языке своеобразных дифтонгов, неизвестных во всех прочих тюркских диалектах, о долгих гласных, об ассимиляции разных согласных, сталкивающихся в процессе словообразования, посвятил много внимания и особенностям якутского языка в употреблении согласных звуков в начале слов и т. д. Но, что еще важнее, тщательно проанализировал морфологию якутского языка. Ближайшее ознакомление с морфологией в особенности должно было убедить Радлова в том, что якутский диалект никоим образом не может быть выделен из числа турецких. Во всяком случае, в своей новой работе Радлов уже не рискует сопоставлять якутский язык с чувашским в отношении их положения в составе турецких.

Первые два тезиса Радлова доказывают, что он вполне убедился в правоте Бётлингка по вопросу о месте якутского языка среди языков турецкой семьи, расходясь с ним лишь в историческом прогнозе о его происхождении. Делая эту оговорку, Радлов, повидимому, не особенно уверен в прочности своих воззрений, ибо, еще во введении к своему труду, заявляет:

«При таком составе, известного нам якутского языкового материала, в отношении его происхождения, приходится допускать только две возможности: или якутский язык—первоначально турецкий, который рано отделился от остальных турецких наречий и впоследствии, благодаря общению с монгольскими или другими соседями, напитался другими языковыми элементами, или этот язык первоначально монгольский, насыщенный чуждыми элементами, позже был совершенно отуречен»[2].

Эти колебания Радлова, допускающего одновременно три гипотезы образования якутского языка, убеждают нас в том, что сравнительно-грамматическое изучение языка вообще не может дать надежную опору для научных выводов о первичном тюркизме или монголизме якутского народа, а также о его древности или молодости. Два корифея лингвистической науки, академики Бётлингк и Радлов, на один и тот же вопрос дают диаметрально противоположные ответы.

Очевидно, основываясь на фактах подобного принципиального разногласия авторитетов лингвистической науки, один из новейших знатоков турецких языков, проф. Чобан-Заде, высказываясь на «Первом Тюркологическом Съезде» по вопросу «о близком родстве тюркских наречий», заявил:

«Откуда и как возникло якутское наречие, по сей день еще не установлено. Наречия сибирских и алтай-

[1] Там же. 16—17 стр.
[2] См. Там же. 2 стр.

ских тюрок более близки к наречиям Средней Азии»...

И заключает свой доклад такими словами:

«Если вопрос представляется пред нами в такой форме, то безусловно было бы целесообразно теперь оставить в стороне фантастические размышления и приступить к изучению каждого в отдельности тюркского наречия[1]».

Проф. Катанов, давая классификацию турецких наречий, включал якутский язык в «восточную группу» заодно с наречиями казахов, киргизов, татар Томской и Енисейской губ., карагассами Иркутской губ. и урянхайцами. Но у Катанова принцип классификации, повидимому, не строго лингвистический, а скорее географический.

Вслед за ним и проф. А. Н. Самойлович (ныне академик) причисляет якутское наречие к «восточной же группе», включая туда же, в качестве основного древнее уйгурское наречие. Хотя Самойлович, отнеся якутский язык к этой группе, указывает один фонетический признак, а именно, чередование в середине и на конце слов звуков—«д (т), з (с), j» (якуты говорят—атах (нога), а их собраться по группе—«адак», «азак», «аjак»), но фактически он больше руководствуется историческим принципом, отыскивая по географической близости составные элементы древнего уйгурского народа[2]. При этом Самойлович оговаривается, что якутский язык является «одним из самых смешанных и оригинальных, по выражению Радлова, nachtürkisch». Эта оговорка и ссылка на авторитет Радлова уже создает большую шероховатость и делает неприемлимым его воззрение о месте якутского языка, ибо, по Радлову (см. выше его тезисы), это наречие, в ряду турецких, является уникумом, который не может быть включен ни в одну группу.

Академик Ф. Е. Корш, руководствуясь формальным признаком (смешанным характером якутского языка и невозможностью роднить его с какими-либо известными турецкими наречиями), включает его в одну группу с чувашским и подчеркивает: «Но якуты, кое в чем приближаясь к карагассам, не имеют ничего специфически общего ни с алтайцами ни с чувашами»[3].

Новейший грамматик Немет тоже объединяет якутский и чувашский языки в одну группу, руководствуясь одним маловажным фонетическим признаком, а именно, в этих языках слова, начинающиеся со звука «с», во всех остальных наречиях начинаются с «j». (Например, якуты говорят «сэтгэ»—семь, чуваши—«сичче», а все остальные тюрки—jэти, jэди, jэтти, jиди и т. д.). (О классификации Немета упоминает проф. Самойлович в упомянутой выше статье, стр. 9, прим. Г).

---

[1] См. „Первый Всесоюзный Тюркологический съезд. Стеногр. отч.. Баку 1926. Стр. 101—102.

[2] См. А. Н. Самойлович. „Некоторые дополнения к классификации турецких языков". Петроград. 1922.

[3] Ф. Е. Корш. „Классификация турецких племен по языкам". „Этногр. Обозр." Кн. 84—85. 1910 г.

Таковы разногласия лингвистов по вопросу о месте якутского языка среди родственных с ним турецких наречий.

Все попытки ввести якутский язык в круг родственных турецких диалектов должны быть признаны крайне искусственными и неудачными. Следовательно, остается в силе общий вывод двух знаменитых академиков, Бётлингка и Радлова, что якуты хотя и говорят по-турецки, но настолько своеобразно, что их ближайшие родственники не могут быть разысканы ни среди живых по-турецки говорящих народов и ни среди древних, языки которых известны в науке по сохранившимся литературным памятникам. Это обпочное и изолированное положение якутского диалекта делает более вероятным историческую гипотезу, что якутское племя со своим языком и не менее своеобразной духовной культурой представляет из себя остаток какого-то большого древне-турецкого мира, который очень рано распался, будучи поглощен чуждой стихией. Подобное явление в истории степных народов нельзя рассматривать как нечто невероятное и фантастическое. Куда девались те многочисленные турецкие племена, которые когда-то, еще на заре русской истории, шумно волновались в южно-русских степях? Они большею частью потонули среди славянских народов, а их жалкие остатки обнаруживаются в предгорьях Кавказа или, смешавшись с другими туземными народами, преобразовались в чувашей и т. д. А на востоке многомиллионный оседлый Китай легко мог ассимилировать не один десяток миллионов турецких кочевников. Точно так же и приток значительной турецкой крови в составе современных монгольских племен мог остаться не зарегистрированным писаной историей.

Академик Радлов, как видно из приведенного выше IX-го тезиса, очень близко подошел к этому же самому выводу, но, будучи связан своим ранним воззрением, остановился на полдороге. Он полагает, что, нарисованная им, картина смешения трех этнических группировок,—урянхайского, монгольского и турецкого, характеризует только якутов, а не ту большую ветвь «древне-турецкого» народа, существование которой теоретически допускается и им. Таким образом, имеется полная возможность примирить воззрения на якутский вопрос двух выдающихся лингвистов прошлого века, специально углубившихся в изучение якутского диалекта.

Из теоретических построений Радлова наиболее слабым представляется VIII тезис, т. е. его утверждение о молодости якутского языка и народа. Эта оригинальная позиция Радлова вряд ли может рассчитывать на общее признание в современной туркологии. Об этом мы можем судить по следующим фактам. Пл. Мллоранский, один из выдающихся знатоков турецких наречий, пытаясь согласовать взгляды Бётлингка и Радлова по вопросу о происхождении и древности якутского языка, еще до выхода в свет Die jakutische Sprache писал:

«Особняком стоит якутское наречие, так как якуты (если даже они чисто турецкого происхождения, что очень сомнительно) отделились от главной массы турецкого народа в очень отдаленное

время, жили долго, не имея сношений с другими турецкими племенами, и подпали под влияние монгольских и отчасти тунгусских племен[1]».

Н. Н. Поппе, специалист по всем трем ветвям алтайских языков (турецких, монгольских и тунгусских), в своей недавно изданной «учебной грамматике якутского языка» (Москва. 1926), свое отношение к новым воззрениям Радлова формулирует так:

«По сравнению с прочими турецкими языками якутский язык обнаруживает значительные отклонения от общего типа турецких наречий и можно полагать, что турки-якуты отделились от прочих турецких народностей в очень давнюю пору, после чего долгое время их язык развивался вполне самостоятельно и обособленно от влияний других турецких языков, в результате чего и явилось большое различие между якутскими и прочими турецкими языками»...

«Характерные особенности якутского языка, по мнению В. В. Радлова, не свидетельствуют о раннем отделении якутов от прочих турок, а, наоборот, свидетельствуют скорее о том, что якуты—лишь отуреченное племя нетурецкого происхождения».

«С этим мнением В. В. Радлова можно согласиться лишь с большим трудом. Дело в том, что, вопреки мнению В. В. Радлова, характерные особенности якутского языка носят чрезвычайно архаичный характер».[2]

Здесь мы заканчиваем обзор воззрений знатоков тюркских наречий об отношениях и возможных связях якутского языка с другими диалектами той же турецкой семьи. Для нас важен, конечно, исторический смысл общего заключения лингвистов о положении якутского языка.

Архаичность якутского языка признается почти всеми лингвистами за исключением академика Радлова.

По поводу исключительной позиции Радлова, совершенно не затрагивая его величия в одной отрасли специального знания, можно сказать, что иногда и великому человеку бывает свойственно совершать «величайшие» ошибки.

Мы знаем, например, что академик Бётлингк, высказываясь за древность якутского языка, руководствовался не только своими лингвистическими знаниями, но и наблюдениями своего ученого друга Миддендорфа о правах и обычаях якутов, сохраняющих в глуши северной тайги понятия, представления и обряды, присущие степным народам Средней Азии. А академик Радлов в своей сравнительной грамматике усматривает нечто вроде священного шаманского бубна, прислушавшись к звукам которого, можно безошибочно пророчить о прошлых судьбах любого народа. Приведем немногие примеры исторических прогнозов академика Радлова. По его мнению, якуты потому должны быть признаны не турками по происхождению, что общетурецкое слово «дочь», «девица» произносят «кыыс», тогда как его подлинные и бесспорные турки сохранили в форме «хыз» (или точнее кхыз). Спрашивается, по-

[1] Бол. Энц. Слов. Брокг. I изд. Статья „Турецкие наречия и литературы".
[2] Н. Н. Поппе. „Учебная грамматика якутского языка". Москва. 1926 стр. 5

чему не наоборот или по каким особым соображениям нужно исключить возможность существования в древности «кыс» турков и «хыз» турков? Дальше, академик Радлов самый сильный научно-грамматический аргумент в пользу молодости якутского наречия усматривает в выпадении у них во многих словах начального звука «с» («передне-язычного спиранта»). Это положение он иллюстрирует следующей сравнительной таблицей этого звука в разных диалектах:

Др.-тюрк. Уйг. Зап. диалек.	Башкирск.	Шорский	Абаканские (Минус. тат.)	Якутский
С	h	С	С	—
Ш	Ш	Ш	С	—
Ч	С	Ш	С	—

Was die in türkischen Wörtérn auftretenden vorderlingualeu Anlaute с, ,ш ч, betrifft, so sind sie im Jakutischen vollkommen geschwunden.[1]

Вслед за этим Радлов утверждает, что начальный звук «с» сразу не мог выпасть и что это явление происходит путем постепенного ослабления «с» до придыхательного «h» включительно, как это имеет место в башкирском наречии. Затем автор умозаключает, что якутский язык в отношении передне-язычных спирантов показывает картину последней ступени развития, до которой не достигло ни одно другое тюркское наречие:

Wir sehen also,dass die jakutische Sprache in Betreff der vorderlingualeu Spiranten nicht nur einer sehr späten Entwicklungspe riode der türkischen Lautverschiebung entspricht,sondern,dass sie die letzte Stufe dieser Fortentwicklung bietet, zu der noch keine andere Türksprache gelangt ist".[2]

В самом деле, какое блестящее доказательство «молодости» (?) якутского диалекта разыскал острый грамматический анализ академика Радлова?

Достигнуть последних ступеней развития в модификации звуков речи, до которых не дошло еще ни одно турецкое наречие, не значит ли быть старейшим членом в семье турецких языков? Почему же в отношении якутского языка «последняя ступень развития» (die letzte Stufe) должна быть истолкована как несомненный признак его молодости?

Нам трудно понять рассуждения Радлова о судьбе передне-язычного спиранта в якутском наречии. Очень охотно допускаем, что это недоумение покоится на нашем обывательском подходе к сложным и трудным вопросам специальной научной дисциплины.

Между прочим, академик Бётлингк, а вслед за ним С. В. Ястремский и сам академик Радлов констатировали в якутском диалекте одно весьма

[1] Там же. Стр. 15.
[2] Там же. Стр. 16.

странное грамматическое явление, а именно, отсутствие родительного падежа, существующего во всех турецких и монгольских языках [1].

Академик Бётлингк придерживается того взгляда, что якуты отделились от прочих турок еще до образования родительного падежа, а Ястремский, констатировав в языке современных якутов следы былого существования этого падежа, стоит на той точке зрения, что он раньше был, но потом утрачен. Радлов присоединяется к мнению Ястремского и пишет: «Окончание родительного падежа, как ненужный балласт, вышло из употребления и это могло случиться как в раннее время, так и позже [2]. При этом Радлов констатирует, что орхонские тюрки в VII и VIII веках «очень часто отношение родительного падежа даже по преимуществу выражали тем же способом, как это делается у якутов».

Итак, якуты не только проглатывают некоторые звуки турецкого языка, но даже постепенно пришли к забвению целого падежа, который когда-то был у них в употреблении. И это последнее обстоятельство не убеждает Радлова в древности якутского языка и народа.

Научные заслуги академика В. В. Радлова общеизвестны и, конечно, нет нужды ежеминутно напоминать об этом. Но отсюда еще не следует, что все изреченное им представляет абсолютную ценность и должно быть принято без критической проверки.

Точно установленное лингвистической наукой полное одиночество якутского диалекта мы можем принять как один из сильных аргументов в пользу степного происхождения якутского народа, ибо, если бы это наречие родилось где-то в таежной глуши, то его родичи были бы живы и по сей день. Всякая культура в лесистых и горнистых странах всегда отличается устойчивостью и монолитной прочностью, а степные народы при господстве древнего номадизма, наоборот, представляли обычно бурливый поток. В полосе травянистых степей постоянная смена исторической обстановки и народов—самое заурядное явление. Это явление прекратилось в истории Старого Света лишь с того момента, когда окрепли, прилежащие к степям, оседлые государства и положили непреодолимую преграду передвижениям кочевых народов.

Трудность борьбы с кочевниками заключалась в том, что оседлые народы очень долго не имели обученной кавалерии, которая могла бы соперничать в бою со степной конницей. Например, китайские историки отмечают, что Китай отдохнул от набегов соседних кочевников лишь тогда, когда обучил своих воинов «конному стрелянию из луков». Замена народного ополчения регулярными войсками, введение сомкнутого строя и прочие военно-технические приемы и приспособления, усилившие военную мощь оседлых народов, тоже явились не сразу. Мы не говорим уже о появлении огнестрельного оружия, окончательно ликвидировавшего опасность со стороны степей. Окончательное замирание степей и консолидация ее обитателей, со-

---

[1] См. об этом подробно в статье С. В. Ястремского—„Падежные суффиксы в якутском языке". „Труды Сибиряковской Эксп." Иркутск. Вост. Сиб. отд. ИРГО. 1898.

[2] Радлов. Цитир. соч. о якут. яз., стр. 30.

провождавшиеся прекращением постоянных смешений языков и народов, характеризует новую эру в истории номадизма.

Если якуты со своим языком и культурой представляют из себя осколок того древне-турецкого мира, который господствовал в степях в эпоху военного преобладания кочевников над оседлыми народами, то разыскание ближайших родичей якутов по крови, языку и другим культурным признакам будет не легкой задачей. Очевидно также, что научное значение лингвистического метода, тем более сравнительно грамматического, при прояснении древней истории якутов весьма и весьма ограничено. В этом отношении замечательную мысль высказал проф. С. И. Руденко на Первом Тюрк. Съезде, докладывая на тему «современное состояние и ближайшие задачи этнографического изучения турецких племен». Он сказал:

«Многочисленные факты свидетельствуют о том, что язык является наименее стойким этническим элементом. С удивительной стойкостью выживают расовые типы, с редким упорством переживают бытовые особенности, и сравнительно легче утрачивается язык, заменяясь новой разговорной речью [1]».

Руденко говорит здесь, конечно, об общем правиле или закономерности, наблюдаемой во многих пунктах земли, где происходила постоянная смена и смешение народов. В частности, его положение не приложимо к якутам, которые попали в естественный мешок и глушь ленского бассейна, где до прихода русских они прожили никем не тревожимые. Поэтому основные черты якутского быта, правов, языка, религиозных представлений и проч. не могли потерпеть серьезных изменений. В отношении якутов, пожалуй, правильнее было бы говорить не о прогрессе, а о попятных шагах и регрессе сравнительно с тем, что имелось у них в момент исхода из центральных степных мест. Само собой разумеется, мы исключаем эпоху порусской истории, когда якуты вновь приобщились к поступательному ходу общечеловеческой культуры.

Согласно мнению Руденко, историк якутов, разбираясь в туманных контурах их давно прошедшей исторической жизни, должен, по преимуществу, опираться на самые консервативные элементы культуры, объединяемые этим автором под понятием «бытовых особенностей». Из них религиозно-мифологические представления якутов с примыкающими к ним образцами народного фольклора составят самый надежный исторический источник. В своей работе «Опыт сравнительного изучения библейских и якутских мифов о прародителях народа» мы попытались указать местонахождение элементов той степной культуры, северное ответвление которой застряло у якутов. Составители библии и якуты принадлежат к разным расам, не могут иметь ничего общего в отношении языка, но тем не менее религиозно-мифологические представления у них обнаруживают происхождение из единого источника. Такова древность якутского народа, его языка и культуры.

---

[1] См. Цитир. выше стеногр. отч., стр. 58.

Академик Радлов степное происхождение якутского диалекта хочет аннулировать красноречивым жестом в сторону языка орхонских писаных памятников, который оказался более близким к наречиям других турецких племен, а не к якутскому. Но эта ссылка не может поколебать наш общий вывод о степном происхождении якутского народа, ибо орхонские тюрки и поздние уйгуры принадлежат к турецкому средневековью. Китайские исторические летописи бесспорно свидетельствуют о том, что предками уйгур и народа тюрк были хун-ну или сюн-ну. Каков был лексический состав и грамматика турецкого наречия этих хун-нов, об этом в лингвистической науке не имеется никаких данных, за исключением немногих слов, сохранившихся в китайской транскрипции. (Например, «тан-ли гуту», что, приблизительно, должно было звучать—«тан-ри куту», и означало царский титул у хуннов. Китайские историки приравнивают его своему понятию «сын неба», что у них также является обычным титулом богдыхана. Поэтому эти хуннские слова переводят тоже «сын неба». По-якутски этот титут может быть передан почти тождественными словами «тангара кута» или «тангара хотойо»).

Точно так же не имеется данных и о народном наречии ранних уйгур, населявших восточную половину Монголии. Следовательно, первоначальное предположение академика Бётлингка о степном происхождении якутского наречия и после расшифровки памятников древне-турецкой письменности не теряет своего значения.

Могут ли якуты со своим языком иметь какое-либо отношение к народу хун-ну китайских летописей? Ответ на этот вопрос нужно искать, во всяком случае, не в грамматике якутского языка и даже не в его лексическом составе, а в осмысленных памятниках народной словесности—былинах, легендах, обычаях и правах, в религиозном воззрении народа и т. п.

Лингвисты единогласно констатируют в якутском языке обилие корней общих с монгольскими наречиями в гораздо большем проценте, чем в других турецких наречиях. Можно ли в этом обстоятельстве усматривать непреодолимую преграду для установления прямого родства якутского языка с наречиями древнейших турецких народов степной Монголии? Конечно, нет, ибо эти самые народы, как в отношении своего этнического состава, так и господствовавшего у них диалекта, представляют для нас абсолютно неизвестную величину. Лишние монголизмы якутского наречия мы были бы вправе приписать своеобразию исторических судеб одних якутов в том лишь случае, если бы мы точно знали, что древнейшие турецкие обитатели Монголии представляли из себя чистую расу без всяких монгольских и иных прочих примесей. Мало того, якутские монголизмы являются «монголизмами» лишь в весьма условном смысле, а именно, при допущении, что современные монгольские племена и наречия не содержат в себе ни капли турецкой крови и языкового элемента. Если, паче чаяния, монгольские народы в древнейшие исторические эпохи образовались из смешения чистых и первобытных монголов с остатками хун-ну китайских летописей, то якутские «монголизмы» окажутся не чем иным, как обратным отражением неведомых для нас «тюркизмов» монгольских наречий.

Если старые языковеды стояли на той точке зрения, что монгольские и турецкие языки развились совершенно обособленно и независимо друг от друга, то новейшие достижения сравнительного алтайского языкознания говорят о том, что эти языки за завесами известной нам истории находились в тесном общении друг с другом и имеют в прошлом какую-то стадию совместного развития. Руководители первого тюркологического съезда в Баку даже сочли необходимым поставить особый доклад на тему «Родство турецких языков с монгольскими [1]».

Из доклада мы узнаем, что основоположником этой теории монголо-турецкого языкового родства выступил известный монголист Рамстедт. По словам Поппе, он сначала допускал, «что значительная близость монгольского языка к турецкому может являться результатом массовых заимствований». «Впоследствии же, когда был установлен ряд чрезвычайно сложных монгольско-турецких фонетических законов и, когда были выявлены общие элементы морфологии этих языков, Рамстедт уже определенно высказывается в пользу гипотезы о родстве монгольского и турецкого языков, в его последующих работах неоднократно говорится уже о монгольско-турецком праязыке».

Теорию турецко-монгольского родства значительно позже усвоил и знаток турецких языков Немет. Современное положение этого вопроса характеризуют заключительные слова Поппе:—«К достижениям алтайского сравнительного языкознания, прежде всего, относится разрешение в положительном смысле вопроса о родстве монгольского и турецкого языков».[2]

С исторической точки зрения теорию близкого родства монгольского и турецкого языков проще понять, как отражение древних этнических смешений, носителей этих двух языков, чем развитие последних от одного единого корня. Это явление должно было иметь место в старую эру номадизма, о чем мы говорили выше, обусловленную слабостью военной организации оседлых народов и более интенсивными передвижениями кочевых народов в пределах обширных евразийских степей. Полное военно-техническое преобладание оседло-земледельческих государственных организаций знаменует собою локализацию кочевников на определенных участках степей и абсолютное прекращение их внутренних этнических, языковых и культурных смешений.

Во всяком случае, сами лингвисты поставили себе на разрешение вопрос о древних смешениях монгольских и турецких языков в гораздо более сильной степени, чем это имело место в поздние исторические эпохи. Вместе с тем чистота монгольского языка оказывается уже под большим сомнением. Не особенно давно проф. Б. Владимирцев, ныне покойный, свою статью «Турецкие элементы в монгольском языке»[3] заключает следующим весьма характерным вопросом:

---

[1] Доклад Н. Н. Поппе. Цит. стен. отч. 104—118 стр.
[2] Там же. 114 стр.
[3] Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. т. XX, вып. II—III за 1911 г. 156—181 стр.

«Но я думаю, уже теперь возможно поставить вопрос, не является ли монгольский язык мешанным, вроде, напр., якутского, в котором тоже значительную роль играют турецкие элементы».

Нам представляется лишь несколько странным, почему Владимирцов, вопреки господствующему мнению туркологов, относит якутский язык к нетурецким. Если бы проф. Владимирцов знал, что якутский язык признан одним из турецких диалектов, «в котором тоже значительную роль играют монгольские (а «не турецкие», как говорит он) элементы», то, конечно, он не стал бы разъединять эту единую проблему. Если в самом монгольском языке имеются невыясненные турецкие примеси, то тем самым легко и просто разрешаются и «монголизмы» якутского языка.

Некоторые туркологи, в том числе и академик Радлов, еще могли удивляться лишним монголизмам якутского языка и ломать свою голову над вопросом об особых путях его исторического образования. Но для нового поколения туркологов и монголистов, сумевших поднять свою научную дисциплину на новые высоты путем углубления сравнительно грамматического анализа, типические особености якутского языка, своеобразие его грамматики и лексического состава, должны бы вскрывать лишь завесу над неизученными страницами взаимоотношений монгольского и турецкого мира в глубинах древне-азиатской истории. Вот почему можно выразить надежду, что некоторые теоретические заблуждения академика Радлова в отношении якутского языка с течением времени будут легко изжиты даже среди его больших почитателей. Сравнительное турецкое и алтайское языкознание началось не с Радлова, само собой разумеется, не им оно закончит цикл своего развития. Новые люди в научной туркологии, обладающие более дальним кругозором, принесут с собой и «новые песни».

II.

Перейдем теперь к историческому учению академика Радлова о происхождении якутского народа, которое изложено им в виде послесловия к его лингвистической монографии [1]. Его теоретические построения не оригинальны. Они представляют из себя переделку и приспособление, известной нам, урянхайской гипотезы Трощанского, с которой он ознакомился благодаря близкому общению с Э. К. Пекарским, к изложенным выше лингвистическим выводам. Вся остальная литература о происхождении якутов осталась вне кругозора Радлова. Он усвоил основной тезис Трощанского о лесных урянхайцах, упоминаемых в труде Рашид-Эддина, как о предках якутов. Заимствует также и утверждение Трощанского о том, что якутские Хоринские наслеги когда-то отделились от Хоринских родов монголо-бурят, обнаруживаемых ныне за Байкалом. Если Трощанский вторичное племенное название якутов «ураангхай» понял как географическое название их прародины («ура-

[1] См. Цит. соч. 53—58 стр.

ангхай саха»—люди из Урянхая), то, по Радлову, «ураангхай» есть первоначальное название якутского племени, а сопутствующее ему слово «саха» нужно понимать как видоизменение прилагательного имени «сага», которое теперь у якутов употребляется со значением—край, окраина, граница, воротник (тюрк. jaka), ввиду чего «саха-ураангхай» в древности должно было иметь смысл—пограничные урангхаи[1]. Между прочим, это мнение о первоначальном значении имени «саха», со ссылкой на Радлова, часто повторяется и другими туркологами. Мы в своей работе «Хрестес. Шаманизм и христианство» попытались дать иное истолкование первоначального смысла этого весьма древнего и очень распространенного этнического термина, полагая, что якутский «украинский» кафтан для него слишком узок.[2] Точка зрения Радлова была бы приемлема, если бы слово «саха» не выходило из пределов собственно якутского мира. На деле же это имя прилагалось к таким народам древности, которые ни по местам своего постоянного обитания и ни по своему культурно-историческому значению не подходили под понятие «украинцев». Наши соображения о происхождении имени «саха» в развернутом виде будут изложены во втором томе наших очерков, который целиком будет посвящен историческим судьбам народа «саха».

Лесные урянхайцы, по мнению Радлова, по своему первоначальному происхождению, не принадлежали ни к туркам и ни к монголам. Он не высказывается также и за тунгусизм этих древних урянхайцев, они просто—неизвестная величина и какое-то темное пятно в истории народов древней Азии. Но Радлов убежден, что эти урянхайцы с очень давней поры вступили в близкое общение с монголами и должны были омонголиться в языковом отношении, в чем убеждает его наличие среди монголов другого племени «урянхит», которое причислялось к монголам чистой крови.

Прародину якутов—лесных урянхай Радлов отыскивает, руководствуясь ссылкой Рашид-Эддина о проживании их вблизи местности, называемой «Баргуджин Тукум». Он пишет:

«Под местностью Баргуджин-Тукум, очевидно, разумеется страна восточнее озера Байкал, который принимает с востока реку Баргузин... а также, наверное, область верховьев Витима».[3]

Значит, лесные урянхи, по Радлову, должны были проживать где-то севернее этого Баргуджин-Тукума. Он думает, что Рашид-Эддиновское описание застает урянхайский народ в тот период, когда он по языку, надо полагать, и по нравам, был монголизован:

«Несомненно, что урянхит Рашид-Эддина есть тот же самый народ, который позже именовался еще ураангхай, т. е. предки якутов в ту стадию развития их языка, которую я мог бы обозначить как монгольскую».[4]

Дальше Радлов предполагает, что монголы, вторгнувшись на западную сторону озера Байкал, потеснили жившие там турецкие племена. Часть этих

---

[1] Там же. 53 стр.
[2] См. „Хрестес. Шаманизм и христианство". Иркутск. 1929. 100—101 стр.
[3] Там же. 55 стр.
[4] Там же. 56 стр.

турок, вытесненная на север от Байкала, должна была смешаться с урянхае-монгольским народом и окончательно их отуречить. Еще позднее этот смешанный народ «всего вероятнее по собственному побуждению пошел далее на северо-восток, чтобы найти более удобные пастбища для своего скота, так как места севернее Байкала годны только для охотничьего народа. Позже здесь осел и закрепился охотничий народ, тунгусы, которых русские застали здесь вначале 17-го века».[1]

Таким образом, долго спустя после возвышения монголов и появления их историка Рашид-Эддина (т. е., приблизительно, в 14 и 15-м веках) образовался смешанный ново-турецкий народ—якуты. Следовательно, когда пришли русские завоеватели, то якуты ,можно сказать, едва-едва успели вылупиться из яйца и, пройдя утробный монгольский период своего существования, преобразились в народ, говорящий по-турецки.

Смешанность этнического происхождения якутов Радлов подкрепляет подробной выпиской заключительных тезисов Н. Л. Геккера,[2] который на основании своих антропометрических изменений доказывает, что якуты:

1) «Не представляют однородной и антропологически чистой среды и являются продуктом долгого смешения двух или нескольких родственных племен».

2) «Разнородность этой среды сводится к господству двух типов, которые отличаются между собой ростом и не столько широтными размерами, сколько длинником головы и лица...»

3) «В абстракции они рисуются так: один высокорослый и высокоголовый, длинноликий и длинноносый, другой низкорослый с большой шарообразной головой, с коротким и поэтому очень широким, плоским лицом и таким же носом».

Радлов прилагает к своему труду несколько известных вариантов якутских генеалогических сказаний об их прародителях, Эллэе и Омогое. В этих двух мифологических образах он также усматривает подтверждение своей гипотезы о смешении тюрков с другими племенами.

Исторические построения Радлова представляют из себя смесь простого недоразумения с недосказанными и, подчас, наивными утверждениями. Лесные урянхи Рашид-Эддина, как давно установлено исторической критикой, являются не предками якутов, а урянхайцами Танну-Тувинского края. Значит, в этом отношении он значительно испортил правильное представление Трощанского, который является совершенно посторонним человеком в области ориенталистики. Баргуджин-Тукум Рашид-Эддина точно так же не есть район реки Баргузина, как думает Радлов, а современный Приангарский край. (Эти вопросы подробно рассматриваются нами в ч. III, гл. «Баргуджин-Тукум»).

Проживание основного ядра издревле скотоводческого народа в бассейне р. Витима, где бродят немногочисленные тунгусские роды, может проектиро-

[1] Там же. 56 стр.

[2] „К характеристике физического типа якутов“ Зап. Вост. Сиб. Отд. ИРГО т. III, вып. I. Иркутск. 1896.

вать лишь лингвист, витающий в мире своих грамматических абстракций.

Что якутские роды «Хоро» обязательно должны соответствовать современным хоринским бурятам, нужно еще доказать. Во-вторых, якутские хоринские роды не столь многочисленны (их всего-навсего вряд ли наберется около 5000 душ об. п.), чтобы обмонголить на 30% якутский язык, на котором говорит народ, равняющийся почти четверти миллиона душ. В-третьих, при более внимательном анализе «хоринского вопроса» у якутов их легендарные «Хоро», по нашему мнению, должны быть признаны пережиточным воспоминанием об огромном китайском народе.

Ссылка на смешанность физического типа якутов заключает в себе молчаливое допущение, что древние тюрки обязательно должны быть чистой расой как по типу, так и по языку. Как нам хорошо известно, все подлинные тюрки акад. Радлова, за весьма малым исключением, украшены роскошной растительностью на лице и выдающимися носами и, по общему мнению антропологов, должны быть отнесены по своему физическому типу к народам кавказской расы с едва заметными следами своего былого азиатского происхождения. Что же удивительного в том, что древние тюрки, которые когда-то занимали степную Монголию, представляли пеструю смесь из различных племен и народов, живущих в их окружении. Тюрки, как военный народ, по преимуществу, вряд ли когда отличались чистотой своей крови и физического типа? Следовательно, смешанность антропологических признаков в типе современных якутов отнюдь не может служить доказательством особых исторических путей образования этого народа.

Подробную критику приведенных выше тезисов Радлова мы сможем дать лишь в продолжении наших очерков по мере прояснения целого ряда темных вопросов в древнейших судьбах якутского народа. В данный же момент достаточно констатировать, что большинство исторических суждений Радлова представляет из себя образец крайнего упрощенчества и вульгаризации сложнейших проблем ориенталистики. Их критика затрудняется тем обстоятельством, что Радлов, пользуясь правами большого научного авторитета, обычно не доказывает и не мотивирует свои выводы, ограничиваясь аподиктическими утверждениями[2].

Изложив научные воззрения академика Радлова о якутском языке в его современном состоянии и в процессе становления, а также и его историческое учение о происхождении самого якутского народа, мы сочли излишним особо останавливаться на трудах его учеников и больших почитателей, которые занимались только популяризацией научных тезисов своего учителя, не привнося от себя ничего нового и оригинального. К этой группе мы относим, например, анонимного автора или авторов, скрывшихся под инициалами «Г. С.», опубликовавших в сборнике трудов якутского исследовательского общества «Саха-Кессиля» (Вып. 4 за 1927-г., стр. 75—93, и в вып. 5 за 1928 г., 29—60 стр.) обширную статью под заглавием: «Якутский язык в его отношениях к тюркскому и монгольскому языкам».

Статья эта представляет простой пересказ, а местами буквальный перевод двух глав (1. Фонетика и 2. Морфология) известной нам лингвистической монографии Радлова «Die jakutische Sprache». Было бы много лучше, если бы авторы статьи взамен ее дали точный перевод названных глав труда Радлова.

Затем, историческое учение Радлова о происхождении якутского народа из той же лингвистической работы (51—57 стр.) было пересказано на якутском языке покойным якутским лингвистом С. А. Новгородовым в небольшой статье под заглавием «Саха хантан хаанпаага» (откуда якуты родом) и помещено в школьном учебнике «Аагар кинигэ» (книга для чтения).

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ.

Мы ознакомились со всей важнейшей литературой, посвященной разработке вопросов древней истории якутов—отысканию их первоначальной родины, путей переселения в современный Якутский край и их ближайших родичей. Это—то научное наследие, которое осталось от буржуазной эпохи. Метод марксизма-ленинизма не игнорирует полностью научные выводы буржуазных историков, а критически осваивает, чтобы сохранить то, что может принести еще пользу в том или другом смысле. Следуя этому правилу, мы старались отмечать все ценное и положительное из того, что сделано каждым из рассмотренных авторов в деле прояснения происхождения якутов и путей их переселения на Лену. Задача историка в данном случае заключается не только в открытии южного происхождения якутов, а в уяснении целого ряда конкретных моментов, связанных с этим вопросом: какими путями они переселились на север, когда, в какие исторические эпохи, какой характер носили эти переселения, совершились ли они в форме одноактного передвижения целого народа или имело место постепенное развитие колонизационного процесса, растянутого на длительный период, какими причинами все это могло вызываться и т. д.

Весьма сложным вопросом, разрешение которого требует очень внимательного изучения, является, конечно, установление этнического состава якутов, в связи с чем стоит и определение того народа или группы народов, от которых они в глубокой древности оторвались. В тесной связи с разрешением этих вопросов встанет и ряд других исторических проблем, еще более сложных и запутанных, касающихся социально-экономического строя древнего якутского общества на юге и на севере, происшедших в нем изменений и характера этих изменений, ибо можно представить себе прогрессивное и регрессивное движение или, может быть, застойное состояние. Наконец, и расселение древних якутов в пределах, занятой ими теперь, территории, приспособление к физико-географическим условиям этого обширного края, постепенное его освоение, взаимоотношения якутов с его коренными обитателями, все это, несомненно, предполагает очень длительный исторический процесс, подлежащий периодизации и особому изучению. В отношении якутской древности, само собой разумеется, нельзя задаваться фантастическими задачами уяснить все стороны развития народной культуры, ибо научная

программа должна соразмеряться не с тем, что вообще было бы желательно и нужно, а с тем, что еще возможно установить и положительно доказать имеющимися в нашем распоряжении научными источниками.

Подходя к старым историческим трудам с марксистско-ленинским методом, мы не должны ни на минуту забывать об уровне развития науки того времени, с этой точки зрения каждого историка надо мерить масштабом его времени. Нельзя отказать деятелям буржуазной науки в признании их несомненных заслуг, которые в данном случае выразились в постановке интересной якутской проблемы и в первых опытах ее разрешения.

Необходимо особо подчеркнуть работу лингвистов, знатоков турецких языков, выступавших в роли историков якутского народа. Та часть их работы, которая была направлена на изучение якутского языка в грамматическом и лексическом отношении, на определение его места среди родственных турецких языков, уяснение его взаимоотношений с монгольскими языками, все это представляет из себя в высокой степени ценный научный источник для древней истории якутского народа. Если случайно объектом нашего исторического изучения является народ, не имеющий своей исторической литературы и никаких писанных памятников, то ясно само собой, что все сокровища языка, хранящиеся в устной памяти данного народа, должны заменить его историку исторические летописи и все прочие писанные памятники культурных народов. Этим самым и определяется научная ценность для нашего исторического исследования трудов лингвистов, изучавших якутский язык в различных направлениях. И мы не только вправе, но и обязаны подчеркнуть, что, при отсутствии старых и известных капитальных трудов по изучению якутского языка, построение научной истории этого народа было бы немыслимо.

Мы признаем, следовательно, что за старое время в смысле изучения древней истории якутов была проделана большая и полезная подготовительная работа. Но поставленные самими исследователями основные вопросы по древней истории якутов, а именно, установление их этнического родства и той группы народов, от которых предки якутов отделились, точное определение их раннего местожительства, а также приблизительные даты якутских переселений на Лену—остались не разрешенными. Господствующие в старой литературе, гипотезы минусинского и урянхайского происхождения якутов должны быть отвергнуты как ошибочные, ибо передвижение скотоводческих народов из бассейна Енисея на Ангару исторически не обосновано и самый факт пребывания якутов на Лене с промежуточным этапом в западной части Прибайкалья допускает их передвижение сюда только лишь из Забайкалья. Поворот древних якутских переселений из Ангары на север ясно говорит о наличии какого-то серьезного средостения, которое помешало предкам якутов открыть очень удобные для них места в пределах Южного Енисея. Эти выводы подтверждаются и лингвистической экспертизой трех выдающихся лингвистов,—академика Отто Бётлингка, Германа Вамбери и академика Радлова, которые единогласно отвергли близкое родство якутского диалекта с наречиями туркоязычных народов Алтае-Саянского нагорья.

Если же признать доказанным появление якутов в Предбайкалье и в верхнем течении Лены с восточной стороны Байкала, то и, общепринятое в буржуазной науке, мнение об отходе якутов на север под давлением предков бурят, якобы, наступавших из Забайкалья, должно быть пересмотрено. Больше данных говорит за то, что основное ядро современного бурятского племени раньше якутов населяло Предбайкалье и временно оттеснялось последними отсюда на запад. Обычные же ссылки на предания самих якутов, что, якобы, их предки бежали с верхних мест Лены под давлением бурят, также должны быть отвергнуты, ибо эти предания оказались псевдо-якутскими и сложились в старожильческой русской среде, которая самостоятельно переработала сюжеты якутских сказаний благодаря раннему усвоению якутского языка и фольклора.

В связи с изложенным необходимо отметить, что одной из серьезных ошибок всех старых авторов является пользование не подлинными сказаниями самой якутской народной массы, а их искаженным отражением в русском колонизаторском фольклоре.

Приурочение даты якутских переселений из Предбайкалья на Лену к эпохе войн Чингис-Хана и ко времени образования Монгольской империи, получившее в старой литературе о якутах характер общего места, несомненно, вызвано теми же псевдо-якутскими легендами о бегстве якутов от монголо-бурят. При отпадении этой легендарной основы и указанный вывод исторической науки превращается в произвольное допущение.

В принципиальном споре двух академиков, Бётлингка и Радлова, по вопросу об историческом возрасте якутского диалекта, является ли он древним или ново-турецким наречием, мы должны предпочесть взгляды Бётлингка, ибо теоретическая позиция Радлова о молодости якутского языка плохо обоснована. Этой теорией академик Радлов искусственно прикрыл свое отступление пред взглядами Бётлингка о турецкой природе якутского языка.

Если научное открытие академика Бётлингка о наличии в якутском языке многих архаических черт, по сравнению с другими тюркскими языками, остается непоколебленным, то отпадает и второе основание указанной выше гипотезы об отступлении якутов на север в эпоху Чингис-Хана или его ближайших потомков. Спрашивается, почему предки якутов не могли переселиться на Лену задолго раньше появления исторического Чингис-Хана? Кто, когда и какими фактами доказал позднее появление носителей якутского наречия в бассейне Лены? В рассмотренной нами исторической литературе, вопросы хронологии вообще никак не доказываются. Специалистам по алтайским языкам надлежит еще раз пересмотреть показания своей науки по вопросу о взаимоотношениях якутского языка с древнейшими турецкими языками. Если близкое родство его с списее-орхонскими диалектами исключается, то остается в запасе язык древних хун-ну китайских исторических хроник. Если современная лингвистическая наука еще не располагает материалами по языку этих хун-ну, если этот язык у себя на родине исчез бесследно, то этим фактом самая проблема о близости якутского языка к языку хун-ну еще не снимается. Может быть, последний не исчез, а только пере-

местился с юга на север. В подпочвенных льдах полярной Сибири нередко сохраняются целые туши вымерших мамонтов, почему бы и языку древних хунну не выжить до эпохи колхозов и совхозов среди дремучих лесов северо-восточной Сибири. И в этом явлении не было бы ничего чудесного и таинственного.

Историческая гипотеза о переселении кочевой части южных хунну из пределов Внутренней Монголии через Халху, Забайкалье и Предбайкалье на Лену была высказана и обоснована нами в 1920 г. в устных докладах в научных обществах г. Иркутска[1]. Более развернутое изложение этой гипотезы мы имеем в виду дать во втором томе наших очерков. Вот почему автор этих строк с большой радостью ознакомился с работой т. А. Н. Бернштама, многообещающего турколога-марксиста, опубликованной недавно в «Пробл. ист. докапит. общ-в» под заглавием «Происхождение турок»[2], в которой впервые в академической печати защищается тезис о хуннском происхождении якутов. Тов. Бернштам, пользуясь методом анализа языковых пережитков, рекомендуемым яфетидологическим языкознанием, нащупал в якутском языке такие архаические слова, которые носят на себе ясный отпечаток своего хуннского происхождения, как, например, «тойон» и «сююнэ». Причем, по мнению Бернштама, в последнем слове, сохраняющемся в якутском языке со значением «грозный», «мощный», «величественный», нужно видеть пережиточное воспоминание о племенном названии самих хуннов, которые в китайских летописях известны под двойным названием «хунну» и «сюн-ну». Между прочим, по поводу слова «сююнэ» к тому же выводу пришли и мы, но идя несколько иным путем. (Об этом см. в 3-ей ч. наших очерков—«Заключительные тезисы»). Мы позволим себе привести цитату из статьи Бернштама, в которой заключается общий итог его выводов:

«Как объяснить происхождение якутов и всю якуто-турецкую загадку? Ответ, по нашему мнению, может быть один.

Якуты являются потомками гуннов. Являясь частью гуннского объединения, якуты составляли его северную окраину, что отражено в самом названии якутов саха—«край»... А. Самойлович склонен называть якутов своего рода «украинцами», периферией турецкого общества. Мы считаем, что они были и периферией гуннского общества. Пребывание в прошлом якутов гораздо южней их современной территории запечатлено в их мифах и преданиях».

Нужно заметить, что т. Бернштам к этим выводам пришел совершенно независимо от наших исторических исследований, ибо тезисы наших докладов на тему «Происхождение якутов», опубликованные в провинциальном органе, остались вне его кругозора. Точно так же и мы, формулируя свой тезис о слове «сююнэ» и «Сюн-Хаан», как о пережитке имени древних сюн-

---

[1] См. „Основные тезисы докладов Г. В. Ксенофонтова на тему: „Происхождение якутов". Журн. „Бурятиеведение". 1928 г. № 15—2.

[2] №№ 4—6, 1935 г., стр. 43—53.

ну или хун-ну, отнюдь не подозревали о наличии аналогичного положения в уже изданной статье Бернштама.

Наличие в якутском языке элементов древнего хуннского языка в настоящее время признается и таким выдающимся авторитетом в области тюркологии, как академик А. Н. Самойлович. Это положение высказано им в письме на имя автора этих строк по ознакомлении им с тезисами этих наших очерков в декабре 1934 г. Позже при личной беседе А. Н. Самойлович разрешил нам ссылаться на это его новое научное убеждение.

Этот крутой поворот в научных воззрениях академических специалистов нового и старого созыва по вопросу о происхождении якутов, вне всякого сомнения, знаменует собою раскрепощение науки о малых народах от пут старого политического режима. Свободная научная мысль при разрешении старых запутанных проблем легко и просто находит теперь новые пути, которые искусственно закрывались раньше. Изучение конкретной гражданской истории якутов, как и других народов Сибири, при царизме не могло продвинуться вперед, ибо оно не диктовалось общими условиями старого режима и его господствующей национальной политикой. Чтобы понять эту простую истину, достаточно сослаться на классическое определение сущности российского царизма, которое было дано в лекции вождя народов, вдохновителя и учителя мировой революции, тов. Сталина, «Об основах ленинизма»:

«Начать с того, что царская Россия была очагом всякого рода гнета и капиталистического, и колониального, и военного, взятого в его наиболее бесчеловечной и варварской форме. Кому не известно, что в России всесилие капитала сливалось с деспотизмом царизма, агрессивность русского национализма—с палачеством царизма в отношении нерусских народов... Царизм был средоточием наиболее отрицательных сторон империализма, возведенных в квадрат».[1]

При такой удушливой атмосфере национального гнета самобытная, дорусская история туземных народов Сибири, в том числе и якутов, конечно, не могла привлечь к себе внимания более или менее видных и талантливых ученых деятелей. Этот фронт научной деятельности должен был оставаться глухим и темных переулком, дикой провинцией, где самое большее могли подвизаться только историки-любители.

Для официальных историков дореволюционной эпохи, придерживавшихся своего «отечественного» направления, никаких исторических проблем, касающихся каких-то сибирских «инородцев», не могло и существовать.

И только теперь, после великого Октябрьского переворота и установления советской власти, осуществляющей принципиально иную политику как в области практического строительства, так и теоретической мысли, древняя история якутов может послужить предметом серьезных научных исследований на основе марксистско-ленинской исторической методологии.

---

[1] „Вопросы ленинизма". 10 изд. 1934. 4 стр.

Глава IV

УСТНЫЕ ЛЕТОПИСИ ЯКУТОВ.
(К вопросу об историческом значении их героического эпоса)

I

Если численность всех туземных народов Сибири в настоящее время определяется, приблизительно, в 750 тысяч человек обоего пола, то якуты составляют почти одну треть этого числа. Эта четверть миллиона якутов живет весьма разбросанно на огромном пространстве в три миллиона с лишним кв. километров. Их основное скотоводческое ядро, как известно, занимает среднюю часть бассейна Лены с ее правыми и левыми притоками. Значительная группа таких же скотоводов встречается в бассейнах рек—Яны, Индигирки и Колымы. Весь север Якутской республики и значительная часть Туруханского края также имеют якутское население, занимающееся оленеводством, охотой и рыболовством. При этих условиях вряд ли можно оспаривать то положение, что, рассматривая якутский народ из прекрасного д а л е к а и не конкретизируя наших знаний о нем, нельзя понять и его исторического прошлого. Совершенно очевидно, что, только из знания и понимания якутской современности, могла бы родиться правильная историческая теория о якутской древности.

Прежние историки, с трудами которых мы ознакомились в предыдущих главах, обычно не замечают ни значительной численности якутов и ни возможного разнообразия их по экономическому быту, культурному развитию и историческому прошлому. Свои научные рассуждения по этногенезу якутов и их древних переселениях они ведут так, как если бы речь шла о происхождении и передвижениях одного маленького рода, состоящего из нескольких десятков семей. Если мы хотим добиться более лучших результатов, то было бы необходимо исправить в первую же очередь этот недостаток прежнего методического подхода к объекту нашего научного интереса. Следовательно, нужно оперировать не суммарным и отвлеченным понятием о якутах вообще, а конкретно-историческими представлениями обо всех крупных

отделах данного народа во всей совокупности его бытовых признаков, как общих для всех, так и различных по отделам, округам и районам.

Правда, старые исследователи, в основу своих исторических изысканий о происхождении якутов, кладут такой культурный признак, который является общим для всего племени и, пожалуй, самым характерным для него, а именно, язык. И, действительно, якутский язык, несмотря на чрезвычайную разбросанность расселения его носителей и трудность их взаимного общения, являет картину поразительной однородности как в отношении словаря, так и в своих грамматических законах. Мелкие различия в языке якутского населения разных областей, округов и даже улусов, конечно, существуют, но они столь несущественны, что их можно игнорировать, особенно когда делаются сопоставления с другими турецкими или монгольскими наречиями.

При изучении родства народов и их этнического состава метод сравнения языков по их лексике и грамматической структуре бесспорно имеет первостепенное значение. В отношении сторонников минусинского и уряхайского происхождения якутов мы уже отмечали их основной недостаток, а именно, игнорирование ими выводов сравнительного турецкого языкознания. Но, однако, при решении целого ряда вопросов, например, какие отделы якутского народа в далеком прошлом были в составе турецких, монгольских или иных племенных групп и где проходят фактические грани разных этнических примесей у современных якутов, как складывались их исторические взаимоотношения друг с другом, какова была классовая структура древнего якутского общества и проч., проч.—ни грамматические особенности якутского языка, ни его лексический состав, ни явления семантического сродства отдельных слов и никакие другие достижения сравнительного языкознания ощутительной пользы принести не могут. Кроме того, как мы убедились раньше на примере столкновения двух знаменитых языковедов, академиков Бётлингка и Радлова, по вопросу определения исторического возраста якутского языка, лингвистические явления, очевидно, по своей природе не особенно ясны и вразумительны, ибо они с одинаковой убедительностью могут говорить за и против одного и того же положения. Следовательно, не нужно переоценивать значения лингвистического метода при решении весьма сложных и многообразных вопросов давно прошедшей истории. Знания лингвистов могут принести большую пользу историкам, но отсюда отнюдь еще не следует, что в пределах одного языкознания могут быть разрешены все исторические проблемы.

В настоящее время при разрешении многих вопросов по древней истории, большим успехом и популярностью пользуется вещественный архив самой древности, различные археологические памятники прошлого. Но, к сожалению, в отношении якутской древности этот род научных источников, давно прошедшей истории почти отсутствует. Археологические памятники в качестве исторических доказательств только тогда имеют решающее значение, когда они накоплены в большом количестве. А единичные памятники и случайные находки способны только вводить исследователей в серьезные ошибки и заблуждения. И при изучении якутской древности археология мо-

жет, конечно, иметь большое значение, но для этого необходимо выждать определенный срок вегетационного накопления этого рода памятников. Изучение исторического прошлого якутов, само собой разумеется, не может быть приостановлено по той причине, что соответствующие отделы археологической науки находятся еще в младенческом состоянии.

Показаниями кое-каких археологических памятников мы имеем в виду воспользоваться, но они имеют отношение к вопросам, которые входят в программу второго тома наших очерков.

При изучении этнического состава народа, исторических смешений разных племен и их переселений пользуются большим весом данные антропологии. В отношении вопросов древней якутской истории с антропологией дело обстоит так же мало благополучно, как и с археологией. Якутский народ в целом, по крайней мере, в отношении его главных отделов, антропологически, конечно, не изучен. По своей методической структуре антропология сродни статистике в том смысле, что она орудует массовыми числами или типовыми показателями. Если не производились планомерные антропометрические измерения и нет сравнительного материала по всем важнейшим отделам народа, вместе с тем падает и научное значение тех отрывочных материалов, которые случайно выдергивались там или тут. Мало того, антропометрические данные могли бы принести пользу, если бы они охватывали целый ряд родственных или соседних народов, в отношении которых имеется серьезное подозрение в перемешанности их прошлых исторических судеб. Но такого счастливого сочетания, как общее правило, почти не бывает. Использование антропологических данных теоретически было бы желательно с некоторыми оговорками, но практически это теперь почти не осуществимо.

Мы не можем не остановиться на одном богатейшем научном источнике по древней истории якутов, на который в дореволюционное время не обращалось должного внимания и без использования которого нечего и гадать об исторических судьбах якутского народа. Это героические сказания якутов, сохранившиеся до наших дней в устах народа почти в полной неприкосновенности. На этом вопросе стоит сосредоточить и заострить наше внимание, об историческом значении этого источника стоит серьезно подумать.

Якутский народ не богат материальной культурой, по сравнению с оседло-земледельческими народами не на высоком уровне стоят у него и разные роды пластического искусства, почти отсутствует музыка, но за то каждого исследователя, хорошо знающего якутский язык, не может не поразить исключительный дар якутов в области словесного творчества и обилие его памятников.

Грандиозные богатырские поэмы, или былины якутов «олонхо»—все еще ждут своих собирателей и исследователей. Не менее богатую религиозную поэзию, мистерии их, так называемых, белых шаманов (айыы ойуна) на 99% нужно признать погибшей для науки, ибо, когда явилась возможность записывать якутские тексты, якуты уже перешли к христианству и совершенно забросили весь цикл своих древних религиозных обрядов. Сохранившиеся до наших дней мистерии якутских черных шаманов (абаасы

ойуна), лекарей, колдунов, представляют из себя лишь нижний, подвальный этаж народной религии, который отнюдь не может характеризовать официальную религию скотоводческого народа. Вне этих двух крупных разделов художественного фольклора у якутов мы находим прозаический, повествовательный фольклор, мифы и легенды светского и религиозного характера, по богатству и разнообразию своего содержания не уступающие первым двум разделам.

Нет надобности доказывать, что народный фольклор якутов, как и у всякого другого народа, должен отражать глубокую древность и в своих сохранившихся образцах воспроизводить идеологию каких-то давно прошедших культурно-исторических эпох.

Спрашивается теперь, можно ли признать научными разные попытки отыскания ближайших родственников якутского народа помимо сравнительного изучения его богатейшего художественного и повествовательного фольклора? Если все виды фольклора рассматривать, как непосредственный продукт общественной жизни людей, как словесное отражение их материального и общественного бытия, то эти застывшие формы древнего сознания якутов нельзя не рассматривать как важнейший источник их прошлой истории. Всякий народный миф и предание, как известно, из всего состава надстроечных идеологических явлений, отличаются удивительным консерватизмом. Они без всяких существенных изменений могут переживать века и тысячелетия. Это явление, повидимому, объясняется тем обстоятельством, что миф и предание принадлежат к области религиозных явлений, ибо они находятся в тесной связи с культом предков. По этому поводу мы можем сослаться на известное мнение Фридриха Энгельса:

«Мы видим, стало быть, что, раз возникнув, религия всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованных от прежних времен, так как во всех вообще областях идеологии предание является великой консервативной силой». (Людвиг Фейербах).

Из всех видов фольклора в качестве научного источника по древней истории якутов на первом месте нужно поставить не художественный, а повествовательный прозаический фольклор, под которым мы разумеем героический эпос.

Рассказы о старине обычно сохраняются в форме повествований о деяниях тех или других излюбленных народных героев. У якутов до недавнего времени нельзя было найти ни одного улуса или наслега, которые не имели бы своего цикла сказаний о героях или не повторяли бы с разными вариантными изменениями общеплеменные циклы. Правда, с постепенным разрушением старинного экономического быта якутов, с переходом их к хлебопашеству, с развитием отхожих промыслов и торговли еще в эпоху царизма древний героический эпос местами стал забываться и подвергаться частичному перерождению. После Октябрьского переворота, в связи с социалистической реорганизацией всего хозяйства и быта, полное вымирание всех пережитков древнего якутского феодального строя является вопросом лишь нескольких лет. Оно точно отсчитано немногими годами и месяцами жизни тех

глубоких старцев, которые вступили в революционные годы с окрепшим и устойчивым сознанием и мировоззрением.

Но имеют ли какую-либо научную ценность устные сказания якутов о деяниях своих героев, можно ли принять последних за исторические личности, а их деяния за реальные события?

Мы не рискуем давать общие и абстрактные ответы на вопрос о реализме героического эпоса вообще. Но в отношении якутов мы располагаем такими данными, которые, если и не позволяют давать без всяких оговорок положительные ответы на поставленные выше вопросы, то, во всяком случае, сильно колеблют привычный скепсис буржуазных историков в отношении народных сказаний, как к собранию всякого рода вымыслов и нелепицы.

Во-первых, мы можем напомнить здесь общепризнанную историческую гипотезу о южном происхождении якутов и их переселении на север вниз по р. Лене, которая, как мы знаем, была подсказана устными сказаниями самих якутов. Припомним и происхождение маленькой группы шорохинских «якутов» около г. Туруханска, которые долго сбивали с толку ученых людей, подсказывая совершенно фантастическую гипотезу переселения древних якутов через Енисей и Ниж. Тунгуску. Легендарное воспоминание вилюйских якутов о предках этих шорохинцев разве не вводит историческую науку в ее нормальное русло? Напомним и якутскую легенду о тунгусском герое, который, будучи обижаем сыном якутского царя Тыгына, пригрозил привести людей с выдающимися носами и глубоко сидящими глазами[1]. Вряд ли кто из историков, знакомившихся с писаными документами эпохи завоевания русскими казаками бассейна Лены, решился бы отрицать, что этот мифологический образ якутского народа, родившийся, несомненно, в эту эпоху, целиком основан на общеизвестных исторических фактах. Не только при завоевании якутов, но и бурят, тунгусы обычно служили «вожами» казачьих отрядов. Не приходится также сомневаться и в том, что тунгусы легко переходили на сторону русских по той простой причине, что раньше они были обижаемы и бурятами и якутами.

Очевидно, что легендарная традиция якутов складывалась среди верхов народа, которые умели разбираться в исторических фактах и давать им житейски верное истолкование.

Ввиду большого принципиального значения вопроса об исторической ценности устных преданий якутов, мы позволим себе остановиться еще на одной фактической иллюстрации их реализма. Этот случай для нас самих был неожиданным и далеко превысил те надежды, которые мы возлагали на якутский героический эпос.

В сентябре 1932 г. мы записали с уст якута Борогонского улуса Григория Бурцева одно интересное предание о кровавой распре, которая разгорелась между двумя якутскими родами, из которых один принадлежал к Борогонскому улусу, а другой—к Мегинскому. Подлинный текст этого предания

---

[1] Подробно об этом см. в VI гл. I-й части.

в дословном переводе прилагается к нашим очеркам (см. прил. II), Для большей ясности мы вкратце переложим здесь его содержание.

В Легойском наслеге Борогонского улуса в древности, но когда русские уже установили свои ясачные оклады, жил один храбрый и сильный муж по имени Солук-Боотур (2-я часть имени нарицательное слово и значит богатырь). Однажды он на соболином промысле повстречался с другим витязем из соседнего Мегинского улуса Мельжехсинского наслега, Джэллик-Боотуром, который тоже охотился на землях Борогонского улуса. Витязи заспорили из-за одного соболя и схватились. Солук-Б. одолел и, повалив противника на землю, поранил ему лицо. Затем протнал его с наказом не забираться на чужую территорию.

Летом того же года легойцы снарядили в город человека с соболиным ясаком и в качестве охраны при нем отправили упомянутого Солук-Б-ра. Легойцы, уплатив ясак, переправились на правый берег Лены в урочище Джаарбанг (Ярмонская пристань) и тронулись в путь. Но, к несчастью, Солук-Б. забыл на берегу свою пальму и вспомнил об этом уже отъехав значительное расстояние. Ярмонская пристань расположена как раз на землях того Мельжехсинского наслега, из которого происходил побитый Солуком Джэллик-Б. На беду в этот же день мельжехсинцы на пригорке Туруйалаах, около трактовой дороги, справляли свой праздник освящения кумыса—«ысыах». Солук-Б. решил возвратиться на берег за пальмой, несмотря на предостережение своего товарища, который говорил:

«Неужели из-за одной пальмы ты хочешь итти к целой стае волков, имея с ними счеты?».

И, действительно, когда он проезжал обратно мимо веселящихся мельжехсинцев, его враг, Джэллик-Б., с оружием в руках, сев на оседланного коня, погнался за ним. Под Солук-Б-ом была кобылица, которая начала сдавать в беге. Он несколько раз крикнул, чтобы преследователь добром прекратил свою погоню, но, однако, напрасно. Тогда Солук-Б., обернувшись, на скаку выстрелил из лука и убил преследователя наповал.

Дальше в преданни рассказывается о вмешательстве русских властей, которые, по жалобе одного мельжехсинца, некоего Ойуусут-уус (якут. прозвище значит—узорщик кузнец, наверное, серебряник), начали расследование об убийстве. Установили виновность Солук-Б-ра, но стороны кончили дело миром с тем условием, что легойцы уплачивают потерпевшей стороне имущественное возмещение за причиненное в количестве 100 голов конного скота и еще двух человек. 80 голов скота уплатили при заключении мира, а уплату остальных 20-ти голов отсрочили до будущего года под ответственность или поручительство одного легойца, по имени Тёрёлёй-Ойун (Т.—шаман). Однако, последний, добившись дальнейшей отсрочки долга из года в год под разными предлогами, в конце концов отказался платить и даже выругал упомянутого выше главаря мельжехсинцев—Ойуусут-Уус.

Последний, в одну поездку Тёрёлёя в город для уплаты ясака, подстерег его с тремя товарищами на обратном пути и, застрелив из лука, отрубил ему голову.

Предание кончается чудесными сценами: окровавленная голова шамана, взмахивая волосами, как крыльями, летит на родину, а через три года после убийства шамана над урасой Уйуусут-Уус пронесся страшный ураган и с тех пор последний исчез, как будто в воду канул. Люди среди шума ветра слышали лишь его жалобную мольбу: «О, дядя, постой, погоди!». Убитый шаман будто бы приходился ему дядей по матери.

Этот рассказ мы приняли за произвольный художественный вымысел, в основе которого, весьма возможно, лежало смутное воспоминание о какой-то эпохе длительной вражды между Борогонским и Мегинским улусами. Перенесение этой вражды к началу русской истории мы были склонны объяснять простым анахронизмом, свойственным вообще устным сказаниям.

Но, однако, наши теоретические прогнозы, принижающие историческое значение якутских преданий, неожиданно для нас, потерпели крушение. Это случилось так:

Летом 1933 г. нам пришлось знакомиться в якутском центральном архиве с разными выписками из исторических актов, хранящихся в Сибирском Приказе и относящихся к концу XVII столетия. Эти выписки были сделаны после революции по поручению научных органов Якутреспублики. Здесь мы наткнулись на одно дело, восходившее до царя Федора Алексеевича в 1690 г. по жалобе князца Борогонского улуса Чюкачка Капчикова на мегинского якута Чюгуна Бодоева о расторжении их мировой челобитной. В связи с этой жалобой из якутской воеводской канцелярии были представлены копии всех документов, относящихся к длинной истории этой тяжбы, начавшейся за 18 лет до того убийством одним борогонским якутом якута Мегинского улуса.

Читая эти документы 250-тилетней давности, мы плохо верили своим глазам. Пред нами лежало точное описание того самого события, о котором повествуется в приведенном выше сказании якутов Борогонского улуса. Но, однако, верить мы обязаны, ибо неопровержимые факты—пред нами налицо. Вопрос о ценности и важности якутских народных сказаний, как исторических источников, настолько велик, что будет отнюдь не лишним привести здесь все параллельные места из упомянутого архивного дела второй половины XVII стол., возникшего всего-навсего через 40 лет после первого появления русских казаков в центр Якутского края.

I докум.) «В 170 г. (1672 г.) воеводе Ивану Голенищеву-Кутузову подал челобитную... Мегинской волости якут Чюгунко Бодоев...

«что Борогонской волости якут Солук Чюгунов, ехал-де он Солук мимо их юрт Чюгунковых и Куреяковых. И тот де Солук убил брата ево родного Куреяка Бодоева до смерти».

(Дальше сообщается, что, на основе этой челобитной, послан атаман Артемий Петриловский с 10-ю казаками и «велено того убойцу Солучка привезти в город». Солук пойман и приведен).

«И тот убоец Солук в приказной избе перед стольником и воеводой Голенищевым распрашиван и в допросе сказал:

«Приезжал он Солучко за ящиками в проводниках за соболиною казною, и поехал назад домой. И

за ним де Солучком погнался Мегинской волости якут Куреячко Бодоев на лошади да он Чюгунко да 4 человека пеших, а имян де их не ведает, и убить де ево Солучка хотели. И он де Солучко от него Куреяка на своей лошади бежал и боронясь от себя хотел под ним Куреяком подстрелить лошадь, чтоб ево Солучка тот Куреяк нагнав не убил, и на побеге ево Солукова лошадь под ним сподкнулась, и ево Куреячко ненарочно застрелил».

(«Убойца пытан и огнем сжен, но говорил те же речи, что и в допросе сказал»).

«И на деле помета стольника и воеводы Ив. Гол.-Кутузова: освободить ево Солучка ис тюрьмы, потому что он Солучка с пыток и огня не винился и сказал, что убил ево Куреячка от себя боронясь и написать ясак за убитого 11 соболей» (242 лист).

II докум.) «И в прошлом во 173 году Чюгунка Бодоев да Солучка Чюгунов подали мировую челобитную, что они в том деле помирились, и он Солучка дал в головщину ему Чюгунку сына своего Сюпсюка да дочерь Чечогоя да девку, да 15 лошадей, да 15 кобыл бережных да 20 быков, да 10 коров стельных да ему ж платить за убитого Куреяка великого государя ясаку по 11 соболей на год со 170 году по 188 год».

«И на той челобитной помета стол. и воев. Ивана Голенищева-Кутузова: записать мир и челобитье».

(«И против той мировой челобитной у него Солучка он Чюгунко сына и дочерь и девку и всякого скота взял и велено госуд. ясак он Солучка платил по 186 год») (л. д. 243).

III докум.) «И в прошлом во 172 г. по челобитью Борогонской волости якута князца Торонея Логуева и с очной ставки по якуте по Чюгунка Бодоева взята поручная запись, что ему Чюгунку Торонея Логуева и родников его никого не убить. А держал по нем Чюгунке поруку городовой толмач Козма Габышев да сын его Другашка».

IV докум.) «И во 180 (1682 г.) августа 1 день извещал словесно Одейской волости якут Тюмучко Сергуев: сего де числа поехали он да Борогонской волости князец Тюронейко Логуев домой в юрты; и Торонея Логуева на дороге убил до смерти Мегинской волости якут Чюгунко Бодоев да племянник ево Кусоганко Куреяков...»...

«И того ж числа тот убитый Торней Логуев досматриван, и на убитом якуте Торонее Логуеве рана копейная в правому боку под пазухой, да рана де копейная выше пупа в брюхе, да рана стрельная в левом боку».

V докум.) «И в прошлом во 181 году декабря в 5 день убойца Чюгунка Бодоева брат ево родной Чюмучка Бодоев объявил в приказной избе, и тот Чюгунко роспрашиван, а в распросе сказал:

«Виноват де он Чюгунко пред великим государем, что он убил того Торонея с племянником своим с Кусоганком Куреяковым за недоплатную головщину и за ясак, что по договору родник их Солучко Чюгунов ясаку и головщины не платит» (л. д. 245).

Содержание остальных документов для нас неважно. Из дела видно, что распря еще продолжалась. Сыновья убитого Торонея с отрядом в 200 человек два раза приходили в «куяках» и «в копья» войной к мегинским Чюгунковым, приололи коней и кобыл и угнали с собой много всякого скота,и насиловали женщин и увели людей. Потом опять заключили мировую. Эту-то последнюю мировую оспаривает племянник убитого князца Торонея Лотуева, князец Борогонской вол. Чюкачка Капчиков, в своей челобитной на имя царя Федора Алексеевича, ссылаясь на то, что она была дана под угрозой воеводы Андрея Барнешлева.

Не может быть никакого сомнения в том, что устное сказание якутов Борогонского улуса о Солук-Боотуре и писанные исторические акты 2-ой половины XVII ст. повествуют об одних и тех же событиях, наглядно иллюстрируя собою достоинства и недостатки того и другого способа сохранения воспоминаний о древности. По преданию, имя главного героя Солук-Боотур, и письменные источники воспроизводят то же самое имя с фамильным прозвищем «Чюгунов», который, весьма возможно, возник в связи с русскими обычаями. По крайней мере, относительно другого героя Чюгунко Бодоева, соответствующего Ойуусут-Уус борогонских легенд, мы имеем основание утверждать, что первая часть имени «Чюгун-ко», повидимому, воспроизводит название его рода («ага-ууса»), ибо в 1-м Мельжехсинском наслеге, где по легенде совершились смертоубийства, имеется и теперь один род под названием «Чугуун», в офиц. докум. «Чугуновский»[1]. Письменное наименование второго потерпевшего героя, борогонского князца, Торонея или Тюроней-ко и по фабуле рассказа и по звуковому составу вполне соответствует легендарному имени «Тёрёлёй» с дополнительным якутским прозвищем «ойун» по профессии (шаман) носителя имени. В письменном акте якутское имя бесспорно искажено ввиду отсутствия в русском алфавите буквы, соответствующей якутскому мягкому гласному «ё». Что дело обстояло именно так, доказывается сбиванием писца, который пишет то «Тороней», то «Тюроней», в последнем случае как бы догадываясь о мягкой природе якутского гласного «ё». В этом имени последний согласный звук «л» русское ухо превратило в «н». Во всяком случае, якуты Борогонского улуса имена своих собственных героев сохранили в точности, ввиду чего мы вправе героев устного сказания объявить историческими личностями. Следовательно, и сюжет легенды в данном случае основан на реальных исторических событиях.

Историка не может не поразить точность легендарной памяти якутского народа. О событиях, совершившихся два с половиной века тому назад, легенда повествует с таким реализмом и с такими мельчайшими подробностями, как если бы они произошли два-три года тому назад на глазах живого сви-

[1] См. М. Н. Соколов. „Якутия по переписи 1917 г." Вып. II, 24 стр.

детеля. Само собой разумеется, нет никаких оснований для обобщения отмеченных особенностей легендарного мышления якутов, обусловленных, повидимому, совершенно своеобразными условиями существования якутского народа и их исторически сложившимся характером. Еще князь Костров, опираясь на какие-то источники, обращал внимание на памятливость якутов:

«Якут рассказывает друзьям и детям историю своей жизни, не упуская ни малейшей подробности, с такой ясностью и точностью, что кажется, будто все рассказываемые происшествия совершились на-днях».[1]

Историк, имея пред собой один писаные акты, по поводу описанных смертоубийств, наткнулся бы на целый ряд пробелов. В них не определяется место, где совершилось первое и второе убийство, остается совершенно неизвестным причина вражды убитого Куреячко (это, вероятно, якутское имя «Кюрээйэх») к Солуку Чюгунову, почему он ни с того ни с сего погнался за ним на лошади, не определяются с достаточной точностью и личности, ибо Борогонский и Мегинский волости или улусы очень обширны и имеют почти по два десятка наслегов разных наименований. На все эти вопросы устное сказание дает более точные ответы, оживляя и конкретизируя те исторические события, о которых письменные документы сохранили в значительной мере лишь их общий остов. Мы узнаем житейские мелочи, которые послужили поводом или завязкой довольно серьезной трагедии, а также и ее отдаленную причину. Установление русской ясачной повинности должно было очень высоко поднять ценность и значение соболиных ухожий и породить среди якутов такие недоразумения, о которых раньше они могли и не знать. Не забудь Солук-Чюгунов на берегу пальмы, не произошло бы и погони за ним Куреяка, не случись в это время кумысного праздника, собравшего толпу мельжехсинцев на высокий пригорок Туруйалаах под открытым небом, Куреяк мог бы и не заметить своего проезжающего врага и т. д.

Из предания мы узнаем также, что убитый борогонский князец был шаманом, а его «убойца» Чюгунко Бодоев кузнецом-серебряником и что они были в родстве друг с другом. Так как речь идет о шамане-князе, представителе господствующего класса, он не мог быть шаманом-колдуном. Очевидно, здесь мы имеем дело со жрецом древней якутской религии, т. н. «айыы ойуна» или белым шаманом.

Во всяком случае ни один историк не может утверждать, что в данном случае для познания конкретного исторического события вполне достаточны один писаные документы и что устное предание якутов не принесет ему никакой пользы. Самое ценное преимущество писаных документов заключается, главным образом, в том, что они со времени принятия разработанного календаря, точно датируют исторические события (хотя могут быть, конечно, документы и без дат), тогда как предание дает только приблизительные указания на время.

---

[1] См. кн. Н. А. Костров. Очерки юрид. быта якутов. Зап. Имп. Русс. Геогр. Общ. Спб. 1878. Т. VIII, отд. 2. Стр. 259–299

На данном конкретном примере мы получаем живую и яркую иллюстрацию по вопросу о доказательной силе устных воспоминаний или преданий якутского народа до какой исторической дали хватает его устная коллективная память. Получаем точный масштаб: события, имевшие место в самом начале русской эпохи, якуты в своем коллективном и преемственном сознании способны воспроизвести с поразительной точностью, которая не уступает точности писаных документов, а в тех случаях, где составители последних были очень слабо ориентированы о внутренней жизни якутского народа, устные предания последнего свидетельствуют гораздо точнее и вернее. Письменное свидетельство всегда составляется людьми и, конечно, оно не может дать нам больше того, что знали эти люди. На письменных документах лежит печать ограниченности людей известной эпохи. И нет никакого основания их идеализировать по сравнению с устными преданиями якутов.

Подходя с той же критической оценкой к якутским легендам, на данном конкретном примере мы опять-таки получаем красноречивое указание на их ахиллесову пяту. Это—стремление украшать предание разного рода мифологическими завитушками или чудесами, вытекающими из религиозного мировоззрения народа. Письменные документы удостоверили нам, что голова шамана Тёрёлёя Логуева при осмотре его трупа была на месте и отнюдь не собиралась улетать на родину. Точно так же документы удостоверили, что кузнец-серебреник, Чюгунко Бодоев, совсем не был восхищен мстительным шаманским духом и жил долго после совершенного им убийства. Само собой разумеется, что эти реалистические коррективы в сюжеты якутских легенд можно вносить и без документальных подсказов. Для этого достаточно быть знакомым с древней религией якутов. В данном случае религиозное воображение якутов разыгралось, конечно, потому, что в событии принимал участие князь-священнослужитель, который пользовался почитанием не только при жизни, но с еще большей силой после своей смерти.

Мы приходим к выводу, что при пользовании, как научным источником, легендами якутов не представляло бы большого труда разделение в их материале зерен исторических от мифологических примесей. Мы не будем останавливаться здесь на методах критического изучения и истолкования легендарного материала, ибо эти вопросы лучше решать на отдельных конкретных примерах, нежели путем отвлеченного умствования.

Из всего изложенного вытекает необходимость привлечения якутских устных сказаний в качестве одного из важнейших и незаменимых источников исторической науки. Как нельзя приступать к разработке истории культурных народов, обладающих издавна своей письменностью, не проделав предварительную работу по сбору всех имеющихся писаных источников и установлению их точных списков или текстов, точно также и историк якутского народа обязан начать свою работу со сбора всего сохранившегося материала по легендарной истории якутов, иначе говоря, всех устных памятников их героического эпоса.

Эта предварительная работа над источниками древней истории якутов,

пожалуй, будет много посложнее и труднее, чем работа над писаными источниками. Если у народов культурных их исторические летописи или другие документированные памятники сохраняются во многих параллельных списках, обнаруживающих разные степени сохранности и разночтения одних и тех же мест, ввиду чего требуется кропотливое изучение каждого списка в отдельности, их сравнительное сопоставление, дополнение одного другим и т. д., то и устные памятники древней истории якутов предстоят пред исследователем в величайшем многообразии—разнообразных «списков» или точнее «сказов». Этих устных сказов о древности якутского народа, рассуждая теоретически, должно быть столько, сколько разумных голов, живущих в своей родной и естественной обстановке. В этом самом моменте и заключается большая трудность работы над источниками легендарной истории бесписьменных народов. Показание каждого якута, конечно, не может сойти за народное предание. Из старых якутоведов, например, Серошевский все рассказы и суждения якутов о старине принимал за научный источник и клал их в основу своих теоретических выводов. Как поднадзорный политический ссыльный, он не пользовался правом свободного разъезда по якутским улусам и наслегам, но зато в пунктах своего поселения он имел возможность вести беседы на разные темы о прошлой жизни якутов со своими случайными соседями. Обычно эти беседы у Серошевского выливались в форму простого диалога, им ставится вопрос, дальше следует ответ. При этом для нас остаются совершенно неизвестными ни имена, ни возраст, ни общественное положение и ни точная административная приписка этих «знатоков» якутской древности. Один (случайный) «якут сообщил мне» то-то, и делу конец.

Ясно, конечно, что подобный метод собирания «научных источников» о прошлой истории якутов никуда не годится. Пользуясь этим методом, можно доказывать и защищать любое положение. Мнение и суждение каждого случайного якута, хотя бы он и был соседом Серошевского или кого другого, не может рассматриваться, как элемент народной легенды, предания и как обнаружение исторического самосознания якутской массы.

Практикуется и другой, диаметрально противоположный изложенному, метод установления устного источника всяких знаний о якутской древности. Выбирается самый известный и хорошо грамотный якут или русский человек, долго проживший среди якутов или в близком соприкосновении с ними, и тоже подвергается инквизиционному допросу по пунктам ученой программы на разные темы о давно прошедшей жизни якутов. И этот избранный мудрец на все вопросы дает готовые ответы, облекая в форму положительного знания свои предположения и догадки, основанные на отрывочных фактах из области народного фольклора или ходячих в той или другой среде суеверных суждениях о якутской древности. Если исследователь имеет дело с более или менее сведущим мудрецом, то последний может сообщить остов сюжета наиболее популярных легендарных сказаний якутов со своими собственными комментариями, которые, как общее правило, не выделяются из состава народной легенды. Такой характер носят, например, рассказы грамотного якута Баягантайского улуса П. Е. Готовцева о якутской старине,

опубликованные в переводе на русский язык Э. К. Пекарским под заглавием: «Из преданий о жизни якутов до встречи их с русскими».[1]

Готовцев в своем рассказе излагает не один определенный вариант народных преданий, услышанный им в известном районе с уст такого-то лица, носителя народной старины, а свое собственное суммарное представление о происхождении и прошлой жизни якутов, хотя и почерпнутое из преданий, но обработанное им самим в одно связное повествование. Готовцев—не сказитель народной легенды, а первобытный историограф, пользующийся неведомо какими источниками. В его рассказе мы находим, например, гипотезу о происхождении племенного названия якутов «саха» от имени шаманского духа «сах», а также и этнического якутского термина «нууча»—русский, якобы от первого русского слова «лучше—лучче», услышанного якутами от пришельцев. По тому же методу автор производит и термин «якут» от якутской фразы «джэ-куот», что значит—ну, беги. Он рассуждает о том, какова была вера древних якутов, какие интересные обычаи у них бытовали и т. д. Так как Готовцев—человек бывалый и встречавшийся с людьми разных улусов, то и элементы народных преданий, использованные им, нельзя приурочить к определенному улусу или наслегу.

В лице Готовцева мы имеем дело не со знатоком народной легенды, а ее истолкователем, это тип слагающегося среди якутов примитивного историка-литератора. Правда, это явление общечеловеческое, именно, так писались первые исторические труды у всех культурных народов. Но тем не менее нельзя не притти к выводу, что Готовцевы фальсифицируют народную легенду, внося в них элементы отсебятины и своей досужей мудрости. Трудами их можно пользоваться только в случаях крайней необходимости, когда нельзя пробраться к народному первоисточнику.

Несмотря на обилие фактического материала, точно такой же характер литературной обработки народных сказаний якутов носят и труды довольно популярного якутоведа прошлого века В. Л. Приклонского[2], который при изложении древней истории якутов положил в основу своих рассуждений записку другого неизвестного якутского «Готовцева», имени которого автор, по каким-то своим соображениям, не захотел открыть. Но нам случайно удалось установить, что Приклонский использовал докладную записку образованного якута Борогонского улуса И. С. Говорова, поданную им генерал-губернатору Восточной Сибири, графу Игнатьеву, во время приезда его в Якутск в 1886 г.[3].

И. С. Говоров записал один вариант легенды об Омогое и Эллэе, правда, без указания на источник. Но собранными нами материалами устанавлива-

---

[1] См. Зап. Им. Росс. Общ. по Отд. Этногр., т. XXXIV. „Сборник в честь 70 лет. Г. Н. Потанина".

[2] В. Л. Приклонский. Три года в Якутской области. Жур. „Живая Старина" за 1890 г. Вып. II. Гл. II. стр. 24—35.

[3] Полная копия докладной записки И. С. Говорова с изложением ее истории сохранилась в мемуарах покойного старожила г. Якутска Д. И. Меликова, который любезно разрешил нам ознакомиться с ней. Текст Говорова и Приклонского совпадают во всех существенных местах.

ется, что Говоров в своей записке отразил легенду, бытующую в его родном Ворогонском улусе. С такой документацией запись Говорова нужно признать одной из лучших из числа опубликованных в старой этнографической литературе как по богатству подробностей, так и по точности воспроизведения народного оригинала. Не в пример Готовцеву, Говоров показал себя прекрасным фольклористом. Но, однако, это случайное исключение отнюдь не оправдывает, конечно, самый метод суммарного ознакомления с преданиями якутов через ряд неведомых посредников.

И тот и другой метод собирания материалов по легендарной истории якутов должен быть забракован, как явно ненаучный и фальсифицирующий устные народные источники.

Каждого встречного и поперечного якута нельзя принимать за знатока народных легенд и за хранителя устных летописей. Тем более не все то, что может выболтать, сочинить ad hoc каждый якут не есть народная легенда. Точно так же не могут сойти за легендистов и те единичные мудрецы—грамотеи, которые, усвоив писательскую замашку из культурной среды, выступают в роли историков народа.

Легендой или преданием нужно назвать такой связный рассказ о старинных временах, который имеет определенный круг распространения и бытует в изустной памяти народа во многих редакциях, расходящихся в мелочах, но повторяющих один устойчивый сюжет о судьбах тех или других излюбленных героев. Очень часто вокруг одного и того же героического имени группируется несколько сюжетов, или отдельных рассказов. Тогда мы имеем дело с целым легендарным циклом, фрагменты которого приходится собирать по кусочкам с уст разных сказителей.

Прозанимавшись в течение многих лет собиранием материалов по героическому эпосу якутов, нам пришлось удостовериться, что в якутской среде знание легендарной хроники о прошлом и умелая передача ее присущи очень немногим лицам, выступающим в роли как бы присяжных летописцев того или другого района. Обычно это очень толковые старцы, пользующиеся в окружающей среде большим уважением и обнаруживающие свои специальные познания лишь в обстановке умной беседы. Во всяком случае, за всяко просто и в любой момент нельзя вызвать их на откровенные разговоры. В якутской среде значительно проще и легче найти сказителя длинной художественной былины «олонгхо», чем прослушать рассказы хороших легендистов.

Чтобы использовать те или другие записанные легенды в качестве научных источников, прежде всего, нужно удостовериться в том, что это есть именно легендарный сказ народа, имеющий как бы свое объективное бытие в сознании массы голов. В этом обстоятельстве можно удостовериться только при наличии целого ряда параллельных записей, сделанных в разных местах. Вариантные записи не только удостоверяют легендарность и народность данного рассказа, но и дают возможность установить все его характерные составные элементы: что в них постоянно и устойчиво и что явилось в результате индивидуального творчества или интерпретации отдельных рас-

сказчиков. Во-вторых, историк должен знать пределы распространения данной легенды или целого цикла подобных сказаний. Следовательно, кроме вариантных записей на территории бытования легенды, нужно вести и систематические распросы на ту же тему по всем другим важнейшим отделам народа. Среди якутов констатируются легендарные циклы, пользующиеся почти повсеместным распространением, есть циклы, обнимающие несколько улусов, есть улусного масштаба и еще меньшего обхвата, бытуют, наконец, и легенды мелких родов. В процессе истолкования того или другого легендарного цикла и раскрытия его исторического смысла радиус его распространения не может не играть самой существенной роли.

Мало того, для историка не менее важно в отношении циклов широкого обхвата установить их первичные очаги, иначе говоря, те пункты или группы людей, с которыми данный цикл имеет самые ближайшие связи и откуда он начал заражать соседние группы.

Из всего изложенного вытекает, что подготовительная работа историка по собиранию необходимых источников науки, материала по легендарной истории якутов, представляет из себя большой и сложный труд. Он должен, по сути дела, завершиться составлением особой карты бытующих среди разных отделов якутского народа легендарных циклов, сюжетов и имен с точными указаниями пределов их распространения, центральных очагов и их периферии. Только тогда мы будем иметь ясную картину исторического самосознания народа, ранний удельный вес разных его отделов, их древние взаимные отношения, господствующее положение одних и подчиненное других; только тогда прояснятся пути исторического распространения якутского народа по занятой им территории, последовательность заселения тех или других естественных областей и районов и т. д. Установление господствующих в героическом эпосе всего племени или в его отдельных частях мифологических сюжетов, мотивов и имен даст возможность при помощи широкого сравнительного изучения и анализа уяснить этническое и историко-культурное родство якутского народа в целом или его подразделений с другими известными народами древности.

К сожалению, за истекший период развития этнографических знаний о якутах, изложенная выше подготовительная работа по собиранию, систематизации и установлению текстов, бытующих среди них, легендарных циклов совершенно отсутствовала. Исследователи обратили свое внимание лишь на один цикл сказаний об Омогое и Эллэе, легендарных прародителях якутов. Но в предыдущих главах мы с достаточной подробностью ознакомились с образцами их фольклорных трудов. Авторы около ста лет возились с этой легендой и все-таки не сумели добраться до народного первоисточника. Если и делались более или менее подробные записи по историческому фольклору якутов, то они редко когда документируются по месту и личности сказителей, как общее правило, всегда преподносятся в обработанном и искаженном виде. Обычно даются свободные пересказы при помощи плохих переводчиков или с уст знатоков якутского быта и нравов, в каковой роли выступали представители русского духовенства, чины полиции, купцы и, сравнительно

реже, якутские мудрецы типа Готовцева. В результате получается не народная легенда, а ее отдаленная тень, на которую нельзя ссылаться, как на надежный научный источник. Старые бытописатели очень долго не могли выработать понятие о том, что якуты разных округов, районов и улусов могут сильно разниться друг от друга по своим обычаям, нравам, верованию и легендарному самосознанию. Вместо конкретного представления о якутах разных округов и районов в этнографических трудах выступает отвлеченный образ «якута» вообще. Даже и этот образ обычно стилизуется под понятие воображаемого «дикаря», чтобы потрафить великорусскому самосознанию своих читателей.

Вот почему автор этих строк, до приступа к разработке древней истории якутов, вынужден был потратить больше десяти лет на собирание материалов по их историческому фольклору, стараясь охватить все важнейшие отделы народа. Но мы не жалеем ни потерянное время, ни свои труды и ни разные невзгоды, перенесенные нами, ибо только собранные материалы по героическому эпосу позволили нам разглядеть основные контуры древней истории якутского народа и получить ответы по целому ряду таких вопросов, которые раньше казались нам почти неразрешимыми. Необходимо отметить здесь исключительно важное значение исторического фольклора якутов в деле прояснения их социальной организации в дорусскую эпоху. Богатство якутского героического эпоса, его классовая направленность дают историку первые ориентировочные данные о том, что социально-экономическая организация их имеет свои исторические корни в ранних стадиях скотоводческого феодализма, свойственного центрально-азиатским кочевникам. В связи с этим устанавливается интернациональное значение якутского исторического фольклора, ибо номады степной Азии, после разрушения империи Чингизидов перешли в принципиально новую стадию своего существования, которую можно характеризовать, как эпоху азиатского средневековья и духовного порабощения номадов оседлыми государствами. Если говорить о кочевой Монголии с ее типичным пастушеским бытом, то она давно лишилась своей политической самостоятельности, утратила свою первобытную религию, фактически потеряла и свое княжеское сословие, переродившееся в китайских мандаринов. Она обзавелась и своими городами, в которых сосредоточены все дела политического и общественного управления. Эти города одновременно являются и торгово-распределительными центрами, при посредстве которых отсталое пастушеское население Монголии вовлекается в общую сеть капиталистических отношений, господствующих в Китае и в соседней России. Мало того, в степях Монголии возникли многочисленные ламайские монастыри, представляющие оседлые поселения, в которых сосредоточена вся духовная и религиозная жизнь народа. Вряд ли на всем земном шаре можно найти другую страну, в которой монастыри и монахи занимали бы такое исключительное положение, как в степной Монголии. В этом отношении Монголия, несомненно, перещеголяла средневековую Европу. Достаточно сослаться на

тот красноречивый факт, что численность монашеского сословия в Монголии в последнее время равнялась 44,6% всего мужского населения страны [1].

Под влиянием этих новых факторов кочующие монголы совершенно утратили героический эпос своих древних предков и то, что они сохранили в своей памяти, нельзя характеризовать иначе, как жалкие остатки былого величия и грустные лоскутья знамен воинственных монголов.

Этот самый степной эпос мы находим у современных якутов. Вопрос о близком родстве якутского и древне-монгольского героического эпоса—очень обширная тема и ею мы сможем заняться лишь во втором томе наших очерков.

Собранные нами материалы по историческому фольклору якутов вошли в состав трех сборников, в которых мы даем наши записи, сделанные первоначально по-якутски, в переводе на русский язык:

I) «Эллэйада». (Материалы по легендарной истории и мифологии якутов).

II) «Дополнение к Эллэйаде». (Героические сказания якутов Амгино-Ленского плоскогорья).

III) «Оленекская хосунная эпопея». (Героические сказания северных якутов-оленеводов).

В первых двух сборниках содержатся памятники героического эпоса основного ядра якутов скотоводов, а в третьем—легенды северных якутов, которые населяют северо-восточный угол Якутской Республики, занимаясь оленеводством, охотой и рыболовством.

По богатству и разнообразию своего содержания героический эпос скотоводов стоит несравненно выше эпоса северных якутов, но, для понимания ранних стадий якутской истории в пределах Северо-Восточной Сибири, нельзя обойтись без исторического фольклора якутов оленеводов. И в том и в другом красною нитью проходит история древних якутских переселений с юга на север. Легенды оленеводов и скотоводов легко распознаются по особой композиции легендарного материала и по тому содержанию, которое и те и другие вкладывают в понятие «героя» своей прошлой истории. У северных якутов герой—только отличный воин, который не находится ни в какой родственной связи с окружающей массой, тогда как все герои якутов скотоводов выступают еще в роли патриархов или отцов многочисленного потомства. Патриархи по степени популярности своего имени и по количеству размножившегося потомства отличаются друг от друга как бы по рангам: есть общеплеменные отцы, есть отцы крупных отделов народа, состоящих из нескольких поздних улусов или наслегов, отцы улусов, одноименных аймаков и мелких родов. В тесной связи с идеей патриархов народа находится и другая характерная особенность эпоса скотоводов, которая заключается в родословиях или генеологических схемах происхождения всего якутского племени и его разных отделов от одной начальной семьи.

Легенды якутов скотоводов по своему содержанию и характеру генеологических систем в свою очередь могут быть подразделены на два самостоя-

[1] См. И. Майский. Современная Монголия. Иркутск, 1921 г. 27—28 стр.

тельных цикла: 1) цикл легенд якутов быв. Якутского округа и 2) цикл вилюйских якутов. Причем якутянский цикл известен и пользуется популярностью также и в пределах Вилюйского округа, тогда как вилюйский цикл строго локален и якутянам почти не известен. Основное ядро героического эпоса якутян составляет цикл сказаний об общеплеменных патриархах—Омогое и Эллэе, из которых последний представляется еще и культурным героем, учителем всяких искусств, ремесел и обрядов богопочитания. В местном вилюйском цикле, взамен образа общеплеменного отца, выступает праматерь народа тоже с заметными следами былой ее учительской миссии.

В легендах якутян огромной популярностью пользуется образ Тыгына, начальника и повелителя всех якутов, погибающего в неравной борьбе с русскими завоевателями. Причем легко обнаруживается, что генеологическая схема происхождения всего якутского племени от одной начальной пары, по отцовской линии от Эллэя, а по материнской—от Омогоя, первоначально была ни чем иным, как родословием этого царя якутов, Тыгына. Среди вилюйских якутов образ Тыгына пользуется не меньшей популярностью. Для них Тыгын—не только повелитель якутского народа, но и их постоянный гонитель: это от его притеснений и вечных войн предки вилюйских якутов бежали в пределы своей современной родины. Легенды о Тыгыне известны всем якутам как скотоводам, так и оленеводам.

Легенда об общеплеменных патриархах, Омогое и Эллэе, совершенно неизвестна якутам оленеводам, а из скотоводов якутам Верхоянского и Колымского округов. Таким образом, самым популярным героем исторических сказаний якутов является царь Тыгын. Самостоятельные циклы вилюйчан и якутян увязаны друг с другом лишь при посредстве образа отца Тыгына: праматерь вилюйских якутов представляется женой наложницей или рабыней отца Тыгына. Иными словами, якуты Якутского и Вилюйского округов, по их мифологической концепции, находятся в таком же соотношении друг с другом, как древние евреи и арабы, по библейским сказаниям.

Легенды якутов Верхоянского округа по своей структуре приближаются к вилюйским, но стоят несколько ниже, ибо у них нет идеи ни общеплеменного отца и ни общего патриарха всех верхоянцев. Таковы же были, повидимому, и местные легенды двух северных улусов Вилюйского округа, быв. улусов Верхне-Вилюйского и Средне-Вилюйского, но они позже были затоплены общеякутскими сказаниями об Эллэе, Омогое и Тыгыне, пришедшими из Якутского округа. Якуты быв. Олекминского округа, рано перейдя к земледельческому быту, повидимому, совершенно утратили свой самобытный героический эпос и повторяют обрывки тех сказаний, которые просачиваются к ним из Якутского округа благодаря оживленным торговым связям с последним, а отчасти и при посредстве натурализировавшихся в их среде единичных якутян.

Из сравнительного обзора героических сказаний якутов совершенно отчетливо выступает командующее положение и полная культурная гегемония над всеми якутами населения Якутского округа. Идея общеплеменного предка попала к вилюйчанам благодаря большой примеси у них многих родов из

Якутского округа, переселившихся на Вилюй в разные исторические эпохи. Эти переселения должны были занести на Вилюй не только голую идею общеплеменного начальника Тыгына, но и политическую покорность пред ним. Господствующее среди якутоведов царского периода общее мнение о том, что легендарное сознание якутской массы о существовании в дорусскую эпоху своего племенного царя и начальника является плодом ее досужей фантазии и позднейшего измышления, приходится рассматривать не только как результат слабой изученности исторического фольклора якутов, но и как проявление политической мысли старого великодержавного общества, направленной к умалению дорусской культуры покоренного народа. Однако, общий голос всего якутского народа о наличии у него своего верховного князя и обычной для пастушеских народов Азии формы упрощенной государственности, конечно, нельзя выбросить за борт исторической науки без серьезной аргументации.

Что представляет из себя кровное родство и братство всех якутов, проецированные при посредстве искусственной лестницы их древних патриархов, являющихся, якобы, членами одной размножившейся семьи, как не идеологическое отражение единой системы феодального управления, покоющегося на принципе раздела всего якутского народа на крупные и мелкие уделы, находящиеся под управлением целой сети родни одной царствующей тыгынской династии? Позже, при детальном изучении генеологических сказаний якутов мы убедимся, что идею патриарха нужно понимать не наивно реалистически, по образцу понятий и представлений самого темного якутского народа, а как яркое выражение политической идеи, в основе которой лежит притязание на власть верхушек якутской феодальной аристократии. Все степные турецкие племена воображали себя размножившимся потомством своего древнего знаменитого царя-завоевателя, легендарного Огуз-Хана (бык-царь), который, якобы, имел шесть сыновей и по четыре внука от каждого из них. Вот эти-то 24 огузовых внука и признавались праотцами 24-х турецких племен, какие только существуют на свете. Еще в 1920 г. в своих первых докладах в научных обществах г. Иркутска на тему—«Происхождение якутов» пишущий эти строки обосновал следующий тезис:

«Якутская легенда об Омогое и Эллэе является вариантом общетурецкой легенды об Огуз-Хане, а также легенды уйгуров об избрании ими двух царей»[1].

Та же политическая идея—представления целого народа как потомства древних царей, только в более спутанных и туманных очертаниях, господствовала и в героическом эпосе древних монголов в эпоху Чингис-Хана и его сыновей, о котором мы упоминали выше. Основное ядро героического эпоса якутов скотоводов, которое мы озаглавили «Эллэйада», интересно в том отношении, что в нем мы обнаруживаем в развернутом, живом и натуральном

[1] См. жур. „Бурятиеведение" за 1928 г. № 1—2. Заметка В. И. Сосновского под заглавием—„Основные тезисы докладов Г. В. Ксенофонтова на тему—происхождение якутов". П. 6.

виде генеологические сказания и мифы древнейших турецких и монгольских племен центральной Азии, тогда как в писаных научных источниках современной ориенталистики этот фольклорный материал сохранился в жалких обрывках. Вот почему «Эллэйада», сохранившаяся в памяти культурно-отсталого якутского народа в дебрях северо-восточной Сибири, имеет громадную научную ценность, как памятник интернационального героического эпоса номадов древней Азии.

Не входя здесь в детальный разбор содержания якутского героического эпоса, каковую задачу мы будем ставить в соответствующих частях и главах наших очерков, мы попытаемся наметить лишь общие контуры постепенного развития древней истории якутов, намечающиеся по легендарному историческому самосознанию всей якутской массы, как оно отразилось в собранных нами памятниках его героического эпоса. С ответом на этот вопрос, само собой разумется, находится в тесной связи и общий план нашего самостоятельного исторического исследования.

Существование совершенно самостоятельного и своеобразного героического эпоса у северных якутов оленеводов, с одной стороны, замечательно разработанного и однородного на всем громадном пространстве расселения их по крайнему северу, а с другой—содержащего в себе очень много архаических мифологических мотивов, убеждает нас в том, что группа северных якутов не историческое новообразование порусской эпохи, как склонны были думать прежние якутоведы, а очень древний спутник якутского народа, сопровождающий его, весьма возможно, с исторической колыбели. Легенды якутов оленеводов вращаются вокруг одного излюбленного и доминирующего сюжета, который можно характеризовать как рассказ о неожиданном нападении одной малочисленной, но зато тесно спаянной, группы оленеводов и охотников на другую более многочисленную, но очень слабо вооруженную. Первая группа всегда одерживает победу, убивает вождя противников, овладевает его оленями и подчиненным народом. При этом характерно то, что на стороне победителей всегда бывает кузнец, ковач железного вооружения: иногда он фигурирует как родич нападающей группы, если же он стоит вне их, то всегда представляется их доброжелателем и союзником.

Такое содержание героических сказаний северных якутов, в связи с их авангардным положением при движении с юга на север, заставило нас заподозрить в них самых ранних переселенцев из состава современного якутского народа, занесших в бассейн Лены как звуки его речи, так и некоторые элементы, свойственной ему культуры. Но это рабочая гипотеза, подсказанная героическим эпосом, должна быть проверена подробным изучением современного состояния якутов оленеводов—их экономического быта, обычаев и нравов, языка, религиозных воззрений, этнического состава и т. д. Рассмотрению этих вопросов посвящается вторая часть наших очерков под заглавием «Северные якуты оленеводы».

Знакомясь с героическим эпосом скотоводов, мы обнаруживаем большое расхождение в историческом самосознании якутов Вилюйского и Якутского округов, из которых первые образуют довольно мощную группу в 80 тысяч

душ, а последние—около 140 тысяч душ. Вилюйчане, со времен их древних героев, мыслят себя полускотоводческим, полупромысловым народом, который постоянно находился в подчинении у якутян. Последних вилюйчане привыкли олицетворять в образе их Тыгына или его отца. Праматерь вилюйчан представляется рабыней у отца Тыгына, а ее сыновья служат батраками и пастухами у самого Тыгына. Будучи не в силах выносить гнет, оскорбления и побои от Тыгына или его зятей, вилюйские герои, по совету своей матери, покидают родные места и бегут на Вилюй, который в легендах именуется «безграничной далью». Бегут тайком, ибо Тыгын добровольно не отпускает их. Узнав о побеге, Тыгын преследует вилюйских героев с войском, но безуспешно. Позже он примиряется с этим фактом и даже одаривает вилюйских героев скотом, ибо их собственный погиб во время бегства. На новых местах вилюйские герои застают оленеводческий народ, избивают его, а частью обращают в бегство. Более поздние вилюйские герои выступают в роли поставщиков дорогой пушнины для богатеев из среды якутян. Свою легендарную праматерь вилюйчане всегда представляют себе не якуткой, а тунгуской или какой-то иноплеменницей.

Такое отчетливое историческое самосознание вилюйских якутов заставляет нас признать в них иноплеменную примесь к якутам, по преимуществу, тунгусского происхождения, которая была объякучена в течение длительного исторического процесса общения с якутами и подчиненного у них положения. Если гнет якутского народа вилюйчане олицетворяют в лице их Тыгына, то значит, якутское племя с очень давних времен имело единую политическую организацию и своих официальных представителей. Следовательно, Тыгын—не эфемерная личность, выступившая на сцену лишь в эпоху русского нашествия, а конкретный символ определенной формы общественной организации. Он должен отвечать за многих Тыгынов, занимающих одно и то же положение в социальной организации древних якутов. Устная историческая традиция тем и отличается от писаной, что она не может расчленить длящееся историческое явление на его составные элементы, ибо у ней нет и не может быть хронологической перспективы.

Общий смысл героического эпоса вилюйских якутов ясно свидетельствует о том, что они—из числа якутов скотоводов раньше переселились в бассейн Лены и в первую очередь колонизовали территорию Вилюйского округа, вытеснив оттуда якутов оленеводов.

Но все изложенное представляет лишь рабочие гипотезы, которые должны быть доказаны подробным анализом всех элементов якутского героического эпоса, экономического быта, материальной и духовной культуры, топографических и физико-географических условий всего бассейна Лены, а также и Прибайкалья. Разработке этих вопросов, связанных с эпохой переселения на Лену вилюйских якутов, посвящается третья часть наших очерков под заглавием «Вилюйские якуты».

Этими тремя частями мы заканчиваем наше исследование о древнейших судьбах меньшей половины якутского народа, которая по своему первоначальному этническому происхождению не принадлежала к туркам. Мы зна-

ем о существовании в якутском языке двух этнических терминов «саха» и «ураангхай», которые как бы одновременно покрывают общее понятие «якуты—якутский народ». Господствующее среди якутоведов царского периода мнение, что один из них старый, а другой новый, мы отвергаем как ошибочное. Дело не в старине одного и новизне другого, а в двухсоставности современного якутского народа и в постепенном слиянии двух этнических элементов в однородную массу. Если дело обстояло так, то легко и просто объясняется появление в их языке двух этнических терминов, из которых один, а именно, название слабейшей и поглощенной группы, должен был выйти в тираж за исчезновением своего объекта. Само собой разумеется, что этот, выбывший из строя, термин в современном якутском языке должен производить впечатление чего-то ветхого и устарелого. В нем мы узнаем старинное этническое самоназвание основного ядра вилюйских якутов и якутов оленеводов. И это есть термин «ураангхай». Поэтому первый том наших очерков мы мыслим как основные наметки по древней истории якутов-ураангхайцев.

Благодаря раннему переселению якутов-ураангхайцев на север, исторические судьбы якутского народа в целом сложились совершенно своеобразно. Он оторвался от общетурецкой массы и, своим обособленным историческим бытием в пределах северо-восточной Сибири, задает ученым людям головоломную научную загадку. Как мы убедились в предыдущих главах, историки и языковеды почти целых два столетия бились над разрешением этой загадки, но, однако, «исторический воз» и ныне там, где покинули его первые серьезные историки. Правильное разрешение якутской проблемы, по нашему мнению, заключается в нетурецком этническом происхождении якутов-ураангхайцев и в раннем загибе их древней истории на север. Без своих ураангхайских примесей якуты не были бы якутами. И вот почему необходимо признать, что история ураангхайского отдела якутского народа важнее, чем история самих турок—саха.

II.

Вопросы социально-экономической организации древнего якутского общества нельзя не признать самыми трудными и сложными из числа различных тем, подлежащих нашему изучению. Во всяком случае, с места в карьер было бы не целесообразно приниматься за их разрешение. Мы считаем необходимым поставить эти вопросы в заключительных главах наших очерков, когда прояснится общий исторический горизонт о далеком прошлом якутского народа. Иными словами, в программу нашего первого тома эти вопросы не войдут. Но в порядке предварительной проработки этой обширной темы мы считаем возможным высказать несколько замечаний по, затронутому выше, вопросу о якутском царе Тыгыне, ибо при отсутствии этого «пугала» не только для якутоведов старого закала, но, повидимому, и для всей якутской массы было бы не легко понять ее древние переселения до «края земли», как повествуется в преданиях вилюйских якутов.

Прежде всего, каждого историка, который стал бы пользоваться показаниями якутского героического эпоса, как научным источником, не может не смущать то обстоятельство, что этот пресловутый якутский царь выступает всего только в единственном числе. В. Л. Приклонский был прав, назвав его «бессмертным героем якутского эпоса». Его возраст, в момент нашествия русских, некоторые сказители определяют в 300 лет:

«Тыгын одряхлел, ему исполнилось триста лет. Как рассказывают, его садили на особое возвышенное ложе («арангас оронгно»). Все приезжие из дальних краев входили к нему, кладя поклоны на его колени, выходили также с поклонами; словом, обращались с ним как с божеством («тангара курдук»)» (Эллэйада. § 71).

Так повествует о Тыгыне один из лучших легендистов Западно-Кангаласского улуса, старик 71 года, Михаил Неустроев, принадлежащий к составу родовой вотчины самого Тыгына. Но можно ли удивляться долголетию якутского Тыгына, когда мы знаем по русским былинам тоже бессмертного героя «Владимира—красное солнышко», который в единственном числе отвечает за всех великих князей Киевской Руси? Конкретная история знает многих великих князей «стольного града» Киева, а исторический фольклор народа—только одного из них. Очевидно, сама техника устного восприятия исторических событий такова, что всякое длящееся социальное явление, во всех своих частях самому себе равное, в народной памяти должно быть унифицировано.

Выше мы ознакомились с поразительным реализмом образов якутского героического эпоса. Мы знаем также и заключение авторитетных лингвистов-туркологов о значении имени «Тыгын», который признан не собственным, а нарицательным именем «тэгин»; это слово у древних степных турок употреблялось как титул родных братьев царствующих ханов, а иногда входило и в состав имен самих ханов. Спрашивается, почему же легендарное воспоминание всего якутского народа о существовании своего племенного повелителя, начальника или царя, обозначавшегося не по собственному имени, а по его почетному титулу, должно быть отброшено как праздная выдумка? Ясно, конечно, что в данном случае мы имеем дело с ярким примером великодержавного отношения к вопросам прошлой истории малых и политически угнетенных народов.

Но, однако, великодержавный каприз якутоведов старого периода проявляется здесь в очень наивных формах. Для пастушеских народов степной Азии наличие больших или малых деспотий не является большой новостью. И было бы даже очень странно, если бы мы не обнаружили ее у якутов, которые до прихода русских размножали, по преимуществу, конный скот. Мы позволяем себе думать, что для каждого историка марксиста классовая структура древнего якутского общества, отражающего какую-то стадию развития азиатского скотоводческого феодализма, не может подлежать сомнению. Это положение, повидимому, твердо осознано в современной марксистской историографии. По крайней мере, в недавно появившейся рецензии в журн. «Историк марксист» за 1935 год (№ 2) на книгу проф. Н. Н. Козьмина—

«К вопросу о турецко-монгольском феодализме» мы находим следующие довольно решительные утверждения:

«Буржуазные националисты и их теоретики на протяжении всего периода коллективизации и борьбы с феодально-кулацкими элементами кишлака, аймака, аула неоднократно пытались доказать отсутствие феодализма у бурят-монголов, казаков, киргизов, калмыков и других восточных народов, пытались изобразить манаков, зайсанов, баев чуть ли не как представителей патриархально-родовой организации, якобы, уцелевших вплоть до наших дней».

«Само собой разумеется, что подобные контрреволюционные рассуждения получили сокрушительный отпор. При непосредственном участии трудящихся масс было до конца выявлено подлинное классовое лицо феодальных, полуфеодальных и кулацких элементов, веками грабивших и разорявших кочевые и полукочевые народы».

«...Вопрос о наличии в прошлом у кочевых народов СССР феодальных отношений решен в положительном смысле...»

Следовательно, общую политическую причину, которая в старое время мешала говорить о наличии у якутов развитого классового общества с феодальным монархом во главе, теперь нужно признать уже устраненной.

По вопросу об унификации конкретных фигур многих якутских тыгынов в один собирательный образ, мы можем сослаться на одну характерную особенность в психологии классового азиатского общества. Дело в том, что якутская народная масса не могла знать имен своих тыгынов, ибо в старозаветном азиатском обществе произношение собственных имен особо чтимых людей искони веков признавалось величайшим грехом. В якутском языке и теперь сохраняется весьма архаическая поговорка «аар саарга аатгаммат аат», что значит—ни под каким видом не произносимое имя. В дореволюционное время якуты остерегались произносить имена всех своих должностных лиц и заменяли их нарицательными словами, обозначавшими их должность или профессию. Например, внутри своих обществ все улусные головы именовались просто «кулуба» (голова), наслежные старосты—«кинээс» (князь), выборные члены их «инородных управ»—«быыбарнай» (выборный). В отношении лиц, занимавших высшие улусные должности, прибегали к слову «тойон»—начальство, сравнительно реже «огонньор»—старик. Даже известных купцов именовали просто «атыысыт»—торговец, купец. Тем паче, нельзя допустить, чтобы в древние времена в отношении самой высокой персоны не соблюдалось табу на произношение ее собственного имени, которое, в силу того же принципа, не могло и опубликовываться в широких массах. «Не поминай имени земного твоего владыки, приравненного небесному господу, всуе» есть основная заповедь всей монархической Азии [1].

[1] Аналогичный обычай, между прочим, констатируется у турок Уряхайского края. М. Райков об уряхайцах пишет: „Никто из саянцев не хотел сказать имени огурды, так как им нельзя произносить его имя". (См. „Отчет о поездке к верховьям р. Енисея в 1897 г." Изв. Имп. Геогр. О-ва, т. XXXIV, вып. IV стр. 26.

Между прочим, в упомянутом выше Западно-Кангаласском улусе один из потомков легендарного Тыгына, известный в официальных документах под именем Софрона Сыранов, живший во второй половине XVIII стол., долгое время занимал должность головы своего улуса и ездил в Петербург в качестве депутата от якутов для участия в работах знаменитой комиссии Екатерины II-ой. В преданиях своего улуса этот Софрон Сыранов стал известен под нарицательной кличкой «Джокутаат» (русс. депутат).

Приведенных данных вполне достаточно для уяснения того положения, что якутский легендарный «Тыгын» не собственное имя, а его обычный титул или должностное звание. Если так, то значит, все верховные начальники якутского народа могли быть известны ему только по этому титулу. Известна старая французская поговорка «умер король, да здравствует король». Не то же ли явление имело место и у якутов в отношении тыгынов при старозаветном обычае именовать их только по титулу? Умер один «тыгын», но здравствует другой «тыгын». Вот почему творцы и носители якутского героического эпоса не могли давать себе отчета в смене своих тыгынов. Отсюда—их мафусаиловское долголетие или даже вечное царствование одного единственного Тыгына.

Но имеется ли в якутском языке особый термин для передачи понятия «царь», чтобы мы имели возможность окончательно преодолеть в отношении якутов предрассудок великодержавного общества, отказывавшего им даже в простом понимании этой идеи?

Якуты очень боятся медведя и относятся к нему весьма почтительно, что выражается, например, даже в избегании при разговоре нарицательного слова «эсэ»—медведь. Оно заменяется окольным и более почтительным наименованием «ойуурдаагы» (от слова «ойуур»—лес), что значит—тот, который обитает в лесу, лесной, лешак. По тому же принципу и грамматическому приему якуты образовали слово «ыраахтаагы» (от слова «ыраах» даль, дальний)—тот самый, который живет в дали, дальний, далекий. Но это и есть якутский термин для понятия царь. По поводу этого слова в словаре Э. К. Пекарского мы читаем:

«Ыраахтаагы...—вдали (далеко) находящийся, далеко живущий, дальний, далекий; государь, император, царь, король, князь, владетель, царствующий» (3814 стр.).

Этот почтительный термин создался, конечно, не для одного русского царя, которого якуты обычно именуют «нууча ыраахтаагыта» (русский царь) или «юрюнг ыраахтаагы» (белый царь), а также и «кюн судаар». В последнем термине не трудно узнать заимствованное русское слово «государь» (ко-судаар, кюн-судаар).

В якутском фольклоре имеется понятие даже о царе птиц—«кётёр ыраахтаагыта», о царе четвероногих «кыыл ыраахтаагыта». Между прочим, бытует и детская сказочка о войне между царем зверей и птиц. Эта сказочка настолько популярна, что ее записал даже В. Серошевский[1].

Следовательно, вопрос о том, было ли известно древним якутам понятие «царь», в сущности говоря, есть вопрос детского разумения.

---

[1] См, „Якуты". Стр. 604—609. „Крысий голова и война зверей и птиц".

Якутам известен и общетурецкий и монгольский термин «хаан»—царь в его переносных значениях. В словаре Пекарского значение этого слова определяется так:

«Хаан...—большой великий, важный, почтенный, степенный» (там же 3295 стр.). В некоторых случаях Пекарский переводит это слово через царь, напр., «хаан-аартык»—царь-проход. В якутских былинах очень часто встречаются герои-богатыри, в имена которых входит слово «хаан»: «Хаан-Джаргыстай», «Хара-Хаан», «Хаан-Киси Харыадал-Бэргэн, Харах-Хаан» и т. д. В их древней религии выступают те же ханы: «Джылга-Хаан» (бог судьбы), «Хаан-Тангара», «Сююлэ-Хаан» (якобы божество грома), «Сюнг-Хаан»—великий хан. Последний персонаж в былинах, между прочим, представляется прародителем всех якутоподобных народов. Это божество будто бы имеет обыкновение вселяться в орла. В старину все невестки знатных и богатых родов имели обыкновение воздавать этой божественной персоне поклонение в лице темносерого орла, как покровителю всего правящего княжеского класса.

Итак, понятие «царь» для якутов не могло быть большой новостью, оно известно им со времен весьма отдаленной, былинной эпохи. Цепкие лапы царизма и, по всей вероятности, в форме центрально-азиатской деспотии и безграничного абсолютизма, якуты испытали. И недаром они образовали обходный термин «ыраахтаагы» по образцу вторичного имени грозного медведя. Царские когти оставили в якутском языке и не мало других следов. Мы можем указать еще на один очень характерный термин для обозначения податей и государственных повинностей—«ыраахтаагы суола», в дословном переводе «царская дорога».

Интересно, почему понятие повинность, подать определяется иносказательно как царская дорога? Это произошло, вероятно, по той причине, что у кочевых народов государственная повинность выражалась, главным образом, в поставке лошадей для нужд ханов, для передвижения его послов и караванов. В якутском языке до сих пор бытует оригинальная поговорка «Тыгын сырыта»—езда Тыгына, которая характеризует очень быструю езду. Если послы Тыгына при своих путешествиях пользовались переменными конями, то обыкновенному смертному, конечно, трудно было-бы угнаться за ними. Приведенная поговорка могла образоваться лишь при отбывании якутами дорожной повинности по приказам своих Тыгынов. Поэтому и понятие государственной повинности вообще у них стало передаваться странным термином «царская дорога».

О существовании у якутов дорусской эпохи дорожной повинности, кроме приведенной поговорки о езде Тыгына, свидительствуют и некоторые легендарные сюжеты и образы. В записанных нами легендах о Тыгыне, между прочим, сообщается, что у него или у его сына имелись особые скороходы, которые будто бы отличались необычайным проворством в беге, и служили для посылок в случаях экстренной важности. Про скорохода по имени Хончой рассказывается, что он, по приказу Тыгына, сбегал на Сунтар от того места, где теперь стоит г. Якутск, туда и обратно в двое суток, т. е. проходя в сутки по 1000 верст. Другой посол сына Тыгына, по имени Дэгийэ-

Бэргэн, будто бы пробегал 240 верст в течение трех часов. (Эллэйада. §§ 70 и 161). Эти гиперболические образы трудно было бы понять иначе, как смутные сновидения народа о тех отдаленных временах, когда по «царским дорогам» на переменных конях мчались ханские послы и курьеры.

У степных народов Монголии дорожная повинность существовала со времен глубочайшей древности. Мы имеем указание, что в Московском государстве в XVII веке отбывание ямской повинности было организовано по образцу татарских порядков, которые, для передвижения послов и сборщиков податей в своих русских владениях, приказывали содержать «ямы»—станционные пункты и при них «ярыжек»—конных поводчиков[1]. Как давно известно, слова ям, ямщик и ярыжка—татарского происхождения: «йам»—по уйгурски—почтовая станция, по-османски и джагатайски—почтовые лошади, «йамчы, йамчи»—ямщик, «йарыш»—конская скачка, а «йарышчы»—имеющий коня и бегающий на состязании.[2]

Все русские поселки по Лене, организованные в конце XVIII в. для обслуживания государственного тракта, якуты Западно-Кангаласского улуса называют по древне-уйгурски—«джаам», тогда как в русских официальных документах они обычно называются «станами» или «станками». Отбывание дорожной повинности по-якутски—«джаам тутар», «джаам сююрдэр».

Эти древне-уйгурские государственные термины якуты могли получить не окольным путем от русских, а непосредственно вместе с самими древне-уйгурскими тэгинами.

На уйгурском происхождении «тыгынов» и феодальной верхушки древнего якутского общества мы остановимся подробно во 2-м томе наших очерков. Здесь ограничимся указанием лишь на один веский аргумент уйгурского происхождения якутской знати. Среди якутов Кангаласского улуса, откуда происходили тыгыны и где мы обнаруживаем первичный очаг знаменитой легенды о прародителях всего якутского народа, Омогое и Эллэе, констатируется сильно развитый культ посмертного почитания умерших до замужества девиц знатного происхождения. Весь сонм этих девичьих душ, фигурирующих в каждом шаманском заклинании, известен якутам под характерным наименованием «дев девяти уйгуров»—«тогус уйгуур кыргыттара». В современной ориенталистике, на основании точных показаний китайских исторических хроник, арабской литературы, данных уйгурской и монгольской письменности, а также и древне-турецких орхонских письмен, бесспорно установлено, что древний уйгурский народ, обитавший до половины IX ст. по хр. эры в современных монгольских степях, имея политический центр в теперешней Халхе, именовал себя «тогус уйгурами»—девятью уйгурами. Под этим названием он был известен и всем окружающим народам. Таким образом, религиозный фольклор, консервативность которого известна всем и каждому, сохранил до наших дней точное доказательство

[1] См. Фабрициус. „Почта и народное хозяйство в России в XVII в." Спб. 1864 г. Лаппо-Данилевский. „Организация прямого обложения в Московском государстве". Спб. 1890.

[2] См. Радлов. Опыт слов. тюркс. нар. Т. 3., стр. 127—128, 298 и 311.

уйгурского происхождения якутской феодальной аристократии, само собой разумеется, и их тегинов:

Мало того, в китайских летописях сохранилось указание на то, что в годы разрушения уйгурского ханства в древней Халхе без вести пропал и последний хан уйгуров Энэнь-Тэгин. Он сначала со своей семьей и частью вельмож укрылся среди своего вассального народа Шивэй, жившего где-то в северо-восточном углу Монголии, в котором ориенталисты обычно усматривают монголов Чингис-Хана. Когда китайские полководцы потребовали от Шивэй выдачи уйгурского хана, последний, как гласят китайские летописи, «пришел в страх. Он взял свою жену Гэлу и сына Дуса-Тэгина и ночью с девятью конными бежал на запад. Родовичи горько рыдали. Семь родов Шивэйских разделили ойхорцев» (т. е. остатки уйгур).

Это событие имело место в 847 году. Дальше, Иакинф Бичурин, ссылаясь на показание китайской летописи Ган-Му, сообщает, что бежавший Энэнь-Тэгин «б е з в е с т и п р о п а л»[1].

Энэнь-Тэгин не мог бежать по монгольским степям, где в то время уже господствовали енисейские кыргызы и китайские отряды. Проще всего допустить, что он, присоединившись к остаткам каких-то своих воинских частей, эвакуировался из Монголии к окраинным аймакам своего подчиненного народа, жившем в районе Прибайкалья. Как мы уже знаем, проживание якутов в Прибайкалье в исторической науке не вызывает сомнения. В связи с обнаружением среди якутов своих «тыгынов», уйгурских государственных терминов и «дев девяти уйгуров», казалось бы, можно остановиться на том предположении, что Энэнь-Тэгин укрылся среди якутов и положил начало династии их тыгынов. По недостатку места и времени мы не сможем здесь ссылаться еще на показания и русских исторических актов, которые удостоверяют, что в эпоху завоевания якутов среди их «Кангаласской» волости была фамилия князя «Тынина». Имена его сыновей по казачьим документам и преданиям якутов Кангаласского улуса в точности совпадают.

По вопросу о якутском царизме необходимо сделать еще одну оговорку. Для нас интересны не те формы государственности, которые могли сохраниться у якутов в момент русского завоевания, а та стадия ее развития, которая существовала на юге в Прибайкалье в эпоху развития якутских переселений на север. После переселения всего якутского народа на Лену от его древней феодальной организации могли остаться одни рожки да ножки, ибо там не было условий, которые могли бы способствовать поддержанию государственных порядков. Если отсутствует внешняя опасность, нет в окружении равных соперников, нет торговых и политических связей с окружающими народами, то тем самым выпадают все те естественно-исторические условия, которые поддерживают функционирование государственного аппарата. В момент прихода казаков якутский феодальный строй мог представлять картину сплошной руины.

---

[1] См. И. Бичурин. „Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена". Ч. I., стр. 424 и 426.

Глава V

ЮЖНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯКУТОВ

Как мы убедились в предыдущих главах, в историко-этнографической литературе почти не вызывает спора и возражений утверждение, что якуты в бассейне Лены являются пришельцами из далекого юга и что в более ранние исторические эпохи они обитали в области верхней Лены и Ангары, прилежащей к озеру Байкал.

Об этом свидетельствует якутский язык, принадлежащий к обширной семье турецких наречий, наибольшее распространение которых с начала второго тысячелетия новой эры можно наметить в странах, окаймляющих Каспийское море; о том же говорят как господствующий экономический быт якутов, так и устные легенды о своем историческом прошлом. Как нельзя допустить образование якутского наречия помимо исконных исторических взаимоотношений с основной массой родственных языков, точно так же и якутское хозяйство, разведение рогатого и конного скота, являющееся оазисом среди оленеводческой охотниче-рыболовческой культуры Севера, нельзя понять иначе, как ответвление того типа хозяйства, который господствовал в более южных широтах Сибири и дальше в обширных степях центральной Азии. И в том и в другом отношении разорванную пуповину якутской предистории с южными центрами, конечно, нужно и должно искать только в районе верхоленских и приангарских степей, рассматривая якутский народ со всей его материальной и духовной культурой, как колонию, получившую совершенно самостоятельное бытие вследствие стародавнего отрыва от породившей ее метрополии. То обстоятельство, что в данном случае мы имеем дело с историей подвижных номадов, которые своей хозяйственной деятельностью почти не изменяют лицо земли и мало оставляют на нем осязательных следов своего пребывания,[1] конечно, осложняет задачу историка, ны-

[1] Однако, необходимо оговориться, что это положение носит условный характер. Нетленные археологические остатки свойственны и для эпохи номадизма: до наших дней сохраняются не только погребальные сооружения из камня и глины, кости людей и животных, предметы из металла, но даже при благоприятных условиях изделия из дерева, бересты, волоса, кожи и тканей. Номадам центрально-азиатских

тающегося ретроспективным анализом прочитать содержание давно перелистанных и поросших травой забвения страниц быстролетной жизни.

Но не взирая на эти кажущиеся трудности, переселение якутов откуда-то с юга, повторяем, не может вызывать никаких сомнений. Фактически здесь приходится разрешать вопрос не столько о происхождении самих якутов, сколько о происхождении их довольно многочисленного скота. В самом деле, откуда же взялся у якутов рогатый и конный скот, составляющий повсеместно, за исключением крайнего севера, основу их благополучия? Где предки этого скота щипали траву, плодились и размножались, прежде чем забраться в таежные трущобы Ленского края?

В литературе нередко высказывается мнение, что якуты обзавелись рогатым скотом лишь после прихода русских или даже от них научились употреблять в пищу молоко. Так, например, С. Урсынович в своей работе «Религия туземных народностей Сибири» пишет:

«Якуты были конным народом, почему сравнительно легко и одолели, при помощи конницы, тунгусов. При русском владычестве у них распространился рогатый скот.[1]

Николай Харузин в своих лекциях по этнографии утверждает—«якуты-скотоводы научились употреблению молока сравнительно недавно».[2]

Эти мнения надо понимать как простое недоразумение, явившееся в результате некритического усвоения научной гипотезы, впервые высказанной В. Серошевским и в дальнейшем получившей большую популярность, а именно, о том, что основой экономического быта якутов в старину было табунное коневодство и что они «исподволь и в относительно недавнее время перешли к культуре преимущественно рогатого скота»[3]. Серошевский верно подметил некоторые факты в развитии основ экономического быта якутов в пределах их современной родины, но, однако, ошибочно интерпретирует их в своих теоретических выводах. Что древние якуты раньше были исключительно коневодами и не знали рогатого скота—положение абсолютно непри-

---

степей не были чужды и крепостные сооружения в виде рвов и валов, а также каменные и глинобитные отены. Но эти археологические остатки, во-первых, мало изучены, во-вторых, при современном уровне развития исторических знаний не достаточно индивидуализированы по этническим и культурным признакам. Счастливое исключение по своему характеру представляют, конечно, не особенно многочисленные эпиграфические памятники.

Во всяком случае, в деле изучения истории некоторых отделов кочевых народов археология со временем в ряду вспомогательных научных дисциплин, несомненно, займет почетное место. Но она имеет гораздо меньшее значение при изучении исторического прошлого номадов, чем оседло-земледельческих народов. Но это положение не всегда учитывается современными археологами.

[1] С. Урсынович. „Религия туземных народностей Сибири". Москва. 1930. Стр 8.

[2] Н. Харузин. „Этнография". Лекции. Спб. 1901 г. Вып. I, стр. 185.

[3] Серошевский. „Якуты" Гл. IV—„Экономические основы быта—замена конного скота рогатым." 260—270 стр.

емлемое и никем не доказанное.[1] (Об этом подробно см. в 3-й части наших очерков—гл. III).

Не более того заслуживало бы внимания и серьезного опровержения также и предположение Адольфа Эрмана о том, что якутский рогатый скот не приведен в Якутский край извне и что он скорее является прирученным остатком того дикого вида, который водился здесь чуть ли не в предыдущие геологические эпохи.[2]

Эрман упустил из виду то обстоятельство, что нигде в пределах обширного Якутского края рогатый скот не может пережить долгую и суровую зиму, добывая себе пищу подножным кормом. Мало того, и большая чувствительность якутского рогатого скота к холоду, вызывающая необходимость содержания его в течение почти всей зимы в теплом хлеву, ясно говорит о том, что предки его привыкли к более мягкому климату и прибыли сюда из далекого юга.

Вряд ли найдется якутовед, который стал бы утверждать, что якуты дорусской эпохи не знали теплых хлевов и не запасали для рогатого скота сена на зиму.

Впрочем, не бывает правила без исключения. Один из признанных авторитетов по вопросам якутоведения, В. Ф. Трощанский в своей работе «На-

---

[1] Ошибку Серошевского и многих других его единомышленников по интересующему нас вопросу отметил и новейший исследователь экономического быта якутов—М. К. Расцветаев. Он в своей специальной монографии, недавно вышедшей в издании Академии Наук, пишет:

„Все исследователи материального быта якутов сходятся на том, что якуты в момент прихода в край были коневодами. Собственно никто не пытался основательно доказать это предположение. Доводы, приводившиеся в его пользу, не являются сколько-нибудь вескими...

Подробно разобравшись в этом спорном вопросе, автор так формулирует свои выводы:

„В заключение можно снова вернуться к вопросу, поставленному вначале: кем же были якуты до прихода их в край—коневодами или скотоводами (разумеется, рогатого скота)? И еще раз следует подчеркнуть, что вопрос, так поставленный, не имеет никакого реального смысла и значения, а любое его разрешение останется пустым звуком. Можно высказать предположение, что скорее всего якуты были и тем и другим одновременно. Но даже и в этом предположении нет никакой нужды".

(См. „Очерки по экономическому и общественному быту якутов". „Труды Совета по изучению производительных сил. Вып. 7 Ленинград. 1932 г. стр. 28, 35—36

С книгой Расцветаева мы ознакомились уже по написании этого тома наших очерков. Поэтому мы были лишены возможности при критическом разборе приведенной выше гипотезы Серошевского останавливаться на воззрениях тов. Расцветаева. По нашему мнению, этот автор в основном хотя и прав, но, однако, кое в чем правы и его противники, во взглядах которых нашли свое отражение диалектические противоречия в развитии экономического быта древних якутов за длительный период их переселений на север. Вопрос, поднятый Серошевским, далеко не является „пустым звуком" и в нем содержится большое зерно „реального смысла", что так усиленно отрицается тов. Расцветаевым. См. Ч. 3 гл. III § 6 наших очерков.

[1] A Erman „Reise um die Erde durch Nord Asien und die beiden Oceane in den Jahren 1828, 1829, 1830. Berlin 1838." 2 Band. 245.

броски об якутах Якутского округа»[1] высказался за то, что якуты до прихода русских не умели строить свои теперешние балаганы и не только слово «балаган», но и самый принцип его постройки позаимствовали от русских. Аргументация Трощанского сводится к следующим положениям: якуты, мол, до русских не знали такой простой вещи, как стол, не имели будто бы и топора, чтобы срубать и обтесывать бревна, и что единственная техническая основа в их строительном искусстве заключалась только в сшивании, связывании ремнями. А по главному вопросу, сами-то русские были ли знакомы с техникой постройки якутских балаганов, чтобы передать это искусство якутам, автор ограничивается такого рода заявлением: «...Помнится, я читал где-то описание старинных казачьих куреней, и помнится—принцип этой постройки их тот же, что и якутских балаганов». У Трощанского, очевидно, вообще очень слабая память на самые нужные и важные факты, необходимые для обоснования его фантастического допущения. Прожив среди якутов чуть ли не десять лет, он не заметил и не запомнил того разительного факта, что принцип постройки якутских балаганов и «хотонов» для рогатого скота один и тот же. Серошевский был куда наблюдательнее Трощанского, ибо пишет: «Хотон или коровий якутский хлев строится совершенно так же, как якутская юрта».[2]

Если бы якуты дорусской эпохи не владели техникой постройки своих жилых балаганов, то это обстоятельство одновременно значило бы и неумение строить теплые хлева для своего рогатого скота, а вместе с тем и невозможность размножения последнего при суровых зимах всего Ленского края.

Кроме того, тенденциозное построение Трощанского легко опровергается казачьими документами эпохи завоевания. В них очень часто упоминаются якутские «юрты». Например, в войсковой челобитной енисейских стрельцов и казаков, служивших под начальством атамана Галкина в 1634 г., говорится, что отряд, посланный Галкиным, доходит... «до Бурухиных детей и их улусных людей на многие юрты», или «и того... Оргуева сына взяли жива, а его Оргуя в тех юртах не застали». ...«Князца Дуруя и Бодоева улусные люди тоже живут... во многих юртах».[3]

По расспросным речам вилюйских ясашных сборщиков, Максименко Митрофанова, Марка Логина да Тимошки Докучаева в Усть-Вилюйском районе «дву родов пеших якутов роду Кокуй князца Корюка да роду Осекуя... а живут те два рода пеших якутов юрты подле Лену реки... ниже устья в трех днищах».[4]

Иными словами, в самый момент прибытия казаков, якуты повсеместно жили в «юртах», а не в чумах и урасах. Мало того, по тем же доку-

---

1. Извест. Общ. истор. и этногр. при Казанском универс. т. XXVII. Вып. 2 Прилож. стр. 4—9.
2. „Якуты". стр. 356.
3. Войсковая челобитн. енисейских стрельцов. Столб. Сибир. Приказа № 368 143—153.
4. Там-же акты за 1637 г. ст. А. л. 6117/73 л. 281—290

ментам, во время борьбы с отрядами сотника Бекетова в 1633 г. якуты строят еще какие-то острожки: «Якутские люди из многих улусов Дубчинской волости збежались в один улус и поделали острожки и сели в острожках»... «и учали служилые люди к острожкам приступати»... «один острожек взяли»... «а иные острожки взятьем взять не могли и зажгли со всеми якуцкими людьми, видя их тебе великому государю непокорность».[1]

В данном случае трудно решить, какой тип постройки называется «острожком». Возможно, что это были срубы амбарного типа, которые тоже были известны якутам издавна. До прихода русских они, повидимому, не были знакомы с моховой прокладкой, ввиду чего постройки срубом служили лишь амбарами, а также, весьма вероятно, и летним жильем.

В нашем распоряжении не имеется никаких отчетливых данных о том, что якуты в пределах своей теперешней родины, по примеру настоящих кочевников, живя в переносном жилье, переходили со скотом с места на место. Их хозяйственное обзаведение представляется нам в виде летника и зимника («сайлык» и «кыстык») с постоянным и неподвижным жилым помещением и надворными постройками. Лишь в виде исключения многоскотные хозяева в отдаленных местах имели лишние зимние юрты, где поселялись на короткое время для потребления имеющихся там запасов сена. Обычный и распространенный повсюду тип якутских хозяйственных построек нам хорошо известен. Кроме жилой юрты должны быть—хлев для скота, зимний «хотон», летний «титик», загоны «дал», изгородь «кюрюё», «оттоох кюрюё»—изгородь для складывания сена, «хасаа»—крытое помещение для жеребят и доения кобыл, «тиэрбэс»—обширная изгородь для пастьбы упряжного скота и телят. Мы не можем также согласиться и с тем, что якутам дорусской эпохи не был известен тип амбарных построек, как и самое слово «ампаар», ибо оно имеется чуть ли не во всех турецких наречиях[2]. Древние якуты даже своих мертвецов хоронили в небольших срубах амбарного типа, не говоря уже о «хасаа», крытом помещении для жеребят, которое нельзя даже представить себе иначе, как особый вид амбара. Значит, мы должны допустить существование при жилой юрте и амбаров, которые у бедняков заменялись «хоспох'ом» (кладовая балаганного типа).

Наличие постоянного зимнего жилья с запасанием сена на всю зиму для рогатого скота, частью и для конного, неизбежно предполагает и размежевание покосов в индивидуальное пользование отдельных хозяев.

Если дело обстоит так, то представление якутов кочевниками не будет ли простым недоразумением? Мы не думаем также, чтобы проживание якутов отдельными хуторами, а не деревнями и скученными поселками, могло бы послужить основанием для причисления их к кочевникам. То обстоятельство, что современные буряты как в своих летниках, так и в зимниках, селятся не хуторами, а целыми улусами (по-бурятски «улус»—деревня, состоящая из ближайших родичей), убеждает нас в том, что якутский хозяй-

---

1. Челобит. Петра Бекетова. Сиб. Прик. Столбцы 368.
2. В. Радлов. Опыт слов. тюрк. нар. т, I 243 и 652 ст.—„анбар", „анмар" „амбар".

ственный индивидуализм развился значительно позже. Северные якуты-оленеводы и теперь кочуют целыми родами.

Русские завоеватели в начале 17 века застали якутов, давным давно перешедших в стадию оседлого скотоводства, за исключением далекого севера, где оленеводство и охота диктовали иные хозяйственные привычки.

В записанных нами якутских преданиях имеются весьма отрывочные указания, что древние герои, рожди крупных родовых объединений, имели обыкновение пасти свой скот на свежей траве («отордуур»), перекочевывая с места на место в небольших шатрах, т. н., «далла ураса». Здесь, по всей вероятности, мы имеем дело с историческим анахронизмом, т. е. перенесением на позднее время фактов, имевших место в более древнюю эпоху. Если это обыкновение где и имело место, то вряд ли оно было общим хозяйственным правилом. Такие порядки могли сохраняться лишь у поздних переселенцев из бурятских степей, как пережиток их южных хозяйственных навыков. Но в данный момент нас интересуют не эти мелочи в хозяйственных привычках якутов, а общий исторический вывод, который подсказывается всеми особенностями якутского скотоводческого хозяйства. Вправе ли историк-экономист раннее местожительство якутского народа проектировать в таких географических областях, где нельзя обнаружить никаких следов существования там культуры рогатого и конного скота? Можно ли неожиданное появление в бассейне средней Лены скотоводческого народа понять, не допуская исторического преемства? На эти вопросы мы отвечаем: доленскую родину якутов легко отыскать по наличию там таких же скотоводов, каковы и они сами, ибо н и п о п ы т я к у т с к о г о хозяйничания не должен был бы пропасть даром и они сами не смогли бы из ничего создать на севере свое довольно солидное хозяйство, не имея сильной экономической базы на местах прежнего оседания. Попробуем теперь, руководствуясь указанными признаками, найти предыдущую родину якутского народа.

На восток от Лены, как всем известно, до берегов Охотского моря, простирается обширная горная страна, покрытая дремучей тайгой, представляющая из себя почти человеческую пустыню. Исконные обитатели этой области оленеводы-охотники, отчасти и рыболовы. Даже коренные обитатели Амура, за исключением тех, которые живут в ее верховьях и по правому притоку Сунгари, до настоящего времени не вышли еще из стадии примитивной охоты и рыболовства. Академик Л. Шренк в своей известной работе «Об инородцах Амурского края» (т. I. Спб. 1883) основу их экономического быта характеризовал в следующих словах:

«Итак, на мою долю остаются коренные инородцы Амурского края, которые в бытность мою на Амуре, хотя и не могли считаться полными дикарями,... пребывали еще в состоянии простых, первобытных рыбаков и охотников» (стр. 5). Дальше, из его описаний мы узнаем, что: «Инородцы нижнего Амура живут рыболовством, а инородцы верхнего Амура по преимуществу охотой» (стр. 47). Гиляки и айны оседлые рыбаки (19 стр.), орочи бродячие охотники, отчасти и рыболовы, ороки кочевые оленеводы (24 стр.), гольды исключительно рыболовы (24 стр.), негидальцы то же (30 стр.), са-

могиры охотники (32 стр.), манегирцы ведут бродячий образ жизни (42 стр.), кили охотники (35 стр.), бирары охотники (38 стр.). Бирары и орочи (на восточном склоне Хингана) лишь местами под влиянием китайцев занимаются земледелием и скотоводством.

Спрашивается, можно ли где-либо в описанных местах искать прародину типичного скотоводческого племени?

Ту же картину мы можем констатировать и на запад от Лены. Вплоть до эпохи русского завоевания в бассейне р. Енисея культура рогатого и конного скота не распространялась на север дальше широты г. Красноярска. Иными словами, не только на уровне широт трех южных скотоводческих округов Якутской республики, но даже и по широте г. Киренска на Енисее господствовали только оленеводство, охота и рыболовство. Попутно укажем и на то, что и весь Тобольский север на уровне якутских оседлых поселений ко времени прихода русских еще не вышел из тех же стадий хозяйственного развития.

В настоящее время благодаря материалам «приполярной переписи», проведенной в 1926—27 гг., мы имеем возможность в точности установить как численность всего населения, туземного и русского, в пределах всего среднего и нижнего Приенисейского края, так и состояние в них скотоводческого хозяйства. Наша задача сравнительного изучения облегчается тем обстоятельством, что в момент совершения указанной переписи, вся территория енисейского бассейна, приписанная Туруханскому краю, по широтным данным почти совпадает с той частью бассейна Лены, которая входит в состав Якутреспублики. В перепись вошло все русское население, обитающее по берегу Енисея от фактории «Низенький Яр» в 470 км. ниже г. Красноярска (60° паралл.), а также и в стороне по его притокам. Иными словами, все то, что на Енисее называют «Туруханским краем» в географическом отношении вполне совпадает с Якутреспубликой. Поэтому, сравнивая статистические данные о численности населения и скота в Туруханском крае и в Якутреспублике, мы попутно получим и наглядную картину поднятия хозяйственной культуры и умножения пищи в бассейнах этих двух крупнейших речных систем Сибири в результате приложения человеческого труда при одинаковых климатических и физико-географических условиях.

Из этих данных мы видим, что культура рогатого и конного скота в область среднего Енисея занесена русскими, в руках которых и теперь находится почти вся наличность лошадей и коров, а аборигены края из домашних животных владеют лишь оленями да собаками.

По степени развития коневодства и размножения рогатого скота средний Енисей на уровне якутских широт отстал даже от полярной зоны Якутреспублики, куда якуты пригнали своих коров и коней еще до прихода русских, а именно, в бассейн Яны, а после завоевания тот же тип хозяйства распространился еще глубже за полярный круг по Индигирке и Колыме.

ТАБЛИЦА

о состоянии народонаселения и его хозяйства в бассейнах Енисея и Лены по широтам Якут—республики[1])

На Енисее в Туруханском крае	На Лене в Якутреспублике
Туземное населен. об. п. . . . 13,761	Населения в 3-х южных округах со включением Ленского и Алданского:
Русское население 7,940	Туземцев якутов . . 231,292 д.
Итого 21,691	Туземцев тунгусов . 11,791 д.
	Пришлого, русских и нерусских . . . . 28,614 д.
	Итого . . . 271,698 д.
	Населения в 3-х сезерных округах—Булунском, Верхоянском и Колымском:
	Якутов . . . . . 13,904 д.
	Туземцев, аборигенов севера . . . 7,174 д.
	Пришл., русских и не русских 2,155 д.
	Итого . . . 23,225 д.
Скота:	Скота в 3-х южных округах:
у русск. насел.	Конного . . . . 128,465 гол
Конного . . . 2,338 гол.	Рогатого . . . . 482,005 гол
Рогатого . . . 3,609 гол.	Овец . . . . . 354 гол
Овец и коз . . 1,744 гол.	Свиней . . . . 1,148 гол
Свиней . . . . 257 гол.	В 3-х северных округах:
у туземцев:	Конного . . . . 4,886 гол
Конного . . 123 гол.	Рогатого . . . . 5,485 гол
Рогатого . 38 гол.	Ездов. оленей . . 18,148 гол
Оленей . . 167,620 гол.	

Не взирая на эти разительные контрасты в экономическом быту туземного населения Енисея и Лены в области их среднего течения, Н. Щукин отчасти и В. Серошевский допускают возможность переселения якутов из южного Енисея вниз по этой реке до устья Нижней Тунгуски и дальше вверх по последней до верховьев Вилюя.[2] Предки якутов со своим рогатым и конным скотом в области среднего течения Енисея, конечно, могли проживать, ибо здесь широты те же, что и на Лене. Но, однако, нельзя согласиться с тем положением, чтобы они со своими стадами могли переселяться вверх по Нижней Тунгуске, стесненной горами и лесами, где на протяжении почти 1500 км не существует никаких лугов и пастбищ, которые бы-

[1]. Статистические данные о народонаселении Якутской Республики взяты из книги Г. А. Попова „Якутский край". Вып. II. (Якутск. 1926 г.). стр. 7. Они представляют из себя сводку на 1 октября 1925 г. Количество скота в Якутской Респ. показывается по данным сельско-хозяйственной переписи 1917 г. (См. книгу М. П. Соколова. „Якутия по переписи 1917 г. Иркутск. 1925 г. стр. XXXI.)

Статистические данные по Туруханскому краю взяты из книги—„Материалы приполярной переписи 1926—1927 г.г. в Сибирском крае". Красноярск. 1928 г. Вып I. стр. 26—27, Вып. II, стр. 124—125, 152—153.

[2]. См. гл. II. Очерков.

ли бы достаточны для прокормления хотя бы и одной сотни коров. Но удивительнее всего то, что от этого таинственного народа, пролетевшего каким-то чудесным метеором, туземные обитатели не унаследовали ни одного коня и коровы.

Какие же выводы, помимо отрицания наивной гипотезы Щукина, мы обязаны сделать на основании приведенных фактов распространения скотоводческой культуры по водным системам трех величайших рек Сибири, текущим параллельно в Полярное море? Почему граница хозяйственной эксплоатации коня и коровы по Лене углубилась так далеко на север, оставляя за собой не только Обь и Енисей, но даже среднее течение и понизовье Амура, где климатические условия, конечно, куда благоприятнее ленских?

Разрешение данной загадки, по нашему мнению, нужно искать, во-первых, в сложных зигзагах исторической судьбы самого якутского народа. Когда они обитали в благодатном юге, какие-то непреодолимые силы заслоняли от них верховья Амура, прикрывали пути на южный Енисей и гнали сзади в единственную свободную прогалину, на север—на Лену. Если здесь при самых неблагоприятных климатических и географических условиях якут не расставался со своим скотом, то это зависело, конечно, не от прирожденных свойств его, как стал бы утверждать сторонник расовой теории, а просто от длительности его скотоводческих занятий, в результате чего у него образовались довольно устойчивые хозяйственные навыки. Это обстоятельство, с другой стороны, наводит на мысль о степном происхождении основного ядра якутского племени. Об этом свидетельствуют также и религиозные воззрения древних якутов: конь и корова у них были подлинными объектами религиозного поклонения.

Догматы дохристианской религии якутов заслуживают внимания историков и социологов, ибо они напоминают верования «классических» народов древней Индии, Переднего Востока и Южной Европы. Они поклонялись когда-то громогласно ржущему небесному жеребцу под именем «Уордаах-Джёсёгей'я», который представлялся богом «п р е д к о м» и покровителем конного скота. В живой религии народа этот бог антропоморфен, но в эпической поэзии и в древних мифах он выступает в животном облике. Якуты признавали также богиню «Ынахсыт» (от «ынах»—корова), от которой зависит благополучие и размножение рогатого скота. И эта богиня антропоморфна, но в религиозных гимнах точно также сохраняет черты своего прежнего животного облика (коровы). Эти мифологические образы, из числа примитивных скотоводов центральной Азии и Сибири, сохранившиеся только у якутов, в достаточной мере изобличают степное происхождение своих носителей.

Северная граница распространения травоядного скота по Лене, задолго раньше прибытия русских перевалившая за полярный круг, есть конкретный показатель хозяйственной деятельности исконно пастушеского народа. Она одновременно свидетельствует о большой исторической давности проникновения якутов в бассейн р. Лены. Во всяком случае, господствующее в науке мнение, что якуты со своим конным и рогатым скотом переселились

на Лену всего-навсего за три-четыре века до прихода русских, слишком ускоряет темпы развития их хозяйства. Выше мы отметили, что якуты в момент русского завоевания уже были оседлыми скотоводами и притом со склонностью к хуторному расселению. Они запасали корм для своего рогатого скота на долгую 7—8-ми месячную зиму и повсеместно устраивали для него теплые помещения, что, само собой разумеется, предполагает стойловое кормление. Рабочий скот, быки и кони, всегда кормились в огороженном месте запасами сухого сена. Лишь гулевые табуны конного скота и летом и зимой оставались на подножном корму, да и то в специально заготовленных пастбищах (по долинам речек и подходящих таежных участках палами очищали опавшую хвою и древесную завалъ). Более рачительные хозяева имели обыкновение подкармливать сеном жеребых кобылиц и отощалый молодняк в пору трескучих морозов и позднею весной.

От примитивного оленеводства с охотой и рыболовством до описанных форм якутского скотоводческого хозяйства нельзя не предположить целый ряд переходных ступеней. Если же учесть тот бесспорный факт, что народы, не попавшие еще в орбиту влияния интернациональных запасов культуры и знаний, основанных на применении развитой письменности и организованного обучения, везде и всюду должны были развиваться чрезвычайно медленно, двигаясь вперед только ощупью при накоплении данных горького опыта, то для стабилизации на Лене якутских хозяйственных навыков в живой действительности, конечно, потребовался довольно внушительный период времени для их внутреннего развития.

Итак, общий обзор экономического быта ближайших соседей якутов, живущих на западе по р. Енисею и его притокам, на восток вплоть до Охотского моря и Амура, совершенно исключает возможность отыскания в этих областях не только прародины якутов-скотоводов, но даже и временных этапов в их прошлой истории.

Получается совершенно иная картина, если мы остановим свое внимание на туземном населении, его экономическом быте и характере местности той обширной области, которая непосредственно примыкает к верховьям самой Лены, этой обители современных якутов. Коренные обитатели этого края, буряты со своими забайкальскими сородичами, издревле занимаются в больших размерах скотоводством, держат овец, лошадей и рогатый скот. По данным сельско-хозяйственной переписи 1914 года,[1] у добайкальских бурят наличность скота выражалась в следующих цифрах:

Лошадей	84,809 гол.
Рогатого скота	258,260 гол.
Овец	123,613 гол.
Коз	29,777 гол.
Свиней	18,280 гол.
Всего	514,939 гол.

[1]. И. И. Серебренников. "Буряты, их хозяйственный быт и землепользование" Т. I. Верхнеудинск. 1925. Стр. 103.

С этими данными интересно сопоставить состояние якутского скотоводства в трех южных округах (см. приведенную выше таблицу). Правильное соотношение скотоводства якутов и буряг мы можем установить, конечно, ознакомившись с численностью добайкальских бурят. По статистическим данным за разные годы от 1887 г. по 1917 г., численность бурятского населения б. Иркутской губ. колебалась от 110.629 д. об. п. до 98.678 душ[1].

Надо заметить, что добайкальские буряты не только не размножаются, но даже дают местами очень заметную убыль.

Если сравнить посемейную или душевую обеспеченность бурят и якутов скотом, то добайкальские буряты окажутся значительно богаче якутов. О забайкальских мы и не говорим, ибо они по сравнению с добайкальскими настоящие скотоводческие Крезы.

Со времени установления русских порядков бурятское хозяйство, конечно, претерпело много изменений, ибо территория, занятая бурятами, была усиленно колонизована русскими, которые оттеснили первых со многих насиженных мест. Об этом мы можем судить хотя бы по количеству скота у русского населения. По переписи 1916 г. у русского населения Иркутской губ. имелось:[2]

Лошадей	184,122 гол.
Рогатого скота	278,060 гол.
Овец	115,575 гол.

Судя по описаниям старинных авторов, бурятское скотоводство благодаря соседству русских и земельному утеснению, изменилось и в своей хозяйственной структуре. Так, например, Георги, наблюдавший бурятскую жизнь во второй половине XVIII в., пишет:

«Буряты ведут жизнь кочевую, а главное их упражнение есть скотоводство... Не взирая на то, что зима у них продолжается от 6 до 7 месяцев с жестокими стужами, для скота своего буряты ничего корму не запасают, но оставляют оный питаться тем, что сыщет в сие время для насыщения своего». И лишь относительно добайкальских он добавляет:.. «накашивают немного сена для поддержания своего скота в зимнее время»[3].

Характеристику бурятского хозяйства мы можем дополнить словами другого, более современного автора: «Скот круглый год находится под открытым небом; для зимовки его приготовляют в некоторых местностях «хохоры» (?), состоящие в том, что весною навоз со двора свозят в кучу, разбив предварительно лопатами, и оставляют просохнуть в течение лета. Затем этим сухим мелким навозом посыпают снег в местах, где скот проводит ночь»[4].

---

[1]. И. И. Серебренников. Там же. Стр. 16.

[2]. И. И. Серебренников. Там же. стр. 99

[3], Иоганн Готлиб Георги. „Описание всех в Росс. госуд-ве обитающих народов". Спб. 1799 г. ч. IV стр. 27.

[4]. Ф. Шперк. Статья „Буряты" в Энц. Слов. Брокгауза 1891 г. т. V, 64 стр.

Забайкальские буряты до недавнего времени жили по преимуществу в переносных войлочных юртах, добайкальские же имели шести или восьмиугольные бревенчатые юрты.

Из этих данных в достаточной мере уясняется, что скотоводческое хозяйство добайкальских бурят занимало промежуточное положение между якутским оседлым бытом с запасанием сена для рогатого скота на всю зиму и степным, монгольским номадизмом с его подножным кормлением в продолжение всего года. В свою очередь и хозяйство забайкальских бурят являет переходные формы от экономического быта монголов к типам хозяйства добайкальских бурят. Вот почему историко-экономист не может спешить с непосредственной увязкой якутов с территорией Забайкалья, ибо получился бы слишком резкий скачок в господствующих там и тут формах экономического быта. Опять-таки та же экономика направляет наши поиски доленской родины якутов в Западное Прибайкалье. Что же касается физико-географических особенностей этой области, то описанное выше скотоводческое хозяйство бурят в достаточной мере характеризует ее в смысле экономических возможностей.

Помимо обширных пространств, покрытых лесом, имеется немало просторных равнин и степей, представляющих из себя естественные луга и пастбища, необходимые для скотовода. Например, известные Братские степи, начинаясь у самой Лены, тянутся почти на 200 км. по обе стороны Якутского тракта; дальше, Балаганские, Боханские и Аларская степь, Косая степь, обширная равнина по левому берегу Ангары вдоль железной дороги, долины ее многочисленных притоков, а также и верхней Лены, Тункинская и Торская котловина по Иркуту и целый ряд других мелких урочищ, из которых любой может с успехом соперничать с самыми знаменитыми якутскими «аласами» (так называется у якутов пологая окружность таежных озер, образующая скашиваемые луга), могли питать издревле довольно многочисленный скот. О более благоприятных климатических условиях Западного Прибайкалья по сравнению с теперешней родиной якутов, само собой разумеется, нечего и говорить.

О древних переселениях якутов, являющихся незначительной частью большого турецкого народа, обитающего в своей массе в юго-западных областях Азии и Восточной Европы, вниз по Лене не трудно, конечно, догадаться и без сравнительного изучения экономики туземных племен соседних областей. Естественными путями сообщения в древности и теперь являются большие судоходные реки. В древние времена наиболее часто случались переселения племен вниз по течению больших рек. Примитивный плот, сколоченный из нескольких десятков бревен, мог служить вполне удовлетворительным средством передвижения на довольно приличные расстояния. При этом наиболее характерным явлением для тех времен нужно признать и то, что целые племена или части их, раз переселившись вниз по течениям протяженных рек, лишались возможности совершить обратное плавание, ввиду чего происходили разрывы колоний от их метрополий. Так могли образоваться и целые племена культурных отщепенцев, сохраняющих очень смут-

ное сознание о своем историческом происхождении. К числу подобных народов мы вправе причислить и современных якутов. Недаром они в своем старинном былинном творчестве сделали излюбленным героем богатыря с весьма характерным прозванием «многострадальный и многогрешный одинокий (бобыль) муж» (Эрэйдээх, буруйдаах Эр-Соготох). Дальше мы убедимся, что этот герой есть никто другой, как сам легендарный и воображаемый предок, прародитель всего якутского племени, Эллэй-Боотур. (Эллэй—богатырь). Идея культурного отщепенства в высшей степени свойственна якутам и проходит красною нитью во всех важнейших образцах их былинного и героического эпоса. Где-то в далеком и роскошном юге остались многочисленные братья по крови и культуре: «кюн улууса, айыы аймага»—народ солнца, дети небожителей». Об их ожесточенной борьбе с богатырями тьмы, чужеплеменными народами—абаасыларами, и взаимных распрях до недавнего времени пели вычурным былинным стилем якутские рапсоды-олонгхосуты в длинные зимние вечера, а иногда и ночи напролет, собрав около себя тесный кружок молодежи обоего пола. Порой внимали им и седые старцы, но более зрелые якуты давно перестали им верить. Если хотят прервать кого-либо из заядлых врале́й, то обычно говорят—«ээ, олонгхолоомо догоор»—эй, друг, ты мне былины-то не сказывай. Так постепенно когда-то живая и реальная действительность превращается сначала в легенду, потом в былины и сказки, которым внимают теперь лишь дети да подростки. А затем, само собой разумеется, наступит для них или уже наступил момент полного забвения.

Изложенные выше доводы и соображения убеждают нас в том, что вопрос о переселении якутского народа вниз по Лене принадлежит к числу простейших. Достаточно его поставить, чтобы тотчас же напрашивался и единственно возможный ответ. Это, пожалуй, не сложная историческая проблема, а скорее простая научная аксиома, в особенности для историка-марксиста. Вот почему мы вынуждены с некоторым изумлением и недоумением остановиться пред научным мнением Серошевского по данному вопросу. Среди этнографов и бытописателей туземных народов Сибири названному автору, вне всякого сомнения, принадлежит одно из первых мест. До революции в России и заграницей известная сводная работа Серошевского об якутах единогласно признавалась одной из лучших, своего рода классической. Да и теперь не приходится отрицать то положение, что Серошевский, как автор «Якутов», принадлежит к классикам буржуазной этнографической науки. Изучать его нужно, считаться с его научными взглядами необходимо. Но, однако, «слова из песни не выкинешь». Мы вынуждены ознакомить наших читателей и с его «классическим» мнением по интересующему нас в данный момент вопросу.

«Как ни отрывочны собранные нами сведения об имени Байкал, тем не менее они, несомненно, подрывают доверие в байкальское происхождение якутов, раз последнее не имеет в свою пользу ничего, кроме этого слова»... «Якуты же могли быть на Байкале, но могли и не быть. Слово это у них есть, но оно могло быть занесено к ним русскими казаками уже впослед-

сивии, подобно тому, как были занесены к ним другие инородческие слова: юкала, нарта, бурдук, бат и проч. ...могли и узнать о нем при посредстве бурят и монголов»...

«Итак, нужно подождать помещать якутов даже временно в Прибайкалье, до подтверждения этого предположения другими, более точными доказательствами»[1].

В приведенных рассуждениях Серошевского справедливо одно положение, а именно, вопрос о байкальском происхождении якутов нельзя разрешать на основании одного только слова «байгал», которое, пусть будет известно им с нарицательным значением «море». (Здесь Серошевский ошибается, ибо якуты прежде всего знают Полярное море, куда течет Лена, и дают ему имя «Байгал», прибавляя иногда прилагательный эпитет «муустаах», т. е. ледяной. Следовательно, Байгал у якутов собственное имя, которое только в порядке вторичного словообразовательного процесса получило нарицательное значение). Что же касается его утверждения—якуты могли быть и не быть на Байкале,—то оно только лишний раз иллюстрирует беспомощность идеалистической мысли при ее попытках разобраться в самых элементарных вопросах истории.

Сравнительное изучение экономического быта якутов и их ближайших соседей привело нас к тому простому положению, что скотоводческий народ, существующий эксплоатацией конного и рогатого скота, в своих древних переселениях с юга на север, должен был придерживаться направления могучей реки Лены. Если бы в ее среднем течении, благодаря творческой деятельности текучих вод, не образовались луга и пастбища, столь необходимые для существования рогатого и конного скота, то разве было бы мыслимо переселение якутов из хозяйственной зоны коня, коровы и барана в область господства северного таежного оленеводства? Если дело обстояло так, то мы вправе сказать, что в прошлой истории якутов водная система Лены сыграла роль своеобразного костного скелета, на котором держался весь хозяйственный организм народа. Следовательно, и пути следования скотоводов на север властно определялись топографией, флорой и климатическими условиями верховий Лены, отчасти и других прилегающих рек (Ангары и Нижней Тунгуски). Недаром сам якутский народ в лице его современных легендистов свое переселение на север постоянно ассоциирует с течением Лены. Он также, согласно своих древних религиозно-поэтических воззрений на явления живой природы, наделяет ленские долины, притоки, озера, богатые лугами, и горы духами, которые через посредство шаманов, якобы, призвали к себе народ, живущий далеко на юге: «Добро пожаловать к нам, мы будем кормить и скот ваш и вас самих».

Так, по рассказу якута Ботурусского улуса Филиппа Кладкина, богач Омогой-Баай, обладатель многочисленных голов рогатого и конного скота и

---

1. „Якуты". 201—202 стр.

воображаемый прародитель всего якутского племени с материнской стороны, обращаясь к своему шаману говорит:

«Отсюда на север течет большая и многоводная река. Своим ясновидящим взором опиши мне эту страну, по которой она течет».

Шаман, совершив камлание, передал свое провидение в следующих словах:

«Эта река впадает на севере в Ледовитое море. Приблизительно в середине ее по левую руку возвышаются две горы. Когда я спросил, как их именуют, они ответили:

Нас зовут «Ытык Хайалар» (священные горы).

«Между этими горами расстилается прекрасная равнина. Дух равнины Киэнг-Киллэм-Госпожа осталась, простирая ко мне руки. Она молила:

«Оскудела я людьми и скотом, пригони ко мне их!»

«На восток от нее есть плодородная, текущая по равнине, речка с 12-ю ветвями-притоками. На вопрос об ее имени, она ответила:

«Я сочная Татта. Я тоже хотела бы воспитать и возрасти людей и скот».

Дальше представляются пролетающему шаману духи знаменитых озер Амгино-Ленского плоскогорья Кыыс-Халга, Киэнг-Мюрю, Киэнг-Тюнгюлю. Вслед за этим мистическим путешествием шамана вглубь Ленского края, по словам легендиста:

«...Омогой-Баай с женой и с двумя дочерьми поплыл вниз по реке и поселился на равнине между двух «Священных гор».[1]

Другой сказитель, якут Борогонского улуса Гавриил Местников, сюжет о предварительной разведке шаманских духов передает почти в тех же выражениях, что доказывает большую популярность и распространенность подобных рассказов. Когда шаман Омогоя, добравшись до скалистого острова «Аграфена» в низовьях Лены, летел обратно, то дух местности Сайсары (озеро и равнина, где теперь стоит г. Якутск) обратился к нему с такой мольбою:

«Я оскудела людьми и скотом, направь ко мне людей, которые могли бы стать предками большого народа и многочисленных стад. Так говоря, она с радостными кликами простирала к шаману свои длани».[2]

Эти художественные образы, не взирая на свой фантастический характер, представляют большой научный интерес по своей глубоко-материалистической основе, уясняющей идеологию скотоводческого по преимуществу племени. Богатый скотовод решается на переселение в бассейн средней Лены не раньше, как удостоверившись в наличии там кормовищ для своего скота. И в живой действительности, конечно, не могло обстоять иначе. Между прочим, среди якутов очень распространена художественная повесть о собрании пернатых, которые заняты избранием царя, чтобы под его руководством в

---

[1]. См. сборник „Элэйада" (Материалы по мифологии и легендарной истории якутов), собранный автором. Рукопись. § 180.

[2]. Сборн. якут. фольклора под загл. „Дополнение к Элэйаде". § 1. Рукопись автора.

летнее время перелетать на дальний север. Один вариант этой повести помещен в «Верхоянском сборнике» И. А. Худякова. Там мы читаем:

«На южном месте птицы обществами сделали большое собрание: «Наша земля (и место) летом весьма жарка и знойна, делается без воды—наши родные яйца все гниют, умирают. Выбрав себе господина, пошлем его на север искать земли-места».

И вот выбрали беркута и послали его на север для разведки. Беркут увидел на севере очень хорошие места, но решил скрыть это обстоятельство от своих подданных:

«Э, напрасно я туда и ходил. Для птиц, садящихся на деревьях, там нет ни одного дерева; для птиц, плавающих по воде, нет ни одного озера, ни одной ложбины для плавания. Туманом, ветром, вихрем крутит эта земля».

Но, к несчастью беркута, его жена была в любовной связи с чирком, который, сидя на ветке дерева под гнездом беркута, подслушал его разговор с женой. Вторично выбирают орла и тоже отправляют на север.

«Птица-орел, прилетев со свистом, осмотрел эти места; прибыв назад, рассказал, что такие то отличные места, что ни птенец не погибнет, ни одно яйцо не сгниет».[1]

Вряд ли можно сомневаться в том, что в этой повести под видом птиц выступают сами якуты с их реальными интересами, привычками и нравами.[2] Если так, то значит, древние якутские переселения, особенно в тот период, когда снимались с места целые улусы, не могли быть действиями наобум, «авось да найдем место, где можно будет откормить скот». Вожди улусов, если и не снаряжали специальные экспедиции для разведки, то во всяком случае, покидая свою южную родину, они должны были иметь отчетливое представление о том—какие места и какие условия существования ожидают их на новой родине.

Во всех вариантах народных легенд предки якутов неизменно отыскивают верховье Лены и плывут вниз по ней, за исключением вилюйских сказаний, об историческом значении которых мы будем говорить особо. Если в легенды вплетаются образы отцов этих героев-переселенцев, то они или остаются жить где-то вдали на юге, за ленскими вершинами, или же умирают, прибыв к ее верховьям. При этом отцы перед смертью в своем заветном слове говорят:

«Мне суждено умереть в верховьях той реки, на которой расплодится мое потомство».[3]

Некоторые сказители своей современной родине дают особо лестное прозвище «Молочная Река».[4]

---

[1]. Верх. Сбор. Стр. 66—72.

[2]. Основной сюжет этого рассказа об избрании царя птицами, вероятно, много древнее якутских переселений на север. Такие рассказы об избрании царя птицами бытуют и среди бурят-монголов.

[3]) Эллэйада § 229.

[4] Там же. § 25.

Историк не может не считаться с общим сознанием якутов, что кости их отдаленных предков покоятся на юге за верховьями реки Лены и что их древние переселения согласовались с течением этой реки.

По нашему мнению, устные сказания якутов по их реализму и исторической правдивости в ряде случаев имеют не меньшую ценность, чем писаные источники. Легенды целого народа, вошедшие в плоть и кровь массы, не могут быть подделаны и питаться вымышленными мотивами. Если в этих легендах иногда содержится фантастический элемент, наподобие приведенной выше рекогносцировки шаманских духов, то при современном уровне этнологических знаний их, конечно, не трудно выделить из общей массы фольклорного материала.

Точно также историк легко поймет, что народ в своем легендарном эпосе привык сокращать массовые явления до размера приключений единичных героев, благодаря чему получается повторение библейских картин. Как переселение целого еврейского народа в Египет изображается в образе путешествия одной семьи престарелого Иакова, так и в якутской легендарной истории переселяется на Лену семья одного Омогой-Баая или других, ему подобных, героев-прародителей, чтобы там на месте размножить довольно многочисленное племя.

Мы не будем излагать здесь содержание всех якутский легенд о переселениях их предков вниз по Лене. Они довольно однообразны и повторяют на разные лады с небольшими вариациями в именах и поводах переселения один общий сюжет, превращающийся таким образом в какое-то общеплеменное тавро или родимое пятно, выжженное в сознании народа грандиозными картинами древних переселений. Отдельные части и элементы героического эпоса якутов, поскольку в них отразились судьбы народа в различные эпохи его исторического бытия, будут разобраны нами в соответствующих местах наших очерков. Отсылаем читателей к подлинным текстам собранных нами легенд,[1] как они живут в устах самого народа, который умирает и нарождается лишь в лице отдельных личностей, а в целом был постоянным свидетелем следовавших один за другим исторических событий.

Итак, река Лена со всей своей водной системой в прошлые века властно предопределила будущие судьбы якутского народа, поскольку он должен был при выборе мест для своего расселения ориентироваться наличием лугов и пастбищ. Но, однако, этот вывод, правильный при целостном понимании исторических судеб якутского народа, может оказаться и ошибочным в ряде частных моментов. Например, первый толчок к переселениям на север могли дать совсем не скотоводческие части народа, а промышленники, охотники и рыболовы, или те его отделы, которые исконн веков занимались оленеводством. Сдвиги последних, если таковые имелись в составе якутов того времени, конечно, должны были подчиняться совершенно другим законам, чем переселения чистых скотоводов. Поэтому в первую очередь мы должны заняться вопросами о том, нет ли в составе якутского племени такого отдела,

[1] См. сборники „Эллэйада"—главы I, V, VI, XI—XIV и „Дополнение к Эллэйаде".

которому возможно было бы приписать очень давнее занятие оленеводством, а также в структуре современного якутского хозяйства и в народных преданиях нет ли каких-либо очевидных следов сильного развития в прошлом охотничьего промысла и рыболовства. Если на поставленные вопросы можно дать лишь положительные ответы, то южные якуты, еще и не расставаясь с Прибайкальем и Верхоленскими степями, могли иметь достаточно полные информационные сведения об области средней Лены.

Глава VI

РАССЕЛЕНИЕ ЯКУТОВ К МОМЕНТУ РУССКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

1. ПОКАЗАНИЯ ПИСАНЫХ ИСТОЧНИКОВ.

Мы не можем приступить к разработке вопросов о древнейших судьбах якутского народа, не устранив предварительно одно кардинальное заблуждение якутоведов царской эпохи,которое и по сие время продолжает быть тормозом в деле выработки правильного научного представления о ранней истории якутов в пределах ленского бассейна. Это заблуждение касается не темного прошлого якутского народа, скрытого во мраке его раннего бесписьменного существования, а самой начальной страницы его порусской истории.

В историко-этнографической литературе об якутах твердо укоренилось совершенно ошибочное представление о том, что, якобы, якуты в момент нашествия русских казаков в начале XVII столетия представляли из себя маленькое племя, которое проживало в пределах только быв. Якутского округа или даже его части, известной под названием «Амгино-Ленского Плоскогорья». Вся территория, отводимая во владение якутов дорусской эпохи, по своей площади едва ли превысит 50 тысяч кв. км. Если мы будем исходить из данных о площади современной Якутской республики,равной почти 4 миллионам кв. км (по точному исчислению—3.964.286 кв. км), то выходит, что якуты до прихода русских занимали лишь одну восьмидесятую часть той страны, которая тесно связалась теперь с именем якутов.

Такого мнения о пределах распространения якутов в дорусское время придерживается, например, Вацлав Серошевский. В своей книге «Якуты» он пишет:

«Не подлежит сомнению, что как северные, так и южные, западные и восточные окраины якутских поселений суть новейшего происхождения, и предания прямо указывают на окрестности Якутска и на Амгино-Ленское плоскогорье, как на метрополию этих колоний. Здесь застали их русские. На Вилюе и Олекме их не было, или было очень мало. Мангазейские казаки, в

1630 году, волоком перебравшиеся с Нижней Тунгуски на Чону, правый приток Вилюя, а затем спустившиеся вниз по этим рекам на Лену, не видели якутов на Вилюе»[1].

Дальше, приведя данные о расселении якутов по сведениям Георги, который использовал перепись 1750 г., Серошевский добавляет:

«По его показаниям якуты есть всюду: на южных и на северных окраинах, и на Вилюе и на Олекме. Таким образом, произошло поистине чудесное перемещение (курсив наш), в какие-нибудь 50—60 лет, огромного количества людей на обширнейшие пространства»[2].

Однако, Серошевский здесь не оригинален. Он повторяет «догадку» раннего историка Иоганна Фишера, который мельком затронул вопрос о расселении якутов к моменту прихода русских в одном из подстрочных примечаний к своей «Сибирской истории».

«Догадка, что прежде сего бунта якуты ни у Вилуя, ниже у Олекмы, ниже в нижних местах реки Лены не жили, конечно, основательно, ибо мангазейские казаки не нашли якутов у реки Вилуя, и Петр Бекетов, который в 1635 году строил Олекминский острог, и послал в Енисейск пространное извещение о всех обстоятельствах, не упомянул о якутах ни словом...»[3].

На приведенное мнение Фишера ссылается и Л. Г. Левенталь, усваивая без всякой критики теорию позднейшего заселения якутами Вилюя и Олекмы, «ибо еще Бекетов и мангазейцы упоминают о живущих там тунгусах»[4].

Эта же самая историческая гипотеза усвоена и двумя новейшими авторами, которые выступали в советское время, И. И. Майновым и Г. А. Поповым. Оба автора повторяют ту же аргументацию о мангазейских казаках, не встретивших якутов на Вилюе и Петре Бекетове, который не видел их в пределах Олекминского округа. Майнов и Попов в старую гипотезу вносят лишь одну незначительную поправку, которая заключается в том, что ими допускается проживание в момент прибытия казаков маленькой группы якутов на реке Яне в пределах быв. Верхоянского округа.[5] Территорию, занятую якутами в 40-х годах XVII ст., Г. А. Попов определяет в следующих границах:

«Таким образом, можно пока утверждать, что главной территорией расселения якутов до прихода русских в 40-х годах XVII ст. был теперешний Якутский округ со следующими границами их распространения: на северо-западе близ устья р. Вилюя, на юго-западе—между г. Якутском и р. Синей, на севере и северо-востоке—районы Алдана и Маи близ нынешней Усть-

---

[1]. См. „Якуты" стр. 219.

[2]. См. Там же стр. 223

[3]. См. Иоганна Фишер—Сибирская история,—Спб. 1774. Стр. 368, прим. 38.

[4]. См. Левенталь. Подати, повинности и земля у якутов, стр. 244 прим. 3. Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов. Труды Ком. по изуч. Якут. Авт. Респ. т. IV. Ленингр. 1929.

[5] См. И. И. Майнов—Население Якутии. Сборн. Якутия. Изд. Акад. Н. Ленинград. 1927. Стр. 324 и 331.

Ман. Наконец, повидимому, оторвавшийся от массы, осколок якутов за Верхоянским хребтом, по р. Яне».[1]

Если правы названные историки, то необходимо допустить за время владычества русских большой поток якутских переселений из пределов Якутского округа. Особенно же сильная волна переселений должна быть констатирована в сторону Вилюйского округа, где ныне, по последним исчислениям, проживает 79.039 душ якутов об. п., т. е. почти одна треть всего племени. Якутское население в двух северных округах (быв. Верхоянский и Колымский) насчитывается в 13.904 д.; в Олекминском и Ленском округах—11.835 д. Общее же количество якутов за пределами Якутского округа составит 104.778 душ. Так как всех якутов насчитывается теперь 242.146 душ, пришлось бы допустить, что почти меньшая половина населения Якутского округа успела откочевать из насиженных мест в первые же годы казачьего нашествия.

А между тем, теория о новейших якутских переселениях, противоречащая всей реальной исторической обстановке, потому только держится в литературе, что разработка истории малых народов еще не привлекла к себе внимания историков специалистов, владеющих современным научным методом. Как дальше убедимся, названные выше авторы ограничиваются только словесным толкованием первых попавшихся под руку казачьих донесений, не подвергая их перекрестному изучению и никакой критике. Приведем конкретные примеры.

Маленький отряд сотника Бекетова, спешно направляясь в центры якутских поселений, задерживается на два или на три дня у самого устья реки Олекмы, заметив на берегу табор из пяти-десяти тунгусских шатров. От последних узнают, что они в составе нескольких тунгусских родов бродят по правому берегу Лены—по рекам—Олекме, Чаре, Жуе и т. д. Можно ли на основании этих данных умозаключить, что в те времена на левом берегу Лены, в глуши лесов, по речкам и озерам не проживали якуты? Мы полагаем, что такой вывод, основанный на факте простого умолчания, был бы слишком поспешен. А между тем, И. И. Майнов пишет: «Близ устья Олекмы, как и нигде выше по берегам Лены, при своем первом появлении в этом крае русские не встретили якутов. Все племена принадлежали к тунгусской народности».[2]

Г. А. Попов даже отрицает возможность проживания якутов близ устья р. Сини (в 230 км выше г. Якутска на Лене), исходя из того, что—«трудно думать, чтобы Бекетов обошел молчанием о якутах, обитавших около р. Синей, тем более, что он плыл с верховьев р. Лены. Необходимо заключить, что якуты добрались до р. Синей позднее 1632 года».[3]

Сам же Попов сообщает, что Улта и Камык, жившие в пределах Бетюнгского наслега Намского улуса, «были первые князцы, с которыми столкнулся П. Бекетов». Отсюда вытекает, что Бекетов проплыл, не заметив яку-

[1]. См. Г. А. Попов—„Расселение якутов в XVII и XVIII стол.—Извест. Якут. Отд. Гос. Русс. Геогр. Общ. Т. III. 1928. Стр. 43.
[2]. Майнов. Там же стр. 324
[3]. Попов. Там же стр. 42

тов ни на многочисленных островах Лены, которые лежат ниже р. Сини (надо заметить, что р. Синнэ на картах неправильно называется «Синяя») до Покровского мыса, ни на Качикатском берегу, ни около теперешнего с. Покровского, ни на берегу Россолоды, где наиболее густые поселения якутов Восточно-Кангаласского улуса, ни в Улуу-Арыы, ни даже в обширной равнине, где теперь стоит г. Якутск. Да, мало ли где Бекетов не заметил признаков якутского жилья? Значит ли отсюда, что во всех названных местах якуты в то время не проживали и добрались лишь после знаменательной даты—1632 г.? Бекетов плыл в период весеннего половодья, повидимому, даже вслед за льдом (14 мая 1632 г. пристал к намскому берегу), когда берега Лены бывают сплошь нагромождены льдами. Кроме того, Лена—река не узенькая. Держась близко к одному берегу, трудно заметить людей и скот на противоположном. Якуты не живут, не жили, конечно, и тогда скученными поселками; для своего жительства они обычно выбирают укромные уголки в тайге, по берегам речек озер.[1] Если говорить о речке Сине, то она довольно протяженная, уходит вглубь тайги на запад от Лены километров на 400. Якутские поселения на Сине встречаются по ее среднему течению и в верховьях, где образуются ровные места и заливные луга. Все речки, впадающие в Лену, как общее правило, близ своих устьев не имеют мест удобных для хозяйственной эксплоатации. Спрашивается, как же можно, руководствуясь умолчанием Бекетова о населении то там, то тут, решать вопрос о занятости или незанятости тех или других речек и урочищ якутами? О полной неосведомленности Бекетова о местах расселения якутов более чем красноречиво свидетельствует тот факт, что он начал объясачивать население Якутского округа по направлению с севера на юг: в первую очередь намцев, потом мегинцев, дюпсюнцев и позже всех, южнее живущих, кангаласцев. Можно указать еще и на построение им первого Якутского острога на 82 километра ниже современного Якутска (на правом берегу Лены, на землях Мурчукинского наслега) в местности, которая и теперь слывет среди якутов под названием «Ыстаарай Куорат» (русс. «Старый Город»). Ошибка Бекетова была замечена только через 10 лет, когда воевода Головин нашел нужным перенести острог на место современного Якутска.

По Майнову выходит, что даже и енисейский воевода Никифор Вервкин, написавший наказ казачьему пятидесятнику Семену Родюкову, отправляемому «на Олекму реку и в новые в иные захребетные землицы» в 1639 году мог и обязан был иметь точное представление о том, какие народы—якуты или тунгусы живут в этой «дальней захребетной Олекме реке». Этот воевода в своем наказе пишет:

«Призвать в острожек тех землиц ясачных тунгусских и всяких улусных людей».

Этого умолчания об якутах на Олекме реке для Майнова вполне достаточно, чтобы отрицательно решить вопрос о проживании их в пределах Олек-

[1]. При проплывании Бекетова в мае все приленские якуты должны были проживать на летниках в таежной полосе. На островах Лены они только зимуют.

мицского края.[1] Трудно понять, почему воевода Веревкин, проживающий где-то в г. Енисейске, через 5—6 лет после первого появления казаков в обширном Ленском крае, должен быть всеведущим и иметь точные ориентировочные данные об этой «захребетной землице». Судя по употребленному им выражению «тунгусских и всяких улусных людей», пожалуй, было бы правильнее сказать, что и сам Веревкин не был вполне уверен в тунгусском или якутском населении этого края. Да, наконец, это могло быть чисто канцелярским, техническим оборотом речи, случайно употребленным секретарем-дьяком, для которого неведомые тунгусы и якольцы представляли величины вполне равнозначащие. С одинаковым успехом он мог бы написать «якольских и иных прочих улусных людей», что точно также не могло бы служить доказательством преобладания якутов в Олекминском крае. Для дьяков, сидящих в Енисейске, «якольской землицей» par excellence, конечно, был тот край, где был поставлен Якутский острог; остроги с иным названием в первое время они, вполне естественно, могли представлять себе и не якольскими. Если даже в современном быту при наличии школьного воспитания, точных географических карт и прекрасных руководств по краеведению немногие лица умеют точно различать по местожительству и племенным наименованиям якутов, тунгусов, юкагиров и т. д., то вряд ли могли бы иметь какую-либо ценность научные гипотезы, построенные в расчете на точность этно-географических познаний дьяков того времени, к тому же сидящих где-то на Енисее за несколько тысяч километров от якутов.

В статье проф. Бахрушина «Исторические судьбы Якутии», помещенной в том же сбор. «Якутия», приводится цитата из докладной записки мангазейского воеводы А. Ф. Палицына в Москву о необходимости расширения государевой вотчины—«на восток солнечных и до преходу великого Александра и до превысокого холма Каркараура, иде-же обитают люди единоногие и единорукие».[2] Эта записка датирована 1633 годом и имеет в виду как раз завоевание бассейна Лены. Почему же Майнов, руководствуясь этнографическими познаниями Палицына, не поищет на Лене или за ее пределами «единоруких или единоногих людей»?

А. Палицын, приехав в Москву из Мангазеи, представил центральным органам первое подробное донесение об якутах и занятой ими территории, основываясь на тех расспросных материалах, которые он добыл, будучи воеводой Мангазеи (основан в 1601 г.), от своих подчиненных. Объясачивая тунгусское население современного Туруханского края, бродившее по Ниж. Тунгуске, мангазейские казаки рано должны были уловить слухи об якутах, занимающих водную систему соседней Лены. Доклад Палицына, заключающий в себе первые ориентировочные данные о неведомом крае, в свое время, конечно, имел немаловажное значение. Кое в чем его материалы об якутах, могут быть использованы историками и теперь. Но можно ли осве-

[1] И. И. Майнов. Там же. стр. 324—325

[2] С. В. Бахрушин. Исторические судьбы Якутии. Сборн. „Якутия". Лнгр. 1927. стр. 275.

домленность Палицына об якутах во всем объеме класть в основу научных построений о том, какие точно места по системе Лены они фактически населяли? Убеждение историков Якутии, что весь обширный Вилюйский край в то время был заселен исключительно тунгусами, покоится, главным образом, на упомянутом докладе, в котором дается общая сводка всего того, что знали о Лене и якутах мангазейские казаки. Чтобы ответить на поставленный вопрос, мы позволим себе привести небольшие выписки из этого исторического документа, подробные извлечения из которого были включены в наказ стольнику Петру Головину, отправленному в Якутск в 1638 г.[1]

«(Палицын) в прошлом 141 г., приехав из Сибири в Москве сказывал в приказе Казанского дворца про великую реку Лену... По тем де рекам по Чоне и по Вилюю живут люди многие: Синягири, Нанагири, соболей и лисиц и горностаев и бобров, много всякого зверья и рыбы у них много... А по обе стороны великой реки Лены и до устья полунощного окияна Якуты, Тунгусы, Маяды, Нанагири, Кояты, Карагили и иные многие кочевые и сидячие люди». (963 ст.).

Принимая эти «сказки» за неопровержимое доказательство, пришлось бы оседлых якутов искать до берегов полунощного океана, чего, однако, не делают и сами поклонники казачьих документов.

Дальше, «...Да в тое же де великую реку Лену выше Вилюйского устья и до самые великие Байкальские протоки впали многие великие реки: Нчора, Чая, Чнчуя, Поледуй, Олекма, Витим, Киренга, Таюра, Камта, Брапта; а по тем по всем рекам живут якольские и якуцкие и брацкие тайши, конные и пешие сидячие многие люди: Тунгусы, Налякигири, Камчюгири, Сучигири и Когиры, Мильжегири, Нанагири, Шамагири, Синегири, Долганы, холопья орда и иные многие люди» (ст. 964).

Если в донесении Палицына придавать значение каждому слову, то историкам нужно было бы считаться и с его утверждением, что якольцы с бурятами в те времена жили по Чае, Чечуе и Киренге. Насколько мала осведомленность Палицына о Ленском крае, можно судить еще и по тому факту, что им рекомендуется поставить острожек на Чоне реке, другой на Усть-Вилюе, а третий «город или острог добрый поставить на устье восточного Алдана», ибо «славнее и людное тое реки нет» (ст. 965). Центры Якутского края он усматривает чуть ли не на краю человеческой пустыни.

Мы приходим к выводу, что исторические документы вроде донесения Андрея Палицына о местах обитания якутов или наказа енисейского воеводы Веревкина при решении сложной проблемы распространения якутов в пределах Ленского края и сопредельных рек без всякого ущерба для науки могут быть выкинуты из числа доказательств. Руководствуясь ими, мы можем получить совершенно ложные представления о действительности. Точно также с большой осторожностью нужно относиться к донесениям, мнениям и суждениям первых завоевателей обширного Лен-

---

1. Наказ Петру Головину напечатан в „Русс. Истор. Библ." т. 2 ст. ст. 961—972.

ского края, ибо их осведомленность об условиях местной жизни в первое время не могла не быть самой поверхностной. В новом крае они должны были чувствовать себя как в темном лесу. Те или другие действия они предпринимали скорее ощупью, наугад, чем руководствуясь действительным знанием окружающей жизни. То обстоятельство, что Бекетов впервые пристал к намскому берегу, можно ли признать с его стороны делом преднамеренного расчета? С неменьшим основанием он мог бы остановиться и у Покровского мыса и начать свои завоевания с этого пункта. Нельзя также признать целесообразными его действия, которые выразились в том, что он, только что прибыв в центр Якутского округа и объясачив часть прибрежного населения Намского улуса и еще кого-то, в то же лето отправляет часть своих воинских сил в низовья Лены.

На правом и на левом берегу Лены были самые многолюдные и богатые якутские улусы, объясачение которых позже потребовало от казаков много труда и усилий. Бекетов, не подозревая обо всем этом, разбивает свои незначительные силы, забрасывая часть людей в Жиганскую даль. Если бы якутские тоёны не были так ошеломлены неожиданным приходом казаков и проявили хотя бы десятую долю той энергии и смелости, с которой они позже поднимали упорные восстания, когда отряды казаков насчитывались уже многими сотнями, то Петр Бекетов со своими 30-ю воинами мог быть и легко уничтожен. Его спасло лишь то обстоятельство, что якуты, переселившись с юга в глухой Ленский край, где кроме малочисленных тунгусов не было сильных противников, давным давно утратили свою древнюю воинственность, не имея никакой боевой практики. Они не сохранили в своем быту копий, мечей, сабель, боевых наконечников стрел и т. д., которые известны им только по названиям и часто упоминаются в их богатырских былинах. В эпоху нашествия русских из боевого оружия они имели только охотничьи пальмы—«батыйа», с которой идут на медведя. «Батас»—та же пальма, но с более короткой ручкой. Батас в дороге, в тайге заменял тяжелый топор при рубке дров и для пробивания просеки в лесу. Им же рубили тальниковые побеги, которыми в голодные годы кормили скот. Иными словами, благодаря абсолютному военному затишью и полной гарантии от нашествия сильных иноплеменников, якуты перековали свои мечи и сабли в хозяйственные орудия и жили беспечно. Отсутствие упражнения не может не иметь своим последствием полное вырождение тех элементов военной культуры, которые зарождаются и развиваются лишь под давлением потребностей самой жизни.

Мнение многих якутоведов, что до прихода русских якуты делились на самостоятельные и независимые роды, которые вели между собою бесконечные войны, как убедимся позже, основано на недоразумении. Если бы было так, то сотник Бекетов с 30-ю казаками не завоевал бы одним махом густо заселенные якутские центры. Если позже якуты осаждали Якутский острог, защищаемый довольно численным отрядом, вооруженным превосходящим оружием, и даже принимали сражение в открытом поле, то это и есть запоздалое пробуждение в якутах военного духа, вызванного неистовствами, бесчеловечным обращением и грабительствами первых воевод и их подчиненных.

Действия Бекетова доказывают, что он подходил к Якутскому краю и к якутам с масштабом севера Енисея, где жилые пункты имеются преимущественно по берегу реки, а далее вглубь пустынная тайга. Бродячее и охотничье население тайги лишь в определенное время года, главным образом, весной и летом выходит из своих дебрей к берегу реки. В смысле сбора пушнины, добытой охотниками за долгий зимний период, лето самое урожайное время. Бекетов, не желая упускать этот сезон, снаряжает отряд для обхода речного побережья.

При толковании первых казачьих сообщений и донесений об якутах, а также и усвоенной ими завоевательной тактики, необходимо считаться с теми понятиями и представлениями, которые они выработали при объясачивании рыбаков и охотников Енисейского края. Это обстоятельство особенно важно для правильного понимания первых донесений мангазейских казаков о Вилюйском крае. Последние попали на Вилюй из Ниж. Тунгуски, берега которой до настоящего времени пустуют за исключением верховьев от села Эрбогачона, где проживают русские крестьяне. Весной 1925 года нам пришлось проплыть от с. Эрбогачона до г. Ново-Туруханска. «Безглагольна, недвижима, мертвая страна», можно сказать об этом диком крае. В очень немногие пункты съезжаются тунгусы для торгового обмена раньше с купцами, а теперь с кооперативами. В стороне от реки очень мало мест, где можно было бы наверняка застать тунгусские стойбища. Они бродят далеко за хребтом. Все это, конечно, прекрасно знали и казаки, которые когда-то объясачивали тунгусов, пользуясь их весенними и летними сборными пунктами.

Мангазейские казаки, объясачивая тунгусов, бродивших по системе Ниж. Тунгуски, должны были очень рано нащупать чонских тунгусов, ибо Чона очень близко подходит к Тунгуске и течет параллельно последней. Развивая свои операции вниз по Чоне, эти казаки должны были брать ясак и с тунгусов, бродящих по верхнему течению самого Вилюя. Первые сведения о Лене мангазейские казаки получили еще в 1620 году, но они отважились спуститься вниз по Вилюю до Лены лишь в 1630 году под начальством Мартына Васильева.[1]

Почему казаки так долго застряли на Чоне и в верховьях Вилюя? Во первых, конечно, потому, что небольшие отряды, которые выезжали для собирания дани в верховья Тунгуски, сами не могли рискнуть на дальние поездки по другой речной системе. Их снаряжение, всякие запасы да и прямые наказы начальства удерживали в пределах Тунгуски. Они могли совершать на Вилюй лишь частичные налеты для поимки тех тунгусов, которые из Ниж. Тунгуски могли уходить на Чону. С другой стороны, р. Вилюй ниже устья Чоны имеет ряд очень опасных порогов. (Известны—Огонноох-Ураана, Юёсэ Хана, Аллараа Хана. Мелких порогов много).

Чона в настоящее время занята якутами, которые появились здесь сравнительно недавно. Среди них сохранились живые предания о том, что вся Чо-

[1]) См. Г.А. Попов, „Очерки по истории Якутии". Якутск. 1924. стр. 19.

на раньше была тунгусской территорией.[1] Чонские колонисты происходят из разных наслегов быв. Хочинского улуса. До недавнего времени они числились в своих коренных наслегах и лишь незадолго до революции 1917 г. образовали особый Чонский наслег. По переписи 1917 г. в нем было зарегистрировано всего-навсего 546 д. об. п.[2] Переселенцы двигались обычно в обход излучины верхнего Вилюя прямиком через хребты. Вилюй ниже устья Чоны на протяжении 400 км и теперь имеет тунгусское население, которое образует Брангатский род или наслег. Таким образом, до недавнего времени Чона и верховья Вилюя в общей сложности на протяжении одной тысячи километров имели тунгусское население. Вот в этом-то тунгусском районе должны были оперировать мангазейские казаки в течение десяти лет. Что же мудреного в том, что Чона и Вилюй в Мангазее представлялись тунгусской территорией? Не пробив этой тунгусской пробки, казаки не могли иметь ясного и точного представления как о самих якутах, так и о занятых ими местах. Разъезжая по Чоне, они вряд ли могли знать, где кончается река Вилюй и где начало «великой реки Лены», которая, по слухам, была населена великим числом якольцев.

Наконец, казаки прошли пороги и совершили дальнее плавание вниз по Вилюю, но Якутов не обнаружили до самой Лены. Значит ли это, что весь Вилюй до самого устья был заселен тунгусами?

Нам представляется очевидным то положение, что мангазейские казаки имели слишком мало времени для обнаружения вилюйских якутов. Им в этом деле помешали успехи енисейских казаков, которые в 1632 году, т. е. через два года после первого похода мангазейцев на Лену, отыскали новый и более удобный путь в самый центр всего Ленского края. Объясачение и управление вновь завоеванным краем было предоставлено енисейским казакам. После кровавых столкновений отряда Ивана Корытова с енисейскими казаками у устья Вилюя в 1633 и 1634 годах мангазейцы оказались отброшенными в пределы своей Нижней Тунгуски.

Кроме того, при оценке донесений мангазейских казаков упускают из виду одно весьма важное обстоятельство. Мангазейцы, получив первую весть об якутах в 1620 году, снарядились на дальнее плавание по Вилюю лишь через десять лет, т. е. предоставив своим противникам слишком достаточное время для принятия тех или других мер самообороны. Если мангазейские власти могли получать информации об якутах при посредстве тунгусов, то, тем паче, вилюйские якуты, имеющие постоянные, деловые связи с последними, не могли не иметь точные данные о казаках, об их вооружении, средствах передвижения, хозяйственно-политических заданиях и т. д. Якуты южного Вилюя первую весть о русских должны были получить с первых же годов их появления в верховьях Н. Тунгуски. С того момента, когда казаки перенесли свои операции на Чону и ниже по Вилюю до ее порогов, смутная легенда о казачьем нашествии могла принять характер уже реальной опас-

---

[1]. См. „Эллэйада". § § 311 и 312.

[2]. См. М. П. Соколов, Якутия по переписи 1917 г. Иркутск. 1925 г. стр. 82.

ности. Якуты—народ конный, они любят собирать от каждого встречного и поперечного всякие вести и слухи. При каждой встрече они привыкли даже приветствовать друг друга вопросами: «хайа кэпсиэ эрэ, догоор, туох сонун, санга тыл ёс баарый эсиги эргин», что в переводе значит—«ну, рассказывай-ка, друг, какие приятные вести, новые слова и речи слышны в нашем околотке?» Поэтому в якутской среде всякие слухи распространяются с поразительной быстротой. Зная, что страшные пришельцы, надвигающиеся с верховьев Вилюя, не имеют ни коней, ни оленей и что они передвигаются только на лодках по реке, вилюйские якуты не могли не напасть на простейший способ временной самозащиты: в течение летнего времени не показываться по берегам Вилюя. На всем протяжении Вилюя и теперь чрезвычайно редко встречаются жилые пункты у самой реки. Наиболее густо заселенные наслеги и лучшие хозяйственные угодья у них находятся по боковым речкам, озерам и еланям. Плавая по Вилюю, трудно где-либо встретить открытые равнины, прилегающие к реке, в ее среднем течении почти отсутствуют острова, удобные для хозяйственной эксплоатации. Вот почему и теперь при плавании по реке весь Вилюйский край производит впечатление угрюмой и молчаливой пустыни. Тем более, если вилюйские якуты организованно провели тактику скрывания в своих лесах, первые мангазейские отряды, пройдя пороги верхнего Вилюя, должны были плыть по пустынной реке. Проплывание первых лодок вниз, в особенности же обратное продвижение казаков вверх по реке, не могло остаться не замеченным обитателями местного края. Следы людей, тянущих лодки, остатки костров, случайные выстрелы, услышанные охотниками и т. д., ясно должны были говорить о том, что дни безмятежного существования якутов уже миновали. Кроме того, якуты, осведомившись от чонских тунгусов о том, что казаки имеют обыкновение продвигаться со вскрытием реки вслед за полой водой, могли устроить скрытые наблюдательные пункты, чтобы при первом появлении казаков осведомить все прибрежное население. Конные вестовые, конечно, намного опередят лодки, идущие на гребях. Этому обстоятельству особенно благоприятствует направление русла Вилюя в пределах Хочинского улуса. С устья речки Сюлдюгюр Вилюй течет на юг и делает огромнейший крюк. В эпоху нашествия казаков якутские поселения по Вилюю вряд ли переходили устья Вилючана. С этого пункта до местечка Шеи, где центр наиболее густых поселений Сунтарского улуса, по прямому пути не больше 100 км, а по руслу самого Вилюя не меньше 250 км. Если даже допустить безостановочное движение на лодке вниз по реке, всадник из устья Вилючана прискачет на Шею минимум на 20 часов раньше казаков. Этот выигрыш во времени вполне достаточен для того, чтобы настороженное население перестало показываться на берегу Вилюя.

В пользу нашей гипотезы говорит еще и военно-политическая выучка мангазейцев, образовавшаяся в процессе борьбы с бродячими охотниками и рыболовами дальнего севера в пределах Тобольского и Енисейского края. В этих районах, если над самой рекой не видать сборных пунктов, то в глубине тайги незачем и пытаться искать человеческое жилье. Поэтому и в пределах Вилюйского края казаки, видя безлюдные берега, не могли допу-

скать существование оседлого населения внутри страны. При более внимательном исследовании берегов Вилюя они могли бы наткнуться на скотские тропы, помет и т. д., но первые отряды, совершающие беглую рекогносцировку, вряд ли проявляли столь большую бдительность, чтобы открыть присутствие скотоводческого народа. В среднем и нижнем течении Вилюя казаки могли натыкаться на таборы тунгусов,[1] которые ко времени вскрытия реки прикочевывали из дальних хребтов, верховий речек, впадающих в Вилюй с запада и севера. Эти тунгусы и раньше должны были иметь особые ярмарочные пункты на видных местах и высоких мысах, главным образом, у устьев больших речек, где обычно находили их якутские дружки, приезжающие для обмена продуктов своего хозяйства и ремесла на тунгусскую пушнину, оленью шкуру, ровдугу и т. д. Эти дальние тунгусы могли и не знать о той опасности, которой подвергались их съезжие пункты со стороны случайных казачьих отрядов. Сталкиваясь с этими тунгусами, казаки мельком могли ловить и слухи о местных якутах, но в извращенном виде.

В своем докладе Палицын со слов мангазейских стрельцов, Надежки Сидорова, Стешки Иванова и березовского казака Мартынко Васильева, плававших по Вилюю до Лены, сообщает:

«А по Вилюю де реке живут многие люди—Нанагири человек с 700 и больше, а конных людей у них нет, а кочуют на Усть-Варки (речки Марки), а ясаку с себя государю не платят, потому что люди большие».[2]

Кто—эти Нанагири, «люди большие», которые, кочуя у Устья-Варки осмеливаются не платить ясаку государю? Палицын передает слова своих осведомителей в том смысле, что эти «большие люди» не имеют коней. Но можно ли ручаться за то, что он точно запомнил устные информации своих собеседников? Может быть казаки говорили как раз наоборот, но не могли определенно сказать, что это—«якольцы», ибо их собственными глазами и не видели.

Если вилюйские якуты организованно провели легко осуществимую тактику скрывания в своих внутренних угодьях, то станет вполне понятным и то, что казаки могли встречать только тунгусов, а о настоящих обитателях края иметь очень смутное представление, еще более искаженное в устах Палицына. Вот основные причины того странного, на первый взгляд, явления, что при первых походах мангазейских казаков по Вилюю фигурируют одни тунгусы, создавая иллюзию, что они являются единственными обитателями края.

Эти рассуждения одинаково применимы и для Олекминского края, ибо его древние насельники, несомненно, являются выходцами из южного Вилюя.

---

[1] Так называемые „вилюйские тунгусы" не являются тунгусами в собственном смысле этого слова. Далее (часть II наших очерков) мы доказываем, что вилюйские или оленекские тунгусы составляют основное ядро „северных якутов—оленеводов", которые издревле говорят по-якутски, сами считают себя „якутами" и имеют обычаи и нравы более близкие к якутским, чем к тунгусским.

[2] См. Наказ Головину. Там же ст. 968

Расстояние от Суntара до г. Олекминска всего 350 км, т. е. в два раза ближе, чем путь Вилюйск—Якутск.[1] Между Суntаром и Олекминском пролегает старинный тракт по низьменной местности, удобный как для летнего, так и зимнего сообщения. В порядке внутреннего самоуправления олекминские якуты, наверное, подчинялись Суntаро-Хочинским центрам. Вот почему и олекминские якуты со времени появления русских на Чоне после вскрытия реки могли не показываться на берегу Лены. В Олекминском округе якуты занимают лишь левый берег Лены; на правом берегу вся обширная система реки Олекмы и по сие время остается местом обитания бродячих тунгусов. Якутские поселения здесь очень редки и, наверное, недавнего происхождения.

В период казачьего завоевания под Олекминским краем, как показывает самое название, конечно, разумелась система р. Олекмы, т. е. фактически тунгусская территория. Затем завоеватели больше интересовались своими подданными, как поставщиками пушнины. Тунгусы же по своему занятию и образу жизни были охотниками по преимуществу, которые облагались ясаком всегда выше якутов, сидячих скотоводов. Поэтому и немудрено, что весь район Олекминского острожка должен был именоваться тунгусским, ибо туда стекалась пушнина с необозримых таежных пространств и хребтов Олекмы, Чары, Жуи и т. д. Позже, с заменой пушного ясака денежным, само собой разумеется, тунгусы должны были отойти на задний план, ибо ясак стал уже равномерным и пропорциональным числу ясашных душ. При пушном ясаке принцип обложения у казаков был весьма прост: брать с каждого в пределах фактической возможности. При такой системе по всем окраинам Ленского края главная тяжесть ясашного налога, несомненно, ложилась на плечи малочисленных тунгусов.

Бекетов поставил Олекминский острожек в 1635 году. Объясачивая местное население, казаки на кого должны были обратить преимущественное внимание:—на тунгусов, бродящих по системе Олекмы, Чары и Жуи или на левый берег Лены, где вдали по речкам и озерам прятались якуты-скотоводы? Само собой разумеется, их интересовали больше тунгусы, как поставщики пушнины. Охота за ними, несомненно, была главной целевой установкой олекминских зимовейщиков.

Затем, сами казаки, явившись на Лену, хорошо могли владеть только тунгусским языком, усвоенным ими еще в пределах Енисейского края. Они могли иметь надежных «вожей», вообще своих людей лишь среди тунгусов которые вместе с казаками занимались ловлей и уговариванием своих сородичей—платить ясак русскому царю, ибо так де заведено теперь во всем белом свете. Наличие тунгусских вожей и знание их языка самими казаками давали возможность лучше ориентироваться в тунгусских обыкновениях и успешно привлекать их к подданству не только силою оружия, но и дипломатическими переговорами. Следы этой тунгусской выучки первых завоевателей мы видим в теперешнем наименовании—«якуты», «Якутия», получивших полное право гражданства как в частном, так и в официальном быту, даже и

[1]. См. И. Ф. Молодых. „Пути сообщения Якутии". Сборн. „Якутия". стр. 643

в науке. Сами якуты, как известно, именуют себя «саха». В казачьих документах якуты именуются, как мы видели, «якольцами». «Яколь» есть множественное число от «йоко—йоколь». (По моим записям, у илимпейских тунгусов Туруханского края—«джокуо»—джокуоль).

В деле покорения туземцев Ленского края знание казаками тунгусского наречия имело, конечно, громадное значение. Для туземцев бородатый казак со своим дьявольским, огнедышащим оружием был, наверное, страшнее страшного. Якуты могли вообразить, что это скорее бесы—«абаасылары», спустившиеся с летучих облаков. Между прочим, слово «пууча», которым якуты окрестили русских, у северных якутов служит нарицательным обозначением злых духов, живущих на облаках. (Албан абасыыта). Но, если этот бес вдруг заговаривает с туземцем на его родном языке—«по-человечески», то это обстоятельство не могло не рассеять тот невольный ужас, который он внушал с первого раза.

Кроме того, казаки, явившись в неведомый край, не могли не заинтересовать нужных им людей ценными подарками, не говоря уже об освобождении их от ясака. Что могло значить лишение нескольких десятков соболей, если эти единицы доставляли им возможность собрать сотни сороков в недалеком будущем?

Вот почему во всех окраинах Ленского края в первые годы объясачение тунгусов могло идти много раз успешнее, чем якутов. Иногда дипломатическими шагами можно достичь гораздо больших успехов, чем прямым насилием. Если дело обстояло так, то становится понятным, почему казачьи документы с окраинных зимовий Ленского края так пестрят в первую очередь наименованиями тунгусских родов.

Наконец, русские завоеватели могли использовать в своих интересах грызню якутов с тунгусами. Обещать тунгусам больший почет и уважение, чем якутам, посулить им кое-что из якутского добра, казакам ничего не стоило. Всякий хищник знает метод задабривания своей жертвы, посулов с «золотую гору», чтобы потом, укрепив свое положение, вонзить в них свои когти, как и на тех, на кого он натравливал. В центрах якутских поселений племенная вражда якутов с тунгусами не могла чувствоваться. Во-первых, здесь причина вражды, а именно, отобрание якутами тунгусских земель за давностью лет могла забыться. Тунгус и якут занимали тут ископную родовую территорию, резко отмежованную. Что было в глубине далекого прошлого, об этом мало кто помнит. В их настоящем, наоборот, замечалось даже полное согласование экономических интересов. Якут использует луговые места, обращая траву в молоко и масло. Тунгусы бродят по диким хребтам, взамен якутских продуктов и предметов кузнечного ремесла дают им свою пушнину, ровдугу, оленьи шкуры и т. д. Тунгус не нуждается в якутских землях, якут не имеет оснований зариться на обширные леса. Затем численное превосходство и организованность на стороне якутов, что лишает тунгуса возможности питать какие-либо агрессивные намерения против якутов. Совсем иная картина на окраинах. Вопрос о тунгусо-якутских взаимоотношениях на окраинах находится в неразрывной связи с историей постепенного развития об-

шественной жизни самих якутов в пределах Ленского края. Здесь же мы ограничимся указанием на то, что казаки должны были использовать сильную вражду якутов с тунгусами во всех окраинах, где сталкивались их взаимные интересы, становясь на сторону тунгусов, как слабейшей стороны. Это обстоятельство безусловно имело своим последствием то, что большая часть ленских тунгусов объясачивалась добровольно, чтобы при помощи казаков отстоять свои охотничьи районы от якутского засилья. Если на трех Тунгусках Енисея тунгусов нужно было объясачивать насильно, то в пределах распространения якутской колонизации, т. е. на Вилюе, в Олекминском отчасти, вероятно, и в Верхоянском крае казаки, выступая в роли защитников тунгусов, должны были вовлечь последних в свои сети.

Если мы к тому, что сказали насчет роли тунгусского языка в казачьем дипломатическом искусстве, прибавим еще и противоречие якутских и тунгусских интересов на окраинах Ленского края, то будет понятным, почему в олекминских и вилюйских зимовьях тунгусы раньше якутов пришли с поклоном к далекому московскому царю, неся ему пушную дань в ожидании его высокого покровительства в их распрях с якутами. Однако, ближайшие же годы, вероятно, обнаруживали ошибочность их политических расчетов, ибо новые хищники бесспорно превосходили старых. Обманутая надежда и вероломство казаков могли чаще подталкивать их на вооруженные выступления с целью отобрания своих аманатов и пушнины, чем якутов, которые объясачивались, покоряясь необходимости. Мы указываем на это обстоятельство для того, чтобы редкие вооруженные столкновения казаков с тунгусами не были расцениваемы, как доказательство отсутствия добровольного данничества со стороны ленских тунгусов. Политика заманивая обыкновенно употребляется только в первые годы, а когда доверчивый тунгус привел казаков потайными путями к скрытым жительствам якутов, вчерашние приятели не захотят выпустить его самого в тайгу без аманатов.

В якутских преданиях о приходе русских пособничество тунгусов, выразившееся в том, что они были проводниками русских, неоднократно подчеркивается. Якутские сказители по этому поводу морализируют. По их мнению, якутский царь Тыгын или его сын Чаллаайы избивали тунгусов. Один тунгусский витязь спасается и, убегая, грозит привести людей с большими носами и глубоко сидящими глазами. По передаче якута Кузьмы Слепцова, этот мотив облекается в довольно красивую художественную картину. Убежавший тунгусский герой поднимается на вершину сопки «Кыыс-Хайа» (Девица-гора), находящуюся на правом берегу Лены между городами Олекминском и Якутском. Чаллаайы с противоположного берега Лены бросает в него огромный булыжник, который, перелетев через реку, упал на середину горы и скатился вниз. Тунгус, приставив кулак к носу, крикнул: «Ужо тебе, живи остерегаясь, я приведу к вам людей с такими носами».[1]

Некоторые историки восхищаются подвигами горсточки казаков, быстро покоривших обширный Ленский край. Действительно, завоевания казаков на

[1]. См. „Эллэйада". § § 134, 87, 88.

Лене развивались поразительно быстрым темпом; во всяком случае, бассейн Лены захвачен ими в более короткий срок, чем соседнего Енисея. В этом обстоятельстве, на наш взгляд, нужно видеть отражение противоречивости тунгусо-якутских интересов, в особенности на окраинах, где, по всей вероятности, происходили постоянные вооруженные схватки между якутами и тунгусами из-за охотничьих районов. В этом явлении якутский Тыгын и его воинственный сын, конечно, были менее всего виноваты, ибо в распри с тунгусами, по всей вероятности, вступали отдельные ватаги окраинных промышленников, не желавших жить в якутских центрах в роли пастухов и батраков у богатых феодалов.

Есть еще одно обстоятельство, которое искусственно увеличивает число тунгусов по окраинам. Дело в том, что сами якуты, колонизуя отдаленные углы своей родины, сопредельные с тунгусской территорией, усваивали тунгусский хозяйственный быт и образ жизни. Они обзаводились оленями и, не имея постоянного жительства, переходили с места на место со своими стадами. Например, в пределах Верхоянского округа якуты Борогонского наслега, живущие по реке Омолою, за весьма малым исключением являются оленеводами. Смешанно с ними живут ламуты Тюгэсирского рода. По данным, собранным нами в Булуне в 1924 г., оленеводство Борогонцев в несколько раз превышало по числу голов тунгусское. Русские казаки в эпоху завоевания края не имели оснований разбираться в этническом происхождении этих якутов-оленеводов. Они, наверное, отнесли их к числу тунгусов Верхоянского края. Точно также в пределах Вилюйского округа до недавнего времени оленеводством в больших размерах занимались якуты Хочинского улуса. В Средне-Вилюйском, Западно-Вилюйском и Верхне-Вилюйском улусах до революции было не мало якутских хозяев, которые держали оленей. Ко времени нашествия русских оленеводство у вилюйских якутов, несомненно, было более развито, чем в наше время. Для охотничьего промысла и для сообщения зимой оленное передвижение представляет большие удобства, чем конное. Якутов, имеющих оленей и занимающихся охотой, завоеватели легко могли причислить к тунгусам.

2. ВОИН ШАХОВ О ВИЛЮЙСКИХ ЯКУТАХ.

Исследователи, которые отрицают старожильчество якутов на Вилюе в дорусскую эпоху, обычно любят ссылаться на донесение боярского сына Воина Шахова, датированное 1637 годом. Он сообщает о каких-то непорядках и бесчинствах, чинимых ясашными людьми Кункогирского рода, которые «приступаючи», надо полагать, к зимовьям убили «двадцать три человека»... Дело происходило—«на Лене реке усть-Вилюя реки». Дальше в донесении говорится: «а вверх де Вилюя от тунгусов от ясашных людей промышленным людем грабеж большой и воровства многие на соболиных промыслех, грабят и запас и соболи и котлы и топоры и собаки отнимают».

И. И. Майнов, ссылаясь на это сообщение Шахова, спешит сделать такое заключение:

«Обитателями нижнего Вилюя тут определенно указаны Кункогирцы, т. е. тунгусы».[1]

С таким выводом мы не можем согласиться. Воин Шахов просто информирует об одном частном случае. Он не говорит, что у усть-Вилюя среди местного населения Кункагиры составляют большинство. Из донесения Шахова, наоборот, ясно видно, что у усть-Вилюя в те времена, как и теперь, жили якуты, ибо он посылает десять сороков девять соболей «с усть Вилюя реки с тунгусов и с якутов, с конных и пеших». В том же донесении говорится об изымании «мужика конных якутов роду Татусы и под того мужика в 147 году взято с роду того три сорока соболей».

Поэтому нам трудно понять ход рассуждений Майнова, который утверждает: «Но, во всяком случае основным населением низовий Вилюя, по сообщениям Воина Шахова, следует признать тунгусов».

Если кункагиры приступают к Усть-Вилюйскому зимовью, вероятно, чтобы отбить задержанных там аманатов и уйти в дальние леса, то это еще не значит, что они обязательно должны жить тут же у устья Вилюя. Они могли бродить далеко севернее Вилюя в сторону Жиганска или даже на прагом берегу Лены по Верхоянскому хребту, но иметь выходы у устья Вилюя. Мы уже имели случай указать, что исконно в определенное время года тунгусы приближались к районам якутских населений для торгового обмена. Например, тунгусы 7-ми Кангаласских родов бродили на обширном пространстве, заключенном между Леной, Олекмой и верхним течением Алдана, но каждую весну они прикочевывали на правый берег Лены в район поселений Мальжетарских наслегов Западно-Кангаласского улуса. Вообще обхват передвижений тунгусов бывает чрезвычайно велик. Так тунгусы Енисейского озера (они сами именуют себя якутами) ежегодно отправляются вниз по р. Оленеку до самого побережья Ледовитого океана, доходят до устья Лены, проводят на тундре лето, а осенью кочуют обратно к озеру Есей, проходя взад и вперед свыше четырех тысяч км. Это обстоятельство констатировано нами в 1924 году в бытность на устье р. Оленека. Если бы тунгусы не имели установленных обычаем пунктов выхода в черте оседлых поселений, то они, конечно, были бы абсолютно неуловимы для казаков. Последние, заставая их то там, то тут и прикрепляя путем задержания аманатов к своим зимовьям, могли считать их приписанными к определенному пункту, но это, конечно, не значит, что они тут в узко ограниченном районе и живут. И вот почему те тунгусские роды, которые платили ясак в вилюйских зимовьях, еще не могут быть приписаны к населению собственно Вилюя. Не только Воин Шахов, но даже более современные администраторы не считали нужным интересоваться, где тунгусы проводят разные времена года. Все тунгусские роды, которые совместно с якутами платили ясак в трех Вилюйских зимовьях, можно уверенно сказать, не имели ничего общего с Вилюе-Ленским плоскогорьем, сплошь занятым якутами.

---

[1] Там же стр. 327

Майнов особенно обращает внимание на количество аманатов-якутских и тунгусских. Вони Шахов захватил на Вилюе 8 аманатов, из них семеро были тунгусы и лишь один якут.[1] По донесению якутского воеводы Барнешлева, относящемуся к 1676 г., в Средне-Вилюйском зимовье содержалось 5 аманатов, а «якуты ясак платят без аманатов», в Верхне-Вилюйском зимовье содержалось 10 тунгусских аманатов, а о якутах тоже говорится, что они платят без аманатов. Ссылаясь на эти документы, Майнов пишет:

«Большее число аманатов в двух последних зимовьях с несомненностью указывает на то, что большинство населения их районов состояло в то время все еще из тунгусов, более воинственных и непокорных, чем якуты».[2]

Никакой «несомненности» о преобладании в Вилюйском крае тунгусского населения тут не имеется. Это лишь подтверждает наше положение: тунгусы бродят, бог весть, где, без «емли» аманатов их и не принудишь снова явиться с поклоном и пушниной, а оседлому якуту некуда деваться, он живет в одном месте. Поэтому он и платит ясак без аманатов. Да и казак завоеватель, видя, что якут живет домашним скотом и рыболовством, должен был понимать, что он никуда не денется, следовательно, забирать от него аманатов, значило бы делиться с ним своим хлебным пайком, и без того не великим, совершенно непроизводительно.

Гипотеза Майнова о пропорциональности количества аманатов в трех вилюйских зимовьях с численностью коренного населения не выдерживает никакой критики. Именно потому, что тунгусы не местный народ, что они около вилюйских зимовий имели только сезонные выходы для товарообмена и что в остальное время года и ворон не разыщет их табора, казаки не рисковали выпускать из рук тунгусских аманатов. Оленный тунгус-охотник среди оседлых якутов только временный, сезонный гость, а пределы его кочеваний по тайге необозримы. Какая огромная площадь нужна для прокормления охотников, можно судить по упомянутым выше тунгусам 7-ми Кангаласских родов. По численности все они, вместе взятые, не превышают население одного среднего якутского наслега. По данным самого Майнова,[3] в этих 7-ми Кангаласских родах 643 муж. и 472 жен., всего 1015 д. об. п. Пределы их охотничьего района очерчены у Майнова же: «Обитали в горных местностях по верхнему течению рек Алдана и Амги, по рекам Ботаме и Талбе с их притоками», т. е. фактически занимали всю обширную область, заключенную между Леной, Алданом и Олекмой, начиная с устья р. Ботомы. Эта территория по своей обширности совсем не уступит всему Вилюе-Ленскому плоскогорью, в длину тянется на 600 км, в ширину на 400 км. А в смысле обилия всякого зверя, конечно, много богаче последнего.

Как мы говорили выше, упомянутые семь тунгусских родов получили свое официальное название от имени Кангаласского улуса, на территорию которго они имели постоянные выходы для товарообмена. По логике Майнова,

[1] Там же стр. 334.

[2] Там же 335—336.

[3] В той же статье „Населейие Якутии" стр. 395

руководствуясь одними казенными документами, их тоже можно было бы причислить к коренным обитателям Кангаласского улуса.

Донесение Вопна Шахова самым убедительным образом опровергает необоснованную гипотезу о колонизации якутами обширного Вилюйского края лишь после нашествия русских. Он дает такие показания:

«Был де он на государевой службе на Вилюе реке семь лет и всякие места и иноземцев рассмотрел, и иноземцев де с усть Вилюя реки и вверх по Вилюю ясачных и неясачных Якутов и Тунгусов с 3000, а ясак де государю дают немногие люди: а буде тех неясачных Якутов и Тунгусов привести вскоре под государеву царскую высоку руку, и служилых де людей надобно на Вилюй реку послать человек с полтораста, и в государевом де ясачном сборе чаять большие прибыли, можно сороков 100 и больше собрать на год, а ныне де на усть Вилюя реки и вверх Вилюя реки иноземцы якуты и тунгусы и по Варке побивают промышленных людей».[1]

Этот рассказ Шахова датируется 1641 годом. Иными словами, он прибыл на Вилюй не позднее 1634 г. и успел рассмотреть там столь многочисленное население. Шахов оперировал в районе трех вилюйских зимовий, т. е. в пределах двух старых вилюйских улусов,—Средне-Вилюйского и Верхне-Вилюйского. По данным 1891 года, население этих двух улусов равнялось 21551 д. об. п., тогда как по всему Вилюю всех якутов числилось 66475 д.[2] Таким образом, якутское население четырех южных улусов—Мархинского, Нюрбинского, Суntарского и Хочинского осталось за пределами внимания Шахова. Якуты Северного Вилюя как теперь, так и раньше, жили в ближайшем соприкосновении с оленекскими тунгусами, которые ни по языку и ни по нравам не отличаются от вилюйских якутов.[3] В составе улусов Средне-Вилюйского и Западно-Вилюйского (отделился от старого Верхне-Вилюйского) имеются наслеги «тунгусского» происхождения, а именно, Джооху (Жахотский), Люючюн (Лючинский), Кююлэт (Кулятский), Югюлээт (Угуляский), возможно и другие. Вопн Шахов к тунгусам мог причислить и всех якутов Северного Вилюя, содержащих стада оленей. В этом районе до недавнего времени было сильно развито оленеводство.

Кроме того, было бы ошибочно утверждать, что Вопн Шахов за семилетний срок успел проверить все наличное население Северного Вилюя и открыть все их урочища. Якуты в этой области живут весьма разбросанно. Взглянув на подробную карту Якутской республики,[4] каждый может наглядно убедиться, что все низовье Вилюя, начиная с устья р. Мархи, покрыто неисчислимым количеством мелких озер. Это прямо классическая страна озер. В силу этих естественных условий местное население, несомненно, со времен глубочайшей древности занимается рыболовством. Само собой разумеется, что население Северного Вилюя, ютящееся небольшими группами в две, три юр-

---

[1] См. доп. к Ист. Акт. Т. II, стр. 254.
[2] См. Серошевский, „Якуты". Прил. 683 стр. Офиц. стат. данные.
[3] См. Эллэйада § 329.
[4] Карта, изд. 1924 г. партии по исслед. рек Ленского и Вилюйского бассейна.

ты около своих озер, в глуши необозримой тайги, не только не могло быть обнаружено более или менее исчерпывающе при беглом осмотре Вопна Шахова, но даже и в настоящее время представляется нелегким делом составление карты их расселения и установление названий многочисленных урочищ, озер и речек, занятых ими. Если Шахов находит возможным определить численность аборигенов Северного Вилюя в 3000 человек, то это свидетельствует о большой густоте населения и в ту отдаленную эпоху.

Какие же окончательные выводы мы можем сделать из донесения Вопна Шахова по поводу заселенности Вилюя якутами к моменту прихода русских?

Шахов дает самые бесспорные данные о многочисленности и густоте туземного населения Вилюя по преимуществу на территории трех улусов—Средне-Вилюйского, Верхне-Вилюйского и Западно-Вилюйского (или Удюгэйского). Причем в первые годы завоевания края казаки могли обнаружить лишь население узкой прибрежной полосы. В казачью регистрацию в большом количестве могли попадать и «тунгусы», (фактически—«северные якуты»), прикочевывающие на Вилюй ко времени вскрытия реки с Оленека, верховьев многочисленных речек, впадающих в Вилюй с севера и запада. Глазомерное определение Шаховым населения Северного Вилюя в 3000 человек, несомненно, говорит о наличии исконной оседлости, ибо бродячие тунгусо-якуты не могут быть столь многочисленны. В первые же годы завоевания Вилюя казаки поставили на территории Верхне-Вилюйского и Средне-Вилюйского улуса три зимовья. Расположение этих зимовий на самом берегу Вилюя и направление старого зимнего тракта Якутск-Вилюйск, идущего параллельно береговой линии Лены и Вилюя, ясно говорят о густоте якутского населения в понизовьях Вилюя. Эти якуты ни в коем случае не могут быть причислены к порусским беженцам из пределов Якутского округа, ибо беглецы, зная лодочную связь казаков, не могли бы оседать вдоль речного побережья. Это значило бы кидаться из огня да в полымя. Отсюда вывод—Шахов в понизовьях Вилюя мог обнаружить лишь старожильческое якутское население. Казаки, объясачив в первые же годы беспечных тунгусов, прикочевывающих из своих дальних хребтов в старые ярмарочные пункты, расположенные над самой рекой, конечно, не считали нужным разграничивать якутскую и тунгусскую территорию. Приписка бродячих тунгусов по местам их весенних выходов к тем или другим зимовьям, являясь лишь формально—официальным показателем, отвечающим задачам фискального управления объясаченным населением, ни в какой степени не определяет территориальные владения тунгусов. Практика вилюйских казаков, задерживавших аманатов лишь из среды тунгусов, ясно свидетельствует о том, что последние были только временными, залетными гостями в пределах Северного Вилюя.

3. КАЗАЧЬИ ДОКУМЕНТЫ О МЕСТОЖИТЕЛЬСТВЕ ЯКУТОВ ЖИГАНСКОГО УЛУСА.

Сотник Бекетов в первое же лето своего прибытия к якутам 20-го июля 1632 года посылает отряд казаков вниз по Лене. Последние поставили Жиганское зимовье и по возвращении донесли, что там живут многие тунгусские

люди. На следующий 1633 год основатели Жиганского зимовья собрали ясак—«с новых тунгусских людей, с долганов и с жиганов».

Ссылаясь на эту выписку, Попов добавляет: «О якутах эти донесения ничего не упоминают».[1]

Майнов тоже заявляет: «Значит, северным пределом расселения якутов по западному берегу Лены в момент прихода русских следует признать устье реки Вилюй, так как население, бродившее по пустынным пространствам завилюйского края и в низовьях Лены, было вполне тунгусским».[2] При этом Майнов в скобках добавляет—«Жиганская орда, т. е. Жеюганский род тунгусов».

Позволительно задать вопрос названным ученым: почему же «жиганы», «Жиганская орда» не есть якуты современного Жиганского улуса?

Жиганский улус, состоящий из восьми родов, в порусскую эпоху всегда составлял исконное население понизовьев Лены и платил ясак в Жиганское зимовье. Майнов с каким-то особым пристрастием к открыванию тунгусов везде и всюду склонен отождествить Жиганскую орду с Жеюганскими тунгусами, которых сам же помещает в пределах Олекминского края.[3]

Вряд ли кто станет отрицать то, что название Жеюганский происходит от имени речки Жуи (по-якутски Джёйю), впадающей в Чару. Жеюганские—значит—живущие по речке Джёйю. Каким образом эти олекминские тунгусы перелетели в Жиганск, чтобы оспаривать у якутов Жиганского улуса их исконную территорию? «Жиганск, жиганский» происходит от другого якутского названия «Эджигээн». Так верхоянские ламуты и якуты именуют всю ту страну, которая с водораздела Яны и Лены имеет покатость к последней. Среди якутов Якутского округа вообще вся область понизовий Лены называется «Эджигээн».

Решение поднятого вопроса, нам кажется, самое простое дело. В первый же год своего нашествия пришли казаки в местность Жиганск, поставили там зимовье и по сей день носящее то же название (заштат. гор. Жиганск), обнаружили там наряду с долганами и тунгусами «жиганов», «Жиганскую орду».

Ясно, конечно, что здесь под «жиганами» нужно понимать только лишь коренное население быв. Жиганского улуса, во всех поздних официальных документах царского периода обозначаемое как якуты.

Здесь сам по себе напрашивается интересный вопрос, на котором мы мельком останавливались выше, а именно, какими признаками руководствовались казаки того времени, называя те или другие народы—тунгусами или якутами? Не может ли быть таких случаев, когда казаки относили к тунгусам якутов? Не будет ли правдоподобно допустить, что они всех тех, кто не имел коров и лошадей, жил в переносных шатрах, не имея постоянной оседлости, и имел ездовых оленей, записывали тунгусами? Не надо забывать того, что основная цель казаков заключалась во взимании пушного ясака. Количество и размер его, а также способ обеспечения будущей явки объяса-

---

[1] См. Гр. Попов. Расселение якутов в XVII и XVIII ст. Выписка из „дневных записей В. Бекетова" стр. 43

[2] Майнов. Там же стр. 327

[3] Майнов. Там же стр. 395

ченных, конечно, зависели от рода хозяйства и привычных занятий их. В самом деле, не станет же казак того времени разрешать вопросы этнического происхождения тех или других родов, незачем также и устанавливать им— какой язык они считают материнским, якутский или тунгусский. Казаки сами, как мы отмечали выше, в первые годы своего появления на Лене могли знать только тунгусский язык и со всеми своими подданными пока что разговаривали через тунгусских переводчиков.

После этих предварительных соображений мы можем сообщить, что якуты Жиганского улуса и по сие время не имеют других домашних животных, кроме оленей и собак, а в летнее время всегда живут в легких шатрах, крытых корой или оленьими шкурами. Кроме охоты они, главным образом, занимаются рыболовством. Иными словами, по видимым признакам материальной культуры и по образу жизни они мало чем отличаются от тунгусов, но язык у них якутский. Якуты, приезжающие к ним из южных местностей, всегда называют их не иначе, как «омуктар» (множ. чис. от «омук»), т. е. тем же самым нарицательным именем, каким якуты привыкли обозначать и тунгусов. Якуты при этом, повидимому, исходят из тех же соображений об образе жизни, о материальной культуре и т. д. Но сами жиганцы (или жиганы) очень не любят, когда их причисляют к омукам, они сами себя предпочитают называть якутами (саха). Прожив среди них около года, мы имели возможность подробно изучить особенности их духовной культуры. Объякученные тунгусы безусловно сливаются с жиганцами до неузнаваемости. Но точно также и в более центральных районах якутских поселений очень трудно отличить от якутов объякученного тунгуса, например, усть-майских тунгусов, нюрбоганочинцев и шелогонцев, перешедших к культуре рогатого и конного скота. Между прочим, из восьми родов или наслегов Жиганского улуса два,— Кюпский и Эженский,—среди самих жиганцев слывут за тунгусов, что не отрицается и последними. В научной литературе и во всех официальных документах они всегда обозначаются якутами. Жиганцы не стоят изолированно. Якуты Устьянского улуса, Анабаро-Хатангские, Оленекские тунгусы (?), Есейские якуты (?)—суть точная копия жиганцев, т. е. живут оленным хозяйством, говорят якутским языком, имеют общий героический эпос, совершенно одинаково отправляются у них шаманские мистерии, не расходятся и в других нравах и обыкновениях.

Ни Майнов, ни Попов, козыряя общими терминами—якут, тунгус, не задумываются над особым положением этих северных якутов, которых по их внешним признакам казаки первых десятилетий имели полное право отнести к тунгусам, точно так же, как современные этнографы по привычке продолжают причислять обитателей бассейна р. Оленека к тунгусам, неведомо по каким соображениям отличая их от туруханских и есейских «якутов». До сих пор в этнографической литературе нет отчетливого сознания о существовании довольно многочисленной и вполне самостоятельной по экономическим и культурным признакам народности, которую мы пока будем условно называть северными или оленными якутами. Если так, то гипотеза присяжных якутоведов о том, что за линию Вилюя ни якуты ни якутский язык и куль-

тура до прихода казаков не переходили, падает сама собой. Оказывается, весь якутский север в эпоху нашествия казаков находился в том же самом положении, которое мы застаем и теперь, за исключением лишь Колымского края, куда якуты могли продвинуться и после прихода русских. Если в порусскую эпоху и были кое-какие передвижки племен, то они могли быть самыми незначительными. Весьма возможно, долганы, которые жили в то время поближе к Лене, продвинулись на запад за Анабар или, вернее, перестали прикочевывать на Лену. Куркагиры, которые бродили в районе Верхоянского хребта с выходом к устью Вилюя, перекинулись в Верхоянский север, где и теперь находим тунгусский род «Кюркээгир». Жиганские якуты сократили орбиту своих кочеваний, чтобы полнее эксплоатировать пушное богатство тундры. Вот и все. Никаких столпотворений, никаких больших племенных передвижек. Ларчик казачьих донесений о тунгусском засилии на севере открывается довольно просто. Людей, живущих оленным хозяйством, они везде и всюду должны были относить к тунгусам, ибо они пришли не лингвистические вопросы разрешать, а с точки зрения хозяев края определить, кто сколько ясачных тягот может нести сообразно своим хозяйственным занятиям и образу жизни. Чудес под луной не бывает. Те многочисленные тунгусы, которые были обнаружены казаками на Вилое, за Вилюем, на севере не могли испариться как дым. Все они сидят на своих местах, а передвигаются они лишь в воображении некоторых ученых, которые умеют читать исторические документы без критической лупы, не считаясь с тем, о чем говорит мудрый пристав из «Бориса Годунова» Пушкина по адресу Самозванца:

„Врешь! Не всяко слово в строку пишется.
Читай: изловить и повестить".

Если казаки свои грамоты, в коих они везде открывали тунгусов, не сопровождали учеными примечаниями: «говорят по-якутски, обычаи и нравы имеют якутские», то вина их небольшая.

4. ЧТО ГОВОРЯТ КАЗАЧЬИ ДОКУМЕНТЫ О ВЕРХОЯНСКОМ КРАЕ.

Как Гр. Попов, так и И. И. Майнов, отводя почти весь бассейн Вилюя во владение тунгусов, на основании обозрения архивных документов, однако, вынуждены признать, что первые казачьи отряды, явившиеся в Верхоянский край в 1636 г., обнаружили в среднем течения Яны якутское население. Десятник Енисейского острога Елеська Юрьев (Буза) с Прокопьем Козловым на кочах спустились по Лене, завернув на Оленек, объясачили тунгусов, (северных якутов), а затем морем добрались до устья Яны, три недели плыли вверх по Яне до якутов. «Взяли с них государева ясаку на 146 г. (1638 г.) два сорока 27 соболей, 4 шубы собольи, лисицу чернобурую, восемь лисиц сиво-черевых, одинадцать лисиц красных». Одновременно енисейский служилый человек Постник Иванов во главе отряда в 30 человек на конях через Верхоянский хребет добирается до Яны же. По сообщению Постника:

«И по Янге реке вниз до якутских людей четыре недели, а на вершине, государь, Янги реки живут тунгусы именем Ламутки, а ясаку тебе государь не дают; а на низ де государь по Янге реке и по Онге реке живут многие якутские люди, князец Кутурга да тунгусы, и с тех де он... якутов тебе государю ясак на 147 год 6 сороков соболей»[1].

Итак, якуты обнаружены на Яне почти одновременно с двух сторон, приблизительно на тех же районах, где они живут и теперь. Эти первые походы, несомненно, носили характер поспешной разведки. Елеська Буза плыл по реке, следовательно, он мог объясачить только те группы якутов, которые жили близ устья реки. Точно также и Постник Иванов, конечно, не имел возможности объездить все жилые пункты населения, живущего разбросанно по речным системам таких притоков, как Бутантай, Дулгалах, Адыча и т. д. Один с севера, другой с юга могли натолкнуться лишь на первые поселения якутов. Но тем не менее и эти случайные встречи дают им возможность получить не малую добычу в 347 соболей. Нельзя думать, что этим двум казачьим отрядам, оперировавшим в течение одного лета, удалось собрать хотя бы одну десятую часть пушных запасов местного населения. Постник определенно говорит, что тунгусы «именем Ламутки живут на вершине Яны», а многие якутские люди «живут вниз по Янге и Онге реке». Все это достаточно ясно говорит о том, что тунгусское и якутское население и в то время распределило бассейн Яны в том же порядке, как и теперь. Ничто не указывает на то, что якуты—недавние беглецы, которые вот-вот вспыхах отобрали у тунгусов те или другие кусочки земли. Правильное распределение системы реки по разным родам хозяйства, скотоводы в центре, где реки образуют покосы, ламуты—охотники на вершине, где водится зверь, могло получиться лишь при допущении очень давней колонизации края якутами.

По изложенным соображениям мы не можем согласиться с Майновым, что на Яне была обнаружена русскими «небольшая группа якутов, почему-то оторвавшаяся от своего основного массива».

Майнов на маленькую группу казаков, которая посылается для собирания суммарных ориентировочных данных об отдаленном крае, хотел бы возложить такую же сложную задачу, как если бы это был экспедиционный отряд современной Академии Наук, на обязанности которого лежит собирание исчерпывающих данных о местах расселения всего населения с составлением подробной карты, статистического учета и т. д. Мы сомневаемся, чтобы даже такой отряд из научно-образованных статистиков, предварительно изучивших литературу о крае, снабженных подробными картами, имея везде и всюду готовые подводы, запасы питания, выполнил бы эту задачу в пределах Верхоянского края в течение одного лета. Не надо забывать, что небольшая группа казаков вторгалась в неприятельскую территорию, где им дороги неведомы, места и урочища заранее неизвестны. Они не могли разбиваться на мелкие группы, чтобы сразу охватить все наиболее заселенные районы. Они не

[1] Цитата по Майнову. стр. 331—332

владели хорошо якутским языком, чтобы составить правильные маршруты. Местное население при встречах с невиданными пришельцами должно было разбегаться в чащу леса или, будучи пойманными, замирать от страха... Конечно, казаки могли иметь проводника из Якутска, но и он мог довести их лишь до первых жилых пунктов, а дальше нужно было ориентироваться, не особенно полагаясь на местных жителей. Во всяком случае, если толковать данные первых казачьих донесений о Верхоянском крае с правильным учетом условий и обстановки того времени, они дают вполне достаточное доказательство для вывода, что якуты давно обосновались в этом крае и было их там, по всей вероятности, не малое число. Как решить вопрос о размерах якутской колонизации по системе Яны, об этом мы будем говорить особо.

5. ОКРАИННЫЕ КОЛОНИИ ЯКУТОВ И ПУТИ РУССКИХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ.

Казачьи донесения о наличии якутских поселений в Верхоянском крае имеют большое значение и при решении вопроса о времени заселения якутами Вилюйского края. Нас удивляет то обстоятельство, что Серошевский, Майнов и Попов не задумываются по поводу того странного и, казалось бы, совершенно непонятного явления, что северный Верхоянский округ, страна полюса морозов, оказался заселенным якутами-скотоводами, тогда как весь Вилюйский край, с его несравненно более благоприятными климатическими и географическими условиями для ведения скотоводческого хозяйства почти целиком, якобы, находился во владении тунгусов, этих примитивных охотников. Каждый, кто имеет даже самые элементарные сведения о путях сообщения и географических условиях Якутского края, должен знать, что Вилюйский округ намного ближе и доступнее для жителей Якутского округа, чем бассейн Яны. Мало того, почти повсюду жилые пункты двух левобережных улусов Якутского округа, Намского и Западно-Кангаласского, непосредственно соприкасаются с границей Вилюйского края. Дороги здесь пролегают по ровной местности, ленская покатость не разделяется от вилюйской высокими горными хребтами, как Верхоянский край от Якутского. Если от жилых пунктов Амгино-Ленского плоскогорья до первых населенных мест Верхоянска нужно ехать на конях чуть не целый месяц по территории, где трудно прокормить скот, то из любого пункта Лены можно добраться до русла самого Вилюя самое большее в две недели или даже в 10 дней. В Верхоянский край нужно пробираться только по известным двум-трем тропкам, а дорогу на Вилюй даже не надо и знать, ибо в любом направлении нет никаких естественных преград.

Если якуты из Якутского округа колонизовали далекий, малодоступный, суровый Верхоянский край и задолго раньше до своего появления на Вилюе занесли туда рогатый и конный скот, в то время как благодатный Вилюй был наполнен только оленными тунгусами, получается полная несообразность. Очевидно ошиблись ученые, введенные в заблуждение казачьими документами. Критически не разобрав архивные документы, они совершенно зря отводят Вилюй во владение тунгусов. Куда девались те тунгусы, кото-

рые, якобы, плотным кольцом окружали и сдерживали якутов в пределах одного Якутского округа, как предполагает Серошевский?[1] Почему это плотное тунгусское кольцо так легко и незаметно оборвалось на Вилюе, когда часть якутов двинулась туда после прихода русских? Почему вилюйские тунгусы не использовали появление русских для отстаивания своих земель, когда пришельцы-якуты стали сгонять их с насиженных родовых урочищ? Где в исторических актах следы и отражения свежих боев на Вилюе якутов с тунгусами к моменту прихода русских? Почему архивисты до сих пор не отыскали ни одной страницы, в которой заключались бы жалобы тунгусов на насилия, совершенные над ними якутами за период порусской истории? Мысль о том, что якуты до прихода русских не выходили из пределов Якутского округа, впервые была высказана, как мы указывали раньше, историком Фишером. Последний не имел возможности уделить много внимания вопросам якутской истории, ибо он был занят составлением истории завоевания всей Сибири. Поэтому мы не вправе требовать от Фишера основательной и серьезной проработки всех вопросов якутской истории.

Иное отношение должно быть к трудам Серошевского и Майнова, которые выступают в роли специалистов-якутологов. Они повторяют необоснованные суждения Фишера, не подвергая тщательному критическому изучению исторические документы. Вацлав Серошевский, высказываясь за массовые переселения якутов из пределов Якутского округа под давлением русских, выступает скорее в роли талантливого беллетриста, нежели серьезного историка. Он на протяжении целых 12 страниц, увлекшись романтическим образом тунгуса, этого лесного рыцаря, развивает красивую фантазию о мужественной обороне им своих лесов от якутского напора. Он, в интересах полноты созданного им художественного образа, отвел во владение тунгусов весь обширный Вилюйский край. Но, однако, одно дело—поэтическая фантазия, совсем другое житейская проза. Якуты-скотоводы, имея под боком просторный Вилюй с его относительно мягким климатом, луговыми местами и рыбными озерами, не стали бы переселяться в холодный и негостеприимный Верхоянский край, ибо, как говорится в русской поговорке, «от добра добра не ищут, а от овса кони не рыщут».

Если внимательно изучать исторические акты, можно найти гораздо больше прямых указаний на то, что до русской эпохи якуты колонизовали почти все известные теперь отдаленные окраины. Исследователи якутов открытие этих окраин и установление правильных сношений с ними готовы приписать инициативе русских. Они не замечают того, что все казачьи походы первых годов в отдаленные уголки Якутского края совершались по следам и установившимся дорогам самих якутов. Если бы якуты, напуганные появлением русских, впервые устремились в неведомые окраины, не имеющие постоянных сношений с общеякутскими центрами, то невозможно допустить, чтобы казаки так быстро снаряжали свои походы с точно рассчитанными маршрутами. Конечно, не они сами находили сухопутные дороги во все дебри

[1] Якуты стр. 223

Верхоянского края, Индигирки, Колымы, а местные проводники из якутов. Казаки, вне всякого сомнения, действовали не только одной открытой силой, но могли тряхнуть и мошной, вербуя себе сторонников.

В собранном нами сборнике народных преданий [1] среди сказаний якутов Верхоянского округа имеется один рассказ, в котором сообщается, что «русское войско привел в Верхоянский край якут из «Дайды» (так называют там Якутский округ), по имени Бэрт-Чёрёгёр». «Бэрт»—дополнительное прозвище, которое значит—молодец, удалец. Таких «молодцов»-землепроходцев, конечно, было не мало и среди челяди якутских феодалов. Они до недавнего времени совершали отдаленные поездки по поручениям своих тоёнов.

Упомянутый нами выше открыватель Верхоянского края, Постник Иванов, с 27-ю товарищами непосредственно из Верхоянска едет в верховья Индигирки—объясачивать ламутов и юкагиров.[2] Мог ли он сам без помощи местных людей ориентироваться в неведомой стране? Конечно, не мог. Вероятно, за сотни лет до него все пути-дороги были открыты и пройдены взад и вперед аборигенами края. Весьма возможно, что русскому владычеству предшествовало якутское, при котором проторились все тропы и создался кадр опытных проводников и знатоков края. Только при их содействии Постники могли обходить все топкие места и трясины, находить броды и удобные горные проходы и т. д. Для большей наглядности мы позволим себе иллюстрировать это положение следующим зарегистрированным фактом о беспомощности русского человека в лесах и дебрях Верхоянского края.

В 80-тых годах прошлого столетия трое политических ссыльных, поселенных в г. Верхоянске, Вацлав Серошевский, известный этнограф и бытописатель якутов, С. Е. Лион и Царевский решили бежать по тайге. Сначала они намеревались добраться до г. Якутска, а потом двинулись и дальше. Обо всех подробностях этого интересного побега рассказывает один из участников, Лион, в своих воспоминаниях, озаглавленных—«Революционеры за полярным кругом».[3] Беглецы купили лошадь, чтобы навьючить свой багаж и запасы продовольствия, достали карту, по ней тщательно изучили кратчайший путь, нашли также и компас. Иными словами, вооружились как подобает образованным людям, чтобы правильно ориентироваться в необозримой тайге. Наконец, настал назначенный день. Беглецы «трогательно и сердечно простились» с остающимися товарищами... Оставляют проклятый Верхоянск и углубляются в лес по направлению к Якутску. Шли пять суток, приближаясь к дальней цели. Дальше мы предоставим слово самому Лиону.

«На пятый день, к величайшей нашей радости, лес стал постепенно редеть, и к вечеру мы увидели пред собой красивые луговые пространства... но... радость наша сменилась леденящим ужасом: невдалеке мы увидели церковь и разбросанные юрты проклятого Верхоянска...»

Вот что значит самим пробивать дорогу без помощи местных людей.

---

[1] См. Эллэйада. § 212 А.
[2] См. доп. к Ист. Акт. т. II стр. 224.
[3] Москва. 1925 г. Вып. II стр. 67—82.

И вот почему современным историкам нельзя забывать о той огромной работе, которую задолго до появления русских проделали тунгусы и якуты в области практического ознакомления с географией и топографией занятой ими территории и сопредельных стран. Вацлав Серошевский, приписывая первым русским завоевателям открывание дорог во все отдаленные окраины Якутского края, забыл свой собственный горький опыт по отысканию прямых путей из Верхоянска в Якутск. Ни чудесный компас, ни тщательное изучение географической карты не могли обеспечить им ту осведомленность, которая дается тунгусу или якуту путем длительного опыта. И. И. Майнов тоже проделал тот же неудачный опыт побега через якутскую тайгу вместе с Михалевичем и Терещенко в августе 1888 г.[1]

Попутно мы заметим здесь, что все тунгусские весенние и летние стоянки по берегам реки в Олекминском и Вилюйском крае, конечно, обязаны своим происхождением меновым взаимоотношениям с якутами, которые устанавливали постоянный товарообмен с таежными и захребетными тунгусами. Последние при выборе своих сезонных стоянок должны были считаться с удобствами своих покупателей, которые прибывали к ним верхом на конях или на берестяных ветках по реке. И вот почему казаки натыкались повсюду на тунгусов, имеющих большие запасы соболей и лисиц, не для них предназначенные. Эта налаженность торгового дела в крае, наличие определенных ярмарочных пунктов с удобными путями, развитая охотничье-промысловая клиентура якутов, заранее увязанные тюки пушнины в ожидании своих обычных покупателей, все в общей совокупности должно было обусловить необычайно богатый урожай пушной добычи при первых неожиданных казачьих налетах. Это обстоятельство вызвало среди русских сильный ажиотаж и преувеличенное представление о пушных богатствах Ленского края. В кругах енисейских казаков и вольнопромышленных людей Лена по обилию пушнины стала притчей во языцех. Туда потянулась ватага вольных промышленников. Каждый казачий отряд сопровождался такой вольницей в количестве, значительно превосходящем воинские силы. Так, например, в походе упомянутого выше Елеськи Юрьева (Бузы) на Оленек и реку Яну при 10-ти казаках участвует 40 человек промышленников.

Историк Якутии Григорий Попов пишет:

«В короткий промежуток времени якутские казаки исколесили почти всю нынешнюю территорию Якутского края... Одно перечисление конечных пунктов проникновения якутских казаков должно изумить воображение читателя».[2]

Но почему вся ленская пушнина группировалась партиями, почему она сосредоточивалась в известных пунктах, почему тунгусы безграничных таежных дебрей имели постоянные выходы, почему все пути-дороги в пушные районы были ведомы в центре Якутии, об истинных причинах этого явления ни Гр. Попов и ни другие исследователи совсем не догадываются.

---

[1] См. М. Кротов. Якутская ссылка 70—80 г.г. Москва. 1925 г. стр. 198.
[2] См. Г. А. Попов. „История Якутии". Якутск. 1924 г. стр. 24—25

Мы имеем не мало ярких доказательств того, что русские люди того времени по достоинству оценили налаженность торгового аппарата Якутского края по сравнению с соседним Енисеем. Недаром в официальных документах первого времени за Леной укоренилось особое почетное звание «великая река Лена», а сами якуты заслужили в этнографической литературе не то похвальную, не то ругательную славу весьма опытных и ловких торгашей и притом даже безотносительно к своему классовому происхождению.

Ко времени прихода казаков якуты давным давно открыли и проложили дорогу в далекий Оймяконский край, расположенный в верховьях реки Индигирки близ Охотского побережья.

И. И. Майнов, разобравшись по актам 1639 года в походах казаков на Амгу и Алдан в землю Сылапских, Батулинских и Нахарских родов, заключает:

«Из этих сообщений, как и из других подобных им, видно, что восточной границей распространения якутов за Леной уже тогда служила река Амга, тогда как на севере якутские кочевья кое-где продвигались до Алдана, но чаще не продвигались до самой этой реки, а занимали верхнее и среднее течение впадающих в Алдан рек Танды и Баяги... Мы с полной уверенностью можем ограничить якутскую территорию той поры намеченными выше пределами»[1].

Майнов вообще очень быстро и легко уверяется, не просмотрев даже опубликованные акты периода казачьих завоеваний. Н. Оглоблин напечатал челобитные Семена Дежнева, из которых видно, что последний совершал походы на далекий Вилюй в пределы современного Верхне-Вилюйского улуса и на дальний Оймекон для объясачения якутов. О своем походе на Вилюй Дежнев пишет так:

«И в прошлом в 147 г. (1639 т.) с сыном боярским с Парфеном Ходыревым и служилыми людьми служил я, холоп твой, с ними в Якутском остроге всякие твои государевы службы. И при нем, Парфене Ходыреве, Кангаласского роду князец Сахей убил двух человек служилых людей, Федорка Шиврина да Елфина Зипунка, и убив тех служилых людей, тот Сахейко збежал с своих жилищ в дальние места в Орготцкую волость, и в тае Орготцкую волость посылан был служилый человек Иван Метлех для твоего государева ясачного збору, и сын его Сахеев Тоглойко и того служилого Ивана Метлеха убил. И сын боярский Парфеней Ходырев посылал меня холопа твоего для государева ясачного сбору в тае ж Оргутцкую волость и я холоп с того князца Сахея и ево детей и с его родников и с иных Оргутцких якутов взял с них твоего государева ясаку 3 сорока 20 соболей»[2].

Кангаласский князец Сахей бежит в «дальние места». Якуты Ёргётского наслега (в офиц. документ. Орготский) занимают очень обширную территорию, прилегающую к границам Западно-Кангаласского улуса. Оргетские якуты, как ближайшие из вилюйчан, постоянно ездят в приленские

---

[1] Там же, стр. 329—330

[2] См. Н. Оглоблин. Семен Дежнев. Спб. 1890. 54 стр.

наслеги Западно-Кангаласского улуса для приработков и вывоза хлеба, по их территории пролегает дорога Олекминск—Вилюйск. Через этот же наслег существует ближайший путь к Кемпендяйским соляным источникам. Не ясно ли, что оргётцы жили и живут там же, куда ездил Семен Дежнев в погоню за Кангаласским князцом Сахейко? Из сообщения Дежнева ясно видно, что оргётцы в своих «дальних местах» являются старожилами.

Осенью того же 1639 г. письменный голова Василий Поярков посылает Дежнева «через Камень, на Яну реку с 15-ю человеками»... «И мы, холопи твои, на Яне реке с якутских людей твоего великого государя ясаку взяли 8 сороков 20 соболей, да 2 лисицы бурых» (т. е. через 2 года после похода Постника Иванова).

Еще через 3 года (в 1642 г.) воевода Петр Головин посылает Дежнева с служилым человеком Михаилом Стародухиным с 14-ю товарищами на Оемокон реку для ясачного сбору. «И мы, холопи твои, на Оемоконе с тунгусково князца Чоны и с ево братьи и родников и с якутов взяли твоего государева ясаку против прежнего с прибылью».

Отсюда мы видим, что Оймякон имел якутское население. Оймякон, как богатый пушной и промышленный район, был известен якутам исстари, оймяконская чернобурая лиса и густая тайга являются излюбленными поэтическими образами в якутских богатырских былинах. Слава о пушном богатстве, конечно, и побуждала казаков совершать эти дальние походы. Если бы Верхоянск, Оймякон не имели в центрах якутских поселений обширного потребительного рынка, то можно ли допустить в них такие значительные пушные запасы—в 300 и более соболей, которые захватываются казаками в одну поездку?

Мы не будем отрицать того, что в Оймякон и на Вилюй было беженчество из Якутского округа, но началось ли оно лишь со времени прихода казаков и носило ли такой повальный характер, как это представляется историкам Якутии? Дальше мы увидим, что и в собственной истории якутов было не мало моментов, когда развивалось единичное и групповое бегство в дальние окраины, благодаря чему последние к моменту прихода русских были все известны и имели уже старожильческое якутское население, которое и послужило щупальцами для быстрого распространения и русского владычества. Вот почему, куда ни приходят русские казаки, они везде и всюду находят готовые, уже выявленные и ежегодно собираемые пушные богатства.

Из той же челобитной Дежнева мы узнаем, что он со Стародухиным, сделав кочь, из Оймякона спустились по Индигирке, и там обнаружили Алазейских юкагиров и юкагиров «оймоков» (Омук по якутски—чужеплеменник или человек иного рода, улуса) на Ковыме реке (Колыма). Не трудно понять, что Дежнев шел по информациям и путям сообщения якутов и тунгусов, которые тоже могли собирать ясак еще задолго до прихода русских.

Не мешает кстати отметить здесь, что и самые слова «ясак», «аманат» не исконные русские слова, а заимствованные от турко-монгольских племен, которые, наступая из южно-русских степей на лесную полосу Европейской России, завели эту практику сбирания ясака и ловли аманатов. «Ясак на

языке монгольских и тюркских племен обозначает дань, уплачиваемую обыкновенно натурой, главным образом, пушниной, мягкою рухлядью»[1].

На тюркских наречиях «йаса», «йасак»—царский приказ, уложение, постановление, закон, штраф, наказание, дань, подать.[2] Отсюда и «йасаул» (русский казач. чин—есаул)—уставщик, исполнитель повелений, конная стража, капрал дворцовой стражи и т. д.[3].

Якутский язык интересен тем, что сохранил основу этих слов и понятий: джасай, джасайар—распоряжаться, управлять, приказывать, джасал—распоряжение, указ, приказ, усмотрение, закон. Ясак по-якутски должен был бы звучать—«джасах», но он утрачен. «Джасах»—встречается лишь в форме бессознательного переживания, например, «албан-джасах аат»—в смысле славное, широко известное имя, но при сравнительном с тюркскими и монгольскими наречиями анализе можно переводить—должностное, законом присвоенное имя.

«Аманат» происходит от «алма, алман, албан»—взятие, подать, ясак.[4] Корень «ал» (по якутски—ыл)—брать, взять, взять себе.

Русские принесли якутам не мало древне-турецких слов и терминов, занесенных к ним кочевниками, следы которых все еще сохраняются в якутском языке и в их былинном эпосе. Приведем несколько примеров. Русскому «булат, булатный» в якутском языке соответствует «болот»—меч; «сайдак»—налучник, колчан, у якутов «саадах»; «куйак»—латы, броня сохраняется без изменения—куньах (куйах); чепрак—«чапараак»; торока—«тёргюю»; даже такие слова как «торговать, торговля», повидимому, находятся в связи с названием шелка и мануфактурных тканей на древне-турецких языках—«торго».

Перейдем к нашим заключительным выводам.

Критическое изучение документов, относящихся ко времени установления русской власти в Якутии, приводит нас к убеждению, что господствующее в старой литературе мнение о пределах распространения якутского племени до прихода русских основано на простом неведении и отсутствии серьезного научного интереса к делу изучения истории малых народов.

Весь обширный Вилюйский край, за исключением небольшого клочка земли по р. Чоне, должен быть показан исконной якутской территорией, где якуты-скотоводы жили и живут, эксплоатируя те самые места, которые они занимали в момент прибытия казаков. В связи с этим фактом пред историком, разрабатывающим вопросы древней истории якутов, возникает серьезная дилемма:—якуты, переселявшиеся из Прибайкалья на север, заняли раньше территорию Якутского или Вилюйского округа?

Точно также почти весь Верхоянский край, за исключением средней части бассейна Индигирки, где позже мы находим маленький Эльтетский улус с населением в 2000 человек об. п., был занят якутами-скотоводами.

---

[1] См. М. Кроль. Статья „ясак" в энц. Слов. Брокк. 82 полутом 840 стр.
[2] См. В. В. Радлов. Опыт словаря тюрск. наречий т. 3. стр. 214—216.
[3] Там же стр. 215
[4] Там же т. I стр. 436—437.

Следовательно, и появление якутов в этой стране полюса морозов встает пред взором историка как факт незапамятной древности, выходящей далеко за пределы трехвекового господства русской власти.

Если якутская скотоводческая колонизация задолго раньше до прихода русских казаков захватила все удобные сельскохозяйственные угодья в бассейнах Вилюя и Яны, то на основании каких данных вся полярная часть современной Якутии от Хатанги на западе и на восток, по крайней мере, до устья Яны должна быть показана свободной от своего теперешнего по-якутски говорящего населения? Если якуты-оленеводы, охотники и рыболовы б. Жиганского улуса, от которого позже выделился маленький Устьянский улус, имеющий 1000 душ населения, в момент появления казаков сидели на своих местах, т. е. в низовьях Лены до ее дельты и до устья соседней Яны, то и картина распространения якутов по полярному северу, которую мы можем наблюдать теперь, отодвигается вглубь давно прошедших веков. Из полярных владений по-якутски говорящего народа мы были бы вправе исключить только Колымский север, где небольшая колония якутов-скотоводов в составе 3000 человек об. п. появилась после установления власти русских царей.

Итак, «чудесное», как пишет Серошевский, перемещение почти половины якутского племени за пределы б. Якутского округа после прибытия русских мы должны и обязаны понять лишь как «чудо» простого неведения и полной беспризорности истории малых народов, населявших окраинные колонии императорской России.

В тесной связи с установленными фактами распространения якутов по необъятным просторам современной Якутской республики три столетия тому назад историческая проблема о времени появления якутов в пределах северо-восточной Сибири получает очень серьезный характер, ибо и продолжительность периода, потраченного якутами на постепенное занятие такой обширной территории, не может не возрастать пропорционально квадратуре последней. Пред историком древней Якутии вырисовывается целая анфилада веков, упирающихся, может быть, к началу нашей эры, когда в глубинах центральной Азии совершались великие перевороты, столкновения племен и народов, вызвавшие повальные переселения народов в прилегающих частях Сибири задолго раньше до эпохи, так называемого, «великого переселения» народов в Европе. Раньше мы ознакомили наших читателей с теоретическим спором двух знаменитых академиков-лингвистов, Бётлингка и Радлова, по вопросу о древности или молодости якутского языка, следовательно, и народа. Этот спор с некоторым перевесом научного мнения Бётлингка продолжается и теперь, ибо велико обаяние имени и научных заслуг и академика Радлова. Рассмотренные нами исторические документы эпохи завоевания казаками всего Ленского края, по нашему мнению, всей своей тяжестью ложатся на сторону взглядов академика Бётлингка, ввиду чего надлежало бы этот давний теоретический спор признать ликвидированным. Лавры русского Мильтиада в области научной туркологии, которые долго не давали спать позднему Фемистоклу, должны быть присуждены окончательно и бесповоротно академику Бётлингку.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СЕВЕРНЫЕ ЯКУТЫ

Таастарыкка тахсан
Тангаралыыр кыылын
Тангнарыта кэйэн
Тамахтанан олорор,
Хонууларга тахсан
Курапааскыыр кыылы
Хомуйаахтаан киирэн
Кусуохтанан олорор
Хотокулар буалабыт!

Из народных песен северных якутов. (Перевод см. Прил.)

Глава I

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О СЕВЕРНЫХ ЯКУТАХ-ОЛЕНЕВОДАХ

1. ЯКУТЫ-ОЛЕНЕВОДЫ В ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ЦАРСКОГО ПЕРИОДА.

Якуты на протяжении всего исторического периода, освещаемого четкими писаными документами, распадаются на два обособленных отдела, а именно, на скотоводов, размножающих конный и рогатый скот, и на оленеводов, в хозяйстве которых охота и рыболовство играют не меньшую роль, являясь его конститутивными элементами. Первую группу мы условно называем южными якутами или якутами-скотоводами, а вторую северными якутами или якутами-оленеводами, разлагая последний термин на его составные элементы: оленеводство, охоту и рыболовство.

До сих пор якутам-оленеводам в смысле изучения основ их экономического быта, обычаев и правов, не говоря, конечно, об истории, совсем не везло. Самые компетентные и присяжные якутоведы все свои рассуждения о бытии и прошлых судьбах якутской народности ведут так, как если бы она была совершенно однородна и едина, по существенным признакам своего хозяйства и быта. Вопрос о существовании совершенно отличной от всей остальной якутской массы культурно-исторической группы «северных якутов» в известной нам научной литературе, унаследованной от царского периода, совсем не затронут. Этот случайный пробел, повидимому, всего проще объясняется тем обстоятельством, что район обитания якутов-оленеводов, а именно, северо-западный угол Якутского края, не посещался компетентными этнографами, которые имели бы ясное представление об якутском племени.

Два знаменитых автора старого времени, Миддендорф и Маак, столкнувшиеся с северными якутами, оба были натуралистами, а кроме того, в их время научная якутология только что зарождалась. Вторая причина слабой изученности северных якутов заключается в том, что занятая ими обширная территория не объединена в административном отношении и не имеет одного цент-

ра экономического тяготения. Будучи разорваны пополам между ленскими и енисейскими центрами и историческими путями, северные якуты изучались порознь с двух сторон. Этнографы, которые сталкивались с частью якутов-оленеводов, приписанных к Туруханскому краю, в собственно якутских центрах не бывали, подлинных якутов-скотоводов не видели, не владели и якутским языком. Поэтому вполне понятно, что исследователи с енисейской стороны не имели фактической возможности поднять вопрос о классификации якутов по их культурно-экономическим признакам. Таковы труды А. Мордвинова, П. Третьякова, Н. Кострова, Н. Латкина и многих других бытописателей приенисейского Севера.

Протоиерей Хитров дал краткое этнографическое описание якутов Жиганского улуса, которые принадлежат к составу оленеводов ленского севера [1]. И этот автор не подозревал, что в лице жиганских якутов сталкивается с небольшой частью довольно обширной культурно-бытовой единицы якутского племени. Кроме того, он и не пытался сопоставлять жиганцев с якутами южных скотоводческих центров.

Позднее северные якуты частично были задеты в трудах компетентного по якутам этнографа В. Н. Васильева[2]. Но и он не смог выбраться из тупика ранних енисейских исследователей, ибо в его распоряжении не оказалось сравнительного материала по быту якутов-оленеводов ленского тяготения. Для этого автора характерно, например, то, что он, наткнувшись среди тунгусов Туруханского края на элементы героического эпоса полярных якутов, приписал их первым. На этом вопросе мы остановимся подробно позже при описании быта и нравов северных якутов. Кроме того, мы были бы и не вправе предъявлять Васильеву особые требования по части общих классификационных схем в деле понимания якутской культуры, ибо пред ним, как полевым этнографом, стояли лишь задачи точного описания фактов. По туруханским якутам и долганам этнографические материалы Васильева представляют из себя единственно надежный и ценный научный источник. Языком якутов он владел в совершенстве и был опытным этнографом.

Наконец, третья причина неудовлетворительного состояния наших знаний об оленных якутах заключается в смешении их с тунгусами, которые вообще чрезвычайно легко утрачивают свои культурно-этнические признаки.

Ввиду изложенного нельзя удивляться и тому обстоятельству, что своеобразная и самобытная культура северных якутов осталась вне поля зрения такого талантливого якутоведа, как Вацлав Серошевский, давшего в своих «Якутах» общую сводку как литературных, так и им самим собранных этнографических данных. Его личные наблюдения ограничивались центральными районами Верхоянского и Колымского округов, где живут якуты, веду-

---

1. Д. Хитров. Описание Жиганского улуса. Зап. Сибирск. Отд. Русс. Геогр. Об-ва 1856 г. кн. I., стр. 53—83).

2. Краткий очерк инородцев Туруханского края. Ежегод. Русс. Антроп. Общ. 1905 –1907 г. № 2. Изображения долгано-якутских духов, как атрибуты шаманства. Живая Старина. 1909 г. № 2—3. Якутские названия разных предметов, собранных среди долган-якутов Енисейской губ.

щие скотоводческое хозяйство обычного типа и лишь в виде исключения обращающиеся к оленеводству. Поэтому он делает следующие, обобщающие всех якутов, неверные заключения: «Якуты крайне неохотно заводят оленей, которых они откровенно зовут иноземным скотом. «Якутов-оленеводов, вроде чукчей или самоедов, совсем нет»... «Якуты Колымского округа разводят их исключительно почти ради почтовой гоньбы. Только в Жиганском да в Устьянском, да в северной части Эльгетского улуса есть якуты, обладающие настолько крупными стадами, что можно счесть их за оленеводов. Но таких мало, Я знаю всего одного из них; это некто Мартын, богач Эгинского наслега Верхоянского улуса, у которого, говорят, было до 2000 голов [1].

Богач Эгинского наслега Верхоянского улуса, выделившийся из среды якутов-скотоводов, конечно, ни в какой степени не может характеризовать тип оленного якута северо-запада ЯАССР, который, кроме оленей и собак, не видит около себя других домашних животных. Приведенное мнение Серошевского создает принципиальную путаницу и стирает резкую грань, существующую между якутами-скотоводами и оленеводами не только по основным признакам их экономического быта, но и по культурно-бытовым особенностям. Это неразличение двух обособленных отделов якутского племени наиболее отрицательное влияние имело в деле изучения истории его постепенного распространения с юга на север, от тепла к холоду, ибо передвижение народа с места на место в первую очередь должно обусловливаться интересами его основного хозяйственного занятия. Чтобы уяснить себе роль якутов-оленеводов в истории древних якутских переселений, необходимо прежде всего проверить существование среди якутов оленеводческого быта. Когда и как среди них появились оленеводы, каково их этническое происхождение, нельзя ли допустить раннее переселение из Прибайкалья в бассейн средней Лены этих якутов-оленеводов или, может быть, вполне объякученных тунгусов, культурно и этнически перемешавшихся с якутами? Для историка якутского народа все эти вопросы имеют первостепенную важность, ибо, при допущении в его составе очень давнего оленеводческого ответвления, при движении на север шедшего в авангарде всей остальной массы, задача понимания исторических событий, увлекших исконно скотоводческий народ на север в зону оленеводческого хозяйства, облегчается наполовину.

Историков издавна интересует вопрос о том, почему якуты оторвались от общей массы турецких племен и со своим рогатым и конным скотом очутились в окружении тунгусов-оленеводов, образовав посреди их совершенно чуждый, этнически и культурно, остров. Большинство исследователей отход якутов на север из пределов Прибайкалья обычно ставит в связь с притеснениями иноплеменных соседей, в частности ссылаются на нашествие из Забайкалья и верховьев Амура бурят-монголов. Но гипотеза отступления якутов

---

1. „Якуты". 307 стр.

на север, в зону оленеводческого хозяйства, под непосредственным натиском иноплеменного народа в условиях ленской действительности представляется совершенно нежизненным и кабинетным построением. Целый народ со скотом не может двигаться на авось в неведомую страну, где до того жили лишь оленеводы, охотники и рыболовы. Это значило бы обречь на гибель весь свой скот, а самих себя на неизбежную голодную смерть. При таких условиях каждый народ предпочтет отдаться на милость победителей, кем бы они ни были. С другой стороны, нельзя допускать, чтобы правящая верхушка якутов могла обладать столь сильной властью и авторитетом, чтобы весь народ следовал за ней чуть ли не в тартарары. Нашествие любого сильного неприятеля, в конце концов, означает прежде всего смену начальствующих лиц, а народные низы с признанием власти победителей обычно сохраняют свое прежнее положение. Наконец, если, паче чаяния, на якутское племя, когда оно занимало всю область Предбайкалья, нагрянули с востока всей массой монголо-буряты, то пред якутами оставался бы совершенно свободный тыл на запад, где родственные им турецкие народы издавна вели такое же как и у них скотоводческое хозяйство. В момент общенациональной опасности быть или не быть скотоводческий народ должен искать пути спасения только в тех странах, где он мог бы рассчитывать на продолжение своего привычного хозяйственного занятия. Гипотеза неожиданного нашествия на прибайкальских якутов бурят откуда-то с востока при наличии у первых енисейского тыла терпит фиаско. Самый факт проживания якутов на Лене громко вопиет об отсутствии у них исторических корней и родственных связей на запад от Предбайкалья. Если бы они имели хотя бы самое слабое представление о тех благодатных странах Южной Сибири, которые начинались всего-навсего в 700 км от истока Ангары и в момент русского завоевания почти пустовали, то вряд ли они превратились в обитателей чрезмерно сурового и оторванного от всего остального мира Ленского края. Различить очертания просторных степей и прекрасных урманов Канского, Минусинского, Ачинского и Красноярского уезда б. Енисейской губ. и дальше Мариинского, Каинского и проч. уездов б. Томской губ. могло помешать якутам-скотоводам только бурятское средостение. Как дальше убедимся, именно буряты Эхирит-Булагатского аймака, народ отборных охотников и метких стрелков, стоя живой и упругой стеной, заслоняли от якутов Южную Сибирь. Следовательно, историки якутов и бурят буржуазного периода, которые, приведя первых с запада, а последних с востока, заставляли их сталкиваться лбами в Приангарье, проповедывали свою собственную идеалистическую чепуху, которая, с точки зрения экономической географии Южной и Восточной Сибири, не выдерживает критики.

Переселение якутов вглубь Лены неизбежно предполагает поднятие этой дикой страны на новую ступень хозяйственного развития. Эта задача могла быть выполнена лишь при условии мирной обстановки небольшими отрядами колонистов, пользующихся материальными ресурсами своей метрополии и непрерывающих с ней хозяйственных взаимоотношений. Гипотезу скачкообразного перелета целого народа из Прибайкалья в бассейн Средней Лены нужно

заменить теорией распространения якутской колонизации в этих областях задолго раньше их массовых переселений. Причины возникновения и органического роста этих северных колоний прибайкальских якутов могли быть весьма разнообразны: естественный прирост населения, междуродовая борьба, отражение на якутах общих судеб древне-турецкого народа, классовый гнет, развитие торговли дорогой пушниной, эксплоатация отсталых народов дальнего Севера, передвижка самих якутов в пределах Прибайкалья в результате уступки части своих земель наседающим сильным вратам и т. д. Подробно всеми этими вопросами мы займемся в следующих главах. В настоящий момент нас интересует роль оленеводческой части якутского племени в истории его древних переселений с юга на север.

Существование вполне самобытного оленеводческого ответвления якутов, занимающего в настоящее время самые северные пределы Якутского края, убеждает нас в том, что якутская колонизация на Лене могла начаться и началась с переселения туда в ранние исторические эпохи этих оленеводов, одновременно охотников и рыбаков. Как дальше увидим, они составились из объякученных тунгусов со значительной примесью отунгусившихся по быту монгольских и якутских родов. На базе этой якуто-монголо-тунгусской оленеводческой культуры в бассейне Средней Лены и могла возникнуть значительно позже колония якутов-скотоводов. Без оленеводческого подножия мы лично и не мыслим возможности насаждения и развития на Лене культуры рогатого и конного скота. Каждая высшая хозяйственная культура не может сразу завоевать новую территорию, в особенности при переходе с более благоприятных условий на менее благоприятные. Она неизбежно должна была пройти тепличную и бездоходную стадию своего существования. В частности, говоря о конном и рогатом скоте в условиях современного Якутского края, мы должны признать, что якуты-колонисты первых веков свой хозяйственный план не могли строить на размножении скота, пригнанного из далекого юга. Местный олень, охота и рыболовство вот три кита, на чем могла держаться экономика ранних переселенцев. И вот почему при наших попытках реконструировать ранние этапы якутской истории на Лене приобретает особенную важность изучение быта, материального и духовного, северных оленных якутов. С их переселением из Прибайкалья на Лену, по нашему мнению, занялась заря последующей общеякутской истории. Весьма возможно, что при отсутствии этих объякученных оленеводов исторические судьбы якутского племени сложились бы совершенно иначе.

Поэтому-то мы и сочли необходимым подробнее остановиться на этом забытом и обойденном участке якутской этнографии, на якутах-скотоводах. Какова их численность, в чем заключаются своеобразие и особенности их быта, материального и духовного, можно ли отличить их от местных, позже объякученных тунгусов и ламутов, наконец, какими данными могла бы располагать современная историческая наука в интересах восстановления их первоначального этнического происхождения и давности переселения из областей Прибайкалья на север? Посильные ответы на все эти вопросы мы попытаемся дать в нижеследующих страницах.

2. РУССКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ И ЭКОНОМИКА ЯКУТСКОГО СЕВЕРА.

Раньше мы убедились, что русские казаки в эпоху завоевания края ошибочно относили к тунгусам оленеводов Жиганского улуса, который позже разделился на два—Жиганский и Устьянский. Эта ошибка, повидимому, вскоре же была выправлена, ибо по ясачным книгам воеводы Бармешлева в Жиганском зимовье значатся 332 ясачных плательщика «якутов и тунгусов»[1].

В Жиганском улусе, в составе которого числилась, несомненно, большая часть плательщиков прежнего Жиганского зимовья, до последних дней самодержавия во всех официальных документах различались якуты и тунгусы, а именно, восемь якутских наслегов—четыре Хатыгинских, два Батулинских, один Туматский и один Кангаласский от двух тунгусских наслегов или родов—Эжанского и Кюпского. Это племенное различие тем более знаменательно, что ни по образу жизни, ни по языку и по местам расселения названные якутские и тунгусские роды не отличаются друг от друга. Эту этническую номенклатуру царского периода мы не имеем основания признать ни чьей-либо выдумкой и ни канцелярской ошибкой: именно так разграничивает себя само местное население Жиганского улуса. Эжанцы и Кюпцы называют себя тунгусами, а остальные роды якутами. С другой стороны, само название первых вполне согласуется с существованием Эжанского и Кюпского родов среди тунгусов Алдана и Маи, от которых они когда-то должны были оторваться. Никто и не сможет доказать нам, что 332 ясачных души воеводы Бармешлева были исключительно тунгусами и что восемь якутских наслегов Жиганского улуса появились в период порусской истории.

Что якуты Жиганского улуса в первые же годы появления русских занимали ту же территорию, где мы застаем их теперь, довольно убедительно свидетельствует донесение или послужной список сотника Петра Бекетова об объясачении в низовьях Лены долганов и жиганов и постройке на их земле Жиганского зимовья, а также и чертёж «всех Сибирских градов и земель» Ремезова, относящийся к 1698 г., в котором «жиганы» показаны почти у самого устья Лены намного ниже г. Жиганска. Характерно и то, что самому большому острову дельты Лены в старинных картах дается наименование «Туманский»[2]. Это название, несомненно, происходит от имени якутского наслега «Тумат», который и теперь занимает часть островов у дельты Лены. Географическое название «Тумат» прежде чем попасть на карту должно было очень долго существовать в быту, по всей вероятности, с первых же лет русского завоевания или даже задолго раньше. Русские промышленники обосновались у устья Лены и Оленека тоже очень рано, повидимому, в начальные же годы объясачения края. Между прочим, рядом с островом Туманским у дельты Лены находим «Остров Крестьянский» и «Крестьянскую про-

---

1. См. Допол. к Истор. Акт. т. VI, № 136.

2. См. карту „устие Лены и северной части Якутского уезда", изданную Акад. Наук в 1745 г. Сборник „Якутия". 38—39. Карта Ремезова воспроизведена там же, стр. 16—17.

току»[1]. Если бы на Тумацком острове искони веков не обитали якуты Туматского наслега, то этот остров должен был бы получить какое-либо русское название. Эти факты свидетельствуют о том, что расселение якутских родов и наслегов в низовьях Лены с начала порусской истории почти не потерпело изменений.

Якуты Жиганского улуса, или «жиганы» сотника Бекетова, в момент своего объясачения коней и коров, конечно, не имели, как не знают их и теперь. Они были и остались исключительно оленеводами, охотниками и рыболовами. Вообще по берегам Лены ниже устья Вилюя не существует хозяев с якутским скотом.

От устья реки Омолоя до низовьев Индигирки в побережной полосе Полярного моря мы находим теперь целый якутский улус, Устьянский. Экономический быт этого улуса тот же самый, что и в Жиганском, т. е. оленеводство, охота и рыболовство. Если и констатируются кое-какие различия, то они количественные, а не качественные. Среди устьянцев был более развит песцовый промысел, который в свою очередь вызвал езду на собаках. Но, как увидим дальше, эти различия в экономике устьянцев не являются искониыми и вызваны новыми факторами порусской истории. Если судить по названиям наслегов, то Устьянский улус надо признать отделившимся от Жиганского сравнительно позже. И в том и в другом улусе имеются по два одноименных наслега—Туматский и Батулинский. По всем признакам своего материального и духовного быта, о чем у нас речь еще впереди, устьянцы точно также являются неотъемлемой частью якутов Жиганского улуса. В составе Устьянского улуса имеется лишь один маленький наслег—Куринский, образовавшийся из позже переселившихся якутов Верхоянского улуса, что устанавливается наличием в составе последнего сонменного Куринского же наслега. Следовательно, это будет небольшая примесь из числа якутов-скотоводов.

Якуты Устьянского улуса во времена воеводы Барнешлева должны были платить ясак в Жиганское зимовье совместно с прочими «жиганами», ибо тогда по Устьянскому зимовью значились лишь 64 ясачных души одних «юкатирей»[2]. Но по ясачным окладам 1736 г. в Устьянском зимовье значатся уже 116 душ—«якутов, ламутов и юкатирей»[3]. Эти документированные данные, на первый взгляд, свидетельствуют как будто о том, что якуты в пределах быв. Устьянского улуса появились лишь за время русского владычества в промежуток времени от 1676 г. до 1736 г. Но этот вывод будет скороспелым, ибо официальная приписка бродячих оленеводов к тому или другому зимовью еще не указывает ни границ и ни пределов их кочевий. Например, якуты-оленеводы, зимующие около озера Есей, платили ясак и подати искони в Туруханске, а между тем каждое лето появлялись у устья

---

[1]. Там же.

[2]. См. допол. к Истор. Акт. т. VI № 136.

[3]. Ясачные оклады этого года приводятся в статье Н. В. Во́ленс—„Очерки хозяйственного строя Якутии". Сборн. „Якутия". Стр. 680,

р. Оленека, т. е. пределах быв. Верхоянского округа. Часть тех же якутов летом бродила по Таймырскому полуострову.

Якуты и тунгусы оленеводы тундру используют лишь как район для летнего кочевания и охоты на диких оленей, а на время зимних морозов уходят со своими стадами далеко вглубь лесов. Судя по орбитам кочевок упомянутых выше есейских якутов, оленеводы расстояниями вообще не стесняются. Они оседло живут только в период наиболее жестоких зимних месяцев, а остальные восемь месяцев все время перекочевывают с места на место. Вот почему территория, эксплоатируемая бродячими охотниками-оленеводами, может быть необычайно обширной.

Но со времени установления русского владычества в быту якутов-оленеводов совершилась целая экономическая революция, которая привязала подавляющее большинство их к берегам Ледовитого океана в течение круглого года, ввиду чего они утратили свое прежнее единство и территориально обособились друг от друга, превратившись в постоянных обитателей отдельных участков тундры. Ключ для понимания этого явления заключается в одном слове «песец».

Дело в том, что оленеводы севера Якутской республики до прихода русских не могли заниматься песцовым промыслом в тех размерах, в каких он существует у них, вероятно, за два последних столетия. Как всем известно, песец водится по берегам Ледовитого океана. Промышляют его особыми самоловами или пастями, настораживаемыми на тундре по преимуществу близ берегов океана. Каждый промышленник имеет по сотне и более ловушек, которые объезжаются и высматриваются в зимнее время по нескольку раз. Поэтому охотники за песцовыми шкурками должны зимовать у края полярного леса или даже на берегу океана, чтобы своевременно вынимать дорогую добычу. Следовательно, со времени развития песцового промысла полярный оленевод поневоле превращается в постоянного обитателя того или иного участка тундры, где он расставил свои ловушки. Если же снять со счета интерес песцового промысла, то оленевод будет связан с тундрой лишь привычками и потребностями своих оленных стад, которые в период лета спасаются от комаров и мошек лесного района на тундре. Подчиняясь инстинктам своих домашних животных, оленевод получает, с другой стороны, возможность увеличить продукцию своего охотничьего промысла, ибо с ранней весны до осени побережье океана кишмя кишит стадами диких оленей, линных, иначе говоря, ожиревших гусей и уток. До наступления морозов улетают гуси и утки в теплые края, дикие олени тоже спешат укрыться в район тихих лесов, тогда и оленеводу на тундре делать нечего. Поэтому он также заблаговременно, как и перелетные птицы, спешит покинуть негостеприимные в зимнее время берега Ледовитого океана до будущей весны. Кроме того, полярный оленевод должен был на зиму покидать тундру, чтобы поддерживать постоянную хозяйственную связь с оседлыми скотоводами и обменять часть своей продукции на необходимые для него предметы хозяйственного обихода и наряды более совершенной выделки. Он, несомненно, нуждался в обновлении своего промыслового инвентаря и снаряжения. Свои бродячие кузнецы

могли справляться лишь с починками железных предметов первой необходимости, плавить руду они, конечно, были не в состоянии. Вот почему полярные оленеводы должны были зимовать в районах, близких к местам обитания оседлых скотоводов. Время от времени наиболее обеспеченные и богатые из них, вероятно, перекочевывали в определенные ярмарочные пункты для встречи со своими постоянными дружками[1]. В эпоху же якутской самостоятельности мы не вправе исключить и отношения административного подчинения, выражающиеся в формах приношения регулярных подарков власть имущим, может быть, и получения уполномочий на властвование в пределах того или другого рода, ибо трудно предположить, что якуты-оленеводы жили политически самостоятельно, не признавая центральных якутских властей. Если последние и не организовывали военные походы в места обитания оленеводов для их формального покорения, то обычные проявления внутренней распри и соперничества отдельных родоначальников в связи с необходимостью установления гражданского общежития и мира, несомненно, вовлекали их в сферу влияния центральных якутских феодалов. А отсюда один шаг до взаимоотношений данничества и подданства, складывающихся как порядок общепринятого обыкновения. Роды, отступающие от этого пути, лишаясь необходимого для них товарообмена (особенно в целях получения предметов вооружения), должны были бы хиреть, слабеть и уступать лучшие районы охоты и промысла своим соперникам, получающим поддержку от оседлых соседей. Высшая хозяйственная техника и культура сами по себе являются организующей силой хотя бы при посредстве натурального товарообмена.

Урочище Жиганск, где казаки сотника Бекетова застали часть якутов Жиганского улуса и долган, вероятно, и было местом зимовки нескольких родов оленеводов, совершавших в летнее время турне по берегам Ледовитого океана на запад и восток от устья Лены. Об ярмарочных стоянках оленеводов бассейна р. Оленека по берегам Вилюя, на которые натыкались мангазейские отряды в первые же годы их походов вниз по этой реке, мы говорили еще в VI-ой гл. первой части наших очерков.

Русское завоевание, помимо насаждения песцового промысла в хозяйственную жизнь полярных оленеводов, внесло еще одну новинку, которая оказалась для них чреватой очень важными последствиями. Это развитой аппарат торгового обмена с использованием водного сообщения по Лене и по берегам Ледовитого океана. Иными словами, не сами полярные оленеводы в поисках нужных им товаров должны были приближаться к оседлым пунктам, а, наоборот, сами торговые посредники оседлого мира стали ездить к ним, стараясь по возможности удовлетворить их потребности в привозных товарах. В связи с этим, полярные оленеводы уже не имели нужды прикочевывать на свои прежние зимние стоянки. При новых условиях существования орбита

---

[1]. В дореволюционной Сибири „дружками“ называли друг друга русские и туземцы, ведущие длительное знакомство на почве постоянного товарообмена. Это — одна из форм проявления колониальной эксплоатации отсталых народов.

их кочеваний сокращалась от берега моря до края ближайшей тайги, и вместе с тем они получили возможность полнее эксплоатировать естественные богатства притундровой полосы.

Мы не говорим уже об общих последствиях, затрагивающих всех аборигенов Сибири, в том числе и якутов, внедрения в хозяйственную жизнь системы развитого денежного обращения. Деньги, само собой разумеется, повсюду очень сильно интенсифицировали товарный обмен, породили новые потребности и более повышенные вкусы и житейские привычки. Если прежде натуральный товарообмен проходил обычно через родоначальников, распыляясь дальше тонкими струйками по индивидуальным хозяйствам, то теперь, благодаря частному торговому аппарату, туземная жизнь обросла новой и весьма сложной сетью производственно-общественных отношений. С другой стороны, и прежние внутренние взаимоотношения единичных хозяев со своими родовыми властями в высшей степени усложнялись благодаря установлению принципиально новых, прежде совсем неизвестных, непосредственных обязанностей их по отношению к государственной власти. Мы имеем в виду, конечно, пушной ясак, позже денежные подати и разного рода натуральные повинности, из которых особенно сильно затрагивала туземную жизнь и экономику подводная повинность. Так, например, все оленеводы якутского севера в определенную пору зимнего сезона обязаны были выстраиваться со своими кочевыми станами в одну непрерывную линию вдоль трактовых государственных дорог для обязательной перевозки служилых людей, курьеров и даже частных купцов. Эти «российские» государственные порядки и денежный торговый обмен значительно раньше, сильнее, глубже и радикальнее воздействовали на экономическую, общественную и духовную жизнь северных якутов с их примитивным хозяйством, социальной организацией и мировоззрением, чем на соответственные сферы южных якутов-скотоводов с их более устойчивым оседлым хозяйством и с своеобразной культурой, вынесенной из центрально-азиатских степей.

Итак, хозяйственная жизнь оленеводов якутского Севера в дорусскую эпоху протекала на принципиально иной плоскости, чем позже со времени подчинения их неумолимым законам всероссийского, а потом даже и всемирного пушного рынка. Общероссийская торгово-административная конъюнктура заставила их поделить между собой прибыльные берега Ледовитого океана. Теперь для нас, конечно, понятен факт появления постоянного якутского населения в пределах быв. Устьянского улуса, как и в других участках тундры. Но отсюда еще отнюдь не вытекает, что те же якуты оленеводы не эксплоатировали тундру между Яной и Индигиркой в дорусское время, как район своих летних кочевок и охоты на дикого оленя.

Мы имеем один исторический документ, на который исследователи не обращают должного внимания. Это расспросные речи енисейского служилого человека Пронки Лазарева, одного из участников похода Елеськи Юрьева-Бузы по берегу Ледовитого океана в 1635—36 гг. В актах расспросные речи этого Пронки почему-то фигурируют два раза: в одном случае его имя приводится полностью «Пронка Лазарев Козлов», а в другом он назван сокра-

менно «Пронка Лазарев»[1]. Он рассказывает о походе Бузы на Оленек и на Яну. Нас интересует объясачение Бузой обитателей р. Яны. Если пользоваться первым показанием Пронки Лазарева (Козлова), то получается следующая картина:

«С усть Лены по правую сторону ходу парусного пятеро суток до усть Янги реки, по Янге реке вверх до якутов три недели; а взяли государева ясаку на 146 год два сорока 27 соболей, 4 шубы собольи, лисица чернобурая, восемь лисиц сивочеревых, одиннадцать лисиц красных; и на Янге реке делали мы четыре коча, и поплыли мы вниз по Янге реке сторонною рекою до моря две недели, а на море поймали юкагирского князца Билгия и взято государева ясаку шуба соболья, 15 пластин собольих...».

И. И. Майнов в своей статье «Население Якутии» для установления пределов распространения якутов в эпоху нашествия русских пользуется только этим показанием Пронки Лазарева[2]. Учитывая «трех-недельное» плавание вверх по Яне Елески Юрьева с Пронкой, Майнов не отличает объясаченных им якутов от якутов Верхоянского улуса, проживавших в областях средней и верхней Яны, открытых еще по суше со стороны Якутского округа Постником Ивановым. Но однако, если мы ознакомимся со вторым показанием того же Пронки Лазарева, то надо притти к выводу, что Елеська Юрьев совсем не доходил до мест обитания скотоводов Верхоянского улуса. Вот его второе показание:

«Ходил он с Елеською Бузою по морю, для проведывания Ламы реки... и на устье де Яньги реки у якутов взяли де они твоего государева ясаку, на прошлой на 146 год 2 сорока 27 соболей, 4 шубы собольи, лисицу чернобурую, восемь лисиц сивочеревых, 11 лисиц красных, и с Яньги де реки, государь, шли они морем две недели и поймали де они на море юкагирского князца Бильгея и взяли де с него ясаку шубу соболью, а в ней 15 пластин...».

Ясно, конечно, что оба показания принадлежат одному и тому же свидетелю и трактуют об одном и том же событии. Второе показание разъясняет первое, которое при записи, повидимому, искажено дьяком. Ошибка в следующем: Буза с усть Лены, конечно, не мог бы добраться в «пятеро суток» до усть-Янги реки. Пятеро суток на парусах он мог бы итти лишь по правой Быковской протоке Лены до моря, а дальше по морю до устья Янги три недели. Значит, объясаченные якуты были застигнуты у устья Яны. Правильность такого толкования первого показания Лазарева подтверждают и подчеркнутые нами слова «и поплыли мы вниз по Янге реке сторонною рекою до моря две недели». Если Буза вверх по самой Яне поднимался три недели, то, само собой разумеется, ни по какой «сторонней» реке он не мог бы сплыть обратно до моря. В данном случае, очевидно, речь идет о правой протоке дельты самой Яны. Сопоставляя два показания Пронки Лазарева, мы

---

[1]. См. дополн. к Ист, Акт. т. 2 стр. 240 и там же № 88, стр. 243.
[1]. См. Сборник „Якутия". стр. 331—332.

приходим к выводу, что Буза застал якутов и делал новые кочи приблизительно в районе современного села Казачьего, откуда расходятся протоки дельты Яны.

На этом примере мы убеждаемся, что и писаными документами нужно пользоваться с большой осторожностью, ибо канцелярское средостение между живыми деятелями той эпохи и современной наукой не всегда оказывается безупречным. На второе показание Прокки Лазарева из историков якутов, насколько мне известно, обратил внимание лишь Гр. Анд. Попов и допускает обитание якутов в понизовьях Яны в момент русского завоевания[1].

Эти якуты, обнаруженные Бузой у устья Яны, могли быть только оленеводами, которые в летнее время совершали свое обычное кочевание по тундре. Они, вероятно, заходили и дальше на восток до границ современного обитания оленеводов Устьянского улуса, кочуя вперемежку с юкагирами и ламутами[2]. Развитая железная культура южных якутов не могла не давать им огромного преимущества пред аборигенами этого края. В преданиях полярных якутов мы не находим следов сильного сопротивления, оказанного юкагирами. Процесс объякучения последних, а также и верхоянских ламутов, нужно думать, намного старше эпохи нашествия русских. Со времени развития песцового промысла, когда якуты-оленеводы сделались постоянными обитателями участка тундры между Яной и Индигиркой, растворение юкагиров и ламутов в якутской среде должно было продвинуться вперед еще успешнее.

---

[1]. См. его статью „Расселение якутов в XVII и XVIII в. в. „Изв. Якутского Отд. Геогр. Об-ва. 1928 г. Т. III, стр. 43.

[2]. Уже по написании настоящей работы летом 1933 г. нам удалось ознакомиться бегло в архиве ЯАССР с рядом выписок из Столб. Сибирь. Приказа, еще не опубликованных, „составляющих особую папку под техническим обозначением „Фонд Васильевского“ (фамил. организатора выписок, командированного в центр в советское время). В тетради № 8 приведены выписки из книги ясачного сбора с новые реки Яны, что собирали енисейские служилые люди Петр Пе фильев с товарищами за 144—146 г.“ (1636—1638 гг.)

Здесь перечисляются сборы с целого ряда якутов „на Лене ниже Молоды реки“ (Низовья Лены немного выше с. Булуна), а также из района устья Яны—„у Тюкагирского князца (это современные ламуты рода „Тюгэснир“ в б. Верхоянском округе) со всего рода три сорока 20 соболей, 3 опорка, 2 шубы собольи, с юкагирского князца с Омолоя (река того же названия впадает в Ледовитый океан на запад от устья Яны) со всего ево роду 53 соболя, 4 опорка... С якуцкого тоена (начальника) с Камука, с Мадина да с шамана... (здесь наши карандашные заметки стерлись).. с их родов 66 соболей, 10 пластин... С Сасыля (якутское имя, имеющее нарицательное значение „лисица“) ево роду 23 соболя, 4 пластины, с Короноя и ево роду 10 соболей..“ и. т. д.

Здесь совершенно отчетливо устанавливается кочевание якутов (оленеведов) в эпоху русского нашествия вперемежку с ламутами и юкагирами на тундре в пределах б. Устьянского улуса. В пределах р. Омолоя теперь кочуют как якуты оленеводы, так и скотоводы, выходцы из разных наслегов соседнего Верхоянского улуса.

Эти исторические документы интересны еще в том отношении, что устанавливают происхождение географического названия „Омолой“, воспроизводящего имя одного юкагирского князя. Очевидно, в старину бассейн этой реки был целиком занят юкагирами.

Об изменении хозяйственных обыкновений жиганских оленеводов со времени развития песцового промысла свидетельствует упразднение г. Жиганска, как административного центра, и перенесение их управления дальше на север, на Булун. Когда это случилось, мы не имеем точных данных, но во второй половине 18 столетия, по данным булунского архива, Булун уже существовал.

В начальный период завоевания Ленского края московское правительство взимало ясак почти исключительно соболями и лисицами, при ясачных платежах песец совсем и не упоминается. Так как эти звери водятся в тайге, то и обложенные ясаком северные оленеводы не могли оставлять свои древние обыкновения прикочевывать вглубь тайги. Поиски соболя и лисицы даже вынуждали бы их подольше пребывать в лесу, чем на тундре. В этот период развития ясачного вопроса Жиганское зимовье вполне отвечало своему назначению, ибо оно стоит в зоне сплошной тайги. Но дальше соболь постепенно исчезает и происходит замена его другими мехами, смотря по местным условиям. Со времени Петра I развивается казенная меховая торговля с заграницей. Наряду с казной на песца предъявляет спрос и частный рынок. В дальнейшем пушной ясак заменяется денежными податями. В связи с этим полярные оленеводы свои хозяйственные обыкновения должны были приспособлять к потребностям частного торгового рынка, чтобы умножить свои денежные доходы. Иными словами, погоня за песцом становится основной задачей их хозяйственной деятельности, сокращается орбита их кочеваний и они превращаются в постоянных обитателей прилежащей к берегам Ледовитого океана тундры.

На этих вопросах мы останавливаемся, чтобы учесть наиболее важные перемены в их хозяйственной жизни в период порусской истории и восстановить картину их древнего быта. Мы думаем, что русское влияние далеко не ограничилось привитием одного песцового промысла. Якуты-оленеводы дорусского периода не могли заниматься рыболовством по берегам Ледовитого океана, а также вряд ли держали и ездовых собак, что также связано с нуждами того же песцового промысла. И то и другое, по всей вероятности, явилось в результате оседания в полосе тундры и усвоения хозяйственной практики русских промышленных людей.

Приглядываясь к обычаям и правам полярных якутов, а в особенности разбираясь в их промысловой терминологии, не трудно установить очень сильное русское влияние. Например, на всем протяжении северной тундры песцовые ловушки называются не иначе как «паас». Это, несомненно, русская «пасть». Действительно, старинное якутское «сохсо», падающий самолов на лисиц и зайцев, в настороженном виде представляет из себя разинутую пасть, каковое наименование должны были дать ему первые русские промышленники. Якут в районе тайги настораживает точно такие же «сохсо» на лисиц и зайцев, по почему же для песцовых ловушек он перенял русское слово? Все отдельные части он продолжает называть по своему: томторук, элбэрээк, этэсэ, туорай, баттык, сэрии и т. д.

Точно также по всему побережью океана охота на ленных гусей сетями носит название «окуол». Это слово чуждо якутам и звучит совсем по-русски от «околица» или «кол».

Дальше в районе развития песцового промысла места временных стоянок охотников довольно часто носят название «ыстаан» или «симиэбийэ». Ясно, конечно, что это русские «стан» и «зимовье».

В пределах Устьянского улуса ухо человека, привыкшего к говору южных якутов, поражают слова «собуот», «миөрдэ», «руука». Собуот—общее название рыболовческого и охотничьего снаряжения, т. е. русское «завод», миөрдэ—морда и рука—рукавицы. Там же якуты усвоили русские названия ветров «устуок»—восточный, «саапас»—западный, «сиибэр»—северный. Получило полное гражданство и слово «лайда»—мелкое место на берегу океана, в русском происхождении которого трудно сомневаться.[1]

Что касается простонародного календаря и определения времени по православным двунадесятым праздникам и дням святых, то эти обычаи полностью усвоены полярными якутами. Православные календарные даты известны и якутам южных центров, но они нигде в такой степени не вошли в плоть и кровь якутов, как на дальнем севере. Слыша их разговор и наблюдая повседневные нравы, вы невольно поражаетесь картинами «древлего» русского благочестия. Икона самая необходимая принадлежность и украшение их убогого шатра. Иногда их бывает по две или по три. Возят их с величайшей предосторожностью, избегая соприкосновения их с нечистыми предметами. По утрам и по вечерам чинно и благоговейно совершают общую молитву. Все события и даты в их хозяйственной и обыденной жизни определяются днями православных праздников. Нигде в центрах Якутского края нельзя наблюдать популярность таких полупраздников, как дни святой Евдокии, царя Константина и Елены, не говоря о днях Михаила, Дмитрия, Прокопия, Егория, Николы, хорошо известных и южным якутам. Миддендорф среди туруханских якутов отмечает даже почитание дней св. Аксиньи, трех святителей, св. Алексея, Марии египетской и т. д.[2] Но что еще более подчеркивает и выделяет полярных якутов от их южных собратьев по православной выучке, это усвоение ими русского церковного термина «басхаал» (пасхалии). Так они повсеместно называют деревянный или костяной календарь с рубчиками и условными обозначениями всех церковных праздников. Даже Э. К. Пекарский при всем пристрастии к регистрации русских слов в специфическом якутском произношении в южных округах не смог обнаружить это слово.

По всему побережью океана полярные якуты, несомненно, раньше якутов-скотоводов усвоили тип русской избы-рубленка, к которому они переходят непосредственно от конического чума, минуя известный тип якутской стоячей юрты, при наличии сплавного леса. Наконец, среди якутов Жиганского улуса каждый этнограф рискует впасть в большое заблуждение по по-

[1] Все приведенные слова см. в Прил. „Оҕен. хосун. эпопея“ „Словарь особенных слов в говоре якутов-оленеводов“.

[2] Миддендорф. Путешествие на Северо-Восток Сибири. Коренные обитатели. Стр. 762.

воду происхождения их изящных и легких лодочек, выдолбленных из толстого ствола наносного тополя. Местные якуты эти свои лодочки называют «тирэх тыы», тополевая ветка. Вначале мы сами были склонны не отделять эти лодочки от основных признаков древней рыболовческой культуры севера, воспринятой якутами от какого-то туземного народа. Но, однако, русские крестьянские стружки, проходящие красною нитью от Волги и Камы по всем рекам Южной Сибири, разрушают эту скороспелую гипотезу местного происхождения тополевых лодочек полярных якутов. В районе Прибайкалья, может быть, и дальше в присаянских областях, хотя и констатируются у туземцев типы долбленых лодочек, но они необычайно грубы по технике изготовления и ни в какой мере не могли бы выдержать сравнения с северными тополевыми стружками.[1]

Все изложенные особенности в быте полярных якутов приводят нас к убеждению, что песцовый промысел по берегам Ледовитого океана впервые завели не якуты и не другие туземные народы, а русские промышленные люди 17 и 18 веков. Этот русский «завод» (этот старо-русский хозяйственный термин и теперь бытует у русских старожилов севера) унаследовали якуты-оленеводы и в связи с этим из прежних таежных бродяг превратились в постоянных обитателей приполярной тундры.

Исторические акты устанавливают очень раннее проникновение на дальний север русских промышленных людей в сопровождении казачьих отрядов, объясачивавших дальние окраины северо-восточной Сибири. Так, например, енисейского десятника Елеську Юрьева с отрядом из десяти казаков к устью р. Оленека и Яны в 1635 г. сопровождали «40 промышленных людей».[2] Затем из опубликованной «памяти казачьему десятнику Василию Дуракову о сборе оброка с посадских и иных гуляющих промышленных людей», проживавших в пределах Жиганского зимовья и на реке Оленеке, видно, что в 1676 г. русские промышленные люди уже осели в «Усть-Оленеке».[3]

Во время второй Камчатской экспедиции среди якутов Жиганского улуса и на Хатанге уже существовал песцовый промысел. Лейтенат Прончищев у устья Оленека застал целое поселение русских промышленников из 12 семей, а по близости их находились кочевья якутов и тунгусов. Через два года преемник Прончищева по исследованию побережья океана, Харитон Лаптев, русских обывателей устья Оленека описывает так:

«В зимовьях живут русские промышленники издавна, семей около 10, которые через жен своих соединились многие с новокрещенными якутами и на их природу и обычаи схожи».[4]

Полное объякучение русских поселенцев само по себе говорит за значительную давность их проживания среди якутов. Очевидно, это те промыш-

---

[1] Образец долбленых лодок бурят можно видеть в этнограф. отд. Вост. Сиб. Краев. музея в г. Иркутске.

[2] См. доп. к Ист. Акт, т. II стр. 240

[3] Доп. к Ист. Акт. т. VII, стр. 133—134.

[4] Цитир. по статье Л. С. Берга „История географического ознакомления с Якутским краем. Сбор. „Якутия" Стр. 32.

лешники, которые забрались на Оленек в первые же годы завоевания края. По описанию Лаптева, якуты дельты Лены (теперь там мы находим 2-ой Хатыгинский и Туматский наслеги) вели тот же самый образ жизни, который можно констатировать и теперь:

«Кочуют в летних юртах якуты, которые довольствуются рыбами, оленями, гусями, лебедями и утками дикими, которых великое множество по озерам мелким. Они же якуты промышляют песцов белых и голубых, через всю зиму ездят на собаках».

В эпоху нашествия казаков эти якуты вряд ли ездили на собаках, ибо, как видно из наказной памяти первых ленских воевод служивым людям, отправленным на реку Оленек, «собачьей рекой» слыла какая-то другая река, впадающая в Ледовитый океан к востоку от Лены. Пятидесятник Федька Чюрка, отправленный в 1640 г. на Оленек «самовольством пошел он Федька на море к Собачьей реке», очевидно, в Индигирку, где жили в массе юкагиры, которые и по сие время столько же рыболовы, сколько и охотники.[1]

Езду на собаках, как и рыбную ловлю по берегам океана в местах проживания якутов, должны были завести те же русские промышленные люди в интересах своего песцового промысла. Собаководство, конечно, палеоазиатского происхождения, но в данном случае русские люди, как более бывалые люди и несвязанные с местной традицией пересадили его в другую среду. Дело в том, что олени зимой не могут пастись на побережье океана из-за сильных ветров. Поэтому промышленники объезжают свои пасти на собаках. Среди якутов Жиганского улуса, пользующихся собачьей тягой, в возгласах управления собаками можно констатировать русское слово «стой» в форме «тоой». Это приглашение к остановке. Слова же «направо», «налево»—«тах» и «тадах» какого-то туземного происхождения.

Потомки «промышленных людей» Усть-Оленека до самых последних дней царизма жили своим особым обществом, хотя по типу, языку, нравам и обычаям они слились с местными якутами до полной неузнаваемости. По-видимому, у них отсутствует и русское национальное самосознание. По 10-ой ревизии «в Усть-Оленском Крестьянском об-ве» числилось 62 души об. п.[2] По посемейному списку земского заседателя 2-го участка Верхоянского округа к 1916 г., их осталось лишь 28 душ. об. п.

В Устьянском улусе русских промышленных людей, прививших якутам песцовый промысел, собаководство и рыбную ловлю на морском побережье, оказывается значительно больше. Они делились на две группы—«устьянских крестьян» и «мещан», живущих оседло в районе устья Индигирки. Первых по 10-ой ревизии числилось 66 д. об. п., а вторых 398. Поэтому вполне понятно, что русское влияние в этом улусе сказалось гораздо сильнее.

В районе Хатанги наличие русских старожилов констатируется тоже довольно рано. Упомянутый выше Лаптев сообщает о Хатанге:

---

[1]. См. доп. к Ист. Акт. т. II, стр. 263.
[2]. См, Памятн. Книжку Якут. Обл. 1867 г. стр. 119.

«По ней коренными зимовьями живут русские и новокрещенные якуты, начав с вершины от 72° ширины и по самое устье. Жители довольствуются не столько рыбою, но больше оленями, которых промышляют на плаву через реку осенью, когда идут олени с моря в лесные места, а весною также на плаву, идут от комаров из лесных мест к морю и озеру Таймурскому и в тундренные чистые места. По сей реке промышляют песцов белых и голубых, против других мест довольнее».[1]

По данным, полученным нами из Туруханского райисполкома весною 1925 г., в так называемом, Затундренном Крестьянском роде значилось 62 семьи с 345 душ об. п. Эти крестьяне живут на Хатанской тундре вперемежку и в ближайшем соседстве с оленными якутами и долганами. Миддендорф пишет о них: «На Хете я нашел, что первоначально русские поселенцы до такой степени преобразились в якутов, что якутский язык сделался их настоящим родным языком, тем более, что поселенцы русского происхождения женятся на якутках».[2]

Надо заметить, что они в свою очередь так повлияли на антропологический тип якутов, что последние, по словам якутских купцов, выезжавших к ним из Булуна, выглядят больше русскими, чем якутами. Нам лично весною 1924 г. в Усть-Оленеке удалось видеть четырех якутов из Анабара. Все они имели ярко выраженный тип метисов с преобладанием русской крови. И язык их пестрит руссизмами: «саабыл таки»—забыл таки», «мин таки»—я таки, «айыы москуойчаан»—выражение похвальбы чего-либо (отличное—московское), «тавно»—давно и т. д.

Итак, наблюдая современную жизнь полярных якутов, нужно учитывать коренную ломку их быта в результате порусских влияний и приспособления к потребностям обширного российского торгового рынка. Если раньше они сами в зимнюю пору прикочевывали поближе к культурным центрам оседлых якутов, то с приходом русских администраторы и купцы стали навещать их с открытием навигации по Лене и Енисею на лодках, а позже и по зимним путям.

В существующей литературе описанные нами явления совсем не учитываются. Одни авторы слишком переоценивают порусские влияния, полагая, что до русских якуты еще не проникли к берегам Ледовитого океана.[3] Они склонны думать, что лишь со времени нашествия казаков началось расселение якутов и заселение ими побережья океана. А на деле оказывается, что русское нашествие отнюдь не расширило территориального распространения якутов, а изменило лишь способ связи центра края со своими окраинами, дав обитателям последних возможность полнее эксплоатировать естественное богатство занятой ими территории. (Пушные ресурсы, морскую рыбу, мамонтовую кость и проч.).

---

1. Статья Л. С. Берг. Там же. 33 стр.
2. Миддендорф. Там же. 761 стр.
3. См. гл. „Расселение якутов к моменту русского завоевания".

Кочевание оленных якутов по полярной тундре прямо обусловливалось наличием домашних оленей и весьма развитым охотничьим промыслом на диких оленей. В настоящее время не трудно убедиться, что охота на дикого оленя успешно протекает лишь весною и осенью в полосе тундры. Особенно же продуктивна бывает охота на переправах диких оленей через Оленек и ленские протоки, где колют их на воде сотнями и тысячами. Этот промысел среди местного населения известен под названием «тиикээн». По нашим расспросным данным, в низовьях одного Оленека осенью в четырех пунктах ежегодно добывали до 4000 диких оленей. По рассказам самих якутов, в низовьях Лены, Оленека и Омолоя один хороший охотник убивал до 100 шт. диких оленей в год, а 40—50 голов на охотника совершенно заурядное явление. Те же жиганцы, которые рыбачат выше по Лене между Булуном и Жиганском, лишь в редкие годы могли упромыслить по 5—6 штук, а чаще бывает, что и совсем их не видят.

Стародавний экономический быт оленных якутов нашел свое яркое выражение в их героическом эпосе. Здесь они выступают по преимуществу, как охотники за дикими оленями. Мясо дикого оленя в сушеном и вареном виде составляло главное питание народа. Однако, в составе северных якутов издавна существовала довольно значительная группа хозяев, не обеспеченных домашними оленями. Эта часть занималась рыболовством в таежных озерах и по берегам больших и малых рек. Эти рыболовы, конечно, не имели возможности совершать дальние кочевки по берегам океана. В составе быв. Жиганского улуса эти маломощные рыболовы и теперь живут по берегам Лены, начиная от Жиганска до Булуна, никуда не отлучаясь от своих рыболовных угодий. Так как и оленеводческие части в зимнее время превращались в рыболовов, то мы были бы вправе признать, что охота и рыболовство в одинаковой степени составляли основу благополучия северных якутов.

Другие авторы, наоборот, недооценивают значение такого важного фактора, как приобщение первобытного населения всего Ленского края к торгово-хозяйственному аппарату огромного русского государства. Если подходить с этой точки зрения, то экономический быт южных якутов сохранился гораздо более неприкосновенным, чем быт полярных, являющихся поставщиками импортного продукта, дорогой пушнины. Н. В. Воленс, автор статьи «Очерк хозяйственного строя Якутии», по этому вопросу придерживается диаметрально противоположных воззрений. Он полагает: «что изменения в хозяйстве населения Якутии касались почти исключительно южных якутов. Хозяйственный строй севера был гораздо более устойчив и консервативен и сохранился в большей неприкосновенности»[1]. В хозяйстве северных якутов он не хочет узнать продолжение навыков и порядков, созданных русскими промышленными людьми, гораздо лучше якутов понимавших в каком продукте нуждается их далекая родина. Если якуты притундровой полосы стали выбрасывать на общероссийский рынок ежегодно по 23000—27000 шт. пес-

1. См. сборн. „Якутия". Стр. 689

новых шкурок [1], то могло ли это обстоятельство пройти бесследно на структуре их хозяйства и образе жизни? Южного якута-скотовода пушной ясак и торговля задевали рикошетом. Благодаря им он не превратился в охотника. Продукты скотоводства, мясо, масло, кожа и проч. превратились в товар значительно позже, когда в результате длительного развития появился внутренний рынок, города и приписка.

Итак, мы установили, что якуты еще до прихода русских распространялись до берегов Ледовитого океана и эксплоатировали приполярную тундру в интересах своего оленеводческого хозяйства как летнее пастбище и охотничьи угодья. О составе, численности и о распространении северных якутов мы остановимся дальше. Из них только об якутах Жиганского и Устьянского улусов еще мог бы возникнуть вопрос о позднем их образовании из беженцев порусской эпохи, уходивших из южных скотоводческих округов. Но, как мы убедились выше, исторические акты эпохи завоевания края совершенно исключают эту гипотезу. Небольшая примесь к ним верхоянских скотоводов в бассейне реки Омолоя и в пределах Устьянского улуса легко устанавливается как их родовыми именами, так и вполне отчетливым самосознанием этих эмигрантов.

Массовое бегство южных скотоводов на территорию Жиганского улуса не могло иметь места по двум причинам. Во-первых, казаки благодаря своему лодочному сообщению сразу захватили как среднее течение Лены, так и понизовье ее. Во-вторых, физико-географические условия Жиганского улуса составляли естественную преграду для поселения там скотоводов. Более или менее значительные волны порусских беженцев из Якутского округа, сильнее других задетого военными действиями, направлялись в скотоводческие районы—на Вилюй, в Верхоянский и Колымский край, отчасти и на Оймякон. Эти беженческие примеси среди старожилов опять-таки выделяются по их родовых названиям, имеющим свои параллели в местах выхода, а также и народными преданиями.

В Жиганский улус могли попадать только единичные беженцы, главным образом, участники неудачных восстаний, чтобы, смешавшись с окраинными якутами, избежать суда и наказания. По историческим актам устанавливается, что в Якутском округе наиболее упорное сопротивление казакам оказали якуты обширного Кангаласского улуса. Почти все известные восстания против русских организовывались князьями этого улуса. В связи с ликвидацией их восстаний в Вилюйском, Верхоянском и Колымском округах появились целые наслеги с наименованием «Кангаласский» (Хангалас)[2]. Среди родов и наслегов Жиганского улуса мы находим один маленький наслег с тем же названием «Кангаласский», состоящий из 234 д. об. п.[3] Из них собственно кангаласцев будет еще меньше, ибо наслег состоит из двух

---

[1] См. М. Константинов. Пушной промысел и пушная торговля в Якутском крае. Стр. 61.

[2] Подробно об этих кангаласских беженцах см. наши очерки Ч. III, гл. IV.

[3] Цифры проводятся по данным посемейного списка к 1916 г. из дел земск. засед. 2 уч. Верх. округа.

родов, Эженского и Кангаласского. Первых 69 душ, а последних 165 д. Эженцы, как мы говорили выше, объякученные тунгусы. Эти 165 душ кангаласцев мы были бы вправе причислить к потомкам беженцев из Кангаласского улуса Якутского округа, эмигрировавших на север в эпоху восстаний. Намек на это сохранился и в преданиях самих жиганцев: они, якобы, происходят от якутского царя Тыгына или половины его народа, бежавшей на север при русском нашествии [1]. Но ввиду отсутствия в этих преданиях какого-либо характерного для кангаласцев фольклорного преемства, мы склонны думать, что эти беженцы были весьма незначительны и подбирались из разношерстного элемента, накопившегося в течение ряда лет. В их составе могут быть и единичные переселенцы, прибывавшие позже при мирной обстановке из разных улусов Якутского округа и присоединявшихся к первым кангаласцам по земляческой солидарности. К порусским же беженцам, наверное, принадлежит и маленький Джобулгинский род в 4-м Хатыгинском наслеге, состоящий из шести семей с 26 душ об. п. «Джобулга»—местное название 1-го Малыжегарского наслега Западно-Кангаласского улуса. Предки этого рода тоже могли быть в составе кангаласских беженцев.

Эти незначительные примеси позднейших выходцев из южных округов, состоявшие, вероятно, из одиноких мужчин, обзаводившихся семьями на месте, конечно, не могли повлиять на культурное обличие северных якутов. Наоборот, они вполне уподобились коренным обитателям и потонули в их среде.

3. РОДОВЫЕ ИМЕНА, ЧИСЛЕННОСТЬ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЯКУТОВ-ОЛЕНЕВОДОВ.

В якутах-оленеводах мы усматриваем раннее население бассейна Средней Лены, отодвинувшееся на север в связи с переселением из областей Прибайкалья якутов-скотоводов. Для определения исторических путей постепенного отхода на север этого якутского авангарда очень важно установить названия их родов или мелких административных подразделений. Наличие тех же родовых названий среди южных якутов поможет нам отыскать районы их раннего оседания, ибо не все роды в полном составе могли выселяться на новые места. Отсталые части, сохраняя свои прежние родовые названия, служат как бы вехами на исторических путях их главных отделов. С другой стороны, параллелизм родовых имен может образоваться и в тех случаях, когда незначительные части южных родов позже вселялись в среду северных.

В предыдущем изложении мы чаще упоминали якутов Жиганского и Устьянского улусов, исходя из того соображения, что их принадлежность к якутскому племени является бесспорной. Во всех официальных документах и в этнографической литературе они постоянно фигурируют в качестве яку-

---

[1]. См. Сборник „Эллэйада", § 216.

тов, за исключением Бекетовского донесения, о котором мы говорили раньше. Эти улусные наименования для нашего исторического исследования не интересны, ибо они оба географического происхождения. Якуты Якутского и Верхоянского округов название «Эджигээн» присваивают вообще всему поизовью Лены. Ламуты Верхоянского округа пояснили мне, что Эджигээн'ом они называют всю ту обширную страну, которая с водораздела Яны и Лены имеет покатость к последней. Является ли это слово ламутским и таково ли его действительное происхождение, для нас не имеет большого значения. Важно лишь то, что это имя не имеет никакого отношения ни к племенному и ни к родовым наименованиям оленных якутов. Таково же, конечно, и название «Усть-Яны» и «устьянский». Следовательно, историческое значение можно придавать лишь названиям родов или наслегов в упомянутых улусах. Названия наслегов Жиганского улуса мы уже знаем: четыре наслега с общим названием «Хатыгын» с порядковыми номерами, два с названием «Боотулу», один «Тумат» и один «Хангалас». Таким образом, в восьми наслегах констатируется всего четыре родовых названия. Из них наиболее важным является название Хатыгын, ибо при общей численности якутов Жиганского улуса в 1372 д. об. п. (офиц. данные 1916 г.), принадлежащих к Хатыгинской родовой группе было 918 душ об. п., т. е. ровно две трети всего населения улуса. Роды Тумат и Боотулу проживают в обоих улусах. Первых было 399 д., а вторых 205 душ.

Род «Ногой» проживает в Устьянском улусе. В нем значилось 415 душ. В том же улусе есть еще один Юдюгейский наслег со 144 д. об. п.

Роды Хангалас в Жиганском и Кююрэ (Куршский) в Устьянском мы признали позднейшими примесями из южных округов.

В обоих улусах, по данным 1916 г., значилось всего 2458 д. об. п.

Теперь мы обратимся к рассмотрению одного кардинального недоразумения, прочно укоренившегося в этнографической литературе в отношении самого главного отдела северных якутов. Не устранив его, мы рискуем не понять ни происхождения и ни роли северных якутов в древнейших стадиях исторической жизни всего якутского племени. Мы имеем в виду довольно многочисленное якутское население бассейна реки Оленека, которое совершенно неосновательно зачисляется в разряд тунгусов. Это недоразумение объясняется тем, что обитатели Оленека еще ни разу не были объектом научного исследования, если не считать мимолетных замечаний о них двух натуралистов прошлого века, Маака и Чекановского. В этнографической и демографической литературе обычно автоматически повторяется установившееся в административной практике воззрение на обитателей Оленека, как на тунгусов. Этот взгляд нельзя признать благонадежным источником при решении довольно сложного этнологического вопроса.

Как мы уже отмечали выше, якуты-оленеводы по своему экономическому быту и образу жизни очень мало отличаются от тунгусов-оленеводов и охотников. Поэтому и якуты-скотоводы своих северных собратьев называют не иначе, как тунгусами, исходя из их образа жизни и господствующих занятий. Первичное значение слова «тунгус» вопрос очень спорный, но одно

несомненно, что оно не исходит из языка тех народов, которые этим именем обозначаются, ибо ни одно тунгусское племя не называет себя «тунгусами»[1].

Якуты южных округов, приезжая в Жиганский улус, его аборигенов чаще называют тунгусами или омуками, несмотря на то, что последние сами себя величают якутами и в своей среде различают тунгусов по происхождению, эженцев и кюнцев. На тех же основаниях и вилюйские якуты оленеводов и охотников бассейна Оленека обычно называют «Елёён тонгустара»—тунгусы р. Оленека[2]. Привычка якутов причислять своих северных родичей к тунгусам могла сложиться еще в глубокой древности, когда основное ядро этих оленеводов действительно было тунгусским и по своему происхождению. Культурное и этническое перерождение этих тунгусов путем постепенного прилива якутской крови за очень длительный период для народной массы могло остаться и незамеченным. О коренном перерождении их свидетельствует тот факт, что повсюду среди бесспорных аборигенов севера они неизменно слывут за якутов—«саха». Так верхоянские ламуты обитателей Жиганского и Устьянского улусов всегда причисляют к якутам. Наверное, также относятся и юкагиры, хотя мы лично и не имели возможности проверить это обстоятельство.

Часть населения Оленека в эпоху объясачения казаками укочевала на запад и заняла район озера Есей в верховьях Котуя, вытеснив оттуда местных тунгусов. Эти обитатели озера Есей среди последних также известны под именем якутов. Под той же этнической маркой они были зарегистрированы и туруханскими властями, каковыми остаются и по сие время. Нам удалось просмотреть старинные документы, относящиеся к концу 18-го столетия, в архиве Туруханского райисполкома. В них обитатели озера Есей отмечаются как якуты. Например, одно наставление о принятии мер предосторожности против эпидемии оспы, датированное «1 апреля 1798 г.», адресуется «Есейской волости новокрещенных якутов князцу Никифору Поротову». Эта административная практика, считать обитателей Есея частью якутского племени, конечно, усвоена от тунгусов Туруханского края. Между прочим, не так давно в период советизации тунгусов Илимпейской тундры, последние составили протокол, в котором декларируют свои исторические права на земли в районе озера Есей и обидчиков своих называют «богатыми якутами». Ввиду важности этого документа для истории якутов приведем его точный текст:

«Мы тунгусы Илимпейской тундры район озера Есея считаем землею тунгусов со времен захвата нас казаками, выезжавшими из Туруханска во главе Сотникова. При взятии Есея тунгусами было убито семь человек казаков из лука, после чего стали появляться якуты, которые впоследствии отеснили тунгусов и кочуют в настоящее время по Ессе-Илимпейской тундре».

---

[1] Во всяком случае, среди северных якутов слово „тунгус" употребляется со значением хороший охотник". См. в прил. „Словарь особенных слов в говоре якутов – оленеводов" Это слово.

[2] См. Эллэйада. § 329.

Протокол озаглавлен «О захвате богатыми якутами района Есея» и датирован «28 марта 1925 г.».

Хотя в приведенном выступлении илимпейских тунгусов и чувствуется налет новых советских настроений, что сказывается в разоблачении прошлых деяний «богатых якутов», но, несомненно, эта идея реванша у них питалась какими-то смутными отголосками их устных преданий.

И. П. Майнов в своей статье «Население Якутии»[1] обитателей Есея, не приводя никаких доводов, причисляет к тунгусам. В этнографической литературе они всегда упоминаются как якуты.[2]

Сопоставляя приведенные данные, нельзя не притти к выводу, что еще в эпоху русского завоевания оленеводы озера Есей, несомненно, говорили по-якутски.

Что есейские якуты являются неотъемлемой частью оленекских «тунгусов», ясно устанавливается сопоставлением их родовых наименований. По показанию Островских, есейские якуты принадлежат к трем родам—Чорду, Бэти и Хатыгын. Долгих приводит следующие родовые имена: Хатыгын, Боотулу, Осогостоох, Бэти, Эспек и Маймага. Те же самые роды за исключением Эспек и Маймага зарегистрированы среди «оленекских тунгусов». По Патканову, разработавшему данные переписи 1897 г., оленекские тунгусы распадаются на роды: Бетинский (Бэти), Чордунский (Чорду), Осогостохский (Осогостоох), Хатыгинский (Хатыгын), 1 и 2 Шологонские (Сологоон), Кэлтекский (Кэлтээкн), Жахутский (Джооху), Тобуйский (Туобуйа) и Угулятский (Югюлээт).[3]

Приведенные данные бесспорно устанавливают, что есейские «якуты» и оленекские «тунгусы» образовались из частей одних и тех же родовых группировок. Поэтому зачисление одних к тунгусам, а других к якутам нельзя не признать простым недоразумением. Мало того, из перечисленных родовых имен есейских и оленекских якутов род Хатыгын, имеющийся по частям в составе тех и других, как нам уже известно, составляет две трети якутского населения Жиганского улуса, а род Боотулу, констатированный среди есейских якутов, существует как в Жиганском, так и в Устьянском улусах. Иначе говоря, оленные обитатели озера Есей, бассейна Оленека, Жиганского и Устьянского улусов в дорусскую эпоху должны были составлять один народ.

Если в эпоху русского завоевания есейские якуты пользовались якутским языком, то тот же язык не мог не господствовать и среди их оленек-

---

[1] Сборник „Якутия". 396 стр.

[2] См. Кривошапкин. Енисейский округ. 1865 г. Изд. Имп. Русс. Геогр. общ-ва. Т. I, стр. 371. Миддендорф. Коренные обитатели северо-востока Сибири. Стр. 759. П. Е. Островских. Извлечение из его дневника под заглавием „Поездка на озер Есей", читанного в заседании Красноярского Подотдела Геогр. О-ва 28 января 1903 г. Известия Подотдела за этот год, а также статья Долгих—„Население полуострова Таймыра и прилежащего района". Жур. „Северная Азия" № 2 1929 г.

[3] См. Патканов. „Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири". Зап. Русс. Геогр О-ва по отд этнограф. т. XXXI 1906. О родах оленекских тунгусов см. также Эллэйада. § 329.

ских собратьев, а тем более среди жиганцев и устьянцев. Об якутском языке «жиганов» Петра Бекетова мы можем судить и по имени их князя, объясаченного его казаками. Он носил имя «Кантагай», в якутском происхождении которого трудно сомневаться. («Хантагай» значит плоский). О большой древности якутского языка в бассейнах Оленека, Анабара и Хатанги свидетельствует также обилие географических имен чисто якутского происхождения. Хотя составители карт безбожно искажают туземные названия, но тем не менее не трудно убедиться, что в указанном районе на первичную тунгусскую основу географической номенклатуры лег густой слой якутских названий. Тунгусские названия чаще оканчиваются на «гда», «кта», «нда», «да», «гпа», например: Гипангпа, Маыгда, Кукухунда, Джалингда, Омпундакта, Мюрюкта, Арбангда, Биректа, Чиршгда, Куянгпа, Чангада; типичны также и названия Горками, Курали, Угоян и т. д. Якутские названия очень часто в окончании принимают суффикс принадлежности—лаах, лээх, лоох, наах, ноох, узнаются также и по значению. Так в верховьях Оленека мы находим названия Аргаа-Салаа, Мастаах, Хоппо, Апка, Сордонгноох, Силгпгир, в системе Анабара—Халчаан, Хатырык, Бпиллэх, Тогой, Хантагышпаах (искажено), Эбэлээх, Куранах и т. д. Не мало якутских имен и на Хатанге: Чааккылаах, Кыыллаах, Кюёх, Суруктаах, Суоп-Юрэх, Эсэлээх, Амбаардаах, Дыргалаах, Арылаах, Дьелах, Соморсолоох, Урасалаах, Тюёкэй, Тукулан, Улахан-Хабыда, Солур и т. д.

Эти топонимические названия свидетельствуют о давнем обитании в этих местах по-якутски говорящего народа.

Наконец, и родовые имена оленекских тунгусов большею частью звучат по-якутски, а некоторые из них образованы из слов с бесспорным якутским значением, например, Осогостоох, Кэлтээкн. «Осогостоох»—беременная, брюхатая, брюхан, толстопузый, «осогос»—кишки, потроха, живот, брюхо. Кэлтээкн—хромоногий, приседающий на одну ногу, часто служит прозвищем человека. А имя «Джооху» есть ни что иное как племенное название якутов, общепринятое у тунгусов—«джоко», «джокуо» (откуда и русское «якут»). Иными словами, род «Джоко» очень рано поселился среди тунгусов, еще не утративших свой родной язык, и получил от них родовое имя «якут». Огромный процент родовых имен и у самих якутов-скотоводов не может быть объяснен с точки зрения их современного языка, например: Джер, Мытаах, Эргис, Тыыллыма, Нёёрюктээйп, Нёмюгю, Качыкаат, Хоро, Хахсык, Тулагы, Хатылы, Ёспёк, Бахсы, Тыарасы, Кёдёсю, Атамай, Кёбёкён, Елтёк, Бологур, Наахара и т. д. Приведенные имена носят не более якутский характер, чем и остальные родовые имена оленекских «тунгусов»—Хатыгын, Чорду, Бэти, Солотоон, Маймага, Эспэк, (возможно, что это имя точно совпадает с родовым именем Ёспёк, встречающимся в быв. Дюпсюнском улусе), первоначальное значение которых не может быть восстановлено.

Если некоторые родовые имена обитателей Оленека и озера Есей и были когда-то тунгусского происхождения, то они во всяком случае не принадлежат местным тунгусам, ибо у всех тунгусских племен на запад и на восток

от оленных якутов родовые имена сконструированы довольно однообразно с преобладанием окончания «гир»: Кюндэгир, Удыгир, Йолдогир, Комбагир, Гургугир, Чапогир, Панкагир, Сирагир, Сутокогир (по Ниж. Тунгуске и у Илимпейских тунгусов), Тюгэсгир, Кюркэгир (Верхоянские ламуты), Баягир, Никягир и т. д.

Родовые имена оленных якутов Анабаро-Хатангского района, в официальных документах именуемых обычно «Затундренным Якутским родом», нам неизвестны. Однако, нельзя сомневаться в том, что и они принадлежат к составу северных якутов, образуя среди них одно самостоятельное ответвление.

К той же группе оленных якутов нужно причислить и долган, обитающих в низовьях Хатанги и на Таймыре. Если они и представляют иноплеменную примесь к якутам, то утрату ими своих первичных культурно-этнических признаков нужно относить к фактам весьма отдаленной древности, ибо в настоящее время они в полной мере ассимилировались с северными якутами по языку, нравам и обычаям. Якутские купцы, выезжавшие к ним из Булуна, почти единогласно утверждали, что они называют себя «Дулгаан сахата», т. е. якутами местности или рода Дулгаан. Точно также самоопределял себя и один молодой долганин, встреченный нами в Булуне. Наши контрольные вопросы по важнейшим признакам культуры северных якутов обнаружили полное единство долган с последними. Между прочим, в этнографической карте Сибири, изданной Академией Наук (Труды комиссии по изучению племенного состава населения СССР) в 1929 г., долгане предпочтительно пред якутами обозначены как «саха».

Таким образом, весь северо-западный угол Якутского края, отграничиваемый в меридиональном направлении нижним течением Лены (за исключением территории Устьянского улуса, выдвинувшейся на восток от Лены), в широтном 65-ой параллелью (водораздел Вилюя и Оленека), на западе местами обитания Илимпейских тунгусов и самоедов и на севере Ледовитым океаном, может быть признан областью сплошного распространения оленных якутов. В этих пределах нельзя обнаружить ни единого человека, который владел бы тунгусской речью. Эта картина полной якутизации коренного тунгусского населения красноречиво свидетельствует о глубокой давности появления здесь якутского элемента. Нигде в других районах Якутской Республики, где сталкиваются тунгусский и якутский элементы, нельзя констатировать подобное явление полной капитуляции тунгусов пред якутами. Это было бы абсолютно не мыслимо, если якуты впервые перешагнули через Вилюй лишь со времени появления русских. Те историки, которые область распространения якутов к моменту прихода русских ограничивают пределами одного Якутского округа, чтобы объяснить исчезновение тунгусского элемента к северу от реки Вилюя, должны допустить ряд чудесных явлений. Так как якуты до русских, по их мнению, размножали только коров и лошадей, то они на территорию обитания современных оленных якутов должны были вступить пешечком, чуть не голые и

босые. Эти босяки должны были отобрать у местных тунгусов их оленные стада. Дальше, чтобы объяснить исчезновение тунгусского языка, нужно допустить поголовное истребление всех говорящих по-тунгусски или изгнание их куда-то в неведомую страну, ибо триста лет срок крайне недостаточный, чтобы в порядке естественной эволюции якутский язык одержал столь решительную победу. Мы знаем, что в момент прихода русских якуты занимали все среднее течение Яны, однако, все ламуты (эвены) по сие время говорят на своем языке. Тунгусы «Семи Кангаласских родов», несомненно, бродят между Леной и Алданом со времени появления якутов в пределах Якутского округа. Однако, и они до настоящего времени не подверглись полной якутизации, продолжая говорить на своем родном языке. Правда, объякутели тунгусы быв. «Майского ведомства», усвоившие якутское скотоводческое хозяйство, но, однако, большая половина их родов, занимающихся оленеводством и охотой по Мае, в полной неприкосновенности сохранила свой родной язык, нравы и обычаи. В пределах Олекминского края тунгусы живут в ближайшем соприкосновении с якутами, несомненно, со времени появления якутов на Лене, но, однако, и они не заменили свою родную речь якутской.

Само собой разумеется, что никаких чудес под луной не бывает. Ларчик открывается довольно просто: северные оленные якуты в пределах Якутского края появились з а д о л г о р а н ь ш е я к у т о в - с к о т о в о д о в и вошли в тесное соприкосновение с местными тунгусами. Они пришли не скотоводами, а оленеводами, и по этой самой причине они интенсивно стали смешиваться с местными тунгусами, растворяя их в своей среде.

В верховьях р. Вилюя между устьем р. Чоны и территорией быв. Хочинского улуса мы находим один тунгусский наслег «Брангатский» с 624 д. об. п. И эти тунгусы обнаруживают картину полной якутизации, несмотря на то, что они занимают совершенно обособленную от якутских поселений территорию. Утрату ими своего родного языка нужно отнести ко временам незапамятной древности, ибо на занятой ими территории все географические имена за весьма малым исключением якутского происхождения. Весной 1925 г., проезжая через их поселения, вытянувшиеся вдоль Вилюя на протяжении 400 км, мы записали имена речек, озер и других географических пунктов. Приведем их перечень: У к у к ы ы т, Туойдаах, Кураанах, Буруустаах, Холумалаах, Хаапыча, Кюёллээх, Харыйалах, Усун-Кюёл, Суньукур, Киэнг-Юрэх, Билинлээх, Сордонгноох, Кюрчюгюнююр, Дуудар, Олгуйдаах, Аллаах, Оросу, А н а м д ж а к, А х т а р ы н г д а, Биллээх, Нэнгэбил (по левому берегу Вилюя); Тарын-Юрэх, Дэлбиргэ, Куччугуй Ботуобуйа, Бэс-Юрэх, Курунг-Юрэх, Улуу-Тогой, Улахан-Ботуобуйа, Мундулаах, Кусаган-Юрэх, Оруктаах (по правому берегу Вилюя). Названия порогов: Отонноох Уораана, Юёсэ-Хана, Аллара-Хана. Из этих 35-ти названий только три подчеркнутые нами являются чуждыми для якутов. На этой территории якуты-скотоводы проживать не могли ввиду ее физико-географических условий. Очевидно, что эта местность со времен глубочайшей древности была занята оленеводческим народом, говорящим по-якутски. Брангатские тунгусы, по

всей вероятности, унаследовали ее от северных якутов-оленеводов, которые раньше оседали здесь.

Итак, в пределах Вилюйского округа не осталось ни одного тунгуса, говорящего по-тунгусски (за исключением тунгусов, забредающих из района Ниж. Тунгуски), а на правом берегу Лены все тунгусские роды, начиная от олекминских и вплоть до берегов Ледовитого океана говорят на своем языке за исключением части майских. Это обстоятельство говорит о том, что якуты-оленеводы в своем движении с юга на север прошли через Вилюйский округ и что Якутский округ очень долгое время находился во владении местных тунгусов.

Мы вправе задать вопрос, в каком направлении должны были расширять свои кочевья якуты-оленеводы, которые когда-то овладели бассейном Вилюя? Во всяком случае, не в сторону современного Якутского округа, ибо с охотой на дикого оленя в полосе тундры по своей продуктивности ни одна другая охота не может сравниться. Изучая героический эпос северных якутов, мы можем легко убедиться, что в их легендарных рассказах о своих предках охотничий азарт всегда связывается с избиением целых стад диких оленей. Приведем небольшую иллюстрацию в подтверждение этого положения. Два брата-витязя, собираясь на войну, хотят приготовить запас провизии для своих домочадцев и идут промышлять.

«Утром чуть занялась заря, оба они уже были на ногах и, надев обитые шерстью лыжи, пошли. Вышли на обширную равнину «алыы» и видят стадо диких оленей. На глаз было не меньше сорока голов. Юнгкээбил говорит: «Перебьем это стадо и довольно с нас, хватит!» Начали избивать, стараясь не пропустить стадо в лес. Когда братья обежали равнину три раза, гоняясь и поражая оленей, в живых остался лишь один годовалый теленок»[1].

В другом случае сражавшиеся воины из сушеного оленьего мяса сооружают целый амбар, чтобы за его прикрытием защищаться от вражеских стрел[2].

Съедание целой туши дикого оленя выставляется в иных случаях как признак особого молодечества излюбленного легендарного героя[3].

Эти образы доказывают, что северная тундра давно привлекала внимание якутов-оленеводов, как богатый промысловый район. Если дело обстояло так, то вилюйские оленеводы, и не расставаясь со своим Вилюем, могли очень рано овладеть бассейном Оленека и совершать туда сезонные перекочевки для охоты за дикими оленями. Вместе с тем становится понятным полное исчезновение в этом районе тунгусского элемента. Когда якуты-оленеводы под давлением надвигающейся следом за ними якутской скотоводческой колонизации отодвинулись в свой охотничий район на постоянное житель-

---

[1] См. Прилож. к нашим очеркам—„Оленекская хосунная эпопея", § 9.
[2] Там же § 28.
[3] Там же § 2.

ство, то ассимиляция последних остатков тунгусов-аборигенов должна была итти еще более ускоренным темпом.

В связи с изложенным мы вправе утверждать, что туренкая языковая стихия в лице якутов-оленеводов докатилась до берегов Ледовитого океана весьма возможно значительно раньше, чем якуты-скотоводы успели добраться до Сайсарской равнины, где теперь стоит г. Якутск.

Борьба якутов-оленеводов с аборигенным населением полярного севера, конечно, облегчалась тем, что первые были представителями железного века, тогда как их противники должны были пользоваться костяными, роговыми или каменными орудиями. В героическом эпосе полярных якутов этот мотив столкновения двух разных культур тоже нашел свое отражение. На этом вопросе мы остановимся несколько позже.

Вероятно, задолго раньше нашествия русских якуты-оленеводы достигли современных пределов своего распространения по полярному северу, периодически прикочевывая в район якутских оседлых поселений. Те из них, которые владели большими стадами оленей и забирались в дальние углы западной или восточной тундры, могли возвращаться и в несколько лет раз. К событиям порусской истории мы отнесли выше лишь захват оленекскими якутами района озера Есей, где часть их возможно и раньше обитала совместно с тунгусами.

В связи с устранением недоразумения с обитателями бассейна Оленека, озера Есей и долганами, искусственно, в силу русских административных порядков, выделенных от якутского населения Жиганского и Устьянского улусов, численность северных якутов может быть представлена в следующем виде:

Якуты Жиганского улуса	1372 д. об. п.
—"— Устьянского улуса	1085 „
Оленекских якутов, числящихся „тунгусами Вилюйского округа	3286 „
Якутов озера Есей	1062 „
Якутов Затундринского рода Туруханского края	1635 „
Долган	1118 „
Эженцев и кюпцев Жиганского улуса	368 „
Итого	9937 душ. об. п.

1. Численность северных якутов, проживающих в пределах Туруханского края (якутов оз. Есей, Затундринского рода и долган), устанавливается нами по последним данным, приведенным в работ Б. О. Долгих—„Население полуострова Таймыра и прилегающего к нему района". (Журнал „Северная Азия" № 2 за 1929 г. стр. 49—76). Долгих, один из участников приполярной переписи 1926—1927 гг. в

Общая численность якутов-оленеводов без малого десять тысяч душ обоего пола, по сибирским масштабам, при существовании многих самостоятельных племен, не насчитывающих в себе и полной тысячи душ, как например, карагассы—тубалары, енисейские остяки—кето, гиляки, алеуты, юкагиры и т. д., дает нам основание говорить о них, как о довольно внушительной культурно-этнической группировке, которая могла фигурировать с очень давнего времени наряду с якутами-скотоводами, составляя их северный авангард. Исчезновение с горизонта этнографической науки царского периода этого вполне самостоятельного отдела якутского племени, сыгравшего заметную роль в его прошлых переселениях на север, объясняется исключительно условиями их порусского существования. Якуты Есея и Хатанга-Анабарского района были приписаны к б. Енисейской губернии. Оставшиеся в пределах быв. Якутской области тоже были разорваны пополам между Вилюйским и Верхоянским округами. Затем одна часть оленных якутов с развитием песцового промысла осела по берегам Ледовитого океана и оторвалась от других родичей, сохранивших свой прежний перелетный образ жизни с посещением тундры только в летнее время.

Благодаря лодочному сообщению по Лене и богатому песцовому промыслу между Яной и Индигиркой якуты Жиганского и Устьянского улусов были учтены сравнительно рано и получили правильно организованное улусное управление. Якуты же бассейна Оленека, повидимому, никогда не имели своего административного центра и письмоводства. Поэтому и их населенные пункты, распределение занятой ими территории по родам и порядок их внутреннего управления, суда и расправы до советской эпохи оставались никому неизвестными. Статистические данные об их численности, имеющиеся в центрах Вилюйского края, вероятно, тоже являются весьма проблематичными, отражая картину «времен Очакова и покорения Крыма». О состоянии их административного управления в царские времена можно

Сибирском крае, дает в указанной статье ясную картину этнического состава, численности, районов расселения, господствующего языка, отчасти даже обычаев и нравов притундрового населения Туруханского края на восток от Енисея до границ Якутской Республики. Недостающие у Долгих сведения позаимствованы из опубликованных материалов той же приполярной переписи 1926—1927 гг. (Изд. Ц. С. У. Сибирского Краевого Стат. Отд. Новосибирск. 1927 г. Вып. I и II.

Численность якутов Жиганского улуса учтена нами лично в январе 1924 г. по поручению уполномоченного Якут. Центр. Исполн. Ком. путем составления посемейных списков. В отношении населения Устьянского улуса мы воспользовались посемейными списками заседателя 2 уч. Верхоянского округа за 1916 г., обнаруженными в архиве села Будун.

В материалах переписи 1917 г. у М. П. Соколова („Якутия по переписи 1917 года. „Вып. I и II. Иркутск. 1925 г.) приведены более устарелые данные. О численности якутов бассейна р. Оленка, официально значащихся „бродячими тунгусами Вилюйского округа", за неимением других надежных материалов, пришлось довольствоваться официальными данными на 1 января 1917 г., приведенными в работе М. П. Соколова. (Из общего числа вилюйских тунгусов нужно исключить население „Брангатского рода". Это ошибочное название тунгусов „Брангатского рода", вошедших в перепись населения Хочинского улуса под именем Брангатского же наслега, что осталось не замеченным Соколовым.)

судить по одному мимолетному замечанию барона Майделя. Он пишет, что Кларк (один из немногих окружных управителей, выступивший в печати с довольно интересными очерками о вилюйских якутах) был долго исправником Вилюйского округа и не знал, что Жиганский улус принадлежал к его округу [1]. Тем более обитатели захолустного Оленека не могли привлекать внимания царских администраторов.

В составе Хатыгинских наслегов Жиганского улуса нами констатированы еще мелкие родовые подразделения, наименования которых тоже могут быть использованы при разрешении исторических вопросов. Эти роды суть: Омолдоон (97 душ), Эмпс, Архат, Асыыкай, Тюмэти, Джобулга, Хатыгын, Эджигээн, Ныымчаал (36 д.) и Дулгаан (31 д.). В Кангаласском наслеге мы имеем еще род Эджээн (69 д.). По этим названиям можно установить позднейшие тунгусские примеси. Определенно тунгусы члены рода Эджээн в Кангаласском наслеге, не говоря, конечно, об эджээнцах и кюнцах, образующих в составе жиганцев самостоятельные роды. И о роде Ныымчаал среди самых жиганцев сохраняется живое воспоминание об их тунгусском происхождении. Таким образом, тунгусские вкрапления сравнительно незначительны, всего 105 душ, или 6% общего числа населения.

Остальные родовые имена звучат по-якутски, а некоторые из них совпадают с родовыми именами в Якутском и Вилюйском округах, как, например, Омолдоон и Асыыкай, которые известны как названия наслегов в Мархинском улусе (Вилюйского окр.). Эмпс и Тюмэти встречаются в Якутском округе, первый в Амгинском улусе, а второй в Восточно-Кангаласском. Эти имена, вероятно, указывают на очень давние вкрапления небольших групп из южных якутов задолго раньше нашествия русских. Эпоха освоения самими якутами Вилюя и Якутского округа, несомненно, сопровождалась ожесточенной борьбой более ранних и поздних переселенцев. По установлении власти одних могли возникать и восстания покоренных старожильческих родов, как и в эпоху нашествия русских. В эти смутные времена побежденные роды или усмиряемые повстанцы также могли частично спасаться на север к оленным якутам, чтобы избежать суда и расправы новых господ. В этом отношении особенно интересно для нас народное предание, связанное с именем «Омолдоон»: к нему жиганцы обычно присоединяют эпитет—«охсусулаах, т. е. воинственные, драчливые. В народных преданиях Среднего и Южного Вилюя, а также и Амгинского улуса Якутского округа легендарное имя Омолдоон принадлежит к числу самых знаменитых и громких именно по военным подвигам. Перейдя к истории южных якутов, мы убедимся, что омолдоонцы принадлежат к более ранним переселенцам из числа якутов-скотоводов, которые долго были господами Вилюя и Амгино-Ленского плоскогорья. Поздние волны якутских переселенцев, само собой разумеется, полежили предел самовластию воинственных омолдоонцев. Поэтому и не мудрено, что наиболее строптивая часть этих вояк, не пожелавших уступать свои

[1] См. Барон Майдель —„ Reisen und Forschungen im Jakutskischen Gebiet". Т 2., стр. 385.

земли новым переселенцам, очутилась среди рыбаков и оленеводов дальнего севера. Это же имя, между прочим, застряло в названии реки в пределах Колымского края, где мы находим северо-восточный предел распространения колонизации якутов-скотоводов. Это река Омолон, один из правых значительных притоков р. Колымы.

На этих частных примерах кангаласцев и омолдонцев, очутившихся среди оленеводов в эпоху смут и борьбы за власть в центре Якутского края, мы можем уяснить и понять секрет происхождения северных оленных якутов вообще. Вероятно, со времен глубочайшей древности жалкие остатки побежденных родов, утратив свою власть, земли и скот, были вынуждены к эмиграции в тунгусскую территорию, где не оставалось иного выхода, как снискивать себе пропитание охотой и рыболовством среди дружественных тунгусских родов. Спасались бегством к тунгусам, конечно, не рядовые бойцы, а главари больших и малых родовых объединений со своими ближайшими приверженцами. За время своего предыдущего владычества и богатства они должны были установить деловые связи и дружбу с сопредельными тунгусскими родами в порядке обычной эксплоатации отсталых или колониальных народов. Когда же их территория подвергалась нашествию более сильных задних родов, то эти князья окраин после отчаянного сопротивления, потеряв все свои земли и животы, должны были думать лишь о спасении жизни. Тунгусский князь, этот рыцарь без страха и упрека, конечно, не выдаст своего старого приятеля его заклятым врагам. Как в Европе все политические эмигранты спасались среди горцев свободной Швейцарии, так издревле политические изгои якутского феодального общества могли свободно вздохнуть, лишь очутившись на территории своих друзей из тунгусов.

Анализ родовых имен северных якутов бесспорно устанавливает наличие среди них значительного количества собственно якутских родов, очень рано усвоивших оленеводческое хозяйство и тунгусский образ жизни. Если в их составе имеются тунгусские роды, то утрата ими своего этнического самосознания и родного языка, а также причисление их к якутам аборигенами севера свидетельствуют о том, что они вступили в бассейн Лены уже объякученными по языку. В связи с этим мы должны допустить, что якутским переселениям из Прибайкалья в бассейн средней Лены предшествовало переселение какого-то тунгусского племени, в сильной степени задетого якутской культурой, весьма возможно, и со значительной примесью окраинных якутских родов. Эта гипотеза тем более представляется вероятной, что в момент русского завоевания северо-байкальские буряты находились в тесном кольце многочисленных тунгусских племен, окружавших их по преимуществу с севера. Почти исчерпывающую карту распространения тунгусских племен в пределах современного Восточносибирского края дает «роспись против чертежу рекам и порогам от Енисейского острогу до Ленского волоку»—первых якутских воевод, Петра Головина и Матвея Глебова, от 1640—1631 г.[1]. По данным этого документа, тунгусские племена занимали весь бассейн Верхней

[1]. См. дополн. к Истор. Акт. Т. II № 88, стр. 243—248.

Тунгуски, начиная от устья до впадения Илима, весь Илим до его вершины, верховья Лены со всеми мелкими речками, впадающими в нее почти вплоть до современного Верхоленска и даже выше по Куленге. Бурятские кочевья начинались лишь с Качуга, с устья «Онги реки» (Анги). Даже в верховьях Илги совместно с бурятами кочевали и тунгусы. Верховья самой Лены около Байкала тоже были заняты тунгусами—«Камчагирами». Река Киренга целиком была во владении тунгусов же. По «Ламе и Байкалу» жили тунгусы «Кумкагиры и Чилкагиры», и по ту сторону Ламы (т. е. Байкала) жили «оленные тунгусы».

Здесь мы имеем дело лишь с юго-западной границей распространения тунгусской территории. По существу же вся восточная половина Сибири по Енисей, по тундре до р. Хатанги, за исключением северо-восточного угла, занятого палеоазиатами и камчадалами, должна быть показана как исконная, тунгусская территория. Часто повторяемое в литературе мнение о распространении всех тунгусских племен по Сибири из пределов Северной Манчжурии в исторические времена нужно признать скороспелой научной гипотезой. Что из пределов Амура и Манчжурии шло переселение в Сибирь тунгусских племен—факт бесспорный, но, если исключить тунгусов-оленеводов из числа коренных обитателей таежной Сибири, то последнюю пришлось бы представлять нам совершенно пустою в недавнюю—дотунгусскую эпоху, ибо нет никаких данных о том, чтобы северные палеоазиаты когда-то заходили далеко на юг. Гораздо проще допустить, что юго-восточная ветвь тунгусов со времен незапамятной древности вторгалась в Манчжурию со стороны Амура и, смешавшись с туземными племенами, образовала новые разновидности тунгусской народности. Разбираясь в событиях исторических времен, освещаемых данными китайской и даже русской письменности, нет надобности воображать себе те отдаленные века и тысячелетия, когда тунгус не был тунгусом и когда по таежным дебрям и хребтам Сибири бегали не олени и лоси, а первобытные быки и мамонты. Подобная манера писания научных трудов напоминала бы зачин бурятских улигеров (былин):

«Давным давно в глубокую старину,
Когда земля становилась землей,
Когда вода становилась водой...
Когда первая мать оленей
Козленком начала пастись...»

Мы имеем полное основание утверждать, что предки якутов и буряг попали в Восточную Сибирь, когда она в полном смысле этого слова стала «Сибирью» с ее современными физико-географическими и климатическими особенностями, флорой и фауной и ее коренными туземными обитателями.

Следовательно, когда предки якутов впервые явились в Прибайкалье и заняли здесь открытые степные места, тунгусские племена точно также должны были быть господами таежных просторов и хребтов Восточной Сибири. Даже память якутских олонгхосутов (слагатели богатырских былин),

описывающих травянистые степи, облюбованные их богатырями, не в состоянии воскресить ту отдаленную эпоху, когда окружающие леса и горы не были бы заняты тунгусами. В зачине якутских былин вслед за описанием бесчисленных голов рогатого и конного скота, составляющих богатство богатыря, неизменно вставляются трафаретные стихи для конкретной иллюстрации их обилия:

Когда по речке Оленеку
Разношерстные бегунцы
Забредали до верховьев,
Этой речки тунгусы
Их расстреливали до единого,
Не считал скота и не ведал
Сколько убыло...
Когда эти бегунцы
По речке по Халану
Ходили стадами,
И той речки тунгусы
Без остатка поедали,
Не мог он узнать—
Каких недоставало...[1]

Следы близкого соприкосновения тунгусов верхней Лены с якутами, несмотря на истекшее почти тысячелетие, до сих пор можно обнаружить в их языке. Так Е. И. Титов, составитель тунгусско-русского словаря, у тунгусов, бродящих по р. Тутуре (впадает в Лену около с. Жигалова), зарегистрировал слова «тангара» со значением бог, «адарай»—доски продольные в санях, «талки-толки»—мялка имеет форму корыта с зазубринами по бортам[2]. там [2]. (Последнее слово, повидимому, у тунгусов по р. Киренге). Приведенные слова типичные для якутского диалекта и не могли быть заимствованы из других языков. И слово «сырга» оленьи сани звучат совсем по-якутски, а не по-бурятски («шарга-чарга»). Как дальше увидим, в языке северных якутов сохранилось гораздо больше специфических тунгусских терминов, совпадающих с наречием прибайкальских тунгусов. В Якутскую эпоху истории Прибайкалья тунгусов здесь, наверное, было значительно гуще, нежели позже при бурятах.

---

[1]. Из былины „Саха—Саарын—Тойон", записанной нами со слов рапсода Намского улуса Петра Колесова летом 1921 г.

[2]. См. Е. Инн. Титов. „Тунгусско-русский словарь". Иркутск. 1926 г. Стр. 3, 137, 118.

Глава II

КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

(ГОВОР ЯКУТОВ ОЛЕНЕВОДОВ).

Первоначальное не-якутское происхождение основного ядра якутов-оленеводов сильнее всего чувствуется в особенностях их говора, сохранившего довольно отчетливые пережитки какого-то тунгусского наречия, а также и явные примеси бесспорных монгольских слов, хотя и не столь многочисленных.

Некоторые особенности этого говора свидетельствуют о ближайшем родстве их носителей с якутским населением Северо-Восточного Вилюя. Это сказалось, например, в оканнн: хотун, солуур, холбуйа и т. д., а не хатын, салыыр, халбыйа. Верхоянские якуты-скотоводы и весь север Якутского округа (Намцы, Дюпсюно-Борогонцы и Баягантайцы) определенно акают, тогда как население южной половины Якутского округа и всего Вилюя окают. Значит, оленеводческую культуру севера Якутского края, поскольку она отличается от местной тунгусской, принесли окающие якуты через бассейн Вилюя задолго раньше нашествия акающих якутов-скотоводов, наступавших на север со стороны Якутского округа.

В фонетике северных якутов интенсивное скрещение с тунгусами сказалось в палатализации (смягчении) коренных гласных в некоторых словах. Например, многие говорят: «эгэллим» вместо «агаллым», «юстюн» вместо «устун», «кёрдюк» вм. «курдук» и проч. Нередко замечается смешение заднеязычных согласных. Вместо «х» вставляют «к», вместо «к»—«г», например: «миэкэ» вместо «миэхэ», «гэлии» вм. «кэлии», «гэриэс» вм. «кэриэс», «гилэнг» вм. «килэнг», «гильбиэннэрдээх нэдэсинг», «кэрэк бэйэлэнэн» и т. д. Эти явления типичны для объякученных тунгусов и в южных округах.

В якутизации христианских имен у северных якутов наблюдается своя особая традиция, отличная от способов восприятия этих имен южными якутами. Например, имена Евдокия, Мария, Дарья, Прокопий, Василий у них приняли такие формы: Джэбдэк, Маарый, Даарый, Прокуус, Бачыык и проч.

Из морфологических явлений нужно отметить явное злоупотребление тунгусскими уменьшительными аффиксами «каан», «кээн», «чаан», «чээн». Северный якут постоянно прибегает к уменьшительным формам без всякой надобности: бысахчаан, сюгэчээн, табакаан, киспкээн, ыккаан, учутаччаан (близко), сайынгыкаан (лето), «кыылкааны бултанабыт» и т. д. Эта тенденция особенно заметна при употреблении слов с притяжательными местоименными аффиксами. Повидимому, у них считается делом хорошего тона и благоприличия все то, что принадлежит человеку называть уменьшительными именами. Сильное пристрастие к уменьшительным именам констатируется у многих тунгусских племен.

Вместе с тем мы устанавливаем вероятное происхождение общеякутских уменьшительных аффиксов «каан» и «чаан», совершенно отличных от общетурецких. Во всех турецких наречиях, за исключением черневых татар и якутов, уменьшительные аффиксы являются разновидностями «чаак-чэк» (шак-шэк, жак-жэк, джак-джэк, джик, цак-цык и т. д.). У черневых татар и татар с р. Лебеди «нак-нэк, нок-нёк», а у якутов «каан-чаан».[1] Турецкая уменьшительная форма на «чах» сохранилась лишь в немногих аморфных словообразованиях, как, например, кулунчаак, соуурчах, туутчах.

Ввиду наличия у тунгусов аффиксов «каан» и «чаан», а также их привычки часто прибегать к уменьшительным формам, можно усомниться в непосредственном монгольском происхождении якутского аффикса «каан». У Илимпейских тунгусов «оронкоон»—уменьшительное от «орон»—олень, «цууртакаан»—ножичек, «кунгакаан»—ребенок, «джасыкчаан»—ящичек.[2]

У северных якутов констатируются и неожиданные для южных говоров формы образования долгих гласных, например: «маа» из «маагы»—«маа спригэр сюурэн киндэ», «суо» из «сойуо» (суо ыйа—месяц гонки зверей по насту, название месяца), «тойуу» из «тогойум»—дитятко мое, «догоо» из «догоор».

В северном говоре бытует одна форма образования отыменных глаголов, совершенно неизвестная всем прочим якутам, за исключением левобережного населения Северо-Восточного Вилюя. Они от многих имен существительных образуют глаголы при помощи аффикса, который в якутском наречии указывает действие—обзаводиться чем-либо, приобретать что-либо, и употребляют с особым оригинальным значением. Например: от «кыыл»—дикий олень при помощи аффикса «ла» образуется глагол «кыыл-ла-нар» со значением ходить на диких оленей, охотиться на них. Точно также от «кюёл»—озеро—«кюёллэнэр»—рыбачить, от «мас»—дерево, дрова—«маслапар»—ездить за дровами, от «ыал»—сосед—«ыалланар»—ходить, ездить по гостям. Аналогично и глагольное образование «ыттыыр»—гоняться за зверем с собакой.

---

1. См. Н. Ф. Катанов. „Опыт исследования урянхайского языка". § 40.

2. Наши записи, а также у Е. И. Титова—„Тунгусско-русский словарь". О монгольском уменьшительном аффиксе „кан-хан" см. А. Д. Руднев. „Материалы по говорам Восточной Монголии" Спб. 1911. стр. 201.

Приведенное неправильное употребление якутских словообразовательных аффиксов приходится рассматривать как верные признаки «варваризма». То же явление сказывается в постоянном употреблении глагольной формы «ойумсуй-ойумсут» вместо «ойуннаа-ойуннат». Совершенно оригинальное словообразование, неизвестное южным якутам, мы находим в глаголе «мэнгнэрт»—наживлять от «мэнгиэ»—нажива. Здесь мы сталкиваемся с лингвистическим явлением другого порядка, которое нужно характеризовать как проявление «архаизма» в языке, т. е. сохранения отживших форм и слов. Глагол «мэнгнэрт» образован совершенно правильно, наподобие «хоруо-хоруорт», но южными якутами забыт. Таких архаичных слов в говоре северных якутов, повидимому, сохранилось значительное количество. Приведем немногие примеры, зарегистрированные нами при беглом знакомстве с северным говором. Слово «ёс» употребляется со значением—обычай, правило, закон. Часто про общепринятое правило поведения говорят—«бу дойду джопун ёсё»—привычка, обычай людей этой страны. У южных якутов мы находим лишь слабый намек на подобное значение слова «ёс» в понятии «ёс хосооно»—поговорка, крылатое речение, дословно складное выражение обычая. Глагол «юттэр» у северян значит—разжигать костер («уоту юттэр»), а у южан «юттэр»—значит—скучить, уплотнить дрова в костре, чтобы он не потух. Существительное имя «джиэл» со значением «дверная покрышка» у северян живое и употребительное слово, а у южан оно сохраняется лишь в былинном языке и в тавтологическом новообразовании «джиэл аана» (по существу, отверстие двери). Живой глагол «кириетээ»—приложить стрелу на тетиву от «кирис»—тетива, несомненно, был известен когда-то и южанам. К тем же архаизмам нужно причислить целый ряд слов, исчезнувших или устаревающих у южан, но живых и обиходных в северном говоре: «сурт»—место, где останавливались с чумом, «тюсюю»—место остановки многих кочевников, «мучиьах»—группа чумов в одном месте, «оттук»—пастбище оленей, «курум»—свадьба (у южан вытесняется словом «уруу»), «куолбас»—гроб, «хараама»—олень темной масти, «туруу»—передышка, остановка при езде на оленях, «уктас»—чулки (кээнчэ у южан), «дюрюктэ»—стружки для разжигания костра», «кэрикэ»—плоскогорье, «хосуун»—витязь, воин и т. д. Весьма любопытны и своеобразные глаголы в северном говоре: «мёккюйэр»—сворачивать, убегать (об оленях, домашних или диких), «эриттэрэр»—гоняться за диким оленем на домашнем, запряженном в нарты, «абалаа»—ругать, «кэб»—натыкаться на что-либо.

Слово «покоо» у южан служит формой обращения к парню—«эй, парень», а у северян употребляется и при обращении к девушке. (У южан—«хотуой»). Точно также и «балыс-балта» у южан—младшая сестра, а у северян и младший брат, что у первых передается словом «инн».

Если варваризмы свидетельствуют о чуждых этнических примесях к якутам, то архаизмы в языке нужно рассматривать, как доказательства давнего разобщения северных якутов от южных.

Мы останавливаемся на важнейших особенностях говора северных якутов, которые легко бросались в глаза при поверхностном ознакомлении с

ним даже человеку, совсем не просвещенному в лингвистических премудростях. При более внимательном и длительном наблюдении, вероятно, можно отыскать и много других отклонений от южных говоров в области грамматических явлений, особенно в процессе словообразований и фонетики. Наши столкновения с северными якутами были кратковременны и касались района, сильно задетого позднейшим наплывом южных якутов (с. Булун и местечко Кюсююр). Кроме того, мы не имели возможности сузить наши исследовательские задачи до специальных вопросов лингвистики. На языковые явления мы обращали внимание лишь постольку, поскольку они дают возможность ориентироваться в этническом происхождении северных якутов, а также определить давность их обособления от остальной массы якутов. Подробное изучение северного якутского говора с точки зрения его отношения к якутскому диалекту и к другим языкам (тунгусским и монгольским) может быть выполнено лишь лингвистом по специальности. Ввиду этого свой попутный интерес к языку северных якутов мы ограничили лишь простой регистрацией небольшого количества слов, которые были для нас непонятны и свидетельствовали о чуждых примесях к якутскому племени или воскрешали более ранние стадии в развитии его языка.

Историка якутского племени не может не интересовать, например, неожиданное обнаружение в языке северных якутов явно монгольских слов, которые абсолютно неизвестны южным якутам-скотоводам. Например, в Усть-янском улусе оказывается слово «малахай» со значением шапка. У бурят и халха-монголов «малагай» и «малгай»—шапка[1]. Дальше, среди обитателей р. Оленека бытует слово «алха» со значением молот. У монголов и бурят «алха» и «алхо»—молот[2]. Во многих пунктах распространения оленных якутов слово «чончу» употребляется с довольно устойчивым значением «пуговица». Хотя «тончы» со значением пуговица известно в некоторых турецких наречиях (Телеут., шорс., лебед. и кара-кирг.), в данном случае оно могло быть занесено лишь из монгольских наречий. В монгольских и бурятских наречиях «тончи» и «тобши»—пуговица (там же, 253 стр.). В Усть-янском улусе якутское «хамса»—трубка произносится «хангса», т. е. так же, как у балаганских бурят «ганза»—медная трубка китайской работы. В бассейне р. Оленека зайца называют «кутучах», что тоже неизвестно южным якутам. У селенгинских бурят заяц—«охотоно». (Подгорб., 100 стр. Хотя «ходан»—заяц по урянхайски, а также «хойан, хойон»—и в целом ряде других турецких диалектов).

Если северных якутов признаем лишь объякученными местными тунгусами, то откуда они могли бы получить эти монгольские слова, совершенно неизвестные южным якутам-скотоводам? Правда, слово «чончу» известно и последним, но в другом значении:—медные привески к кожаной и деревян-

---

[1]. См. И. А. Подгорбунский. Русско-монг.-бурят. слов. 331 стр.

[2]. Впрочем, это слово можно рассматривать и как пережиток из какого-то тунгусского диалекта, ибо у илимпейских тунгусов слово „молот"—„салка" одного корня с монгольским „алха". Однако, в данном случае, по всей вероятности, сказалось комбинированное влияние монгольских и тунгусских наречий.

ной посуде или к одежде. Очевидно, северные якуты пришли откуда-то с юга, где они очень близко, гораздо ближе, чем южные якуты, соприкасались с монголами.

Лингвисты признали в якутском языке огромное количество слов, якобы, позаимствованных из монгольских наречий, но указанные выше лишние монголизмы в языке северных якутов, скорее намекают на то, что происхождение якуто-монгольских языковых параллелей нужно искать не в монгольских позаимствованиях якутского языка, а, наоборот, в заносе древнетурецких элементов в монгольский. Что же касается путей проникновения в язык якутов-оленеводов монгольских элементов, то на них мы остановимся в заключительной главе по истории северных якутов.

В лексическом составе языка северных якутов, наряду с монгольскими словами, мы обнаруживаем значительное количество бесспорных переживаний из тунгусских наречий. Таковы все названия оленей по возрастам, по полу, по масти, частей оленьей туши, оленьей сбруи и вообще разная хозяйственная терминология, относящаяся как к домашним, так и к диким оленям, названия разных принадлежностей охотничьего промысла, вооружения охотника и воина, их одежды, всякого рода предметов в хозяйственном быту оленеводов, названия разных родов пищи, некоторые слова, выражающие религиозные понятия, обычаи и прочее. (Об них см. в приложении—«Словарь особенных слов в говоре якутов-оленеводов»). В словаре приводятся все установленные нами параллели с тунгусскими наречиями. Этими языковыми пережитками устанавливается, что якуты вливались в тунгусскую массу, которая жила когда-то в ближайшем соседстве с монгольскими племенами.

Якутский язык признается совершенно однородным, слагающимся из нескольких местных говоров, слегка различающихся друг от друга. Мы не можем, конечно, настаивать на том, чтобы говор северных якутов рассматривался как самостоятельное поднаречие якутского языка. Но тем не менее мы позволяем себе думать, что говор оленных якутов расходится от говоров якутов-скотоводов гораздо сильнее, чем последние между собой. Поэтому было бы целесообразно якутское наречие прежде всего разделять на говоры южные (скотоводов) и северные (оленеводов). Вместе с тем, нельзя не пожелать, чтобы на говоры якутов-оленеводов обратили должное внимание специалисты языковеды, ибо наши наблюдения и замечания в этой, чуждой для нас, области являются не более как суждениями простого обывателя.

На этом мы закончим наши краткие замечания о языке северных якутов. При определении этнического происхождения того или другого народа, язык не есть единственное доказательство. Его показания необходимо проверить и согласовать с другими данными, прежде чем притти к окончательным историческим выводам о происхождении якутов-оленеводов.

2. ОБЫЧАИ И НРАВЫ СЕВЕРНЫХ ЯКУТОВ

Мы остановимся здесь лишь на тех обычаях якутов-оленеводов, которые значительно расходятся с тем, что можно наблюдать у южных, и могли

бы свидетельствовать об особых путях их исторического прошлого или о давности отрыва их от главной якутской массы.

Хотя северные якуты усвоили общеякутские названия месяцев, но некоторые из последних обозначаются у них по другому. Например, летние месяцы они обозначают—«кумаар ыйа», «ыргахта ыйа»—месяца комара и овода. У илимпейских тунгусов, по нашим расспросным данным, летние месяцы имеют аналогичные названия—«нганманин»—комариный от «нганмакта—комар, «hунминин»—месяц овода от «hунмикта»—овод. На побережье Ледовитого океана один летний месяц называется «сара-ыйа», т. е. месяц охоты на линных гусей и уток. Один весенний месяц называется «суо-ыйа»—месяц охоты на зверей по насту. Осенние месяцы тоже имеют параллельные местные названия, неизвестные остальным якутам: «кёпёх ыйа», очевидно, листопад, «кюёл тонгор ыйа»—месяц замерзания озер.

В этих названиях обнаруживается более древняя основа счисления времен года, свидетельствующая о давности занятия охотой, рыболовством и оленеводством. Северные якуты, вероятно, очень долго прожили в озерной области нижнего Вилюя, занимаясь рыболовством. Отсюда фиксация времени замерзания озер. Якуты-скотоводы летние месяцы называют по сезонным работам: «от ыйа»—время кошения травы, «атырджах ыйа»—время уборки сена (дословно «вилы»), а оленеводы эту пору определяют по комарам и оводу, которые очень досаждают оленным стадам. Появление специального месяца гонки за зверем по насту точно также говорит о развитом охотничьем промысле.

Между прочим, у северных якутов более отчетливее, чем у южных, сохранилось почитание новолуния. Многие хозяйственные действия и важные события в их частной жизни, например, сговор невесты и свадьба, приурочиваются к новолунию. У южных якутов только в былинах и песнях упоминается «ый сангата, кюн ютюётэ»—новолуние, наилучший день...

В хозяйственном быту оленных якутов бросается в глаза одно их обыкновение, неукоснительно соблюдаемое повсеместно. Это, так называемый «ньымаат» или «тюнгэсэ». Обычай заключается в том, что каждый охотник, упромысливший съедобного зверя, обязан уделить львиную долю из своей добычи одному из соседей или даже случайному посетителю. Охотник, убивший одного дикого оленя, отдает в ньымаат лучшую заднюю половину туши («дарама»—хребтовая часть) и шкуру, иногда к этому присоединяется грудина, сердце, печень, кишечный жир. Ньымаат обычно дается одному человеку и не делится между всеми соседями. Остальные должны получить аналогичные дары по очереди при следующих добычах. В некоторых случаях практикуется, т. н. юлбюччю ньымаат (полный н.), когда у самого охотника остается только голова оленя и сердце. Ньымаат совершенно не вызывает равносильного отдарка, тем более, что субъектами этого права обычно оказываются дряхлые старцы, увечные вдовы, сироты или случайные гости. Обычай промыслового дара соблюдается и при рыболовстве, хотя, повидимому, в этом случае нет установленной нормы. Одаривают лиц, не имеющих своих сетей. При добыче ценной пушнины, напри-

мер, песцовых шкурок, обязанности дара нет, но тем не менее в виде исключения случайных и уважаемых гостей, тоже одаривают.

Описанный обычай должен был возникнуть среди искони охотничьего народа, являясь одной из форм социального страхования и пережитком более ранней коммунистической организации родового общества. Как известно, этот обычай широко распространен среди всех тунгусских племен. Да и самое слово ньымаат констатируется чуть ли не во всех тунгусских наречиях. Наличие якутского синонима «тюнгэсэ», выражающего то же самое понятие (от «тюнгэтэр»—делить), доказывает, что якутский элемент стал вливаться в тунгусскую среду с очень давних пор.

Интересно отметить, что аналогичный обычай дележа из охотничьей съедобной добычи практикуется у обитателей Урянхайского края (ныне Танну-Тувинский край). Е. К. Яковлев пишет по этому поводу:

«По Кемчику сойот, встретив кого-либо едущего с добычей (не пушниной) при слове «уджа», «южа», берет заднюю ногу с частью позвоночника и шкуру, второй и третий встречные отрезывают себе также лучшие куски мяса, так что убившему зачастую ничего не остается»[1].

О сойотах Точжинского хошуна, занимающихся охотой и оленеводством, М. Райков пишет:

«Только кожа животного поступает в полную собственность того, кто убил зверя, мясо животного делится между всеми остальными»[2].

На побережье Ледовитого океана существует общественная охота на ленных гусей и диких оленей в местах переправы их через Оленек, ленские протоки и Хатангу. Добыча делится поровну между всеми взрослыми от 18 до 20 лет, как говорят, ёлбюгэннэн (по податным единицам). Так ли было в дорусскую эпоху, решить трудно. Весьма возможно, что в этом обычае сказалось влияние русских промышленников и их артельного начала. На островах дельты Лены делят между всеми домохозяевами и ценные лесины, прибиваемые к берегу рекой. Побережье, наносный лес которого подлежит дележу, называется «потаак спрэ». Существует даже специальный смотритель за этим общественным лесом—«потаак тойоно». Общественная охота на диких оленей носит название «тиикээн», а на ленных гусей сетями «окуол».

Среди оленных якутов распространено гадание о промысле или грядущей судьбе вообще по лопаточной кости дикого оленя. Гадание обозначается специальным термином «долуур» или «доруу». На лопатку (левой ноги) кладут горячие угли и раздувают, потом обливают ее холодной водой, отчего кость дает разные трещины. По характеру и взаимному расположению трещин судят о том, что предстоит. Между прочим, одна большая трещина носит название «Сингкэн суола» (дорожка Сингкэна). Под Сингкэн'ем обычно

---

[1] „Этногр. обзор инородч. населения долины Южн. Енисея". Минусинск 1900. стр., 67 также Г. Е. Грум-Гржимайло. „Западн. Монголия и Урянхайский край". Т. III. стр. 63.

[2] Райков. Отчет о поездке к верховьям р. Енисея в 1897 г. Изв. Русс. Геогр. Об-ва. Т. XXXIV, вып. IV.

разумеют дикого оленя или духа, дарующего этот род охотничьей добычи. Эта трещина предвещает удачную охоту. У кондагирских тунгусов в верховьях р. Ниж. Тунгуски «Сингкэн»—название духа леса, дающего охотничью добычу вообще. Гадание по лопатке оленя является тунгусским обыкновением, но констатировано и у карагассов, говорящих по-тюркски[1]. У монголов, буряг и у турецких племен Алтае-Саянского нагорья весьма распространен обычай гадать по лопатке барана. Якутам-скотоводам гадание по лопатке зверя или домашнего скота чуждо или оставлено очень давно.

У оленных якутов существует еще довольно сложный способ гадания по костяшкам налима, т. н., «биилкэ» (описание приема гадания см. прилож. «Словарь особенных слов в говоре якутов-оленеводов—слово «биилкомиилкэ»). Это название, несомненно, есть видоизменение якутского слова «билгэ»—предугадывание будущности, судьбы, провидение. Как это слово, так и самый способ гадания усвоены и илимпейскими тунгусами. Любопытно то, что при гадании из костей налима складывают фигуру человека. Сойоты налима не едят и приписывают ему человеческое происхождение[1]. Человеческое происхождение налима разделяют и буряты.

Гадание по костям налима также чуждо якутам-скотоводам.

Игры у северных якутов мало отличаются от общеякутских: ыстанга, кылыы, куобахтыы, мас тардысыы, харах симсии и т. д. До недавнего времени у них практиковалось состязание в стрельбе из луков «дал ытысаа». У южных якутов о таких состязаниях рассказывается только в преданиях.

Круговые танцы оленных якутов носят типично тунгусский характер, что особенно обнаруживается в их плясовых возгласах. Так якуты Жиганского улуса выкрикивали: сэрийэ, hуурай, hаандыр; долгане—сэрийэ, сарыйа, hачуо, hэчуо; анабарские якуты—hиэйра, hэйро...

На одежде мы не будем долго останавливаться, ибо для целей нашего исторического анализа она менее всего показательна. На севере у всех народов, не исключая пришлых якутов и русских, как будто господствует одинаковый покрой зимней одежды. Однако, у местных якутов вне всякого сомнения, господствуют тунгусские формы и названия. Старинные женские наряды не сохранились, а привозные—работы якутских кустарей. На север обычно попадали старинные, вышедшие из моды, наряды якуток.

Необходимо отметить, что якуты, живущие в районе Анабара и Хатанги, а также и долгане-мужчины еще на памяти стариков носили косы и серьги.

В свадебных обрядах и обычаях северных якутов, повидимому, повторяются общеякутские типы и порядки, но есть и некоторые отступления. При сговоре невесты ее родителям полагается преподносить особый подарок ценной пушниной, т. н., «тумустаах»—шкурку песца, лисы или волка. Жених и его отец при сговоре присутствовать не могут, переговоры ведет

---

[1] Н. Ф. Катанов. Поездка к карагассам. Зап. Русс Геогр. Общ. по Отд. этногр. т. XVII, вып. II. 1891 г. стр 148.

[2] Яковлев. Там же. 95 — 96 стр.

особый сват. Если родители невесты согласны выдать дочь, они принимают от свата подарок. По обычаю, сват обязан сделать пред родителями невесты земные поклоны. Как обручение, так и самая свадьба устраиваются при поволунии. Некоторые говорят, что зять до уплаты установленного калыма, не может входить в дом тестя. Позже при входе он также делает пред тестем и тещей троекратные земные поклоны и целует у них руки.

В этом отношении к северным якутам довольно близки карагасы. Якутовед В. Н. Васильев, посетивший карагас, пишет: «Сватовство напоминает долгано-якутское, встреченное мною в низовьях р. Хатанги на севере Туруханского края. Обыкновенно карагас, решив женить сына, посылает с каким-нибудь другим лицом к отцу намеченной невесты в подарок платок... Прием подарка должен означать, что отец девушки не прочь породниться с данным лицом»[1].

О поклонах зятя тестю пишет проф. Катанов: «Зять, приехавши прежде всего наливает вина в чайную чашу и подает его своему тестю; подавая, зять становится на колени и, сложа руки топором (ладони к ладони), кланяется»[2].

Обычай преподносить пушнину при сговоре невесты констатирован нами и у тунгусов Кондагирского рода в верховьях Ниж. Тунгуски.

Плата за невесту (сулуу), разные подарки (бэлэх), доставка провизии (курум), состав приданого и проч., мало разнятся от собственно якутских обычаев, за исключением, конечно, того, что у северян фигурирует оленный скот. Интересно отметить лишь то, что число оленей, входящих в состав калыма и в приданое, по правилу, должно быть нечетным (кэлтэгэй).

Большое своеобразие и отклонения от общеякутских обычаев замечается в положении невестки. Так, например, повсюду у северных якутов молодая замужняя женщина не имеет права входа в жилище всех старших родственников мужа без предварительной жертвы их домашнему очагу. Она должна заколоть оленя и из его крови налить на очаг того родственника, в дом которого она желает получить вход. До этого жертвоприношения в случае надобности иметь какое-либо общение с теми родственниками, она должна лежать снаружи дома и разговаривать через порог. (Рассуждая логически, обязанность невестки приносить жертву очагу прежде всего должна выполняться в отношении родителей своего мужа. К сожалению, этот вопрос в моих материалах случайно остался неосвещенным).

Затем, молодая женщина до истечения трех лет со дня переезда к мужу, не имеет права ездить к своим родителям.

Обычай жертвоприношения крови невесткой домашнему очагу не наблюдается у тунгусских племен по Ниж. Тунгуске, нет его и у илимпейских. У якутов-скотоводов мы находим очень слабый след жертвоприношения невестой огню по прибытии в дом мужа. Она при входе в юрту бросает

---

[1] „Краткий очерк быта карагассов.“ Этногр. Обозр. кн. LXXXV1—LXXXV, стр. 62.

[2]. „Поездка к карагассам“. Там же. 146 стр.

в огонь лучину и кусочек жиру. В алгысах (молитвы-благопожелания) всегда говорится, что молодая приезжает в дом мужа «аал уоту отто»—разжечь священный огонь. В момент входа невесты в некоторых местах импровизируется разжигание огня высеканием кремня. Запрет молодой женщине не совершать поездки к своим родителям до истечения 3-х лет, весьма возможно, имел место и у древних якутов. Сговорный подарок («сынгаах хонгнорор кэсии») тоже существовал, но не обязательно пушниной. «О трижды девять поклонах» в якутской свадьбе сообщает А. Кулаковский, но только в отношении невестки к свекру[1].

У северных якутов более строго соблюдаются и разные запреты для невестки в отношении старших родственников мужа, т. н., киниитти: не показывать им непокрытые волосы, голые ноги, не проходить между ними и очагом, не произносить их имена и проч. Аналогичные запреты существуют у них и во взаимоотношениях зятя и тещи. Последняя не должна показывать зятю свои непокрытые волосы. Зять не должен садиться на нару тещи, пить из ее чашки, не может выйти на двор, когда там находится теща. И здесь мы видим доказательство глубокой давности отрыва северных якутов от южных. У последних сохранилась только поговорка, из которой видно, что древние якутские зятья, как огня, брялись встречи со своей тещей и, если одолевала сильная жажда, то они предпочитали под прикрытием годовалого теленка темной масти сходить на четвереньках на водопой, чем войти в дом, где сидела теща.

Архаическое мировоззрение оленных якутов лучше всего характеризуется их взглядами на женщину, как на нечистое существо, из чего вытекает целый ряд житейских правил, оберегов от женщины. Традиционный северный якут не позволит себе одеть какую-либо часть женской одежды. Помимо невозможности в женской одежде итти на промысел, они этот оберег обычно объясняют тем, что у мужчины будут болеть кости. Даже больше того, женщина не имеет права вешать свою одежду поверх одежды мужчины, чтобы не осквернить ее. Если случится это несчастье, то потерпевший мужчина не может итти на промысел, не совершив особый обряд очищения оскверненной одежды огнем и дымом можжевельника или богородской травы. Обряд носит название—«алаастыр». На горящие угли кладут кусочки упомянутых растений и встряхивают над дымом очищаемую одежду, произнося—«алаас, алаас». Из тех же воззрений вытекает необходимость очищения всякой одежды, сшитой женщиной для носки. Не дай боже, женщине перешагнуть через орудия промысла—сети, ружья, луки, копья и пальмы, орудия становятся уже негодными к употреблению. Опять нужно очищать их священным огнем. Потому же самому, порядочный мужчина-промышленник при спанье должен ложиться у стены, чтобы его жена легла спереди. В противном случае женщине пришлось бы перешагивать через мужа. Если женщина ложится сзади мужа, то она должна подниматься, обойдя его мимо ног.

[1]. См. Н. Толоконский. Якутские пословицы, загадки и проч. Иркутск 1914 г. стр. 59.

Запрещают женщине подниматься на юрту, чтобы не осквернить всех ее обитателей, очутившихся под ее ногами. Одна якутка Жиганского улуса по этому поводу выразилась: «Даже в случае пожара нельзя женщине лезть на юрту».

Все эти обереги от женщины в особенности должны соблюдать мужчины, занимающиеся промыслом. Рыбы, звери и птицы обладают как бы чутким барометром и не идут на снаряд того промышленника, который осквернился от женщины. Поэтому рыбаки и охотники пред уходом на промысел, по правилам, должны произвести обряд очищения себя. Над дымом вереска или богородской травы они окуривают ноги, произнося «алаас,алаас, тюр, тюр».

При беременности женщины обереги усиливаются. Беременная не может проходить мимо настороженной ловушки на зверя. Когда случаются роды, то мужчинам из того дома вовсе запрещается ходить на промысел. По истечении родов они должны дождаться новолуния и произвести над собой обряд очищения. В Жиганском улусе мне рассказывали про один интересный казус. Некий старик, по имени Тынгкыыча, принес жалобу улусной власти на своего соседа, который, выйдя из дома, где была роженица, прошел мимо его песцовых пастей.

Подобные воззрения на женщин, повидимому, совершенно чужды тунгусским племенам, живущим вне якутского влияния. На Ниж. Тунгуске мне рассказывали про удалых тунгусок, которые наравне с мужчинами ходили на беличий промысел и добывали не меньше их.

Среди якутов-скотоводов в районах с развитым промыслом, охотой и рыболовством, спорадически можно наблюдать обряды очищения огнем орудий промысла, отчасти и обереги при беременности женщины и родах. Некоторые из описанных оберегов от женщины более устойчивее сохранились в Удюгейском и Мастахском улусах Вилюйского округа. В преданиях южных якутов тоже сохранились следы аналогичных воззрений на женщину. Например, о ботурусском герое Агайы сообщается:

«Одна из жен, лежа с ним вместе, как-то обняла его ногой. Он очень обиделся поступком жены и прогнал ее от себя, т. к. она не должна была нечистой ногой осквернять мужа. Другую жену он прогнал только за то, что она свою обувь положила на его обувь, усматривая в этом тоже осквернение и неуважение к себе»[1].

О нем же рассказывается, что он однажды, убегая от своих врагов, не захотел проходить под постелью, вывешанной для проветривания, и перескочил через нее, «будучи брезгливым человеком». Очевидно, если не все якуту-скотоводы, то какая-то часть их когда-то разделяла воззрения северных якутов на женщину. В былинах богатыри до окончания своих военных подвигов воздерживаются от общения со своими нареченными женами, чтобы не утратить свою силу.

---

[1]. Эллэйада § 189.

Северные якуты при родах женщины вешают в юрте на три дня шкуру зайца или пучок белого конского волоса и называют их Айыысыт'ом. Этот обычай сохранился в тех же Удюгейском и Мастахском улусах Вилюйского округа, констатирован мною в некоторых наслегах Намкого улуса и в Верхоянском улусе. У тунгусов Илимпейской тундры тоже имеет место ассоциация богини родов со шкурой зайца и в некоторых местах, например, на Чириндe тоже вешают ее при родах.

Между прочим, весьма любопытна почти повсеместно наблюдаемая привычка оленных якутов называть людей по именам их старших детей—отец или мать такого-то. Это, очевидно, один из видов табу на произношение имени отца или матери семейства. Обыкновение называть отца семейства по имени старшего сына установлено мною и у кондагирских тунгусов в верховьях Ниж. Тунгуски.

Чтобы закончить наш краткий обзор культурных особенностей и отличий северных якутов, остается нам упомянуть еще об их своеобразном обряде укладывания ребенка в зыбку. При укладывании новорожденного в зыбку зовут ребенка-подростка, дают ему в руки нож или шило и просят положить этот предмет в зыбку. Ребенок должен положить нож три раза и каждый раз взрослый вопрошает его, так ли нужно класть младенца. После третьего раза укладывают новорожденного в его зыбку. В виде талисмана к колыбели ребенка привязывают деревянную модель ножа к мальчику и ножницы к девочке. Этот обряд, весьма возможно, соблюдавшийся в старину и у южных якутов, интересен потому, что близкий к нему обычай до недавнего времени существовал у бурят (северо-байкальских). Бурятская семья имела особый заветный нож «мадага», почитаемый в качестве покровителя малых детей. Этот мадага привязывали к колыбели, чтобы он отгонял от ребенка злых духов. Обряд укладывания в зыбку—«юлгээдэ урулха» состоял в том, что бабка, держа новорожденного и мадага, спрашивала у него: «кого положить в зыбку, младенца или кость быка?» Ребенок должен был дать ответ—«клади младенца». Тогда бабка укладывает младенца.[1]

Обряд очищения разных предметов, употребляемых при религиозных церемониях, над дымом можжевельника является у бурят одним из самых основных требований их шаманского ритуала. Очищаются огнем и буряты-охотники перед выходом на промысел. Так П. П. Баторов пишет, что буряты-охотники, идущие в тайгу на промысел соболей и белок, должны перед выходом из юрты обкурить себя зажженной арцой (можжев.), окуривают также и винтовку. Кроме того, они кладут винтовку на плечо к заду и стреляют, не оборачиваясь назад. Это очищает их от всех нечистот-скверн, ибо таковые остаются позади и не последуют в тайгу за охотником.[2] Г. Н. Пота-

---

[1]. Наши собственные расспросные данные в пределах Эхирит-Булагатского аймака, а также М. М. Никалаев — Обряды, связанные с рождением ребенки у бурят (Эхир. Булаг.). Бурятиевед. Сборн. Вып. У. 1927, стр. 46 — 47.

[2]. „Белкование у аларских бурят и народные поверья". Жур. Бурятиеведение, № 1, 1925, стр. 10

нин сообщает, что и «урянхайцы на охоте устраивают сан, т. е. курение можжевельником на особом треножнике, называемом ургён».[1]

Воззрение о нечистоте женщины более отчетливее чем у якутов прослеживается у бурят. Например, у северо-байкальских бурят при совершении общественных молений замужние женщины не могут присутствовать.[2]

Общественные мольбища минусинских татар и урянхайцев почти в точности воспроизводят тип бурятских молений и в них «присутствуют одни мужчины, даже животные женского пола не могут быть на священной горе».[3]

Для уяснения культурно-этнических связей северных якутов в далеком прошлом более важно то, что их воззрения на нечистоту женщины и даже самый обряд очищения огнем почти полностью констатируется у сойот-урянхайцев. По этому поводу у Яковлева мы находим следующие строки:

«Женщина или вернее нижняя часть ее считается не чистой, оскверняющей все внизу стоящее. Если женщина перешагнула через посуду, последняя подлежит очищению над огнем. Благодаря тому же женщина не имеет права влезать на крышу, где она была бы как бы над головой других людей, не имеет права рыбачить и работать по прорытию арыков (оросительных канав), так как она оскверняет воду». (Там же 94 стр.).

Итак, в обычаях и правах оленных якутов мы констатируем целый ряд особенностей, выделяющих их в особую группу от якутов-скотоводов. Одна часть их культурного своеобразия, несомненно, обязана своим происхождением очень давним тунгусским примесям, а другая часть вероятнее всего унаследована от ранних стадий культурно-хозяйственного развития якутского племени. При этом мы должны подчеркнуть общность целого ряда культурных признаков оленных якутов, тунгусов Плиппейской тундры, Кондагирского рода в верховьях Нижней Тунгуски, карагасов и сойот-урянхайцев, отчасти и северо-байкальских бурят. Вместе с тем намечается проживание основного ядра северных якутов в районе Предбайкалья и позднейшее передвижение их на север.

Мы не останавливались здесь на вопросе о культурных связях и взаимоотношениях северных якутов с палеазиатами, хотя и имели бы право на это при рассмотрении некоторых фактических моментов. Например, жертва крови домашнего оленя невесткой очагу у северных якутов имеет некоторую аналогию со свадебными обрядами у чукчей, у которых мазание кровью оленя имеет символическое значение установления незримых связей человека с родом, мужа с женой и проч.[4] И у северных якутов интересующий нас обычай, повидимому, можно рассматривать как реликт древнего свадебного обряда. Называние отца и мать семейства по имени их старшего ребенка

---

[1] „Очерки Северо-Зап. Монголии. ч. IV, стр. 92.

[2] П. П. Баторов. Алярские тайлаганы. Отд. отт. из Изв. Спб. Отд. Русс. Геогр. О-ва, 1926, стр. 8, прим.

[3] Яковлев. Op. cit 102 стр.

[4] См. В. Г. Богораз. Чукчи. Ч. I. Перевод с англ. Лнгр. 1934. стр. 130 — 131, 136 и др.

констатировано у юкагиров. Отделение роженицы от прочих членов семьи в особое жилье для родов (у северных якутов называется «джуккаахаан») давно установлено и у финно-угров на севере. Но вряд ли имеется основание все эти особенности в правах и обычаях наших северных якутов увязывать непосредственно с палеоазиатскими влияниями. Мы предпочли бы говорить не о палеоазиатской основе этих широко распространенных по всей Сибири культурных черт и обычаев, а об особой стадии культурно-хозяйственного развития значительной части аборигенных народов Сибири в целом, которую было бы правильнее характеризовать как палеосибирскую, а не палеоазиатскую, ибо действительные границы обнаружения этих признаков и реликтовых явлений в культуре выходят далеко за пределы непосредственного соседского влияния современных палеоазиатов.

3. ШАМАНСТВО СЕВЕРНЫХ ЯКУТОВ

Шаманистические воззрения и обрядовые действия, бытующие у якутов-оленеводов, будучи поставлены в один ряд с аналогичными явлениями у южных якутов, обнаруживают целый ряд принципиальных отличий и особенностей. Автор этих строк провел одну зиму в уроч. Кюсююр (в низовьях Лены около с. Булуна) со специальной целью изучения северного якутского шаманства. Присутствуя на «священных» мистериях шаманов, мы запротоколировали текстуально все их существенное содержание (записано нами 6—7 мистерий обычного типа), ознакомились также с обрядовой стороной и догматическими представлениями северных якутов.

В этнографической литературе шаманистические воззрения якутов вообще принято делить по особенностям культового действия на «черное» и «белое». Причем надо заметить, что в настоящее время более полно сохранилось лишь черное шаманство, а белое со времени принятия якутами христианства начало быстро разрушаться и сохранилось в немногочисленных пережитках, но тем не менее все основные моменты белой веры якутов-скотоводов как в отношении догматов, так и обрядовой стороны, могут быть легко восстановлены при помощи ретроспективного анализа.

Самая важнейшая особенность шаманизма якутов-оленеводов заключается в том, что он целиком и полностью отвечает за, так называемый, «черный шаманизм», а о «белой вере» южных якутов северяне не имеют никакого представления. Это явление обусловлено, конечно, тем обстоятельством, что весь комплекс религиозных понятий, представлений и обрядов, давших этнографам основание говорить о «белой» якутской вере, относится к идеологии хозяйства, покоющегося на эксплоатации конного и рогатого скота с их молочными продуктами. За пределами понимания оленных якутов остается весь древний якутский Олимп: Юрюнг Айыы или Айыы Тойон, его антипод Улуу Тойон, Уордаах Джёсёгёй, известный как покровитель конного скота, Ынахсыт Хотун, богиня, стоящая в таком же отношении к рогатому скоту, Маган Сылгылаах и Хара Сылгылаах—боги, понятия о которых сохранились только в мифах и в эпической поэзии, Джылга Тойон, бог судьбы и

зиждитель мира и т. д. Совершенно чужда северянам и развитая демонология южных якутов, заменяемая у них более упрощенными представлениями. Как это ни странно, они почти не имеют представления и о духе богатого леса, Баай Барыылаах, образ которого в чрезвычайно отчетливых формах сохранился в памяти южных якутов. Но зато вся обрядовая сторона мистерии черных шаманов сохранилась на севере с поразительной полнотой. Южные якуты в области мистериальных действий обнаруживают лишь слабую тень того, что было в глубокой древности и воспроизводится до сих пор во всех подробностях их северными собратьями.

Шаманское действо на севере делится на два самостоятельных акта: камлание вниз для извлечения похищенной и страдающей души больного и камлание вверх к божеству для вручения ему этой души на сохранение или для очищения и излечения. Между этими двумя актами полагается промежуток в несколько дней. Южные якутские шаманы совсем забросили второй акт и ограничиваются скомканным представлением первого акта, который совершается ими так бледно и кратко, что, наблюдая за их действиями и словами, нельзя получить ясного представления о сущности шаманского лицедейства. Но, с другой стороны, шаманские мистерии северных якутов носят на себе ясные следы южного скотоводческого происхождения. Сущность их мистериальных актов мы не можем характеризовать иначе, как исполнение священной конской пляски. Конской пляской, представляющей из себя подражание дорожной хлыщи верхового коня, шаманы добираются до «моря бед», куда нужно нырять уже в образе гагары. С той же конской пляской они добираются при втором камлании до того пункта, откуда нужно возноситься наверх, повидимому, приняв образ птицы. При пляске шаман в точности воспроизводит все замашки коня—ржет, фыркает, беспрестанно мотает головой, заставляет ловить себя, инсценировав вокруг веревочную изгородь, просит вкладывать себе в рот железный предмет, обычно «кэдэрээн»—скребок, служащий для обработки кожи, называя его «устуган», т. е. удила. Он не может плясать без «повода» (тэспин), длинного ремня, пришитого около ворота плаща у затылка и продернутого через обе подмышки. За повод постоянно держит возница—«тэспиннит», который как бы управляет конем-шаманом и временами должен укрощать его буйные порывы. Южное якутское шаманство когда-то, несомненно, носило точно такой же характер, ибо в нем сохранилось значительное количество пережитков аналогичных же культовых действий. В его мистериальных гимнах мы находим трафаретный стих—«арбах бастаах атыыр ойун»—с растрепанными власами (головой) жеребец-шаман, сохранились также понятия о возница «кутуруксут», о держании «чор тэспин» (звонко-гремящего повода) и проч.

Мистерия северных якутских шаманов (камлание вниз в преисподний мир) нами подробно описана в журнале «Воинствующий Атеизм» (№ 12 за 1931 г. стр. 120—145) с приложением подлинных текстов их молений. Интересующихся сравнительным изучением северного и южного якутского шаманизма мы отсылаем к указанной работе.

В вопросе о древних культурно-исторических взаимоотношениях северного оленеводческого и южного, степного скотоводческого быта в области религии необходимо подчеркнуть один принципиальный момент, а именно, строгую ограниченность культурного влияния последних только внешней обрядовой стороной религии, оторванной от ее догматических и мифологических основ. Говоря конкретно и применительно к наблюденным нами фактам, мы должны притти к следующему выводу: догматы и мифы древней стадии скотоводческой религии сохранились в пережиточной форме у самих южных якутов, тогда как соответствующая ей обрядовая сторона законсервировалась у северных якутов-оленеводов, совершенно незнакомых с коневодческим хозяйством. Таким образом, миграционная теория буржуазных этнологов в самом существенном моменте терпит полное крушение, оправдываясь лишь частично в формальном моменте.

Зензинов, как известно, у устья р. Индигирки разыскал и описал «древних русских людей», т. н., русско-устьинских мещан, которые до сих пор поют былины и песни, сохраняющие колорит времен Иоанна Грозного и первых Романовых. «Древние люди» Зензинова всего лишь 250 лет тому назад попали на берега Ледовитого океана и, так сказать, окоченели там от страшной стужи благодаря оторванности от своей метрополии со всем комплексом своих тогдашних культурных понятий и представлений. Но, однако, по сравнению с ветхостью и архаизмом шаманистического ритуала северных якутов трехсотлетняя давность культурного обособления русско-устьинцев, по всей вероятности, является мизерной величиной. Культурную отсталость носителей конской мистериальной пляски, пожалуй, следует измерять тысячелетиями. Культовая сторона северного якутского шаманизма до самого прихода советской власти скрывала в себе сущность, альфу и омегу, шаманистической религии скотоводческих народов не только одной Сибири, но и всей обширной Азии. Мы берем на себя смелость утверждать, что эти фактические материалы будут далеко не бесполезны и для знатоков древне-греческой религии и мифологии, ибо в них содержится нечто родственное Дионисиевым мистериям классической Греции.

Только очень ранний отрыв северных якутов от всей остальной якутской массы и долгое проживание их вне непосредственного влияния последней могли бы удовлетворительно объяснить нам сильное расхождение северного и южного якутского шаманства.

В районе с. Булуна и в низовьях р. Оленека нам удалось собрать значительный материал по шаманскому культу туруханских, т. н., затундренных якутов, долган, есейских, олекминских, жиганских и устьянских якутов, а также и верхоянских ламутов. Основы шаманства у всех перечисленных народностей оказались совершенно тождественными, схожими почти во всех мелочах, что не оставляет никакого сомнения в наличии единого и общего для них всех источника, противостоящего как нечто цельное, хорошо известному нам, шаманству южных якутов-скотоводов. Основное ядро и центр полярного якутского шаманства мы должны показать в районе проживания оленекских якутов. В Жиганском улусе лучшими шаманами признаются оле-

некские. Таким образом, официальные «тунгусы» в отношении верований оказываются в роли якутов по преимуществу. Поэтому не может быть никакой речи о том, чтобы обитатели р. Оленека были менее якутами, чем жиганцы и устьянцы. Очевидно, в дорусскую эпоху Оленекский край был центром якутской оленеводческой культуры, откуда расходились во все стороны все полярные якуты.

Чтобы проследить пути распространения своеобразной культуры полярных якутов нам пришлось совершить зимой и весной 1925 г. этнографическую поездку вверх по р. Вилюю от г. Вилюйска до верховьев Чоны и дальше вниз по Нижней Тунгуске с месячной остановкой в с. Ербогачоне, в районе проживания тунгусов Кондагирского рода (по их собственному произношению «Кюндэгир»).

Среди тунгусов бассейна Ниж. Тунгуски бытует более нетронутая и самобытная тунгусская культура, значительно отличающаяся от полярной якутской. Но тем не менее в ней отчетливо чувствуются следы влияния последней. В мистериальных действиях тунгусских шаманов в несколько иной обстановке выступают и конь, и бык, конское ржание и хватание железных предметов, а также и путешествия шамана вниз и наверх, соединенные в одном акте. Вместе с тем можно констатировать, что и полярное якутское шаманство восприняло некоторые тунгусские элементы, например, хоровое подпевание шаману, особенно ярко выраженное у тунгусов Кондагирского, Панкагирского и Чапогирского родов. Мистериальная пляска шаманов по Ниж. Тунгуске в противоположность якутскому представляет из себя по преимуществу подражание оленю в его дорожной побежке. Эта же тунгусская подоснова чувствуется и в шаманстве северных якутов, которые «мать-зверя» (ньыо-кыыл) шамана неизменно представляют в образе самца дикого оленя, который рисуется желтой охрой или кровью на поверхности бубна.

Обрядовые действия тунгусских шаманов менее сложны и далеко уступают северо-якутским, будучи, однако, однотипны с последним. Во всяком случае, трудно сомневаться в том, что культуры северных якутов и тунгусов Нижней Тунгуски когда-то находились в близком соприкосновении.

Изучение всех особенностей северного якутского шаманизма любопытно и интересно еще в том отношении, что им подтверждается правильность историко-материалистического понимания нередко наблюдающихся в истории явлений культурных миграций. Историко-социологическое учение марксизма никогда не отрицало бесспорно устанавливаемые факты миграционных течений или культурных влияний, но оно решительно не приемлет и отвергает беспринципную и всеобщую миграцию, которая обычно служит прикрытием разнообразных идеалистических учений. Теория беспорядочных миграционных течений несовместима с диалектико-материалистическим учением Маркса-Энгельса, поскольку в последнем указывается определенный и закономерный путь культурно-исторического развития человечества. Но, однако, те культурные влияния и миграционные течения, активный полюс которых констатируется в странах с более высокой структурой хозяйственного развития, а пассивный в соответственно менее развитых, не только не противоречат уче-

нию диалектического материализма, а, как раз наоборот, подтверждают его или даже прямо обоснованы на нем.

О чем же говорят оленеводы и охотники северной сибирской тайги и полярной тундры, которые когда-то, в глубине давно прошедших веков, восприняли от южных степных народов их конскую мистериальную пляску с ее характерной металлической завитушкой (железный скребок вместо удил)? Они говорят только о том, что оленеводческое общество и человек северной тайги по скале экономического и культурного развития стояли намного ниже и были слабее южных степных коневодов. Первые были людьми патриархального родового общества, а последние к моменту наступления на них капиталистических отношений, как известно, переживали своеобразную феодальную формацию, и в далеком прошлом, весьма возможно, прошли и через стадию рабовладельческой социально-экономической формации, само собой разумеется, не античного типа, но тоже азиатского, порожденного степью и скотоводческим бытом, а также и всем человеческим окружением, куда войдут и оседло-земледельческие народы.

В мистериях северного якутского шамана внимание историка привлекает к себе одна ритуальная мелочь, повторяющаяся в наблюденных нами случаях с удивительным постоянством. По нашему мнению, она дает довольно ясный намек на древнее местожительство своих носителей. Дело в следующем. Северные шаманы в конце своей мистерии имеют обыкновение совершать торжественный обряд раздевания, т. е. снимают свой плащ, шапку, сдают своим помощникам бубен, сопровождая все это соответствующими стихами. Одновременно они воздают благодарение всем духам-помощникам, явившимся на их призыв, и приглашают их разойтись. В заключение этого обряда особыми магическими действиями замыкается челюсть шамана, чтобы она перестала служить говорильным аппаратом для незримо витающих духов. Вслед за тем происходит мистериальное умывание шамана. Пением особых куплетов он просит подать ему воду «прозрачного байкала» (дженкэрэ байгал уутун). По правилу, воду в посуде должен поднести невинный, безгрешный отрок. Прежде чем разрешить выливать воду на свои протянутые руки, шаман пением трафаретных стихов подвергает водоноса целой исповеди:

„Усун оноолоогу кытта	Не возился ли ты
Орооспутуҥ буолаарай?	С имеющими долгие полы?
Төллэхтээги кытта	Не якшался ли?
Төллэриспитинг буолаарай?	С имеющими постели?
Суорганнааты кытта	Не ходил ли по пятам
Субуруспутуҥ буолаарай?	С имеющими одеяло?
Сыттыктааты кытта	Не обнюхивался ли
Сыласпытынг буолаарай?	С имеющими подушки?

На все вопросы мальчик дает отрицательные ответы. Лишь после этой церемонии он разрешает выливать воду на руки и умывается, продолжая напевать, что вот, мол, «водою прозрачного байкала смыл дочиста свою грязь»

и т. д. При первом прикосновении воды шаман обычно дергается, как от чего-то страшно холодного. Поэтому возницы шамана, обмакнув в воде пальцы, сначала обрызгивают его, чтобы приучить к холодной воде.

Надо заметить еще, что Ледовитый океан в шаманской мистерии неизменно фигурирует под названием «сиджиир байгал»—поганое море, на дне которого гнездятся злые духи, причиняющие людям все худые болезни. Южным якутским шаманам неизвестны ни этот обряд умывания и ни выражение «прозрачный байгал», тогда как «поганый байгал» со значением северного холодного моря всегда упоминается при нырянии. Исключение представляют лишь якуты северного Вилюя, проживающие на левой стороне реки в быв. Мастахском, возможно, и Удюгейском улусах, где сохранились многие бытовые черты северной оленеводческой культуры. В указанном районе, например, полагается совершать два мистерпальных акта, вниз и вверх, шаманы хотя и не умываются в обрядовом порядке, но иногда просят воду «прозрачного байгала» для утоления своей жажды. (Показание якута из Мастахского улуса Семена Абрамова, ныне студента Иркутского медрабфака).[1]

Не вправе ли мы описанную особенность шаманского действия приписать долгому проживанию народа на берегах озера Байкал? Прозрачность и прохладность байкальских вод давно вошли в поговорку иркутян, пользующихся водою Ангары в 60-ти км от ее байкальского истока. Проф. К. М. Миротворцев в одной своей работе пишет:

«Река Ангара славится своей прозрачной, всегда холодной водой и быстрым течением и является единственной рекой, вытекающей из Байкала, куда впадает не одна сотня речек».[2]

Из всего комплекса надстроечных явлений культуры область религиозных представлений, а тем более все обрядовые действия религии, признаются консервативными по самой своей природе. Поэтому и не приходится удивляться тому, что северные якуты в своих религиозных церемониях не сдела-

---

[1]. Мы должны сделать еще одну оговорку: зимой 1924 года около с. Кюсюря нам удалось прослушать и записать мистерию одного шамана, по происхождению якута Верхоянского улуса. Она во всех мелочах воспроизводит обычный тип мистерий северных шаманов. Этот шаман был уроженцем бассейна р. Омолоя, впадающего в Полярное море на запад от Яны, где мы находим смешанное оленеводческо-скотоводческое хозяйство. Не будучи знакомы с обычным типом камланий шаманов у скотоводов Верхоянского улуса, мы не рискуем обобщать отмеченные нами особенности упомянутого омолойского шамана на всех якутов Верхоянско-Индигиро- Колымского севера.

Но однако, по собранным нами расспросным данным, шаманство верхоянских скотоводов, как и левобережное северно-вилюйское, стоит ближе к северному оленеводческому. Якуты-верхоянцы, абыйцы (на Индигирке) и колымчане по своему происхождению, по всей вероятности, представляют из себя смесь ранних вилюйчан с выходцами из Амгино-Ленского плоскогорья Якутского округа. Мы имеем основание подозревать, что ранняя вилюйская прослойка верхоянцев, абыйцев и колымчан, состоящая из группы родов — Юсальцев, Эгинцев и Байдунцев, по своему первоначальному происхождению были монголы, само собой разумеется, объякученные еще на юге в пределах Прибайкалья.

[2]. См. „Районы Северной Азии". Вып. IV. Изд. Госплана СССР Москва 1928 Стр. 11.

ли ни одного шага вперед по сравнению с тем, что, м. б., две тысячи и более лет тому назад совершалось их отделенными предками на берегах прозрачных и холодных вод «священного Байкала». Что озеро Байкал и его имя могли оставить свой след на шаманистических представлениях разных народов свидетельствует и легенда бурят о каком-то шаманском камне, у истока Ангары, который, якобы, сдерживает воды Байкала. Имена же Байкала и Ангары постоянно фигурируют в гимнах бурятских шаманов, записанных нами в пределах Эхирит-Булагатского аймака. Что северные якуты имя «прозрачного байкала» получили непосредственно сами и перенесли на север, свидетельствует отсутствие аналогичных понятий и обрядов у южных якутских шаманов.

Историки и бытописатели якутов давно обратили внимание на наличие в якутском словаре слова «байгал» со значением море, обилие вод, водная глубь[1] и усматривали в нем, след проживания якутов на юге около озера Байкал. Это общее мнение, однако, требует уточнения в том смысле, что в якутском языке слово «байгал», прежде всего, является не нарицательным, а собственным именем Ледовитого или Полярного моря, которое в разговорной речи обычно употребляется с постоянным эпитетом «муустаах», что значит—ледяное: «Муустаах Байгал»—Ледяной Байгал. Это, по сознанию всех якутов, есть тот самый обширный водоем, куда текут все реки и в первую очередь, конечно, Лена, в бассейне которой обитает основная масса всего якутского племени. На почве этого весьма популярного географического имени в порядке уже вторичного словообразовательного процесса и родилось у якутов нарицательное имя «байгал»—как море и обилие всяких вод вообще. Это положение легко устанавливается тем фактом, что якутский язык сохранил слово «далай», которое, как в монгольских, так и в турецких языках, употребляется со значением море, океан.[2] Якутское «далай» Э. К. Пекарский в своем словаре переводит: «масса воды в одном месте, водный мир, большая вода, самая глубокая вода, многоводное море, глубина моря».[3]

Из изложенного вытекает, что основным фактом якутского языка, имеющим огромное значение для уяснения прошлых судеб якутского племени, является процесс образования собственного географического имени Северного Ледовитого океана, окрещенного якутами по имени озера Байкал. Этот словообразовательный процесс отнюдь не противоречит общему выводу историков о проживании предков якутов около озера Байкал, а, наоборот, еще более уточняет его. Спрашивается, почему собственное имя Байкала якуты перенесли на Ледовитый океан? Ответ ясен: по той простой причине, что основная масса носителей якутского языка искони веков привыкла именовать «Байгалом» тот самый обширный водоем, куда стекали все известные им текучие воды. Это момент чрезвычайно важный для историка якутов, ибо им географически точно определяется та самая территория, на почве которой

---

1. Э. К. Пекарский. Словарь якут. яз. Стр. 340.
2. Бимбаев. Монголо-русский слов. 140 стр. В. В. Радлов. Опыт словаря тюркс. нар. т. 3, стр. 878
3. Э. К. Пекарский, там же, 668 ст.

якутский народ в древние времена должен был выработать свою устойчивую языковую привычку. Почти все значительные текучие воды озеро Байкал принимает только с востока и отчасти с севера (Верх. Ангара), тогда как с ее западного берега одна мощная Ангара уносит ее воды дальше на север. Это обстоятельство, между прочим, нашло свое художественное выражение в красивой легенде бурятского народа. Озеро Байкал глубокий старик, имеющий много сыновей—рек и речек, которые приносят в родительское лоно свои воды, но зато у старика одна единственная расточительная дочь, красавица Ангара, которая все нажитые воды отца уносит с собой куда-то на север в качество приданого добра.[1] Отсюда ясно, что древние якуты в период образования своего языка имели дело с сыновьями старика Байкала, а не с его дочерью Ангарой. Только в пределах восточного Прибайкалья и дальше в бассейне р. Селенги с ее многочисленными притоками якуты могли выработать свою устойчивую языковую привычку именовать Байгалом общий водоем всех текучих вод, каковое понятие в процессе вторичного словообразовательного процесса расширилось вплоть до нарицательного имени—море вообще, довольно успешно конкурируя с древним «далай». Значит, основная масса якутского народа в бассейне Ангары была только в качестве временного гостя, прибывшего сюда с восточных берегов Байкала и после временной остановки последовавшего дальше на север с неискоренимой языковой привычкой—помещать Байкал за устьем своих текучих вод.

Так, на основании палеонтологического анализа словообразовательного процесса в якутском языке, рекомендуемого новым материалистическим языковедением—яфетидологией, почти безошибочно и с желательной географической точностью устанавливается древнее местожительство якутского племени.

Однако, якутский народ, в древние годы перешагнувший через озеро Байкал и оставивший его позади с переселением на север, не мог не отразить этого факта в своем языке. Об этом свидетельствует эпитет «ледяной», прилагаемый к собственному имени северного Байкала. Значит, где-то позади остался не ледяной, а просто Байкал.

Таким образом, у северных и южных якутов в связи с именем озера Байкал сохранились две параллельных антитезы: у первых «прозрачный Байкал», противополагаемый «поганому» (вредоносящему) Байкалу, а у последних «Ледяной Байкал» с его логическим дополнением не ледяного Байкала. И то и другое ясно говорят о том, что якутское племя в целом в пределах северо-восточной Сибири является пришельцем из далекого Прибайкалья. Пред нами возникает вполне естественный вопрос: носители понятия «прозрачного Байкала» не принадлежали ли к составу древнейшего населения Приангарья? Решая этот вопрос, мы невольно останавливаем свое внимание на происхождении и семантике собственного имени «Ангара», столь тесно увязанного с именем Байкала. Оно тоже известно якутам.

---

[1]. Со слов бурятского этнографа-фольклориста П. П. Баторова.

В нашей памяти из воспоминаний времени отдаленного детства сохранилась одна скороговорка, точный смысл которой для нас не совсем ясен, но она интересна в том отношении, что в ней заключается имя реки Ангары:

„Ангхара-Джангхара.
Уолбара-Чуолбара"...

Весьма возможно, что это часть какой-то замысловатой якутской загадки или простая абракадабра, игра на рифмовку (все слова здесь оканчиваются на «ра»). В такого рода парных речениях любопытно то, что его вторая часть обычно является повторением или аналогом, иным вариантом, первой части. Иными словами, в данном случае между словами «Ангхара» и «Джангхара» нужно поставить знак равенства. Якутское «Джангхара» не является ли более древним и исходным вариантом имени «Ангхара—Ангара»? Если дело обстояло так, то как возможно было бы осмыслить имя «Джангхара»?

Имя Ангары вторично встретилось в записанной нами обширной богатырской былине якутов, имеющей название «Ала ынах уола Айдаан-Бухатыыр» (сын пегой коровы Айдаа-Богатырь). Сказитель Кузьма Слепцов, старик якут Западно-Кангаласского улуса, местожительство своего главного героя и его братьев помещает около какого-то «Ангара-Байгал» и вообще имя Байгал употребляется дальше с тем же эпитетом. Было бы проявлением чрезмерного скептицизма отрицать в этом сложном имени отложение в якутском языке сочетания географических имен р. Ангары и озера Байкала. Здесь для наших лингвистических изысканий важно то, что слово «ангара», повидимому, входит как прилагательный эпитет к имени Байкала. В связи с предыдущим выводом о двойнике «Ангары» мы уже имеем «Джангхара Байгал». Если какое-либо собственное имя образуется от нарицательного слова, то первое не может не эволюционировать дальше в интересах отличия его от нарицательного значения. В турецких языках, построенных по принципу сингармонизма, самый простейший способ эволюции слова представляет из себя перемена огласовки, мягкой на твердую или наоборот. Якутский язык в этом отношении дает массу примеров такого словообразовательного процесса, при котором в качестве твердого остова для целого ряда родственных понятий остается прежний состав согласных звуков, а переменной величиной различные гласные звуки. Таковы, например, следующие ряды слов, ответвившихся от одного корня:

Барджыгыныыр,	Баллыргыыр,
Бырджыгыныыр,	Боллургуур,
Бирджигиниир,	Буллургуур,
Борджугуруур,	Бёллюргююр,
Бурджугуруур.	Быллыргыыр,
Сардыргас,	Биллиргиир,
Сирдиргэс,	Таллыргас,
Сурдургас.	Толлургас,
	Тиллиргэс...

Допуская аналогичный словообразовательный процесс в интересующем нас прилагательном эпитете к имени Байкал, мы получаем:

Джангхара,
Джэнгкэрэ.

Иными словами, натыкаемся на знакомый нам из северного якутского шаманского фольклора прилагательный эпитет «джэнгкэрэ»—прозрачный, характеризующий отличительное свойство байкальских вод. Таким образом, ряд эволюционных переходов, приведших в конечном итоге к имени Ангара, намечается в следующем виде:

Джэнгкэрэ—Джангхара
Ангхара—Ангара

Джэнгкэрэ, древнее наименование Ангары по-нашему палеонтологическому анализу,—имя существительное, образованное от прилагательного «джэнгкир», в точном переводе значило бы—то, что отличается прозрачностью или фигурально «прозрачноводная». Данные якутского языка убеждают нас в том, что оно прилагалось как эпитет и к имени Байкал, «джэнгкэрэ Байгал», а у южных якутов «джангхара» или «ангхара Байгал».

Какой народ первоначально так определял свойство байкальских вод и по нему наименовал р. Ангару, турецкого или монгольского языка? Дать определенный ответ на этот вопрос, мы не можем, ибо слово «джэнгкир» в форме «цэнкир» и «санхир» констатируется у бурят и монголов,[1] но со значением—голубой, лазуровый, каковые качества не менее красочно могут передавать оттенки байкальских вод, когда в них отражается голубое небо, верховное божество древних монголов и турок. Мы не исключаем возможности и того, что якутские «Джангхара-Ангхара» могли образоваться на почве фонетизации и легкого искажения бурятского прилагательного «санхир» (Санхара, Джангхара, Ангхара).

---

[1] Подгорбунский. Русско-монголо-бурятский словарь. 64 стр. и Бимбаев, ук. соч. 173 стр.

Глава III

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС ЯКУТОВ-ОЛЕНЕВОДОВ

I. ХОСУННЫЕ СКАЗАНИЯ

Культурное единство и стародавняя обособленность якутов-оленеводов еще более резко выступают в их героическом эпосе. Южным якутам свойственна идея о предках или прародителях народа, сказания о которых составляют содержание их героического эпоса. Северным якутам, живущим при оленеводческом хозяйстве, представление о предках тех или других родов совершенно чуждо. Но зато среди них весьма популярны рассказы о древних витязях, именуемых хосунами. Сказители хосунного эпоса совершенно не интересуются вопросами о том, какие отделы народа или роды произошли от тех или других героев и не пытаются восстанавливать имена их потомства. Хосун прежде всего есть воляка, в некоторых случаях выступающий с функциями вождя и начальника довольно значительного народа.

Нам удалось записать важнейшие и популярные среди оленных якутов рассказы об их древних витязях-хосунах.[1] Правда, разбросанность их на огромном пространстве, разделенном между разными административными единицами, из которых некоторые входят в состав Туруханского края, не всегда давала нам возможность осведомляться непосредственно с уст самих носителей хосунного эпоса. Часто мы записывали варианты сказаний с уст пришлых якутов, долго проживших в разных углах оленеводческого севера. Но сравнение с записями, сделанными с уст самих туземцев, показывает, что пришлые якуты улавливают сюжеты местного фольклора с большой точностью, иногда даже с сохранением диалектологического колорита. В одном случае неоценимую услугу оказал нам тунгус далекой Илимпейской тундры, который долго прожил среди якутов озера Есей и случайно приехал в низовья реки Оленека. Это Николай Данилов, по прозвищу Харчыыкаан, глубокий старик, уже переваливший за восьмой десяток лет, но тем не менее не подающий никаких признаков ослабления памяти и своих умственных способностей. Рассказы Данилова для нас интересны потому, что он принадлежит к группе многочисленных тунгусов Илимпейской тундры, которые яв-

[1]. См. „Оленекская хосунная эпопея".

лялись ближайшими соседями северных якутов, сохранили свой родной язык и типические особенности тунгусского быта, обнаруживая, однако, как мы указывали выше, следы очень давнего соприкосновения с якутской культурой. Сравнение бытовых черт северных якутов и илимпейских тунгусов может быть весьма показательным для установления происхождения первых со всем комплексом их культурных признаков. Данилов хорошо владеет как своим родным языком, так и якутским, не говоря о его прекрасной осведомленности в вопросах быта своего родного народа. Встретившись с ним в апреле 1924 года в местности Саардаах на Оленеке, мы в течение недели, не отвлекаясь ни на что другое, использовали его терпеливую любезность и готовность вести беседы на всякую тему. С его слов нами составлен небольшой словарь наречия илимпейских тунгусов, чтобы иметь сравнительный лингвистический материал для уяснения происхождения в языке якутов-оленеводов целого ряда пережитков какого-то тунгусского диалекта. С уст Данилова нами записаны также образцы собственного тунгусского и есее-якутского фольклора. Как и следовало ожидать, хосунные сказания есейских якутов оказались тождественными с жиганo-устьянскими, составляя лишь особый вариант сюжета, распространенного по всему якутскому оленеводческому северу. Ввиду отсутствия в существующей литературе материала по хосунным сказаниям оленных якутов мы перевели на русский язык все наши важнейшие записи и составили особый сборник под заглавием—«Оленекская хосунная эпопея».

Если в области шаманской поэзии и ритуала якуты-оленеводы выступают в качестве древнейших якутов с едва заметными следами тунгусского влияния, то в их хосунном эпосе гораздо сильнее сказались инородные, неякутские примеси. Пред нами выступают герои с явно не-турецкими именами, например, Юнгкээбил, Чемпэрэ, Джагдааттыыр, Танггача, Юрэн, Чыынгхара, Эмчээгин, Чыымкаанп, Эджээн и проч. Чувствуется явное преобладание тунгусских имен. Дальше, в описании наружности витязей мы находим такие четкие культурно-этнические признаки, как ношение кос с особым серебряным украшением «латахаан» и передников «далыс», свойственных тунгусским племенам. Глубочайшей древностью веет от военного обычая хосунов снимать скальпы с головы побежденных противников, что напоминает нравы северо-американских индейцев. В некоторых рассказах снимание скальпа заменяется срезанием косы, что, якобы, для воина того времени было величайшим позором. Иные герои даже предпочитают кончить жизнь самоубийством, чем жить среди людей без косы. Часто встречающееся сопоставление воина с оленем, диким или домашним, говорит о том, что основы хосунного эпоса сложились среди искони оленеводческого народа. Витязь, убив противника, осведомляет об этом событии его родственников иносказательно, что, мол, мне удалось упромыслить одного «мойку» (название двух-травого оленя) или голенная кость витязя фигурирует в рассказе с названием кости дикого оленя («чоптку»).

Читателя современного воспитания должны поразить и следы антропофагии, людоедства: витязь-победитель непременно вкушает или пробует костные мозги своего поверженного противника.

Не менее интересно и ритуальное самоубийство некоторых героев, чтобы получить возможность общения с родными мертвецами, напоминающее японское харакири. Этнологи должны обратить внимание также и на следы ритуального убийства ближайших родственников или самопожертвование последних, чтобы доставить победу своим людям. Все эти особенности хосунного эпоса оленных якутов воскрешают пред нами картины классической древности. К этим вопросам мы еще раз вернемся в заключении нашего обзора.

В названиях боевых принадлежностей витязей местами сохраняются тунгусские слова, например, «нимсики»—колчан, «сингтэнчээн»—что-то вроде кинжала, обоюдоострого ножа.

Характерно то, что не взирая на все указанные культурные признаки, казалось бы чуждые известному нам якутскому миру, герои хосунного эпоса нигде определенно не называются тунгусами. С другой стороны, они не противополагаются и не ведут борьбу с якутами, но зато в числе их противников передко оказываются местные тунгусы, татуирующие свои лица особыми швами, изображающими оленьи рога.

Для уяснения происхождения северных якутов и их отношения к тунгусским племенам севера, было бы чрезвычайно важно сопоставить хосунные сказания тех и других. В качестве материала, могущего быть использованным при разрешении этого вопроса, мы приобщили к хосунному эпосу якутов два варианта сказаний тунгусов Кондагирского рода, занимающего верховья Нижней Тунгуски, об их легендарном витязе Нургаабыл и сказание тунгусов Илимпейской тундры о двух героях,—Джуупкур и Чаатара. На основании этого материала не трудно установить, что сказания упомянутых тунгусских племен весьма примитивны и являются ни чем иным, как слабым отголоском хосунного эпоса северных якутов. В этом отношении представляет большой интерес мнение, названного выше илимпейского тунгуса, Данилова, которое мы приводим ниже в дословном переводе:

«В нашем тунгусском наречии слова «хосуун» не существует, так говорят только якуты и объякученные тунгусы. Вместо слова «хосуун» у нас употребляется «суонинг», это «кэйсинлээх киси» (якут. слова, в переводе—человек занятый войной, убийством людей, буквально-колющийся человек; такого термина у южных якутов нет). Человека, искусного в охоте на диких оленей, у нас называют «баалан».

Затем, рассказав самый типичный вариант северных сказаний, слышанный им от есейских якутов, о борьбе витязей Юнгкээбил и Юрэн (в других вариантах противник Юнгкээбиля чаще именуется Чэмпэрэ), он добавил:

«Среди илимпейских тунгусов такого рассказа мне не приходилось слышать. Там только по слухам знают, что когда-то жили витязи с именами Юрэн и Юнгкээбил и что они сражались друг с другом».

Но, однако ошибся, старик Данилов, ибо не бывает правила без исключения. Этнограф и якутолог В. Н. Васильев, ныне покойный, в 1905 г. в пути между озером Есей и Яконгдой с уст князя илимпейских тунгусов, Николая Хирагир и его товарища записал, якобы, «тунгусские предания», рассказанные по-тунгусски и тут же переведенные на якутский язык. Оба рас-

сказчика не говорили по-якутски, а Васильев, по происхождению якутянин, в совершенстве владел якутским языком. Эти тунгусские предания в переводе на русский язык Васильев опубликовал в журнале «Живая Старина» за 1908 г. вып. II и вып. I за 1909 г., а затем позже, воспользовавшись записанным сюжетом, в компании с неким Соловьевым создал целое художественное произведение под заглавием «Урен и Молонга» и напечатал в №№ 1—2 журнала «Якутские Зарницы» за 1927 г.

В этих «тунгусских» преданиях Васильева мы находим лишь в слегка переработанном виде точное повторение основного сюжета хосунного эпоса северных якутов о борьбе витязей Юнгкээбиля и Чэмпэрэ. У есейских якутов, в передаче Николая Данилова, эти имена заменены—Юнгкээбил и Юрэн, а в рассказе илимпейца Николая Хиратир фигурируют Урэн и Молонга, причем оба героя представлены тунгусами, из которых Урэн признается своим илимпейским тунгусом, а его противник тунгусом каких-то неведомых и дальних стран. Бесспорно, конечно, что «Урен» по записи Васильева вполне тождественен «Юрэн'у» в передаче есейских якутов.

При научном анализе взаимоотношений героических сказаний илимпейских тунгусов и якутов-оленеводов художественное произведение самого Васильева и Соловьева, конечно, необходимо игнорировать, ибо в нем девять десятых принадлежит самим авторам, оседлавшим своего крылатого Пегаса. Сравнительно несложную фабулу народных сказаний авторы разработали на протяжении 37-ми страниц. В их произведении мы находим такие перлы интеллигентского творчества:

«Тихо в старом чуме. Тихо на белой, ровной пелене Яконду. Не воют северные ветры, не гудит тайга, не бьется и не стонет пурга. Тихо на старом Яконду».

Или старый тунгус, желая рассказать внуку о смерти его отца, ведет такие рассуждения:

«Настало время и пора тебе узнать про давнюю быль. Пусть прикоснусь я к ней снова мыслями моими, по старому почувствую я боль сердца моего, древние раны мои раскрою, болячки мои древние обнаружу, старые вороха воспоминаний моих переворошу, тени памяти моей сделаю ясными, как при свете яркого дня, ушедших людей одену снова мясом и костями тела их, снова дорогими и близкими сделав их для себя, чтобы снова оплакивать их? Этого ли хочешь от меня, друг мой? Пусть будет так, как хочешь ты, слушай же, что расскажу тебе...»

Все герои, простые рыбаки и охотники, рассуждают в этаком роде. Однако, покойный В. Н. Васильев заслуживает и большой благодарности за то, что прежде чем заняться поэтическим творчеством за счет культурно отсталых обитателей озера Яконгду, исполнил свой научный долг, напечатав более или менее точный текст тунгусского рассказа при посредстве якутского перевода.

По поводу тождества сюжета илимпейского сказания, зарегистрированного Васильевым, и всех тех разнообразных вариантов, которые бытуют у полярных якутов, не может быть никакого спора. В связи с этим пред исто-

риком и этнологом-фольклористом возникает интересный вопрос: кто у кого позаимствовал? Северные ли якуты когда-то в глубокой древности переняли хосунный эпос илимпейских тунгусов или, наоборот, запись Васильева есть просто-напросто случайное позаимствование последними якутского фольклора? Как дальше увидим, тот или другой ответ на поставленные вопросы имеет огромное значение в деле разъяснения происхождения как северных, так и южных якутов.

Прежде всего, мы должны считаться с тем обстоятельством, что сюжет борьбы двух витязей со всеми характерными этнографическими мелочами у илимпейских тунгусов выступает в виде единственной записи, тогда как тот же самый сюжет у полярных якутов существует во многих вариантах и образует целый цикл сказаний. Поэтому не вправе ли мы присоединиться к приведенному выше мнению Николая Данилова, этого убеленного сединой представителя илимпейского мира о том, что интересующий нас героический эпос принадлежит якутам-оленеводам и что илимпейские тунгусы знают только по слухам сказание о борьбе двух древних витязей, Юрэн'а и Юнкэ-рбил'я? Эти слухи в пунктах близкого соприкосновения илимпейских тунгусов с северными якутами около озера Есей или на Хатанге, конечно, легко могли облечься в форму единичного позаимствования. В этом явлении не было бы ничего удивительного, ибо тесное общение двух племен не может не сопровождаться и смешением их фольклора. К тому же этнограф Васильев слишком быстро уверился в принадлежности записанного им предания самим илимпейским тунгусам и не попытался поставить сказителям контрольные вопросы о том, от кого, где и когда они слышали этот рассказ. Такие вопросы, по сути дела, были необходимы, ибо в Туруханском крае бродят смешанно, эксплоатируют одну общую территорию и сталкиваются друг с другом представители разных племен, подчиняющихся одной и той же власти. Например, по данным приполярной переписи 1926—27 гг., в Хатангской или Затундринской волости кочуют долгане, усвоившие язык и культуру северных якутов, всего 1118 душ, якуты Затундринского рода около 100 хозяйств, якуты есейские, «тунгусы собственно северные»—148 хоз. и «илимпейские» 6 хоз. Небольшое количество «долган заречных» и «собств. северных тунгусов» встречаются и в Дудинской волости. Наконец, в Илимпейской волости показаны «тунгусов илимпейских» 155 хоз., тунгусов «нижне-тунгусских» 157 хоз. и «якутов есейских» 93 хоз.[1]

В дореволюционном русском обществе установилась нелепая привычка характеризовать туземные народы Сибири как «первобытных людей» и даже как «дикарей». Эта чисто обывательская точка зрения иногда усваивается даже «учеными» людьми, тогда как самое основное условие «первобытности» заключается в факте пребывания данного народа или группы людей в состоянии полной естественной свободы, вне гражданского общежития известных и правильно организованных государственных единиц. О какой же «дикости» и «первобытности» можно говорить, когда все туземные племена Си-

[1]. Матер. приполярн. переписи 1926 — 27 г. г. Вып. II. стр. 3.

бири вот уже три века живут, подчиняясь писаным законам огромного европейского государства, полностью учтены похозяйственно и даже поименно, пройдя установленные акты гражданского состояния, и в известной мере участвуют в делах общественного управления или самоуправления на основании законов, не ими сочиненных. Все они по коллективам или порознь участвуют в общей гражданской и хозяйственной жизни государства.

Если дело обстоит так, то что же удивительного в том, что современное сознание туземных народов Сибири будет необычайно смешанным и синкретичным по своему содержанию.

Ключ к быстрому разрешению интересующей нас научной загадки или дилеммы о том, кто у кого позаимствовал героические саги или мифы, содержится в остальной части «тунгусских преданий», записанных самим Васильевым с уст тех же илимпейских тунгусов. А именно, к последним попали известные в литературе легенды об якутском царе Дыгыне (Тыгыне). Эти рассказы Васильев озаглавил «Дыгын» и в предисловии к ним пишет:

«Дыгын представляет, повидимому, один из вариантов известного якутского предания, заимствованного у якутов и несколько видоизмененного».[1]

Это верное замечание (хотя нужно говорить, не «повидимому», а несомненно и бесспорно) мы должны дополнить указанием на то, что в тунгусском повествовании о Дыгыне содержится также в сжатом виде и легенда о переселении мифического прародителя якутов Эллэя, сына слепого шамана. Во многих вариантах легенды об Эллэе, особенно южно-вилюйских и кангаласских, последний обычно представляется сыном слепого шамана, который советует сыну переселиться на другое место. При этом слепой отец, сопровождая сына, указывает ему дорогу и дает разные советы. Между прочим, когда они очутились в безводной местности, Эллей, по совету отца, волочит по росистой траве шелк или холст, а потом выжимает из него воду [2]. Тот же самый сюжет содержится и в рассказе илимпейских тунгусов о предках Дыгына. Предание излагается тунгусами так. Слепой шаман-якут имеет трех сыновей и советует им переселиться. Сыновья, по совету отца, достают холст в 20 арш. и, перебираясь через безлесный голец, «распустив его, волочили по траве. Дело было летом. Шли, выбирая травянистые места. Утром холст намокал от росы. Тогда доставали котел и выжимали воду из холста... Так они добывали воду и шли через голец».

Дальше, этот типичный сюжет эллэевского цикла в тунгусской передаче искажается приключениями одного брата, который во время охоты заблудился и повстречался с безголовым человеком с ртом на спине, где начинается шея, и с медными лыжами. Сын слепого шамана едва спасается бегством от этого чудовища и находит отца и братьев. Вслед за этим рассказ переходит к якутскому царю Дыгыну, который власт-

---

[1]. „Живая Старина". 1908. г. вып. III, стр. 362

[2]. См. сборн. Эллэйада. § § 1, 6, 8, 19, 20, 26, 30, 37, 40, 224, 229, 232 265, 316 и 317.

вовал над многочисленным потомством этих беглецов. Как видим, искажения заимствованного якутского предания выразились в забвении имени Эллэя, в замене его образами трех братьев и в бессмысленной вставке эпизода встречи с безголовым человеком. Но основной сюжет о бегстве потомства слепого шамана на новые места передан правильно. Из легенды о Тыгыне тунгусская память в точности сохранила сюжет якутских рассказов о взаимоотношениях Тыгына со знаменитым силачом и стрелком Бэрт-Хара, сыном бедной старушки, который жил пропитываясь одной охотой [1]. Причем сказители Бэрт-Хара превращают в тунгуса и забыли его якутское легендарное имя. Без изменения передается якутский сюжет о его неимоверно большом луке, который не может натянуть сын Дыгына Чалла (вм. Чаллаайы). Дыгын, выдав за этого охотника замуж свою дочь, вероломно убивает своего зятя. И в этом пункте тунгусы не отступили от подлинника. В заключение сообщается убийство Дыгына и покорение его народа русскими, рассматриваемое как возмездие за убийство тунгусского витязя, т. е. Бэрт-Хара.

Есть ли надобность подробно трактовать здесь о возможных путях проникновения к илимпейским тунгусам этих подлинно-якутских преданий, создавая из каждого пустяка сложную научную проблему? Пожалуй, будет вполне достаточно сослаться на отмеченное нами выше участие всех туземных племен Сибири в общерусском гражданском и торговом обороте, в котором якуты, как хорошие скупщики дорогой пушнины и как исконные эксплоататоры своих соседей, культурно отсталых тунгусских племен, давным давно стяжали себе далеко незавидную славу.

В описанной истории усвоения тунгусами важнейших элементов героического эпоса южных якутов-скотоводов особенно характерен маленький плагиат, а именно, присвоение тунгусами якутского легендарного героя Бэрт-Хара, обладателя большого лука. В самом деле, Бэрт-Хара, представляемый обычно бедным охотником, которого не любит Дыгын, а иногда даже приказывает и умертвить, по своему мифологическому образу весьма близок к типу тунгуса. Илимпейские тунгусы, как мы видели раньше, потерпевшие от «богатых якутов», отнявших у них район озера Есея, легко могли проникнуться особенными симпатиями к бедняку Бэрт-Хара, терпящему от царя якутов, и постепенно превратить его в своего брата, обижаемого тунгуса, тем самым отступая от текста собственно якутских преданий.

Поставив себе на разрешение вопрос о происхождении героического эпоса северных якутов и его взаимоотношения с илимпейским, мы были вынуждены уклониться несколько в сторону, чтобы уяснить себе личности сказителей-тунгусов, в устах которых, по записи этнографа Васильева, очутился один из вариантов хосунного эпоса полярных якутов. Эти сказители, можно сказать, пойманы с поличным, а именно, с фольклорным багажом довольно значительной ценности и с отчетливой маркой или клеймом собственника. Очевидно, князь Илимпейской тундры и его товарищ в данном случае явля-

---

[1]. Якутские легенды о Тыгыне и Бэрт-Хара см. Эллэйада. §§. 80, 100, 106, 118 121, 138, 167 — 168, 176, 178 и 310.

ются весьма подозрительными личностями с интернациональным фольклорным сознанием и притом плохо разбирающимися в деликатных вопросах собственности на те или другие мифологические имена. Вопросы буржуазной собственности на фольклорные сюжеты и мифологические имена мы поднимаем здесь, само собой разумеется, не ради принципиальной защиты идеи собственности, а в интересах правильного разрешения стоящей пред нами научной проблемы. Во всяком случае, они не могут сойти за представителей самобытной дорусской илимпейской культуры. Если даже легендарные сказания якутов-скотоводов могли быть усвоены илимпейскими тунгусами, то тем больше шансов и психологических оснований имеется у последних для присвоения ими хосунного эпоса якутов-оленеводов, ибо в нем рисуется быт охотничьего народа, к тому же, как мы отмечали раньше, с огромной примесью тунгусского элемента.

Что же касается психологических предпосылок, то они тоже имеются налицо, ибо мы имеем основание думать, что илимпейские тунгусы пострадали от якутов-оленеводов не только при взятии ими района озера Есей в эпоху русского нашествия, но и задолго до того, когда объякученные тунгусы и якуты-оленеводы, покинув «прозрачные или лазуровые» воды Байкала, заняли бассейн р. Вилюя. Отходя дальше на север при заполнении Вилюя якутами-охотниками, рыбаками и скотоводами, якуты-оленеводы должны были в свою очередь оттеснить илимпейских тунгусов, часть которых, заняв район озера Есея в качестве зимней квартиры, могла использовать в летнее время хребты и тундры Оленека и Анабара. С этой точки зрения хосунный эпос северных якутов отчасти мог питаться давно прошедшими историческими воспоминаниями о взаимоотношениях пришлых и туземных оленеводов. Вот почему мы и не имеем оснований протестовать против выписанных выше художественных прозреваний Васильева и Соловьева о переживаниях старого тунгуса из озера Яконду, который «раскрывал свои древние раны, обнаруживал свои древние болячки и переворачивал старые вороха воспоминаний».

То обстоятельство, что старый дед-тунгус из озера Яконду был бы сам не в состоянии столь же красноречиво выражать словами свои прошедшие душевные «болячки», как это описано в талантливом художественном произведении Васильева и Соловьева, еще не доказывало бы того, что он или его отдаленные предки не переживали все это в натуре. Историк, производя анализ давно прошедших исторических событий, был бы не вправе отмахиваться от той реальной помощи, которую иногда могут оказать своей поэтической интуицией те или другие художественные натуры.

Усвоение илимпейскими тунгусами хосунного эпоса северных якутов оленеводов в перевернутом виде мы рассматриваем, как веское психологическое доказательство того, что они когда-то оттеснялись последними, явившимися откуда-то извне. Оленекский хосунный эпос по своему содержанию отвечает двояким и диаметрально противоположным эмоциональным переживаниям, ибо в нем ясно ощущается не только торжество победителей, но и горечь поражения. Иными словами, его носители не только гнали и по-

вергли кого-то, но и сами они кем-то были гонимы. Вот почему оленекский эпос приходится подстать как победителю, так и побежденному.

Следовательно, содержание и основной тон героического эпоса, если он в данной среде очень популярен и его носители постоянно поддерживают его существование посредством поколенной передачи, можно рассматривать, как живые летописи, изложенные в художественных образах. Само собой разумеется, такого рода историческими доказательствами нужно пользоваться с величайшей осторожностью, ибо здесь историческая истина заключается не в словах и не в прямом значении народных рассказов, а в общем смысле тех или других художественных образов, легендарных героев, принявших вполне устойчивую форму.

Основной сюжет хосунного эпоса северных якутов вращается вокруг одного события, а именно, некий могучий витязь с братьями нападает на другого, занимающего со своим народом какую-то реку. У последнего витязя многолюдный народ и подчиненные воины, живет он бдительно окарауливаясь. Нападающие чаще представляются без особого воинского отряда в лице самих героев-братьев с двумя-тремя товарищами. Братья прибывают откуда-то издали и застают своего противника врасплох. Успех нападающих обусловливается, главным образом, внезапностью и неожиданностью их прихода. Сообразно с этим в легенде, во всех ее вариантах, всегда и неизменно рисуется паническое бегство вождя народа или воинства, подвергшегося нападению. Победители захватывают богатство и остаток народа, иногда и жену поверженного витязя.

Но этот основной сюжет в ряде вариантов претерпевает сложные изменения, наряду с ним развивается и конкурирующий сюжет, по которому торжество победителей оканчивается местью сына витязя, подвергшегося вероломному нападению. При этом через все записанные нами варианты красною нитью проходят весьма характерные интернациональные элементы, которые никак не укладываются в рамки их собственной истории. Это обстоятельство намекает на то, что северные якуты являются только хранителями весьма интересных мифологических сюжетов, которые когда-то имели широкое распространение и свои центры исторического тяготения. При сравнительно-мифологическом методе изучения исторического значения хосунного эпоса северных якутов еще более возрастает, ибо один факт позаимствования ими общечеловеческих мифологических сюжетов может указать нам исходный пункт основного ядра носителей этого эпоса. Вместе с тем мы могли бы получить и некоторые ориентировочные вехи по вопросу происхождения также и южного, более многочисленного, отдела якутского племени, поскольку обе части народа должны были передвигаться один за другим в неразрывной связи.

Ввиду важности хосунного эпоса для истории всего якутского народа, мы считаем необходимым остановиться подробнее на анализе всех его существенных элементов, тем более еще и потому, что этот вопрос до настоящего времени не был предметом специального изучения. Якутоведы даже и не подозревают о существовании самостоятельного цикла легендарных сказа-

ний у якутов-оленеводов, что, между прочим, и обусловило заблуждение Виктора Васильева, приписавшего один из их вариантов тунгусам Туруханского края.

В «Верхоянском Сборнике», авторство которого приписывается Худякову, мы находим лишь незначительный элемент хосунного цикла, а именно, один вариант рассказа о Сааппа-Хосууне, который является связующим звеном между героическим эпосом южных и северных якутов, принадлежа более к первому циклу. Главный же герой северных якутов, Юнгкээбил-Хосуун, в этом рассказе только упомянут под именем «Ынгкаабыл-Хосуна» в качестве среднего брата Сааппа-Хосууна [1].

Весьма смутный и искаженный отголосок сказаний об Юнгкээбиле слышал и Вацлав Серошевский среди якутов Намского улуса и в своей записи представил его настоящим тунгусом, весьма возможно, самостоятельно корректируя плохо понятый им сюжет. По его записи, враждуют два тунгусских витязя—«Бюлюй-Эрюнча» и «Джянгы-Даринча». (Как давно известно по критическому разбору трудов Серошевского В. М. Ионовым, он всегда неверно и с грубыми ошибками транскрибирует слышанные им якутские имена и слова. Приведенные имена в устах якутских сказителей должны были звучать—«Бёлюю-Ёрюнче» и «Джаангы-Дарынча», в которых начальные половины имен являются названиями целых краев, Вилюйского и Верхоянского). Последний витязь убивает первого, но у убитого остается сын Энкебиль (это наш Юнгкээбил), который мстит за убийство отца и со своими людьми переселяются из Вилюя в Верхоянские горы.[2]

Это очень интересный вариант сказаний якутов-оленеводов, в котором мы находим одно из доказательств раннего проживания носителей оленекского героического эпоса в пределах Вилюя, а также, весьма возможно, и отголосок древних переселений части населения северного Вилюя за Верхоянские горы.

Серошевский, конечно, не подозревает о том, что его Энкебиль на обширном пространстве распространения северных якутов представляется излюбленным героем по-якутски говорящего народа.

Таким образом, три якутоведа, столкнувшиеся с элементами северного якутского эпоса, смотрят в разные стороны: по Худякову, Юнгкээбил якут-скотовод, по Серошевскому—местный вилюйский тунгус и, наконец, Васильевым весь цикл этих сказаний совершенно отрывается от всего якутского мира и пересаживается в Туруханский край. При таком состоянии наших знаний об якутах-оленеводах и отсутствии какого-либо представления о своеобразии и самобытности их культурных признаков, их важная роль в истории древних якутских переселений на север, конечно, не могла быть осознана.

Изучение хосунного эпоса необходимо начать с ознакомления со всеми важнейшими вариантами, которые рассказываются в разных углах оленевод-

---

1. См. Верхоянский Сборник стр. 67 — 68.
2. См. „Якуты". 226 — 229 стр.

ческого севера, обнимающего и якутов и тунгусов. Чтобы облегчить это изучение, мы позволим себе изложить остовы разных сюжетов, выступающих у отдельных сказителей, в интересах усвоения основной схемы этого интересного героического эпоса. Не все же время бродить нам ощупью во тьме предрассветного тумана старой великодержавной этнографии на фронте якутского фольклора.

2. СХЕМА ОЛЕНЕКСКОГО ХОСУННОГО ЭПОСА.

I. Булунский вариант. Сказитель И. Шадрин, живет около с. Булуна в низовьях Лены. (Олен. эпос. § § 1-3. См. Приложение).

А). Витязь Юнгкээбил имеет брата Джакдааттура и еще второго, именуемого просто кузнецом. Живут в верховьях р. Оленека. Однажды, когда брат-кузнец был занят охотой на диких оленей при их переправе через Оленек, приходит витязь Чэмпэрэ и убивает его. Срезав его косу, он передает матери убитого. Затем, сделав затес на стволе растущей лиственницы, он говорит ей:

«Пока смола с этого затеса не зальет мой след, пусть Юнгкээбил последует за мной».

Юнгк., получив подкрепление от какого-то народа, именуемого «Нууча», с которым он был во вражде, с братом Дж.[1] идет на Чэмпэрэ. Перед походом братья при помощи шамана привлекают душу своего противника, летающую в образе совы, убивают ее и съедают. Подходят к лагерю Чэмпэрэ, находящемуся на противоположном берегу Оленека. Братья, неосторожно разложив костер, привлекают внимание бдительного Ч-рэ. Последний с воинами идет на разведку, но тем не менее ему не удается обнаружить своих врагов, припикших к земле тут же. Вечером Юнгкээбил, сев верхом на суковатые обрубки деревьев, переправляется через реку. В это время в лагере Ч. затевается пляска. Сам Ч. заметил переплывающих, но принял их за диких оленей. Пользуясь наступившей темнотой, Юнгк. с братом проникают в лагерь врага и, присоединившись к пляшущим, ознакамливаются с его местожительством и образом жизни. Ч. не берет пищу руками, а подставляет спинку своей ладони, чтобы не замаслить свои пальцы. В противном случае они во время стрельбы скользили бы с тетивы лука. В его лагере находится один пленный «нууча», исполняющий обязанности работника (вернее, конечно, домашний раб). Братья, скрываясь около лагеря, ловят этого работника и уговаривают его перевернуть колчан своего господина. По совету Ю., работник скрывает от хозяина свое волнение, притворно упав около очага с вязанкой дров. Братья подкрадываются к лагерю во время камлания шамана, который пред-

[1] В этом разделе при повторном обозначении имен героев в виду частоты этих повторений мы прибегаем к сокращениям, как например, „Дж."— Джакдааттуур, „Юнгк".— Юнгкээбил, „Ч".— Чэмпэрэ и т. д., но все эти имена в начале пересказов обозначаются полностью. Необходимость сокращений якутских или тунгусских слов вызывается частотой ошибок при наборе иностранных слов и трудностью корректурных исправлений.

сказывает их близкий приход. Ю. стреляет в Ч-рэ, но тот увертывается, схватив перевернутый колчан, опрокидывает все свои стрелы и пускается в бегство вверх по Оленеку. Юнгк., издавая собачий лай, преследует его, выпуская стрелы. Ч. ловко увертывается и у его противника иссякает запас стрел. Но в этот момент его догоняет брат, прибежавший по горе, и бросает ему колчан со стрелами. В одном месте Ч. перескакивает через Оленек. Но в этот момент стрела Дж. перерезает толстые жилы его ноги. Братья убивают Ч., срезают его косу и, расколов толешную кость, отведывают из мозга. Мозг оказался без вкуса, почему они заключают, что Ч. недавно перенес сильный голод. Захватив богатство Ч., братья возвращаются домой. Косу убитого передают своей матери, которая от радости тут же удавилась, чтобы на том свете передать этот трофей своему убитому сыну-кузнецу.

Б). (Эпизодическая вставка к рассказу). Юнгк. встречается с одним тунгусским витязем, который ищет его, чтобы сразиться. Юнгк. прикидывается другим и предлагает тунгусу помочь ему в охоте на дикого оленя. Во время охоты Юнгк. обнаруживает свою ловкость и меткость. Он съедает почти целую тушу убитого оленя, а тунгус ест как обыкновенный человек. Юнгк. показывает тунгусу свой огромный прыжок через всю равнину и предлагает сразиться. Тот просит пощады. Юнгк. срезает у него косу с головной кожей, чтобы показать его людям, как свой победный трофей.

В). (Вторая вставка). Юнгк. встречается с осиой, принявшей образ женшины нуучи (русской). Он рубит ее пальмой и срезает у ней мизинец. Юспа предлагает помириться с условием, что она не тронет его народ и не будет приходить на Оленек.

II. Есейский вариант. Со слов есейского якута наслега Чорду Юрюнг Борогон рассказал Николай Данилов. (Олен. Эпопея. §§ 4—5).

Витязь Юрэн, живущий на Оленеке, приходит к местожительству витязя Юнгкээбиля и, воспользовавшись отсутствием последнего, убивает его брата, витязя с косой. Затем также просит, чтобы Юнгк. пришел к нему, пока не заведутся насекомые на шейном позвонке его убитого брата.

Юнгк. перед походом заставляет камлать шамана, который своими чарами заставляет поблекнуть верхушки деревьев по узкой тропе до жительства Юрэна. По этой тропе Юнгк. находит дорогу к врагу. Он идет в сопровождении своего брата Эджээна и шести товарищей. Также привлекают при помощи шамана душу Юрэна в виде ястреба и убивают. Затем убивают одного из своих воинов, чтобы его кровью обмазать свое боевое оружие. Добравшись до лагеря врага, переходят через реку. Люди Ю-на принимают их за диких оленей. Братья ловят старика кашевара и расспрашивают о вооружении и образе жизни его хозяина. По словам старика, Ю. ест мозги диких оленей вилкой, чтобы не смочить свои пальцы. Он сам сидит на сторожевом помосте. Братья уславливаются с предателем, чтобы он во время боя обвязал голову белым платком. Братья, подкравшись, открывают стрельбу. Ю., выпустив бывшие при нем три стрелы, убивает двух товарищей Юнгк. и ударяется в бегство. Оба брата гонятся за ним. Ю. прыгает через речку и в этот момент стрела преследователей переломила его ногу. Убивают, расколов

его голенную кость, братья отведывают мозг. Умирающий Ю. свою жену-красавицу, вооружение и передник—«далыс» уступает Эджээну. Братья отцу убитого говорят, что застрелили мойкану (2-х травого дикого олеия) и что его костный мозг оказался водянистым. Старик это обстоятельство объясняет тем, что сын когда-то перенес голодовку.

Братья на обратном пути убивают одного тунгуса, который после смерти Юрэна не желает жить. Жена этого тунгуса дает своему сыну заговоренную стрелу (она была шаманка) и предлагает стрелять, не метясь. Мальчик идет следом за братьями и убивает Юнгк-ля, угодив стрелой в его лоб.

У убитого Юрэна остался малолетний сын, который воспитывается старым дедом. Сосед-кузнец выковывает ему вооружение и указывает местожительство Эджээп-Витязя. Мальчик идет мстить, находит урасу Эд. Но мать мальчика узнает его и уговаривает помириться с Эд. и остаться у него за сына. Позже мальчика задирает медведь.

III. Анабарский вариант. Сказитель якут Жиганского улуса Очкасов, кочующий в районе р. Анабара в ближайшем соприкосновении с туруханскими якутами Затундринского рода. (Олен. эп. § § 6—7).

Витязь Юнгк. живет на Оленеке. На него неожиданно ночью нападает витязь Чэмпэрэ с братом Маган-Хопоо. Юнгк. бежит, братья гонятся за ним. Юнгк. перескакивает через реку, в этот момент стрела Чэмпэрэ прорезает толстые жилы его ноги. Тут же убивают. Юнгк. уступает свой передник Маган-Хопоо. Братья отрезают заплетенную косу и отведывают из костного мозга убитого врага. Матери убитого говорят, что упромыслили самца дикого оленя и его костные мозги не имеют вкуса. Старуха это явление объясняет голодовкой, когда-то перенесенной сыном. Жену и все богатство убитого братья увозят с собой. Перед уходом делают затес на лиственнице и предлагают, если найдется кровный родич убитого, чтобы он последовал за ними.

От Юнгкээбиля остался трехмесячный сын, который воспитывается бабушкой. Подросши, мальчик просит рассказать об отце и матери, но бабушка всячески скрывает все прошедшее. Под конец она не утерпела и поведала внуку об убийстве своего сына и уводе невестки чужеплеменными витязями. Затем она просит внука, чтобы прежде чем итти на врагов он заколол ее и обмазал ее кровью свое оружие. Мальчик так и сделал. Он отправляется мстить. По пути находит одного кузнеца, старого друга своего отца, который изготовляет ему вооружение. Кузнец советует мальчику хорошее оружие прятать, а на виду носить худое. Мальчик находит лагерь своих врагов, трех братьев, и, сказавшись сиротой, остается жить у них в качестве работника. Однажды он уличает Чэмпэрэ в убийстве своего отца, выбегает на двор, вступает в перестрелку и убивает всех трех братьев. Забрав мать, мальчик идет к себе домой. По пути заходит к кузнецу и рассказывает ему о своей победе. Дома оставался брат отца, который занимался рыболовством. Этот рыбак, узнав о совершившейся мести, выходит на двор и удавливается, чтобы на том свете сообщить брату радостную весть.

IV. Оленекский вариант. Со слов двух стариков Кангаласского наслега Жиганского улуса рассказан якутом Инн. Гоголевым, уроженцем Намского улуса. (Олен. Эп. § 8).

Юнгкээбил и Чэмпэрэ оба якуты Кангаласского наслега Жиганского улуса. Жили на Оленеке. У Юнгк. два брата, Джэгдээттиир и другой подросток без имени. Юнгк. и Чэмп. каждый в отдельности имели свое войско и подчиненный народ. Однажды в отсутствии Юнг-ля приходит витязь Ч-рэ и убивает его младшего брата. Перед уходом Ч. делает затес на лиственнице и предлагает Юнг-лю прибыть к нему, пока затесы не успеют заплыть. Юнгк. идет на обидчика. Подкравшись к его лагерю, он разведал его местожительство. Тот был окружен многочисленным народом. От густоты дыма шалашей трудь пролетавшей чайки делалась желтой. Народ был занят пляской, а в шатре самого Ч-рэ происходило камлание шамана. Юнгк., изобразив на голове из суковатых ветвей рога оленя, перешел вброд через речку и подполз к шатру Ч-рэ. Шаман, по просьбе последнего, прозревает образ жизни Юнгк-ля и говорит, что он лежит у себя дома, потлаживая живот. Юнгк., разузнав все что нужно, возвратился к себе домой. Осенью он собрался в поход на врага. Предварительно при помощи шамана заставляет привлечь душу Ч-рэ, вселенную в ястреба. Прилетевшую птицу он застрелил, изжарил и съел. Подкравшись к лагерю врага, Юнгк. поймал его работника нуучу и разузнал от него все приметы Ч-ря: когда подают ему пищу—жир, он подставляет спинку ладони, чтобы не мочить свои пальцы. Юнгк. просит нуучу перевернуть колчан своего господина, обещая вывести его в люди. Тот так и сделал. Затем Юнгк., подкравшись, пускает стрелу в Ч-ря. Последний, увернувшись, хватает перевернутый колчан и рассыпает все свои стрелы. Очутившись без оружия, он пускается в бегство. Юнгк. гонится. Чэмпэрэ на бегу оборачивается и мечет в преследователя свой нож и прорезает тетиву его лука. Но в это время подоспел брат и бросил Юнг-лю свой лук. Юнгк. стреляет в бегущего и не может попасть. Ч-рэ добежав до речки, преградившей дорогу, перескакивает через нее. В этот момент стрела Юнгк-ля прорезала его подколенную жилу. Братья убивают Ч-ря и отведывают из его костного мозга. Отрезанную голенную кость они принесли и передали матери убитого витязя. Говорят ей, что мозги потеряли вкус. Старуха объясняет это явление тем, что девять лет тому назад сын перенес сильный голод.

V. Второй Булунский вариант. Сказитель Иван Борисов, объякученный тунгус Эженского наслега, живет в районе Булуна. (Олен. Эп. § 9).

Живет Юнгк.-Витязь с двумя братьями. Одного из них зовут Джагдаттыыр, а другой кузнец без имени. Юнгк., предчувствуя приход какого-то своего врага, с братом Дж-ром идет на охоту, чтобы на случай войны запасти провизию, а брату кузнецу приказывает ковать оружие. Братья, вернувшись с охоты, находят кузнеца убитым. Он был весь утыкан стрелами. Братья тотчас же идут на врага. Подкрались к лагерю Чэмпэрэ. Народу у него—точно комаров в летнюю пору. Как раз Ч-ря приступил к еде. При нем три колчана, наполненных стрелами. Пищу подавала ему жена. Он под-

ставлял спинку ладони, чтобы не умаслить свои пальцы. Братья в этот момент выпустили стрелы. Ч-ря сорвался с места, второпях опрокинул свои колчаны и бросился бежать. Братья побежали за ним вдогонку. Стреляют в бегущего и ни разу не попадают. Ч-ря оборачивается и бросает рукой одну единственную стрелу, которая имелась у него. Стрела угодила на тетиву лука Юнгк-ля и прорезала ее. Тут подоспел брат и бросил с горы свой лук. Ч-ря, добежав до одной речки, перескочил через нее, но в это время стрела Юнгкля угодила ему в пятки. Братья убили Ч-ря и отрубили его голенную кость. Эту кость они передали матери убитого. Та раскалывает кость и убеждается, что в ней нет мозга, там одна вода и кровь. Старуха это явление также объясняет голодовкой сына. Народ убитого витязя подчиняется братьям. Последние собрали его имущество и возвратились к себе домой.

VI. Устьянский вариант. (Олен. Эп. §10).

Юнгкээбил и Чэмпэрэ живут на Оленеке, один выше по реке, другой ниже. Дальше повторяется сюжет 2-го Булунского вар. об убийстве брата кузнеца, поход на Ч-ря с предварительным убийством птицы-души. Нападению на лагерь не предшествует разведка и ловля работника. Ч-ря в своем лагере сидел на высоком помосте, постоянно готовый к обороне. Юнгк. с братом Джагадааттыыром, подкравшись, нападают. Стрела Дж-ра сразу перерезала тетиву лука Ч-ря. Послений, очутившись без оружия, бросается в бегство. Братья гонятся. При погоне Дж. издает крики лебедя, подавая тем знаки своему брату. Кончается так же, как и в 1-м варианте, но отсутствует эпизод самоубийства старухи-матери.

VII. Второй Устьянский вариант. Со слов устьянского якута Григория Шамаева пересказан пришлым якутом И. Прокопьевым. (Олен. Эп. § 11).

Живут на Лене два брата-витязя с отцом и матерью. Их имена рассказчик забыл. Однажды с Оленека прибыл витязь Чыыйгхара и убил старика отца со старшим сыном. Голенную кость сына он передал старухе-матери и предложил ей отведать из костного мозга. В мозгах оказались кровавые сгустки, образование которых старуха объясняет перенесенным голодом. Уходит, передав оставшемуся сыну приглашение—итти по его следам. Мать скрывает от сына убийство его отца и брата, но эту тайну выдает сосед-шаман, который называет имя убийцы. Парень с одним товарищем и с тем шаманом идет на врага. Повторяется история с совой, в которой живет душа враждебного витязя. Шаман прозревает все то, что творится в лагере Чыынгхара, где народу видимо-невидимо, советует парням найти амбар и шалаш, в которых Ч-ра держит запас оружия, и испортить его луки. Затем, по совету шамана же, парни надевают на головы рога диких оленей, снятые с головной кожей, и переправляются через реку. Находят запасы оружия противника и перерезают тетивы луков. Повторяется эпизод с поимкой работника нуучи, который рассказывает, что Ч. сидит на высоком помосте и не берет жир руками. Парни, подкравшись, стреляют. Чыынгхара бежит к месту, где припрятал оружие. Обнаружив их порчу, перескакивает через реку, но в этот момент один из преследователей стрелой прорезал его подколенные сухожилья.

Парни убивают его и отрезают две голени. Овладевают имуществом убитого. Работника нуучу женят на дочери Чыынгхара и уделяют ему из добычи.

VIII. Третий Устьянский вариант. Рассказ, повидимому, сильно испорчен при пересказе или представляет из себя новую переработку старых традиционных сюжетов. (Олен. Эп. § 12).

Здесь интересно то, что «своим» героем признается Чэмпэрэ, который в других рассказах обычно представляется противником излюбленного героя Юнгкээбиля. Его убивают два неизвестных витязя. Остается в живых его маленький сын. Последний, чтобы отомстить за убийство отца, при помощи шамана делает свое тело неуязвимым для оружия за исключением коленной чаши, куда шаман вселяет его жизненную силу. Парень нападает на своих врагов в их стане, убивает одного из братьев, другой спасается бегством. Последний с девятью товарищами позже нападает на парня и убивает его. Раскрыв внутренности, они вынимают его сердце и печень, приносят их жене убито. Но оказалось, что парень был еще жив. Шаман сердце и печень вкладывает на место. Парень выздоравливает. Позже он умирает оттого, что его маленький сын, падая, ударился об его колено.

IX. Третий Булунский вариант. (Олен. Эп. § 13). В верховьях р. Оленека живет старик Ишаин, имеющий трех сыновей. Старшего из них зовут Мач-Чабаана, а остальные два брата подростки и фигурируют без имени. Однажды старший сын укочевал со своей семьей осматривать свои ловушки и не вернулся. Старик-отец предчувствует, что сын убит людьми враждебного племени, которые должны иметь на лицах вышитые швы, изображающие рога оленя. По его словам, должно быть другое дружеское племя, у которого прошитые на лице рога будут прямее. Старик умирает.

Однажды, когда братья охотились на переправе диких оленей, прикочевали какие-то тунгусы, лица которых были украшены прошитыми рогами. Языка их парни не понимали. Пришельцы без спроса взяли заколотых оленей. Парни встретили тут жену убитого брата, которая была отдана в жены старшему витязю. Парни ночью нападают на сонных врагов. Один из них стал было отстреливаться, но когда стрелой прорезали тетиву его лука, он бросился бежать. Парни погнались за ним. Убегающий прыгнул через речку, но в это время стрела прорезала толстую жилу его ноги. Парни убивают его. Одна женщина из избиваемых ранила одного парня, но ее тут же убили. Перед смертью она грозит местью другого ихнего витязя, Тангтача. Победители овладевают имуществом убитых.

Младший брат, боясь нападения Тангтача, хочет разыскать его. В одном месте он набрел на пять чумов. Перед одним чумом сидел витязь, в котором он предположил Тангтача. Последний, сев на оленя, вышел к нему навстречу. Парень стрелой убивает оленя. Сам витязь отскочил в сторону и стал увертываться от стрел. Но одна стрела задела в локоть. Парень заколол его и срезал косу с серебряным латаханом. Отец убитого предложил парню жениться на его дочери. Тот согласился. Однажды ночью тесть с сыном напали на зятя. Последний едва вырвался и бросился бежать. Тесть с людьми пустился за ним в погоню. Парень прибегает в табор другого народа, кото-

рый был в дружбе с его отцом. Лица их тоже были проШиты рогами, но рога были прямые. Вождь этого народа отправил своих воинов навстречу тестю парня. Последний со своими людьми был истреблен.

X. Илимпейский вариант. По записи Виктора Васильева. Живет знаменитый тунгусский витязь Урэн. Где-то вдали славится другой тунгусский витязь Молонга. Последний со своими воинами идет на Урэна. Лагерь последнего за рекой. Молонга с воинами тихо перебрели через речку. Урэн настороже и слышит плеск воды, но приписывает шум диким оленям, переплывающим через реку. В лагере засыпают. Но один из людей Урэна идет в лес за хворостом и схвачен людьми Молонга. Пленника расспрашивают об образе жизни М-нга. Он рассказывает его приметы: сидя на камне, берет мясо не руками, а таловыми стружками, чтобы не смочить пальцы, иначе де они будут скользить с тетивы. Отпускают его. Утром М-нга нападает. От стрелы Урэн увертывается и одним прыжком перескакивает через речку. В этот момент стрела М-нга вонзается в его икру. Товарищи М-нга избивают людей Урэна. М-нга не может попасть в раненого Урэна. Наконец, видя, что его люди уже истреблены, Урэн закрывает глаза и падает поражешный стрелой. Придя к отцу убитого, М-нга говорит: мы убили мойку, двухгодовалого дикого оленя, но у него растаяли костные мозги. Старик догадывается об убийстве сына. Затем М-нга говорит, что на своем пути оставит затесы на деревьях, по которым мститель может разыскать его. Он уводит с собой жену убитого витязя.

Отец Урэна среди убитых под котлом находит трехмесячного внука и воспитывает его, скрывая от него про убийство его отца. Мальчик-подросток спрашивает про затесы на деревьях, кем они сделаны. Дед не утерпел и рассказал внуку об убийстве его отца и уводе в плен матери Молонгой. Парень идет мстить. По пути находит кузнеца, который сковал ему железную броню. Покинув кузнеца, парень находит табор М-нги. Спрятав свои доспехи в дупле дерева, он приходит в чум, где сидели одни женщины. Сказывается сиротой. Скоро приходит сам М-нга и во время еды рассказывает про убийство Урэна. Парень вскакивает и объявляет кто он. Выбегает в лес, обряжается в свои доспехи и берет оружие. Парень избивает всех воинов М-нги, а сам он просит пощады. Парень женится на его дочери и остается жить у тестя. Позже парень отпрашивается и уходит. М-нга догоняет зятя, но в его чуме застает одних женщин. Он прячется в чуме и по приходе зятя стреляет в него из засады. Промахивается. Зять убивает его. Дальше парень находит своего кузнеца и одаряет его. Наконец, добирается до дому и встречается с дедом.

Этот рассказ является повторением анабарского варианта (III) с небольшими отступлениями, а имя «Урэн» взято из есейского варианта.

XI. Кондагирский вариант. (Верховья Нижней Тунгуски). Рассказы тунгуса Брангатского рода Николая Григорьева и Кондагирского рода Николая Каплина. (Олен. Эп. § § 15—17).

Знаменитый тунгусский витязь Нургаабыл живет на Илимпее, занимается истреблением других тунгусских родов. Однажды он с одним товарищем

истребляет многочисленный тунгусский табор. От избиения случайно уцелел грудной ребенок, который воспитывается старым дедом. Перед уходом Нургаабыл говорит, что он на своем пути будет оставлять затесы на деревьях, по которым его может разыскать кто-либо из родичей убитых. Старик-дед приучает мальчика увертываться от стрел. Когда он возмужал, дед указал ему на затесы Нургаабыла. Парень идет мстить. По одному рассказу, он встречает двух дочерей Нургаабыла, которые приехали на верховых оленях за тушами двух диких оленей. Парень выпросил у них почки убитых оленей и съел. Придя в дом, девицы скрывают от отца встречу с неизвестным парнем. Парень нападает на Нургаабыла. По одной версии, он убивает его и женится на дочерях, а по другой мирится с ним.

3. ОТРАЖЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В ХОСУННОМ ЭПОСЕ.

Использование сказаний о героях и прошлых исторических событиях, бытующих или бытовавших когда-то в устной форме у тех или других народов, как научных источников при ретроспективном анализе давно прошедших этапов их исторической жизни, конечно, нельзя рассматривать как новый методологический прием в науке. В более ранней стадии развития европейской исторической науки, особенно в отношении, так называемых, классовых народов, этот прием, пожалуй, был господствующим и породил целый ряд неверных представлений и воззрений об отдаленной древности, следы которых в тех областях, где затрагиваются вопросы религии или национальной чести, далеко еще не изжиты и теперь. Не говоря о бесконечной веренице мифических исторических личностей, украшающих начальные страницы в истории древней Иудеи, Греции и Рима, вполне достаточно напомнить и близкий для нас факт, а именно, знаменитую в свое время норманскую теорию происхождения Руси, в основе которой лежит, как известно, устное сказание, записанное автором «Повести временных лет», о призвании первых князей, Рюриковичей. Этим путем герои легендарного рассказа и его дополнений—Рюрик, Синеус, Трувор, Аскольд, Дир превратились в живых исторических деятелей древней Руси.

Однако, подавляющее большинство современных историков к народной легенде, особенно когда дело касается не «классических» и не «исторических» народов, относится явно отрицательно, ставя ее содержание в один ряд со всякого рода сказочными и фантастическими сюжетами устного народного фольклора.

Пред нами возникает дилемма, какая из этих точек зрения на научную ценность народной легенды должна быть признана правильной, ранних историков или поздних, более искушенных в разных методах научной критики? Не взирая на очевидный перевес и авторитетность последней группы, мы берем на себя смелость высказаться за необходимость пересмотра этих двух методологических позиций, взаимно исключающих друг друга. Если наивно-реалистическое восприятие греческих и латинских героических сказаний, унаследованное от древних историков, и засорило исторический горизонт

разного рода баснями, фантастическими событиями и фигурами, то этим фактом еще не оправдывается резко нигилистическое отношение к легендарной истории любого и каждого народа. Да и раскрытие исторической ценности древне-греческого и латинского героического эпоса, может быть, еще впереди, ибо методологией буржуазной историографии научная мысль еще не может закончить весь цикл своего развития.

Правда, историки нас утешают, указывая на тот факт, что народные мифы и легенды далеко не игнорируются наукой, что ими всегда пользуются как источниками при уяснении религиозного мышления и мировоззрения людей более ранних стадий культурного развития и вообще при всякого рода описаниях статистического состояния отдельных сторон их быта. Что же касается динамики жизни, последовательного хода исторических событий, то в этом отношении полагаться на легендарное воспоминание народа нельзя. Иными словами, членораздельная история кончается там, где обрываются показания писаных документов. Следовательно, бесписьменные народы навсегда обречены самой историей оставаться неисторическими, так сказать, быть в пеленках. Абсолютный ли это тупик или тупик только относительный, обусловленный недостаточным развитием буржуазной исторической методологии?

На вопросе об историческом значении героических сказаний южных якутов мы останавливались с достаточной подробностью[1]. Но, однако, между легендарным сознанием южных и северных якутов вряд ли можно было бы поставить знак полного равенства. Следовательно, и методы восприятия того и другого материала не могут быть вполне тождественными.

В отношении содержания Оленекского хосунного эпоса взамен общих и абстрактных рассуждений о ценности, важности и нужности для истории народных легенд вообще мы можем предложить лишь попытку исторического анализа этого конкретного материала. Ошибаемся мы или стоим на верном пути, об этом должны судить по достигнутым нами результатам, наши будущие критики.

Перейдем теперь к разбору изложенных выше сюжетов героического эпоса якутов-оленеводов.

Прежде всего, нельзя не констатировать, что во всех 12-ти вариантах народной легенды, несмотря на чрезвычайную разбросанность их носителей на огромном пространстве, мы имеем дело с разновидностями одного и того же фольклорного сюжета. Основную фабулу этого цикла сказаний мы могли бы характеризовать, как осуществление священной мести: некий витязь совершает несправедливое убийство, братья или сын убитого героя, обуреваемые жаждой мести, нападают на обидчика и убивают его самого. В шести вариантах мстителем выступает сын убитого (II, III, VIII, X и XI), в пяти случаях братья его (I, IV, V, VI и IX), а в одном варианте за убийство отца и брата мстит другой брат (VII). В пяти рассказах повод к мести осложняется еще похищением женщины (II, III, VIII, IX и X)—матери, тетки или сестры мстителя. Причем мы могли бы отметить, что в более раз-

[1]. См Ч. I гл. IV.

работанных вариантах, сохранившихся у якутов Жиганского улуса и у есейских, повод к мести ограничивается убийством брата, а в рассказах анабарских и устьянских якутов, илимпейских и кондагирских тунгусов разработан по преимуществу сюжет мести сына. Из этих двух конкурирующих сюжетов месть сына можно признать более древним и основным. В этом убеждают нас сказания кондагирских тунгусов о Нургаабыле, сохранившееся в форме безыскусственного рассказа, лишенного художественной обработки. Можно предположить, что эти тунгусы восприняли интересующий нас эпос очень рано и сохранили до наших дней лишь голый остов сюжета с забвением всех интересных фольклорных мелочей. Можно истолковать, конечно, и так, что последний сюжет есть первичный исток, общий для всех тунгусских племен, на фоне которого под влиянием пережитых исторических событий значительно позже разработан оленекский эпос.

Главными носителями этого героического эпоса мы должны признать северных якутов-оленеводов и притом по преимуществу тех из них, которые занимают бассейн р. Оленека, ввиду чего весь цикл сказаний было бы справедливо назвать «Оленекским хосунным эпосом» или «Оленекской эпопеей». В интересах простоты в дальнейшем изложении будем пользоваться последним сокращением.

Подходя к оленекской эпопее с точки зрения фольклористики, необходимо отметить чрезвычайную устойчивость основного сюжета и повторение на протяжении всех зарегистрированных нами вариантов весьма характерных приемов мифологического творчества. Укажем, например, на такие моменты, как оставление нападающим витязем затесов на деревьях в знамение совершенного им деяния с приглашением своих врагов последовать за ним, скрадывание лагеря противников из-за реки, переход через реку с импровизацией диких оленей, бегство витязя, подвергшегося неожиданному нападению, и погоня за ним, скачок его через реку, ранение в момент прыжка в ногу, наличие предателя работника, оказывающего помощь нападающим, отрезание голени врага и отведывание костного мозга, объяснение порчи вкуса мозга голодовкой, постоянное сравнение витязей с дикими оленями, отрезание косы (иногда полное скальпирование), предварительная охота за душой противника, летающей в образе птицы, и т. д.

По широте территориального охвата, популярности и устойчивости древнейших мифологических черт и, наконец, напряженности эмоциальных переживаний носителей эпоса, доказывающих особо подчеркнутое интимное отношение их к описываемым событиям, оленекская хосунная эпопея представляет из себя явление, заслуживающее большого внимания со стороны не только историков, этнографов-якутоведов, но и знатоков сравнительного фольклора и древней «классической» мифологии. По указанным своим признакам, она может быть поставлена в один ряд с циклом эллэ-омогоевских сказаний южных якутов-скотоводов. Трудно было бы сомневаться в том, что оба цикла должны соответствовать двум самостоятельным этапам в истории развития якутских переселений с юга на север. Если у оленных якутов сложился и сохранился до наших дней столь самостоятельный и само-

бытный героический эпос, то это обстоятельство бесспорно свидетельствует о значительном территориальном разрыве между южными и северными якутами. Если бы обе части якутского племени долгое время сожительствовали в одной географо-экономической области с единым центром тяготения, то, по нашему мнению, было бы немыслимо сохранение оленекского эпоса наряду со сказаниями южных якутов. Зачатки первого были бы очень скоро поглощены мифологическими и историческими представлениями последних. Эти соображения убеждают нас в том, что места проживания и исторические этапы южных скотоводов и северных оленеводов постоянно не совпадали. Когда первые жили вне Прибайкалья, оленные якуты должны были заселять эту обособленную область. Когда якуты-скотоводы заполнили Прибайкалье, якуты-оленеводы в своей массе должны были отойти вглубь ленского бассейна. И, наконец, когда скотоводы нахлынули на север в зону оленеводческого хозяйства и стеснились в травянистых участках средней Лены, оленеводы вынуждены были отойти еще дальше на север до берегов Полярного моря, где мы и застаем их теперь. При таком понимании общего хода древней истории и взаимоотношений северного и южного отдела якутов, между ними постоянно сохраняется приличная территориальная разобщенность, обеспечивающая культурно-экономическую самобытность северного отдела.

Описанная одиссея двух отделов якутского племени от Саянского хребта и окружения озера Байкала до берегов Полярного моря, почти полностью завершившаяся к моменту прибытия русских завоевателей, при ретроспективном взгляде на прошедшие исторические дали, представляет собой картину, конечно, и не столь священную и заветную для всего образованного человечества, как известное 40-летнее странствование классических евреев в пределах крошечной пустыни около горы Синая, но, во всяком случае, не уступающую последнему, по крайней мере, по широте территориального охвата, сопряженным с этим странствованием по полярным пустыням трудностям и, наконец, по своей продолжительности. Эпоха якутских переселений с юга на север, от тепла к заполярному холоду, по нашему мнению, основанному на обзоре всего изученного нами материала, должна была занять тысячелетний период, а именно, от конца 1-го века нов. эры до появления на исторической арене знаменитого завоевателя Чингис-Хана. Почему мы останавливаемся на этих пограничных датах? Ответить на этот вопрос мы сможем лишь в заключении нашего общего исторического обзора о прошлых судьбах всего якутского народа.

В оленекском эпосе выступает довольно отчетливо стародавнее якутское влияние на тунгусскую стихию. Это мы видим, например, в якутском самосознании современных носителей эпоса, за исключением, конечно, илимпейских и кондагирских тунгусов. Центральная фигура эпических сказаний Юнгкээбил-Хосуун, нигде откровенно не называется тунгусом. В оленекском (IV) варианте он и даже его противник прямо определяются как якуты. Сказители вообще не отличают Юнгк-ля от самого себя, т. е. он в их сознании представляется северным якутом и занимается, главным образом, охотой за дикими оленями. В одном варианте упоминается его брат-рыбак. Якутское

самосознание носителей эпоса нашло яркое выражение в эпизодической вставке к первому варианту, в которой Юнгк-лю противополагается тунгусский витязь с косой. Последний ищет Юнг-ля, чтобы сразиться с ним, и справляется о нем у него же самого. Ю., прикинувшись другим человеком, обнаруживает пред тунгусом свою меткость и богатырский аппетит, потом показывает ему свой гигантский прыжок и предлагает сразиться. «Тунгус повалился ему в ноги, умоляя и упрашивая этого не делать». Юнгк. отвечает ему: «Убив такого человека, могу ли я заслужить какую-либо славу?». И отпускает его, срезав заплетенную косу вместе с головной кожей. При этом он добавил: «И у тебя, наверное, есть круг свой родни. Ты расскажи им, чтобы впредь к Юнгкээбилю приходили отборные-люди, а не всякое ничтожество».

Такое высокомерное и презрительное отношение к местным тунгусам допустимо лишь со стороны пришлых завоевателей, которые уже перестали причислять себя к тунгусам. В связи с этим вполне естественно рождается вопрос: не объясняется ли популярность сказаний об Юнгкээбиле тем, что предки якутов-оленеводов пришли на Лену откуда-то извне и одержали победу над аборигенами края, которыми должны были быть разные тунгусские племена? Не мешает здесь отметить тот факт, что вся восточная половина Сибири, точно отграниченная на западе р. Енисеем, включая бассейн Амура и значительную часть Манчжурии, должна быть признана исконной тунгусской территорией, куда значительно позже проникли с юга турки и монголы в лице современных якутов и бурят, эксплоатирующих степных травоядных животных. Следовательно, и весь бассейн Лены должен был иметь исконное тунгусское население, как и теперь занимающееся оленеводством и охотой. Если на поставленный выше вопрос нужно дать утвердительный ответ, то Юнгкээбил со своими братьями олицетворял бы пришельцев, а его противник Чэмпэрэ-Витязь туземный народ, т. е. одно из тунгусских племен.

К сожалению, оленекский эпос, повидимому, уже давно вступил в стадию своего разложения, обусловленного, главным образом, усвоением его новыми элементами, которые не могли не вносить некоторые изменения в структуру первоначального сюжета. Это явление мы можем наблюдать и по нашим записям. Так, например, по пересказу пришлого якута, Иннокентия Гоголева, Юнгкээбил и его враг Чэмпэрэ растут вместе и принадлежат одному и тому же Кангаласскому роду, о которых мы уже отмечали раньше, что он составился из порусских беженцев, якутов Кангаласского улуса, с небольшой примесью тунгусов Эженского рода (вар. IV). Гоголев же слышал сказание с уст двух старцев этого рода. Последние, по привычке южных якутов, обоих популярных героев северного эпоса превратили в своих собственных предков. По пересказу другим пришлым якутом, Прокопьевым, сказаний Устьянского улуса в звание народного героя возводится Чэмпэрэ (VII вар.). Он же в другом варианте, правильно воспроизводящем местные рассказы, имена Юнгкээбиля и его брата забыл, а их противнику дает имя Чыынгхара (VII вар.).

Стараясь разгадать историческую основу оленекского эпоса, нельзя упускать из виду огромный срок, истекший со времени образования эпоса и тех реальных событий, идеологическим отражением которых он является. Ввиду этого основные черты эпоса, передающие прошлое историческое событие, с течением времени могли исказиться и перепутаться. Поэтому, пользуясь народными легендами в их современной редакции, как историческими источниками, мы должны игнорировать многие мелочи и сосредоточить свое внимание лишь на общем контуре сохранившихся легендарных сюжетов.

Самый характер восприятия фактов отдаленного прошлого при посредстве преемственной передачи из поколения в поколение устных рассказов обусловливает целый ряд типических ошибок, закономерно повторяющихся во всех народных легендах. Не вдаваясь в излишние подробности, мы укажем лишь на самые главные дефекты легендарного повествования.

Для каждого, думается нам, понятно, что в легендарных сказаниях о прошлых событиях, выходящих за пределы воспоминаний двух-трех поколений, не может быть даже приблизительно верных хронологических указаний. События в легендах как бы совершаются вне времени, с одной лишь неопределенной датой, что это было когда-то давно, встарь. В легендарном и былинном творчестве в отношении хронологии замечаются две крайности: все события и лица отодвигаются чуть ли не к воображаемой эпохе первых дней творения или, наоборот, приближаются к современности, какую бы отдаленную эпоху они ни отражали. Например, относительно Юнгк-ля в одном варианте наших сказаний сообщается, что где-то на берегу речки Уджи, притоке Анабара, будто бы до сих пор видны следы его дома-рубленка (вар. IV). В другом рассказе он оказывается современником эпохи нашествия русских (вар. I). Не исключена возможность и того, что иной сказитель, чтобы убедить своих слушателей в действительности существования своего легендарного героя, может сообщить, что такой-то старец в молодости видел и знал сына или внука Юнгк-ля. Анахронизм во времени есть типическая черта устных народных повествований об отдаленных событиях.

Не менее постоянна в легендарном эпосе аналогичная ошибка и при ориентировании событий в пространстве, которая обнаруживается в том, что народ, переселявшийся с места на место, обычно воображает, что вся его история протекала на той самой территории, которую он занимает в данное время. Иными словами, и все герои его легендарных повествований, сложившихся на другой территории, вместе со своими живыми носителями автоматически пересаживаются на новые места, хотя они и продолжают в сознании народа разыгрывать свои прежние роли. Но бывают и исключения, когда и последнее поколение носителей легендарного эпоса в своих сказах сохраняет более или менее отчетливые следы перемещения исторической сцены. Так, например, в легендах якутов-скотоводов благодаря тесной связи всей экономической жизни народа с луговыми местами, располагающимися по речной системе Лены, а также более развитой общественности еще улавливается пространственное перемещение истории, ориентируемой по реке Лене. У северных же якутов, живущих при оленеводческом хозяйстве, роль

позвоночного столба их прошлой истории в эпических сказаниях играет река Оленек. В этом факте, очевидно, сказалась легендарно богатая охота на диких оленей в низовьях реки Оленека[1]. Это промысловое место, вероятно, с очень давнего времени было занято головными частями народа, ввиду чего местожительство эпических героев чаще приурочивается к р. Оленеку. Но отсюда отнюдь еще не вытекает,что то историческое событие, которое лежит в основе оленской эпопеи, обязательно должно было разыграться именно здесь. Эпос дает лишь основную фабулу разыгравшихся событий; его популярность и территориальное распространение указывает на их широкий охват и напряженность переживаний тех поколений, которые создавали его. А вопросы хронологии и локализации разыгравшихся событий должен разрешить сам историк по совокупности данных как содержащихся в самом эпосе, так и добытых извне.

Еще более характерной особенностью народных сказаний является постоянное сужение всей племенной истории до размера приключений одной или нескольких семей. Расшифровывая по легендам или былинам прошлую историю народа, всегда нужно иметь в виду, что отдельные герои обычно представительствуют за целые племена или его крупные подразделения. Впрочем, этот метод расшифровки образов легенды вряд ли можно рекомендовать за пределами собственно скотоводческих племен, имеющих определенную общественную организацию.

Если оленекский героический эпос когда-то отражал борьбу пришлого и туземного народа, то его первоначальная редакция, вышедшая из уст победителей, не могла не отличаться от той, которую донесло до наших дней их позднее поколение, основательно смешавшееся с туземным народом. Потомки последнего, усваивая эпос победителей, могли превозносить и своего побежденного героя, мешая черты и культурно-этнические признаки борющихся сторон. Следовательно, объявление Юнгкээбиля и Чэмпэрэ представителями одного и того же народа нужно рассматривать как позднейшее наслоение. Однако, не взирая на указанный процесс постепенной ликвидации культурной и этнической противоположности главных героев эпоса, до настоящего времени в нем сохранились довольно отчетливые следы того, что побежденный герой когда-то фигурировал в качестве туземного тунгуса, тогда как его противники выступали со смешанными тунгусо-якутскими признаками.

Во втором варианте (есейском) мы находим такой эпизод. Братья, одержав победу над Юрэном, на обратном пути «зашли к одному тунгусу и рассказали, что вот они убили знаменитого Юрэн-Витязя». Тунгус сказал: «Если мертв знаменитый Юрэн-Витязь, то зачем мне оставаться в живых? Заодно прикончите и со мной». Тунгус затеял с братьями перестрелку и был убит. Его жена-шаманка снаряжает своего сына, чтобы отомстить за убийство отца. Здесь главный противник Юнгк-ля косвенно сопричислен к мест-

[1]. См. В особ. прил „Олен. Эп". „Словарь провинциализмов в говоре якут. олен-ов" слово „тинкээн".

ным тунгусам, тогда как он сам, очевидно, представляется героем с якутской речью.

Ношение косы сказители обычно приписывают противнику Юнг-ля. Правда, по одному варианту у самого Юнгк-ля имеется брат, который даже именуется «Витязь с косой» (Сысыахтаах-Хосуун. II вар.). Это отличительное имя одного как будто предполагает, что остальные братья не носили кос. Так в народном фольклоре, как мы указывали выше, образы братьев обычно символизируют самостоятельные отделы народа, а иногда и родственные племена, то в разных обыкновениях трех братьев (третий брат обычно представляется кузнецом), мы могли бы усмотреть показатели разного этнического происхождения северных якутов, отчасти и степеней якутизации тунгусских племен. Старший брат Юнгк., утративший косу, должен олицетворять тунгусов, раньше столкнувшихся с якутами, брат с косой— более поздние тунгусские примеси, а третий брат, кузнец по профессии, как дальше увидим, должен соответствовать якутскому элементу, очень рано усвоившему тунгусский образ жизни.

Кроме указанных намеков на этнические признаки героев оленекского эпоса, мы имеем один вариант (IX), в котором, по нашему мнению, сохранилась более древняя редакция эпоса. Здесь витязи Юнгк-л и Ч-рэ, хотя и не упоминаются, но рассказ ведется в обычном стиле, т. е. два брата нападают на лагерь врагов, преследуют одного витязя, который прыгает через речку и в этот момент получает рану в ногу. В данном случае побежденные враги прямо определяются как тунгусы, татуирующие на своих лицах изображения оленьих рогов и язык которых героям победителям был непонятен.

О столкновении двух племен, стоящих на разных ступенях культурного развития, свидетельствует еще один момент, подчеркиваемый во всех вариантах. Это—образ кузнеца, который в одних рассказах объявляется братом героя Юнгк-ля, а в другом соседом молодого парня, совершающего месть над убийцами своего отца. Если ориентироваться от образа Юнгк-ля, то этот кузнец уже оказывается в противоположном лагере, но во второй стадии борьбы. И в том и в другом случае основная фабула оленекских сказаний вертится вокруг одного стержня, а именно, победа приписывается тому герою, который имеет союзника в лице кователя железного оружия. С другой стороны, и побежденный герой гибнет потому, что в нужный момент в его распоряжении не оказывается стрел. И победитель Юнгкээбил в самый критический момент получает подкрепление оружием от подоспевшего брата, бросающего ему колчан, наполненный стрелами или же лук. Очевидно, в борьбе двух племен, лежащей в основе наших эпических сказаний, качество и количество вооружения играли решающую роль.

Что военная техника когда-то занимала умы носителей оленекского эпоса, как сила, определяющая победу, ясно обнаруживается в тех вариантах, в которых месть осуществляется сыном вероломно убитого витязя (II, III и X). В этих рассказах победу над знаменитым витязем одерживает молодой парень, «малыш», чуть не «мальчик». При переводе на русский язык

третьего варианта, записанного по-якутски нашим сотрудником Д. Кириллиным, нам пришлось испытать большое затруднение при передаче слова «ого». дословно «дитя», «ребенок», ибо это дитя повергает в прах трех братьев, старых витязей. Нам казалось совершенно несуразной народная мысль—вручать победу над тремя взрослыми и опытными воинами почти ребенку, хотя бы он и был исполнителем справедливой мести. Поэтому мы сначала были склонны думать, что наш сотрудник неверно зафиксировал рассказ. Но недоумение рассеялось, когда мы обратили внимание на то, что по фабуле этот малыш встречается со старым кузнецом, который кует ему необходимое воинское снаряжение и даже обучает его воинскому искусству (увертываться от стрел. III в.). В самом деле, если борются два противника с неравной воинской техникой, например, у одного огнестрельное оружие, а у другого простой лук, то первому совсем нет необходимости быть обязательно взрослым мужем, чтобы одержать победу над противником. Несомненно, эта самая мысль о решающей роли воинской техники и выражена в указанных нами вариантах, в которых повествуется о победе мальчика, имеющего союзника в виде ковача железного оружия. Дарует победу не физическая сила воина, а сила техники, которая дается случайным соседством с более культурными народами. Творцы олонекского эпоса, противопоставляя отрока взрослому воину, по всей вероятности, хотели в несколько утрированной форме подчеркнуть превосходство железной техники пред костяной и каменной. Но в позднейшую эпоху, когда железо получило всеобщее распространение и обладание железным оружием стало признаком каждого воина, в сюжете героических сказаний древняя традиция—наделять сталкивающихся противников разной техникой—могла постепенно исчезнуть в порядке новой интерпретации. Следовательно, читая рассказы о борьбе мальчика со взрослыми воинами, необходимо комментировать их указанием на то, что у последних не было своих кузнецов и железного вооружения. Этот вопрос о роли кузнецов в олонекском эпосе особенно важен для уяснения древних взаимоотношений якутского и тунгусского племен.

Раньше мы признали, что из двух конкурирующих сюжетов о выполнении мести сыном или братьями убитого более ранним является сюжет о мести сына. Надо заметить, что и отношение кузнецов к героям эпоса развится в зависимости от того, кто выступает мстителем. В более раннем сюжете кузнец неизменно рисуется посторонним человеком, на которого ребенок-мститель натыкается совершенно случайно, а в поздних рассказах о мести братьев, кузнец выступает уже в качестве родного брата мстителей. Какой же исторический вывод мы можем сделать из разной трактовки типа кузнецов в легендарных сказаниях? Напрашивается лишь следующий вывод. Носители эпоса первоначально не обладали искусством кования железа (разумеется, и добывания из руды), но какой-то соседний народ, вступив с ними в культурно-этническое общение, стал снабжать их предметами своего кузнечного ремесла. Это обстоятельство, вне всякого сомнения, должно было усилить носителей олонекского эпоса и дать им перевес над соседними племенами. В эту-то стадию и должен был развиться сюжет о храбром маль-

чике, который вымещает на соседях свои старые, отцовские и дедовские обиды.

Героические сказания должны были перейти во вторую стадию, когда соседний кузнечный народ стал смешиваться с основным ядром носителей эпоса и подчинился его полностью своему культурному влиянию. С этого момента уже не было никаких оснований объявлять кузнеца простым соседом или случайным благодетелем: кузнец превращается в родного брата народного героя.

Этот бесспорный вывод подтверждается и дополнительными пристройками к оленекскому эпосу, которые по счастливой случайности тоже нашли отражение в собранных нами сказаниях северных якутов. Мы имеем в виду совершенно самостоятельный сюжет об якутских кузнецах, превратившихся в легендарных героев.

Тип героя-кузнеца в оленекском эпосе точно так же, как и трактование сюжета о выполнении мести, приходится делить на раннего и позднего. Ранее сложившимся типом героя-кузнеца мы признаем Саапна-Хосуна, а более поздним Дэлгэр-Уус[1]. О первом типе в сказаниях говорится:

«Саапна-Хосуун дружил с тунгусами. Он был кузнец и делал для них разные железные принадлежности. Саапна-Хосуун жил в глубокой древности. Он был отборный из людей, быстроногий из людей».

Фигура Саапна-Х. в сказаниях вырастает почти до образа титана. Окружающие его тунгусы по сравнению с ним представляются жалкими лилипутами.

«Тунгусы, стремясь прогнать якутов, постоянно охотились за ними, но им никак не удавалось убить Саапна-Хосууна». ...Один тунгусский витязь, посмеявшись над бессильем своих собратьев, «вызвался убить Саапна-Хосууна». Когда подъехал тунгусский герой, «С. Х. стоял на водопое и долбил прорубь. Тунгус подъехал к нему почти вплотную и с расстояния длины пяти стрел начал стрелять. С. Х. при каждом выстреле отскакивал в сторону и стрела пролетала мимо. Тунгус начал стрелять с расстояния одной стрелы, С. Х. ловил стрелы руками и, переламывая наконечники, стержни их подавал ему обратно. Испуганный тунгус погнал своих оленей обратно, но С. Х. настиг его, схватил за косу и тотчас же отрезал ее... Сделав свое дело, отпустил тунгуса на волю, но тот со стыда удавился тетивою своего лука».

В другом варианте при аналогичной обстановке С. Х. орудует против тунгуса лишь своею пешней: «Тут же пешней срезал косу и сказал:

«Живи, не велика слава убить тебя»[2].

Саапна-Хосууна тунгусы пробовали колоть пальмами, но он «зажимал последние в подмышках и вырывал из рук».

В этом титаническом облике кузнеца С. Х-на мы, несомненно, находим явные следы воспоминаний о тех давно прошедших временах, когда люди

---

[1] См. Прил. „Олен. Хосун. Эпос." §§ 21 — 24, 19 — 20. Там же § 23.
[2] Там же § 23.

железной техники, нагрянувшие из далекого юга, боролись с действительными культурными лилипутами отдаленного севера, которые закаленным железным пальмам, копьям и остриям стрел могли противопоставить только свои костяные, роговые и каменные оружия. Если бы северо-восток Сибири обладал медно-бронзовой культурой, то боевое соотношение пришельцев и туземцев, конечно, не могло бы быть столь контрастным. Но, как известно, в этой области азиатского материка не знали медно-бронзового века, который вошел бы в обиход народного быта, и сразу перескочили, как это имело место в Африке, из эпохи камня и кости в железную эру. Если в бассейне Лены кое-где случайно обнаружены предметы бронзовой индустрии, то это, надо полагать, редкостные вещи импортного происхождения. В таком же отношении к медно-бронзовой культуре, по мнению авторитетных по Восточной Сибири археологов, стояла и область Прибайкалья, точнее его северо-западные пределы, прилегающие к верховьям Лены. Проф. Б. Э. Петри в своем популярном обзоре археологии Прибайкалья, изданном сравнительно недавно (1-ое изд. 1922, 2-ое в 1928 г.), пишет:

«Почти на всех без исключения стоянках, относящихся к самому концу ново-каменного периода, мы находим отдельные предметы, сделанные из бронзы—ножи, топоры, наконечники стрел, пуговицы, бляхи и даже большие бронзовые котлы. Но нигде мы не находим ни форм, в которых выливались эти предметы, ни шлаков, говорящих нам о выплавке меди из руды, ни даже курганов или погребений, где бы мы могли найти скелеты, снабженные инвентарем, характерным для бронзовой культуры. Даже наоборот—если мы находим погребение, содержащее бронзовые предметы, то вместе с ними мы имеем и предметы, сделанные из кремня и нефрита; это нам указывает на то, что попрежнему главным материалом был камень и лишь отдельные бронзовые вещи, как предметы роскоши, были в обиходе туземцев... Но эти предметы... привозились откуда-то извне, из привольных степей Минусинского края, а, возможно, также и из степей Забайкалья и Монголии»[1].

Если дело обстоит так, то мы вправе признать, что предварительные выводы археологических разведок в областях Прибайкалья и характерные признаки героического эпоса того оленеводческого народа, который в пределах первого тысячелетия нов. эры от границы восточных Саян и озера Байкала проследовал вниз по всей Лене и там на севере разошелся веером по берегу Полярного моря, не только не противоречат, но и подкрепляют друг друга. Именно в пределах Прибайкалья должна была произойти первая встреча людей железной техники с его аборигенными обитателями, которые, переживая развитую стадию ново-каменного века, лишь в виде «предметов роскоши», пользовались изредка привозной откуда-то извне бронзой. На вопросе о давности здесь, в Прибайкалье, железной культуры мы не будем останавливаться, ибо для наших целей вполне достаточно знать, что якуты, проследовавшие когда-то через эту территорию, как бы мы их ни повертывали,

[1]. „Далекое прошлое Прибайкалья". Научно-попул. очерк. Иркутск. 1928 г. Изд. 2. стр. 45 — 46.

Также у Петри — „Доисторические кузнецы в Прибайкалье" Чита. стр. 14 —15

представляются людьми развитого железного века. Остатков железного века в Прибайкалье обнаружено вполне достаточно, хотя к детальному изучению их почти не приступали. Пока мы можем ограничиться одной цитатой из названного выше труда проф. Петри:

«Остатков железного периода мы имеем в нашей области много. Очень часто бывает, что на месте, где прежде жили рыбаки ново-каменного века, впоследствии поселялись жители, знакомые с выплавлением и употреблением железа»[1].

Итак, в областях Прибайкалья и дальше на север в глубине ленского бассейна когда-то давно, в легендарные времена, произошла встреча железа и камня. Не трудно представить себе тот неожиданный скачок и революционный разряд, которые неизбежно должны были произойти в результате встречи этих вещественных символов двух культурно-экономических эр, пройденных человечеством. Одна картина социально-экономического бытия и культурного состояния при господстве в хозяйственно-производительной деятельности людей каменных орудий, совсем иная при орудиях и оружиях с закаленными лезвиями из крепкого железа. Нет нужды доказывать, что естественным и обычным прологом такого рода смены эпох культурного состояния людей, организованных в общества, бывает прежде всего их вооруженное столкновение и порабощение одних другими, если слабые не успеют спастись бегством в недосягаемые дебри.

На юге в пределах Прибайкалья резкие противоречия при встрече камня и железа могли быть сглажены в результате постепенного усвоения железной культуры его древними аборигенами, ибо очаги последней, несомненно, находились где-то поблизости. Наличие довольно оживленных торгово-экономических связей обитателей древнего Прибайкалья с определенными краями устанавливается, как мы видели выше, и археологическими раскопками. По способу добывания и обработки, а особенно по распространенности в рудном состоянии, железо по сравнению с медью и бронзой—металл более ординарный и доступный для массового употребления. Следовательно, он мог быть легко усвоен древними прибайкальцами путем простого позаимствования и культурного влияния своих соседей. Совсем иные условия в бассейне средней Лены, отрезанном от южных культурных центров обширными пространствами глухой тайги, диких горных хребтов и непривлекательного вообще по своим суровым климатическим условиям. Поэтому очень трудно допустить, чтобы аборигенное тунгусское население этого края, еще находясь в стадии ново-каменного века, могло бы близко ознакомиться и применять в своем быту железо до начала массовых переселений к ним части древних прибайкальцев, т. е. предков якутов-оленеводов, уже усвоивших у себя на южной родине технику добывания и обработки железа. Начало железного века в глубине ленского бассейна трудно мыслить без той трагической завязки, которая лежит в основе оленекского хосунного эпоса. Что дело обстояло именно так, об этом громко свидетельствует исключительная роль в интере-

[1]. Петри. Цит. Соч. Стр. 55.

сующих нас легендах кузнецов по железу, выступающих в разных ролях: то они подстрекатели и пособники убийств, то своеобразные благородные «пацифисты», которые в борьбе с местными тунгусами не ищут себе боевой славы. В самом деле, велика ли была честь, имея в руках железный меч, одержать победу над противником, вооруженным простой дубинной с каменным набалдашником. Творцы оленекского эпоса, вероятно, потому превратили своего Саалпа-Хосууна, в раннего толстовца, что его обычные «геройские» подвиги над беззащитными людьми севера, были совсем лишены элементов рыцарского благородства, требующего, прежде всего, равенства вооружения. Надо полагать, и сами древние Саалпа-Хосууны стыдились перечислять свои победы над местными тунгусами, ибо моральная ценность этих подвигов отнюдь не могла быть выше благородства заплечных дел мастеров.

Столкновение высшей и низшей культуры всегда было плачевным для носителей последней, где бы это явление мы ни взяли. В особенности много зла своим младшим братьям на всех материках земного шара натворили носители железной техники. Пути распространения «железа» среди всех культурно отсталых отделов человечества, несмотря на высокую полезность этого металла в хозяйстве людей, обильно политы целыми потоками крови и слез всех первобытных людей, которым пришлось заплатить повсюду чрезмерно высокую «страховую» премию, в прямом и в переносном смысле этого слова, за свою культурную отсталость и позднее приобщение к культуре железа и стали. Повидимому, и сами носители железной техники, разбираясь задним числом в моральной ценности своих злодеяний, многочисленных погромов и избиений невинных младенцев природы, всегда нуждались в интересах самоутешения и примирения со своей протестующей совестью, в особых способах оправдания всей совокупности содеянного ими зла. Вот почему мрачные фигуры рыцарей железного века, выступавших в роли пионеров в далеких окраинах, в воспоминаниях отдаленного потомства нежиданно меняют свой натуральный облик и перекрашиваются в диаметрально противоположный, белый цвет. Они оказываются истинными благодетелями страждущего, коснеющего во тьме невежества и первобытной дикости, обреченного на холод и голод культурно отсталого человечества. Но ясно, конечно, что эти ходульные и дутые образы являются лишь продуктами политического расчета, которые измышлялись лишь задним числом для уравновешивания двух чашек исторических весов. Начальная эпоха наступления высшей культуры погружает в бездну чашку зла, это и есть подлинный героический период. Значительно позже в результате объективного хода самой истории и нормальной хозяйственной деятельности не «героев», а ординарных людей, с незримых прежде лазурных высот медленно опускается чашка добра, т. е. начинает сказываться благотворное влияние высшей культуры, занесенной в отсталую страну. Эта живая диалектика, присущая самой исторической действительности, обычно и находит свое идеологическое отражение в разного рода политических концепциях о несении «избранными» народами культурно-исторической, учительской миссии, распространении ими света религиозной истины и т. д.

Подробно знакомясь с содержанием оленекского хосунного эпоса, отразившего в своих образах и картинах интересную эпоху наступления из центрально-азиатских степей на крайний север таежной Сибири железной культуры, мы неожиданно для себя обнаруживаем у якуто-тунгусских конкистадоров совершенно аналогичный описанному выше тип или способ политического мышления. Так как якутские роды, присоединившиеся в раннюю эпоху к северным тунгусам со своим кузнечным ремеслом и железной техникой, должны были повысить продукцию их исконного охотничьего промысла, типы ранних якутских кузнецов в легендах стали идеализироваться, выступая в роли благодетелей и кормильцев тунгусского народа. Когда к Саапка-Хосуну приехал его дальний родственник, молодой якут-витязь, и предложил истребить тунгусов Тюгэсиров, а затем «отобрать у них имущество и пищу», он дает ему такой ответ:

«Я в продолжение всей моей жизни не убивал людей. Кроме того, я теперь живу с ними в мире... Если спрашиваешь моего совета, то не езди, там не мало воинственных людей. Напрасно погубишь себя».

Но молодой витязь не послушался и поехал один... Через некоторое время Саапка-Хосун едет в тунгусскую территорию, чтобы разузнать о судьбе своего родственника. И он нашел:

«Все тунгусы мужчины, живущие вдоль по этой речке, были перебиты до единого, остались женщины и дети. Но у последнего становища тунгусам удалось собраться вместе, они перерезали тетиву лука у якутского витязя и вступили с ним врукопашную на пальмах. Якут лежал весь изрубленный, но полегли с ним и все тунгусские витязи. Саапка-Хосун собрал всех женщин и детей, привез к себе и стал прокармливать».[1]

В другом случае С. Х. укратив одного строптивого тунгуса, щадит его брата и говорит их матери:

«Твой старший сын, видимо, глупый парень. Он напал на меня, когда я долбил прорубь. Я не хотел убивать его, отпустил на волю, срезав косу. Надо бы тебе унимать сына. Иначе, не ровен час, наткнется на острие пики, порежется об лезвие»...[2]

Этот метод антитезы, сопоставление поступков черного и белого витязя, в народном эпосе, несомненно, носит черты анахронистического сопоставления нового и старого времени. По существу говоря, здесь мы имеем дело с раздвоением единого образа: один из них передает то, кем он был когда-то, а другой—его идеальную, воображаемую тень. Этот процесс политической деформации «героя» отдаленного прошлого оставил свой ясный след даже в семантике его собственного имени. Вторая часть этого имени, как мы знаем, есть нарицательное слово «витязь», а первую часть «Саапка», с точки зрения якутского языка, трудно понять иначе, как не усеченную форму глагольной именной основы «саапкат», употребляемой обычно в роли прила-

---

1. „Оленек. Хосунн. Эпопея" § 22.
2. Там же. § 23.

гательного. «Сааппат» дословно значит «не стыдящийся», неведающий стыда. Следовательно, первоначальное имя нашего героя было «Сааппат-Хосуун»—витязь, незнающий стыда. Но зато устыдилось за деяния своего излюбленного героя (вернее, конечно, целой серии «героев») позднее поколение носителей эпоса и, прикрыв фиговым листочком последний звук в его имени («т»), силою фантазии соткало его новый, охорошенный образ, известного нам благодетеля тунгусов, «Саапна-Хосуна».

Попутно мы отметим здесь, что легендарный образ Саапна-Хосуна получил свое отражение и на структуре сказаний об Юнгкээбиле. На последнего, как мы видели раньше, перенесли черты С. Х-на, посрамляющего тунгусского витязя, отпустив его с отрезанной косой. Разница заключается, однако, в том, что образ Юнгкээбиля все-таки остается грубым и непривлекательным, что зависит, несомненно, от недостаточного политического развития якутов-оленеводов. Рассказы же о Саапна-Хосуне, хотя они частично и усвоены северными якутами в пределах Устьянского улуса, принадлежат верхоянским якутам-оленеводам. Последние же в интересах установления отношений дружбы и симпатий с окружающими их многочисленными и воинственными ламутами-эвенами очень рано должны были позаботиться о перекостюмировке своего древнего Сааппат-Хосуна. Как мы убедились выше, с этой политической задачей они справились отнюдь не плохо и совсем по образцу цивилизованных наций.

Другой легендарный кузнец северных якутов «Дэлгэр-Уус», как показывает его имя, является также якутом. («Уус» по-якутски значит кузнец, мастер). Нами записаны два варианта легенды об этом мифологическом герое. В одном варианте мы находим прямое подтверждение защищаемого нами положения, что якуты-оленеводы впервые занесли на север железную культуру.

Однажды к местожительству Дэлгэр-Уус прикочевал тунгусский род. «Старик ковал им наконечники стрел. Оказывается, с железными наконечниками они раньше не были знакомы, для этой цели употребляли только рог. Они очень радовались и говорили, что железо лучше рога». «Эти тунгусы относились к старику с уважением. Когда случалось упромыслить им диких оленей, приносили ему постоянно гостинец». (Олен. Эп. § 20). В этой же легенде мы находим картину неравной борьбы местных тунгусов с родственниками этого кузнеца, ковавшего для них хорошее оружие, а для тунгусов плохие наконечники. Их взаимный бой изображается так:

«Стрелы противников, попадая, переламывались. Поэтому люди очень скоро перебили всех врагов, не оставив в живых ни женщин и ни детей. О л е н е й и и м у щ е с т в о у б и т ы х с о б р а л и и п о д е л и л и м е ж д у с о б о й. Все прибывшие остались жить там же, где жили старик со старухой».

По другому сказанию, Дэлгэр-Уус представляется якутом, поселившимся на севере среди оленеводческого народа, из среды которого он берет себе жену. Сын его бродил с родственниками матери по тундре и занимался охотой, а старик оставался дома кузнечить. Сына кузнеца убивают тунгус-

скпе витязи. Отцу удается отомстить за убийство сына: оба виновника в кузнице старика падают под ударами его молота. (Там же § 19).

Из приведенного материала мы видим, что отдельные элементы основного сюжета оленекского хосунного эпоса содержатся в легендах об якутских кузнецах, которые, поселяясь среди какого-то охотничьего и оленеводческого народа, вместе с ним вели борьбу с местными тунгусами, обладающими более примитивным вооружением. Вместе с тем становится ясным, что интересующие нас героические сказания о борьбе двух витязей, Юнгкэ-эбиля и Чэмпэря, отражают эпоху борьбы местных тунгусов с пришлым оленеводческим же народом, в сильной степени объякученным, всего вероятнее, уже говорящим по-якутски.

В наших хосунных сказаниях мы находим целый ряд мелких штрихов, которые свидетельствуют о том, что нападавшее племя пришло откуда-то издалека и что его нашествие для туземных тунгусов было совершенно неожиданным. По одному рассказу, братья желают итти на врага и не знают его местожительства. Помогает им колдовство шамана, который прокладывает по тайге путеводную тропу. (Вар. II). Мы знаем, что реальной основой этого идеологического образа при древних переселениях якутов как оленеводов, так и скотоводов, была водная система реки Лены, упирающейся своими истоками в горы, окружающие Байкал с северо-западной стороны. Несмотря на то, что побежденный витязь изображается очень бдительным, он сам, его воины и народ оказываются совершенно неподготовленными для отражения врага. В нескольких вариантах преданий это обстоятельство подчеркивается картиной пляски и игр в стане туземного витязя, когда его противники уже подползли на расстояние выстрела или даже под покровом ночной темноты принимают участие в играх его народа. Победа решается паникой, созданной появлением нежданных врагов. Исходя из особого оторванного и провинциального положения средней Лены, о чем мы говорили раньше, нельзя не притти к выводу, что в устных сказаниях народа иногда точно улавливается наиболее характерная особенность пережитых исторических событий. При неожиданной встрече камня и железа и в натуре должна была произойти резкая смена смеха, игр и веселья плачем, всеобщим горем, ужасом и паническим бегством, в первую очередь, конечно, старых вождей и героев. С другой стороны, очевидно для каждого, что первоначальный сюжет эпоса, отражающего победоносную борьбу носителей железной техники с представителями костяной и каменной индустрии, не мог бы сохраниться в полной неприкосновенности до наших дней. Позднейшими стадиальными переоформлениями отдельных частей древнего сказания и нужно объяснить утрату представления о неравенстве вооружения борющихся сторон. Но и этот дефект нам удалось исправить благодаря большой устойчивости пережиточных образов о кузнецах.

Так как длительное общение носителей оленекского эпоса с якутами не подлежит сомнению, то и переселение их на север могло быть обусловлено только сдвигами самих якутов-скотоводов в пределах Прибайкалья. Прежде

чем отступить на Лену, якуты-скотоводы должны были сосредоточиться в пределах южных уездов б. Иркутской губ. Если раньше они занимали (предполагаем пока условно) обширную территорию, прилегающую к озеру Байкал с востока и запада, то утрата ими своих забайкальских владений и стеснение в Приангарье безусловно должны были отразиться на судьбах более ранних насельников последнего.

В нашем эпосе нет прямых указаний на то, что Юнгкээбил с братьями напал на своего противника, потерпев поражение от якутов-скотоводов. Но тем не менее в сказаниях сохранился один весьма характерный намек, который наводит историка на мысль, что движение на север объякученных тунгусов произошло именно под давлением южных якутов. Дело в следующем. В четырех основных вариантах нашего эпоса (I, IV, V и VI) ход событий излагается так, что походу Юнгк-ля на Чэмпэря предшествует налет последнего на жительство Юнгк-ля и вероломное убийство его младшего брата-кузнеца. В образе брата кузнеца выше мы определили чисто якутские примеси к тунгусскому племени. Во всяком случае, весьма знаменательное совпадение, что походу братьев на их противника, который по нашему историческому прогнозу должен был обитать на севере в пределах средней Лены, предшествует кровавая расправа над якутскими примесями оленеводческого народа. От кого могли бы пострадать эти отунгусившиеся якуты, как не от своих родичей якутов, которые, теснясь к собственным окраинам, должны были бы давить на свои тунгусо-якутские части? Якутские роды, которые издавна жили сопредельно с тунгусами, потерпев поражение от наступавших родичей, в свою очередь уходивших от какой-то другой силы, могли бы спастись лишь бегством в тунгусскую территорию.

Пограничные якуты и тунгусы в результате долгого сожительства могли находиться в родственных связях. Это явление можно наблюдать и теперь в далеких окраинах Якутского края, где сталкиваются якутская и тунгусская стихия и где якутский скот в силу физико-географических условий отступает пред оленем. Зимою 1924 г. нам удалось ознакомиться с состоянием хозяйства, обычаями и правами якутов Верхоянского округа, заселивших бассейн реки Омолоя, впадающего в Полярное море немного западнее р. Яны. Появление якутов-скотоводов в районе Омолоя, находившегося ранее во владении ламутов Тюгеспрского рода, по всей вероятности, стоит в связи с нашествием русских казаков в центры Верхоянского края. Судя по преданию якутов Борогонского наслега, часть последних могла заселить Омолой и ранее нашествия русских. (См. Эллэйада. § 211).

По собранным нами данным, на Омолое проживали 82 якутских семьи, из которых 37 семей принадлежат Борогонскому наслегу, 15 сем. Эльгескому, 11 сем. 1-му Эгинскому, 8 сем. 1-му Юсальскому, 8 сем. 5-му Юсальскому и 3 сем. 2-му Юсальскому наслегу. Из них 32 семьи сохранили якутский скот в количестве 144 голов конного и 247 голов рогатого скота. Кроме того, во всех 82 хозяйствах насчитывалось 3607 голов оленей. До 1917 года численность оленей у омолойских якутов достигала до 16 тысяч голов, тогда как оленеводство местных ламутов выражалось в мизерных цифрах.

Якутов-оленеводов, ведущих тунгусский образ жизни, насчитывалось 50 домохозяев. Из этих 82 домохозяев 29 человек были женаты на ламутках. Кроме того, в 36-ти описанных нами ламутских семьях 17 человек были женаты на якутках. Таким образом, на Омолое мы наблюдаем начальную стадию образования смешанной тунгусо-якутской этнической группировки с господствующим оленеводческим хозяйством.

Если бы якуты и ламуты Омолоя под давлением якутов Верхоянского улуса, откуда вышли сами омолойские якуты, были вынуждены переселиться на новые места, то на их новой родине, несомненно, произошло бы полное слияние якутов с ламутами. Мы думаем, что аналогичный процесс смешения тунгусского и якутского элементов происходил когда-то и в районе Предбайкалья. А при дальнейшем переселении их вглубь ленского бассейна связующая оба элемента этническая и культурная спайка не могла не усилиться под влиянием встречи с третьим враждебных народом вплоть до образования однородной массы. При подобных условиях воспоминание о разном этническом происхождении составных элементов смешанного народа могло найти свое отражение в общем для них легендарном эпосе в образах братьев, героев-эпонимов, из которых один носил косу, другой занимался кузнечным ремеслом и т. д. Такие процессы органического слияния в одну общую массу разных этнических группировок могут быть установлены и доказаны при помощи исторического анализа лишь при наличии весьма благоприятных условий. В большинстве же случаев они остаются незамеченными, ибо быстротекущее время все больше и больше стирает все внешние различимые признаки внутренней спайки разных элементов в один народ, в одно племя с одним языком и с общими для всех преданиями и легендами. То же самое, несомненно, происходило везде и всюду, где сталкивались разные ступени хозяйственного и культурного развития народов.

Итак, косвенные указания на передвижение смешанного тунгусо-якутского племени под давлением наседавших на него собственно якутских частей в оленекском эпосе сохранились. Окраинные якутские роды после неудачной обороны своих насиженных мест от задних, более многочисленных родов должны были спасаться на земле соседнего и союзного с ними тунгусского племени. Это обстоятельство должно было вызвать общее переселение тунгусо-якутских частей на север. Позднейшее поколение сказителей, воспринимая легенды своих отцов и дедов о том, что жестокие расправы над кузнецами (т. е. якутами) их родичей вызвали общее бегство на север, на территорию Чэмпэрэ-Витязя, легко могло эту расправу над братом-кузнецом приписать последнему. Иными словами, основная причина народного переселения превращалась в повод для нападения на тунгусское племя, населявшее тогдашнюю Лену. Такая интерпретация народных легенд тем более является соблазнительной, что каждый завоеватель всегда бывает склонен подводить под свое злодеяние какое-либо подходящее моральное основание: витязь Чэмпэрэ де сам был виноват, ибо он умертвил нашего брата-кузнеца. Таким образом, чтобы отыскать в данных оленекского героического эпоса зерно исторической истины, мы должны будем исключить из основного сю-

жета идею возмездия, или точнее, родовой мести, присущую каждому первобытному народу на известной стадии культурного развития. Это не история, а пережиток первобытной морали, в рамки которой втискивается каждое народное повествование. И при дальнейшем изучении исторических сказаний якутов-скотоводов мы будем постоянно натыкаться на аналогичное явление, т. е. тенденцию подводить моральное основание под те или другие деяния излюбленных легендарных героев. В собственно якутских преданиях этот момент выступает гораздо ярче и рельефнее.

4. ЛЕГЕНДА О БОРОДАТОМ НАРОДЕ.

В фольклорном сознании северных якутов мы находим один интересный сюжет, имеющий большое историческое значение. Это легенда о бородатом или сплошь волосатом народе, обитающем где-то на неизвестном острове Ледовитого океана. Нам удалось записать три варианта этой легенды среди якутов Жиганского улуса и два варианта в Вилюйском округе. Кроме того, мы слышали от многих якутов, побывавших на севере в пределах Усть-янского улуса, что эта же легенда среди аборигенного населения этого улуса пользуется большой популярностью. Легенда о бородатом народе могла ожить в Устьянском улусе благодаря развитию там песцового промысла на Ляховских и ближайших островах архипелага Анжу, а также в связи с целым рядом правительственных экспедиций по исследованию этих островов. Северные якуты все эти шумные экспедиции на острова океана, очевидно, поняли как поиски их легендарного бородатого народа.

Сюжет легенды таков. Некий промышленник на берегу океана или на острове случайно повстречался с одним из представителей бородатого народа. И тот и другой ездили на собаках. Бородатый человек предупреждает промышленника, чтобы он не вздумал ехать по его следам, и едет по льду прямо в открытое море. Промышленник вопреки запрету погнался по его следам и прибывает ночью в целое поселение. Он входит в одно жилье и, бросив на очаг древесные стружки, при свете пламени осмотрел наружность одного из обитателей: «Лицо его сплошь было покрыто волосами, также и груди». В некоторых вариантах легенды приключение охотника осложняется любовной связью с девушкой, «тело которой было покрыто волосами», да и она сама говорит: «Разве ты не слышал про людей (или племя), тело которых покрыто волосами? Мы и есть тот самый волосатый народ».[1] По совету девушки, охотник убегает, но ее брат гонится за ним. Охотник едва спасся. Однако, преследователь сорвал задние копылья его нарты. Волосатая девушка дарит охотнику мешок с дорогой пушниной. Волосатые люди обычно представляются великанами. Сказители морализируют, что, мол, волосатый народ будет разыскан, когда наступит последний век и начнется светопредставление. Один из них приплетает в легенду имя борона Толля, кото-

[1]. Оленекская хосун. эпопея. § 32 и 33

рый, якобы, погиб во время поисков этого народа. Затем, ввиду того, что песцовыми промыслами на островах в первое время занимались исключительно русские, в некоторых рассказах фигурирует казак, даже с указанием его фамилии. (Цыпандин)[1]. В вилюйских вариантах нет указания на жительство бородатого народа на островах моря, а в одном случае бородатый народ превратился даже в семью якутского Байаная (лешего, духа богатого пушными зверями леса), но тем не менее ясно, что остов легенды один и тот же с бытующей у северных якутов.

По нашему мнению, легенду северных якутов о бородатом или волосатом народе нельзя понять иначе, как отдаленный отзвук рассказов об айнах, живущих в южной части острова Сахалина, которые по развитию растительности на лице представляют единственный оазис среди окружающих безбородых народов. Поэтому нет ничего удивительного в том, что среди народов бассейна Амура, Маньчжурии и Японии исстари сложилась легенда об айнах, как о мохнатом народе. Так, например, академик Шренк пишет о них:

«Нет ни одного описания айнов, как кратко и бегло оно не было бы, в котором не упоминалось бы о сильном развитии у них волос, как о самой выдающейся черте их наружности. При этом, чем известие древнее тем обыкновенно эта особенность изображена в более ярких красках. Так Алозий Фрус в 1565 г. писал, что земля к северу от Японии населена дикарями, у которых все тело мохнатое, а борода и усы ужасно длинны. Подобные показания о сильной по всему телу растительности волос у айнов можно найти у Франсуа Карона, Фриса и др. Иезуитский миссионер Иероним-де-Ангелис (1622 г.), хотя и не упоминает о прочих частях тела айнов, однако говорит, что борода у них достигает до середины туловища. В «Екко-ки Канемона (1652 г.) также сказано, что почти у всех мужчин борода очень густа, длиной иногда фута в два, и покрывает все лица, за исключением глаз и носа».[2]

Приведенные старинные известия, несомненно, являющиеся повторением народных сказаний об айнах, в отношении описания волосатости последних в точности совпадают со сказаниями северных якутов. Особенно интересным представляется и указание их местожительства на каком-то далеком острове Ледовитого океана. Спрашивается, какими путями легенды об айнах могли бы попасть к оленным якутам, минуя южных якутов-скотоводов?

Конечно, легко напрашивается ответ: занесли казаки, которые когда-то из пределов Якутского края совершали походы на берега Охотского моря и в бассейн Амура. Но, однако, это скороспелое решение нас удовлетворить не может, ибо в таком случае легенда о бородатом народе получила бы широкое распространение прежде всего в пределах Якутского округа, откуда снаряжались дальние экспедиции вверх по притокам Алдана и по Олекме. А между тем среди якутов ни этого округа и ни Олекминского не сохранилось никаких рассказов о бородатом народе. Лишь изредка среди южных якутов

---

1. Там же. § 34.
2. Л. Шренк. Об инородцах Амурского края. Спб. 1883. т I. стр. 272 — 273

можно слышать точное воспроизведение жиганских и устьянских рассказов со ссылкой на проживание бородатых людей на каком-то острове Ледовитого океана и притом только с уст якутов, побывавших на севере.

Сюжет сказаний о бородатом народе в устах северных якутов носит отпечаток глубокой древности. Это доказывается также сохранением того же сюжета в пределах Вилюйского округа, который раньше был занят оленными якутами. Вилюйские сказания, как увидим дальше, во многом имеют пункты соприкосновения с фольклором последних. В связи с затруднениями объяснить происхождение сказаний об айнах порусским влиянием на якутский фольклор, мы вправе выдвинуть другую гипотезу, а именно, наличия в составе оленных якутов тунгусских родов, которые когда-то жили в бассейне Амура и оттуда могли вынести легенды об айнах.

И, действительно, проверяя родовые названия якутов р. Оленека, мы находим два рода с названием «Сологоон». (В офиц. докум. 1 и 2 Шологонские). Лингвисты вряд ли будут возражать против положения, что якутское имя Сологоон вполне тождественно с племенным названием «солон», т. е. тунгусских родов Манчжурии, живущих по р. Нонни (левый приток Сунгари), отчасти и по Амуру. По поводу названия «солон» новейший исследователь их наречия, Н. Н. Поппе, пишет:

«Сами они называют себя эвэнки, т. е. так же, как все собственно тунгусские племена, в частности тунгусы Забайкалья. Что же касается происхождения названия солон, то оно неясно. В свое время было высказано мнение, будто это название монгольского происхождения и по-монгольски означает стрелок, что, однако, основано на недоразумении, так как такого монгольского слова с этим значением вообще нет.[1]

Племенное название Сологоон-Солон, сохранившееся у якутов, в процессе дальнейшей эволюции легко могло перейти сначала в «Солоон», а потом в «Солон», так как слог «ого» в турецких и монгольских наречиях обычно переходит в долгий гласный звук.[2] Последующий переход долгого гласного в краткий, конечно, не представляет из себя ничего особенного. (Ср. напр., бытование в различных турецких диалектах слова «батыр» наряду с «багадур», «бухатыыр» и «баатыр»).

Манчжурское происхождение северных Сологон'ов подтверждается еще тем обстоятельством, что в верховьях Амура на правом берегу были «о л е н н ы е т у н г у с ы Ш о л о г о н с к о г о р о д а, к о т о р ы е н ы н е и с о с т а в л я ю т д р у г у ю ч а с т ь а м у р с к и х о р о ч о н о в». (Л. Шренк. Там же 185 стр.). Шренк ссылается на труд Орлова «Амурские орочоны».[3] Два Шологонских рода кочуют между Алданом и Леной в составе тунгусов б. Кангаласского ведомства.[4] В статье И. И. Майнова «Население Якутии».

[1] „Материалы по солонскому языку". Ленингр. 1934. 1 стр.

[2] „Радлов. — Phonetik der Nördlichen Türksprachen". Ч. 1., стр. 72 — 73 А. Бобровников. Грамм. монг. калмыц. яз. 1849 г. §§ 34 —39.

[3] См. Вестник Русс. Геогр. Об-ва. Ч. XXI, 1857, Отд. II, стр. 96 — 97.

[4] М. Н. Соколов. Якутия по переписи 1917 г. Иркутск. 1925 г. стр. XXIII. а также И. И. Майнов — Население Якутии в сборнике „Якутия". Стр. 397 прим. Майнов ссылается на статистические работы Патканова.

имеется указание на наличие в эпоху объясачения тунгусов «Шелонской волости» на Витиме при Усть-Муе в числе 70-ти ясачных душ. При этом автор добавляет «по позднейшему произношению Шологонцы».[1] Русское начертание «Шелон» подтверждает нашу гипотезу о тождестве якутских «Сологон'ов» с «солонами» Манчжурии. Весьма возможно, что эти-то Сологоны позже перекочевали к верхне-амурским орочонам, о чем упоминает Орлов. Сологоны-Шелогоны остались и в составе южных якутов, а именно, в Западно-Кангаласском улусе, где они образуют один самостоятельный наслег—«2-ой Шелогонский» и живут на левом берегу Лены близ границы Вилюйского округа, занимаясь скотоводством.[2] Автор этих строк посетил названных Сологонов зимою 1925 г. и не нашел в них никаких отличий от окружающих якутов. Один Сологонский род имеется и в составе Мархинского улуса в Вилюйском округе.[3]

Очевидно, довольно многочисленные Шелогонские роды, бывшие в составе северных оленных якутов, рассеялись при нашествии якутов-скотоводов. Одна часть их осталась на месте, усвоив якутское хозяйство, другая часть эвакуировалась на север с якутами-скотоводами и обитает теперь в бассейне р. Оленека и, наконец, остальные отодвинулись на правый берег Лены, где они должны были смешаться с местными алданскими тунгусами.

Патканов показывает «Шологонов» и в составе тунгусов б. Майского Ведомства.[4] Проф. С. В. Бахрушин, по данным XVIII века, приводит названия пяти «неших ламутов» Охотского побережья: Ивьянский, Адганский, Шолганский, Уягирский и Нюньчинский. Он же приводит по труду Крашенинникова названия тунгусских родов Охотского побережья, извлеченные из документов XVII века. Среди этих названий мы находим и «Шелоны», очевидно, это те же «Солооны».[5] Если родовое имя охотских «Шелонов» идентично с якутскими «Шелогонами-Шелонами», то они, наверное, пробрались туда из пределов Якутского края при стеснении оленеводов-охотников позднейшей якутской колонизацией. Иными словами, захват якутами-скотоводами бассейна средней Лены произвел большие перемены в этнографической карте Восточной Сибири вплоть до берегов Охотского моря.

Манчжурские солоны делятся на «знаменных солонов» и «бухта солонов». Первые занимались земледелием и состояли в знаменных войсках прежней Манчжурской династии Китайской империи. Бухта-солоны же принадлежат к податному сословию, «главным видом занятий которых, в отличие от знаменных солонов-земледельцев, является охота».[6]

Отлив солонов на север в русское Забайкалье, где они смешиваются с бурятскими родами, в литературе отмечен давно. Так в «сказаниях бурят» (этногр. сбор.) мы находим следующие строки:

---

[1] И. И. Майнов. Там же стр. 390 — 391.
[2] М. Н. Соколов. Там же. Вып. II стр. 13.
[3] М. Н. Соколов. Там же. стр. 74.
[4] Майнов. Там же.
[5] См. его статью „Историч. судьбы Якутии". Сбор. Якутия, стр. 284 и там же прим. 2.
[6] Н. Н. Поппе Цитир. выше соч. 48 и 1 стр.

«Предводитель нерчинских тунгусов Солонов и солонгутов, происходящих от манчжур, Чжанчжун-ноён, прибыв к Нерчинску и познакомившись с русскими людьми, оставив подданство манчурскому владетелю, вступил в русское подданство и принял православие, получил титул князя Гантимурова в награду, водворился на р. Урульте и сделался повелителем 15 родов тунгусов».[1]

Таким образом, в районе Нерчинска почему-то сошлись Сологоны и манчжурские солоны. Миддендорф приводит устные сказки казаков, что около 1832 г. из левого берега Амура перешли на правый берег «между Аргунью, началом Амура и Албазихой тунгусы Сологонцы», а за ними четыре года спустя последователи Бёльоты 12 дуп Кангаласской орды, платившие ясак русской казне. Они, по уверению тунгусов, «первоначально жили на Алдане, но выселились оттуда из-за тяжкого времени и чтобы избавиться от притеснений».[2] И те же «Шологонцы», о которых сообщал Орлов, прикочевали в верховье Амура откуда-то из соседней области. Не вправе ли мы в этой тяге якутских Сологопов к солонам Нерчинского района усмотреть обнаружение их древнего племенного родства или даже единства?

Во всяком случае наши лингвистические соображения о тождестве имен «Сологоон» и «солон» подтверждаются как бытованием в старинных русских актах начертания «Шелон-Шолон», так и указанной выше встречей в верховьях Амура носителей этих племенных наименований.

Если в составе родов северных якутов мы находим часть манчжурских солонов, которые, судя по их вкраплениям в среду якутов-скотоводов, бродячих тунгусов Алдана, Маи и охотского побережья, когда-то должны были составлять довольно значительный процент оленеводческого населения Якутского края, то легко устанавливается и исходный пункт легенды о волосатом народе. Значит, она постепенно передвигалась на север вместе с объякученными тунгусами из пределов Манчжурии, где со времен глубокой древности свивали себе гнезда разные народы с грабительскими инстинктами, упражнявшиеся в собирании пушной дани с отсталых племен. Там при поисках мелких народов, могущих давать соболиную дань, не могли не интересоваться и айнами Сахалина, которые ввиду отдаленности и недоступности своего местожительства могли представляться обладателями больших запасов дорогой пушнины. Вот почему в сказаниях северных якутов дева бородатого народа дарит своему ночному посетителю целый мешок, битком набитый дорогими шкурами, а по вилюйскому варианту легендарный образ айнов сливается с духом богатого леса Баай-Барыылахом.

По поводу тождества вилюйских вариантов легенды о волосатом народе с легендой северных оленеводов никаких сомнений быть не может. Правда, в первом варианте, записанном нами в Верхне-Вилюйском улусе, нет указания на волосатость неведомого народа, на которого набрел один охотник-якут. Но весь сюжет легенды построен по схеме сказаний северных оленево-

---

[1]. Зап. Вост. Сиб. Отд. Русс. Геогр. Об-ва по этногр. т. 1, вып. 2 „Сказания бурят, записанные разными собирателями", стр. 121.

[2]. Миддендорф. Путешествие на Амур. Ч. II, стр. 733.

дов о бородатом народе. «Женщина прекрасной наружности», которую застал в урасе охотник, «подала охотнику две кожаные тунгусские корзины, туго набитые чем-то», и предлагает ему «не медля уходить», ибо скоро должен притти ее «старший брат», который «лишит его белого солнышка». Дальше, когда охотник промедлил больше чем следовало, действительно явился брат женщины, погнался за охотником и сорвал «заднюю половину его парты». Охотник однако спасся и разбогател, ибо корзины были туго набиты отборными соболями. Как и в северных рассказах женщина предупреждает, чтобы охотник никому не рассказывал о посещении их и получении дара.[1] Другой вариант, записанный нами в Хочинском улусе, тоже повествует о приключении одного охотника, но неведомые люди, на которых он натыкается прямо определяются как «шерстистое или волосатое племя». Охотник тоже чуть не поплатился жизнью и «один из шерстистых погнался за ним, но был убит охотником». Правда, в этом кратком рассказе не содержится указания на романтические похождения охотника среди шерстистых, хотя он, «очутившись в бедственном положении, прозимовал среди людей с шерстистыми лицами».[2]

Таким образом, фольклорные мотивы и сюжеты отмечают пути переселения и оседания северных якутов-оленеводов, когда-то вышедших откуда-то из пределов Манчжурии или верховий Амура.

Установление манчжурского происхождения якутских Сологонов дает в наши руки ключ для понимания и других элементов героического эпоса северных якутов, в частности загадочного племенного наименования «нууча» (так определяется народность раба побежденного витязя), которое якуты, очевидно, позже перенесли на русских.

Академик Шренк, разбираясь в вопросе о происхождении солонов, ссылается на сообщение католических миссионеров, которые по поручению знаменитого китайского императора Кан-си составили карту Китая и встретились в Цицикарском округе на р. Нонни с солонами:

«Сами они, говорится у миссионеров, по своему происхождению причисляют себя к манчжурскому племени, считаясь потомками тех «нюйчжей», которые под именем Гиней господствовали над Северным Китаем и после поражения, нанесенного им в 1204 г. монголами, спаслись в занимаемый ими ныне край».[3]

Шренк ссылается на сочинение Du-Halde, Descrip. de l'Emp. de la China.

Это сообщение, по словам Шренка, отчасти подтверждается и архимандритом Палладием, который пишет:

«Некогда, рассказывают китайцы, вся страна Бухта (т. е. платящих ясак) принадлежала солонам и имя их было будто бы так славно, что дахуры и бродячие ороньчо считали честью носить имя солонов, даже и ныне в Пекине, и старый, и малый представляют себе солонов, как нацию воин-

---

[1] „Оленекская хосун. эпопея." § 39.

[2] Там же § 38.

[3] Шренк. Цит. соч. стр. 190.

ственную и храбрую; м. б., что так было прежде; ныне же дахуры во всем преимуществуют пред солонами».[1]

Но для нас, однако, важно не то, что имя солонов или сологонов было столь славно в истории древнего Китая, который, не взирая на свое величие, весьма часто оказывался под пятою завоевателей, выходивших из среды малокультурных кочевников, то тунгусов, то монголов, то турецких племен. Весьма возможно, что Солоны не потомки знаменитых «Нюй-чжи», а только их соплеменники, ибо в исторической науке довольно твердо установилось мнение, что последние по своему происхождению были тунгусы и до завоевания Китая жили по р. Сунгари и восточнее до Корея, т. е. в ближайшем соседстве с Солонами и Даурами. Точно также трудно было бы возражать против того положения, что Солоны, как и в недавнее время, использовались Нюй-чжи в качестве военных частей при их завоеваниях, тем более, что за ними установилась слава отличных стрелков из лука. Тунгусское происхождение первоначального ядра народа Нюй-чжи подтверждается и сохранившимся литературным известием об образе их жизни за полтораста лет до их возвышения. Китаец Ху-цяо, проживший в плену у Киданей и убежавший от них в 953 г., составил описание народов Манчжурии. В этом сочинении он пишет:

«Далее на восток (от Киданей) живут Нюй-чжень, искусные в стрельбе... имеют много коров и оленей... Эти люди не имеют постоянного жилища, перевозят весь багаж на коровах. Они бьют оленей, призывая их своим свистом и едят сырое их мясо».[2]

Проф. Васильев сообщает, что «Нюй-чжэнь» у некоторых авторов пишется «Лу-чжэнь», их называют еще «Нюй-чжи». В монгольской истории Рашид-Эддина имя этого народа приводится в форме «Ниучи».[3] Эти варианты имени Нюй-чжи и Ниучи, а в особенности переход первого слога «нюй» в «лу» для нас весьма интересны, ибо в них мы узнаем и обычные варианты якутских имен «Ну-ча» и «Лу-ча», как дальше увидим, и «Ну-чин» и «Лю-чюн».

Если в составе северных и южных якутов мы находим часть манчжурских солонов, то обнаружение в оленекском хосунном эпосе племенного названия их непосредственных соседей или даже прямых предков «Ну-чи» или «Лу-чи» не представляло бы ничего особенного. Если же в наших сказаниях один из «Ну-ча» фигурирует в качестве раба у какого-то другого тунгусского племени, то и это обстоятельство не должно смущать нас, ибо это доказывало бы лишь то, что часть северных якутов проживала в Манчжу-

---

[1] Архим. Палладий „Дорожные заметки на пути от Пекина до Благовещенска через Манчжурию в 1870 г." Зап. Русс. Геогр. О-ва по общ. геогр. т. IV, 1871 г. стр. 443.

[2] Проф. В. Н. Васильев. „История и древности Восточной части Средней Азии от X до XIII века". Труды Вост. Отд. Имп. Арх. О-ва. Ч. IV. Вып. I. за 1857 г. „Дорожник Ху-цяо". Стр. 37 — 40 стр.

[3] „История монголов. История Чингис-хана до восшествия его на престол." Перевод с персид. Березина. Стр. 15.

рии задолго раньше до эпохи возвышения Нюй-чжи». т. е. до 907 года н. эры, когда они могли быть в подчинении других более сильных племен. В истории кочевых народов политическая чехарда и диалектические переходы из рабского состояния на положение господ и наоборот представляют самое обычное и нормальное явление.

В связи с изложенным мы должны признать, что племенное название «Нууча-Лууча» в языке и в фольклорном сознании якутов живет издревле. Как увидим ниже, живет не только голое имя, но, м. б., и какая-то часть самих Нууча-Лууча. Это обстоятельство приподнимает завесу над древнейшими историческими судьбами и всего якутского племени, ибо большая популярность среди якутов имени «нууча» доказывала бы, что некогда их предки проживали в ближайшем соприкосновении с манчжурскими Нюй-чжи.

Мы позволим себе обратить внимание наших читателей на один разительный факт, подтверждающий близкое общение предков якутов с манчжурскими Нюй-чжи. Дело в том, что в составе современных якутов-скотоводов сохранилось не мало родов, наименования которых довольно отчетливо устанавливают их принадлежность к манчжурским тунгусам «Ну-ча» и «Лу-ча» в якутском произношении.

В быв. Средне-Вилюйском улусе есть два наслега с наименованием «Люючюн». По переписи 1917 г. в обоих наслегах числилось 1144 душ об. п.[1] Эти якуты живут по р. Танара и около оз. Ниджили. «Лу-чжэнь» и «Люючюн», если принять во внимание свыше чем тысячелетний разрыв между датами констатирования этих имен, как будто не дают ощутительного расхождения. Эти вилюйские «Люючюн'ы», судя по их современному местожительству, по всей вероятности, отстали от северных оленных якутов.

В составе Бетюнского наслега Намского улуса находим род «Нууччин» (122 д. об. п.), если не ошиблись переписчики при переписи 1917 г. Китайские «Нюй-чжэнь» и якутское «Нуу-чин» тоже звучат однотонно.

В Кильдемском наслеге Западно-Кангаласского улуса зарегистрирован род «Нюччикин» (127 д. об. п.). Это имя, очевидно, разновидность предыдущего Нуучин, но с обнаружением родства с именем «Нууча-Нуучака». Имя «Нуучакаан» является типичной уменьшительной формой на тунгусский лад. (От «нууча»).

В Восточно-Кангаласском улусе к Кететском (очевидно—«Кёдёт») наслеге находим род «Нюччакан'ский» (74 д. об. п.). Один опрошенный нами якут этого улуса приведенное имя произносит «Муучин-Нуучин» и утверждает, что в составе Харанского наслега в роде (ага-ууса) Кунгалаан имеется «иньэ-ууса» (подразделение рода) под названием «Муучин». Последнее имя является незначительной вариацией имени Нуучин.

В том же улусе в 4-м Нахарском наслеге тоже есть род Нучака (132 д. об. п.).

В Мегино-Алданском наслеге Баягантайского улуса тоже обнаруживаем род «Нучин'ский» (приблиз. 145 д. об. п.).

---

[1]. М. Н. Соколов. Цит. соч, вып. II, стр. 54.

Наконец, в 1-м Сыланском наслеге Батурусского улуса опять встречается род «Нутчасыт» (160 д. об. п.).

Приведенные родовые названия мы восстанавливаем по данным переписи 1917 г.[1] Было бы желательно все эти имена проверить на местах и привести в научной транскрипции без всяких руссификаций. Мы лично имели возможность проверить лишь название Люючюн в Средне-Вилюйском улусе. Приведенное начертание есть точное произношение этого имени самими якутами.

Во всех семи «Люючин'ских» или «Нуучин'ских» родах значится 1904 д. об. п. При такой численности и большой разбросанности Нуучинских родов объяснить их происхождение тем, что эти роды или их главы были русскими поселенцами, которые натурализовались среди якутов, было бы слишком большой натяжкой. Подобные явления среди якутов, конечно, могли иметь место, но лишь в виде исключительных случаев. Кроме того, большинство этих родов расположено далеко в стороне от русских поселений за исключением Кильдемского наслега, находящегося от г. Якутска в 25 километрах. Затем имя «нууча», служащее обозначением нарицательного понятия «русский», ни в коем случае не могло бы превратиться в «Люючюн». В частности о «нуучин'цах» Мегино-Алданского наслега мы имеем данные, что они по своему физическому типу карымоваты, т. е. заключают в себе примесь русской крови. Но это единичное явление отнюдь не подрывает нашу гипотезу о первоначальном тунгусском происхождении основной массы якутских родов с названиями «Люючюн»—«Нуучун».

Обнаружение наиболее многочисленных и компактных Лючинцев в пределах Средне-Вилюйского улуса говорит за то, что большинство их было когда-то в составе якутов-оленеводов или же двигалось на север вслед за ними. Это обстоятельство еще более подтверждает наше предположение об их манчжуро-тунгусском происхождении.

Выше мы ссылались на сообщение проф. Бахрушина о названиях пяти тунгусских родов Охотского края. Обращаем внимание читателей, что наряду с Шелонами-Солонами имеется там и Нюньчин'ский род. Следовательно, те части якутских «Нуучин-Люючин», которые оставались оленеводами и охотниками, вместе с частью Сологонов-Солонов при нашествии якутов-скотоводов отошли на восток. Наличие тунгусов Нюньчинского рода в Охотском крае еще более укрепляет нашу позицию о манчжурско-тунгусском происхождении значительной части якутов-оленеводов.

Имеется еще один факт лингвистического порядка, который намекает на древние связи и взаимоотношение носителей якутского языка с народами Манчжурии. Это—наименование третьего крупного тунгусского племени, издревле обитающего в Манчжурии, а именно, дауров или дагуров. По словам Н. Н. Поппе, не так давно изучавшего язык дагуров, их численность в северной Манчжурии доходит до 300000 душ. Их язык в настоящее время стоит «очень близко к наиболее древним из... монгольских наречий». «Сами

[1]. См. М. Н. Соколов. Цит. соч. вып. II.

себя дагуры называют «дагуур»[1]. Между прочим, во взаимоотношениях современных якутов с тунгусскими племенами обращает на себя внимание исследователя обыкновение якутов называть тунгусов нарицательной кличкой «атас», что значит по-якутски—друг, приятель. Сами тунгусы тех якутов, с которыми они имеют постоянные деловые связи, тоже именуют «аташ'каан» (дословно—дружочек). В якутском языке наряду с «атас» для выражения того же понятия—друг, приятель, товарищ—сохранилось слово «д о г о р»[2], не встречающееся ни в одном другом турецком диалекте. Между прочим, это якутское слово усвоили и местные русские старожилы и превратили в нарицательное наименование самих якутов. Каждый якут для русского человека прежде всего «догор». К незнакомому якуту русский обычно обращается: «Эй, догор». Исходя из современного якутского названия тунгусов своими «атас'ами», дружками, приятелями, мы как будто вправе предположить, что древним обычным обращением якутов к тунгусским племенам могло быть слово «догоор», которое с течением времени могло быть усвоено этими тунгусами как свое племенное обозначение.

Не являются ли манчжурские «дагуры» крестниками тех древних турецких племен, которые когда-то говорили на якутском диалекте? Не устанавливается ли вместе с тем и старинная д р у ж б а предков якутского народа с тунгусскими племенами Манчжурии?

---

[1]. Н. Н. Поппе. „Дагурское наречие." Ленинград 1930 г. 4 — 5 стр. Матер. Комисс. по иссл. Монгольской и Танну-Тувин. Респ. В. 6.

[2] Э. К. Пекарский. Слов. якут. яз. 727 стр.

Глава IV

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

(Происхождение якутов-оленеводов и исторический путь их переселений на север).

Оленные якуты до переселения на крайний северо-запад Якутского края должны были заселять современный Вилюйский округ. Об этом мы говорили еще во II-ой гл., ссылаясь на факт полной якутизации тунгусов в пределах Вилюя. Лингвистические особенности говора оленных якутов, а также шаманизм и остатки их особенных обычаев опять-таки частично обнаруживаются в районе обитания четырех северных вилюйских улусов, а особенно в Удюгэйском и Мастахском, расположенных к северу от реки Вилюя. Более определенные и ясные доказательства пребывания оленных якутов в пределах Северного Вилюя мы можем почерпнуть из сравнения родовых наименований, а также отличительных признаков материального и экономического быта, констатируемых у коренных обитателей этой области и у первых.

По переписи 1917 г. в быв. Западно-Вилюйском улусе значатся два больших наслега с наименованием Боотулу (в офиц. док. Батулинские) с числом душ—в 1-м Батулинском 886 д. об. п. и во 2-м Батулинском 482 д. об. п. Раньше мы уже удостоверились, что роды с тем же названием входят в состав якутов Есейского района, в Жиганский и Устьянский улусы.

В том же улусе Вилюя сохранился наслег Югюлээт (в офиц. док. Угулятский) с 520 д. об. п. Род Югюлээт имеется среди якутов бассейна р. Оленека. В Угулятском наслеге Западно-Вилюйского улуса устанавливаются названия родов (ага-ууса)—Хатыгын и Чорду. Мы знаем, что Хатыгыны составляют две трети Жиганского улуса, кроме того, они входят и в состав якутов Есейского района, а род Чорду имеется также и в бассейне р. Оленека.

В Средне-Вилюйском улусе мы находим Жахотский наслег (228 д. об. п.), в якутском произношении «Джооху». Очевидно, что этот наслег образовался позже из выделившегося рода (ага-ууса). Род Джооху, как нам известно, числится и в составе якутов бассейна Оленека.

По переписи 1917 года, в Средне-Вилюйском улусе в наслеге Тенюргястяхском (Тёнгюргэстээх) имеется род Кэлтяки. По нашим расспросным

данным, род Кэлтээки есть в Кыргыдайском наслеге (б. Мастахский ул.), а также и в Кююлэт'ском. Род же Кэлтээки один из самых многочисленных среди оленекских якутов.

В быв. Мастахском улусе есть два наслега с названием Кююлэт. В тесном соседстве с ними мы находим упомянутый выше Угулятский наслег (Югюлээт). В настоящее время вилюйские якуты, повидимому, хотя и отличают эти два имени, как Югюлээт и Кююлэт (последнее будто бы происходит от имени озера), но тем не менее лингвистическое сродство этих имен представляется несомненным: Кююлэт есть то же, что и Югюлээт с усечением начального «ю» (гюлэт—кююлэт). Кююлэт'цы, вероятно, раньше усвоили якутский скот и перешли к оседлости, тогда как Югюлээт'цы оставались оленеводами. То обстоятельство, что какое-то озеро носит название «Кююлэт» еще не доказывает приоритет географического названия, ибо последнее сплошь и рядом может быть заимствовано от родового названия своих первых обитателей. Кроме двух Кююлэтских наслегов мы находим еще Кююлэт'ские роды в 3-м и 4-м Тогуйском наслегах (Средне-Вилюйский ул.), а также и в Халбаатском наслеге (Верхне-Вилюйский ул.).

Югюлээтских родов в общей сложности, присоединяя к ним Кююлэтские, среди скотоводов Северного Вилюя насчитывается 1511 д. об. п. (по переписи 1917 г. см. Соколов), а среди оленеводов р. Оленека 482 д., всего же около 2000 душ. Об их этническом происхождении мы скажем дальше.

Итак, почти все основные роды оленных якутов остались в пределах улусов Северного Вилюя; Боотулу, Хатыгын, Кэлтээки, Чорду, Югюлээт и Сологоон. В общей сложности эти сопменные с северными оленеводами скотоводы Нижнего Вилюя составят около 4000 д. об. п. Северных оленных якутов мы раньше насчитали до 10-ти тысяч душ. Прибавляя к ним их скотоводческие части, застрявшие в Нижнем Вилюе, получаем около 14-ти тысяч душ, которые и должны составлять особую группу якутов, раньше переселившихся на Вилой из Предбайкалья. Часть оленных якутов, оставшаяся в пределах Нижнего Вилюя, могла обзавестись якутским скотом от поздних переселенцев, а некоторые роды могли и сами переселяться на север с небольшим количеством конного и рогатого скота, составляя маленькие оазисы среди старожилов-оленеводов.

Доктор Т. А. Колпакова, работавшая в Мастахском улусе в составе академической врачебно-санитарной экспедиции в 1925—1926 гг., между прочим, констатирует, что «на Мастахе матери кормят детей грудным молоком... нередко одновременно двоих и часто до пятилетнего возраста»[1].

Это отступление мастахских матерей от обыкновений якуток, почти повсеместно прибегающих к кормлению грудных детей коровьим молоком, свидетельствует о том, что коренное население Северного Вилюя долго жило при оленеводческом хозяйстве, не зная коров.

---

[1]. „Материалы Комиссии по изучен. Якутской Авт. Респ". Вып. 10. „Краткие отчеты о работах отрядов якут. эксп. Акад. Наук. Ленинграда. 1929 г. Стр. 121.

Еще более разительное доказательство раннего проживания оленных якутов в пределах Вилюйского округа мы находим в особенностях их экономического быта.

Якуты-оленеводы повсеместно занимаются рыболовством. Рыбу ловят по преимуществу сетями в озерах, в летнее время и на реках. В их пищевом режиме рыба безусловно занимает первое место. Мясо диких оленей, лесная дичь, например, куропатки и перелетные птицы лишь в краткие периоды охоты вытесняют рыбу. Рыбу сушат и вялят. (Местные названия особых видов рыбной пищи—«поорча, паарки, былаабыт и джуукала»). Из летнего и осеннего лова запасают рыбу на зиму в особых ямах или клетях (в сайбах). Такой запас рыбы носит название «аргыс». Это же название распространено повсеместно и у якутов Северного Вилюя.

Пишущему эти строки в январе 1924 г. удалось обследовать экономическое положение якутов Жиганского улуса. С общими условиями жизни и быта жиганцев мы знакомились лично при разъездах, а статистические данные были собраны на съезде представителей наслегов. Сводная таблица этого обследования приводится ниже. (См. табл. на стр. 301).

Якуты Жиганского улуса, хотя и принадлежат по всем признакам своей материальной и духовной культуры к оленеводческому отделу якутского племени, но фактически очень слабо обеспечены оленями. В 360 самостоятельных хозяйствах, из которых они состоят, в 1924 г. было установлено нами всего лишь 6178 оленей, т. е. в среднем на одно хозяйство приходилось по 17 голов. Но и эти голые математические выкладки не точно передают состояние оленеводческого хозяйства жиганцев, ибо они делятся на две группы, которые очень сильно разнятся друг от друга по обеспеченности домашними оленями. Первая группа состоит из 64 хозяев, кочующих близ тундры по правым притокам Анабара и в низовьях Оленека. Они могут быть признаны настоящими кочевниками-оленеводами приполярной тундры и края леса. В среднем на хозяйство они имели по 68 голов. Вторая группа жиганцев не кочует, а живет оседло по преимуществу вдоль берегов понизовий Лены на север от заштатного города Жиганска и существует, главным образом, за счет зимнего и летнего рыболовства. Эта группа, состоящая из 296 хозяев, в среднем на одну хозяйственную единицу имеет только по 6 оленей, но зато все хозяева более или менее равномерно обеспечены сетями (около 5 сетей). Исключение составляют лишь объякученные тунгусы Эженского рода, у которых в составе 25 семей имеется всего-навсего лишь 4 сети. Этот цифровой показатель, весьма вероятно, очень хорошо характеризует различие тунгусских и якутских хозяйственных навыков. Якуты, люди с более оседлыми привычками, очевидно, занесли на Лену довольно развитое рыболовство. Кроме того, волосяные сети (которые обычно вяжутся из белого волоса) сами по себе предполагают хозяйственные связи и товарообмен с коневодческим народом. До переселения якутов-оленеводов местные тунгусы могли употреблять только сети из тальникового лыка, которые очень непрочны, на морозе ломаются и отпугивают рыбу. Следовательно, до якутской эпохи на Лене вряд ли могло существовать зимнее рыболовство.

Название наслегов	Число хозяйств	Оленей		Ездов. собак	Сетей		Песц. паст.		Неводов	Места кочевок
		Всего	На одно хозяйст.		Всего	На одно хозяйст.	Всего	На одно хозяйст		
4 Хатыгинский . .	27	270	10	„	75	3	180	6	9	По берегу Лены от Бысыттаах до Булуна на 400 км.
1 и 3 Хатыгинские .	8	39	5	„	24	3	„	„	2	По Лене. Ур-ща Бысыттаах и Буру.
1 Хатыгинский (Омолдонский) .	60	500	8	„	119	2	253	4	16	По бер. Лены в ур-щах Сиктээх, Кумах-Сурт, Эйээкит, Говор, Буру и Булунг
3 Хатыгинский . . .	42	179	4	„	223	5	211	5	16	По бер. Лены. Ур-ща Муна. Усть-Натары, Джардаан, Боторчуна, Булунг, Джолдонго.
2 Батулинский . .	16	12	1	21	63	4	800	50	1	На Лене. Кумах-Сурт и Быков-Мыс.
1 Батулинский . . .	14	45	3	„	28	2	30	2	4	Разбросано по Лене. Чокуров, Буру, Сиктээх, Бысыттах.
3 Хатыгинский . . .	10	„	„	14	78	8	820	82	„	Быков-Мыс.
Кангаласский	19	18	1	„	47	2	198	10	5	Разбросано по Лене, Кумах - Сурт, Кюп-Сарай, Сиктээх, Булун, Дельта Лены
2 Хатыгинский . . .	21	34	1,5	104	163	8	890	42	„	Дельта Лены.
Туматский .	19	„	„	48	144	8	730	38	„	Дельта Лены
2 Хатыгинский, род Тюмэти .	16	260	16	„	133	8	570	35	„	По низовьям Оленека и к устью Лены на островах Дельты
3 Хатыгинский . . .	28	3080	110	„	215	7,5	1740	62	„	Кочуют по тундре между р. Анабаром и Леной.
Кангаласский	36	1370	38	„	205	6	1685	46	„	
Эженский .	25	110	4	„	9	0,3	170	7	2	Около Булуна.
1 и 3 Хатыгинский .	19	261	13	59	224	12	980	54	„	Усть-Оленек.
Итого . .	360	6178	17	246	1750	4,9	9257	25	55	

Рыболовство у северных якутов развито повсеместно и является одним из основных устоев их хозяйства. В Устьянском улусе рыбой кормят даже ездовых собак, которые в зимнее время на берегу океана заменяют оленей.

Якуты притундровой полосы Туруханского края до самого последнего времени были очень богаты оленями. По собранным нами данным, якуты понизовий р. Анабара, всего около 50 семей, имели не меньше 25 тысяч голов оленей, т. е. по 500 голов на хозяйство. И здесь, конечно, средние цифры искажают действительную обеспеченность отдельных семейств. По всему полярному северу далеко разносилась слава об оленеводческом Крезе Анабара, о «Баай-Владимире» (по-якутски «ботач В.»), который, по рассказам, владел оленным стадом в 10 тысяч голов, наряду с которым не могли не существовать пауперы-батраки, служащие простыми пастухами у магнатов оленеводческого быта. Несмотря на обеспеченность оленями, все анабарцы занимаются и рыболовством. Благодаря своей покупательной силе, они были обеспечены волосяными сетями вдвойне выше наших жиганцев.

Об якутах Есейского и Оленекского районов у нас нет цифровых данных, но по общей информации, имеющейся в нашем распоряжении, их экономический быт точно также покоится на трех китах: оленеводстве, рыболовстве и охоте.

Повсеместная развитость рыболовства у северных якутов, а также и самый характер господствующего у них рыбного промысла, а именно, ловля сетями по преимуществу озерной рыбы, ясно доказывает, что они до своего переселения на север занимали обширный озерный район нижней половины бассейна Вилюя, где до сих пор рыболовство является очень важным подспорьем к скотоводческому хозяйству. Подробно об особенностях хозяйственного быта в Северном Вилюе мы будем говорить в следующей части наших очерков, специально посвященной вилюйским якутам.

О раннем оседании на Вилюе якутов-оленеводов свидетельствует также и тот факт, что среди коренных вилюйчан до недавнего времени местами имелось не мало хозяев, содержащих домашних оленей, тогда как в улусах Якутского округа нигде нельзя найти якутов-оленеводов, за исключением тех немногих случаев, когда оленные стада заводились торговцами-пушниками, совершавшими дальние поездки на оленях для сбора пушнины.

Стародавнее рыболовческое занятие обусловливает еще одну особенность в материальном быте якутов-оленеводов.

Это—особый тип жилища, известного почти повсеместно среди якутов-оленеводов и называемого ими «холума». Холума представляет из себя конический или пирамидальный четырехугольный шалаш, обсыпаемый снаружи толстым слоем земли или кусками дерна. Остов холума образуют четыре толстых жерди или тонкие бревешки, скрепленные на замок своими верхушками и расставленные пирамидкой. На расстоянии аршина или полутора от верхнего скрепления прибиваются поперек бруски, образующие верхнюю раму, на которую приставляются наклонно толстые жерди или плахи, образующие стены. Вверху остается дымовое отверстие. На середине земляного пола разводится огонь. Холума, каким бы убогим оно ни казалось на первый

взгляд, представляет из себя начальный тип постоянного и неподвижного жилья, развившегося из шалаша. Этот тип жилья, повидимому, был когда-то господствующим среди малооленных хозяев, живущих по преимуществу рыбным промыслом. И владельцы крупных оленных стад, большую часть года кочующие в переносных шатрах, в период зимних холодов могли жить в таких же холума, более защищающих своих обитателей от ветров и непогоды. В настоящее время якуты-оленеводы на зиму предпочитают ставить обыкновенные якутские юрты с наклонными стенами, обсыпая их снаружи также дерном и глиной. Лишь в местах временной рыбной ловли над рекой или озерами они возводят холума.

По словам Серошевского, холума под названием «калыман» встречается и в Колымском крае [1]. Любопытно, не находится ли в генетической связи само географическое имя «Колыма» со словом «колыман—холума», ибо не подлежит сомнению, что оно позаимствовано русскими от якутов, которые испокон веков Колымский край на своем языке называли «Халыма» или «Холума» (смотря по аканию или оканию говорящего)? Нам удалось видеть типичные северно-якутские холума, встречающиеся, главным образом в Жиганском и Усть-янском улусах, и по Нижней Тунгуске у тамошних тунгусов рода Кюндэгир, Панкагир и Чапогир. Они известны также и илимпейским тунгусам. Тунгусы этот тип жилья называют тоже гольомо, голомо, холумачаан. «Гуулама джу»—дом рубленок русского типа. У верхне-ангарских, тутуро-ачеульских и киренских тунгусов—гула, гуло—изба, дом [2]. Очевидно, лингвистические корни якутского «холума» восходят к тунгусским названиям.

В данное время трудно решить, принесен ли тип холума объякученными тунгусами из их прибайкальской родины или усвоен ими от местных тунгусов. Во всяком случае, мы думаем, что холума было господствующим типом зимнего жилья у якутов-оленеводов в более ранние исторические эпохи, в особенности же у их рыболовческого ответвления.

Ни слово «холума» и ни тип подобного конического шалаша, крытого дерном, в пределах Якутского округа, якутам не известны. Лишь в богатырских былинах изредка попадается упоминание о «балыксыт киси буор урасата»—шалаш рыбака с земляной покрышкой. У вилюйских же якутов понятие о холума вполне реальное представление, как не чуждо им и само слово. Например, по их сказаниям, Эчик, сын легендарного прародителя вилюйских якутов Быркынгаа-Боотура, «жил в круглом шалаше холума», «заваленном дерном и питался исключительно рыбой, зажаренной на углях».[3] Другой, еще более популярный, герой вилюйских сказаний Улуу-Омолдоон» (Великий Ом.) в детстве пропадает без вести, но, однако, его «следы привели к бывшему здесь жилищу древнего человека-холума».[4] Еще на

---

1. „Якуты". Стр. 350 — 351.
2. Е. Н. Титов. Тунгусо-русский словарь. Иркутск. 1920.
3. См. Эллэйада. § 246.
4. Там же § 138.

памяти стариков Мархинского улуса в окраинных местах рыбаки жили в точно таких же холума. А в Мастахском улусе, по всей вероятности, и в Удюгэйском, смежном с первым, и теперь существуют холума. Один якут б. Мастахского улуса Семен Игнатьев, студент Иркутского медрабфака, сообщил мне, что приблизительно у четвертой части домохозяев имеются холума, преимущественно у рыбных озер.

По берегам р. Чоны во многих местах сохранились следы, повидимому, подобных же пирамидальных шалашей, обсыпанных глиной. Один старик якут, Тимофей Попов, так описывает эти археологические остатки:

«По реке Чоне во многих местах над озерами встречаются старые ямы, расположенные по углам четырехугольника... По видимости эти рыбаки заваливали свои дома по четырем сторонам дерном. Четыре ямы по углам всегда располагаются наружу замляных бугров, обозначавших, вероятно, стены домов... На правом берегу Чоны, около озера Бёрё-Кюёл имеются следы десяти домов».[1]

Развалившиеся стены пирамидальных холума должны бы напоминать описанную картину остатков.

Сказанное о холума, зимнем типе жилья, полностью применимо и к типу легких летних шалашей, крытых со всех сторон древесной корой, которые и по сие время не вывелись у якутов Жиганского улуса. Это, так называемые, «хатырык отуу» (корьевой шалаш).

Корьевой шалаш у якутов Якутского округа точто так же не в ходу, как обычное жилье для семейных людей, хотя бы даже временное. Такие шалаши на скорую руку делаются только на сенокосе или во время кратковременных работ в тайге и вдали от обитаемых мест. Само собой разумеется, в них спасаются и охотники от непогоды. Это явление находит свое простое объяснение в том, что настоящий «саха», из которых состоит основное ядро якутского народа, немыслим без своих коров и коней и, кроме того, он в пределах своей современной родины никогда не кочевал, а жил всегда оседло. Охота и рыболовство для него всегда были лишь подспорьем к его основному скотоводческому занятию. Вот почему в отношении основной массы собственно якутов-саха ни корьевой шалаш и ни зимнее холума не могут быть показаны, как обычные типы жилья хозяйствующей единицы. Иную картину мы опять-таки находим на Вилюе, где осели и в наши дни объякутились (вернее было бы сказать, уподобились «саха») древние «ураангхай», народ первоначально не тюркского происхождения. На Вилюе, опрашивая глубоких старцев, мы также наткнулись на живые еще воспоминания о том, что в старину де многие семьи якутов в летнее время проживали в корьевых шалашах. Это показание для нас, как уроженца Якутского края, было большой неожиданностью. Исходя из хозяйственных обыкновений и воспоминаний якутов Якутского округа, мы думали, что обычным и национальным типом жилья для якутского простолюдина была и остается традиционная юрта «саха балагана» (стоячая юрта якута), летом обмазывается глиной, а на зи-

[1] Там же § 308.

му коровьим пометом. Якутские же князья-феодалы как по воспоминаниям стариков, так и по ранним литературным источникам в качестве летнего жилья и как признак своего аристократического происхождения, м. б., и начальнического звания устраивали во дворе неподвижную коническую урасу очень больших размеров, крытую берестой. Мало того, как установлено нашими раскопками древних могил в пределах Западно-Кангаласского улуса, одну цельную покрышку подобной урасы князья непременно клали в свою могилу. Эти княжеские шатры, по всей вероятности, сродни дворцам-шатрам или «сараям» древне-турецких степных феодалов. На этом сложном вопросе мы имеем в виду подробнее остановиться во 2-м томе наших очерков в связи с изучением общественной организации у якутов дорусской эпохи. Здесь же необходимо отметить, что княжеские берестяные шатры у старинных якутов нельзя смешивать с урасой, как типом первобытного жилья. Корьевые же шалаши жиганских якутов и вилюйчан раннего периода, кое-где встречающиеся у них и теперь, свидетельствуют об их охотничьем и рыболовческом прошлом и о позднем развитии у них скотоводческого хозяйства, позаимствованного извне.

Итак, якуты-оленеводы, переселившиеся когда-то в древности из Прибайкалья, заселяли Вилюйский округ. Помимо оленеводства они, как и теперь, несомненно, занимались рыболовством в многочисленных озерах северной половины Вилюя, а также и охотой. Изучая быт, нравы и обычаи современных северных якутов, мы можем получить приблизительное представление о первой стадии якутской истории на Лене. Героический эпос оленных якутов содержит в себе довольно ясные доказательства того, что эти ранние переселенцы занесли на Лену железную культуру, благодаря чему они должны были одержать сравнительно легкую победу над местными тунгусами. Весьма возможно, что часть тунгусских аборигенов Вилюйского края отодвинулась на запад, где ныне мы находим разные тунгусские племена по Нижней Тунгуске и в Илимпейском районе со следами влияния на них якутской оленеводческой культуры. В эпоху заселения Вилюя якутами-оленеводами территория современного Якутского округа, по всей вероятности, имела местное тунгусское же население. Основное ядро этих тунгусов, бывших аборигенов Якутского округа, пред нами налицо. Это будут тунгусы быв. Майского ведомства, значительная часть которых полностью объякутела, обзавелась якутским скотом и живет оседло по Алдану около устья Маи и выше. Эти оседлые тунгусы быв. Майского ведомства ничем не отличаются от якутов более глухих районов ни по языку и ни по образу жизни. Только при наличии длительного общения с якутами центральных районов и отличного знания их языка в говоре этих тунгусо-якутов можно кое-когда уловить легкие следы их тунгусского акцента, которые у некоторых индивидуумов совершенно исчезают. Часть майских тунгусов сохранила оленеводство и кочевой образ жизни.

В настоящее время якутское скотоводческое население Амгино-Ленского плоскогорья достигает до 80 тысяч душ об. п. При определении численности древнего тунгусского населения этой же самой территории, конечно, нельзя

руководствоваться современными якутскими масштабами, ибо при оленеводческом и охотничьем хозяйстве соотношение эксплоатируемой площади к численности и плотности населения должно было быть принципиально иным. Всех тунгусов б. Майского ведомства, кочевых и бродячих, по переписи 1917 г. насчитывалось 2936 д. об. п.[1] (Из них оседлых и вполне объякутевших было 1350 д.). Даже это количество тунгусов при оленеводческо-охотничьем быте не смогло бы довольствоваться тайгой одного Амгино-Ленского плоскогорья. Тунгусское население Алдано-Ленского горного района, как известно, до нашего времени занимает свою территорию. (Тунгусы 9-ти Кангаласских родов, численностью до 1085 д. об. п.). О ликвидации их тунгусского образа жизни, нравов, обычаев и языка, очевидно, придется говорить лишь со времени развития Алданской золотопромышленности. К этим бывшим владельцам всех земель Якутского округа необходимо прибавить и тех тунгусов, которые с наплывом в этот край якутской колонизации откочевали на восток в Охотское побережье.

Соприкосновение северных якутов в эпоху заселения ими Вилюя с тунгусами б. Майского ведомства устанавливается наличием в составе Жиганского улуса двух тунгусских родов—Эженского и Кюпского (по-якутски—Эджээн, Кюп). Эти Эженцы и Кюпцы могли оторваться только от тунгусов Майского ведомства, о чем свидетельствует наличие среди последних пяти родов с тем же названием «Эджээн» и одного рода с именем «Кюп».[2] Два рода из Эженцев имеют якутский тип хозяйства, говорят по-якутски, а три бродят с оленями. Кюпцы на Мае и теперь остаются бродячими. Не приходится сомневаться в том, что Эженцы и Кюпцы в стародавние времена находились в тесном общении с оленными якутами Вилюя. Только при этом условии часть Эженцев и Кюпцев могла переселиться на север одновременно с якутами-оленеводами. Между прочим, по есейскому варианту оленекского эпоса, главный герой северных якутов Юнгкээбил имеет брата, которому дается имя Эджээн-Хосун[3]. Здесь, очевидно, мы имеем дело с отражением в народном фольклоре фактических отношений вилюйских оленеводов с тунгусами, аборигенами Якутского округа, когда последние были полными хозяевами этого края. Старшинство и командующее положение Юнгкээбила свидетельствует о том, что вилюйские оленеводы тогда подчинили своему культурному влиянию амгино-ленских тунгусов, м. б., держа их в положении политической зависимости, как поставщики железного вооружения. В ту эпоху оленеводы Вилюя должны были быть в несколько раз многочисленнее тунгусов Якутского округа, ибо у первых были огромные запасы рыбы в озерах нижнего Вилюя и весьма развитый охотничий промысел на диких оленей в бассейне Оленека. Затем сзади они должны были пополняться постоянным напором новых якутских колонистов. Этот процесс в конечном итоге и оттеснил их дальше на север.

---

[1] См. М. Н. Соколов. Цит. соч. XXIII стр.
[2] М. Н. Соколов. Цит. соч. XXII—XXIII стр.
[3] См. „Оленск. хосунн. эп". §§ 4 и 5.

В главе о языке северных якутов мы отметили наличие в нем лишних монголизмов, в их нравах и обычаях тоже устанавливаются, правда, и не особенно резкие и отчетливые, следы соприкосновения с монгольским миром. Обнаружение монгольского влияния и примесей в северном авангарде якутского племени имеет огромное значение в деле прояснения прошлой истории не только якутов, но и бурят. До сих пор якутоведы и бурятоведы полагали, что монгольское племя в лице бурят наседало сзади на якутов и вытеснило их из Прибайкалья. При таком понимании исторического взаимоотношения якутов с монгольскими племенами передние ряды якутов, казалось бы, не должны были иметь тесное соприкосновение с монголами. В противном же случае пришлось бы притти к выводу, что когда-то якуты вторглись в Предбайкалье, уже занятое монгольскими племенами, и в своем дальнейшем движении на север увлекли в составе своих авангардов какие-то разорванные части монголов. Таким образом, наше традиционное представление о якуто-монгольских взаимоотношениях в районе Предбайкалья как бы переворачивается вверх ногами.

С другой стороны, наличие явных монгольских примесей в составе северных якутов, конечно, пришлось бы рассматривать, как одно из лучших доказательств защищаемого нами положения о южном, прибайкальском происхождении и самих северных якутов, ибо нигде в другом месте они не могли бы смешаться с монголами. Мало того, если монгольский элемент в якутском авангарде был довольно значителен, то первый толчок к якутскому переселению на север могли дать как раз эти монгольские части, чтобы избавиться от якутского национального гнета. Таким образом, якутизированные монголы оказались бы зачинщиками того движения, которое в дальнейшем своем развитии увлекло все якутское племя в таежные дебри крайнего северо-востока Сибири.

После этих предварительных соображений о принципиально важном историческом значении обнаружения монголов в северном отделе якутского народа, мы позволим себе указать, что родовое имя «Ю г ю л э э т», констатируемое как среди оленеводов бассейна Оленека, так и тесно-сопредельных с ними якутов Северного Вилюя в количестве 2000 душ, является ни чем иным, как древним наименованием главного отдела калмыков-ойратов, занимающих теперь Западную Монголию. В историческом сочинении Сапан-Сэцэна указывается, что племя четырех ойратов слагается из У г э л э т, Багатут, Хойт и Кэргут [1]. По другим историческим данным, в состав четырех ойратов входят и Баргу—буряты. Дж. Банзаров пишет: «Новейшие известия калмыков считают четырьмя ойратами: 1) Угэлэт, 2) Хойт-Багатут, 3) Баргу-бурят, 4) Дурбэт, Дзун-гар, Хошут и Торгут.[2] По Банзарову, «Паллас, пользовавшийся неизвестно какими источниками, считает так: 1) Олöт (Угэлэт), 2) Хойт, 3) Тумэт и 4) Баргу-Бурят».[3]

[1]. Schmidt—„Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses verfasst von Ssanang Ssetcen Chungtaidschi 1829. 57. [2].

[2]. См. сборн. сочин. Банзарова—„Черная вера“ и проч. Спб. 1891, статья „Об ойратах и уйгурах“ стр. 84.

[3]. „Saml. hist. Nachr. über die Mongol. Völkerschaften, B. 1, 5.

Во всех приведенных известиях в состав Дурбэт (четырех) Ойрат неизменно находим Угэлэт, это название в настоящее время произносится «ӧлёт или элет». Тюрки Урянхайского края это имя произносят «ӧӧлэт» с долгим гласным в начале.[1] Стяжение слога «угэ-югэ» в долгий гласный, сохранилось в монгольской письменности, в виде особого начертания. Об этом мы говорили выше при установлении тождества между якутским именем «сологоон» и «солон». В данном случае мы вторично сталкиваемся с тем же лингвистическим явлением, доказывающим большую архаичность якутского диалекта.

Что якутские Угулят'ские (Югюлээт) роды должны быть признаны объякученными калмыками подтверждается и тем, что в составе тех же северных якутов мы находим и другое монгольское племя Тумэт, показанное среди древних четырех Ойрат. Это будут два рода Тумэт в Жиганском и Устьянском улусах. Обнаружение среди оленных якутов одного рода, соименного с племенным названием Ойрат'ов, еще возможно было бы счесть за случайное созвучие, но, когда отыскиваются два родовых названия, в точности совпадающие с именами основных подразделений Ойратов, то о случайности не может быть речи. Что якутские «Туматы» являются иноплеменной примесью, как дальше увидим, подтверждается легендами вилюйских якутов, которые когда-то будто бы истребили целое племя «Тумат». Очевидно, что в родах Югюлээт (в составе их и «Кююлэт») и Тумэт мы имеем дело с объякученными монголами. К этим фактам мы можем добавить еще и название одного наслега или рода в Устьянском улусе, т. е. в составе тех же северных якутов, а именно, «Ногой» (офиц. их два—1 и 2 Ноготские).[2] Это бесспорно общемонгольское слово «нохой», что значит собака. Людям незнакомым с местным произношением родовых имен, конечно, невозможно разобраться в этих сравнительно простых лингвистических вопросах, исходя из официальных, невероятно искаженных, названий, как например, от «Ногой», «Ноготский». О былом монголизме этих Ноготцев ясно говорит и то, что с ними вместе в маленьком улусе (с 1380 д.) упомянутые выше Тумэты.

В связи с этими разительными фактами, само собой разумеется, должен возникнуть вопрос о том, где и когда якутские оленеводческие авангарды могли бы столкнуться с калмыками, ныне обитающими в совершенно иных областях, находящихся далеко в стороне от якутских исторических путей на север? Разбираться в истории кочевых народов вообще не легкое дело, ибо характер кочевого быта сам по себе не предполагает прочной связи населения с землей. Номады чрезвычайно легко и быстро могут переместиться в разные области. Так, например, нам хорошо известно, что часть калмыков в начале XVII века, как раз в год завоевания якутов на Лене сотником Бекетовым, т. е. в 1632 г. под предводительством своего князя Хо-Орлока, прикочевала из Джунгарии на Волгу, откуда позже перешла на правый берег Волги в южно-русские степи, где по воле Советской власти они ныне обра-

---

1. См. Н. Катанов. Опыт исслед. урянх. яз. Прил. слов. стр. 157.
2. М. Н. Соколов. Цит. соч. стр. XIX.

зовали Автономную Калмыцкую Область [1]. А племя Тумэт в результате массовых сдвигов и переселений монгольских племен в эпоху Чингисовых завоеваний перекочевало в Южную Монголию, где входит теперь в состав Джосотуского сейма, земли которого находятся между городами Калган, Мукден и Пекин [2]. Подчиненные Тумэтам Хорп (иногда именуемые Хори-Тумэт) живут в русском Забайкалье под названием Хоринских бурят, что доказывает нахождение древнего местожительства Тумэтов где-то около озера Байкала. Вот куда разбросались соплеменники и ближайшие родичи якутских Югюлээт, Тумэт и Ногой, в свою очередь заброшенных на дальний север в бассейн Оленека, у дельты Лены и дальше на восток в районе устья Яны. Но, к счастью, установление того географического пункта, где происходило тесное соприкосновение северных якутов с калмыками, не представляет из себя головоломной проблемы. Дело в том, что рассеяние монгольских племен началось лишь со времени выступления на историческую арену знаменитого вождя Чингис-Хана. До него монгольские племена были притиснуты к окраинам Монголии и влачили довольно жалкое существование. Обширные монгольские степи были заняты почти сплошь турецкими племенами. Северные якуты могли жить в соседстве с Ойратами, само собой разумеется, лишь в дочингисову эпоху. Здесь мы получаем и приблизительную хронологическую зацепку о времени эвакуации оленных якутов из Предбайкалья на север. Ясно, конечно, что это событие должно было случиться за много сотен лет раньше появления Чингис-Хана (начало XIII ст.), когда Дурбен-Ойраты еще не стяжали себе славу воинственного народа или, как говорится в бурятских улигэрах (былинах):

Когда великое внешнее море
Было величиной с ручей,
Когда огромная рыба Абарга
Была рыбешкой...

Историческими документами довольно ясно устанавливается, что Ойраты и в их составе Тумэты были коренными обитателями Приангарского края. Подробное рассмотрение этого вопроса мы отложим до следующей части наших очерков, где, на основании легендарного материала, ознакомимся с историческими судьбами вилюйских якутов, передвигавшихся на север вслед за якутами-оленеводами.

Итак, северные якуты по своему этническому происхождению представляют собой конгломерат из тунгусов, турок и монголов. На этом мы закончим наше исследование об особых путях исторической судьбы северных или оленных якутов. Вопрос о датах постепенного передвижения их на север в данный момент мы разрешать не можем, ибо по самому характеру той системы доказательств, к которой мы прибегаем, (а иного пути у нас нет)

---

[1]. Проф. Пальмов. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пред. России. Астрахань. 1922 г.

[2]. См. А. Д. Рудпев. Материал по говорам Вост. Монголии. 1911. 252 стр.

хронологическая связь событий может быть установлена лишь при сопоставлениях всего проработанного материла, т. е. в конце нашей последовательской работы. Пока можно лишь предположительно ответить на общий вопрос: долго ли якуты-олепеводы, как носители ранней якутской культуры, прожили в бассейне Лены оторванно от якутов-скотоводов, оставшихся где-то около озера Байкала?

Большая самобытность, обособленность и своеобразие культуры северных якутов с большой вероятностью свидетельствуют за то, что их раздельное существование на Вилюе было очень длительным, во всяком случае, не одна и не две сотни лет.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВИЛЮЙСКИЕ ЯКУТЫ

„Чем здесь, подвергаясь телесному наказанию, позволять кромсать наше тело и портить нрав, лучше бежать. Пусть наши дети плачут, а жены остаются! Тайком мы проберемся туда где Вилюй изливается тремя протоками, где перелетной дичи видимо-невидимо, а разная рыба на берегах рек и озер просто гниет".

Из преданий о предках вилюйских якутов. Эллэйада. § 86.

Глава I

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Изучение материальной и духовной культуры якутов-оленеводов открыло перед нами совершенно самостоятельную эпоху в истории современного Якутского края, которая, по справедливости, может рассматриваться, как пролог к его будущим историческим судьбам, тесно связанным с главными отделами якутского племени. Мы установили, что, задолго раньше переселения якутов-скотоводов, в Ленском крае раздавались звуки якутской речи, просочились туда элементы якутской культуры, кузнечного искусства, м. б., и других видов якутского мастерства. Мало того, в составе смешанного оленеводческого народа, переселившегося из Предбайкалья на Лену, несомненно, были и роды якутского происхождения, но в силу разных исторических причин, воспринявшие тунгусский образ жизни, быт и хозяйственные навыки. Среди этих пришельцев-завоевателей тунгусский элемент, весьма вероятно, составлял основное ядро, преобладал и численно над другими этническими примесями, но он столь сильно подвергся еще на южной родине якутскому влиянию, что даже утратил свое тунгусское самосознание. Это обстоятельство давало нам основание говорить об оленных якутах, а не об объякученных тунгусах, тем более и потому, что они неизменно слывут за якутов среди аборигенов северного края. Огромный научный интерес имеет обнаружение среди этих ранних переселенцев на Лену явных монгольских примесей, оторвавшихся из состава западных монголов-ойратов. Это обстоятельство, как мы отмечали раньше, свидетельствует о том, что якуты совсем не были коренными обитателями Предбайкалья. Здесь они могли быть только пришлыми завоевателями, которые разорвали линию старожильческого ойратского населения, сожительствовавшего с тунгусскими племенами. Так как в составе якутов-оленеводов констатируются тунгусские роды, вышедшие когда-то из Манчжурии, то и тунгусо-якутский натиск на ойратов Предбайкалья мог исходить лишь со стороны Забайкалья.

Таким образом, изучение этнического состава и особенностей культуры оленных якутов позволяет историку наметить еще основные вехи, указывающие пути передвижения якутов в более ранние исторические эпохи. Кроме того, оттеснение якутами довольно многочисленных ойратских поколений напором из Забайкалья дает нам вполне удовлетворительное объяснение и то-

му, на первый взгляд, странному явлению, что якуты-скотоводы при дальнейшем своем утеснении не пробились ни на запад в просторные степные места южных уездов б. Енисейской губ. и ни в Урянхайский край, ибо в том и другом направлении должны были отступать ойратские племена, в том числе и предки современных баргу-бурят. (Эхирит-булагаты). На якуто-монгольских и тунгусских взаимоотношениях мы остановимся подробно в отдельных главах.

Еще более важным для истории якутов представляется долгое проживание якутов-оленеводов в бассейне р. Вилюя, ибо вместе с тем мы получаем решающий аргумент в пользу раннего заселения якутами-скотоводами Вилюйского, а не Якутского округа. Иными словами, первый этап истории якутов-скотоводов на Лене нужно рассматривать как непосредственное продолжение истории вилюйских якутов-оленеводов с постепенной заменой оленей конями и коровами. В связи с этим мы получаем основание говорить о втором этапе древних якутских переселений на север, о второй стадии якутской истории на Лене, а именно, об эпохе заселения Вилюя якутами-скотоводами. Если переселение на Вилюй объякученных оленеводов мы рассматривали как пролог к дальнейшей истории Якутского края, то с нашествием вилюйских якутов, как будто, начинается история собственно якутского народа в бассейне Лены. Необходимая оговорка разъяснится позже, когда мы разберемся в этническом происхождении вилюйских якутов.

Раньше мы критически разобрали мнение тех историков, которые образование сплошных якутских поселений на Вилюе, за исключением его устья, относят к фактам порусской истории якутов.[1] Этому положению противоречит не только содержание некоторых важнейших документов эпохи завоевания Якутского края, но и обнаружение, якутского населения как в среднем, так и в нижнем течении р. Яны. Исследователи, ограничивая территорию, заселенную якутами, пределами одного Якутского округа, несомненно, переоценили русское влияние на историю якутов и мощь казачьих отрядов. По мнению Серошевского, Майнова и Попова, весь секрет появления якутов на Вилюе сводится к силе толчка, полученного якутами от казаков. От исследования крепости подошв казачьих сапогов, на что увлекают нас названные авторы, мы обратимся теперь к изучению более существенных и важных экономических и исторических причин заселения Вилюя якутами, что, несомненно, имело место не только задолго раньше появления казаков, но и до занятия якутами территории современного Якутского округа.

Прежде всего, мы должны поставить на разрешение вопрос, сам по себе напрашивающийся: якуты-скотоводы, при ранних своих сдвигах из Приангарского края в бассейн средней Лены, заселили сначала территорию Якутского или Вилюйского округа? Топографические и физико-географические условия края не предрешают ли правильный и единственно возможный ответ на этот вопрос? Об Олекминском округе мы не ставим особого вопроса, ибо этот округ

[1] См. I ч. гл. VI.

и его население непосредственно связаны с Южным Вилюем. Проверяя родовые наименования якутов Южного Вилюя и Олекминского округа, совсем не трудно установить единство их происхождения. В Хочинском и Сунтарском улусах мы находим два Нерюктейских и два Мейтских наслега. Те же самые роды фигурируют и среди олекминских якутов: из их шести наслегов два носят название «Нерюктейские» и два «Мейтские». Пятый—«Мальжегарский» наслег находит свою параллель в Мальжегарском наслеге Нюрбинского улуса, а шестой—«Кыллахский» наслег носит название не родовое, а географическое (от острова Кыыллаах на Лене). И в территориальном отношении населенные пункты Южного Вилюя и Олекминского края являются тесно сопредельными. Если от г. Олекминска до села Сунтар считается 350 км,[1] то фактически жилые пункты олекминских якутов по рр. Намане, Бирюксу ближе наполовину указанного расстояния. В противоположность этому поселения олекминских якутов от жилых мест Якутского округа отделены пустынным пространством на протяжении 400 км, ибо к югу от речки Сини якуты Якутского округа не живут, за исключением нескольких точек по берегу Лены (Джэкэмдэ, устье Талбы и др.). Да и по р. Сине очень жидкое якутское население встречается лишь по левым притокам в области ее среднего течения.

Южный Вилюй еще теснее соприкасается с Ленским округом, где по долине Нюи и Пеледуя (раньше этот район находился в составе Киренского уезда Иркутской губ.) тоже живут якуты в числе около трех тысяч душ об. п. Их старое административное обозначение «якуты Сунтаро-Олекминского ведомства» само по себе говорит о том, что они находились в тесной связи с вилюйскими и олекминскими якутами. Расстояние Нюя-Сунтар определяется всего в 280 км, а жилые пункты, конечно, намного ближе.[2] Иными словами, и нюйские якуты находятся в родстве с вилюйчанами. Вот почему нюйских и олекминских якутов мы не разделяем от старожильческого населения Южного Вилюя.

Поставленный выше вопрос мы можем формулировать теперь еще точнее: якуты в своем продвижении из верховьев Лены на север заселили сначала Нюя-Сунтаро-Олекминско-Вилюйский районы или территорию Якутского округа?

Этот вопрос достаточно поставить, чтобы единственно возможный ответ сам по себе напрашивался. В самом деле, если исходный пункт якутов видеть в Верхоленских или Бурятских степях, то Нюя-Сунтар будет играть роль промежуточной и передаточной инстанции по пути в Якутский округ, находясь ровно на 1000 км ближе к их древней родине. От села Качуг, где начало Бурятских степей, до устья р. Витима, около которого впадает в Лену р. Пеледуй и подходит на 50 км излучина р. Нюи, расстояние по руслу Лены считается 1342 км. От местечка же Нюи до г. Якутска через Сунтар-Нюрба-Якутск еще будет 1285 км, а по р. Лене от Витима до Якутска—1400

[1] См. Молодых. Пути сообщения Якутии. Сборн. Якутия. Изд. акад. Н. Стр. 643.

[2] См. Молодых. Там же, 643 стр.

км. Повторяем, самая постановка вопроса о том, что якуты заселили раньше Нюя-Сунтарскую область или же долину Лены, где теперь стоит г. Якутск, является, по существу, наивной и ребяческой. Это было бы равносильно вопросу: русские в своем продвижении в Сибири раньше колонизовали территорию б. Тобольской или Енисейской губ.?

Сплошные якутские поселения в области Средней Лены с ее двумя главными притоками, Вилюем и Алданом, начинаясь основательным пятном на Нюе, переходят в излучину Вилюя, сделав здесь маленькую петлю на запад, продолжаются далее вниз по обе стороны реки Вилюя. Левобережное население от р. Тюнг разрежается, а правобережное, немного отступая от берега реки, сплошь следует до самого устья Вилюя, далее продолжается без перерыва по левому берегу Лены на юг. От устья Алдана правый берег Лены имеет сплошное и густое население, заполняющее Амгино-Ленское плоскогорье до устья р. Ботамы. Левобережное население Лены по р. Сине загибается на север, следуя по речкам, впадающим в нее слева. Центральная часть Вилюе-Ленского плоскогорья имеет очень редкое население, местами же на сотни километров тянется пустынная тайга. Это—полоса водораздела вилюйского и ленского склона.

Если часть Ленского бассейна, сплошь заселенную якутами, обозначить схематически, то она по своей форме напомнила бы огромный вопросительный знак, обращенный в обратную сторону: его точка—поселения нюйских якутов, начальный загиб—население по излучине Вилюя в районе Хочинского улуса, обратный большой крюк составит население средних и северных вилюйских улусов, Намского и всех прочих улусов Якутского округа. Окончность этого крюка заходит в систему речек Сини, где мы находим Мытахский наслег Западно-Кангаласского улуса.

Процесс исторического сложения этого вопросительного знака сплошной якутской заселенности Серошевский и Майнов хотели бы читать сзаду наперед, ибо, по их мнению, исходный пункт якутских поселений в бассейне Лены начинается в пределах Якутского округа. Прослеживая постепенное продвижение якутов с юга на север от Нюи через Сунтар-Хочу и далее вдоль Вилюя, мы находим у устья Сини конечный загиб, а они, повидимому, с этого пункта хотели бы начать историю якутской колонизации.

Географические условия всего Ленского края, его относительное расположение к древнейшим поселениям якутов-скотоводов где-то около Байкала, его естественные богатства ввиде лугов и пастбищ, необходимых для скотоводов, историю якутской колонизации ведут через Нюю и Сунтаро-Хочинский район. Этот исторический путь древних якутских переселений на Лену написан на поверхности самой кормилицы-земли, которая есть ни что иное, как живая книга бытия прошлых судеб якутского племени.

Легендарные представления самих якутов мы не можем признать более реальными, чем библейские. Праотцы древних израильтян кочуют по песчаной Аравии, питаясь манной небесной и перепелами, которые прилетают по воле Иеговы ради спасения избранного народа. Причем, довольно многочис-

ленный народ признает себя потомством одного праотца Иакова, в составе своей личной семьи переселяющегося в Египет.

В якутских сказаниях точно также трактуется происхождение целого народа. На Лену когда-то в незапамятные времена переселяется одна семья Омогой-Баая, вслед за ним прибывает одинокий бродяга—Эллэй, женится на одной из дочерей Омогоя и размножает целое племя. По рассказам подавляющего большинства народных сказителей, Омогой и Эллэй прибывают на новую родину, плывя на плоту по реке Лене. По некоторым вариантам легенды, Омогой плывет со скотом, по рассказам других, он находит прародителей всего якутского скота около того места, где теперь стоит г. Якутск, в виде двух пар телят и жеребят, по самцу и самке[1].

В своей работе—«Опыт сравнительного изучения библейских и якутских мифов о патриархах народа»—мы доказывали, что библейские и якутские сказания о предках ответвились от одного общего корня и совпадают в целом ряде существенных мифологических мотивов. И ту и другую мифологию мы признаем идеологией древнейшей стадии номадизма, соответствующей эпохе приручения конного скота после рогатого. Если дело обстоит так, то якутские сказания должны принадлежать древнейшим степным народам. Следовательно, и основное ядро якутов когда-то ушло из монгольских степей в таежную Сибирь. Ввиду изложенного, мы не можем отрицать крупное научно-историческое значение якутских легендарных рассказов о своих предках. Однако, как бы красивы и художественно заманчивы ни были эти наивные мифологические сюжеты, нельзя согласиться ни с идеей размножения целого племени от одной или нескольких семей случайных переселенцев, ни с путешествием немногочисленных предков народа на плотах, и тем более с самозарождением якутского скота в самом Ленском крае. Несомненно, когда-то двигались большие массы народа, гоня перед собой многочисленные табуны конного и стада рогатого скота. Каждый народ события своей прошлой истории любит сжимать в единичные образы. Это, повидимому, универсальный метод для сохранения в памяти народа общей схемы уже прожитой истории, присущий, главным образом, эпохе древнего номадизма.

Процесс постепенного образования якутского племени, его языка, материальной и духовной культуры, само собой разумеется, нельзя связывать с территорией современной Якутской республики. Это положение не нуждается в подробных доказательствах. Однообразие якутского языка, отсутствие в нем диалектологических различий и даже более или менее приметных говоров, несмотря на разбросанность его носителей на огромном пространстве, своеобразие и цельность религиозного мировоззрения якутов, их эпической поэзии и устных преданий, сложность и устойчивость психического склада якута и целый ряд особенностей их материальной и духовной культуры свидетельствуют о том, что якутское племя не является историческим новообразованием. Якуты, несомненно, народ древний, а культура их старинная. Достаточно взглянуть на огромный словарь якутского языка, со-

[1] Эллэйада §§ 1—48.

ставленный Э. К. Пекарским и изданный Академией Наук, чтобы убедиться в справедливости этого положения. Народная, бытовая культура складывается вообще очень медленным темпом.

Если якуты сложились в самостоятельную и многочисленную народность в глубокой древности, задолго до овладения ими бассейна Лены, то их переселение на север нельзя представлять себе в форме одного или нескольких нашествий немногочисленных людских ватаг. Библейская картина переселения целого народа, благосостояние которого заключается в многочисленных стадах и табунах домашнего скота, могла бы иметь место лишь в области степной или лесо-степной полосы, где имеется постоянный запас корма, и, благодаря относительной мягкости климата, скот круглый год сам добывает себе пищу. В таежных областях Сибири подобные переселения мыслимы лишь при оленеводческом хозяйстве.

Изложенное убеждает нас в том, что переселение якутов в Ленский край должно было занять очень длительный срок. Нужно говорить не о массовом нашествии целого народа или его крупных отделов, а об эволюционном развитии якутской колонизации в Ленском крае при наличии южной метрополии. Постепенным почкованием начального ядра первых колонистов при повторных наплывах людей из далекого юга якуты и могли постепенно распространиться по всей ширп Вилюе-Ленской речной области. Задние ряды теснили передних, которые, углубляясь дальше, открывали новые обширные районы, удобные для хозяйственной эксплоатации. При таком понимании истории якутских переселений на Лену, идею перелета якутов из Верхоленских степей сразу в центральный район Якутского округа на расстояние 2500 км, конечно, необходимо откинуть, как несерьезную фантазию. Мифологическое представление прошлых судеб якутского племени должно заменить научным. Изложенный процесс истории развития якутских переселений на Лену переворачивает вверх ногами понятия и представления старых якутоведов. Они говорят: «Жили были якуты на западной стороне Байкала в Приангарском крае, но в одно несчастное время нагрянули с востока воинственные буряты и отобрали у них насиженные земли; якуты—давай бог ноги, в верховьях Лены соорудили плоты и, сев со скотом, поплыли вниз, авось, да найдем земли, где будет возможно поселиться и продолжать свое скотоводческое хозяйство; и вот, наконец, в области Средней Лены несчастные беглецы завидели многочисленные острова и удобные берега, высадились со скотом и снова зажили, не выходя за пределы Якутского округа до прибытия русских завоевателей».

Раньше думали, что Якутский округ есть метрополия якутов в пределах Ленского края, а поселения в Вилюйском и Олекминском округах их позднейшие колонии, образовавшиеся силою казацкого натиска. А в живой действительности было совсем наоборот: Вилюй есть исходный пункт древнейшего якутского обитания, а поселения Якутского округа—колонии новейшего образования.

Глава II

РАННЯЯ СТАДИЯ КОЛОНИЗАЦИИ ВИЛЮЯ

Как могла развиться вилюйская скотоводческая колония у прибайкальских якутов? Ответ на этот вопрос мы можем получить из истории оленных якутов.

В составе южных якутов мы обнаружили довольно значительную группу скотоводческого населения, которая издавна перемешалась с якутами-оленеводами. Это будут якуты Вилюйского округа, входящие в состав двух старых улусов, Верхне-Вилюйского и Средне-Вилюйского. По переписи 1917 г. общая численность населения этих двух улусов равнялась 27 тысячам д. об. п., т. е. около одной трети якутского населения всего Вилюйского округа. В дальнейшем изложении мы будем условно обозначать занятую ими территорию «Северным Вилюем» (фактически было бы правильнее назвать ее «Восточным В.»), а их самих—«ранними вилюйчанами».

В Северном Вилюе мы обнаружили роды сонменные с названиями родов оленных якутов: Югюлээт, Кююлэт, Боотулу, Хатыгын, Кэлтээки, Чорду, Джооху и Дулгаан. Два рода Сологоон тоже обнаружены по соседству с Северным Вилюем в пределах того же Вилюе-Ленского плоскогорья. Общую численность этих якутов, по названиям своих родов, выступающих в роли связующего элемента между северными и южными якутами, мы определили, приблизительно, около 4000 душ. В пределах Северного Вилюя, наверное, имеется не мало и других родов, которые в раннюю историческую эпоху сожительствовали с оленеводами, но не дали на север своего оленеводческого ответвления. Эти роды могли переселиться с юга с конным и рогатым скотом или обзавестись ими от поздних переселенцев, ввиду чего им незачем было покидать Северный Вилюй вслед за оленеводами.

В составе якутов Вилюйского округа, ранние вилюйчане как по своему экономическому быту, так и по материально-духовной культуре занимают совершенно особое положение. Среди них и в настоящее время имеется не мало хозяев, которые держат оленей совместно с конным и рогатым скотом. Но их исконное оленеводство, наверное, с очень давних пор идет к постепенной ликвидации, заменяясь якутским скотом. По показанию одного бывалого якута Верхне-Вилюйского улуса, Ив. Ив. Чиряева, в б. Мастахском улу-

се, приблизительно, одна четвертая часть домохозяев держала домашних оленей. Не мало оленей имелось и в Оргетском наслеге. В Баппагайском наслеге Средне-Вилюйского улуса до недавнего времени были богатые оленеводы. Например, лично мне известны Евдоким Васильев с братом, которые на оленях даже возили почту и пассажиров по Вилюйскому тракту. Расспрашивая глубоких старцев или сверяясь в архивных документах, относящихся к Северному Вилюю, мы, наверное, установили бы наличие значительных оленных стад у коренного вилюйско-якутского населения. Вилюйское оленеводство быстро ликвидировалось со времени возникновения ленских приисков, ибо якутские купцы скупали оленей для перепродажи их на прииска, где на оленях возили лесной материал. Скупщики оленей забирались даже в район озера Есей, Чириды, Сюрюнгды и т. д., откуда олени перегонялись на Бодайбо.

Ближайшее сродство ранних вилюйчан с оленными якутами еще более рельефно обнаруживается в рыболовческом промысле, сильно развитом как у первых, так и у последних.

Современный Вилюй в целом, хотя и показывает картину господства скотоводческого хозяйства, но тем не менее, по сравнению с Якутским округом, рыболовство и охота занимают более почетное место в его народном хозяйстве. Но что еще важнее,—чем глубже будем уходить в далекое прошлое, тем более они преобладали. Якутяне и теперь представляют своих вилюйских собратьев, по преимуществу, рыбаками. Весьма популярная среди них ругательная кличка вилюйчанина «сымасыт», т. е. рыбак, питающийся запасами озерной рыбы. Нарком здравоохранения Якутской республики А. Ф. Бояров в своем докладе на 5-м съезде советов говорил:

«Сыма пользуется нехорошей известностью и так как питаются ею исключительно в Вилюйском округе, то это дало повод некоторым шутникам называть всех вилюйчан «сымасытами», т. е. питающимися сымой... Жители Якутского округа и верховьев Вилюя относятся свысока и пренебрежительно к лицам, питающимся сымой»[1].

Эта экономическая характеристика вилюйского якута, вероятно, создалась в глубокой древности и имела в виду, главным образом, ранних вилюйчан, где рыба и теперь играет очень важную роль в их пищевом режиме. Доктор П. А. Колпакова, на отчет которой мы ссылались раньше, посетившая часть улусов Северо-Восточного Вилюя, так описывает их население в отношении преобладающей пищи:

«Мастахский улус... население живет очень бедно и крайне грязно... питается рыбой из озер, свежей, вяленой хохту (сушеная мундука), мороженой рыбой, часто прокисшей, если она заготовлена впрок слишком рано осенью, рыбными консервами: сыма (заквашенная особым образом в молоке вареная мундушка) и агаран, заквашенная вареная мундушка в кислом молоке...».

---

[1] См. 5-й Всеякутский съезд советов. Бюллетени съезда, 162—163 стр.

«Пятый район—Средне-Вилюйской—низменная песчаная равнина с огромным количеством озер. Население этого улуса живет несколько культурнее и зажиточнее, чем на Мастахе... Питается так же, как и на Мастахе, главным образом, рыбой: вяленой, мороженой, кващеной...»[1].

Сельскохозяйственная перепись 1917 г., при всей явной неточности ее данных, дает возможность получить приблизительное представление о степени развития рыболовства в Вилюйском и Якутском округах.

Ежегодная добыча рыбы в трех южных округах определяется в количестве 100.403 пудов. Из них 82.528 пудов добыто в Вилюйском округе. 15.150 пудов в Якутском и 2.725 пудов в Олекминском. Орудия лова распределяются в следующем порядке:

В Вилюйском—сетей 7621, неводов 684, морд 90111
В Якутском —сетей 2696, неводов 636, морд 12120

Таким образом, Вилюйский округ, имея половину населения Якутского округа, имеет ежегодную добычу рыбы почти в четыре раза больше, чем в последнем, по количеству рыболовных морд превосходит его в семь раз, по количеству сетей—в три раза.

Сводные таблицы по округам еще не дают правильного представления о действительности. Если обозреть данные по улусам, то оказывается, что все вилюйское рыболовство сосредоточено в трех северных улусах, а именно, в Верхне-Вилюйском, Средне-Вилюйском и Западно-Вилюйском (Удюгэйский и Мастахский). Мы даем ниже сводную таблицу о состоянии рыболовства по всему Вилюйскому округу и по трем его северным улусам[2].

	Добыто рыбы	Сетей	Морд	Неводов
По всему Вилюйскому округу	82528 п.	7621	90111	684
По 3-м северным улусам	69160 п.	6242	81009	448

Вилюйские данные о состоянии рыболовства, несомненно, уменьшены во много раз по сравнению с цифрами Якутского округа, ибо в последнем преобладает общественная ловля неводами, легко поддающаяся учету и общественному контролю, а на Вилюе на первом месте стоит индивидуальная добыча сетями и мордами. Упомянутый выше, Чиряев говорил нам: «у нас на Вилюе (разумеет Северный В.) рыболовных сетей очень много, почти у каждого хозяина бывает по 50—70 сетей». Это показание, хотя тоже преувеличенное в обратную сторону, по всей вероятности, имеет в виду группу более зажиточных хозяев. Если у жиганских якутов обеспеченность сетями на каждое хозяйство мы определили в среднем 4,5 сетей, то в скотоводческом районе ранних вилюйчан она не может не быть выше в два или три раза, т. е. 10—15 сетей на хозяйство. В официальных же данных количество сетей показано едва-едва по одному на хозяйство.

---

[1] Матер. комиссии по изуч. Якут. Авт. Респ. Вып. 10. Стр. 112 и 113.
[2] См. М. П. Соколов. Якутия по переписи 1917 г. Стр. XI, VIII, 41, 55, 14—15.

Из улусов Якутского округа рыболовство больше всего развито по Намскому улусу. Ниже мы даем сравнительную таблицу по всем улусам Якутского округа вместе взятым и отдельно по одному Намскому:

	Добыто рыбы	Сетей	Неводов	Морд
По Намскому улусу	3885 пуд.	636	118	3481
По всем остальным улусам	12885 пуд.	2696	548	12120

Таким образом, в Намском улусе сосредоточено немного меньше одной трети всей добычи рыбы и одна четвертая часть рыболовных снарядов округа, тогда как пропорционально населению должно было быть отношение как 1 к 8. Иными словами, в Намцах рыбачат в два раза больше, чем в других улусах. В территориальном отношении Намский улус, собственно говоря, является продолжением Северного Вилюя. Он захватывает значительную часть вилюйского озерного района.

Итак, три северных вилюйских улуса и по своему современному состоянию являются, по преимуществу, рыболовческими. Рыба в питании населения этих улусов до сих пор занимает очень почетное место. В начальную же эпоху развития якутской колонизации, когда скотоводство еще не прошло подготовительную стадию и выражалось в мизерных цифрах, ловля озерной рыбы, несомненно, составляла главное хозяйственное занятие первых колонистов.

У северных якутов, почти повсеместно, практикуется вилюйский способ консервирования рыбы под названием «аргыс»: «кислая и протухшая рыба, сложенная в устроенные для того ямы еще с лета; ею любят лакомиться все жители от Жиганска вниз по Лене, для чего квасят самую лучшую рыбу»[1]. У северных оленеводов сушеная рыба называется «поорча», а у ранних вилюйчан «буорса».

К культурным признакам древнего рыболовческого быта, как мы отмечали раньше, относятся конические шалаши «холомо», заваливаемые дерном, существующие как у оленных якутов, так и в Северном Вилюе. По народным преданиям и даже по воспоминаниям стариков, холомо было очень распространенным типом зимнего жилья в пределах всего Вилюя. Рыбаки Жиганского улуса в теплое время года живут в куполообразных шатрах, крытых лиственничной корой—«хатырык отуу». На Вилюе шалаши, крытые древесной корой, тоже служили жилищем бедноты в летнее время и вывелись из употребления на памяти многих стариков.

Разбираясь в особенностях языка оленных якутов, в обычаях и правах, а также и в шаманистическом ритуале, мы опять-таки констатировали целый ряд моментов, которые сохранились у ранних вилюйчан.

Наиболее характерным признаком духовной культуры северных якутов, как нам известно, является их самобытный героический эпос. Поэтому лучшим доказательством совместного жительства ранних вилюйчан с оленными якутами было бы обнаружение у последних элементов оленекского хосунного эпоса.

[1] См. Э. К. Пекарский. Слов. 146 ст. со ссылкой на статью Хитрова

Нам удалось добыть значительный материал по легендарному эпосу Южного или Юго-Западного Вилюя, в пределах которого живет свыше 50-ти тысяч вилюйчан. Это будет якутское население четырех бывших улусов— Хочинского, Сунтарского, Нюрбинского и Мархинского. Среди них циркулируют совершенно однородные сказания с общими легендарными именами, сюжетами и мифологическими мотивами. Это обстоятельство свидетельствует об общности происхождения и исторической судьбы населения Южного Вилюя, которое выделяется нами в особую группу, т. н., «поздних вилюйчан». Героический эпос поздних вилюйчан ранним вилюйчанам не известен. Основываясь на этом весьма характерном моменте, мы должны историю колонизации Вилюя якутами делить на две самостоятельные стадии, раннюю и позднюю.

Что касается местного легендарного эпоса ранних вилюйчан, то дело его собирания, очевидно, составит задачу будущих исследователей. Нам удалось установить лишь тот факт, что в пределах Северо-Восточного Вилюя героические сказания не сложились в один разработанный цикл, объединяющий многие наслеги и роды. Отсутствие общих легендарных героев свидетельствуют о том, что ранние вилюйчане не выступали в качестве организованной общественной силы. Если значительное, по численности и территориальному распространению, население держит в своей памяти имена одних и тех же легендарных героев, рассказывает о них более или менее однородные мифологические сюжеты, то это обстоятельство, по нашему мнению, является одним из бесспорных признаков существования в данном районе всеми признанной общественной власти. Граница распространения цикла однородных сказаний поможет нам установить основное ядро того населения, силою которого поддерживалась данная общественная организация. Герой народных легенд, как общее правило, является идеологическим пережитком существовавшей в данной среде и довольно устойчивой общественной организации со своим представителем верховной или подчиненной власти.

У якутов и других скотоводческих народов орган верховной или подчиненной власти в устных легендарных сказаниях обычно фигурирует со званием предка или прародителя того населения, которое находилось под его управлением. Отсюда следует: если устные генеалогические сказания народа о своем происхождении не переходят за пределы одного маленького рода или наслега, то это и значит, что его прошлая общественная организация ограничивалась одним родом или совокупностью двух трех родов, ныне образующих наслег. В противоположность этому, если много родов и нынешних наслегов выработали идею общего для всех предка-прародителя, от сыновей которого, якобы, происходят отдельные наслеги или роды, то мы вправе признать, что вся совокупность данных наслегов и родов когда-то создала одно обширное территориальное объединение с единой властью во главе. В этом отношении поздние вилюйчане очень сильно отличаются от ранних. Все якуты улусов Хочинского, Сунтарского, Нюрбинского и Мархинского признают себя потомками общеизвестных героев-предков, трех братьев: Быркынгаа-Боотура, Босхонг-Бэлгээти и Тойук-Булгудах. Быркынгаа-Б. пред-

ставляется обычно старшим и главенствующим, а остальные братья играют при нем подчиненную роль. Несколько позже мы займемся подробным разбором легендарного эпоса поздних вилюйчан с точки зрения его исторического значения. В данный момент для нас важно установить глубокую разницу в степени развития героического эпоса Северного и Южного Вилюя. Поздние вилюйчане имеют легендарных героев не только улусного, но даже окружного масштаба, тогда как у ранних, повидимому, совершенно отсутствуют герои-предки, выходящие за пределы одного наслега или рода.

В пределах Северного Вилюя с уст самого местного населения нам удалось записать лишь легенду о предке обширного Оргетского наслега Верхне-Вилюйского улуса Кюрэнчэ-Боотуре (Беглец-богатырь)[1]. К этой легенде примыкает рассказ о Тюрбюй-Боотуре, записанный нами с уст одного глубокого старца Мархинского улуса Самсонова. (Ему 83 года)[2]. Хотя Самсонов возводит Тюрбюй-Боотура в звание предка нескольких наслегов б. Верхне-Вилюйского улуса, но этот источник мы признаем ненадежным, ибо сам сказитель принадлежит к поздним вилюйчанам и является одним из лучших знатоков их героического эпоса. Кроме того, его собственный наслег «Юёдэй», по всей вероятности, включает в себе очень многих беженцев порусской эпохи из наслега Юёдэй же Намского улуса, расположенного вблизи г. Якутска. При восстаниях кангаласцев юёдэйцы, наверное, принимали ближайшее участие и потому при ликвидации восстаний они должны были спасаться бегством на Вилюй.

Имя Кюрэнчэ-Боотура известно и в б. Мастахском улусе, наряду с каким-то Бадара-Хара. Сказания о таких мелких героях, популярных в узко ограниченном кругу, несомненно, существуют, но, чтобы зафиксировать их, нужно было бы объездить многие наслеги и роды Северного Вилюя. Пока мы располагаем лишь двумя сказаниями о Кюрэнчэ-Б-ре и Тюрбой Б-ре, из которых более важным мы признаем первое, как добытое из местного источника.

Кюрэнчэ-Боотур, повидимому, один из самых популярных героев ранней стадии в истории вилюйской колонизации. По сюжету легенды, он представляется ранним насельником края и занимается рыболовством. В легенде нет никаких указаний на то, чтобы он обладал конным или рогатым скотом, хотя и рисуется «отборным удальцом из якутов». Характерно и то, что он сам непосредственно не борется с местными тунгусами, а лишь принимает участие в их междуусобных распрях в качестве союзника одной воюющей стороны. В этой войне он добывает себе жену-тунгуску.

Для нашего исторического исследования весьма интересно то, что легенда о Кюрэнчэ-Боотуре является простой переработкой основного сюжета известного нам оленекского хосунного эпоса в борьбе Юнгкээбиля и Чэмпэря. Сюжет легенды таков:

«Кюрэнчэ-Б. был одинок, не имел ни жены и ни детей». В союзе с одним тунгусом, семью которого истребили какие-то враждебные тунгусы, он

[1] См. Эллэйада. § 216
[2] Там же. § 259

нападает на последних. Один ловкий тунгус, выскочив через дымовое отверстие шатра, побежал. Кюрэнчэ гонится за ним. Тот прыгает через речку. В этот момент стрела Кюрэнчэ переломила его ногу. Раненый тунгус почему-то отрывает и ест кусок своего подбрюшного жира. Кюрэнчэ с товарищем истребляют всех тунгусов, за исключением одного седого старца и одной женщины, на которой Кюрэнчэ женится. Кроме того, случайно уцелел ребенок, спрятанный матерью в подполье. Позже упомянутый тунгусский ребенок, воспитанный дедом, приходит мстить за истребление своих людей. Кюрэнчэ умоляет тунгуса помириться с ним, ибо он, де, женился на его матери, но тунгус предпочитает быть убитым, чем мириться со своим кровным врагом. Кюрэнчэ убивает тунгуса. (Элл. 326).

Нельзя сомневаться в том, что эта легенда воспроизводит все наиболее характерные черты сказаний об Юнгкээбиле в их ранней редакции (месть сына за убийство отца), сохранившейся у якутов Анабара, озера Есей, илимпейских тунгусов и у кондагир в верховьях Ниж. Тунгуски. (Сказание о Нургаабыле).

Каков же исторический смысл легенды о Кюрэнчэ-Боотуре?

По нашему мнению, эта легенда является отражением начальной стадии в истории развития якутской колонизации на Вилюе, целиком еще занятом северными якутами-оленеводами, фигурирующими в легенде под названием «тунгусов». Напоминаем привычку современных вилюйчан называть по-якутски говорящих оленеводов Севера тунгусами.

Судя по легенде, якуты еще не выступают самостоятельно, живут совместно со старожилами-оленеводами, из их среды берут себе жен, занимаются, главным образом, рыболовством, вероятно, совместно с охотой. Увеличившись численно, они могли принимать участие и в распрях местных оленеводов, обусловливая победу одной из враждующих сторон. Здесь, очевидно, мы имеем дело не с массовым переселением якутских родов со своим скотом, а с постепенным наплывом разнообразных изгоев тогдашнего феодально-деспотического общества. Это должно было быть нечто вроде южно-русской степной вольницы, набиравшейся, главным образом, из беглых крестьян, преступников, дезертиров, ослушников царской воли и т. д.

По данным русской истории, выделение русской степной вольницы является одним из видов проявления классовой борьбы, формой протеста обездоленных и угнетенных слоев русского общества в эпоху сложения московского абсолютизма. В Москве крепла царская власть за счет умаления привилегий и вольностей старинного боярства, отчасти и именитого купечества (Новгород Великий), на почве кормления служилого дворянства ухудшалось положение тяглого крестьянства, постепенно переводимого в состояние крепостного рабства. Одновременно за рубежом южных окраин государства «вниз по матушке по Волге», в области «тихого Дона» спасались обиженные и оскорбленные и свивала себе гнездо стихийная сила протеста угнетенных классов, давшая разиновщину, возмущение Булавина, пугачевщину и т. д. Позже побежденная стень из бунтующей и революционной силы превратилось в оплот русского империализма и монархического режима. (Казачество).

Как видно из якутских народных преданий, аналогичный процесс совершался внутри якутского общественно-политического организма в эпоху его существования около Байкала в Приангарском крае, но лишь в обратном направлении, т. е. самовластие повелителей якутского народа, нажимая на свои низы и окраинные роды, гнало свою непокорную вольницу вглубь беспредельной северной тайги. Само собой разумеется, что магнаты скотоводческого быта держали в своих руках южные степные просторы, где паслись их тысячные табуны и стада разнородного скота, а придавленная ими народная масса больше тяготела к таежной полосе, ибо она могла существовать и пропитываться разными промыслами,—охотой, рыболовством, собиранием съедобных корней, сосновой заболони и т. д. Исход якутской промысловой вольницы на север облегчался также направлением главного водного пути—Лены. Очень удобные для эксплоатации скотоводами Братские степи, начинаясь в 25-ти км от г. Иркутска у д. Хомутовой, широкой столбовой дорогой ведут до самой Качугской пристани в верховьях Лены, где и теперь все едущие в Якутский край садятся на лодки, карбаза, плоты и пароходы, которые беспрепятственно могут двигаться по ленским водам вплоть до берегов Ледовитого океана. Мы знаем, что поэтическая фантазия якутского народа свое переселение с юга на север облекла в красивый художественный образ: праотец якутов Эллэй-Боотур, прибыв по безводным степям к верховьям Лены, сел верхом на плывущую по реке коряжину и на таком импровизированном коне прибыл к месту своего будущего поселения. Некоторые сказители при этом добавляют:

«Когда он плыл, сидя верхом на бревне, его отражение на воде принимало очертание человека, едущего верхом на коне сплошь белой масти». (Элл. § 44). По некоторым вариантам, умирающий отец Эллэя советует ему, прежде чем сесть на плот или бревно, рубить деревья и щепы бросать в реку, чтобы живущие далеко ниже люди по приплывающим щепкам заранее узнали о его прибытии.

Если владельцы диких табунов конного скота и не могли совершить столь идиллическое плавание вниз по Лене, то ватага промышленников, беглых рабов или иных изгоев якутского общества, конечно, должна была соблазняться возможностью легкого путешествия на плотах до жилых пунктов вниз по Лене. Оленеводы Вилюя, говорящие по-якутски, могли быть ближайшей целью их путешествия. Беглецам нужно было доплыть до Мухтуи или Нюи, где должны были попадаться крайние пункты охотничьей территории оленеводов Вилюя. Беглецы, покидая навсегда якутские улусы, могли уводить из вольно-пасущихся тоёнских стад жирных быков и коров, чтобы иметь провизию в пути, а также и верховых коней. Сплавить последних на плотах, конечно, не представляло никакой трудности. По окончании водного пути беглецы на этих конях должны были совершить путешествие через тайгу в Южный Вилюй.

Имя раннего легендарного насельника Северного Вилюя—«Кюрэнчэ» (от глагола «кюрююр»—тайком убегать, учинять побег)—«беженец» нужно толковать как собирательный образ.

Один из легендарных предков якутов Верхоянского улуса носит точно такое же нарицательное имя «Кюрюёчэй»—беглец. (См. Элл. 212). На реке Омолое, впадающей в Ледовитый океан между Леной и Яной, под 70° северной широты, мы находим часть якутов Верхоянского улуса, выходцев из разных наслегов, которые обзавелись оленями и ведут тунгусский образ жизни, но частично сохранили и свой якутский скот. Подавляющее большинство из них принадлежит роду Борогон, т. е. является несомненными выходцами из Борогонского улуса Якутского округа. О своем происхождении эти северные Борогонцы рассказывают следующую легенду:

«В Якутском крае когда-то в далекую старину жили два человека, одного из них звали Чокуйа, а другого—Мангыс. Последний был шаман. Однажды они косили траву горбушами. В это время шел дождь. Как-то случайно горбуша у Чокуйа сорвалась из рук и порезала насмерть его тетку. Боясь ответственности за этот проступок, Чокуйа с шаманом Мангыс и еще с третьим товарищем бежали на дальний Север»... От этих беженцев и размножились якуты Борогонского наслега Верхоянского улуса. От упомянутого шамана произошел один род, который теперь называется Эльгэс». (Элл. § 211).

В Верхоянском улусе существует самостоятельный наслег Эльгэс. (Офиц. Эльгетский); кроме того, в бассейне Индигирки мы находим один маленький улус—Эльгетский. По преданиям верхоянцев, предком всех родов «Эльгэс» называется некто Эльгэс-Ороону, который, якобы, «прибыл первым из Якутского края с двумя товарищами». Он же открыл Абый, т. е. территорию Эльгетского улуса. (Элл. 210).

Очевидно, приведенный выше сюжет о беглых преступниках когда-то имел отношение к предкам Эльгэсских родов Верхоянского улуса.

Образование якутской скотоводческой колонии по Яне, несомненно, относится к более поздним временам, когда главная масса якутов уже переселилась в Якутский округ, а развитие беженчества на Вилюй к оленеводам из прибайкальских якутских кочевий имеет в виду древнейшую эпоху. Поэтому в легенде о вилюйском беглеце «Кюрэнчэ» причина его бегства уже забылась за давностью времени. По тем не менее, рассуждая по аналогии, мы вправе допустить, что и раннее беженчество на Вилюй часто вызывалось теми же причинами. Легендарные образы беглецов на дальние окраины—Кюрэнчэ, Кюрюёчэй, Мангыс, Чокуйа и Эльгэс-Ороону—нужно рассматривать не как воспоминание об единичных исторических личностях с приведенными именами, а как сборные типы, отражающие длящееся социальное явление одного и того же порядка. В этом мы убеждаемся еще и потому, что имена Кюрэнчэ и Кюрюёчэй являются не собственными именами, а нарицательными кличками, которые одинаково приложимы ко всяким беглецам. Следовательно, и сюжеты народных легенд нужно толковать не как летописное сообщение об единичном факте. Если в легенде говорится, что Чокуйа случайно зашиб насмерть свою тетку, то отсюда еще не значит, что все беглецы Верхоянского края обязательно должны быть убийцами своих теток. Легендарный сюжет нужно рассматривать только как намек на типические

признаки житейских фактов. Случайному убийце своей тетки, если он был представителем привилегированного класса, вряд ли нужно было спасаться бегством в дальний Верхоянск. Иное дело, если убийца был бесправный кулут (раб), хамначчит (батрак) или рядовой простолюдин, а потерпевший принадлежал к правящей верхушке.

Вряд ли мы ошибемся, если признаем, что единичные беженцы на дальние окраины в подавляющем большинстве случаев подбирались из низшего слоя населения, бедного и обездоленного. В числе их могли быть рабы-хамначчиты из иноплеменников, захваченных во время войн. Даже их ближайшие потомки, пока будут живы воспоминания об их происхождении, не могли бы пользоваться одинаковыми правами с прочим населением. Мы отмечали выше, что в Предбайкалье якуты должны были столкнуться с монгольскими племенами, часть которых, оторвавшись от своих главных отделов, очутилась в якутском зажиме... Эти элементы, образовавшие среди победителей «атах аға ууса», т. е. последние, худые, бесправные роды, конечно, дадут и больший контингент беженцев на дальние окраины. Каждый победитель, если он дарует жизнь побежденным, прежде всего старается подсечь их жизненные силы или, выражаясь по былинному, захватить в свои руки «душу» противника, которая обычно живет в его движимой собственности—в скоте. Отобрав у побежденного врага весь его наличный скот, древний якут должен был бы сказать—ну, теперь я «сюрюн-кутуи тосуттум, сир сырайдаатым, буор харахтаатым», т. е. «сломал его душу-мощь, оставил его с поникшей головой и со взором, устремленным на землю». Вот почему иноплеменные примеси, лишившись своего скота, в силу крайней необходимости должны были кормиться промыслами или образовать кадры пастухов тоёнских стад. В начальный период их объякучения, когда были еще живы воспоминания об ожесточенной борьбе с ними, когда политика господствующего класса все еще была проникнута враждебным чувством к инородным элементам, бегство последних на дальний север нужно рассматривать как простой и естественный выход из их тяжкого положения.

В легендах якутян[1] сохранились довольно ясные указания на то, что Вилюй в древности служил местом убежища для лиц, навлекших на себя гнев якутского царя Тыгына. Так в одной легенде рассказывается, что Тыгын заподозрил Быркынгаа-Боотура, предка вилюйчан, в краже своего знаменитого коня. Призвав его к себе, Тыгын отобрал у него сорок верховых коней в уплату «четырех главных частей туши» (украденного коня) и сказал еще:

«А что касается платежа остальных, мелких частей туши, то об этом мой приговор узнаете по прошествии праздника, ибо в эти дни, когда взирает на нас святое божество и возвратился сам Уордаах-Джёсёгёй (бог покровитель конного скота), будет грешно окровавить людей, подвергая их телесному наказанию».

Услышав этот приговор, Быркынгаа-Б. говорит своим людям:

---

[1] Якутяне—якутское население быв. Якутского округа

«Чем здесь, подвергаясь телесному наказанию, позволять кромсать наше тело и портить прав, лучше бежать. Пусть наши дети плачут, а жены остаются. Тайком мы проберемся туда, где Вилюй изливается тремя протоками, где перелетной дичи видимо-невидимо, а разная рыба на берегах рек и озер просто гниет».

«И вот все (сорок человек)... бежали по направлению летнего восхода солнца, взяв на плечи седла и захватив с собой луки».

По дороге эти беглецы разграбили одного богатого якута, который отказался дать им провизию, говоря:

«Грабителям и ослушникам якутского царя я не намерен оказывать какое-либо содействие, куда направились, туда и идите».

Легенда заключается следующими словами:

...«эти сорок человек взяли жен из местных тунгусов и расплодили четыре вилюйских улуса». (Элл. § 86).

О бегстве на Вилюй социально угнетенного элемента говорит еще одна легенда, сохранившаяся в памяти ранних вилюйчан. В Жемконском наслеге Средне-Вилюйского улуса есть один род под названием Маганы. Предок этого рода происходил из якутов Якутского округа. Там у одного богатого человека он служил в качестве оруоллут, т. е. в числе домашних слуг, челяди. Богач был старик. Когда он умер, его три сына решили похоронить вместе с отцом живыми семь голов конного скота и упомянутого раба в качестве стремянного. Раб верхом на хозяйском знаменитом скакуне Хастырхай-Мангаас был отправлен на поиски табунов, из которых надлежало отобрать коней для похорон. Любовница-раба, встретив его у ворот предупредила, что хозяева собираются похоронить его вместе с отцом. Тот, не слезая с лошади, ускакал и прибыл на Вилюй. «Три брата гнались за ним три дня и три ночи, но не могли догнать». (Элл. 325).

Хотя современные носители этой интересной легенды и склонны бегство своего предка-раба приурочить к поздней русской эпохе, ибо дают ему православное имя Филипп, но, несомненно, сюжет ее идет со времен глубокой древности, ибо в русское время вряд ли якуты могли соблюдать упомянутый обычай. Сказители, вероятно, механически приурочили легенду к личности более позднего потомка беглого раба.

Итак, мы приходим к выводу, что в период жительства якутов-скотоводов в Предбайкалье отдаленный Вилюй, населенный объякученными оленеводами, должен был привлекать к себе довольно значительное количество беглецов из среды бедных и угнетенных слоев якутского населения. Вслед за ними могли уходить на Вилюй окраинные якутские роды, образовавшиеся из иноплеменников, необеспеченных в достаточном количестве домашним скотом, пастбищами и лугами и снискивающих себе пропитание, по преимуществу, охотой и рыболовством. Так постепенно должна была вырасти на Вилюе самостоятельная якутская колония. Ясно, конечно, что эти изгои якутского общества должны были существовать, главным образом, за счет рыболовства и охоты, но могли держать в незначительном количестве конный и рогатый скот, приведенный ими из метрополии. Относительно якут-

ского конного скота мы знаем, что он почти повсеместно в пределах Якутской республики отлично приспособился к суровому климату и может перезимовать, добывая себе пищу подножным кормом. Рогатый же скот нуждается в теплой стайке и в запасах сухого корма в течение 7—8 месячной зимы. Поэтому у ранних колонистов Вилюя должен был преобладать конный скот, ибо древние скотоводы не могли сразу привыкнуть к запасанию сена. С другой стороны, чтобы рогатый скот не околел на морозе, нужно было постоянно держать его в своей юрте.

Среди легендарных героев Северного Вилюя, наряду с Кюрэнчэ, мы назвали Тюрбюй-Боотура. Он представляется более поздним пришельцем и застает на Вилюе Кюрэнчэ—«дряхлого и отупевшего старика». Этот старик и его люди были страшно напуганы его прибытием и, выдав за него свою дочь, сделали его зятем. Тюрбюй-Боотур приезжает верхом на коне. До отыскания Кюрэнчэ он убивает одну женщину и ее мужа, ехавшего верхом на коне «бело-молочной масти, с мечом и луком в сайдаке». (Элл. 259). Легенда о Тюрбюй Б-ре, очевидно, отражает конец ранней эпохи в истории колонизации Вилюя, когда начали переселяться небольшие роды.

Что касается особенностей материальной и духовной культуры ранних вилюйчан, то она, как мы неоднократно отмечали раньше, должна была характеризоваться смешением с бытом северных оленеводов, которые, повидимому, оставались политическими хозяевами края, ибо неимущие и разрозненные беглецы с юга, разбросанные по бесчисленным рыбным озерам Вилюйского края, не могли представлять из себя хорошо организованную силу, могущую претендовать на власть. Господству оленеводов могли положить конец лишь поздние вилюйчане, переселявшиеся компактными и организованными группами, возглавляемыми своими испытанными вождями.

Культурный облик современного северного вилюйчанина, конечно, значительно разнится от той картины, которую мы могли бы наблюдать в переходную эпоху от оленеводства к якутскому скотоводству. С того времени ранние вилюйчане разбогатели якутским скотом и культура их, несомненно, сильно качнулась в сторону преобладания собственно якутских элементов. Кроме того, знакомясь с общественностью современного Северного Вилюя, не трудно заметить в ней тонкую прослойку поздних выселенцев из Якутского округа, которые в эпоху якутской самостоятельности поселялись среди отсталых старожилов края для организации местного управления. Из этих маленьких воевод, присылавшихся из центра для «кормления», т. е. эксплоатации окраинного населения, образовался свой местный тоёнат, твердо хранящий общеякутские традиции и симпатии к ленским якутам. Их потомки прекрасно помнят общеизвестные легенды об Омогое, Эллэе и Тыгыне. Они даже относятся несколько свысока к населению Юго-Западного Вилюя, считая себя более чистыми носителями якутской культуры. Кроме того, в истории заселения якутами территории Якутского округа был довольно длительный период, когда должно было развиться значительное беженчество в Северо-Восточный Вилюй. И эти поздние переселенцы должны были сильно воздействовать на культурный облик раннего вилюйчанина.

Глава III

ВИЛЮЙ КАК КОЛОНИЯ ПРИБАЙКАЛЬСКИХ ЯКУТОВ

Мы знаем, что в очень раннюю историческую эпоху переселился на Вилюй народ, хотя и очень смешанного происхождения, но в достаточной мере объякученный и имеющий в своем составе якутские роды, воспринявшие тунгусский образ жизни. Вслед за этим оленеводческий Вилюй становится местом убежища различных беглецов и изгоев, выделяемых якутским феодально-деспотическим обществом. Натурализация этого элемента на Вилюе в дальнейшем должна была повести к развитию там и начатков якутского скотоводческого хозяйства. Приглядываясь к условиям своей новой родины якут-скотовод не мог не задаваться мыслью акклиматизировать здесь, прежде всего, конный скот, легко переносящий зимнюю стужу и подножное кормление. Единичные удачные опыты завоза коней, конечно, должны были вызвать повторение их в большем масштабе, ввиду чего со временем возможность размножения там конного скота станет достоянием ходячей народной мудрости. Это обстоятельство не могло не усилить контингент переселенцев на Вилюй.

Укрепление скотоводческого хозяйства на Вилюе и дальнейший рост там якутской колонизации, завершившейся позже переселением на Лену всего якутского племени, свидетельствуют о том, что обитатели Вилюя находились в оживленных сношениях с прибайкальскими якутами. Эти связи могли существовать издревле со времени переселения на Вилюй объякученных оленеводов. Последние за время близкого сожительства с прибайкальскими якутами не могли не вступать с ними в товарообмен, обусловленный структурой их охотничьего быта и потребностью в продуктах скотоводческого хозяйства с его более развитым ремеслом и начатками добывающей промышленности. (Плавка руды, добывание соли).

О древних якуто-тунгусских взаимоотношениях мы можем судить по той картине междуплеменного торгового общения, которая существовала в районе Байкала и верховьев Амура в момент русского завоевания, согласно показаниям исторических актов.

«А по Киренге живут многие тунгусы... а соболи продают в Браты на животину и просо».

«Серебро в Браты идет из Мугал, а покупают братские люди то серебро у Мугал на соболи»[1].

«Идет серебро из китайского государства в Мугалы, а из Мугал в Браты и иные во все орды».

«Просо сеют брацкие люди по Ангаре и соляные де ключи по верх Тунгуски, сказывают, есть, и соль варят в котлах»[2].

«Да на той де, государь, Шилке реке у князца Ладкая... под улусом близко серебренная руда... Даурские князцы Ладкай с товарищи плавят серебро... И то де у них серебро расходится по многим волостям и по улусам в продаже, а продают де, государь, серебро на соболи, а соболи, государь, у них на Шилке реке покупают китайские люди на камки и на всякие товары»...

«А на усть де, государь, Шилки реки живут килорцы (тунгусы), а торгуют де они с китайскими людьми».

«Да на Шилке же де, государь, реке у князца Ладкая и у иных князцей по улусам пашут хлеб рожь и ячмень... и то де они хлеб продают на Витим реку князцу Ботоге и иным князцем, и тунгусские де, государь люди у них покупают же на соболи».

...«а падет Цыпирь река в Витим реку... а живут де на том Цыпирском озере тунгуские неясачные люди, шупилцы и чипчягильцы и иные роды... а продают де, государь, те тунгусские люди соболи на хлеб и на скот и на серебро меняют на Шилке ж реке, и у тунгусских де людей и шелегинцев круги и пуговицы серебренные, и он де, государь, Максимко то серебро у тунгусов видел».

«...и оне де тунгусы (живущие по Верхн. Ангаре) осеновали на Ламе (т. е. около озера Байкал) у брацких людей и что у них было соболей, и те соболи продали в Браты...»[3].

Картина товарообмена и экономических связей между разными племенами, живущими вокруг Байкала и в верховьях правых притоков Лены и Амура, устанавливаемая приведенными документами в первой половине 17 стол., конечно, не является новинкой, создавшейся лишь к моменту прихода русских. Она, наверное, столь же стара, как и древний Китай, мощное влияние которого не могли не чувствовать искони веков мелкие племена бассейна Амура, Южной Сибири, через ряд посреднических звеньев и население бассейна Лены. Следовательно, и якуты в прибайкальский этап своей истории включались в подобную же цепь торгово-экономических связей. Чтобы понять роль якутов-скотоводов, нужно поставить их на место братов (бурят) или дауров верховьев Амура. Тогда получается следующая картина: из Китая идет в Монголию серебро, камка и всякие товары, а из Монголии те же товары расходятся в разные орды, в том числе и к якутам. А якуты, выражаясь словами цитованных актов, «меняют де, государь, китайские камки,

[1] См. Доп. к Ист. Акт. т. II, акт № 89 от 1640 г. стр. 247 и 248
[2] См. Там же акт № 91 от 1641 г. стр. 251
[3] См. Там же акт № 96 от 1641 г. стр. 258, 259 и 260

серебро и всякие товары у тунгусских людей на соболи». Кроме того, якуты, как скотоводы, должны были выменивать у тунгусов соболи еще на «животину» и на «просо», добавляют акты про бурят. Само собой разумеется, что якуты обмененные соболи должны были переотправлять через Монголию же в Китай в качестве эквивалентной валюты за камку, серебро и пр.

Но имеется ли у нас достаточное основание, чтобы реставрировать древние тунгусо-якутские взаимоотношения по бурято-тунгусским начала XVII стол.? Разве у якутов сохранились какие-либо данные, которые свидетельствовали бы о длительном занятии торговлей, о знакомстве их с китайскими тканями, с серебром...? Вправе ли мы даже замкнуться о том, чтобы предки современных якутов могли быть столь культурны, что даже сеяли просо и торговали хлебом?

Однако, как бы ни казались парадоксальными все эти положения в отношении древних якутов, мы не можем отказаться от них.

1. Что якуты в деле торгового обмена с окружающими их охотничьими племенами не только не отстают от бурят, но даже превосходят их, это положение, надеемся, не нуждается в представлении подробных доказательств. Сметливость и ловкость якутских торговцев, а также эксплоатации ими тунгусов, давно стали притчей во языцех в этнографической литературе. Еще Фишер отметил, что якуты «любят торги и не мало радовались, что получили случай менять свой скот и мягкую рухлядь на другие, по их мнению, необходимо нужные товары»[1]. А знаменитый путешественник, академик Миддендорф, если не ошибаемся, был автором не то похвального, не то ругательного прозвища якутов «сибирскими евреями», подхваченного многими позднейшими их бытописателями:

«Если мы затем обратимся к характеристике умственных особенностей якутов, то прежде всего нас поражает необыкновенная склонность и превосходная способность к торговле. В этом отношении невольно является сравнение с иудейским народом, и мы готовы были бы назвать «. . . . .» северо-восточной Азии, если бы они в весьма многих отношениях не отличались от «. . . . .» другими, не менее характерными особенностями[2].

Акад. Шренк, коснувшись тунгусо-якутских торговых связей, тоже не воздерживается от сопоставления якутов с известным коммерческим народом китайской Маньчжурии, даурами:

«Вслед за тунгусами, и частью заманивая их за собой, переходят через Становой хребет и предприимчивые торговцы из якутов, которые иногда даже надолго поселяются в китайских границах, по Бурее, Зее и их притокам. Миддендорф сосчитал, что в его время около 25 торговцев из Якутска разъезжали то по сию, то по другую сторону Зейнского и Буреинского хребтов... Как за русскими тунгусами тянутся якуты, так с другой стороны за

---

[1] См. Фишер. Сиб. истор. Сиб. 1774, стр. 358

[2] См. Миддендорф. „Путеш. на Сев. Вост. Сиб. Ч. II отд. VI. Коренные обитатели Сибири". Стр. 767. Нецензурное слово, употребленное автором, заменено у нас пунктиром

китайскими бирарами и манегирцами—дауры. Движимые также торговыми интересами, они с Амура поднимаются вверх по Бурее, Зее и их притокам... Таким образом, здесь, вследствие вторжения оленных тунгусов в область бираров и манегирцев, происходит встреча и других, далеко друг от друга живущих народностей, якутов и дауров»[1].

Якуты-пушники в погоне за соболями забирались и на Шантарские острова и на Сахалин. Мы не говорим об их посреднической роли по скупке разной пушнины в пределах обширного Якутского края, включая часть Туруханского севера, района озера Есей, бассейна Ниж. Тунгуски и Охотского края. Мы знаем и купцов-мануфактуристов из среды якутов чуть не с миллионным оборотом, закупавших товары непосредственно в Москве и в Нижнем Новгороде. (Фирмы Эверстова и Никифорова).

Очевидно, якуты торговали соболями значительно раньше бурят и своей коммерческой выучкой они обязаны, по всей вероятности, очень древней дружбе и торговому обмену с тунгусскими племенами. Если дело обстоит так, то наша гипотеза, что между прибайкальскими якутами и вилюйскими оленеводами долго существовали взаимоотношения «метрополии» и «колонии» с регулярным товарообменом, получает очень веское подтверждение в преобладающих способностях и навыках современных якутов. Мы говорим, конечно, о господствующем классе якутов, а не обо всей их массе. Между прочим, по адресу бурят нам лично не приходилось встречать в литературе какие-либо указания на их особо выдающиеся торговые способности, хотя они, по сравнению с якутами, находятся в более благоприятных условиях в смысле развития торговли и торговых привычек. (В дорусскую эпоху близость к Китаю, а в период порусской истории близость к торговым центрам России и проживание вблизи магистрали старого Московского тракта, позже и Сибир. жел. дор. пути).

Регулярная торговая связь прибайкальских якутов со своей Вилюйской колонией, по нашему мнению, является одной из основных предпосылок последующих переселений якутов в бассейн Лены, ибо она могла дать народу исчерпывающую информацию о качестве и количестве его колонизационных фондов, физико-географических условиях края, его естественных богатствах и т. д. Дорогие собольи шкурки, реализуемые с огромным барышом на китайском рынке, должны были очень рано познакомить якутов с Ленским бассейном. С другой стороны, они же могли усилить поток промышленной вольницы, оседавшей в Ленском крае...

2. Знакомство якутов с китайскими фабрикатами устанавливается их языком, в котором южное название китайской шелковой ткани «торго» является весьма популярным украшающим эпитетом в песнях и в богатырских былинах. Например, зеленая поверхность земли передается словами—«торго кюёгэ», «торго кырса»—шелковая зелень, шелковая мурава; темно-зеленый отлив лесов и растительности страны «торго томоон дойду», «торголонон кёстёр»—шелком отливающая страна и т. д. В былинах словом «торго», как

[1] См. Шренк. Об инор. Амур. края. Т. I. стр. 39

украшающим эпитетом, даже злоупотребляют, передавая им понятие совершенства и красоты во всяких предметах и качественных отношениях: «торго тото»—дословно—шелковая сытость—со значением—обилие всякой снеди, «торго бии»—острое лезвие, «торго джирим тюптэ»—как шелк мерцающий дымокур, «торго сингин сиктэ»—проследи все швы, слои на шелку—в смысле досконально исследовать, знать. (Этот образ часто встречается в шаманских гимнах-алгысах).

В словаре Пекарского в фразеологии к слову «торго» приводятся еще «торго тэсиин»—узорчатый повод (правильнее, конечно, шелковый повод), торго сэрии (о траве)—цветное войско, т. е. травянистый покров сравнивается с многочисленным войском в шелковой одежде. В былинах встречаются богатыри, разодетые в шелк—«торго-тарга тангастаах Дыразбынай Силээхти».

В обыденном и разговорном языке в центрах Якутского края «торго»—особый род бумажной ткани русского производства, получивший широкое распространение в массах благодаря своей дешевизне. Иными словами, в начальный период русского завоевания слово «торго» употреблялось со значением—привозная ткань, материя вообще. В языке якутов сохранились многочисленные следы такого словоупотребления: «торго тангас, бумаагы торго, кёлёпоне торго, торголоох сон, кёнпюёс торго и т. д.

Северные якуты и тунгусские племена до сих пор употребляют слово торго в широком значении—привозная ткань вообще. У тунгусов по Ниж. Тунгуске и Илимпейских «туорга» (моя запись), у тунгусов по Витиму «торга»—аршинный товар, мануфактура. (См. Титов. Тунгусско-русский словарь. Иркутск. 1926, стр. 144). Титов, зарегистрировав у витимских тунгусов слово «торга», задается вопросом, не происходит ли оно от русского «торг». Безусловно, нет, ибо слово «торго» у туренких и монгольских племен существует со времен глубочайшей древности и употреблялось для обозначения китайского шелка: торка (джаг. шорск. сагайск.), торко, торка (алт. телеут.), торга (сагайск. кюарск.), торго (лебед. татар.), торгу (уйгур. джаг.)—шелк, шелковая материя [1]. Урянхайский язык—торгу—шелк, шелковая материя [2]. У бурят—«торгой» шелковая ткань [3], у монголов—торга—тоже [4].

Ясно, конечно, что русский «торг» по своему историческому возрасту не может состязаться с древностью китайского шелка. Вот почему, если нужно усматривать лингвистическое родство между русским корнем «торг» (торговля, торговать) и «торго» алтайских наречий, то как раз в обратном порядке, т. е. русское понятие и слово «торг» не ведет ли свое начало от древних гуннов, хозар и болгар, которые занесли в южно-русские степи слово, образовавшееся в окружении древнего Китая?

Наличие слова «торго» у северных якутов и у тунгусских племен, обитающих в бассейне Ниж. Тунгуски, еще более подкрепляет нашу гипотезу

---

[1] См. Радлов. Опыт словаря... т. 3, стр. 1183—1184
[2] См. Катанов. Опыт исслед. урянх. яз. Прил. 228 стр.
[3] См. Подгорбунский. Рус. Монг. бурят. слов. 332 стр.
[4] См. Бимбаев. Слов. 160 стр.

о посреднической роли прибайкальских якутов в торговле Китая с охотничьими племенами северо-восточной Сибири.

3. Об очень давнем знакомстве якутов с серебром нет надобности много распространяться. Мы не имеем определенных данным о том, что якуты до прихода русских могли сами выплавлять серебряную руду, но что у них серебро имелось в большом количестве во внутреннем обращении и шло на всякого рода украшения и наряды, не подлежит никакому сомнению, ибо иначе не могли бы существовать особые кузнецы «кёмюс ууса»—серебряных дел мастера. Повсюду в области материальной культуры, где возникает надобность в украшениях, якут не обходится без серебра, возьмем ли мы мужскую и женскую одежду, конскую сбрую, деревянную и кожаную посуду и домашнюю утварь. Якутское слово «кёмюс» является общетурецким «кумуш».

Древние якуты были знакомы и с золотом—«алтан» на всех турецких диалектах.[1] Алта-алтан у монголов. Это слово у современных якутов получило новое значение—медь, но в песнях и былинах оно употребляется со значением золото. Возьмем для примера ходячие песенные обороты:

„Кёмюс тюёстээх кюёрэгэйим,
Алтан тюёстээх далбарайым!“

Среброгрудая пташечка моя,
Златогрудый птенчик мой!

или

„Алтан унгуохпун арангастаар,
Кёмюс унгуохпун кётёгёёр“.

Золотые кости мои на могильный помост вознеси,
Серебряные кости мои ты подними!

С. Ястремский в своих переводах якутских былин слово «алтан» также переводит через золото.

4. Переходим к последнему вопросу, о следах знакомства якутов с земледелием и хлебом. Что ко времени русского завоевания земледелие было знакомо многим племенам Южной Сибири, Урянхайского края и бассейна Амура в историко-этнографической литературе не вызывает сомнения. О древности хлебопашества говорят многочисленные археологические остатки, находимые в Минусинском крае, около озера Байкала и в верховьях Амура: жернова, сошники и даже следы оросительных сооружений.[1] Историк бурятского народа, М. Н. Богданов пишет: «Земледелие в пределах Бурятии—весьма древнего происхождения. От доисторических времен сохранились следы оросительных сооружений. В XVII в., как мы отмечали выше, казаки доносили московскому правительству о вновь открытой «Братской землице, что хлеб у них (братов) родится просо» или—«а хлеб сеют просо»...[2]

Если якуты до бурят (или оттеснив их) проживали около Байкала, то знакомство их с земледельческой культурой не представляло бы ничего особенного.

---

[1] Радлов Там же. Т. I, 405 стр.

[1] Литература об археол. остатках древнего земледелия в русском Забайкалье. в Баргузине и проч. указана у Шренка—Об инор. Амур. кр. 167—168 стр

[2] См. М. Н. Богданов. „Очерки истории бурят-монгольского народа“. Верхнеудинск. 1926. стр. 89

Древнейшим злаком, известным турецким и монгольским племенам, по-видимому, является просо—«тараан» (алт. телеут.), таран (бараб. тат.), тараган (тел. куманд.), тары (тобол. каз. тат., кирг., команы), тарүү (тел), терик (таркс. тат.), ибо слова пашня, пахать, сеять, земледелец образуются от того же корня. Тары (уйг., алт., тел.)—пахать, тари (джаг.)—пахать, сеять, тери—(тарск. т.)—пахать. Тарык, тарыклык, тарапр (уйг.) пашня, тарик (джаг.), тарим (ОТ.), тарлаг, тарлау (сагайск., тобол. казан. кирг. кокан.), тарла (осм. адер. крым.)—тоже. Таранчи (джаг. тар.)—земледелец, тарыкчы (уйг.).[1]

Тот же корень мы находим и в монгольских наречиях: тараа-хлеб, пашня, посевы,[2] тарня—нива, пашня, посев, тарячи—земледелец, пахарь,[3] у бурят тараан—хлеб на поле, пашня—тараалан.[4]

Якуты, переселившись в бассейн Лены, конечно, не могли бы сохранить слово «тараан» в его прямом значении—просо, хлеб, пашня и т. д., ибо при отсутствии самого предмета не может быть и ясного понятия о нём, но зато не исключена возможность бытования того же слова в каком либо переносном значении. И, действительно, мы находим в якутском языке слово «тараан» со значением многочисленное потомство: «тараанаах киси»—человек с большим потомством. Здесь слово «тараан» обрело новое значение, ибо «хлеб» не может не служить образцом естественного размножения от одного семени. Утраченное значение «просо—хлеб» более ярче выступает в ходячей поговорке: «тараан буолан таргаммыт, юрээн буолан юкюрээбит»—(он) как тараан распространился. (Вторая часть фразы—поэтическая тавтология). Тараан, как символ размножения, есть уже бесспорный хлеб. Теперь мы с большей уверенностью можем утверждать, что предки якутов когда-то кушали просовую кашу и выменивали просо на тунгусских соболей.

Кстати о каше. Самая обыденная пища старинных якутов, в особенности бедноты, носит название «юёрэ»—род каши или похлебки. Юёрэ—общее название «каша», она определяется точнее в зависимости от того, какой род съедобной пищи составляет гущину каши. По Пекарскому, якуты различают следующие виды юёрэ:

Бэс юёрэ—похлебка в виде лапши из сосновой заболони.
Тпит « —окрошка из лиственничной заболони.
Балык « —рыбный суп.
От « —похлебка из съедобных трав.
Сыма « —похлебка из квашеной рыбы.
Ют « —похлебка из пресного молока.
Эт « —похлебка из крошенного мяса.
Ытыйыы « —похлебка из разного крошева.

Пекарский установил и первоначальное тюркское значение слова юёрэ, а именно, югрэ, юрэ—«суп из мелкой крупы, жидкая каша». (Слов. 3148

[1] См. Радлов. Опыт слов. т. 3. ст. 846—851
[2] А. Руднев. Матер. по говорам. Вост. Монголии. Спб. 1911 стр. 124
[3] Бимбаев. Слов.
[4] Подгорб. Слов. 204 стр.

ст.). Это общетюркское значение якутского слова юёрэ,—суп из мелкой крупы, само по себе достаточно устанавливает, что разновидности якутской каши ответвились из древней мучной или крупяной каши.

Наши читатели, может быть, все еще сомнительно покачивают головой, никак не соглашаясь с тем положением, чтобы предки якутов когда-либо могли удостоиться чести кушать просовую кашу. Однако, со всякими сомнениями необходимо покончить, ибо Э. К. Пекарскому, при всей исчерпывающей полноте его лингвистических изысканий, не удалось зарегистрировать еще один вид «юёрэ», который существует в преданиях и в других произведениях народной словесности якутов. Это именно «тараан—юёрэ». На мой вопрос, что это за «юёрэ», старики наставительно поясняли: «так, мол, старинные якуты называли «бэс юёрэ»—кашу из натолченной или нарезанной сосновой забалони». (Западно-Кангал. ул. и Южный Вилюй). В данном случае память стариков, конечно, слегка изменила и не могла не изменить. Но мы невольно поражаемся большой памятливостью якутов, ибо они в понятии «тараан юёрэ» сохранили точное название «просовой каши».

Вот почему, оказывается, якуты до недавнего времени с особенным рвением запасали сосновую заболонь, высушивали, толкли ее в ступах в муку, варили кашу.... и воображали, что едят просовую кашу своих отдаленных предков. По степени популярности позднего суррогата мы можем судить о том, в какой мере просовая каша в Прибайкалье была в широком употреблении у якутов.

Итак, мы имеем вполне достаточное основание утверждать, что в эпоху проживания якутов около Байкала картина международной торговли и обмена китайских фабрикатов на собольи шкурки ни в коем случае не могла уступать тому порядку, который застали русские завоеватели в первой половине XVII стол. Даже напротив, посредническая роль якутов в международной торговле того времени должна была быть более интенсивной, чем у поздних бурят, ибо якуты имели обширную промысловую колонию на Вилюе и, как выходцы из южных степей, наверное, имели постоянные и прочные связи с манчжурскими и китайскими торговыми центрами.

Объякученные оленеводы, переселившись на Вилюй, не могли прерывать свой привычный торг с прибайкальскими якутами, ибо он затрагивал самые жизненные интересы охотничьего населения. Соболиные шкурки сами по себе не могли представлять ценности для оленеводческого народа. Если спрос на них родился для удовлетворения запросов отдаленного китайского рынка, то продолжение соболиного промысла имело бы смысл лишь при наличии торгового посредника. Затем оленеводы должны были нуждаться в постоянном возобновлении своего охотничьего инвентаря, главным образом железного оружия и орудий. Привыкнув в прошлом опираться на производство южных якутских кузнецов, они и по переселении на Вилюй не могли бы обойтись своим собственным, более примитивным производством. Они могли иметь кузнецов, умеющих производить текущий ремонт, но выплавка железной руды и массовое производство новых вещей вряд ли им было доступ-

но. Тот, кто привык ловить рыбу сетями из белого конского волоса, не может удовлетвориться сетями из тальникового лыка. Опять-таки рождается необходимость товарообмена с южными якутами.

С другой стороны, и сами прибайкальские якуты, вытеснив свое оленеводческое ответвление на дальний север, не могли не ощущать большого недостатка в охотничьем сырье. Такие товары, как мягкая ровдуга, лосина, шкуры оленей, заячьи и беличьи шкуры в те времена, несомненно, принадлежали к категории «ширпотреба». Мы не говорим уже о прекращении их посреднической роли в торговле соболиными шкурками, которые доставлялись объякученными оленеводами. Иными словами, прибайкальские якуты со своей стороны должны были стремиться к продолжению прежнего экономического обмена со своими оленеводами, переселившимися на Вилюй.

При наличии оленной тяги регулярное общение Вилюя с южной якутской метрополией не представляло бы никакой трудности. От Качугской пристани в верховьях Лены до Сунтара—всего лишь 1622 км.

Чтобы охватить расселения современных якутов, нужно из центра их поселений описать окружность радиусом в 1500 км, но и тогда наиболее удаленные жилые пункты останутся за пределами этого круга с диаметром в 3000 км. Например, от г. Якутска до Средне-Колымска—2315 км, от Якутска до озера Есей—около 2000 км, а поселения туруханских якутов—по Хатанге, Анабару и на Таймыре еще дальше. При таком размахе колонизационных способностей якутов мы не находим ничего невероятного в том, что они в древние времена, живя в верховьях Лены, поддерживали постоянную связь со своими вилюйскими оленеводами. Вилюйские якуты до недавнего времени постоянно ездили на оленях к озеру Есей для скупки там оленей и пушнины, преодолевая расстояние около 2000 км в одном направлении. Туда же выезжали и якуты Мытахского и Одунинского наслегов Западно-Кангаласского улуса. Не меньший размах имели торговые разъезды и якутских пушников, из центра Якутского округа совершавших наезды на Индигирку, Колыму, в Охотск, в Удский край и на Неман (Название района в верховьях — Зеи и Буреи, левых притоков Амура).

Кроме того, разрешая вопрос о наличии проторенных дорог между южными якутами и Вилюем, мы должны иметь в виду еще одно обстоятельство, которое должно было облегчить общение между ними. К моменту прихода русских казаков кочевья бурят-скотоводов не простирались вниз по Лене ниже устья р. Куленги (недалеко от с. Качуг). К якутскому народу, раскинувшему свои отряды вплоть до берегов Ледовитого океана, на восток до Колымы, на запад до Таймырского полуострова, нельзя применять бурятские масштабы. Размах современного расселения якутов и овладение ими льдистыми просторами Северо-Восточной Сибири сами по себе служат доказательством того, что не только сами якуты, но и их скот, прошли весьма суровую школу приспособления к самым неблагоприятным географическим и климатическим условиям. Большая предприимчивость и инициативность, очевидно, искони были господствующими чертами якутского национального характера. Без этих качеств якуты не сумели бы заселить обширные просторы «гиблого

края» с его трескучими морозами и вечной мерзлотой, не утрачивая взаимных связей, степной культуры и хозяйственных обыкновений.

Из изложенного вытекает, что якуты-скотоводы в период заселения ими Приангарского края отнюдь не топтались на одном месте там, где кончаются Бурятские степи. Их последующая передвижка на север ясно свидетельствует о том, что они и тогда забросили свои крайние жилые пункты вниз по Лене намного севернее бурят. О местах тогдашнего расселения якутов по системе рек и речушек Верхней Лены и правых притоков Ангары с захватом и верховий Ниж. Тунгуски, по нашему мнению, нужно судить по расселению русских крестьян, ведущих здесь скотоводческо-земледельческое хозяйство при наличии сильно развитого охотничьего придатка. Там, где мы находим теперь небольшие крестьянские деревушки, заброшенные среди тайги по берегам рек, могли жить и якуты-скотоводы, сильно налегая на охотничий промысел. Если реставрировать картину распространения якутов в то отдаленное время, когда главная масса их занимала южные уезды б. Иркутской губ. (Иркутский, Балаганский, Нижнеудинский и Верхоленский уезды), по современному русскому масштабу, то окажется, что небольшие оазисы якутов-скотоводов, распространяясь вниз по Лене, по Илиму, по Киренге и верховьям Ниж. Тунгуски, почти смыкались с территорией вилюйских оленеводов.

Река Киренга, повидимому, имеет достаточно пастбищ и лугов, чтобы питать население небольшого якутского наслега. Ниже г. Киренска долина самой Лены значительно расширяется и образует на протяжении нескольких десятков километров хорошие луговые места. (Отсюда в царские времена постоянно возили на Бодайбо сено). Тут же под боком мы находим долину верхнего течения Ниж. Тунгуски, тоже с прекрасными луговыми местами. От г. Киренска до деревни Подволочной на Ниж. Тунгуске всего 90 км. От Подволочного по руслу Тунгуски до села Эрбогачон считается 450 км. На этом протяжении живут крестьяне б. Преображенской волости во многих селах, деревнях и выселках. (Ныне эта волость называется Преображенским подрайоном, если не переименована еще). Жилых пунктов насчитывается до Эрбогачона 36. Населения в них было около 3800 д. об. п.

Вот список населенных пунктов Преображенского подрайона: 1 д. Подволочна, 2. Лиственнична, 3. Выселок Антоново, 4. выс. Байкал, 5 дер. Соснино, 6. в. Федорково, 7. в. Болваненко, 8. д. Лагашино, 9. д. Гажинка, 10. в. Жумун, 11 Амбарская, 12. с. Непа, 13. д. Данилова, 14. с. Мартынова, 15. д. Потемино, 16. в. Кокорина, 17. Верхне-Калинина, 18. д. Боковиково, 19. Хахалина, 20. д. Нижн. Калина, 21. д. Юрьево, 22. с. Преображенское, 23. д. Мога, 24. д. Краснояроово, 25. д. Жданова, 26. в. Порог, 27. с. Ерема, 28. в. Борок, 29. д. Лушки, 30. Кривое, 31. с. Оськино, 32. в. Камешок, 33. д. Курья, 34. Июнюк, 35. д. Анкула, 36. в. Шивера. Дальше с. Эрбогачон.

По словам одного очень сведущего старожила этого края, опрошенного мною, особенно обширны луга около Соснино, Лагашино, Гажинки и Непы. К сожалению, в данный момент мы лишены возможности установить количество скота у крестьян Преображенского подрайона. Во всяком случае, ко-

лонизационная емкость долины верховий Ниж. Тунгуски и применительно к якутскому скотоводческому хозяйству представляется не маленькой. Она, по всей вероятности, раза в три—четыре превосходит реку Чону, где ныне по соседству с описанной долиной Ниж. Тунгуски обитает один якутский наслег. (В Чонском насл. Хочинского улуса в 1917 г. значилось 546 д. об. п.). От с. Эрбогачон до начала поселений вилюйских якутов по р. Чоне считается всего 90 км. В настоящее время чонские якуты стали проникать в долину Ниж. Тунгуски и селиться ниже русских выселков. При моем проезде через Ниж. Тунгуски якутских переселенцев там было 3—4 семьи (в 1925 г.), а теперь их, наверное, больше.

Описанные места до начала якутских переселений на Лену могли прокармливать небольшое количество окраинных якутских родов, сдвигавшихся вниз по Лене от земельной тесноты на юге. Якуты-скотоводы почти повсеместно привыкли селиться хуторами в одну, две, три, четыре юрты в одном пункте. Эти навыки обусловливают чрезвычайную разбросанность якутских поселений, но зато дают им возможность использовать каждый клочок удобной земли. Поэтому в эпоху занятия якутами верховьев Лены, мы вправе допустить наличие довольно сложной сети мелких жилых пунктов как по ее главному руслу, так и по мелким боковым речкам, где имеются небольшие луга и пастбища. Точно также и водная система Илима могла приютить особую группу окраинных якутских родов.

Поселения якутов-скотоводов, сдвигаясь вниз по долине Лены, после заполнения луговых мест ниже г. Киренска должны были перекинуться в долину р. Нюи, где мы и теперь находим значительную группу якутов-скотоводов, из которых при советской власти образовался самостоятельный Ленский округ.

Таким образом, самые северные ответвления якутов-скотоводов в ту историческую эпоху, которую мы назвали ранней стадией колонизации Вилюя, должны были продвинуться по двум направлениям—по Ниж. Тунгуске и по Нюе, почти вплотную к вилюйским оленеводам. Это обстоятельство не могло не облегчить сношение южной метрополии с вилюйской колонией и усилить утечку лишнего населения вглубь Вилюя как летом, так и зимой. Торговые караваны могли проходить значительную часть пути даже на верховых конях, сменяемых в пунктах проживания оседлых якутов. В те времена должны были существовать особые вьючные тропы с промежуточными опорными пунктами. В летнее время путь на Вилюй, конечно, облегчался благодаря использованию дарового передвижения вниз по Лене до Нюи.

Торговый интерес прибайкальских якутов в оленеводческо-промысловом Вилюе должен был сосредоточиваться, главным образом, в сборе дорогой пушнины. Мы позволим себе в подтверждение нашей гипотезы привести один весьма интересный легендарный сюжет, сохранившийся у поздних вилюйчан. Рассказывается, что у Быркынгаа-Боотура, одного из трех братьев прародителей вилюйских якутов, после переселения на Вилюй, родились два сына, Тюмюк и Эчик. Эчик позже едет в Якутский край (сказитель, конечно, разумеет Якутский округ) и, пожив там в работниках у старика Хангаласа,

он увел с собой дочь-красавицу. Старик Хангалас в данном случае, несомненно, олицетворяет главу большого Кангаласского улуса, который, по народным легендам, признается родовой вотчиной общеякутского царя Тыгына.

Эчик возвращается в родной Вилюй и поселяется около озера Чонткуда. Однажды осенью, когда Эчик проживал в местности Боруу, прибыли три сына старика Хангаласа. «Увидев свою сестру, они были поражены ее видом и бедностью всей домашней обстановки. Она страшно похудела, была одета в короткое пальто из шкуры теленка, совсем не прикрывавшее ее ног; ноги были босы, не имела и «джабака»,[1] чтобы прикрыть свои волосы. Жили в круглом шалаше «холума», заваленном дерном, и питались исключительно рыбой...». Братья спрашивают у сестры:

«Где твой муж, куда он отлучился? Она говорит,—наверное, на охоте». Вечером Эчик вернулся домой. Братья спрашивают у него:

«Зачем же ты увел нашу сестру?»

«Эчик внес две кожаных сумы, перетянутых веревкой, подбросил их к ногам трех братьев и сказал: «Вы беседуйте не со мной, а вот с этими пустяками». «Старший брат в гневе одним пинком разодрал сумы. Оттуда вывалились шкуры чернобурых лисиц и соболей...»

«Братья, пожив и отдохнув несколько дней, поехали обратно, навьючив на трех верховых коней разную пушнину с нежной белой и черной шерстью». (Элл. § 246).

Сюжеты народных легенд, как мы отмечали раньше, интересны тем, что в них находит свое отражение не единичное событие, а типическое и часто повторяющееся явление. Поэтому в качестве научно-исторического источника, они нередко принесут больше пользы, чем даже летописные сообщения, в которых могут описываться и случайные явления.

В приведенном сюжете оттеняется большой контраст материальной культуры метрополии и вилюйской колонии. После переселения якутов на Лену культура Якутского и Вилюйского округов, конечно, не могла быть столь контрастной. Очевидно, этот сюжет идет с того отдаленного времени, когда сопоставлялись якуты-скотоводы Прибайкалья и отсталые обитатели далекого промыслового Вилюя.

Одновременно историк, интересующийся причинами древних переселений якутов с юга на север, на основании приведенного легендарного сюжета, должен будет укрепиться во мнении, что первые якуты-колонисты, забиравшиеся в Вилюйскую даль, могли увлекаться, по преимуществу, преувеличенными слухами о ее богатых промыслах, где «рыба гнет по берегам озер», а лисицы и зайцы бегают по дворам...

Рассмотренная легенда, в связи с бросающейся в глаза коммерческой выучкой якутов, убеждает нас в том, что они в прибайкальский этап своей истории очень долго, весьма возможно, в течение пяти-шести столетий, упражнялись в эксплоатации пушного богатства сначала верховьев Лены, потом бассейна Вилюя с прилежащей к нему Нижней Тунгуской и, наконец, тер-

[1] „Джабака—старинная высокая меховая изнутри и снаружи шапка, закрывающая уши". Э. К. Пекарский. Слов. якут. яз. 763 стр.

ритории Якутского округа. Попытаемся уяснить значение пушной торговли в деле дальнейшего развития якутской колонизации в бассейне Лены, начало которой положили объякученные оленеводы и якутская беглая вольница.

Правые притоки Лены—Витим и Олекма искони веков имели тунгусское население, находящееся в торговых связях с верховьями Амура, где оперировали выходцы из Северной Маньчжурии. Близость к центрам маньчжурского империализма, применявшим систему объясачения мелких племен, в связи с легкостью доставки китайских фабрикатов и деятельностью довольно развитой сети частной торговли, должна была вызвать истощение соболей в области правых притоков Лены. Поэтому мы вправе утверждать, что в ту эпоху бассейн Вилюя, область среднего течения Лены и Амгино-Ленского плоскогорья имели более нетронутое пушное богатство.

Пушные операции прибайкальских якутов в бассейне Лены, как всякое живое явление, должны были пройти разные стадии органического роста. Эксплоатация вилюйских оленеводов, находящаяся сначала в руках северного окраинного ответвления якутов, по мере обнаружения больших выгод, должна была перейти в якутские центры и вызвать усиленный приток промышленного элемента. Якутские охотники могли вливаться лишь по старым проторенным путям ранних вилюйских колонистов, ибо в деле своего питания и передвижения они имели в налаженном хозяйстве последних готовую опору.

Пушному промыслу и торговле на Лене, как бы сильно они ни были развиты, мы не можем придавать значение основной причины будущих якутских переселений на север. Эти причины нужно искать на юге в общих условиях существования и образования якутской народности. Мы остановимся на них в следующих главах, а более подробно—во втором томе наших очерков.

Развитие ленского пушного промысла и тяга на север подвижного промышленного элемента в истории якутских переселений важны как предварительные условия, облегчавшие будущие массовые сдвиги народа. Уход на север объякученных оленеводов и бродячей вольницы мог образовать заметную течь в окраинных якутских родах в том же направлении, но они не в состоянии были вызвать обратное движение, чтобы давать южным якутам ясную информацию об условиях жизни на Лене, об объеме ее колонизационных фондов. Эту задачу могло выполнить лишь развитое торговое общение севера с югом. Кроме того, мы не исключаем возможности возникновения среди прибайкальских якутов и своеобразного отхожего промысла вглубь Лены для временной охоты. Эти якутские аргонавты за мягкой и ценной пушниной, проведя на Лене несколько лет бродячей жизни, могли возвращаться к себе на родину. Эти бывалые люди преувеличенными рассказами о своих приключениях, богатствах края, возможности осесть там с якутским скотом и т. д., должны были обрабатывать в известном направлении якутское сознание и общественное мнение. Вместе с тем старые неопределенные слухи о богатой и тихой Лене постепенно должны были превращаться в ясное и практическое знание о ленских далях, без чего целый народ, привыкший кормиться от рогатого и конного скота, не мог бы сдвигаться с насиженной

годины, где леса, горы и долы, реки и озера были полны заветных воспоминаний.

Второе важное значение якутского пушного промысла в бассейне Лены заключается в том, что многочисленные отряды охотников должны были выполнить роль разведчиков и ходоков, которые задолго до переселения скотоводов открыли все важнейшие угодья обширного края, годные для эксплоатации скотоводческим народом. Каждый человек, осведомленный по экономической географии Якутского края, конечно, знает, что в его необъятных просторах полезная для скотоводства площадь представляет ничтожный процент. Она разбросана маленькими клочками или даже точками среди необозримой тайги. Даже простой процесс выявления их предполагает очень длительный срок и затрату значительного труда на практическое ознакомление со всеми медвежьими углами, которые в дальнейшем приняли небольшие группы якутских переселенцев. Вот почему довольно численный скотоводческий народ, неожиданно столкнутый вглубь ленского бассейна, рисковал бы потерять 90% своего скота прежде обнаружения годных для хозяйственной эксплоатации угодий. Если этого не случилось, то якуты всецело обязаны этим своим охотникам и рыбакам, которые пунктами своих разбросанных поселений заранее, так сказать, маячили поздним переселенцам, где им можно обосноваться.

Мы думаем, что обширные колонизационные фонды Якутского округа были открыты в период расцвета пушного промысла и торговли со стороны Вилюя. Вместе с этим открывался самый важный период в истории якутских переселений, а именно, прямое движение из Предбайкалья вниз по Лене вглубь отдаленного Якутского округа. Эти страницы переселений якутов на Лену должны были последовать вслед за заполнением Вилюя скотоводами.

Единичные и массовые переселения якутян могли совершаться в летнее время на плотах. Рогатый скот и верховых коней перевозить на плотах, конечно, не представляло большой трудности. Для этого достаточно было обеспечиться небольшим запасом корма, заготовленным заранее в верховьях Лены или по пути в определенных пунктах. В некоторых местах могли и останавливаться на несколько дней, чтобы откормить скот или запастись свеже-накошенным сеном. Многочисленные табуны конного скота было бы мудрено поместить на плоты. Их должны были гнать по старым проторенным путям древних вилюйских переселенцев, выбирая определенное время года, удобное в смысле обеспечения скота подножным кормом или до снега свежими пастбищами. В Южном Вилюе отощалым табунам должны были давать передышку и возможность откормиться. Выше по Лене долина Нюи и Петропавловский район ниже г. Киренска, обеспеченные лугами, тоже могли служить опорными пунктами для переселенцев. Другая дорога на Вилюй идет по долине Ниж. Тунгуски с поворотом от современного Эрбогачона на Чону. Эти места, имевшие в начале развития вилюйской колонизации свое старожильческое население, в эпоху повальных якутских переселений могли и опустеть, ибо не имело бы смысла оседать там, где проходящие толпы будут постоянно поедать заготовленные запасы сена и истощать пастбища.

При изучении преданий якутов об их древних переселениях нужно иметь в виду то, что более поздние исторические факты обычно заслоняют древнейшие. При этом нужно отличать предания якутян и вилюйчан. Первые, переселившись большею частью на плотах в позднюю эпоху, само собой разумеется, не могут дать нам материал, освещающий ранние этапы колонизации Вилюя. Иное дело—предания вилюйских якутов: они при надлежащем критическом подходе дают очень много данных, подтверждающих наши общие гипотетические предположения.

Не надо упускать из виду, что памятники народной легендарной истории, хотя и могут свидетельствовать о прошлой жизни, но они—источники весьма своеобразные и постоянно нуждаются в серьезных исправлениях во многих подробностях и деталях. Рассмотрим один конкретный пример.

Вилюйчане свои древние переселения сплошь и рядом путают с фактами позднейших исторических взаимоотношений Якутского и Вилюйского округов, а именно, с явлением беженчества из первого в последний. Это должно было случиться при заключительном потоке якутян из Предбайкалья, вызвавшем бегство старожилов Якутского округа обратно на Вилюй, а частью на восток в Амгино-Ленское плоскогорье. Новые переселенцы, пользуясь превосходством своего оружия, конечно, предпочитали отбирать готовые и насиженные угодья, чем искать в неизвестной стране свободные колонизационные фонды. Кроме того, упорная борьба центрального якутского улуса (Кангаласского) с русскими казаками, сопровождавшаяся жестокими усмирениями повстанцев, тоже развила беженчество на Вилюй, хотя и не столь значительное, как представляется это старым якутоведам. Вот почему вилюйчане всю свою легендарную историю повернули лицом к Якутскому округу, не различая ранних и поздних беженцев, прибывавших с разных сторон. По их современным понятиям, все легендарные герои прошлого бежали из Якутского округа: ранние от притеснений якутского царя Тыгына, а поздние от насилий русских завоевателей.

Но, однако, при внимательном изучении героического эпоса поздних вилюйчан легко обнаруживается анахроничность их легендарных представлений. Дело в том, что древнейшие насельники Вилюйского края и праотцы народа, Быркынгаа-Боотур, Босхонг-Бэлгээти и Тойук-Булгудах, хотя и бегут на Вилюй, якобы, из Якутского округа, но какими-то судьбами плывут на плоту вниз по Вилюю и нападают с юга на старожилов края—тунгусов, обитающих в современной Нюрбе. (Элл. § 307). Другие сказители, стараясь по-своему объяснить элементы древних сказаний о раннем заселении Южного Вилюя, заставляют своих предков сначала бежать из Якутского округа в Олекминский край, а потом приводят их в район Хочинского и Сунтарского улусов, совершенно не задевая население Северо-Восточного Вилюя. (Элл. §§ 244, 283 и 305). Таким образом, легендарное сознание поздних вилюйчан подтверждает наш основной тезис, что колонизация Вилюя шла по течению реки сверху вниз и что северные вилюйчане переселились раньше юго-западных. С другой стороны, устанавливается и тот факт, что старин-

ные предания вилюйских якутов подверглись новой обработке со времени перемещения якутян из Прибайкалья в Якутский округ.

Знакомясь с героическим эпосом поздних вилюйчан, не трудно убедиться, что они историческое бытие своих предков привыкли ориентировать, опираясь на личность центрального героя общеякутских сказаний, Тыгына, представляемого повелителем всего народа. Названные выше патриархи вилюйчан раньше живут совместно с Тыгыном и его народом. Следовательно, где пребывает якутский Тыгын, там же должно быть и местожительство вилюйских героев. Вот почему с переселением Тыгына из Прибайкалья на Лену и ось вращения вилюйской легендарной истории должна была переместиться в Якутский округ. Кроме того, вилюйчане, как представители первобытного скотоводческого народа, целиком проникнутого идеями патримониального родового быта, должны интересоваться, прежде всего, своими родственными связями с народом. Территория, занимаемая им в тот или другой исторический период, конечно, есть вопрос второстепенный. Поэтому, если главный отдел якутов, когда-то выделивший из своей среды предков вилюйчан, позже в силу каких-то причин очутился на Лене в пределах Якутского округа, то на каком основании носители вилюйских легенд имели бы право отрицать свое родство с якутянами? Иными словами, при доказанности позднего перемещения южной метрополии в Якутский округ легендарное воспоминание вилюйчан об их исторических связях с якутянами отнюдь не противоречит нашей гипотезе о переселении их прямо из Предбайкалья.

- Однако, переселение прибайкальских якутов в область Средней Лены в вилюйских легендах получило своеобразное отражение. У вилюйчан сохранилось воспоминание о том, что якутский царь Тыгын с войском преследовал их предков вплоть до Вилюя и после перестрелки через реку или речку ушел обратно. (Элл. §§ 242, 266, 270, 283, 299 и 306). В сюжете погони Тыгына и победоносной борьбе с ним вилюйчан мы усматриваем позднейшее извращение рассказов о прохождении тыгыновых отрядов через Южный Вилюй на Лену. «Если Тыгын какими-то судьбами добрался до Вилюя и не осел здесь, то, значит, он вернулся назад, испугавшись наших героев». Так должно было рассуждать позднее поколение легендистов. Вот что значит нечленораздельная устная историография. Легенда, как общее правило, не может соблюсти правильной исторической перспективы ни во времени и ни в территориальном размещении давно прошедших событий: позднее мешается с ранним, дальнее—с близким. Современники событий, например, эпохи переселения Тыгына из Приангарья на Лену, конечно, прекрасно понимали суть всего совершающегося, но их поздние потомки при устной передаче преданий не могли не спутать исторический горизонт, мешая старое и ветхое с новым. Нашествие русских, проведя в легендарной памяти народа еще более свежие и сильные борозды, должно было окончательно затемнить контуры давно прошедших исторических событий. Беглецы, нахлынувшие из Якутского округа, должны были перемешаться с более ранними героями.

В преданиях поздних вилюйчан ко всему Вилюю присваивается весьма характерное название «Кыйаар», что в переводе значит—б е с п р е д е л ь-

ная, безграничная даль. Приведем наиболее характерные места из наших записей.

Жена Быркынгаа-Боотура говорит:

«Тыгын, наверное, не снесет этой обиды и убьет тебя. Нам лучше заранее бежать в Кыйаар. В те времена, как рассказывают, Вилюй называли «Кыйаар», добавляет от себя рассказчик. (Марх. ул. Элл. § 240).

Другой сказитель выражается несколько иначе:

«В те времена, Вилюй считался далекой окраиной,—Кыраай сир». (Марх. ул. Элл. § 242).

В третьем рассказе встречаем ту же характеристику:

«Нам необходимо бежать отсюда Кыйаарга. Так называли Вилюйский край». (Нюрб. ул. Элл. § 269).

В четвертом варианте сами герои перед бегством на Вилюй говорят: «Когда мы открываем дальнюю дорогу, когда предстоит пред нами господин дальний путь...» (Хочин. ул. Элл. § 299).

В сказаниях вилюйчан, подобная же характеристика Вилюя вкладывается в уста и других героев. Тыгын, убиваемый русскими, перед смертью успел сказать:

«Если бы с нами был мой брат, уехавший в Кыйаар, я бы так не умер». (Марх. ул. Элл. § 264).

В другом случае враги Тыгына, узнав о прибытии к нему на помощь вилюйского героя Быркынгаа, говорят:

«Вот досада! Прибыл к ним старший брат, живущий на краю земли». (Сунт. ул. Элл. § 280).

Герой ранних вилюйчан, Тюрбюй-Боотур, тоже «ехал верхом из Якутской стороны в Кыйаар». (Элл. § 259).

В легендах якутян понятие о Кайаар встречается, но оно непосредственно не увязывается с Вилюем. В одном рассказе этим словом характеризуются беспредельные просторы тунгусских кочевий—«Кыйаар тунгустара». (Кангал. ул. Элл. § 79). По легенде якутов Таттинского улуса, один вояка, некто Кэнгис-Боотур, потерпев поражение в одной битве, со стыда удаляется в Кайаар—беспредельную даль и поселяется там в глухой тайге. (Элл. § 195).

Приведенные характеристики Вилюя—беспредельная даль, далекая окраина, край земли, откуда не может добыть своих врагов даже сам царь якутов Тыгын, не приложимы к Вилюю со стороны Якутского округа. Они были бы уместны лишь в устах прибайкальских якутов. Среди обитателей древнего Прибайкалья отдаленная Вилюйская окраина, действительно, могла слыть—беспредельной далью, краем земли, своего рода тартарары, попасть куда еще можно (по Лене), но откуда нет возврата. Позже, когда появилась цепь промежуточных якутских поселений по Лене и поездки на Вилюй, взад и вперед, стали заурядным явлением, приведенная характеристика Вилюя, вероятно, уже казалась устарелой. В настоящее время сообщение между Якутским и Вилюйским округами не представляет никакой трудности и возможно во всякое время года. Дорога про-

легает по равнинной местности, где не имеется никаких естественных преград. Окраинные же поселения якутян непосредственно смыкаются с жилыми пунктами Верхне-Вилюйского и Средне-Вилюйского улусов.

Более сильное доказательство того, что старожильческое население Вилюя переселялось не из Якутского округа, а прямо из Предбайкалья, заключается в относительном расположении ранних и поздних вилюйчан. Последние занимают юго-западную часть Вилюя, а первые—его северо-восточную часть, непосредственно примыкающую к Якутскому округу. Если бы древние переселения вилюйских якутов совершались из Якутского округа, то более примитивный отдел их оттеснялся бы поздними выходцами вверх по Вилюю. Сравнив героический эпос ранних и поздних вилюйчан, не трудно убедиться, что последние по своему культурному развитию, сплоченности и общественной организации стояли намного выше ранних вилюйчан, которые до сих пор сохраняют ясные признаки культурного и этнического родства с северными оленеводами. Отсюда получается бесспорный вывод: якуты Северо-Восточного Вилюя переселились задолго раньше юго-западных вилюйчан.

Формулируем наши заключительные выводы. По поводу перехода якутов из зоны южного скотоводческого хозяйства в зону северного оленеводства, мы настаиваем на правильности нашего конститутивного положения, что перемещение большого скотоводческого народа на такое дальнее расстояние могло совершиться безболезненно лишь при условии почкования колоний от основного ствола народа, который в своей главной массе очень долго оставался неподвижным. Ранние колонизаторы края переселялись на Вилюй в силу крайней необходимости, чаще без скота и каких-либо средств к существованию, ввиду чего они должны были вести паразитическое существование за счет местных оленеводов с их примитивными промыслами. Поздние вольные колонисты-промышленники, несомненно, прибывали обеспеченными как провизией и средствами передвижения, так и всеми необходимыми орудиями промысла. Прибыльная пушная торговля должна была усилить и завоз якутского скота как для нужд промышленных артелей, так и в качестве валюты, взамен ценной пушнины, вывозимой из колонии.

Необходимым условием органического роста северной колонии мы признаем наличие оживленного сношения ее обитателей со своей метрополией, ибо при допущении полного отрыва ее от материнского ядра не могло быть никакого роста. Колония росла от постоянного прилива новых сил в виде людей и скота. Если в колонии, от неблагоприятных климатических условий и неумения пришельцев приспособиться к местной обстановке, погибала часть скота, то южная метрополия могла доставить новые кадры его. Если бы переселение якутов на Лену совершилось катастрофически, пусть даже в два-три приема, с окончательным отрывом уходящих и остающихся, то первые вряд ли сумели бы сохранить в целости свой скот и всю свою культуру.

Якутский язык, как неоднократно отмечалось лингвистами, несмотря на чрезвычайную разбросанность своих носителей на огромной территории, не образовал диалектологических различий, нет в нем даже слишком обособившихся говоров. Их обычаи и нравы, устное народное творчество и релп-

гнозные представления дают одну цельную картину с едва заметными лишь для опытного глаза вариациями и тонкими переходами. Как мы указали раньше, исключение от этого правила составляют одни оленные якуты полярного Севера, численность которых едва составляет 3,5% всего якутского населения. Все это свидетельствует о том, что переселение народа в начальной стадии совершалось исподволь, из года в год, из века в век в порядке медленного почкования. Конечно, могли быть отдельные периоды усиления потока переселенцев, когда обрывались значительные массивы и неслись на север, но и эти волны, повидимому, на новых местах находили уже подготовленную почву в смысле отыскания новых колонизационных фондов или заполучения от старожилов уже паспженной территории. Новые пришельцы, неожиданно столкнутые вниз по Лене, могли бы и погибнуть, если бы они не находили на месте своих соплеменников, уже освоившихся с местными условиями. Старожилы, даже и лишившись своих угодьев в пользу пришельцев, могли находить выходы из создавшегося положения, ибо долгое проживание на месте должно было закалить как их самих, так и их скот. Они должны были сдвигаться и тесниться, занимая и культивируя окраинные места.

Цельность всей якутской культуры, полная сохранность всех ее существенных элементов заставляют нас высказаться за очень длительный срок развития якутской колонизации на Лене с необходимыми интервалами во времени, чтобы передние ряды могли расчистить дорогу для идущих сзади в смысле выработки полезных хозяйственных навыков, изучения края, обнаружения ее скрытых богатств, пищевых запасов и т. д. Гипотетически мы можем признать, что темп якутских переселений постепенно нарастал, шел crescendo. Каждая новая волна переселений могла происходить с силой, превосходящей предыдущие, если же интервалы между ними были значительны, то колония могла легко переносить усиленные толчки, получаемые от наплыва новых людей и скота, которых нужно было как-то прокормить.

Само собой разумеется, переселение скотоводческого народа в гиблую страну, как бы оно ни было растянуто на сотни лет, не является условием для его процветания. Оно, несомненно, должно было сопровождаться частичной ломкой хозяйственного быта. Те навыки, которые были усвоены раньше, не могли годиться на новой родине. Народу нужно было перевоспитать себя, отучиться от старых привычек и приобретать новые. Резкая перемена климата должна была сопровождаться усиленным падежом скота.

С переселением на север якуты лишились стад многочисленных баранов, для которых климат Якутского края был абсолютно непереносим. В якутском языке мы находим следы былого обладания стадами баранов. Так, например, в якутском языке мы находим название войлока, в производстве которого, как известно, главную роль играет овечья шерсть. У степных халха-монго войлок «и ш и г э й», у бурят «ихигэ, эгхэгэ, гхиги, гхэги»[1]. Слово «исэгэй» известно и якутам, но с несколько измененным значением. Ста-

[1] См. Подгорбунский. Там же. Стр. 39

рики-якуты по поводу этого слова, часто встречающегося в религиозных алгысах (молитвы) и в преданиях, обычно поясняли: «это—запутавшаяся шерсть, когда грива или хвост коня образуют клубки». Часто говорят—«исэгэй буолбут сиэллэх»—имеет гриву, запутавшуюся в клубок. Но нередко в молитвах этому слову придают еще значение какой-то божественной благодати, которая символизируется в белом скотском волосе или шерсти. Пекарский в своем словаре слово «исэгэй» регистрирует со значением «всклокоченный, запутавшийся, переплетшийся» (о скотской шерсти).[1] Ясно, что исэгэй—название забытой кошмы, которая в быту степных народов незаменима. Характерно и то, что якутское название войлока более сходствует со словом степных монголов, нежели бурят.

Остальные турецкие племена барана называют «хой» (кхой). В якутском языке сохранилось турецкое название барана в очень популярной поговорке: «Кёй гурдук элбэх». Так говорят, когда хотят выразить удивление по поводу множества чего-либо—«о, великое множество, точно кёй». Но было бы напрасно спрашивать у якута, что это за «кёй», служащий мерилом, множества. Но тот, кто видал на юге стада баранов, наверное, не удивится тому, что многоголовые стада баранов могли наделить скотоводческие народы приведенной поговоркой. «Кёй», повидимому, ест ни что иное, как палатализированная (смягченная) форма древнего «хой». (Здесь м. б. повлияло смешение с понятием «кёй салгын»). В другой поговорке—«хой баса тыл»—неразумное, не идущее к делу слово, мы находим более точный пережиток названия барана. Таким образом, древняя ругань—«эх ты—баранья башка»—до сих пор живет, приблизительно, с тем же значением.

Вопрос о том, какую часть народного богатства могли составить у прибайкальских якутов стада их баранов, можно бы разрешить, обратившись к составу стад современных монголов. По данным, добытым монгольской экспедицией Центросоюза (Союз сибир. кооп.) 1919 г., во внешней Монголии в среднем на одно хзяйство приходилось:

7,1 лошадей, 1,5 верблюдов, 1,7 рогатого скота и 44 овец и коз».[2]

Майский пишет, что в Монголии при раскладке податей разные виды скота переводятся к одной условной единице, а именно, на быков. Причем лошадь приравнивается быку, верблюд двум быкам, баран одной десятой быка.[3] По такому расчету 44 барана должны быть приравнены 4,5 быкам или почти тем же 7 головам рогатого скота. Иными словами, у современных номадов стада овец по своей ценности и удельному весу в хозяйстве почти равняются рогатому скоту. Бурятские цифровые данные о соотношении разных видов домашнего скота мы считаем не характерным и для той эпохи, о которой идет речь. Со времени прихода русских, как бурятское землепользование, так и формы хозяйства претерпели больше изменения, что не дает нам возможности сравнивать их хозяйство со стародавним якутским.

---

[1] См. Пекарский. Слов. якут. яз. стр. 963.
[2] См. П. Майский. Соврем. Монголия. Иркутск. 1921, стр. 124
[3] Там же 125 стр.

Итак, одна утрата баранов у древних якутов при переселении их на среднюю Лену, даст уже убыль одной трети богатства, что, в конечном итоге, не могло не ослабить прирост населения.

Это переселение не могло также не вызвать большого сокращения и падежа конного и рогатого скота, как при преодолении трудного пути, так и по прибытии на новую родину с ее резкими климатическими отличиями, с разницей в качествах травы и воды. Старожилы колонии могли иметь пастбища и луговые места, рассчитанные только на их собственный скот. Ясно, конечно, что до поры до времени старожилы и новые переселенцы должны были продовольствовать весь свой скот лишь на старом, уже выявленном и приготовленном фонде, рассчитанном на меньшие потребности. Затем, как мы знаем, старожилы, обычно, сгонялись новыми пришельцами вглубь дикой и некультивированной страны. Очевидно, массовые переселения скотоводческого народа в условиях и обстановке Ленского края по их роковым последствиям нужно расценивать как наивысшие формы стихийных бед, сопровождающихся неизбежным обнищанием и вымиранием. Вот когда якуты должны были научиться кормить свой скот мерзлыми тальниками взамен сена. Эти встряски хозяйства Ленской колонии, при неожиданных наплывах в значительных массах новых переселенцев, должны были наносить народу в целом такие уроны, которые вряд ли возможно было залечить в какие-нибудь 10—20 лет. Если народ лишился в баранах одной трети своего богатства, а в рогатом и конном скоте, вместе взятом, еще одной трети, в итоге этих потерь остается лишь одна треть того, что имелось раньше. Но и этот процент убыли богатства мы находим очень оптимистическим, особенно в эпохи переселения из Предбайкалья целых улусов. Вероятно, бывали и такие моменты, когда экономические потери старожилов и новоселов выражались в более ужасающих процентах. Для номадов скот есть все, основной нерв их жизни. Сократился он наполовину, значит, в скором будущем сама жизнь подведет уравнительные итоги. Народ вымрет почти на такой же процент от недоедания, умножения болезней и обостренных форм борьбы за существование и т. д. Допустить же, что массовые переселения якуты переносили без всяких последствий, что все это сходило с них, как с гуся вода, конечно, было бы с нашей стороны явным недомыслием.

Мы должны признать, что переселения якутов на север в позднюю стадию, когда сдвигались с места целые улусы, несомненно, сопровождались колоссальными потерями в народном благосостоянии, не только приостановками роста населения, но и каскадными падениями и явлениями общего регресса. Вопрос о том, могли ли якуты позже наверстать целиком все свои утраты, весьма проблематичен. Можно бы еще согласиться с тем, что они могли приостановить резкие падения тонуса своей жизни, но думать, что они на новом месте начали благоденствовать, значило бы забывать элементарные факты из области экономической географии Восточной Сибири и ту простую истину, что кони и коровы питаются травой, растущей в большем изобилии на юге, чем на севере с ее подпочвенной мерзлотой и кратким вегетационным периодом. Так, например, историк проф. И. Н. Козьмин пишет:

«История тюрков дает многочисленные примеры, когда небольшое племя усиливалось.... и, наоборот, народ после перенесенного разгрома низводился до размеров небольшого племени..... напротив, сахалар-якуты превратились в особый народ на наших, можно сказать, глазах».[1] В другой работе он же пишет про якутов: «Но это был небольшой народ и, предоставленный самому себе, он не мог выдержать борьбу за свою самостоятельность против бурят...»[2] Очевидно, по мнению проф. Козьмина, если всех якутов с их скотом переселить еще дальше на север за полярный круг, то они стали бы еще более благоденствовать.

Нет ничего мудреного в том, что народы, которые передвигались от холода к теплу, от сухих и континентальных мест в более влажные, легко перенеся невзгоды начальной эпохи, начинали, действительно, благоденствовать. Так, например, турки-османы, включив в свой состав много миллионов оседлых туземцев, образовали обширную монархию, хотя по своей численности и удельному весу в эпоху древних кочеваний по степям, может быть, они далеко уступали предкам якутского племени. (Основное ядро османтурки-огузы, которые в первой половине XIII века под начальством хана Сулеймана перекочевали из Хорасана (провинц. Персии) в Малую Азию, насчитывали лишь 50 тысяч человек).

По затронутому вопросу наш вывод таков: больше данных говорит за то, что якуты до своего переселения на дальний север были народом более многочисленным, физически здоровым, рослым и богатым, чем они есть теперь.

Если переселение якутов на Лену было растянуто на долгий срок и поддается периодизации, то и основные причины, вызвавшие их, должны быть весьма разнообразными. Его начальные фазы могли происходить при одной исторической обстановке, срединные при другой, а заключительные фазисы еще при иных условиях. Вот почему мы признаем абсолютно неверным и непродуманным, весьма часто повторяющееся, заявление историков: вот, мол, якуты около XIV—XV вв. нов. э. под давлением бурят или монголо-бурят двинулись на север и заняли места на среднем течении Лены, оттеснив старожилов края тунгусов. Если бы якуты в полном составе когда-либо вздумали переселяться на север, в неведомую для них, тунгусскую территорию, то их жалкие остатки влачили бы существование рыбаков и охотников, на подобие современных карагассов или северных оленных якутов. Народ в целом не может не обладать чувством самосохранения и простым здравым смыслом, чтобы не кидаться со своими стадами в такие дебри. Если пред народом возникают иногда такие трагические моменты, то массы обычно предпочитают признать власть победителей, хотя бы они были иноплеменниками, а вожди ее, когда нельзя ожидать милости победителей, погибают в неравной борьбе или бегут одни с небольшой кучкой своих ближайших приверженцев.

---

[1] Н. Н. Козьмин. «Д. А. Клеменц и историко-этногр. исследования в Минусинском крае».

[2] Его же—«К вопросу о переселении бурят в Прибайкалье». В «Очерках истории бурят-монгол. народа»—М. Н. Богданова. Стр. 27

Массовое переселение якутов из Предбайкалья в бассейн Лены мы не можем и представить себе без предварительного образования там их Вилюйской колонии, сложившейся путем эволюционного процесса в течение очень долгого срока. Объякученные оленеводы занесли на Вилюй якутский язык и якутское культурное влияние, а ранние и поздние вилюйчане—якутский скот. Вилюйские якуты задолго раньше массовых переселений должны были выработать все те приемы и отличительные признаки местного хозяйства, которые мы наблюдаем у якутов и теперь. Кроме того, они, несомненно, развили и расширили торговые связи Вилюя со своей южной метрополией и местный пушной промысел, в результате чего южные якуты получили исчерпывающую информацию об условиях жизни на севере.

Вот почему, когда на юге в монгольских степях эра владычества турецких племен уже приблизилась к полному закату и началось возвышение монголов, прибайкальские якуты в два-три приема с интервалом в 150—200 лет в полном составе переселились на Лену, на территорию современного Якутского округа. Но и эти заключительные переселения, повидимому, носили характер планомерной эвакуации, а не панического бегства, ибо в героическом эпосе якутов мы не находим никаких следов страшного военного поражения. Окончательный исход якутов из Предбайкалья совершился несколькими десятилетиями раньше выступления на историческую арену знаменитого Чингис-Хана, т. е. до начала XIII в. нов. эры. Доказательству этого положения будет посвящена отдельная глава во втором томе наших очерков.

В процессе образования Вилюйской колонии необходимо подробно остановиться на массовых переселениях поздних вилюйчан, положивших начало и колонизации Якутского округа.

Глава IV

ПОЗДНЯЯ СТАДИЯ КОЛОНИЗАЦИИ ВИЛЮЯ

I. СМЕШЕНИЕ КОРЕННЫХ ВИЛЮЙЧАН С ЯКУТАМИ.

Мнение якутоведов, что вилюйские якуты переселились из Якутского округа, убегая от русских, не выдерживает серьезной критики. Оно еще имело бы под собой кое-какое основание, если бы казаки начали завоевание Ленского края со стороны Якутского округа и наступали на Вилой, задержавшись несколько лет на Лене. Фактически дело обстояло как раз наоборот. Еще Миллер и Фишер по рассмотрении исторических актов, относящихся к истории завоевания Ленского края, достоверно установили, что впервые нащупали якутов мангазейские казаки, оперировавшие в районе Ниж. Тунгуски: «Мало-помалу распространяя далее свои открытия, в 7128 (1620) году нашли они несколько тунгусов в верхних местах реки Вилуя, которые сообщили им первое, хотя весьма темное, известие о якутах по Лене». «Первый их приход к якутам воспоследовал в 7138 (1630) году. Их было 30 человек, и они пошли под предводительством Мартына Васильева Нижней Тунгуской вверх, а после Вилуем вниз до Лены, где, от живущих там якутов, взяли первый ясак, следующего года возвратились в Мангазею».[1]

В 1632 г. той же дорогой «воспоследовало из Мангазеи вторичное отправление на Лену» Степана Корытова.[2] Еще через два года попадает на Вилюй через Мангазею же боярский сын Воин Шахов и оперирует там со своим отрядом в течение семи лет.[3]

А походы енисейских казаков вниз по Лене в самый центр Якутского округа, как известно, начинаются с лета 1632 г.

При такой картине развития русских завоеваний якуты не могли массами спасаться на Вилюй, ибо это значило бы лезть из огня да в полымя. Но при дальнейшем развитии завоевательных операций казаков Якутский округ стал очагом восстаний, которые организовывались, главным образом, князьями Кангаласского улуса. Восстания оказались неудачными, ибо скоро

---

[1] Фишер. Сибир. истор. Стр. 360—361
[2] Там же. 362
[3] Там же. 371—372

обнаружилась старинная родовая вражда князей Амгино-Ленского плоскогорья с кангаласскими. Первые предпочли признать власть завоевателей, ибо этим маневром они сохраняли свое привилегированное положение и фамильное богатство. Это обстоятельство не только заранее обрекало на неудачу восстания кангаласцев, но и, повидимому, вызвало внутреннюю междуусобную борьбу. Историк Фишер, ознакомившись по актам, извлеченным проф. Миллером, с первыми якутскими восстаниями, пишет:

...«Галкин предложил якутам милость и прощение в их преступлении, ежели они впредь пребывая в покое оставят все неприятельские помышления и с ненарушимою верностью будут платить положенный на них ясак...».... «Некоторые склонились на оное и остались на прежнем месте. Другие, полагаясь на свои силы, пребывали в упорности своей, между сими особливо оказали себя якуты Кангаласской волости, как спустя два или три года после того якутский острог вновь осадили; и хотя они не могли ничего ему сделать, но другим образом причинили несказанный вред, и особливо весьма худо поступали с собратиею своею якутами, которые пребывали в ненарушимой к россиянам верности». (368 стр.).

Вот в эти-то периоды ликвидации кангаласских восстаний в исторических актах отмечено несколько случаев бегства на Вилюй небольших групп якутов Кангаласского улуса. Раньше мы указали на бегство в Оргоцкую волость (Ергюёт... Верхне-Вилюйского улуса) князца «кангаласского роду Сахейко с сыном Тоглойко», которые уходят «убив двух человек служилых людей». После усмирения второго восстания кангаласцев бежит на Вилюй одна группа якутов, повидимому, воинский отряд, и «Галкин, гоняясь за ними со 150 человеками семь дней, не мог нагнать их». (Фишер. 368 стр.). Да «в 40-х гг. XVII ст. вследствие насилий первого якутского воеводы Головина якуты, во главе с князцом Бойдоем, в количестве 200 человек убежали в Вилюйские горы».[1]

Вот все документальные данные, касающиеся бегства якутов на Вилюй за время усмирения их восстаний. Охотно соглашаемся, что может быть найдется и еще десяток случаев единичного и групшового бегства, не зарегистрированного письменными данными. Но тем не менее все это совсем не похоже на повальное переселение целыми наслегами и родами, в результате которого одна треть всего якутского населения очутилась в пределах Вилюйского округа. Повторяем, в положении якутов массовое переселение на Вилюй не имело никакого смысла, ибо это не спасало их от ясака и подданства завоевателям. Могли бежать лишь те роды, которые оказались в самом центре военных действий, в частности, население Сайсарской равнины, где теперь стоит г. Якутск. (Сайсарской равниной мы называем весь левый равнинный берег Лены, заключенный между двумя мысами северным и южным Ытык-Хайа, протяжением около 50 км). Кроме того, могли уходить в дальние места остатки разбитых отрядов, чтобы, смешавшись с населением окра-

[1] Доп. к Акт. Истор. т. III, 1848 г. стр. 36—37. (Цитируем по статье Г. А. Попова—Расселение якутов в XVII и XVIII ст. Изв. Якут. Отд. Русс. Геогр. Общ. Т. III стр. 43)

ин, избежать суда и расправы «за измену и шатость». Да и это спорадическое бегство развивалось не только в сторону Вилюйского округа, но и в Жиганск, Верхоянск, на Индигирку и дальше в Колымск, на Оймякон и т. д.

Как увидим дальше, по преданиям самих якутов, коренное якутское население Вилюйского округа образовалось не от порусского беженчества, а от беглецов эпохи владычества легендарного царя якутов Тыгына.

В настоящее время все якутское население Вилюйского округа, за исключением северных оленеводов, определяется в 79,037 д. об. п.[1] Из этого числа не трудно выделить якутов Якутского округа, примешавшихся к коренным вилюйчанам в разные исторические эпохи. У якутов, сохранивших сильные пережитки родовой организации, название рода может служить одним из главных признаков принадлежности их тому или другому отделу рода. Располагая роды вилюйчан и якутян в два параллельных ряда, мы можем легко установить родовые названия, исключительно свойственные тому и другому отделу. Это будут коренные вилюйчане и якутяне. Роды же, оказавшиеся как на Вилюе, так и в Якутском округе, очевидно, составят переходящий элемент. Допустим даже, что все родовые названия Вилюйского округа, имеющие свои параллели в Якутском, изобличают переселившихся в разные эпохи на Вилюй якутян. Ниже мы приводим статистические данные об этих родах, по материалам переписи 1917 г.[2]

I. КАНГАЛАССКИЕ РОДЫ НА ВИЛЮЕ.

А) В Хочинском улусе:

1. Нахарский наслег	937 д. об. п.
2. 1-ый Нерюктейский насл.	1708 » » »
	2645 душ.

Б) В Сунтарском улусе:

1. Кангалласский наслег	1761 »
2. Хоринский наслег	608 »
3. 2-ой Нерюктейский наслег	433 »
	2802 души.

В) В Нюрбинском улусе:

1. Кангалласский род в Егельжинском наслеге	182 д.
2. Род Нахара в Сюльском насл.	64 »
3. Мальжегарский наслег	1239 »
	1485 душ.

Г) В Мархинском улусе:

1. 1-ый Кангалласский насл.	1520 д.
2. 2-ой Кангалласский насл.	1000 »

[1] Г. А. Попов. Якутский край. Вып. II. Население и народности Якутского края. 1926. стр. 8

[2] М. П. Соколов. Якутия по мат. переписи 1917 г. Вып. I—II

3. Сатинский наслег . . . . . 224 »
4. Бестяхский наслег . . . . . 1289 »
4033 души.

Итого в Кангаласских родах Юго-Запад. Вилюя—10965 душ.

Д) В Верхне-Вилюйском улусе:

1. Кангаласский род во 2-м Чочуйском наслеге . . . . . 211 душ.

Е) В Средне-Вилюйском улусе:

1. Жемконский наслег . . . . . 993 д.
2. Кангаласский род в Кырыкайском наслеге . 52 »
3. Род Хахсык в Модутском насл. . . . . 180 »
1225 душ.

Ж) В Западно-Вилюйском улусе:

1. Род Хахсык в 1-м Батулинском насл. . 226 душ.
2. Род Нахара во 2-м Кулятском насл. . 31 »
3. Род Нахара в 1-м Угулятском насл. . . 168 »
1. Хоринский наслег . . . . . 434 »
2. Хоринский наслег . . . . . 124 »
983 души.

Итого Кангаласских родов в Северо-Восточном Вилюе . . . . . 2419 душ.

В пределах всего Вилюйского округа Кангаласских родов . . . . . 13,384 д.

II. РОДЫ НАМСКОГО УЛУСА НА ВИЛЮЕ.

В Средне-Вилюйском улусе:

1. Модутский наслег за искл. Хахсыт. рода . 53 д.
2. Атамайский род во 2-м Тогуйском нас. . . 129 »

В Верхне-Вилюйском улусе:

3. В трех Юёдюгейских наслегах . . . . . 3671 д.
4. Род Бётюнг во 2-м Чочуйском нас. . . 59 »
5. Намский наслег . . . . . 1002 »

В Мархинском улусе:

6. Одейский наслег (Юёдэй) . . . . . 1235 д.

Итого в Намских родах на Вилюе . . . . 6149 душ.

III. РОДЫ С УЛУСОВ АМГИНО-ЛЕНСКОГО ПЛОСКОГОРЬЯ.

1. В Средне-Вилюйском улусе:

Борогонский род в наслеге того же названия . 198 д.
Борогонский же род в Коткуйском нас. . . . 118 »
Мегинский род в Мукучинском нас. . . . . 85 »

2. В Мархинском улусе:

Род Ёспёк в насл. Хорула . . . . . 204 »
Тот же род в Асыкайском насл. . . . . 59 »

3. В Нюрбинском улусе:

Род Мэнгэ в 1-м Бордонском насл. . . . 225 душ.

4. В Сунтарском улусе:

Род Ботурусский в 1 Жарханском насл. . . 388 душ.

5. В Хочинском улусе:

Род Легойский во 2 Жарханском насл. . . . 251 душа.

Род Алданский в Сунтарском насл. . . . . 242 »

Итого в родах с улусов Амг.-Ленского плоскогорья . . . . . 1770 душ.

Во всех вилюйских родах, имеющих параллели в Якутском округе, в настоящее время числится . . . . . 21,293 души.

В числе родов Якутского округа мы включили население трех Юёдюгэйских наслегов б. Верхне-Вилюйского улуса, так как с лингвистической точки зрения имя Юёдюгэй идентично с названием паслега Юёдэй в Намском улусе. (Выпадение срединного «г» есть явление обычное в турецких наречиях). Раннее проживание Юёдюгэйских родов в Якутском округе подтверждается и наличием Юёдюгэйского наслега в Эльгетском улусе на р. Индигирке.

Таким образом, сравнением родовых наименований Якутского и Вилюйского округов устанавливается, что, из 80-ти тысяч душ современных вилюйчан, 60 тысяч должны быть показаны, как коренные вилюйчане, а 20 тысяч, как максимальное число якутян, позже переселившихся на Вилюй. Фактически количество якутян, конечно, значительно меньше этой цифры, ибо в составе их крупных родовых объединений не могли не попадать мелкие туземные роды. В виде исключения могли быть и такие случаи, когда небольшой род якутян, возглавляя подавляющую массу более отсталых аборигенов, образовал новую административную единицу, присвоив ей свое родовое название. Но мы не будем вносить поправку в указанную цифру. Пусть все 20 тысяч будут признаны бесспорными якутянами. Однако, при доказанности ранней колонизации Вилюя якутами-скотоводами, вправе ли мы переселение всех вилюйских якутян приурочить только к эпохе русского завоевания? Конечно, нет, ибо роды якутян легко могли застревать на Вилюе при их переселениях из Прибайкалья. Кроме того, могли бежать на Вилюй и ранние колонисты Якутского округа при наплывах новых волн с юга.

Большая половина якутян, осевших на Вилюе, принадлежит родам обширного Кангаласского улуса. Интересно то, что из них 11 тысяч душ расселились в пределах Юго-Западного Вилюя, и только 2 тысячи в Северо-Восточном Вилюе. Если бы эти кангаласцы бежали из Якутского округа, то большинство их мы обнаружили бы в Северо-Восточном Вилюе, сопредельном с Якутским округом. Это обстоятельство свидетельствует о том, что роды Кангаласского улуса застряли на Вилюе при переселениях с юга, а не из Якутского округа. Затем, в пределах Южного Вилюя мы находим два Нерюктейских и один обширный Нахарский паслег. Сопменные с ними наслеги в Якутском округе расположены на правом берегу Лены. Так как массовое переселение со скотом могло совершаться в летнее время, то упомянутые нерюктейцы и нахарцы никоим образом не могли бы попасть в Юго-Западный

Вилюй, ибо для этого им пришлось бы преодолеть трудную переправу через широкую Лену.

В Олекминском округе имеются тоже два Нерюктейских наслега с 2420 д. об. п. Таким образом, всех нерюктейцев, вилюйских и олекминских, насчитывается 4561 д., а в Восточно-Кангаласском улусе Якутского округа в трех Нерюктейских наслегах число душ равняется едва лишь 1487. Иными словами, главная масса нерюктейцев осела в Южном Вилюе и в Олекминском округе, и лишь одна четвертая часть их добралась до Якутского округа. Больше данных говорят за то, что нерюктейцы и нахарцы попали на Вилюй и Олекму при поздних переселениях якутян из Предбайкалья. Основное ядро олекминских якутов, несомненно, составилось из остатков последних переселенцев из Предбайкалья, в своей массе проследовавших в Якутский округ. Это будут нерюктейцы, мальжегарцы и часть нахарцев. И относительно четырех крупных вилюйских наслегов с наименованиями—Хангалас, Бэстээх, Малльагар и Хоро (в офиц. докум.—Кангаласский, Бестяхский, Мальжегарский и Хоринский) у нас нет никакой уверенности в том, что они попали на Вилюй лишь в эпоху русского завоевания, а не ранее. Порусскими беженцами на Вилюй, с большей вероятностью могут быть признаны лишь мелкие вкрапления кангаласских родов в наслеги коренных вилюйчан и ранних кангаласских переселенцев. Тем более роды Намского улуса и улусов правого берега Лены, обнаруживаемые среди коренных вилюйчан, в своем большинстве могли образоваться из беженцев, хотя и Якутского округа, но дорусской эпохи. Дело в том, что новые волны переселенцев из Прибайкалья должны были вливаться в долину самой Лены, выталкивая из ее пределов колонистов-старожилов.

Что же касается коренных вилюйчан, то они, вне всякого сомнения, в Якутском округе никогда не живали, а переселились на Вилюй непосредственно из Предбайкалья. Основываясь на изучении героических сказаний коренных вилюйчан, колонизацию Вилюя мы разделили на две эпохи, раннюю и позднюю. Если ранняя эпоха характеризовалась постепенным наплывом небольших групп вольных и невольных переселенцев в течение очень длительного срока, то колонисты поздней эпохи, вероятно, нахлынули большими массами. К этому выводу мы приходим потому, что легендарные герои поздних вилюйчан представляются прародителями весьма многочисленных родовых объединений, как, например, жархащев (10451 душа), бордонцев (7442 души) и т. д. Кроме того, эти герои ведут борьбу с Тыгыном, легендарным якутским царем. Так как Тыгын в вилюйских легендах является олицетворением всех якутян, то и герои поздних вилюйчан, очевидно, представительствуют за весь вилюйский отдел якутского народа.

В вилюйском вопросе мы наталкиваемся на второй серьезный пробел якутологии царского периода, порожденный великодержавным верхоглядством на культурную жизнь малых народов. Как старые якутоведы не имели отчетливого представления о разделении якутского племени на две самостоятельные культурно-хозяйственные группы—на северную олепеводческую и южную—скотоводческую, точно так же до сих пор отсутствует правильная

классификация якутов-скотоводов на два крупных отдела, на якутян и вилюйчан. А между тем это деление, повидимому, искони было присуще и якутскому народному самосознанию. Научная якутология базируется исключительно на материалах, добытых в пределах Якутского и отчасти Верхоянского округа, а Вилюйский округ в этнографическом отношении остается почти не изученным. Знаменитая Сибиряковская экспедиция совершенно игнорировала население Вилюйского округа, хотя, как мы знаем, там живет больше одной трети всего якутского племени. Мы несравненно больше знаем о культурном облике верхоянского якута (по «Верхоянскому Сборнику» И. А. Худякова), а вилюйчанин и Вилюй все еще остаются terra incognita.

Этнографическая литература о вилюйских якутах ограничивается двумя устарелыми работами: Кларка—«Вилюйск и его округ»[1] и Маака—«Вилюйский округ Якутской области»[2], не считая нескольких статей и заметок еще менее сведущих авторов. Первый автор был полицейский чин, исправник, а второй—натуралист, пусть даже и знаменитый. Оба не владели якутским языком и мера их понимания в вопросах якутской культуры вряд ли превышает познания рядовых казаков, служивших им переводчиками. Мы до сих пор не имеем ни одной опубликованной богатырской былины вилюйских якутов (запись Маака в счет не идет), нет ни одного сборника, посвященного их мелкому фольклору, мы не имеем понятия и об остатках их дохристианских верований. (За исключением одной ысыаховой песни по крайне неудовлетворительной записи Миддендорфа). Говор вилюйских якутов остается тоже не изученным.

Вот это отсутствие точных знаний о духовной культуре вилюйских якутов, о своеобразии их областного типа, до сих пор служит главной преградой в деле уяснения различных этапов в древних якутских переселениях из Прибайкалья на север. Само собой разумеется, мы не можем винить старых работников-якутоведов в указанном пробеле наших научных знаний о культурных отличиях очень крупного отдела якутского племени. Это обстоятельство лишь характеризует отсутствие плановости в накоплении этнографического материала и господство счастливого случая в деле изучения быта мелких народов. Последние в деле изучения своего быта, можно сказать, питались лишь теми жалкими крохами, которые случайно падали со стола великодержавной науки. Некоторую долю нареканий можно было бы направить лишь по адресу руководителей Сибиряковской экспедиции, которые имели полную возможность часть своих научных сил уделить изучению вилюйских якутов.

Однако, установление элементов духовной культуры коренных вилюйчан в настоящее время представляет нелегкую задачу, ибо, указанная выше, 25% примесь к ним поздних переселенцев из якутян, безотносительно к вопросу о том, откуда они прибыли на Вилюй, не могла не создать картину полного смешения мира вилюйского и якутского. Якутяне, явившись на Вилюй в

---

[1] Зап. Вост. Сиб. Отд. Русс. Геогр. Общ. 1864 г. VII, 91—165 стр.
[2] Спб. 1887 г. Ч. 3,

качестве грозных завоевателей и представителей господствующего отдела своего племени, вероятно, заняли повсеместно командующее положение среди коренных вилюйчан. В Юго-Западном Вилое мы находим весьма полные и интересные варианты сказаний о прародителях Омогое и Эллэе, несомненно, занесенные ранними канталасскими переселенцами, о борьбе якутского царя Тыгына с русскими, пришедшими на Вилюй с порусскими беженцами из Сайсарской равнины. За вычетом этих сказаний, свойственных центральным якутянам, у поздних вилюйчан остается весьма содержательный и богатый цикл местных преданий, к рассмотрению которого мы теперь и перейдем.

2. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВИЛЮЙСКИХ ЯКУТОВ ПО ИХ ЛЕГЕНДАМ.

Зимою 1925 г. нам удалось записать девять разных вариантов генеологических сказаний вилюйских якутов: два в Сунтарском улусе, четыре в Мархинском, один в Нюрбинском и два в Хочинском. (Элл. §§ 278—281, 240, 245, 242, 244, 296—307, 268—270 и 266). Первоначальными носителями этих сказаний, повидимому, были многочисленные роды, носящие общее название «Джаархан», разбросанные по всему Юго-Западному Вилюю. В настоящее время сохранились пять наслегов с названием Джаархан с числом душ 10451 (по данным 1891 г.), но в старину их было, несомненно, больше, ибо от них постепенно выделялись новые административные единицы, присвоившие иные родовые названия, например, наслеги Тюмюк, Таркай и Хорула в Мархинском улусе, Кугдаар и Токос в Сунтарском улусе, Торбуох и Хадан в Хочинском. До переселения на Вилюй джаарханцы, по всей вероятности, жили одной компактной массой и составляли большой улус, главенствующий над всеми вилюйчанами.

Джарханские герои в легендах представляются прародителями всех якутов современных четырех улусов Юго-Западного Вилюя, Мархинского, Нюрбинского, Сунтарского и Хочинского, т. е. 45000 душ населения.

Историческое значение можно придавать лишь тем легендам, в отношении которых доказано, что они не являются продуктом случайной фантазии единичных рассказчиков, повторяются с большим постоянством в разных местах и многими сказителями. Типические, т. е. часто повторяющиеся, элементы легенды и составят самый важный научный источник, в котором нашла то или другое отражение историческая действительность. Вот почему необходимо просмотреть основные сюжеты всех записанных нами вариантов, сравнивая их друг с другом.

1—2 СУНТАРСКИЕ ВАРИАНТЫ. (Элл. § 278—283).

А). На Вилюе до прихода якутов живет иноплеменный народ «Тумат». Праматерь вилюйских якутов происходит из этого не-якутского племени, зовут ее Джаардаах, она отличается мужеством, красотой и даже наряду с мужчинами участвовала в лучном бою. Ее хотят убить свои люди. Она бежит. По другому варианту,—туматы истребляются тунгусами и девушка спасается от них бегством. Она плывет на плоту вниз по р. Вилюю.

Б). Добравшись до Лены, девушка находит жительство якутов. Отец Тыгына, по другому варианту,—сам царь Тыгын, принимает девушку к себе наложницей («оджолуун джахтарынан»). От нее рождаются четыре сына: Быркыйгаа-Боотур, Тойук-Булгудах, Босхонг-Бэлгэтии и Ала-Кырсын (в др. вар., вместо последнего Ырыа-Боотур). Сыновья—отборные мужи, искусные борцы и хорошие охотники за исключением одного, который был калекой от рождения.

В). Сыновья Джаардаах не уживаются с Тыгыном, который был сыном главной жены. Быркыйгаа в драке окровавил его лицо. (По др. вар., им завидуют сыновья других жен Тыгына). Старуха-мать советует сыновьям бежать на Вилюй: «Нам здесь не дадут житья, бежим на мою родину».

По одному варианту, братья с матерью бегут через Олекминский край, по другому,—«собрались около 20 человек и тайно бежали».

Г). Тыгын посылает в погоню за беглецами войско. Начинается перестрелка. По одному варианту, после короткой перестрелки Тыгын возвращается назад. По другому,—его войско уничтожено беглецами, он посылает новое войско, но братья, по совету матери, бегут из Олекминского края в Хочинцы, т. е. в Южный Вилюй.

Д). На Вилюе братья истребляют старожилов туматов, а по другому варианту, побеждают тунгусов, живших в Хочинцах и вынуждают их к бегству. Затем один из братьев отправляется вниз по Вилюю воевать с тунгусами, жившими около Нюрбы. Последние, по совету шамана, заранее бегут на запад.

Е). От названных братьев размножились Жарханекие наслеги Хочинского, Сунтарского, Нюрбинского и Мархинского улусов, а также наслеги Хадан и Бакамда Хочинского улуса.

Главным героем вилюйчан представляется Быркыйгаа-Боотур, старший сын Джаардаах. Он поселяется на Нюрбе, воинственные омолдощы его прямые потомки,—«люди с упрямыми и жестокими нравами».

Ж). Интересно то, что якутский царь Тыгын, ведя войну с каким-то иноплеменным народом, (по одному варинту, с борогонским Бэрт-Хара. Борогон—название улуса в Якутском округе), зовет на помощь Быркыйгаа-Боотура, уже переселившегося на Вилюй. Быркыйгаа-Б-р пришел и враги Тыгына были побиты. Быркыйгаа перед сражением издает крики ворона, взывает к божествам и машет над головой остро отточенной пальмой: тогда с неба «вспрыскивало кровавым дождем» или «на острие его пальмы упал с неба сгусток крови». Так будто бы делали старинные якуты.

Тыгын одарил Быркыйгаа скотом, людьми и дал в жены одну красивую девушку.

(О борьбе Тыгына с народом Есёх-Ууса Борогон и о двухкратной военной помощи предка вилюйчан, его брата Быркыйгаа, говорится еще в одном мархинском варианте, который мы не включили в свой пересказ ввиду его краткости). (Элл. § 237).

3). Весьма любопытный момент в вилюйских сказаниях представляет из себя сюжет чудесного выздоровления брата-калеки во время боя с войском Тыгына. Он «распорол живот своей тетки и съел жир с ее печени и сердца, после того его нога оказалась вполне здоровой», он неожиданно превращается в страшного воина и начинает истреблять войско Тыгына.

Один из сунтарских сказителей, 70-летний старик, передает легенду со слов своего умершего отца.

3. ПЕРВЫЙ ВАРИАНТ МАРХИНСКОГО УЛУСА. (Юёдюгейский) (Элл. 240).

А). Сказитель знает сюжет о тунгусах Нюрбаахы, живших около озера Нюрбы и истребленных другим тунгусским племенем. Из бойни спаслась одна девушка, которая добралась до Якутского округа и зашла в дом одной богатой старушки. Сын последней полюбил эту девушку и женился на ней. Но сказитель этот сюжет не увязывает с праотцами вилюйских якутов.

Б). Вилюйский герой Быркынгаа-Боотур был сыном Сар-Баая от младшей жены, а Тыгын—сыном от старшей жены.

В). Однажды Тыгын ведет войну с каким-то народом Хаан-Хангынай и просит брата Бырк. Б-ра помочь ему. Последний не оказывает просимой помощи. Тыгын стал бить его. Бырк. в драке окровавил у Т-на лицо.

Бырк. Б. был женат на женщине из племени Тумат. Она советует мужу: «Тыгын не снесет этой обиды и убьет тебя. Нам нужно бежать в Кыйаар, в беспредельную даль. («Так в те времена называли Вилюйскую страну»). «Быркынгаа, взяв жену, мать и немного скота, бежал на Вилюй».

Д). Бырк. Б. около Нюрбы убивает одного человека по имени Кэтит-Ойогос-Кэтирэй, которого он называет своим «кровным врагом из Хаан-Хангалас—из ханских Кангаласцев».

Бырк. Б., убив врага, «вытащил сердце и печень его, зажарил и съел, приговаривая: «Вот уже, как съедаю сердце и печень третьего человека».

Е). От убитого осталась жена с грудным ребенком. Бырк. Б. берет ее второй женой. Сына этой женщины звали Сююлэ-Бёгё. Позже последний взял жену из Нюи и народил восемь сыновей. От младшего из них произошел Сюльский наслег в Нюрбинском улусе, а от других братьев семь наслегов Хочинского и Сунтарского улусов. От самого Б. Б-ра потомства не было.

Сказителю 83 года. Он по происхождению не коренной вилюйчанин, а якутянин.

4. ВТОРОЙ МАРХИНСКИЙ ВАРИАНТ. (Кангаласский. Элл. § 245).

Б). Предками вилюйских якутов считаются два брата. Быркынгаа и Босхонг-Бэлгээни. Последний был калекой от рождения и до 30-летнего возраста не мог ходить и говорить. Они были детьми младшего сына Эллэй-Боотура (мифический предок всех якутов) Ёнчёх-Ёнюгея от его второй жены, тунгуски по имени Лэглэйнэхе. От первой (старшей) жены родился Тыгын.

В). Во время нашествия русских Тыгын просит у Быркынгаа перо орла. Последний не дал. Мать Бырк. советует ему бежать, «ибо Тыгын не забудет обиду и взыщет». Кроме того она видела дурной сон:

«Наша страна была залита кровью и я была в страшном смятении». Бегут на Вилюй.

Г). За ними гонится войско Тыгына.

З). Поспешно снимаясь с лагеря, калеку бросают на произвол судьбы. Когда подошло войско, калека неожиданно вскочил с криком. Он вырывает с корнем растущую лиственницу... «Войско Тыгына, увидев его, испугалось и пошло назад».

Сказителю 30 лет, по происхождению кангаласец.

5. ТРЕТИЙ МАРХИНСКИЙ ВАРИАНТ. (Омолдонский. Элл. §§ 242, 243 и 260).

А). До прибытия якутов на Вилюе живут тунгусы Нюрбогаты.

Б). Предки вилюйчан Быркынгаа-Бёгё и Босхонг-Бэлгэтин—братья Тыгына, но от другой матери. Тыгын считался властелином. Сын Тыгына Чаллаайы-Бёгё и зять Бэрт-Хара постоянно воевали и истребляли людей. Их подвигами Тыгын заслужил себе большую славу. Тыгын имел привычку убивать своих сыновей, «опасаясь, что они по силе и славе могут превзойти его самого».

В). Мать Быркынгаа советует сыну «искать другого места для жительства», ибо Тыгын «скоро придет убить тебя». Братья с матерью бегут на Вилюй, который считался тогда «далекой окраиной».

Г). Тыгын с зятем Бэрт-Хара и с войском гонится за беглецами. Быркынгаа по дороге в одном месте повесил железное стремя на пень и пробил стрелой пятку стремени.. Тыгын, увидав эту примету, испугался и вернулся назад.

Д). Быркынгаа, добравшись до Вилюя, взял жену из тамошних тунгусов Нюрбогатов и родил трех сыновей—Таркая, Оноху и Омолдоона. Оноху—предок Сюльского наслега. Омолдоон родил девять сыновей, от которых размножились люди девяти наслегов. Таркай—предок Таркайского наслега.

6. ЧЕТВЕРТЫЙ МАРХИНСКИЙ ВАРИАНТ (Кангаласский Элл. § 244).

А). До прибытия якутов на Вилюй около Нюрбы жили тунгусы Ньылбаахы. (Искажение имени Нюрбаахы).

Б). Предками вилюйских якутов считаются четыре брата—Быркынгаа-Боотур, Кулугур, Нуораллыма-Бэлгэтэ и Тойук-Булгудах. Они были братьями Тыгына, но от другой матери, родом из племени Тумат, которая жила наложницей у отца Тыгына. Последний родился от старшей и законной жены.

В). Однажды мать братьев советует им: «Бегите на Жирный Вилюй, ибо старший брат ваш не даст житья».

Г). Братья «переселялись по тайге через Хочинцы. Два брата остались жить в Хочинцах, третий брат на Суптаре, а Быркынгаа в урочище Чапчангда.

Д). Братья истребили на Нюрбе тунгусов Ньылбаахы. Кроме того Быркынгаа там же убил одного человека, а жену его с 3-х месячным ребенком взял к себе.

Е). От Быркынгаа родились Таркай и Омолдоон. У последнего было 17 сыновей. (Очевидно, каждый из них предок отдельного наслега. От упомянутого выше 3-х летнего мальчика размножился Сюльский наслег).

7. ПЕРВЫЙ ХОЧИНСКИЙ ВАРИАНТ. (Бордонгский. Элл. § 296—303).

А). На Нюрбе до якутов жили 10 домов тунгусов Нюрбочанов, которые из тальниковой коры вязали сети и питались рыбной ловлей. Однажды пришли люди из племени Тумат (20 домов) и истребили всех Нюрбочанов. От побоища спаслась одна девушка. Она села на берестяную ветку и поплыла вниз по Вилюю с одной тальниковой сетью.

Б). Доплыв до Лены, она по приплывающим щепкам со следами рубки решила, что выше по реке живут люди, и поплыла вверх. Доплыв до жительства Мунньана, отца Тыгына, осталась жить у него, «присматривая за скотом». Мунньан сделал ее женой коровницей. От нее родились три сына, Тойук-Булгудах, Босхонг-Бэлгэти, глухой и немой от рождения, и младший Сююрюк-Быркынгаа, и еще одна дочь.

После смерти отца дети коровницы «остались жить у Тыгына в качестве его скотников», «кормились, охраняя его скот».

В). Братья были хорошие охотники, «отличались силой и молодечеством».

Сын Тыгына Чаллаайы-Бёгё опасается, «что эти потомки тунгусов, видимо, будут стойки и неуловимы на войне» и берет с них обязательство, что «они не восстанут» против него. Сам Тыгын, обвиняя братьев в плохом присмотре за его скотом, набросился на Тойук-Булгудаха с пальмой. Последний, вырвав пальму из рук Тыгына, избил его тыльной стороной пальмы.

Мать советует сыну:

«Тыгын, собрав своих сыновей и войско, погубит всех нас. Лови скорей лошадей... бежим.. в мои родные места».

Братья, по совету матери, берут 10 коней, одного жеребца и четырех кобыл, «чтобы, когда они ожеребятся, питаться их удоем».

Г). Тыгын с отрядом из 40 всадников гонится. Когда Тыгын нагнал, Тойук-Булгудах умоляет его, величая «повелителем и старшим братом», отпустить, ибо «я уходил не с мыслью посрамить твое имя и умалить твой сан».

Тыгын открывает стрельбу... Младший брат Быркынгаа все стрелы Тыгына ловит на лету. Братья не желают убивать Тыгына и показывают ему лишь свою меткость: Т. Булгудах прострелил мягкий кончик большого пальца Тыгына. Последний восхищается молодечеством братьев и говорит: «Дети мои, вы решили правильно, что уходите, верно нам не ужиться вместе». Примирившись, он отдал им из пригнанного скота коней и кобыл и сказал:

«Если повезет вам в борьбе с племенем Тумат и устроитесь там своим хозяйством, приходите ко мне взять из рогатого скота.

Братья едут дальше. Дорогу указывает им старуха-мать. Добрались до Нюрбы.

Д). Там жили туматы в сорока шатрах. Братья нападают на них ночью и избивают всех. Спасся бегством лишь один из туматов. Стали жить, «овладев оленями убитых».

Е). Быркынгаа имел трех сыновей: старший Торбуох, средний Таркай и младший Омоллоон. Таркай был «замечательный охотник».

Потомство Быркынгаа образовало наслеги—Торбоховский (Хочин. ул.), Таркайский, Омолдонский, Накаас (На Нюрбе).

Ж). На следующее лето братья отправились «к своему старшему брату Тыгыну... Получили от него и пригнали с собою 20 голов рогатого скота».

3) Брат, калека, привезенный на Вилюй, чудесно выздоравливает при следующей обстановке. Из Якутской стороны прибыл новый беженец, некто Бордонг. Он рассказал, что «пришли русские люди истребили ваших родичей, Тыгына... Я бежал от этой войны». Бордонг спрашивает у братьев: «Как вы приехали в этот край, а я прибыл с неимоверными трудностями». Братья отвечают ему: «Да и мы пробрались с огромным трудом».

Калека пальмой отрубил голову коня Бордонга и напился крови, струившейся из его горла... «обрел речь и стал слышать».

Вслед за Бордонгом «беспрерывно стали прибывать беглецы на конях».

И). От Бордонга, женившегося на сестре братьев, произошли Бордонгские наслеги.

Сказителю 62 года, он слышал легенду от глубокого старца Константина Ачыясова (Торбоховского насл.), умершего 95-ти лет от роду. Последний рассказывал со слов своего деда Афанасия Ачыяса, умершего, достигнув 120-летнего возраста.

8. ВТОРОЙ ХОЧИНСКИЙ ВАРИАНТ. (Чонский). (Элл. § 304—307).

А). На Вилое у озера Нюрбы живут тунгусы в 40 шатрах. Праматерь вилюйчан происходит от тунгусов, живших около озера Есей и истребленных одним пришлым народом. (В роли этого народа у рассказчика выступают нууча—русские).

Б). Одна 15-тилетняя девушка, попав в плен, убегает. Она, найдя верховья Вилюя, плывет по ней до Лены. Там находит местожительство отца Тыгына. Так как она была очень красивая, отец Тыгына, сделал ее своей побочной женой. Ее звали Джаархан (т. е. название Джарханских родов происходит от ее имени). Она родила несколько сыновей, из которых известны—Босхонг-Бэлгэти и Тойук-Булгудах. Тыгын же сын старшей жены.

В). «Когда отец умер, Тыгын стал обижать и всячески притеснять своих братьев, сыновей матери тунгуски. Ужиться с ним было невозможно».

«Старуха Джаархан говорит сыновьям:

Теперь когда отец ваш умер, Тыгын не даст житья. Нам необходимо бежать на реку Вилюй»... «В старые годы, плывя по ней, я заметила, что там обилие всякой дичи и зверя».

Она советует ехать не прямо на Вилюй, а через Олекминск и потом свернуть на Вилюй.

«Весь многочисленный конный скот, который имели, погнали с собой... Настала зима и конный скот погиб по дороге, будучи не в силах добывать корм из-под снега. Осталась лишь одна пегая кобылица».

В Олекминском крае «набрели на одно рыбное озеро и остановились здесь, чтобы запастись пищей. Наловили рыбы, насушили впрок и сами наелись».

Г). Тыгын с сыновьями Чаллаайы, Бётюйэ-Сююрюк, всего в составе семи человек, гонятся. В одном месте Тыгын нагнал бегущих и начинает обстреливать их через речку Джэрбэ. Тойук-Булгудах ловит все стрелы руками. Тыгын, исчерпав весь запас стрел, возвращается.

Братья, идя по речке Кэмпэндээйи (где добывается каменная соль), нашли Вилюй. Сделав плот, плывут вниз. Мать советует:

«Там ниже я видела большое озеро, разыщем его и будем жить, пропитываясь рыбой».

Мать при плавании определяет каждую речку, впадающую в Вилюй, ибо раньше, засучив из своего волоса нить, отмечала узлами устье каждой речки.

Д). Наконец, добрались до Нюрбы. Братья ночью нападают на тунгусов, живущих в 40 шатрах, и истребляют их. Часть тунгусов, бросив оленей, убегает.

«Братья овладели стадами оленей убитых и ушедших тунгусов».

Е). По совету матери, братья возвращаются вверх по Вилюю и «поселились по озерам в пределах современного Хочинского улуса».

З). Выздоровление брата-калеки происходит при следующей обстановке. Беглецы оставили его в Олекминском крае, ибо пегая кобыла под его тяжестью «остановилась в изнеможении». Братья, думая, что калека умер, возвращаются с намерением похоронить его. Калека уже сидел на суку дерева и обрел речь, тогда как раньше был немой. Его посадили на кобылу и вернулись в свой табор. Здесь калека каким-то образом «достал пальму, распорол живот одной тетки и нализался ее крови. После этого он выздоровел, стал говорить как следует и владеть ногами...» «стал необычайно силен и проворен в беге».

Сказителю 70 лет, якут Чонского наслега—Тимофей Попов.

9. НЮРБИНСКИЙ ВАРИАНТ. (Элл. § 268—270).

А). Вилюй раньше принадлежал народу Туман (вариант имени Тумат). Из их среды во время междуусобной войны бежит одна женщина, имея при себе одну рыболовную сеть. Плывет по Вилюю на берестяной ветке[1].

[1] Ветка—лодочка

Б). Добравшись до Лены, она находит отца Тыгына и сделалась его побочной женой. Она родила трех сыновей: старший Быркынгаа-Боотур, средний Кулугур-Бэргэн и младший Босхонг-Бэлгээти. «Они были очень бедные люди», а Тыгын же был сын от законной жены. Быркынгаа-Б. ловил рыбу мордами.

В). Однажды Тыгын, встретив Быркынгаа-Боотура, идущего домой, «осмотрев свои рыболовные морды», стал укорять его:

«Зачем это вы нарушаете границы моих земель» и начал бить Б. Б-ра рукояткой своей волосяной махалки... и кулаками. «Быркынгаа отобрал махалку и, защищаясь, поранил его лицо».

Мать советует бежать «Кыйаарга»—в беспредельную даль... «на мою родину. Раньше якуты так называли Вилюйский край».

«Они имели одну единственную корову с теленком. Теленка закололи на мясо, а корову повели на поводу. Младшего брата-калеку навьючили на корову и по дороге кормили ее молоком».

«Добрались до Вилюя... Стали жить, промышляя себе пищу охотой, рыбной ловлей и выскребая сосновую кору».

Г). Когда братья уже поселились на Вилюе, вдруг—«пришло войско Тыгына. Началась перестрелка... Продолжалась три дня и три ночи. Жены их из сосновой коры готовили пищу и приносили мужьям, пока они были заняты стрельбой. Стрелялись, стоя на противоположных берегах реки».

«Быркынгаа поет песню, которая дает воодушевление в битве. В этот момент на острие его копья упал сверху сгусток крови. В это же время происходит чудесное исцеление калеки, который присоединяется к воюющим братьям (см. ниже «З»). Войска Тыгына стали ослабевать»... «Увидев калеку в рядах братьев, Тыгын струсил и возвратился обратно в Якутский край».

Е). Один из братьев остался в теперешнем Верхне-Вилюйском улусе, двое других пошли вверх по Вилюю и «там на озерах Муосаны, Чаппангда пропитывались охотой». Быркынгаа поселился в Сунтарском улусе, от него произошли наслеги: Джаархан, Кугдаар, Токос, Бутукай, Тирэгэ, Тюбэй-Джаархан.

От Босхонг-Бэгээти произошли наслеги: Джаархан, Этиспилээх, Тюмюк, Хорула, Тонгуо, Ууну. Босхонг-Б. имел двух сыновей, старший Таркай, младший Омолодоон.

З). Чудесное выздоровление брата-калеки (Босх. Б.) происходит во время битвы его братьев с войском Тыгына. Он, «выхватив с шестка нож для выскребания коры, одним взмахом разорвал живот ей (одной из теток) и вытащил сердце с печенью. Съел их и, приложившись к текущей крови, стал пить глотками». Тотчас же он получил способность двигаться и присоединяется к сражающимся братьям. Это обстоятельство решает победу над войсками Тыгына.

И). Позже переселился из Якутского края один человек по имени Наахара и поселился в местности Быар. С ним ведет борьбу второе поколение вилюйских героев—Омолдоон, сын Босхонг-Бэлгэтии. В происшедшей битве

Омолдоон одержал победу и противники помирились. Наахара, по обычаю того времени, «в знак изъявления покорности, выдал девицу в полном брачном наряде». Затем, боясь Омолдоона, переселился в пределы Хочинского улуса.

«После победы Омолдоон вернулся домой, привязав к торокам окровавленные головы убитых противников и держа на острие копья их сердце и печень».

Мы привели содержание основной части вилюйского героического эпоса. К ней тесно примыкают еще две группы легенд, являющихся побочными ответвлениями вилюйского цикла. Это—сказание о воинственном Омолдооне и о Тюлюён-Шамане, прародителе якутов, носящих общеродовое название Бордонг.

3. ЛЕГЕНДЫ О ВОИНСТВЕННОМ ОМОЛДООНЕ.

Вилюйские легенды об Омолдооне интересны для нас потому, что они сохранились и в Амгино-Ленском плоскогорье Якутского округа, свидетельствуя о ранней колонизации этого края выходцами из Вилюя. Сказание об Омолдооне записано нами в семи вариантах. Он герой по преимуществу Мархинский. (Пять вариантов в Мархинском ул., один вар. в Нюрбинском и один в Хочинском). (Элл. §§ 243, 271, 244, 266, 247, 238 и 303). Здесь мы вкратце передадим наиболее популярные элементы сюжета, не вдаваясь в мелочи.

Омолдоон—младший сын Быркынгаа-Боотура, при смерти отца остается малолетним на попечении своего старшего брата Таркая. Последний при смерти отца намеревался было похоронить Омолдоона вместе с ним в качестве сопровождающей жертвы, но умирающий отец воспрещает это, ибо, де, Омолдоон «размножит большое потомство и станет праотцем людей».

Омолдоон в детстве был большой озорник и творил всякие шалости. За это не взлюбила его тетка, жена Таркая, и нередко била мальчика. Таркай сделал Омолдоону игрушечный лук и посоветовал ему: если тетка опять начнет обижать, то выстрелить из этого лука в ее колено. Семилетний Омолдоон так и поступил, но, поранив тетку, испугался сам и сбежал из дому. Он набрел на каких-то тунгусов, которые кормились на Нюрбе рыбной ловлей. Омолдоон выстрелил из своего игрушечного лука и тунгусы, подумав, что пришло целое войско, убежали. Мальчик поселился в их жилье, воспользовался их запасами и стал рыбачить. (По другому варианту, он женится на тунгуске и поселяется вместе с ними. Потом истребляет их и, собрав их оленей, возвращается на родину). Он понаделал себе игрушечные дома, загоны и скот из камышей. Старший брат после долгих поисков обнаружил его местопребывание, подкравшись, поймал его и насильно привез домой. (В одном варианте сообщается, что мальчик нашел жилище древнего человека «холума» и прожил там целое лето).

Омолдоон возмужал и женился. Сначала был беден, имел всего-навсего четыре коровы и жил, «поедая отборный скот из стада своего старшего брата» (Таркая). (Элл. 303). Поэтому последний откочевал подальше от него

через речку Марху. По Хочинскому варианту, и другой брат Торбоух, опасаясь Омолдоона, переселился в Хочинцы. Позже Омолдоон разбогател и народил много сыновей. Чаще говорят о девяти сыновьях Омолдоона, а, по словам некоторых, он имел 16—17 сыновей.

Сыновья Омолдоона почитаются предками целых наслегов. Об его сыновьях говорится:

«Не знали равных себе соперников и первенствовали во всем крае». (Элл. 248).

По одной легенде, убив внука своего дяди Таркая, они говорят про себя: «Теперь на хребте обширного Вилюя нет человека, который посмел бы итти против нас». (Элл. 249). Между прочим, по именам его сыновей, устанавливается, что наслеги с названием Хангалас и Бэстээх признаются потомками Омолдоона (Элл. §§ 243, 244, 238, 247 и 266) или вообще Быркынгаа-Боотура (Элл. § 246). Оба наслега, как мы указывали раньше, должны быть выходцами из среды якутян.

За Омолдооном установилась слава непобедимого воина:

«Куда бы он ни приходил, везде выходил победителем». (Элл. § 238). Между прочим, он убивает одного витязя, живущего на Лене около Мачи (селю Нохтуйск). Он имел будто бы обыкновение возвращаться с поля битвы, привязав окровавленные головы убитых неприятелей к торокам своего седла. Поэтому об его прямых потомках сложилась весьма популярная поговорка:

«Ездящие с окровавленной человеческой головой на тороках великие (или грозные) омолдонцы». (Элл. 243, 271, 266, 238 и 303).

Существует и другая поговорка, которая характеризует богатое и привольное житье:

«Житье Омолдоона, пиршество Таркая».

Между прочим, эта поговорка известна повсюду и среди якутов Якутского округа.[1] В Амгино-Ленском плоскогорье, повидимому, не знают имени Таркая, но среди кангаласцев и намцев поговорка в ходу в вилюйской форме.

В Мархинском улусе (в Кангаласском наслеге) нами записана в двух вариантах красивая легенда, свидетельствующая об упорной и длительной вражде между потомками двух сыновей Быркынгаа-Боотура, Таркая и Омолдоона. (Элл. 248—252, 253—254). Сын Таркая, старец Боруллуо, имеет единственного сына по имени Тоторбот. Омолдоон, тоже глубокий старик, имеет девять сыновей. Обе семьи рисуются владельцами многочисленных табунов конного скота. Владения их, повидимому, разделяются большою рекой, но сказители, перенося все легендарные события на территорию своего Вилюя, приурочивают эту реку к речке Мархе. Сыновья Омолдоона угоняют табуны Боруллуо. (По одному вар., сын Боруллуо пригнал к себе табуны Омолдоона, в отместку чего сыновья последнего угоняют к себе табуны Бо-

[1] См. А. Е. Кулаковский. „Якутские пословицы и поговорки". Сборн. трудов науч. иссл. об—ва „Саха-Кескиля". Вып. II. стр. 43

руллуо). Тоторбот, сын Боруллуо, нагоняет похитителей при переправе через Марху. Здесь происходит бой. Тоторбот убил одного из братьев, последние в свою очередь тяжело ранили Тоторбота и оставили его, признав мертвым. Дальше выступает на сцену отец Тоторбота, старец Боруллуо, ездящий верхом на рыжем быке. Его крик слышен на расстоянии 35 верст. Он совершает поход к местожительству своих противников, убивает двух из них и вынуждает своего брата Омолдоона заплатить выкуп за преступление своих сыновей. Тоторбот оказался лишь тяжело раненым и постепенно выздоравливает. Боруллуо, по примеру других героев Юго-Западного Вилюя, съедает сердце и печень убитого им сына Омолдоона. Эта легенда имеет отчетливый колорит глубокой древности, но сказители приурочивают описанные события и лица к эпохе русского господства.

Наряду с легендой о богатом Таркае и бедном Омолдооне мы встречаемся с точно таким же мотивом в сказании о Тюмюке и Эчике. (Элл. § 246). Первый из них богач, а второй бедняк. На эту легенду мы раньше ссылались по вопросу сбора пушнины на Вилюе прибайкальскими якутами. Оба героя также представляются сыновьями древнейшего прародителя вилюйчан, Быркынгаа-Боотура.

Эчик поехал в Якутский край и, прослужив в работниках у старика Хангаласа, похитил у него красавицу дочку. Возвратившись на Вилюй, он поселился с женой около озера Чонгкууда: «Жил в круглом шалаше «холума», заваленном дерном, и питался исключительно рыбой. Молочной пищи и скотского мяса они никогда и не видали». «Они раньше выпрашивали у него (брата Тюмюка) по 3—4 головы скота на племя, но по нужде употребляли на пищу». Однажды жена Эчика с большим смущением обращается к свекру с просьбой:

«Чтобы я могла кормить моего ребенка, уделите мне из имеющих сосцы». Старик Тюмюк, сжалившись над своим маленьким племянником, просимую корову дал, но его жена сопровождает этот подарок грозным предостережением:

«Если вы заколете эту корову, не смейте больше являться к нам с просьбой. Она размножит вам скот, даст большое племя. Только попробуйте коснуться до нее ножом или топором! За это свекор взыщет с вашего тела и крови».

Три сына старика Хангаласа, прибывшие на Вилюй в поисках своей сестры, угомонились, получив от Эчика очень много дорогой пушнины. Своему племяннику, сыну Эчика, они дали имя «дочерний отпрыск Кангаласцев Харбаанча». Все роды 2-го Кангаласского наслега Мархинского улуса, якобы, и размножились от десяти сыновей Харбаанча. По одному варианту сказаний об Омолдооне, Кёмнёркёй-Харбаанча представляется старшим сыном Омолдоона. (Марх. ул. Элл. § 247). В Нюрбинском варианте предком Кангаласского наслега почитается один из сыновей Омолдоона Тююнгюнююр. (Элл. § 266). Эти легенды интересны в том отношении, что происхождение вилюйских кангаласцев связывается не с порусскими беженцами из Якутского

округа, а с ранними переселенцами, убегающими от притеснений Тыгына.

Перейдем теперь к циклу сказаний Бородонцев.

4. ЛЕГЕНДЫ О ПРЕДКАХ БОРДОНСКИХ РОДОВ.

Герои Джаарханцев, по мысли носителей эпоса, представительствуют за весь вилюйский народ и в сказаниях о них мы имеем попытку объяснить первое появление якутов на Вилюе. Но мы знаем, что якуты жили на Вилюе и до появления Джарханцев. Это—ранние вилюйчане, населяющие нижнюю половину бассейна Вилюя. Несмотря на тенденцию отвечать за весь Вилюйский округ, джарханские мифы и по своему содержанию не выходят за пределы Юго-Западного Вилюя. Если же внимательно изучить легендарные сказания Бордонгских родов, то легко обнаруживается, что они когда-то образовывали совершенно самостоятельный цикл, принципиально отличный от джарханского. Так как разные циклы героического эпоса, по нашему мнению, создают презумпцию об обособленных волнах нашествия якутов на Вилюй, то нам необходимо остановиться на особенностях и бордонгских мифов. Более полная редакция их нами записана в трех вариантах, два в Нюрбинском улусе (Элл. 267, 272—276) и один в Мархинском (Элл. 257).

Прародителем Бордонгских родов и первым переселенцем на Вилюй представляется неизменно Тюлюён-Шаман, имеющий бубен с шерстью. В отличие от джарханских героев Тюлюён-Шаман бежит на Вилюй, поссорившись с неким Кургумар-Боотуром и, будучи побит им (в двух вариантах) или Быркынгаа-Боотуром (один вар.). В одном варианте сообщается, что Кургумар-Боотур и Тюлюён-Шаман состояли зятьями Тыгына. (Элл. § 272).

Шаман переселяется на Вилюй с женой и двумя малыми детьми, Хантагар-Быгый и Суор-Боллой. По мархинскому варианту, он наделяется пятью сыновьями, в число которых входят и джарханские герои, Быркынгаа-Боотур и Босхонг-Бэлгэтии. По этому варианту, сыновья шамана точно так же, как и джарханские герои, нападают на племя Ньурмагаат, которое жило на Нюрбе, питаясь рыбой, и истребляют его. Во главе Ньурмагаатов стоит витязь по имени Ёрюкюёчэй. Последнего убивают оригинальным способом: пускают особую бронебойную стрелу наверх и «стрела, взвившись в высь, упала прямо в глаз Ёрюкюёчэя, который сидел, глядя наверх». Победители тотчас же разрезали ему живот и вытащили печень. Сопровождая один из них волчьим воем, а другой криком ворона, печень эту съели». (Элл. 258).

В нюрбинском варианте сюжет борьбы с местным вилюйским народом отсутствует.

В бордонгских мифах особое внимание уделяется рассказу о мести сыновей шамана. Вопреки запрету родителей, сыновья шамана отправляются в Якутский край, отыскивают стан Кургумар-Боотура (в одном вар. Быркынгаа-Боотура) и, напав на него ночью, убивают. При этом, убегая на Вилюй, парни издают волчий вой и крики ворона. (Элл. 257 и 267).

Характерно то, что и позднейшие герои Бордонгцев чаще представляются шаманами. Таковы знаменитый шаман Джаарын и Оноху. (Элл. §§ 275,

276, 277 и 309), рассказы о которых дополняют цикл бордонгских сказаний.

Бордонгские роды, как и Джаарханцы, живут весьма разбросанно по всему Юго-Западному Вилюю. В настоящее время можно насчитать до девяти наслегов, из которых семь носят название Бордонг, а два выделились из них. Бордонгцы по своей численности немногим уступают Джаарханцам. В Нюрбинском улусе в четырех Бордонгских наслегах (включая Сюльский), по данным переписи 1917 г., было 3645 душ. Из Бордонгских же родов, судя по названиям Суор и Джаарын, образовался и Нюрбинский наслег. В Сунтарском улусе, в двух Бордонгских наслегах, значится 2249 душ и в Хочинском улусе во 2-м Бордонгском наслеге и в трех родах Хаданского наслега, носящих родовое прозвище Бордонг, около 1600 душ. В общем число Бордонгцев, могущее быть установленным в настоящее время, не меньше восьми тысяч душ об. п.

Несмотря на то, что джаарханские герои, по легендам, изображаются первыми пришельцами на Вилюй и победителями туземного народа, мы должны признать, что Бордонгские роды переселились на Вилюй раньше Джарханских. К этому выводу мы приходим по следующим данным.

I. В то время, как Джаарханцы отходят на Вилюй под давлением самого якутского Тыгына, легендарный предок Бордонгцев бежит, будучи побит зятем Тыгына Кургумар-Боотуром или даже джарханским героем Быркынгаа-Боотуром. Иными словами, Бордонгцы должны были отойти на север до наступления основной массы якутов.

II. Преобладание среди бордонгских героев-шаманов свидетельствует о более архаическом общественном строе, возглавляемом шаманами. Это явление могло сохраниться лишь среди самых дальних и окраинных частей якутского племени.

III. В бордонгских мифах мы находим следы борьбы Бордонгцев с Ёртётскими родами Северо-Восточного Вилюя. Один из потомков Тюлюён-Шамана, Оноху, воюет с Ёсёх-Ёргюёджэй (Элл. § 275), тот же Ёргюёджэй представляется главой Ньурмагаатов, истребленным сыновьями того же шамана.

IV. Джарханский герой Быркынгаа после своего переселения на Вилюй убивает около Нюрбы одного человека, которому дается имя Кэтирэй. (Элл. 240 и 244). А Кэтирэй считается внуком прародителя Бордонгцев Тюлюён-Шамана. (Элл. §§ 267, 272 и 270). Жену Кэтирэя с малолетним ребенком Быркынгаа оставляет у себя, повидимому, в качестве второй жены. Ребенку легендисты дают имя Сююлэ-Багдарыын и считают его прародителем Сюльского наслега Нюрбинского улуса. В цикле бордонгских сказаний Сююлэ-Багдарыын значится внуком Тюлюён-Шамана. (Элл. 273, 274 и 277). Очевидно, герои Джарханцев застали на Вилюе Бордонгцев и вели с ними борьбу.

Это обстоятельство подтверждается и легендами якутов Амгинского улуса Якутского округа о воинственном Омоллооне, который в джарханском

цикле фигурирует в качестве младшего сына Быркынгаа-Боотура. Омоллоон Якутского округа имел столкновение с вилюйским богатырем Сююлэ-Бёгё и одержал над ним победу. (Элл. 205). Иными словами, сюжет борьбы джарханских героев с бордонгскими сохранился даже в памяти Амгино-Ленского ответвления Джарханцев.

Как мы отметили выше, герои бордонгского цикла представляются большею частью шаманами. Следовательно, противниками джаарханских героев должны были выступать шаманы. В сказаниях якутов Амгино-Ленского плоскогорья об Омоллооне основной сюжет вращается вокруг его борьбы с шаманом Быйанг-Тёнгюлгю. Омоллоон убивает этого шамана. Сыновья последнего совершают поход к местожительству Омоллоона и убивают его брата Эриликн-Куомая. (По борогонскому варианту, убивают самого Омоллоон-Боотура. (См. Доп. к Элл. § 24). Причем, это убийство совершается тем самым приемом, как в бордонгском цикле сыновья Тюлюён-Шамана убивают Ёрюкюёчея: Эриликн-Куомай, убегая от своих преследователей, бросается в озеро и «при каждом выстреле нырял точно утка», «сыновья Быйанга пригласили шамана и попросили спеть песню, призывая духа смертоубийства. После этого ту самую стрелу, которой был убит их отец шаман, пустили, не целясь, вверх. Стрела при своем падении вонзилась в затылочный позвонок Эриликн-Куомая. Последний тут же умер». (Элл. § 201). (По борогонскому вар., сыновья Байанга при такой же обстановке убивают самого Омоллоона. По баягантайскому варианту, врагу Омоллоона дается имя Быйанг-Тэгилгэ, а его брату Ючюгэй-Мюлюйэ. (Доп. к Элл. § 30). В связи с этим, мы должны притти к выводу, что бордонгские легенды о мести сыновей Тюлюён-Шамана, убивающих Быркынгаа-Боотура или Кургумар-Боотура, врага своего отца, и легенды якутов Амгино-Ленского плоскогорья о мести сыновей шамана Быйанг-Тюнгюлгю в цикле сказаний о воинственном Омоллооне представляют из себя варианты одного и того же древнего мифа. Очевидно также, что имя легендарного предка Бордонгцев «Тюлюён-Ойун» и врага Омоллона якутян шамана «Тюнгюлгю» (или Тёнгюлю, а в баягатайском варианте—Тэгилгэ. Доп. к Элл. §§ 24 и 30) суть извращения одного и того же мифологического имени. По борогонскому варианту сказаний об Омоллооне, мегинский шаман Быйанг находится в родстве с Курбусахским родом Борогонского улуса. В Курбусахском наслеге мы находим род «Ярин», очевидно, Джаарын, т. е. один из родов вилюйских Бордонгцев.

Так как якуты Амгино-Ленского плоскогорья своего воинственного Омоллона локализируют в Бологурских наслегах Амгинского улуса, то приходится признать, что основное ядро Бологурцев составляли вилюйчане, которые попали в Якутский округ со стороны Вилюя или же непосредственно при их переселениях из Предбайкалья. Среди Бологурцев мы находим род Оджолуун; Оджолуунский же род имеется во 2-м Чакырском наслеге, Амгинского улуса. В том же улусе в 1917 г. был наслег Оджолуун. В Ботурусском улусе также есть род Оджолуун в Ожелуно-Хатылинском наслеге[1]. Род

[1] Соколов. Там же. Вып. II. стр. 48, 50 и 46

Одколуун существует в Сюльском наслеге Нюрбинского улуса, а также и во 2-м Кангаласском наслеге Мархинского улуса.[1] Род Чакыр, образующий несколько наслегов Амгинского улуса, есть и на Вилюе, среди Бордонгцев Сунтарского улуса.[2]

Мы укажем еще на одно сходство в легендах якутян и вилюйчан об Омоллоопе. Якутяне дают Омоллоону лишнее прозвище Бороху, что значит «обжора». Это прозвище дает Омоллоону шаман Тюнгюлгю, ибо он в несколько приемов съел целое стегно мяса, поданное ему шаманом. (В борогонском сказании «Бороху-Сороху Баатыр»—обжора ненасытный богатырь. (См. доп. к Элл. § 24). В цикле джаарханских легенд мы встречаем то же прозвище, но в варианте «Тоторбот». Такое имя было дано сыну Боруллуо», так как он в пору своей возмужалости был очень обжорлив и не насыщался. (Элл. § 248). Вилюйский «Тоторбот» принадлежит к серии тех же джаарханских героев и является противником девяти сыновей воинственного Омоллоона. Мы видим, что в пределах одного героического цикла однородный традиционный образ или эпитет чрезвычайно легко переходит от одного героя к другому.

V. Наконец, в бордонгской легенде о мести сыновей Тюлюён-Шамана чувствуется влияние героического эпоса якутов-оленеводов. В последнем малолетний сын убитого витязя воспитывается старым дедом или бабушкой, которые скрывают от мальчика имя убийцы его отца. Наконец, по настоянию мальчика, дед или бабушка называют имя кровного врага. Мальчик, получив это сведение, идет мстить. В бордонгском сказании происходит то же самое: «Сыновья Тюлюён-Шамана часто справлялись у матери о причине смерти своего отца, но она все время отмалчивалась». (Элл. 257) или «парни-подростки стали выпытывать у матери, о чем говорил отец. Мать накричала на детей» (Элл. 272) или «парни отпрашивались ехать в Якутский край, но отец уговаривал, говоря так: «Вы еще молоды, напрасно погубите себя. Если даже я не мог оспилить его, куда же вам тягаться с ним». (Элл. 267). Однако, парни добились своего, узнают имя обидчика и самовольно отправляются мстить за обиду отца.

Неожиданное ночное нападение парней на своего врага тоже напоминает сюжеты оленекского эпоса.

Раньше, в главе 2-й, мы удостоверились, что ранние вилюйчане в легенде о Кюрэнчэ-Боотуре (предок якутов Ёргётского наслега) усвоили почти все существенные элементы оленекского хосунного эпоса, что доказывает длительное сожительство населения Северо-Восточного Вилюя с оленными якутами. Точно также и носители цикла легенд о Тюлюён-Шамане обнаруживают следы соприкосновения с миром оленекского хосунного эпоса в пределах Вилюя или в более раннюю историческую эпоху в районе Прибайкалья. Весьма возможно, что Бордонгцы сродни северным якутам-оленеводам и по этническому происхождению.

---

[1] Там же 72 и 76 стр.
[2] Там же 78 стр.

Во всяком случае для нас ясно, что коренное население Юго-Западного Вилюя когда-то делилось на два самостоятельных отдела. Во главе одного из них стояли роды Бордонг, а другого—Джаархан. Причем, Бордонгцы занимали более окраинное (северное) положение и раньше Джаарханцев отступили на Вилюй, тогда как последние некоторое время оставались в сожительстве с якутянами Тыгына. Если Бордонгцы попали на Вилюй раньше, то сюжет борьбы с местными оленеводами и рыбаками Нюрбагаат или Нюрбачаан (север. якуты) должен был заключаться в цикле Бордонгских сказаний. Джаарханцы, явившись позже и одержав победу над Бордонгцами, могли перенять от последних этот сюжет истребления или изгнания местных оленеводов.

В настоящее время Бордонгцы и Джаархащы территориально не обособляются друг от друга и обнаруживают картину сильного смешения между собой и чересполосности своих владений. Вот почему Джаарханцы резко не отделяют себя от Бордонгцев и весьма часто своих собственных героев возводят в звание прародителей тех и других. Это смешение, всего вероятнее, произошло в пределах Вилюя.

Сравнительное изучение героического эпоса коренных вилюйчан дает нам возможность делить их на три крупных отдела: северно-вилюйский (ранние вилюйчане), средне-вилюйский (во главе с Бордонгцами) и южно-вилюйский (во главе с Жарханскими родами). В связи с этим и история колонизации Вилюя должна быть разделена на три периода, ибо эти три отдела, всего вероятнее, переселялись на Вилюй последовательно один за другим.

Любопытно отметить здесь, что якутяне почему-то привыкли представлять себе якутское население Вилюйского округа трехсоставным. В легендах и в разговоре часто говорят: «юс Бёлюю»—три Вилюя, разумея под этим названием обычно состав его населения[1].

Некоторые сказители пытаются объяснить это выражение ссылкой на то, что будто бы река Вилюй впадает в Лену тремя протоками. Толкование—явно надуманное и нежизненное. Точно также было бы не менее искусственным толкованием увязка этого выражения с тремя вилюйскими зимовьями порусской истории, тем более, что Нижне-Вилюйское зимовье просуществовало не особенно долго. Правильнее будет признать, что это представление о вилюйчанах традиционное и повторяется по привычке со времен глубокой древности, когда вилюйские якуты действительно делились на три самостоятельных отдела, независимые друг от друга. Трехсоставность всего вилюйского народа нашла также отражение в числе сыновей его легендарной прародительницы. Как видели выше, она обычно наделяется тремя сыновьями: Быркынгаа-Боотур, Босхонг-Бэлгэтии и Тойук-Булгудах. Весьма возможно, что в древнейшую историческую эпоху ранние вилюйчане были слитны с северными оленными якутами.

---

[1] См. Г. В. Ксенофонтов. „Хрестес. Шаманизм и христианство". Иркутск. 1929 г. стр. 24—в легенде Намского улуса, а также Эллэйада § 204

5. ОСОБЕННОСТИ ВИЛЮЙСКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА.

Мы прежде остановимся на некоторых мифологических мотивах и сюжетах в героическом эпосе вилюйчан, в которых обнаруживается их культурное своеобразие и самобытность, выделяющие их в особый отдел якутского племени.

Обращает на себя внимание обычай вилюйских героев издавать перед боем крики ворона и волчий вой. Так герой ранних вилюйчан Кюрэнчэ-Боотур до битвы «стал высоко подпрыгивать и пальмой разрубать молодые лиственницы. При этом он издавал крики ворона». Дальше он же, прежде чем убить тунгусского витязя, «обуянный гневом издал крики ворона и выстрелил». (Элл. § 326).

Этот мотив отчетливее сохранился в бордонгском цикле в сказании о сыновьях Тюлюён-Шамана. Одержав победу над своим противником, братья «беспрерывно воют по-волчьи и издают крики ворона». (Элл. § 267). То же самое повторяется и в двух других вариантах: «Быркынгаа издавал волчий вой, а Суор-Боллой—крики ворона и оба говорили—«это мы—сыновья Тюлюён-Шамана, имеющего бубен с шерстью». (Элл. § 257). Убив вождя старожилов Вилюя, Нюрмагатов, они «тотчас же разрезали ему живот и вытащили печень. Сопровождая один из них волчьим воем, а другой криком ворона, печень эту съели». (Элл. 258).

Эти мотивы не чужды и циклу джаарханских сказаний. Сказитель Сунтарского улуса говорил: «В древности якуты имели обыкновение перед самым сражением издавать крики ворона с восклицанием ойдоо, ойдоо... Затем махали над головой блестяще отточенными боевыми пальмами. Тогда будто бы вспрыскивало с неба кровавым дождем. «Быркынгаа-Боотур, прибыв на помощь к Тыгыну, пред боем сделал то же самое». (Элл. § 280).

В нюрбинском сказании сообщается, что брат-калека, «неожиданно вскочил на ноги, издал крики ворона и, бросившись на тетку, растерзал ее. Кровью ее намазал свои суставы. Затем, вырвав с корнем огромную ель и размахивая ею, пошел сражаться». (Элл. § 266).

По мархинской легенде, один из героев Тоторбот пред нападением на врагов, издав три раза крики ворона, закричал: «Ах, воры-мошенники! Видимо, пришел черед разговаривать с вами только с оружием». (Элл. 249).

Этот фольклорный мотив от вилюйчан перешел с небольшим изменением и к северным якутам. В оленекском хосунном эпосе витязь, преследуя своего противника, «беспрерывно лаял по-собачьи», а другой издает «крики сокола или лебедя». (Олен. хос. эп. I, III и VI вар.). В одном варианте вилюйский мотив сохраняется без изменения: «Юнгкээбил, преследуя врага, не переставая выл по-волчьи». На вопрос своего противника он поясняет: «Ты убегаешь от меня подобно раненому дикому оленю, а я гонюсь за тобой, точно волк. Я не могу догнать тебя и пожрать, поэтому с досады и вою». (Там же, вар IV).

Смысл и значение волчьего клича или крика ворона современные якуты не понимают. Но тем не менее нельзя сомневаться в том, что этот военный обычай стоит в связи с культом предков. Дело в том, что среди якутов повсюду распространено мифологическое представление, что волк и ворон являются сыновьями древнего божества Улуу-Тойона. В культе якутского черного шаманства это божество играет очень важную роль: он—отец всех черных шаманов. Кроме того, души умерших шаманов представляются летающими в образе воронов. Поэтому черные шаманы во время своей мистерии должны издавать крики ворона, показывая этим явление душ предков[1].

Очевидно, издавание криков ворона и волка до или во время боя когда-то имело смысл шаманского действия, т. е. призыва душ своих умерших предков. Иными словами, интересующий нас фольклорный мотив является пережитком того отдаленного времени, когда военные вожди одновременно исполняли и жреческие функции, считая себя потомками древних шаманов. Один из джарханских героев, Боруллуо, желая защитить труп своего сына от ворон, обращается к богу Улуу-Тойону со следующими словами:

«Эй, живущий там Хара-Суорун Владыка («Черный Воронов»—одно из повторных наименований Улуу-Тойона), не позволяй трогать труп моего дитяти своим шаловливым сыновьям. А вы, вороны, если тронете его, знайте, он вашей же плоти, если нападете на него, он вашей же крови!» (Элл. 250).

В легендах Якутского округа описанный мотив,—издавание воином криков ворона или воя волка, отсутствует.

Между прочим, интересно отметить здесь то, что подражание волчьему вою, по русским летописям, приписывается половцам, которые во второй половине XI в. и в XII в. кочевали в южно-русских степях.

«Накануне ожидаемой битвы с венграми, Боняк в полночь отъехал от войска в поле и стал выть по-волчьи. Ему вторили голоса множества волков». «Завтра, сказал Боняк, мы победим угров». Дикое предсказание половецкого хана сбылось, Боняк, говорит современный летописец, сбил угуров в мяч, как сокол сбивает галок.[2]

Общий источник вилюйских и половецких легендарных воспоминаний о волчьем вое, воодушевляющем к битве, нужно искать в турецком населении древней Монголии. Приблизительно с половины VI в. нов. эры в степной Монголии подвизаются два народа турецкого происхождения, а именно, уйгуры и тюрки. И оба эти народа по мужской или женской линии производили себя от волков. По уйгурской легенде, царская дочь выходит замуж за волка и родила сына. «Потомство от них размножилось и составило государ-

---

[1] См. Ксенофонтов. „Легенды и рассказы о шаманах у якутов и т. д.“ Иркутск. 1929 г. стр. 23, 30 и 47, а также в его же „Хрестес“.. стр. 25. Вопрос о почитании разных птиц, в частности ворона, мы подробно излагаем в работе „Опыт сравнительного изучения библейских и якутских мифов о патриархах народа“.

[2] См. Н. Костомаров. Русская история. Т. I. стр. 35. Изд. журн. „Вестник Знания“.

ство: по сему-то люди любят продолжительное пение или воют подобно волкам».[1]

По легенде народа Тюрк, их предок-мужчина женится «на волчице и народил от нее десять сыновей, из которых каждый составил особливый род».[2]

Как уйгурские, так и тюркские ханы в воспоминание своего происхождения выставляли знамя с волчьей головой.

Вторая не менее характерная особенность героического эпоса вилюйчан—допущение антропофагии, т. е. поедание человеческого тела. Этот мотив точно так же свойственен как вилюйчанам, так и северным якутам. У последних, как мы знаем, витязи-победители вкушают костный мозг своего поверженного врага. Вилюйские герои предпочитают есть сердце и печень побежденного противника. Так, по мархинской легенде, старец Боруллуо, убив двух своих племянников в отместку за убийство сына, говорит брату Омоллоону:

«Затем, вынь сердце и печень одного убитого сына и дай мне на острие рожна. Съем, тогда лишь разойдется мой гнев». (Элл. 253).

Быркынгаа-Боотур, победив кровного врага Кэтирэй, тоже съедает его сердце и печень, говоря:

«Вот уже, как съедаю сердце и печень третьего человека». (Элл. 240).

В бордонгском цикле Быркынгаа и Суор-Боллой, убив старожила Вилюя Ёрюкюёчея, «разрезали ему живот и вытащили печень... и съели». (Элл. 258).

Воинственный Омолдоон после победы над Наахара, который переселился на Вилюй из Якутского края, «возвратился, держа на острие копья сердце и печень врагов». (Элл. 271). Другой сказитель по адресу его девяти сыновей, одержавших победу над Тоторботом, вставляет в уста одного персонажа следующее выражение:

«Девять сыновей грозного чудовища Омолдоона, говорят, уже сосут сердце и печень нашего дитяти». (Элл. 250).

В сказаниях ранних вилюйчан этот мотив также фигурирует хотя и не в отношении своих героев: «Раненый тунгус стал отрывать и есть из своего подбрюшного жира». (Элл. 326).

Кроме того, в цикле джаарханских сказаний антропофагия встречается в сюжете чудесного исцеления воина-калеки и неожиданного обретения им богатырской силы. (Элл. 266, 269, 270 и 305). Этот миф сохранился и у якутян (ранних, среди которых должны быть вилюйские примеси), хотя и в несколько иной композиции. (См. Элл. 87 и доп. к Элл. §§ 4 и 16). При сравнении мифа в обработке вилюйчан и якутян легко обнаруживается разное отношение тех и других к антропофагии. Калека вилюйчан исцеляется, убив свою тетку и «нализавшись ее крови» или «съев жир с ее печени и

---

[1] См. Иак. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. Ч. 1. Стр. 248—249. Спб. 1851

[2] Там же. Стр. 256—257

сердца» или «вытащил сердце и печень, съел их и, приложившись к текущей крови, стал пить глотками». Лишь в одном варианте он, «растерзав тетку, кровью ее намазал свои суставы». Калека якутян исцеляется, слегка порезав ножом ногу матери и намазав свой колени каплями ее крови.

В героическом эпосе якутян мотив поедания человеческого тела, повидимому, давно перестал быть популярным. Мы встретились с ним в виде исключения лишь у одного сказителя, по словам которого, сын Тыгына Бёчёкё съедает сердце убитого им ребенка, разделив его на девять частей: «Это значило будто бы воспринять мужество убитого, когда удавалось доконать исконного врага». (Элл. § 84).

Антропофагию в мифах, конечно, было бы смешно и наивно рассматривать, как отражение недавно бытовавших обычаев самих якутов. Этот мифологический мотив констатирован учеными у многих старейших и культурных народов Старого Света. Русский ученый Л. Воеводский даже посвятил этому вопросу большую монографию в 389 стр.[1].

В частности поедание сердца устанавливается историческими документами при человеческих жертвоприношениях у тунгусского народа Нюйчжи, властвовавшего над Китаем до монголов. Иакинф Бичурин в «Истории четырех ханов из дома Чингиса», по летописям Юаньской династии (Чингис-Хана в Китае), описывает падение власти Нюй-чжи. В этом труде мы находим рассказ о принесении в жертву одного нюйчженского генерала Цуй-ли:

«Лю-бо-юань вынул нож и заколол его... Тысячи голосов закричали: изрубить в мелкие части еще мало... И так, вывесив голову его напоказ, принесли его в жертву государю Ай-Цзун... Некоторые вырезали у Цуй-ли сердце и сырое ели».[2]

Там же описывается казнь генерала Цзя-юй, принесенного в жертву тени генерала Миао-дао-жунь, изменнически убитого первым:

«Чжан-же... связав его, вырезал сердце и принес в жертву тени генерала Миао-дао-жунь».[3]

Здесь, по религиозному символизму, вырезание сердца и поднесение его тени умершего, несомненно, означает и поедание его духом.

Между прочим, в вилюйских легендах и в оленекском хосунном эпосе встречается сюжет самоубийства героев, которые не хотят пережить гибель почитаемых ими лиц. И история манчжурских Нюйчжи при падении их власти пестрит массовыми случаями добровольной смерти членов царствующего дома, генералов и офицеров, которые иногда говорят: «Великий человек умирает, но не покоряется»,[4] «умереть осталось моим долгом».[5] Когда нюйчженский государь повесился, «Хушаху, услышав о сем, сказал офицерам: «Мой государь уже преставился, для чего же я сражаюсь? Бросившись в Жу-шуй, последую за моим государем». (Бросился и утонул). Вслед за ним кончают

---

[1] „Каннибализм в греческих мифах". Спб. 1874
[2] См. Бичурин. История четырех ханов из дома Чингиса. 243—244 стр.
[3] Там же. 98 стр.
[4] Там же. 145, 288 стр.
[5] Там же, 255 стр.

жизнь самоубийством три советника государя, четыре генерала и 500 офицеров—«все умерли вслед за ними».[1]

Про такие случаи китайский историк с удовлетворением отмечает: «Можно сказать, что они выполнили усердие в служении государю, и в минуту опасности не искали спасения».[2]

В одной верхне-вилюйской легенде мы встречаемся с аналогичным случаем самоубийства соратников якутского царя Тыгына, убитого русскими:

«В войне с русскими участвовали зять Тыгына Чаллаайы-Боотур и сын Кёнчё-Кутукай... Они прибыли сюда на Вилюй... Здесь оба они покончили жизнь самоубийством, сказав:

«Зачем нам одним оставаться в живых?»

«Один умер, бросившись на свое копье, другой же утонул». (Элл. 323).

В одном варианте оленекского хосунного эпоса (2-й есейский вар.) рассказывается:

«Один тунгус сказал: «Если мертв знаменитый Юрэн-Витязь, то зачем же мне оставаться в живых? Заодно прикончите и со мной».

Затем он вступил в неравный бой и был тут же застрелен из лука.

В булунском варианте той же легенды рассказывается про самоубийство старухи-матери, которая умирает, чтобы доставить умершему сыну косу его убийцы:

«Взяв аркан для ловли оленей, она удавилась. Взятая коса была у ней запазухой. Так она отправилась к сыну-кузнецу с косой Чэмпэрэ». (Олен. хос. эп. § 1...).

По анабарскому варианту, старший брат Юнгкээбиля тоже удавливается, чтобы рассказать ему на том свете о совершившейся мести над его убийцей. (Олен. хос. эп. § 7).

В этих фольклорных и религиозных мотивах мы находим следы родства вилюйских якутов и их северного оленеводческого ответвления с манчжурскими тунгусами. (О родстве вилюйчан с манчжурами подробно см. главу—«Табалыыра-Бэргэн»).

Но самая важная особенность героического эпоса коренных вилюйчан заключается в том, что им был совершенно чужд весь цикл сказаний об Омогое и Эллэе. Этот цикл принадлежит якутянам и занесен на Вилюй, вне всякого сомнения, позднейшими эмигрантами из среды последних. Циклу Омогое-Эллэевских сказаний коренные вилюйчане могут противопоставить лишь джарханские мифы о старухе Джаархан (или Джаардаах), имеющей нескольких сыновей. Легендарный эпос якутян характеризуется господством мифологического образа мудрого праотца целого народа (отец Эллэя и сам Эллэй), а в эпосе вилюйчан на первом плане мудрая праматерь народа. Предок якутян Эллэй-Боотур бежит с юга по совету и в сопровождении своего слепого отца, который служит ему путеводителем. А праотцы вилюйчан бе-

[1] Там же. 235—236 стр.
[2] Там же. 145 стр.

гут по совету своей матери, которая направляет их на свою старую родину и указывает им дорогу туда.

Еще более важным представляется дальнейшее расхождение мифологии якутян и вилюйчан. Якутяне своего Эллэя наделяют званием культурного героя и религиозного реформатора. Он, якобы, впервые преподал якутам веру в светлых богов-небожителей и учредил летний праздник «сысыах». Вилюйские же патриархи являются только хорошими воинами и меткими стрелками. В связи с этим приходится признать, что коренные вилюйчане до смешения с якутянами не были знакомы с белой верой якутов, не знали летних кумысных праздников и не имели понятия, о так называемых, «айыы ойуна», т. е., о белых шаманах. Надо заметить, что население Средне-Вилюйского улуса и в настоящее время незнакомо с якутскими сысыахами.

Итак, основываясь на своеобразии и особенностях героического эпоса вилюйского ответвления якутского племени, мы приходим к выводу, что современные якуты-скотоводы образовались из смешения двух частей, из которых коренные вилюйчане по своему первоначальному этническому происхождению, очевидно, не были якутами, со времен глубокой древности подверглись в сильной степени процессу якутизации. Их мифологические и религиозные представления до сих пор носят на себе печать большой отсталости и грубости. Культурные особенности вилюйчан не могли образоваться в пределах их современной родины; даже, наоборот, именно на Вилюе издавна начался процесс постепенной ликвидации всех признаков культурной отсталости вилюйчан ввиду массового смешения их с якутами.

Этот общий вывод подтверждается и содержанием героических сказаний Джаарханцев, выступающих в роли основного и командующего ядра всего вилюйского народа.

6. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВИЛЮЙСКИХ СКАЗАНИЙ.

Чтобы понять исторический смысл вилюйских сказаний, необходимо вспомнить здесь то, что говорилось нами ранее по вопросу о методах расшифровки легендарных сюжетов. (ч. II, гл. III, 3.).

При устном повествовании о событиях своей племенной жизни люди, переживающие стадию раннего феодализма, всегда должны игнорировать народные массы, подчиненные тем или другим главенствующим семьям. Поэтому исторические взаимоотношения важнейших подразделений народа в легендах неизбежно будут превращаться в столкновения немногих семей правящих феодалов. Современники событий, конечно, понимали, что герои тех или других рассказов не простые люди, а вожаки больших или мелких административных подразделений народа. Но это обстоятельство обычно ускользает от внимания всех последующих поколений, ввиду чего при ретроспективном взгляде на прошлое сквозь дымку легендарных воспоминаний массовые события, как общее правило, должны замещаться злоключениями немногих лиц. Аналогичный lapsus linguae мы можем наблюдать даже в приемах повествования старых историков, например: «Суворов в Северной Италии нанес поражение Моро и Макдональду, затем стремительно набросил-

ся на Жубера» или «Аттила на Каталаунской равнине три дня бился с Аецием» и т. д. Если подобные рассказы воспринимать без пояснения, что Суворов, Моро, Макдональд, Аттила, Аеций не простые индивидуумы, а вожди многочисленных войсковых частей, то в представлении отдаленного потомства грандиозные исторические события, в которых принимали участие многие тысячи людей, тоже превратятся в приключения немногих избранных героев.

Следовательно, давно прошедшие исторические сдвиги якутского племени, вызвавшие отступление на север довольно значительной его части, в устной памяти народа должны сохраниться в масштабе во много раз уменьшенном.

В сюжетах джаарханских легенд, если подходить к ним с указанной поправкой, совершенно ясно подчеркивается двухсоставность якутского племени. Во главе отдела, представляемого основной и главной массой якутов, стоит Тыгын. О нем мы будем говорить подробно в следующем томе наших очерков. Но мы уже знаем, что, по понятиям современных якутов, где бы мы их ни взяли, Тыгын является царем и повелителем всего якутского племени. Он исчезает с якутского горизонта лишь со времени нашествия русских. За спиной Тыгына, конечно, должен стоять подчиненный ему народ—якуты (саха) в собственном смысле этого слова. Его основное ядро—население современного Якутского округа. Меньшую и подчиненную половину якутского племени представляют вилюйчане, возглавляемые единокровными братьями Тыгына от другой матери не-якутки.

Современные вилюйчане, несмотря на проявление своего местного патриотизма, дают в наши руки вполне достаточный материал и ясные намеки о существовании своеобразного якутского «великодержавия»: с одной стороны велико-якуты, а с другой мало-якуты. Эта идея проходит красною нитью во всех записанных нами вариантах с разных точек зрения. Первая реальная база этих взаимных трений заключалась, повидимому, в их разном этническом происхождении. Чистокровным якутам Тыгына противостоят вилюйчане—полутунгусы или полутуматы. По вопросу этнического происхождения патриархов вилюйского народа сказители разбиваются на две группы: четверо из них утверждают, что мать их была из племени Тумат. (Вар. I, II, VI и IX), а трое считают ее тунгуской (вар. IV, VII, VIII). Если к последней группе присоединить те показания, по которым сами вилюйские герои женятся на тунгусках (Элл. §§ 326, 242, 86 и 303), то сторонников полутунгусского происхождения вилюйчан будет гораздо больше. Некоторые сказители и «Туматов» смешивают с тунгусами-оленеводами (Элл. § 300), но мы имеем одно показание, по которому Туматы представляются скотоводами наподобие самих якутов: «Язык их он едва понимал. Они имели также скот и кормили его, скашивая одну большую поляну». (Элл. 309).

Существование трений между двумя отделами якутского народа на почве национального неравенства и угнетения обнаруживается в словах, вкладываемых в уста сына Тыгына, по адресу вилюйских патриархов: «Эти но-

томки тунгусов видимо будут стойки и неуловимы на войне». (VII вар.). Дальше Чаллаайы опасается, как бы они не восстали.

По сказаниям, рисуются с одной стороны богатый скотовод Тыгын, а с другой совсем бедные люди, служащие батраками, или скотниками у которых на всю семью имеется одна единственная корова с теленком (вар. IX), причем теленка даже приходится колоть на пищу. Предки вилюйчан остаются жить у Тыгына «в качестве его скотников». Один из братьев в ответ на укор Чаллаайы в тунгусском происхождении говорит:

«За собой мы не знаем иной вины, кроме того, что кормимся, охраняя твой скот. Мы изъявляем покорность, а соперничать с тобой и не помышляем». (Элл. § 298).

Можно согласиться с тем, что в отношении целого отдела якутского племени этот порядок взаимоотношений является гиперболой, но тем не менее он весьма показателен. Хотя мы имеем утверждения и противоположного характера, что у братьев-вилюйчан имелся «многочисленный конный скот», «старуха Джаардаах разбогатела скотом, что сыновья других жен общеякутского праотца даже стали завидовать им», все же нужно признать, что вилюйчане и до своего переселения на север не были обладателями большого скотоводческого богатства, вполне обеспечивающего их существование. По преданиям, рогатым и конным скотом они одолжаются у своего старшего брата Тыгына. Знатоки легендарной истории Вилюя своих отдаленных предков чаще изображают бедными охотниками и рыбаками, которых отдаленный Вилюй приманил к себе своими богатыми промыслами:

«Добрались до реки Вилюя, стали жить, промышляя себе пищу охотой, рыбной ловлей и выскребая сосновую кору». (Элл. § 269).

...«И поселились по озерам в пределах современного Хочинского улуса». (Элл. 307).

...«и там на озерах Муосааны, Чаппангда пропитывались охотой». (Элл. 270).

...«Набрели на одно рыбное озеро и остановились здесь, чтобы запастись пищей. Наловили рыбы, насушили впрок»... «прожили еще некоторое время для просушки рыбы». (Элл. 305).

Даже во время жаркой битвы герои подкрепляются сосновой корой и рыбьей ухой:

«Началась перестрелка, которая продолжалась три дня и три ночи. Жены их из сосновой коры готовили пищу и приносили мужьям, пока они были заняты стрельбой». Дальше упоминается о рыбьей ухе, которую разлил калека-брат. (Элл. 270).

Мать вилюйских героев, советуя сыновьям бежать на Вилюй, говорит:

«В старые годы, плывя по ней (по р. Вилюю) я заметила, что там обилие всякой дичи и зверя». (Элл. 305). По другому варианту той же легенды, в ее уста вкладываются такие слова:

«Постройте большой плот, поплывем вниз. Там ниже я видела большое озеро. Разыщем его и будем жить, пропитываясь рыбой». (Элл. 307). Да и

она сама даже в период своего девичества бежит из родного края, имея при себе одну рыболовную сеть. (Вар. VII и IX), а ее соплеменники «из тальниковой кожуры вязали сети и питались рыбной ловлей». (Элл. 296).

Вилюйские сказители нередко рисуют своих героев за рыбной ловлей: «Кюрэнче-Боотур в темень междулуния пошел с сачком ловить рыбу. Сачок был величиной с мотню невода...» За рыбной ловлей нападает на него враждебный тунгусский витязь. (Элл. 326).

Известный своим молодечеством и меткостью в стрельбе, старик Мохогор, герой мархинских Кангаласцев, был занят высматриванием своих сетей и настолько увлекся этим делом, что не заметил приближения к нему удальца Тоторбота, пришедшего с нарочитой целью «посрамить громкую славу Мохогора». (Элл. 252 и 254).

Приведенный легендарный материал убеждает нас в том, что более примитивной мифологии коренных вилюйчан соответствует отсталость экономическая и смешанность их этнического происхождения. А все это в совокупности предполагает очень длительное раздельное существование двух отделов якутского народа и занятие ими более или менее обособленных географических областей.

Мы раньше останавливались на вопросе о том, что коренное население Вилюя переселилось не из Якутского округа, а из Приангарского края. В подтверждение этого положения можно еще привести дополнительные доказательства. В рассмотренных нами легендах мы находим следы воспоминаний о гибели скота при переселении: «Настала зима и конный скот погиб по дороге, будучи не в силах добывать корм из-под снега. Осталась лишь одна пегая кобылица». (Вар. VIII). Это обстоятельство, несомненно, свидетельствует о переселении вилюйчан из теплого юга на холодный север. Точно так же и «неимоверные трудности», преодолеваемые беглецами на пути до Вилюя (вар. VII), говорят о том, что первоначальные легенды складывались в эпоху переселений из Предбайкалья, а не из Якутского округа.

О том же свидетельствует и борьба первых переселенцев с местными тунгусами, проходящая красною нитью во всех вилюйских легендах. В сказаниях Якутского округа ни праотец Омогой, переселяющийся первым, и ни позднейший Эллэй, как правило, не ведут борьбу с тунгусами. Отсюда ясно, что всю тяжесть борьбы с оленеводами Ленского бассейна вынесли на своих плечах предки вилюйчан и что якутяне переселились значительно позже, когда ни якуты-оленеводы и ни собственно тунгусы уже не оказывали никакого сопротивления.

Старожилам Вилюя, оленеводам и рыбакам, над которыми одерживают победу джаарханские герои, в легендах дается родовое название «Нюрбагаат, Нюрмагаат (иногда Нюрбачаан и Ныылбаахы), производимое от имени большого озера Нюрба (Левый берег Вилюя выше устья р. Мархи. В настоящее время на месте этого озера обширная блюдообразная равнина, где проживает несколько якутских наслегов и русские крестьяне в селениях Александровском и Антоновском. Здесь же в селе Нюрба центр Нюрбинского улуса). В пределах Якутского округа в бассейне р. Сини мы находим небольшой нас-

лег, сохранивший родовое название «Нюрбагано-Чинский».[1] Раньше они были оленеводами, ввиду чего среди местных якутов они слывут бывшими тунгусами. Родовое название Нюрбагано-Чинцы бесспорно свидетельствует о том, что они когда-то проживали около озера Нюрбы и являются остатком тех самых рыбаков и оленеводов Нюрбагаат'ов, которые были потеснены вилюйскими якутами. Само собой разумеется, если вилюйчане двигались из Якутского округа, то Нюрбагано-Чинцы не могли бы отступить из Нюрбы навстречу волнам якутских переселенцев и очутиться в бассейне р. Синн. Путь отступления легендарных Нюрбагаатов от Нюрбы на Синю в пределы Якутского округа ясно доказывает, что старожильческое оленеводческое население Вилюя было потеснено якутами со стороны верховьев Лены и Вилюя и уходило от них в северном и восточном направлении.

Легенды вилюйчан вскрывают пред нами раннюю стадию в развитии их хозяйственного быта, который характеризовался, главным образом, отсутствием или крайним недостатком рогатого скота. Напомним воинственного Омолдоона, имеющего четырех коров, и бедного Эчика, вымаливающего по одной корове от старшего брата Тюмюка. Очевидно, современный легендист, который утверждает, что у предков вилюйчан при переселении погиб весь конный скот от зимней стужи и невозможности добывать корм из-под снега, ошибочно воспроизводит сюжет старых сказаний. Мы раньше уже касались этого вопроса и знаем, что ранние колонисты Вилюя при переселениях из Предбайкалья должны были лишиться полностью стад баранов. Во вторую очередь неизбежным представляется и массовый падеж рогатого скота, пригнанного сразу из Южной Сибири в зону оленеводческого хозяйства. Южносибирские скотоводы (буряты и минусинские татары) до недавнего времени весь крупный рогатый скот круглый год держали на подножном корму. Тем более древние якуты, проживая в области Прибайкалья, не могли запасать сено для коров и быков. Но, как мы знаем, переселение в бассейн Лены вынудило их повсеместно перейти к кормлению всего рогатого скота сухим сеном в течение всей зимы и содержанию его в теплом хлеву. Было бы нелепо утверждать, что такая резкая перемена в хозяйственных навыках якутов родилась сразу с первых же годов их переселения на север. Несомненно, древние якуты очень долго хранили свои южные хозяйственные привычки и не переходили к летней сенокосной страде. Следовательно, благодаря недостатку в запасах сухого сена с наступлением трескучих морозов пригнанный с юга рогатый скот нужно было бить на мясо. Нужда и горе лишь постепенно должны были научить их запасать сено для немногих дойных коров, вводимых на зиму в теплую юрту. Кроме того, содержание рогатого скота должно было иметь естественный предел в размерах сенокосных угодий.

Ленский край того отдаленного периода, когда там впервые появились якуты-скотоводы, в смысле обеспеченности сенокосными угодиями нельзя было бы и сравнивать с его современным состоянием. Вряд ли будет преувеличением, если мы скажем, что почти 90% всех наличных луговых угодий

[1] Соколов. Там же. Вып. II, стр. 12

в пределах поселений якутов образовались в результате приложения весьма упорного человеческого труда по культивированию совершенно дикого края. Долины скашиваемых теперь травянистых речек в те времена должны были представлять из себя сырые заболоченные места, засоренные и заглохшие от накопившейся ветоши, опавших листьев и наносных деревьев. Лишь по мере уборки этой завали и обнажения почвы для согревания ее солнечными лучами постепенно могли образоваться луга, годные для хозяйственной эксплоатации.

Второй род сенокосных угодий у якутов составляют забереги озер или все дно их по выпуску воды. Скашиваемые забереги тоже являются продуктом культивирования края хозяйственной деятельностью человека, направленной на осушение. Там где возможно, якуты стараются выпустить хотя бы часть озерной воды, в результате чего обнажившаяся часть дна, содержащая значительный слой осевшего ила, образует самые лучшие покосы с весьма доброкачественной травой (т. н. аласной). Кроме того, в местах древних якутских поселений, благодаря систематическому выжиганию леса, происходит постепенно общее осушение края. В выжженных местах снег рано тает и испаряется, подвергаясь иссушающему действию ветров. Это обстоятельство, уменьшая сток весенней воды, точно также способствует постепенному высыханию озер и образованию травянистых заберегов.

Якуты прибегали к выжиганию леса для образования зимних и летних пастбищ. Лесные пожары уничтожают толстый слой накопившейся хвои, листьев и древесных стволов, которые мешают всходам свежей травы, а уничтожение лесной зелени и листвы открывает землю для действия солнечных лучей. И земля начинает производить нужную для скотовода траву. Иными словами, якут своей хозяйственной деятельностью способствует замене древесной растительности травянистой.

Затем якуты выжигают лес для образования сухостоя (курунг), предпочтительно употребляемого ими для топлива. Около усадеб, где лесные пожары могут представлять опасность для жилья или для сенных зародов, якуты уничтожают крупный лес подсеканием деревьев. Не мало деревьев, вероятно, погибло от снимания коры, практикуемого якутами издревле для запасания их съедобной заболони.

По поводу иссушающей роли обезлесения нужно иметь в виду, что уничтожение леса в начальные годы вызывает обратное явление, т. е. переполнение озер весенней водою, ибо освобождается много влаги, которая раньше задерживалась ростом и тенью леса. В дальнейшие годы озерные котловины начнут постепенно высыхать, обнажая вокруг кайму скашиваемых заберегов. Иногда же в результате лесных пожаров образуются особые лесные озера, называемые якутами «тыымпы», очевидно, от таяния подпочвенной мерзлоты. При изобилии в Якутском крае лесных просторов это явление не приходится рассматривать, как ощутительный хозяйственный ущерб.

Борьба с лесом, несомненно, отняла у якутов не мало труда и времени, пока заметное осушение края в течение веков отразилось на площади пастбищ и озерных лугов.

Третий вид якутских покосов, так называемые, ётёх'и (в переводе—старое жилье-пепелище) представляет из себя хозяйственные угодья, которые уже в чистом виде образовались путем расчистки леса и удобрения земли скотским навозом. Дело в том, что вокруг усадебного места и внутри изгородей, где кормится скот, с течением времени накапливается изрядный слой навоза, благодаря чему земля начинает производить хорошую траву. В интересах увеличения площади этих сенокосных угодий старинные якуты имели привычку из года в год переносить с места на место свои изгороди для кормежки скота или даже селиться на новом месте.

Бытописатели бурят давно обратили внимание на существование у северо-байкальских бурят особых покосных угодий, называемых ими «утуг». По определению И. И. Серебренникова, «утуги—особые покосы, располагаемые на приусадебных землях и притом таких, где урожаи травы повышаются путем культурной деятельности человека, а иногда и искусственного орошения».[1] Бурятский «утуг» и якутский «ётёх», вне всякого сомнения, однородны не только с хозяйственной точки зрения, но и по первоначальному лингвистическому значению того и другого слова, ибо «ютэг», «ётюг»—по-монгольски значит—навоз, назем, место, где стоял скот.[2]

Наконец, самые ценные якутские покосы—заливные луга на многочисленных островах Лены. И эти луга не даны в природе в готовом виде и тоже образовались благодаря приложению человеческого труда, а именно, расчистке частых тальниковых зарослей и уборке наносного хлама...

Только очень наивные люди могут воображать себе, что Якутский край в своем девственном виде сразу мог быть использован, якобы, примитивными скотоводами, которые нашли здесь готовые сельскохозяйственные угодья.

Из изложенного ясно, что со времени появления в бассейне Лены первых колонистов-скотоводов до того момента, когда якутское скотоводческое хозяйство приняло свои современные формы, прошел очень длительный подготовительный период по культивированию дикого края, выработке целого ряда новых хозяйственных навыков колонистами, практическому изучению обширной страны и постепенному выявлению ее скрытых производительных сил. Очевидно также, что начальная стадия скотоводческого хозяйства в бассейне Лены должна была вылиться в форму табунного коневодства, ибо конный скот повсеместно, не исключая и приполярных широт, прекрасно приспособился к местным суровым условиям и может существовать, как и в Южной Сибири, исключительно подножным кормом.

Легенды вилюйчан наряду с нуждой в рогатом скоте устанавливают и наличие богатых табуновладельцев. У внука легендарного праотца вилюйчан Быркынгаа, старика Боруллуо, имеется 22 косяка с жеребцами. Повидимому, не мало конного скота и у его брата Омолдоона с девятью сыновьями.

Бытописатели якутов, касаясь вопросов развития их скотоводческого хозяйства, хотя и высказываются за преобладание в раннюю эпоху коневод-

[1] И. И. Серебренников. Буряты, их хозяйственный быт и землепользование. Верхнеудинск. 1925, стр. 80

[2] Бимбаев. Рус. монг. слов. 40 стр.

ства и за позднее размножение рогатого скота, но этот эволюционный процесс они не связывают с этапами постепенного развития Ленской колонии якутов, а признают как бы общим законом развития якутской экономики вообще. Такое представление, конечно, неправильно, ибо в пределах Южной Сибири не могло быть никаких предпосылок для более раннего развития коневодства. Даже, наоборот, в исторической последовательности рогатый скот приручен раньше коня и, следовательно, мог и должен был распространяться раньше конного. В отношении же эпохи появления якутов на Лене раннее распространение и развитие коневодства, как мы уже говорили, обусловлено большей выносливостью коня в отношении зимнего холода и отсутствием в крае лугов. Следовательно, здесь речь идет не об особенностях якутского хозяйства вообще, а о более раннем завозе коня на Лену. Такая последовательность в развитии форм скотоводства в пределах Средней Лены легко устанавливается особенностями и современного хозяйства якутов. До недавнего времени якутские табуны круглый год ходили на воле, добывая себе корм из-под снега. Крепкие копыта дают им возможность разгребать глубокий снег. При этом, по понятиям якутов, чем толще снег, тем лучше, ибо тогда кони не мерзнут. Толстый снежный покров дает коню много работы и он согревается от собственного усиленного движения.

Каково могло быть состояние хозяйства вилюйских и ленских колонистов в более ранние эпохи, может характеризовать хозяйство колымских якутов. По сохранившимся статистическим данным, у колымских якутов в 1837 г. было конного скота 6693 головы, а рогатого 576 голов. В дальнейшем вследствие заразы и гололедицы скот сократился в числе и в 1841 г. состояло налицо конного скота 2967 голов, а рогатого 255 голов. Это при наличии 2471 души об. п., т. е. приблизительно на 500 хозяев. В среднем на одно хозяйство приходится по 13 голов конного скота и 1 корова. Фактически распределение скота у колымчан не могло быть равномерным. Вероятно, преобладали крупные коневоды.[1]

В. Серошевский совсем не понимает основную причину эволюции форм якутского хозяйства от конного скота к рогатому. По его мнению:

«Вначале этот переход был вызван, между прочим, недостатками свободных пастбищ и кочевьев. Дело в том, что лошадь требует пастбищ значительно более обширных».[2]

Было бы правильнее, если бы он сказал: рогатый скот нуждается в луговых местах, площадь которых возрастала чрезвычайно медленно, а конный скот—только в пастбищах, летних и зимних, образование которых не требует большого труда. Серошевский проглядел естественную последовательность в развитии якутского хозяйства на Лене в зависимости от большей выносливости и неприхотливости конного скота, а также и непривычки древних якутов запасать сено для рогатого скота. Кроме того, он не знает и то-

[1] См. „Важнейшие промыслы и занятия жителей Колымского округа". Извлечение из отчета старш. советн. Якут. обл. управл. Д. И. Меликова. Памятная Книжка Якут. обл. за 1896 г. Вып. I, стр. 130

[2] См. Якуты. 268 стр.

го, что усиленное размножение якутами рогатого скота за последние два столетия является очень простым последствием русского завоевания. Никто, конечно, не может отрицать того очевидного положения, что до прихода русских у якутов существовал свой собственный и самобытный общественно-политический строй. Его мы можем характеризовать, как феодально-патриархальный быт с небольшой кучкой привилегированной знати и многочисленным, обездоленным и эксплоатируемым народом. (Об общественной организации якутов мы говорим здесь лишь мимоходом). Исторические привилегии знати прежде всего выражались в исключительном праве собственности на все лучшие луговые участки и преимущественной эксплоатации общественных пастбищ. Вот почему в дорусскую эпоху размножение рогатого скота было доступно лишь представителям правящего класса, обеспеченного лугами. Средняцкие и бедняцкие хозяйства могли эксплоатировать общественные пастбища и небольшие клочки лугов, не привлекающие внимания общественных акул, так называемые, «тирбэгэ», или разысканные где-либо в дальних местах. Русское завоевание положило конец древнему поземельному праву якутов: историческим правам якутских знатных родов был противопоставлен интерес фиска-равномерно распределить подати и повинности на новых подданных с обеспечением возможности их своевременной уплаты. Отсюда увязка платежа государственных повинностей с землепользованием и признание всех сельско-хозяйственных угодьев общественной собственностью. Хотя якутская знать и в порусских условиях отвоевала для себя значительные преимущества в вопросах землепользования, но это было лишь жалкою тенью того, что существовало когда-то. Во всяком случае русская власть наделила покосными угодьями всех плательщиков ясака и податей. Ясно, конечно, что вместе с лугами масса якутского плебса получила возможность размножать рогатый скот, как более удовлетворяющий нужды и потребности каждой семьи. Умножение мелких собственников скота и разрушение крупных неизбежно должно было повести к предпочтительному размножению рогатого скота и сокращению коневодства. Таким образом, новое нарушение соотношения между конным и рогатым скотом обусловлено уничтожением «священной» земельной собственности старой якутской аристократии и демократизацией порядков землепользования.

Установив переселение вилюйчан из Приангарского края, мы вместе с тем подходим к неменее важному историческому вопросу: не занимало ли вилюйское ответвление якутского племени самостоятельно всю область Предбайкалья, где русские завоеватели застали, так называемых, северо-байкальских бурят? Если дело обстояло так, то якутяне со своим Тыгыном раньше должны были населять территорию забайкальских бурят. Тыгын со своим народом, отступая пред натиском каких-то врагов на северо-западную сторону Байкала, должен был стеснить вилюйчан и вызвать их дальнейший отход на Вилюй. Ввиду того, что в легендарной памяти народа массовые события замещаются судьбою властвующих семей, то изложенный исторический вывод мы должны вычитывать, так сказать, между строк.

Мотивы бегства вилюйских героев сказители легенд излагают так:

1, 2 вар.: Сыновья старухи Джаардаах «не уживаются с Тыгыном», «им завидуют сыновья законных жен».

5, 6 и 7 вар.: Мать советует детям—«Бегите на жирный Вилюй, ибо старший брат не даст вам житья», «ищите другое место для жительства, ибо Тыгын скоро придет убить тебя» и «Тыгын, собрав своих сыновей и войско, погубит всех вас».

9-ый вар.: В этом варианте сохранился более ясный намек на земельное утеснение. Тыгын говорил предкам вилюйчан—«Зачем это вы нарушаете границы моих владений».

3 и 4-ый вар.: В этих вариантах причина бегства вилюйчан еще более приближается к исторической действительности. Тыгын ведет войну с каким-то неприятелем и просит у предка вилюйчан помощи. Из-за отказа последнего возникает ссора и драка. Прародителю вилюйчан опять-таки советуют: «Тыгын не снесет этой обиды и убьет тебя, нам нужно бежать в беспредельную даль». В другом варианте военная помощь символизируется в даче перьев орла, иначе говоря, подкрепить стрелками. (Орлиными перьями оперялись боевые стрелки). Из-за отказа дать перо орла тоже возникает ссора между Тыгыном и главой вилюйчан, а мать вилюйских героев видит дурной сон—«наша страна была залита кровью и я была в страшном смятении».

По многим вариантам, притеснения Тыгына сопровождаются побоями. Вилюйские герои в единоборстве хотя и могут одолеть Тыгына, но боятся его сыновей и войска. Под сыновьями Тыгына, очевидно, нужно подразумевать удельных князей, которые по приказу своего сюзерена и старшего родственника могут собраться со своими воинскими отрядами. Боясь объединенных сил якутян (всей родни Тыгына) или потерпев от них ряд поражений, вилюйские герои со своим народом были вынуждены спасаться бегством на Вилюй, в недосягаемую даль. Но это бегство легендисты, руководствуясь своим местным патриотизмом, комментируют чуть ли не как победу своих героев над Тыгыном и его воинством. По этой же причине в вилюйских сказаниях мы не можем найти прямое указание на утрату их предками своей насиженной территории, ибо фиксация внимания на подобных фактах была бы равносильна сознанию, что «наши герои» когда-то потерпели серьезное поражение. Но тем не менее этот факт огромной исторической важности целиком просвечивает сквозь тонкую пленку местного патриотизма. Очищение вилюйчанами всего Предбайкалья, по всей вероятности, совершилось не сразу, а с большими интервалами и передышками. Наше предыдущее исследование дает нам возможность наметить приблизительно четыре эпохи последовательных сдвигов вилюйчан.

1. Переселение основной массы вилюйского народа в Приангарский край (или в Предбайкалье) сбрасывает в бассейн Вилюя объякученных тунгусов с примесью якутских и монгольских родов, занимавших северные окраины страны. На севере появляется оленеводческая колония вилюйчан. Проходит очень длительный срок передышки.

II. Хронический наплыв единичных беженцев и небольших родов якутян создает земельную тесноту в Предбайкалье, благодаря чему из тех же северных окраин образуется постоянная течь на Вилюй небольших ватаг и родов, уходящих на север к объякученным оленеводам. Так накопляется та часть коренного населения Вилюя, которая была названа нами ранними вилюйчанами.

III. Переселение на Вилюй Бордонгских родов, очевидно, было вызвано появлением в Предбайкалье многочисленной группировки якутян. Весьма возможно, что в эту историческую эпоху Джарханские роды были вынуждены очистить пред якутянами левый берег Ангары и занять территорию между Ангарой и верховьями Лены, в свою очередь оттеснив бордонгских шаманов вглубь Вилюя. Ангара, замерзающая лишь на три зимних месяца, могла до поры до времени отсрочить окончательное вытеснение вилюйчан на север.

Бордонгские роды в своем легендарном воспоминании о бегстве на Вилюй еще не упоминают самого Тыгына. Они бегут от побоев какого-то зятя Тыгына. (Как убедимся во втором томе, под «зятьями Тыгына» нужно подразумевать второстепенных удельных князей, не принадлежащих к фамилии самого Тыгына). Очевидно, сам Тыгын со своими сыновьями, правителями главных уделов (улусов), еще оставался за Байкалом.

IV. Наступает эпоха полного очищения Предбайкалья от вилюйчан и Джаарханские роды устремляются на север вслед за Бордонгцами. На этот раз легендарная память бегущих сохранила имя Тыгына, как главного виновника их бегства на Вилюй. Нужно думать, что основное ядро якутян в этот момент уже распрощалось со своими забайкальскими владениями и переселилось в Прангарье. В связи с этим якутяне форсируют Ангару и вынуждают Джаарханцев к бегству.

Таким образом, в бассейне Вилюя происходит новое территориальное объединение всех частей вилюйского народа. Одновременно и в Предбайкалье собираются воедино все роды и улусы якутян.

В героическом эпосе вилюйчан нужно обратить внимание на один постоянный элемент, который чрезвычайно показателен. Это то обстоятельство, что борющиеся стороны сталкиваются у реки, которая как бы служит границей их владений, или одна сторона, чтобы напасть на своего противника, должна переправиться через реку. Так сыновья Тюлюён-Шамана, чтобы отомстить за обиду отца, переходят через реку вперед и назад. (Элл. §§ 257 и 267). Джаарханские герои перестреливаются с Тыгыном через речку Джэрбэ или через Вилюй. (Вар. 8 и 9). Торбот и сыновья Омолдоона сражаются у переправы через речку Марху. Омолдоон своим грабительством вынуждает своего богатого брата Таркая откочевать за речку Мархa. Не вправе ли мы в этом легендарном мотиве усматривать отголосок частых военных столкновений противников, живших когда-то по обоим сторонам Ангары? Река Ангара, делящая Предбайкалье на две более или менее равные половины, в древности, конечно, могла служить естественной пограничной межой для двух крупных подразделений народа, враждующих между собой. И якутские леген-

дарные сказы до сих пор не могут отделаться от той глубокой борозды, которую когда-то наложила на их строй Ангара. Утратив представление о ней, сказители должны замещать ее другими речными персонажами.

Монгольские примеси в составе северных оленных якутов и ранних вилюйчан дали нам основание утверждать, что аборигенами Предбайкалья были монголы-ойраты, сожительствовавшие с тунгусскими племенами. Отсюда вытекает, что предки вилюйских якутов в Предбайкалье были пришельцами, которые в еще более раннюю историческую эпоху вытеснили отсюда Ойратов, главным образом, Угэлэт и Тумат. Героические сказания Джаарханских родов подтверждают наш вывод о том, что Туматы Жиганского и Устьянского улусов по своему происхождению не якуты, а монголы. В пределах Юго-Западного Вилюя понятие о каком-то исчезнувшем иноплеменном народе «Тумат» (в одном вар. «Туман») является весьма популярным, хотя конкретное представление о нем часто путается. Ввиду того, что устное воспоминание народа не может дать ни хронологической и ни пространственной перспективы прошлой истории, Туматы-монголы в героическом эпосе вилюйчан превратились в старожилов Вилюя. Но, однако, большинство сказителей аборигенами Вилюя признает «тунгусов» (по нашей теории—по-якутски говорящие оленеводы). Исчезновение Туматов сказители объясняют тем, что они истреблены предками вилюйчан (7 вар.) или ранее их прибытия какими-то тунгусами. (Вар. 2). Есть единичное показание, согласно которому Туматов истребляет даже беженец порусской эпохи.

По вопросу о матери джаарханских героев, как мы уже отмечали, показания расходятся: одни сказители признают ее тунгуской, а другие туматкой. Причем интересно то, что герои, по совету матери, от притеснений Тытына бегут на ее родину. По одному варианту, на туматке был женат и глава джаарханских героев—Быргынгаа-Боотур.

Для историка важно, конечно, не то—в какой конкретной обстановке мыслят Туматов те или другие сказители, ибо это в значительной мере может зависеть от случайной фантазии каждого из них. Знаменателен сам по себе тот факт, что в памяти вилюйского народа сохранилось воспоминание о племени Тумат, находившемся в определенном отношении к их предкам. Из элементов этой легенды наиболее устойчивым и постоянным представляется тот, в котором рассказывается, что предкам вилюйчан досталась земля, где раньше проживали Туматы. У якутов Якутского округа никаких легендарных воспоминаний о народе Тумат не сохранилось. Значит при древних переселениях якутского племени через Предбайкалье на север вилюйчане шли впереди якутян. Вот почему вилюйчане унаследуют землю сначала от Туматов, а потом от тунгусов, а якутяне, передвигаясь вслед по готовой дорожке, не сталкиваются ни с теми и ни с другими.

На этом мы можем закончить разбор исторического значения данных вилюйского героического эпоса. Когда вилюйчане переселились в Предбайкалье? Ответить на этот вопрос нельзя, не ознакомившись с важнейшими событиями и фактами из истории древне-турецкого народа, занимавшего когда-то обширные монгольские степи. Точно также и даты постепенного

отступления якутов на Вилюй не могут быть установлены до ознакомления с происхождением и историческими этапами основного ядра якутского племени. (Якутян). Задние ряды толкали передних и якутское племя постепенно отступало в ленские дали. Таким образом, двигательный мотор якутской истории работал сзади.

Глава V

СВИДЕТЕЛЬСТВО ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОЙ ИСТОРИИ О ВИЛЮЙСКИХ ЯКУТАХ

Разобранный нами материал легендарной истории, хранящийся в памяти самого вилюйского народа, позволяет нам считать довольно прочно установленными следующие основные положения:

1. Задолго раньше до выступления на историческую арену знаменитого Чингис-Хана, когда монгольские племена были малы и незначительны и занимали северо-восточное лесистое и гористое окаймление степной Монголии, одна половина современного якутского племени захватила Западное Прибайкалье, оттеснив монголов Элётов (Угэлэт) и Туматов, входивших в состав Ойратских поколений.

2. Эти якуты очень рано распространились на север в бассейн р. Вилюя, оттеснив туда свое оленеводческое ответвление, говорящее по-якутски и составленное из смешения тунгусов, монголов и якутов.

3. Прибайкальские якуты, в которых мы усматриваем предков коренных вилюйчан, по своим культурно-этническим и историческим корням тяготели к основной массе якутов, обитавших за Байкалом на востоке или юго-востоке под властью каких-то Тыгынов.

4. Причем западно-байкальские якуты (или «северо-байкальские», как принято говорить в литературе об иркутских бурятах) в общеякутском центре были известны как союз трех административно-родовых группировок. (Напоминаем—«Юс-Бёлюю» и трех сыновей старухи Джаархан, праматери всех вилюйчан).

Здесь мы получаем возможность покинуть зыбкую почву исторических умозаключений, основанных на анализе легендарного материала, и опереться на более точные и надежные данные датированной и документированной истории центрально-азиатских народов.

В древне-турецких надмогильных надписях знаменитых князей и ханов, найденных в Монголии в долине р. Орхона и датируемых 731 и 734 годами н. эры (годы смерти князя Кюль-Тегина и его брата Бильгэ-Хана, в честь которых составлены интересующие нас надписи), между прочим, два раза

упоминается народ, называемый Юч-Курыкан, Три-Курыкана [1]. В обоих случаях «Юч-Курыканы» упоминаются наряду со многими другими народами, которые входили в то или другое политическое соотношение с народом Тюрк, занимавшим в то время центральные монгольские степи.

В первый раз речь идет о многих народах, пославших своих представителей для выражения соболезнования по поводу смерти знаменитого предка тюркских ханов Бумын-Хана (или Истеми-Хана). Во второй раз Курыканы упоминаются среди народов, с которыми пришлось бороться Ильтерес-Хану, отцу Кюль-Тегина и Бильге-Хана. Причем в оба раза название Курыкан приводится между именами народов Кыркыз и Отуз-Татар, как бы определяя этим его промежуточное положение между названными народами. Относительно народов Кыркыз и Отуз-Татар среди туркологов и ориенталистов больших сомнений не возникает. Кыркызы есть тот самый народ, который занимал степи Минусинского края даже при появлении там русских завоевателей, а об Отуз-Татарах Пл. Мелиоранский пишет: «Жили к востоку и юго-востоку от Байкала; ничто не мешает думать, что они доходили до Буир-Нора. Пока не доказано противное, мы, соглашаясь с Бартольдом, считаем их, этих татар, предками монголов Чингис-Хана».[2] Это мнение можно признать общепринятым в науке.

И относительно Юч-Курыкан орхонских надписей в исторической науке точно устанавливается, что это есть тот же самый народ, который описан в китайских летописях Танской династии под названием «Гули-гань». (Гуриган-курыкан, ибо китайцы в иностранных словах звук «р» обычно передают через «л»). Китайский историк точно определяет местожительство этого народа:

«Гулигане кочевали по северную сторону Байкала... Земли гулиганевы на север простирались до моря (здесь разумеется Ледовитый океан)».[3] Мелиоранский пишет: «Юч-Курыкан'ы мало известны; по китайским источникам они жили к северу от Байкала, на запад их владения простирались до страны Кыргызов. Имя этого народа звучит очень близко к монгольскому слову ягненок, а потому может быть это—народ монгольского племени».[4] Это мнение о монголизме Гулигань основано на недоразумении, ибо, по китайским летописям, совершенно ясно и бесспорно устанавливается их принадлежность к группе турецких народов, позже известных под общим названием уйгуров или ойхоров (у китайцев). Позволим себе привести небольшие цитаты из китайских летописей:

«Предки дома Ойхор были хунны. Они обыкновенно ездили на телегах с высокими колесами: почему при династии Юань-Вэй еще называли их Гао-

---

[1] См. Пл. Мелиоранский „Памятник в честь Кюль-Тегина". Перевод большой надписи п. п. 4 и 14. Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ. т. XII, вып. II и III за 1899 г., а также W. Radloff. Die alttürkishen Jnschriften der Mongolei Dritte Liefferung s. s. 440, 441, 449 и 451

[2] Мелиоранский. Там же. 100 стр.

[3] Иакинф Бичурин. Собрание сведений и т. д. Ч. I. стр. 440

[4] Мелиоранский. Там же. 100 стр.

тюй или Чиле, ошибочно превращенное в Теле. Поколения их суть: Юаньге. Сеяньто, Кибиюй, Дубо, Гулигань, Доланьге, Пугу, Баегу, Тунло, Хунь, Сыге, Хусе, Хиге, Адэ, Байси—всего пятнадцать поколений. Они рассеянно обитали по северную сторону великой песчаной степи. Юаньгэ, т. е. Ойхор еще называлось Уху, Уге».[1]

О языке гаогюйских поколений китайская история в другом месте говорит: «Язык их сходен с хуннским, но есть небольшая разница».[2] В истории дома Тхан приводится подробно описание всех поименованных гаогюйских поколений, в том числе и Гулигань.[3] Из этого описания видно, что Гаогюйцы занимали почти всю современную Внешнюю Монголию, русское Забайкалье и Приангарский край. Гулигане же были самым северным ответвлением Гаогюйцев и жили несколько обособленно от остальных поколений, занимая южные пределы быв. Иркутской губернии к западу от Байкала, но тем не менее они входили в состав общетурецкого государства с политическим центром в бассейне Селенги и Орхона. Гулигане, по китайским летописям, «имели 5000 строевого войска», «страна производила превосходных лошадей».[4] Сообщение историка, что земля Гулигань простирается до Ледовитого океана, намекает на то, что они уже тогда имели сношение с дальним Вилюем или «беспредельной далью» якутских легенд. В словах китайского историка мы находим и фактическое доказательство того, что гулигане бывали на дальнем севере, ибо он пишет:

«По переходе за море Байкал на север дни долги, ночи короткие. По закате солнца только что баранья селезенка успеет изжариться, как на востоке уже показывается рассвет». (Там же в пунк. о Гулигань). Очевидно, здесь речь идет о белых ночах Ленского края. О полярном дне с его незаходящим солнцем люди срединного царства еще не знают.

Какой же другой турецкий народ мог бы проживать в указанную эпоху в Приангарском крае, который имел бы связь с дальним севером, где летом дни длинны и ночи коротки, как не якуты? Теперь мы знаем, что китайский историк название «Гулигань» позаимствовал из общетурецкого центра, где приангарские турки еще в сороковых годах 8-го стол. были известны под названием «Юч-Курыкан». В этом названии «Три Курыкана» мы находим еще основание для отождествления их не со всем якутским племенем, а с трехсоставным вилюйским отделом их.

Сведения китайских историков нельзя смешивать с легендами и мифами, ибо в 629 г. н. э. все турецкие племена, обитавшие в восточной половине Монголии, Забайкалье и Предбайкалье (упомянутые Гаогюйцы или Теле), сами добровольно подчинились Китаю и были разделены на несколько округов. Историк пишет: «После сего явились одиннадцать телеских поколений (т. е. начальники поколений со своими родственниками явились к китайскому двору) и представили, что Сеяньто не повиновался великой державе и

[1] Бичурин. Там же. стр. 373
[2] Бичурин. Там же. стр. 248
[3] Бичурин. Там же. стр. 426—442
[4] Бичурин. Там же. стр. 440

через то сам навлек погибель на себя... Все желают поддаться сыну неба и просят установить у них чины дома Тхан. Указано приготовить большое угощение и представить старейшин. Несколько из них получило при этом случае чины дома Тхан (т. е. китайские). В следующем 630 г. они опять явились ко двору»[1].

Дальше сообщается о разделении всего подчинившегося турецкого народа на шесть губернаторств, по кит. Ду-ду-фу, что значит правление главноуправляющего, и семь округов, называемых по кит. чжеу. Яснее сказать, шесть первостепенных и семь второстепенных. Во всех аймаках их же «старейшины поставлены с военными китайскими титулами». В летописи приводятся китайские названия всех вновь учрежденных областей. Тринадцать областей «для сосредоточения управления» подчинены особому Яньжанскому наместническому правлению. Приводится даже имя китайского наместника по управлению новыми турецкими подданными. Между прочим, Курыкане-Гулигане образовали округ под названием «Сюань-Кюе-Чжеу», который «в 662 г. был переименован в Юйву и подчинен Байкальскому наместническому правлению».[2] Мы имеем даже точное указание, что старейшина Гулигань в числе одиннадцати старейшин представлялся китайскому двору: «Как скоро Гулиганьцы приехали ко двору, то указано отправить военного сановника Кхан-Суми с благодарным ответом. Главный его старейшина Сыгинь вслед за посланником представил лошадей. Император выбрал десять отличных под названием тысячалийных, которым даны были громкие названия. Император с честью принял посланника его».[3]

О гулиганьских лошадях сообщается особо—«с головы похожи на верблюда, сильны, рослы; в день могли пробегать по нескольку сот ли» («ли—полверсты). Как видим, и выносливость якутских лошадей, о чем так часто говорят и пишут многие современные бытописатели якутов, не ускользнула от внимания древних китайцев. При наличии столь близкого соприкосновения китайцев с представителями гулиганьского народа, мы были бы не вправе проявлять излишний скептицизм и по поводу сообщения китайского историка, что владения Гулигань простирались до Ледовитого океана. Не получают ли наши исторические выводы по поводу раннего переселения объякученных оленеводов из Предбайкалья на Вилюй документальное подтверждение в цитированных местах китайских летописей?

В. В. Радлов в своих популярных очерках по истории и этнографии турецких племен под общим заглавием «Aus Sibirien» знакомил немецкие ученые круги с данными китайских исторических летописей. Не мудрствуя лукаво, он пересказывал их содержание по указанному выше труду монаха Иакинфа Бичурина (ч. I), сопровождая их лишь небольшими комментариями. По поводу «Гулиганей» автор пришел в общем к совершенно правильному

---

[1] Бичурин. Там же. стр. 375
[2] Бичурин. Там же. стр. 440
[3] Бичурин. Там же. стр. 440

выводу о несомненном тождестве их с якутами, которые должны были состоять из смеси уйгуров с тунгусами:

«Не может быть сомнения в том, что здесь под Гулигань нужно понимать якутов, по всей вероятности, смешанный народ, образовавшийся из уйгуров и тунгусских племен».

Это раннее воззрение акад. Радлова нуждается в существенной поправке в том смысле, что китайские Гулигане должны быть отождествлены не с собственно якутами, а с их вилюйским отделом, который в описанную эпоху должен был значительно отличаться от последних. Позже, стараясь увязать историю с особенностями якутского языка, Радлов значительно уклонился от намеченного им самим пути разрешения якутской проблемы.

Почему вилюйские якуты, проживая в Приангарском крае, были известны в общетурецком центре под названием «Юч-Курыкан» (или Кураканн-Куркан) и каково значение этого имени? Ответ на эти вопросы мы попытаемся дать позже в связи с уяснением этнического происхождения вилюйских якутов.

---

[1] Радлов В. В. Aus Sibirien. t I s. 134

Глава VI

„БАРГУДЖИН ТУКУМ"

(Якуты и монгольские племена)

Возможно ли согласовать с данными истории монголов изложенные выше выводы о древнейших взаимоотношениях якутов с монгольскими племенами в пределах Предбайкалья? К сожалению, древняя история монгольских племен, предшествующая эпохе знаменитого завоевателя Чингис-Хана, (т. е. до начала XIII в. н. эр.), покрыта мраком неизвестности. Нам определенно известно, что до середины IX ст. все обширные монгольские степи находились во владении разных племен турецкого языка и происхождения. С середины IX ст. до конца XII ст.—три с половиной века в истории монгольских степей можно характеризовать как переходную эпоху между двумя историческими эрами, древним—турецким и новым—монгольским. Эта переходная эпоха тоже остается слабо освещенной документальными данными. Современная историческая наука об этническом происхождении народов, населявших в этот период монгольские степи, не дает однообразного и точного ответа. Но больше данных говорит за то, что Монголия все еще оставалась в руках мелких турецких племен, которые были не в состоянии объединиться в одно государственное целое и оказывать, по примеру предшествующей истории, могущественное влияние на судьбы народов, живущих в окружении Монголии. (С этими вопросами мы подробно ознакомимся во 2-м томе очерков). В этот-то период слабости турок, повидимому, и происходил процесс постепенного объединения монгольских племен, которые готовились перейти из роли окраинных, угнетенных и эксплоатируемых народов в положение державных властителей всей Монголии под эгидой Чингисовой династии.

Якутские легендарные отзывы о Туматах и, как увидим дальше, о других монгольских племенах, безусловно относятся к той отдаленной эпохе, когда имя монголов было абсолютно лишено внушительности, силы и какой-либо тени их позднейшего величия. Легендарные монголы якутов к степям Монголии, конечно, не могут иметь никакого отношения. С ними сталкиваются лишь якутские авангарды, они живут в смешении с тунгусскими племенами, повидимому, занимаясь охотой, рыболовством и отчасти скотоводством. При отсутствии политического объединения даже многочисленный народ не может играть серьезной роли в международном общении. То обстоятельство, что монголы якутских сказаний выступают

под кличками отдельных племен—Туматы, Югюлээты, доказывает, что монголы того времени жили разрозненно под протекторатом чуждых племен.

Относительное расположение и точное местожительство разных отделов монгольского народа устанавливается документальными данными лишь в истории постепенного сложения Монгольской империи Чингизидов. Для встречной проверки показаний якутского героического эпоса, конечно, не лишены значения и эти данные. Но прежде чем перейти к разбору этого материала, мы позволим себе остановиться на вопросе о современных бурятах, которые, на первый взгляд, должны были бы находиться в самых ближайших взаимоотношениях с якутами за время проживания их на юге. Малоосведомленные в бурятском вопросе лица нередко пытаются ограничить древние якуто-монгольские взаимоотношения лишь сопоставлением бурят и якутов. Однако, такая постановка сложной научной проблемы якуто-монгольских взаимоотношений далеко не соответствует исторической действительности.

I. СОВРЕМЕННЫЕ И ДРЕВНИЕ БУРЯТЫ.

Продолжателями якутской истории в Прибайкалье выступают буряты, самое северное ответвление монгольского племени, расселившееся по обе стороны озера Байкала.

«Ныне буряты разделяются на живущих в Иркутской губернии или северо-западной стороне Байкала—барга-буряты, и на забайкальских или живущих на юго-восточной стороне Байкала—монголо-бурят».

«Бурят насчитывается приблизительно 270000 душ обоего пола, а именно: в Иркутской губернии до 100000 душ и в Забайкальской области до 170000 душ».[1]

Численное соотношение баргу-бурят и монголо-бурят показывается в тех же цифрах и в позднейших более обстоятельных работах. По переписи 1917 г., численность бурят быв. Иркутской губ. определена в 98678 душ об. п., а по Забайкальской области примерно 172157 душ, из которых 21,092 души составляют буряты-казаки[2].

Надо заметить, что в эпоху русского завоевания название «бурят», повидимому, не распространялось на забайкальских, которые «названы были этим именем русскими»[3].

Новейший знаток бурятского языка, истории и быта Бадзар Барадин в своей статье «Бурят-монголы» дает лингвистический и исторический анализ происхождения племенного названия «бурят» в следующих словах:

«Слово бурят есть позднейший вариант древнего слова б а р г у т. Собирательное для многих мелких, так называемых, лесных народов монгольского поколения, слово баргут, имевшее смысл т е м н ы й д и к и й, в отли-

---

[1] См. Больш. Энцикл. Слов. Брокг. 1891 г. Т. V. Статья—„Буряты„—Ф. Шперк. 60—61 стр.

[2] См. И. И. Серебренников. Буряты и их хозяйст. быт и землепользование. Стр. 16

[3] См. И. А. Подгорбунский. Буряты. Историч. очерк. Иркутск. Епарх. вед. за 1902 г.

чие от коренных монголов поколения Чингис-Хана, подверглось лингвистическому изменению до слова бурят путем многочисленных перемещений, смешений племен и наречий»... «Постепенность изменений этого слова... баргут—бургут—бурут—бурат—бурят. Выражение баргу-бурят нисколько не противоречит этому положению, так как это выражение, несомненно, явилось в позднейшее время».[1]

Здесь автор развил краткий тезис Д. Банзарова, высказанный им еще в 1849 году в статье «Об ойратах и уйгурах»: «Бургуты-Буряты или Буруты».[2]

Составитель монголо-русского словаря Бимбаев тоже пишет: «Барго—грубо, невежественно. Монгольское племя Баргуты».

Если считать правильным положение цитированных авторов, то бурятами в собственном смысле этого слова являются только добайкальские, т. е. иркутские буряты, потомки древних баргутов или бурутов, которые так были названы, несомненно, потусторонними степными монголами, ибо в те отдаленные времена северное лесное ответвление монголов не могло не быть более «диким и темным».

Мы предлагаем нашим читателям обратить особенное внимание на лингвистический анализ Банзарова—Барадина, ибо он, как убедимся в дальнейшем, дает возможность распутать темный исторический узел, имеющий решающее значение в деле понимания прошлых взаимоотношений бурят и якутов и их происхождения.

Стараясь разгадать основные моменты исторического прошлого якутов в эпоху пребывания их около озера Байкала, мы свернули к современным бурятам в надежде в их подразделениях, языке, быте и истории найти какие-либо полезные для нас указания. В самом деле, не вправе ли мы утверждать, что позднейшая история бурятского племени, занявшего места древнего расселения якутов, потекла по тому же самому руслу, по которому развивалась и самобытная история якутов?

Вот почему, чем витать в безбрежном просторе отвлеченных теоретических гаданий о том, как складывалась жизнь якутов около «священного» Байкала, не лучше ли историку якутов попытаться реставрировать прибайкальский этап их истории по известным нам образцам истории бурят? Мы берем на себя смелость утверждать, что буряты и якуты—первые в общемонгольском мире, а последние в общетурецком—в соответствующие исторические эпохи занимали совершенно однородную позицию и образовались в результате распада политического могущества монголов и турок в прилежащих степях Монголии. Разница заключается лишь во времени: история якутского народа развертывается на несколько столетий раньше бурятской, ибо и турецкие племена, как властители степной Монголии, выступали задолго раньше до появления на исторической арене монгольских племен.

---

[1] См. Журн. „Бурятиеведение“. 1927 г. № 3—4. Б. Барадин. „Бурят-монголы“. Стр. 45

[2] См. „Черная вера“ и друг. сочин. Банзарова. Спб. 1891. Статья—Об ойратах и уйгурах—стр. 82

Процесс сложения современного бурятского народа нельзя оторвать от исторических судеб главного отдела монгольского племени, занявшего степную Монголию. Зависимость истории бурятского народа от общемонгольской до русского нашествия ощущалась, несомненно, сильнее, чем в эпоху русского владычества. По позднейшим бесспорным историческим фактам мы можем судить о ранних формах этой зависимости.

Историк буряг М. Н. Богданов пишет: «Вследствие потери самостоятельности, внутренних раздоров в пределах Халхи, поборов китайских чиновников и т. д. Монголия в течение всего XVIII в. продолжает выбрасывать более или менее значительные группы родов в пределы тогдашних русских острогов. О бегстве бурят в Монголию нет более речи»[1].

Характерно то, что иногда перебежчики из Монголии водворялись среди бурят почти насильственно. По данным Бантыш-Каменского (Диплом. собр. дел между Росс. и Китайск. государствами. Стр. 203—204), некоторые перебежчики отвечали русским: «Хотя их всех смертью казнят и тела их выбросят за границу, но добровольно они в Мунгальскую землю не пойдут». Богданов, приведя эту выдержку, пишет: «Насколько значительны были цифры перебежчиков, можно судить по тем данным, которые приводятся у Бантыш-Каменского. В 1731 г. переселились более 1500 юрт перебежчиков, которые рассеялись по рр. Алитане, Агуце, Борже и Онону. В 1733 г. тоже повторилось два раза... В 1734 г. в Нерчинский уезд под предводительством двух мунгальских тайшей перешли 935 юрт, в коих к военному делу способных было 2150 человек».[2]

Известно, например, что буряты Селенгинского аймака почти в целом своем составе являются монголами, «бывшими подданными Сапи-Нойона, Сэпэн-Хана и Тушету-Хана».[3] «Селенгинские и Урульгинские (ононские) буряты считают себя потомками хуху-монголов Чингис-Хана». «Во время прихода русских в Забайкалье, в пределах нынешнего Селенгинского уезда жили, действительно, монголы, имевшие связи с монгольскими княжескими дворами».[4]

«Селенгинские три Табангутские рода в начале 1690 г. перебежали из Монголии в Россию и потом снова ушли обратно в Монголию; после под предводительством Битан-Дархана, Даян-Монгола, Заяту-Хошигучи и Идэр-Бодонгуна вторично около 1710 г. перешли в подданство России».[5]

В XVII в. из Халхи бежали в русское Забайкалье восемь родов монгольского племени Хатагины.[6]

---

[1] См. „Очерки истории бур.-монг. нар." Стр. 72
[2] Там же. стр. 73
[3] Там же. стр. 74
[4] Там же. стр. 4
[5] См. „Сказания бурят, записанные разными собирателями". Зап. Вост. Сиб. Геогр. О-ва, по этногр. Т. I, вып. 2. 1890 г. Заметка Юмжап Лумбунова—„Поколения селенг. бурят". Стр 121
[6] См. Разумов и Сосновский—„Население, значение рода у иноролцев и ламаизм". Матер. комисс. для исслед. землевладения и землепользования в Забайк. обл. Т. VI, стр. 3.

И среди северо-байкальских собственно бурят есть не мало монголов, поселившихся в разное время. Например, во время нашествия в Восточную Монголию западного калмыцкого хана Галдана перебежали из Монголии восемь родов Хонгодор и поселились в пределах б. Иркутской губ. в Тунке и в Аларской степи [1].

М. Н. Хангалов, один из лучших знатоков бурятского быта, дает список «племен» или костей иркутских бурят. Он насчитал 19 костей. Причем 14 из них он сопровождает пометкой «вышли из Монголии»[2].

Новейший исследователь быта и истории бурят П. П. Баторов пишет: «Соображаясь с разными устными преданиями, собранными мною по частям, я склонен думать, что все вышедшие из Монголии эмигранты назывались «бурят» и, собравшись в Восточной Сибири, составили бурятское племя, а впоследствии довольно прочно слились между собой»[3].

По поводу происхождения имени «бурят» Баторов ссылается на своего сородича Амагаева, который производит его от глагола «буряха», что будто бы означает: «Закусив удила, не слушаясь повода таскать и безудержно бежать». «Поэтому все те люди, которые были беглецами из пределов Монголии были прозваны «буряжа гарасан бурият», т. е. без удержа, самовольно ушедшие буряты»[4].

Гипотеза Амагаева, по существу говоря, является повторением простонародных наивных этимологических рассуждений, наподобие того, что будто бы имя «киргиз» произошло от слов «кырк-кыз»—сорок девиц или племенное название «саха» (якуты) от «саах»—кал, навоз. (Теория Приклонского, повторяющего ругательское суждение русских обывателей).

По поводу происхождения имени «бурят» при наличии приведенной выше вполне научной гипотезы ученых бурят-лингвистов нет нужды, «не слушаясь повода, без удержу таскать», употребляя удачное выражение авторов новой гипотезы. Но тем не менее и покойный П. П. Баторов не совсем неправ в своем утверждении, ибо он имеет в виду бурятское племя в его современном составе, в котором «монголы», попавшие в разряд бурят, несомненно составляют подавляющее большинство. Баторов из числа монгольских беженцев исключает большую часть иркутских бурят, так называемых, Эхирит-Булагатов, которые и есть бывшие баргуты—буруты: «Сказаний о непосредственной связи с монголами у Эхирит-Булагатов нет. Также о бегстве их предков из Монголии в Восточную Сибирь никаких преданий не существует».[5]

Вот эти-то «Эхирит-Булагаты» и есть основное ядро «бурятского племени», существующего издревле. Разбираясь в легендах самого бурятского

[1] См. Подгорбунский. Буряты. Ист. очерк, Богданов. Там же. 62 стр. Также в статье Д. Д. Дамеин—„Преданне о происхождении аларских бурят„. Бурятоведческий сборник. Вып. V. 1929 г. Стр. 58—61

[2] См. „Сказания бурят и т. д.“ стр. 88

[3] См. его статью „Материалы к вопросу о происхождении бурятских племен“. Журн. „Бурятиеведение № 2“. 1926 г. Стр. 3—4

[4] См. Баторов. Там же, стр. 3

[5] Баторов там же стр. 6

народа, не трудно установить, что в древности имя бурят (бурут или баргут) прилагалось только к Эхирит-Булагатам.

По варианту предания, записанного М. Н. Хангаловым у Кудинских бурят, мифический герой Барга-Батур имеет трех сыновей: старший Илодэр-Тургэн, средний Гур-Бурят и младший Хоредой-Морген. Дальше сообщается, что Барга-Батур среднего сына Гур-Бурята оставил в Иркутской губернии в Тункинском ведомстве и сказал:

«Ты будешь царем этой местности. Твое счастье здесь. Гур-Бурят остался в Тунке. От него произошли северо-байкальские буряты, принадлежащие к племенам Эхирит и Булагат, т. е. тункинские, китойские, аларские, балаганские, идинские, кудинские, капсальские, верхоленские, ольхонские и ленские буряты».

От старшего сына Илюдер-Тургена, оставленного около Тобольска, происходят калмыки, живущие в Южной России, а от младшего Хоредай-Моргена «хоринские буряты на южной стороне Байкала и племена хангинцы и шараты на северной».[1]

Здесь мы видим, что имя Гур-Бурят присваивается только предку Эхирит-Булагатов, а забайкальские многочисленные Хоринцы с этими собственно бурятами находятся в таком же отношении, как и русские калмыки.

Мифологическое самосознание южно-байкальских бурят точно также имя «бурят» локализирует только к Эхирит-Булагатам. По легенде, записанной Юмжап Лумбуновым—«шамашка Асойхан... имела двух сыновей: старшего Бурядая, младшего Хоридая». Бурядай рождает двух—Ихирита и Булагата. У Ихирита было восемь сыновей, от которых происходят буряты, обитающие к северу от Байкала в Верхоленском, Балаганском, Идинском и др. ведомствах. У Булагата было шесть сыновей... «У Хоридая было одиннадцать сыновей, потомки которых теперь Хоринцы и Агинцы».[2]

Здесь опять-таки имя «Бурядай» не покрывает собой забайкальских Хоринцев и Агинцев, происходящих от Хоридая.

Итак, старинные буряты как северо-байкальские, так и юго-байкальские, имя «бурят» относили лишь к Эхирит-Булагатам, главная масса которых живет в пределах б. Иркутской губ. и лишь незначительная часть—в Баргузинском крае и в районе нижней Селенги. (Кударинцы, переселившиеся в русскую эпоху из Верхоленских степей). Вместе с тем мы находим в легендарном сознании народа очень веское подтверждение гипотезы, что имя бурят произошло от «баргут-бурят», живущих на западном берегу Байкала:

«Ко времени прихода русских только северо-байкальские буряты, в лице булагатов и ихиритов, назывались бурятами (вариантом слова баргу) и то не все. Это наиболее распространенное среди лишь северных бурят племенное название стало общим названием для всех остальных племен,—хоринцев и других, которые в то время носили каждое свое племенное название».[3]

[1] См. Сказания бурят. стр. 112—113.
[2] Сказания бурят... стр. 119—120
[3] См. Барадин. Там же. стр. 51

Такми образом, теперешние буряты, оказывается, совсем не те буряты, которые существовали под таким названием не только в древности, когда около Байкала проживали якуты, но даже в эпоху русского завоевания, всего лишь триста лет тому назад. Бурятское племя в его современном составе нужно рассматривать, как историческое новообразование. Из 270 тысяч душ официальных бурят вряд ли и сто тысяч может быть причислено к потомкам древних бурутов—Эхирит-Булагатов. Их прямые потомки живут по преимуществу в двух теперешних аймаках—Эхирит-Булагатском и Боханском. По официальным данным 1926 г.[1] значилось в них бурятского населения:

В Эхирит-Булагатском аймаке . . .	24399 д. об. п.
В Боханском аймаке	14329 д. об. п.
Итого	38728 д. об. п.

Население двух других аймаков северо-байкальских бурят (в Аларском—19276 д., в Тункинском—14000 д.)—около 33000 душ. Из них едва ли одна третья часть может быть причислена к коренным северо-байкальцам. В пределах б. Иркутской губернии около 28 тысяч бурят остались вне Бурят-Монгольской республики. Мы не можем знать какая часть из этих бурят может быть отнесена к потомкам древних Эхирит-Булагатов. Точно также трудно учесть небольшое количество северо-байкальцев, эмигрировавших за Байкал за время порусской истории. М. Н. Зобанов в своей интересной работе «Бытовые черты в эпических произведениях Эхирит-Булагатов»[2] пишет: «Основное ядро Эхиритов можно наметить в пределах Эхирит-Булагатского аймака, а Булагатов лишь отчасти в пределах названного аймака, но, главным образом, в пределах быв. Балаганского уезда. Большую часть бурят Иркутской губ., повидимому, составляли Булагаты и Эхириты, перемешавшиеся с позднейшими выходцами из Монголии».

Если мы из общего числа бурят б. Иркутской губернии приблизительно третью часть отнесем за счет позднейших выходцев из Монголии, то коренных северо-байкальцев, потомков древних бурутов, окажется не более 70 тысяч душ. Во всяком случае, подавляющее большинство современных бурятских родов считает себя больше монголами, нежели бурутами.

Баргу-буряты значительно отличаются от своих забайкальских собратьев и по наречию. Заявление Риттера, что «Халхасцы и Хоринские буряты только с трудом понимают живущих на север от Байкала Баргу-Бурятов, потому что их язык очень груб» (Землеведение Азии. т. V),—вряд ли справедливо в отношении Хоринцев, ибо порусская история способствовала смешению добайкальских и забайкальских бурят, вызвав между ними оживленное культурно-экономическое общение: монгольские роды, переходя через Байкал, натурализовались среди бурутов, в свою очередь и последние уходили за Байкал и селились по соседству с Хори-Тумэтами и монголами. Как в двух сообщающихся сосудах вода стремится к одному уровню, так и в порусской Бурятии древнее языковое и культурное различие бурятского и мон-

[1] См. Проф. Н. Н. Козьмин. „Бятур-Монгольская АССР". Геогр. и хозяйств. очерк". 1928 г. стр. 24

[2] Верхнеудинск. 1929 г. стр. 8—9

гольского отделов, несомненно, идет к постепенной ликвидации. Если взять эпоху Чингис-Хана, то язык бурятов, наверное, отстоял намного дальше от наречия забайкальских монголов.

Проф. Б. Я. Владимирцов в своей недавно изданной монографии—«Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия»[1] утверждает, что забайкальские бурятские говоры «приближаются на юге к халхасским» и что говор баргузинских бурят является переходным, близким как Северной, так и Южной группе».

Из изложенного явствует, что Предбайкалье и Забайкалье по своим топографическим и физико-географическим условиям не представляют из себя замкнутые и совершенно обособленные области. Тот и другой берег в монгольскую эру находятся в оживленном сношении и служат ареной жизни и деятельности двух половин одного Бурято-Монгольского народа. Добайкальские собственно буряты составляют меньшую половину народа и в культурном отношении в дорусскую эпоху, вне всякого сомнения, вполне оправдывали свое наименование баргуты—грубые, дикие и отсталые. Забайкальские буряты по языку стоят ближе к монголам и в культурном отношении тяготели к последним. Достаточно указать на один факт: все забайкальцы давным давно усвоили ламаизм, наступающий из степей Монголии, а добайкальцы до недавнего времени оставались грубыми шаманистами, за исключением тункинских и аларских бурят. Принятие ламаизма забайкальскими бурятами относится к концу XVII века.[2]

Большое отличие констатируется между двумя половинами бурятского народа и в отношении героического эпоса. Добайкальцы до наших дней сохранили сказание о своем происхождении от быка-пороза, мифического Буха-Нойона (см. Элл. §§ 338—347), который, вступив в любовную связь с девицей, рождает двух мальчиков—Эхирита и Булагата (или одного из них), ставших прародителями всех северо-байкальских бурят. Среди забайкальцев этот миф почти неизвестен.

Спрашивается, почему мы не можем распространять и на якутский период истории Прибайкалья распадение бурятского племени на два отдела, обусловленное прилеганием занятой ими территории с обоих сторон к озеру Байкал? Ведь это и есть, несомненно, отражение на человеческой истории окружающей физико-географической среды. Если в наше время органы советской власти выдвигали проблему создания «Лено-Байкальского района», «представляющего собою вполне достаточно выявленное географо-экономическое единство», которое «будет рано или поздно осуществлено и как административно-экономическое единство»,[3] то тем более в эпоху экстенсивного скотоводческого хозяйства та и другая стороны Байкала не могли не тяготеть друг к другу. Вот почему мы не можем ограничить древние владения якутов в эпоху их прибайкальской исто-

[1] Ленинград. 1929 г. Введение и фонетика. Стр. 8
[2] См. И. И. Серебренников. Цит. соч. стр. 40
[3] См. предисловие к работе проф. К. Н. Миротворцева—„Лено-Байкальский район". Изд. планов. хозяйство. Москва. Изд. Госплана СССР. 1928 г. стр. 6.

рии лишь северо-западной стороной Байкала. Нам трудно понять воззрения тех историков, которые открещиваются от всякой попытки распространить якутскую историю за Байкал, как от чего-то святотатственного. Не надо забывать, что Байкал замерзает на целых пять зимних месяцев, образуя роскошный ледяной мост между обоими берегами. А река Ангара является не чем иным, как средним течением и продолжением Селенги. Иными словами, Забайкалье и Добайкалье орошаются одной речной системой. Следовательно, наиболее простое и естественное понимание древних исторических путей передвижения якутского племени, по нашему мнению, должно заключаться в координировании их направлением Ангаро-Селенгинской речной области. А перебрасывание прародины якутов из Ангары в бассейн далекого Енисея (Минусинский край или Урянхай) чрез обширные и труднопроходимые леса и горы является более искусственным толкованием их прошлых судеб. Если бы историки неопровержимо доказали, что за Байкалом и дальше в Монголии народы турецкого языка и происхождения никогда не живали, мы, пожалуй, примирились бы с наложением на якутов своеобразного табу на переход через озеро Байкал. Но авторы енисейских гипотез, как нам известно, даже и не утруждают себя попыткой просмотреть страницы древно-турецкой истории.

Если с начала XIII-го века монгольские племена в разные бурные периоды своей истории постоянно выделяли беженцев в Забайкалье и Добайкалье, то почему же мы не можем допустить точно такой же процесс в эпоху турецкого владычества в Монголии? Прибайкалье, служащее местом убежища для беглецов из степной Халхи в период монгольской истории, не могло не играть той же роли и в более ранние исторические эпохи, ибо вся окружающая материальная среда, а также экономические и политические факторы оставались неизменными. Вот почему в аналогиях с более поздней историей образования бурят-монгольского народа мы находим ключ для верного понимания прошлых судеб якутского народа.

Как буряты делятся на добайкальских Баргу-буряг и забайкальских Монголо-бурят, точно так же и якуты, проживая около Байкала, несомненно, делились на вилюйчан, потомков легендарной старухи Джаархан, и на якутян царя Тыгына, потомков легендарного Эллэй-Баатыра, этого общетурецкого культурного героя [1]. Как забайкальские буряты называли своих добайкальских сородичей дикими и темными баргутами, точно так же и якуты Тыгына безусловно относились с некоторым пренебрежением к своим добайкальским вилюйчанам—малоякутам.

Как забайкальские буряты являлись носителями более высшей религии—ламаизма, а добайкальцы не расставались со своим шаманизмом, точно так же и якутяне Тыгына имели белых шаманов (айыы ойуна) и пробавлялись устройством весенних и летних ысыахов, кумысных праздников, а добайкальские вилюйчане жили при господстве культа черных шаманов. Надо заметить, что культ белых шаманов у якутов не допускает кровавых жертв,

[1] См. работу автора „Опыт сравнит. изучения библ. и якут. мифов о прародителях народа".

ограничивая почитание небожителей, богов и духов, лишь подношением им белой пищи (кумыса, соры и масла) и посвящением живого конного скота, а культ черных шаманов построен на жертвоприношениях скота («Кэрэх»). В якутских шаманистических легендах мы находим доказательства большего развития шаманского культа у вилюйчан. Якутяне, по записанным нами легендам, при особо важных случаях вызывали из Вилюя знаменитых шаманов, которые своей мистерией воскрешают даже мертвых.[1]

Если численное соотношение бурят добайкальских и забайкальских выражается в цифрах—100 т.: 170 т., то и отношение вилюйчан к якутянам—89 т.:145 т. мало разнится. (К вилюйчанам мы прибавили северных якутов, а к якутянам население округов—Олекминского, Верхоянского и Колымского). При этом необходимо учесть, что якуты с переселением на север не увеличились в своей численности, а значительно уменьшились.

Взаимоотношение якутян и вилюйчан по их экономическому быту в более раннюю легендарную эпоху мы определили: первые—богатые скотоводы, а последние при слабой обеспеченности скотом большое подспорье имели в рыболовстве и охоте. Точно такая же картина рисуется и при сравнении хозяйства бурят забайкальских и добайкальских. И. П. Серебренников, на монографию которого мы ссылались выше, по интересующему нас вопросу дает следующие материалы. Количество скота у иркутских бурят он определяет на сто душ в таких цифрах:

Лошадей	100,9.
Рогатого скота	171,3.
Овец	145,3.
Коз	43,2.
Свиней	4,3.
Всего	465,0.

И дальше приводит сравнительные коэфициенты по состоянию скотоводческого хозяйства у забайкальцев:

«При сравнении этих данных с цифрами, относящимися к забайкальским бурятам, оказывается, что последние в общем богаче первых скотом приблизительно в 2,3 раза; в частности богаче лошадьми в 1½ раза, рогатым скотом в 2,5 раза, овцами в 2,9 раза и козами в 1,6 раза и держат относительно меньше свиней».[2]

По поводу состояния охотничьего промысла он пишет:

«В Иркутской губернии охотничий промысел имеет большее распространение, чем в Забайкальской области, и здесь буряты в сравнительно недавнее время относительно больше занимались этим промыслом, чем русские».[3]

Рыболовство бурят выражается, главным образом, в эксплоатации рыбных богатств Байкала, но тем не менее весьма характерно то, что этим про-

[1] См. работу автора—„Легенды и рассказы о шаманах и т. д.“ Издание Безбожник. Москва. 1930 г. стр. 86—92

[2] Там же. стр. 70—71

[3] Там же. стр. 149

мыслом как в Предбайкалье, так и в Забайкалье заняты по преимуществу северо-байкальцы по происхождению. Серебренников констатирует наличие двух рыболовных районов. Один в быв. Ольхонском ведомстве—«у берегов пролива, разделяющего остров Ольхон от материка»; здесь промышляют, конечно, добайкальские якуты, а в Забайкалье—«главная масса бурят-рыболовов была сосредоточена здесь в Кударинском ведомстве, расположенном по нижнему течению Селенги, около Байкала»[1]. А кударинские буряты, как мы уже отмечали раньше, являются поздними переселенцами из Верхоленских степей, т. е. по своему происхождению Баргу-буряты.

Итак, Баргу-буряты даже при современных условиях и нивелирующем влиянии русской экономики и политики в 2,3 раза беднее скотом своих забайкальских собратьев, превосходят последних в деле развития охотничьего промысла и монополизируют в своих руках все байкальское рыболовство.

Если дело обстоит так, то рассмотренный нами героический эпос вилюйских якутов восстанавливает картину культурных и экономических взаимоотношений древних добайкальских вилюйчан и забайкальских якутян, в точности совпадающую с такими же отношениями двух отделов бурятского народа. И то и другое не будет ли той картиной общественно-экономических взаимоотношений, в которой находит свое отражение конституция внешней природы, вне зависимости от того, какого этнического происхождения и языка люди предстоят перед нею, турки или монголы?

Забайкалье по сравнению с Предбайкальем гораздо богаче открытыми степными местами, годными для эксплоатации в качестве пастбищ, при экстенсивном скотоводстве. Об этом мы можем судить по следующим цифровым данным о площади, находящейся под лесом. «В Иркутской губ. 76 млн. га покрыты лесом или почти 93% всей территории». «В Забайкальской губ. 19 млн. га или 48% всей площади»[2].

В числе открытых мест в Забайкалье хотя и входят «места, принимающие полупустынный характер, с довольно бедным травянистым покровом», иногда и «барханы», но тем не менее относительно большая обеспеченность Забайкалья удобными пастбищами не подлежит сомнению.

В условиях порусской действительности соотношение культуры Баргу-бурят и Монголо-бурят намного изменилось в пользу первых, которые раньше забайкальцев перешли к оседлости, развили у себя земледелие и более преуспевают в усвоении русской образованности, обычаев и нравов. Но эти преимущества обусловлены как раз их слабой обеспеченностью скотом, отчасти и более сильным стеснением от русской колонизации. Восстанавливая прошлое дорусской Бурятии, само собой разумеется, нужно тщательно исключать влияние новых факторов бурятской истории.

2. ПРИАНГАРСКИЙ КРАЙ В ЛЕТОПИСЯХ ИМПЕРИИ ЧИНГИСХАНИДОВ.

Вилюйские легенды о Туматах как будто плохо согласуются с тем, что нам известно о позднейшем составе монгольского населения Предбайкалья.

[1] Серебренников. Там же, стр. 146—147

[2] См. Проф. Миротворцев. Лено-Байкальский район, стр. 18

Если правильно наше предположение о занятии вилюйчанами Предбайкалья и столкновения их здесь со старожилами-монголами, то почему же в вилюйских сказаниях не сохранились воспоминания о бурятах и говорится о Туматах, которые ныне отсутствуют в пределах Прибайкалья?

Однако, по имеющимся историческим материалам, не трудно доказать, что в стране Баргутов, т. е. в Приангарском крае, в древности проживали совместно с другими племенами и Тумэты. Образование могущественной монгольской монархии во главе с Чингизидами сопровождалось огромными сдвигами и перетасовками монгольских племен, передвигаемых в разные углы империи по стратегическим планам и политическим соображениям руководителей велико-монгольского движения. Поэтому этническая карта Монголии и прилежащих к ней окраин, где раньше проживали монголы, в эпоху почингисовой истории, конечно, в корне изменилась и не могла быть похожа на ту, которая существовала в период слабости и ничтожества монголов. В вилюйских легендах, очевидно, мы имеем дело с древней картой расселения монголов, когда все стратегические плацдармы степной Монголии и ее командующие высоты находились в руках турецких племен.

Картина распространения монголов до возвышения Чингизидов может быть восстановлена частично по сочинению знаменитого Рашид-Эддина (родился в 1247 г. и умер в 1318 г.), который по заказу властвующей в Персии отрасли дома Чингиса написал на персидском языке династийную историю под заглавием: «История Монголов. Собрание летописей». Этот автор, заставший приблизительно третье поколение деятелей Монгольской империи, в своем труде сохранил очень ценный исторический материал, правда, большею частью легендарного характера, но позаимствованный из уст выдающихся представителей монгольского правящего класса. При чтении его истории, конечно, нельзя забывать, что мы имеем дело все-таки с персом, который сам не бывал в тогдашней Монголии и больше писал по слухам и легендарным отголоскам давно прошедших исторических событий. Поэтому по поводу тех или других утверждений Рашида нельзя заниматься буквоедством, как если бы мы имели дело с показаниями очевидца и современника излагаемых событий и фактов. В продолжение наших исторических очерков мы будем неоднократно обращаться к показаниям этого автора.

Рашид-Эддин касается Предбайкалья и его обитателей во многих местах своего труда и притом в таких скользких выражениях, которые позволяют мешать с ним соседние области. Приведем наиболее важнейшие цитаты, которые имеют отношение к интересующему нас вопросу. Мы пользуемся общеизвестным переводом Рашид-Эддина на русский язык П. Н. Березина (Спб. 1858 г.) с его же предисловием и примечаниями.

Вот, например, в следующих характеристиках мы узнаем обособленный Приангарский край, противополагаемый Монголии по климату и бытованию более грубых шаманистических поверий:

«В стране Монголистан холода бывшие безмерно, в особенности в стране, называемой Баргуджин-Тукум»...

...В тех областях сего рода мечтаний и фикций много (шаманистических поверий) и без числа шаманов знаменитых... в особенности в стране, которая находится близ границы отдаленной обитаемости, и которую называют Баргу, а также Баргуджин-Тукум. Там шаманов больше».[1]

Центр тогдашней Монголии—Халха, бассейны рек Селенги, Орхона, Онона и Керулана. Ясно, конечно, что в подчеркнутых словах речь идет о северной окраине, где холодов больше. Современное русское Забайкалье для жителей тогдашней Халхи вряд ли могло быть «близ границы отдаленной обитаемости», тем более, если принять во внимание то, что Забайкалье—родина самого Чингис-Хана и его коренных монголов. По нашему мнению, без больших колебаний можно согласиться с тем, что здесь под страной Баргу нужно понимать территорию, занятую и теперь Баргу-бурятами или Баргутами, т. е. Приангарский край.

Поэтому нам трудно согласиться с мнением упомянутого ранее бурятоведа и монголиста Б. Барадина:

«Бурят-монгольские племена в периоде объединения монголов Чингис-Ханом обитали по преимуществу в лесных и горных районах нынешнего Забайкалья, называвшегося (главным образом, в северо-западной своей части) страною Баргу или Баргуджин».[2]

Барадин, как мы знаем, племенное название «Баргу» сам приурочивает к современным Эхирит-Булагатам, живущим на северной стороне Байкала,[3] а страну Баргу без достаточных оснований отыскивает в северном Забайкалье.

Что под страной Баргу или Баргуджин нужно понимать не что другое, как Приангарье, более проясняется в тех высказываниях Рашид-Эддина, в которых эта страна показывается смежной с территорией Кыргызов, т. е. с южными пределами быв. Енисейской губернии.

Определяя местожительство двух племен Булагачин и Керемучин (по толкованию Березина, эти имена по-монгольски м. б. переведены—«ловцы соболей» и «ловцы белок». Прим. на стр. 255), историк пишет:

«Они обитали в пределах Баргуджин-Тукума и на краю страны кыргызов, близко один к другим».[4]

Пределы Баргуджин-Тукума, раздвинутые до границ б. Енисейской губ., конечно, слишком далеки от Забайкалья.

В одном сообщении о границах распространения охотничьих лыж, употребляемых обитателями современного Урянхая, историк даже самих кыргызов помещает в Баргуджин-Тукуме:

---

[1] Рашид-Эддин. Сборн. летописей. История монголов. Русс. перев. с примечаниями И. Н. Березина. Введение. Стр. 142. Спб. 1858 г. Зап. Имп. Арх. Общ. Т. XIV

[2] Его статья „Бурят-монголы". стр. 45

[3] Там же. стр. 46

[4] Рашид-Эддин. Там же, стр. 88

...«Имеют о них (лыжах) понятие в особенности в стране Баргуджин-Тукум Хори, Кыргыз, Урасут, Теленгут и Тумэт употребляют этот способ»[1].

Упоминаемые здесь племена Урасут и Теленгут (современные телеуты-алтайцы), по Рашид-Эддину, жили даже «по ту сторону Кыргызов около одного месяца пути»—«в пределах страны кыргызов и Кем-Кемджиют в лесах»[2].

Как видим, у самого историка довольно расплывчатое представление о стране Баргу-Баргуджин, заключающее в себе целый ряд внутренних противоречий.

В одном месте, рассказывая о восстании племени Тумэт против власти Чингизидов, историк замечает:

«После 12 лет, в год барса, когда один тумэт, который занимал Баргуджин-Тукум, и Байлук, восстали по той причине, что они были близки к кыргызам...»[3].

Опять-таки Баргуджин-Тукум оказывается близким к владениям енисейских кыргызов.

Расплывчатость знаний Рашид-Эддина обнаруживается еще раз в другом сообщении о Тумэтах, которые, по предыдущему утверждению, жили в пределах Баргуджин-Тукума:

«Жилище этого племени (Тумэт) было близ Баргуджин-Тукума. Они тысячеплеменники и отдельная ветвь Баргутов. Они обитали в пределах страны кыргызов»[4].

Руководствуясь приведенными указаниями историка, страну Баргу-Баргуджин никоим образом нельзя искать не только к востоку от Халхи, как это делает проф. Н. Н. Козьмин[5], но и к востоку от озера Байкал. Правда, в одном месте историк, определяя еще раз расположение страны Баргуджин, употребляет двусмысленное выражение «по ту сторону Селенги» (говорится о племенах: Баргут, Хори, Тулас, Тумэт, которые «также от них ответвились»):

«Эти племена близки один с другими. Жилище и обиталище их находится по ту сторону Селенги, на краю места и земель, занимаемых монголами: его называют Баргуджин-Тукум. В тех пределах также обитали множество других племен, каковы: Ойрат, Булагачин, Керемучин и другое племя, которое называется Ойн-Урянха, также было близко к тем пределам... Всех завоевал Чингис-Хан».[6]

Если ориентироваться от Персии, местожительства самого историка, то действительно выражение «по ту сторону Селенги», можно понять в том смысле, что Баргуджин-Тукум лежал к востоку от Селенги. Но в таком слу-

---

[1] Там же, стр. 92
[2] Там же, стр. 88—89
[3] Там же, стр. 131
[4] Там же, стр. 87
[5] См. его статью—„К вопросу о времени переселения бурят в Прибайкалье" В „Очерках ист. бур.-монг. нар." Стр. 22—23
[6] Там же, стр. 85—86

чае, мы получили бы бассейны рек Онона и Керулана, т. е. родину самого Чингиса. Очевидно, в данном случае нужно исходить не от Персии, а из центра Халхи, ибо выражение «по ту сторону Селенги» принадлежит бесспорно не самому историку, а его осведомителю монголу. Следовательно, здесь говорится о той стране, которая начинается за устьем Селенги по ту сторону Байкала и орошается р. Ангарой, являющейся продолжением той же Селенги. При таком толковании исчезает противоречие с предыдущими утверждениями историка о сопредельности Баргуджин-Тукума с владениями енисейских кыргызов.

Сам историк, плохо разбираясь в географии Монголии и сопредельных стран, в одном случае тоже пытается истолковать местоположение Баргуджин-Тукума в смысле «к востоку от Монголии»[1] по поводу бегства туда меркитского князя Тухта-Бики. Но в этом частном случае ошибку Рашид-Эддина, как увидим дальше, не трудно обнаружить.

Тождество Баргуджин-Тукума с бассейном Ангары подтверждается еще двумя сообщениями историка.

Выше мы привели цитату, где сказано, что в Баргуджине среди прочих племен, жили и Ойраты. В особом разделе, специально посвященном ойратам, историк дает описание их местожительства, ориентированное по рекам:

«Юрт и жилище этих племен ойратских было восьмиречье: в древности на тех реках обитало племя тумэт. Из того места выходят реки, все вместе соединяются и образуется река, которая называется Кем и после того, впадает в Ангару-Мурэн. Имена тех рек суть: Кёкэ-Мурэн, Он-Мурен, Хара-Усун, Ибэй-Усун, Ухут-Мурен, Ук-Мурен, Харха-Мурен, Чаган-Мурен».[2]

Из приведенных названий рек самые главные и важные—Кем и Ангара, вполне определенны и не вызывают никаких сомнений. Как известно, Кем есть название верхнего Енисея в пределах Урянхайского края (Ха-Кэм, Улу-Кэм, Би-Кэм, Кэмчик—собственные имена верхних притоков Енисея), а слово «кэм» по-урянхайски значит—река.[3] У орхонских турок Енисей был известен под тем же названием. У минусинских татар «Ким»—собственное имя Енисея. (Мои записи). Ангара-Мурен, само собой разумеется, есть Ангара с прибавлением монгольского парицательного имени «река». Таким образом, по буквальному смыслу приведенного места, Ойраты должны были проживать в истоках Енисея в пределах Урянхайского края. Причем осведомители историка верхний Енисей до слияния его с Ангарой, признают не главной рекой, а притоком Ангары, текущей как бы до океана. Однако, можно предполагать, что в текст Рашид-Эддина река Кэм попала случайно и что здесь речь идет попросту о водной системе одной Ангары, у которой тоже можно насчитать не менее восьми мелких притоков.

Как бы ни толковать это место, Баргуджин-Тукум оказывается равно далеким от Забайкалья.

---

[1] Рашид-Эддин Там же. Ч. 2. „История Чингис-Хана до восшествия на престол". Стр. 111

[2] Там же. Введение, стр. 78—79

[3] Радлов. Опыт словаря. Т. 2, ст. 1202

Есть еще одно утверждение Р. Эддина, которое безусловно отмежевывает Баргуджин-Тукум от Урянхайского края, фигурирующего под другим названием:

«Кыргыз и Кем-Кемджиют суть две страны, одна с другой соединенные и каждая составляющая область. Кем-Кемджиют есть большая река. С одной стороны та страна имеет Монголию, одна граница на реке Селенге, где обитает племя Тайджиют; одна сторона к большой реке, называемой Ангара-Мурен... Племена Хори, Баргут, Тумэт, Байлук, которые суть монгольские племена и которые обитали в Баргуджин-Тукуме, также близки к этой большой стране».[1]

Ясно, конечно, что Кем-Кемджиют, заключенный между Монголией, бассейнами Селенги и Ангары, сопредельный и соединенный со страной Кыргыз, есть не что иное, как Урянхайский край. В данном случае историк просто не отдает себе отчета в том, что Баргуджин-Тукум орошается Ангарой, ввиду чего они оба близки, т. е. пограничны как с Урянхаем—Кем-Кемджиют, так и со страной Кыргызов.

Сопоставляя все приведенные цитаты, не трудно понять, что сам Рашид-Эддин не особенно хорошо разобрался в своих источниках и дает спутанное описание, ибо ему пришлось ориентироваться не по точной географической карте, а по устным показаниям знатоков, которые не могли не быть туманными и расплывчатыми. Но тем не менее, игнорируя мелкие неувязки и противоречия, мы можем считать установленным, что по представлению осведомителей историка, страны Баргу, Баргуджин-Тукум, Кэм-Кэмджиют и владения кыргызов были смежны друг с другом, ввиду чего необходимо приравнять их Прибангарью, Урянхайскому краю и южной части Енисейской губ. Иными словами, Баргу-Баргуджин есть не что иное, как территория и теперь занятая Баргутами или Баргу-бурятами. К этому же выводу пришли и ранние комментаторы Р. Эддина.

Так, например, Дорджи Банзаров писал:

«Мы выше видели, что Ойраты до Чингис-Хана, живя в Баргуджин-Тукуме, принадлежали к лесным народам. Таким образом, вероятно, они жили в лесах Южной Сибири».

Несколько ранее он говорит:

«Мусульманские и китайские летописцы упоминают об одной части Монголии, называвшейся Баргуджин-Тукум... Под этим именем разумелось, по словам Рашид-Эддина, часть Северной Монголии, лежащая на запад от Селенги, иначе называемая Баргу»[2].

Алексей Бобровников, составитель грамматики монгольско-калмыцкого языка, еще ближе подходит к нашему мнению:

«Несколько более особенностей в языке по своему положению должны были получить обитатели холодной, лесистой и гористой страны Баргуджин-Тукума, пространства нынешней Южной Сибири от Селенги до Енисея. Здесь, по словам Рашид-Эддина, жили племена, называемые монголами лесными

[1] Там же. Введение. 130 стр.
[2] См. его статью—Об ойратах и уйгурах.—Там же. Стр. 84 и 82

(ой-иргэн), каковы Ойрат, Булагачин, Кэрэмучин, Ойн-Урянха, Урасут, Тэлэнгут, Кэстэми и др. Ойраты, упоминаемые здесь, суть предки нынешних Зунгарских и Волжских калмыков»[1].

Из новейших авторов приблизительно такое же представление о местонахождении Баргуджин-Тукума имеет и известный ориенталист Г. Е. Грум-Гржимайло в своем капитальном и многотомном труде «Западная Монголия и Урянхайский край»[2].

«Тумэты—один из отделов баргутов-бурутов или баргу-бурутов, жили некогда в числе других монгольских племен в пределах страны киргизов, в Саянских горах, к востоку от реки Енисея в местности Баргуджин-Тукум».

В прим. 2, на стр. 11-ой, по поводу определения местожительства Ойн-Урянха автор дает несколько иную формулировку: «...В дочингисово время оно жило по соседству с ойратами, на окраине монгольских земель к северо-западу от Селенги, в местности, носившей название Баргуджин-Тукум». Впрочем, во 2-м томе своего труда Грум-Гржимайло пишет, что Баргуджин-Тукум, по Рашид-Эддину, страна к северу от Селенги (415 стр.).

Между прочим, академик В. В. Радлов свою оригинальную гипотезу о происхождении якутов построил на неверном истолковании местоположения рашид-эддиновского Баргуджин-Тукума и соседнего с ним Урянхая. Мы позволим себе попутно разобраться здесь в его заблуждениях.

Он полагает, что: «Под местностью Баргуджин-Тукум, очевидно, разумеется страна восточнее Байкала, который принимает с востока реку Баргузин, вытекающую из озера Баргу, а также, наверное, речная область в верховьях Витима, правого притока Лены»[3].

Выше мы привели цитату из Рашид-Эддина, в которой он утверждает, что к пределам Баргуджин-Тукума «также было близко... племя, которое называется Ойн-Урянха», т. е. лесные урянхи или урянхайцы.

Если правильно понять Баргуджин-Тукум Рашид-Эддина, то близость к Прибайкальскому краю урянхайцев-сойотов, имеющих свое маленькое ответвление в Тункинском крае (долина реки Иркута) и в верховьях р. Оки (впадающей в Ангару), а также и карагассов, именуемых бурятами «уранхан»,[4] конечно, не представляет ничего особенного, ибо основная масса сойот-урянхайцев, вероятно, и тогда обитала в верховьях р. Енисея в стране, именуемой Рашид-Эддином Кем-Кемджиют. Но академик Радлов, перетащив Баргуджин-Тукум на восток от Байкала и к верховьям Витима, делает неожиданное научное открытие, что:

«Лесные урянхи, как это ясно вытекает из описания Рашид-Эддина, суть охотничий народ-оленеводы, живущие северо-восточнее Байкала»,[5] и

[1] См. Грамматика монг.-калмыц. яз. Казань. 1849 г. Предисл. стр. IV
[2] Т. 3. Вып. I. Ленинград. 1926 г. стр. 16, прим. 3
[3] См. Die jakutische Sprache и т. д. стр. 55
[4] См. Подгорбунский. Русско-монг.-бурят. слов. Стр. 120
[5] Радлов. Там же. 55

посему они должны быть ни кем другим, как предками якутов, ибо последние именуют себя «урангхай-саха».

Из всех описаний Рашид-Эддина более «чем ясно вытекало», что упоминаемые им лесные урянхайцы, живущие вблизи Баргуджин-Тукума, есть не что другое, как урянхайцы. Что часть урянхайцев, а именно Точжинского хошуна, до сих пор занимается оленеводством и охотой, известно всем. Например, упомянутый выше Грум-Гржимайло пишет о них: «Точжинцы существуют, главным образом, на счет двух промыслов—оленеводства и охоты на зверя».[1]

Тождество «Ойн-Урянха»[2] Рашид-Эддина с современными сойотами-урянхайцами Танну-Тувинской республики в историко-этнографической литературе является давно установленной истиной, которая осталась неизвестной лишь академику Радлову. Так, проф. Н. Ф. Катанов в предисловии к своему капитальному труду «Опыт исследования урянхайского языка» пишет об урянхайцах:

«Персидский писатель Рашид-Эддин называет его урянхит, монах Гильём Рёйсбрук—Orangey или Orengay, в китайской географии Мин-ши и сочинении китайцев Чжан-му и Хэ-цю-тао он назван Улянха... Монголы и манчжуры в правительственных бумагах зовут Урянгхай, за ними и я зову этот народ Урянхайским или Урянхайцами».[3]

Это тождество признает и новейший автор проф. Н. Н. Козьмин, приведя подробные выписки из китайских летописей, Рашид-Эддина и Рубрука:

«Все старинные известия о тубинцах и урянхаях весьма определенны и согласованы. Китайские летописи помещали дубо к западу от Косогола, в нынешнем Урянхае; это племя занималось ловлей рыбы, птиц и зверей. Особенно бросалась в глаза одна подробность их быта». «К ногам подвязывают лыжи, а подмышками упираются на клюки. При каждом упоре подаются шагов на 100 вперед чрезвычайно быстро».[4]

«То же самое сообщает Рашид-Эддин о «лесных урянхах», живущих в пределах страны кыргысов. «Так как в их стране много высоких гор и лесов, говорит он, и снега бывают большие, то они часто зимой охотятся, привязывая к ногам ремнями доски, которые они называют чана (лыжи), и упирая шестом в снег, при помощи этих досок, они бегают, как будто сидя на быках».[5]

Тождественные сведения мы находим у Рубрука. «К северу, говорит он о своем пути к ставке Мунко-хана на Орхоне, также нет ни одного города, а

[1] Грум-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 3. Выпуск I. стр. 50—51.

[2] В истории Рашид-Эддина часто упоминается другое племя „урянхит", стоящее очень близко к роду самого Чингис-Хана. Эти урянхиты действительно имеют близкое отношение к древним якутам. Но этим вопросом мы займемся во 2-м томе наших очерков

[3] См. Предисловие стр. I—II.

[4] Козьмин ссылается на Иакинфа—Собрание сведений и проч. Ч. I, стр. 447—448

[5] Цитирует Рашид-Эддина по Риттеру—„Землеведение Азии" IV. Спб. 1877 668—669

живет народ, разводящий скот, по имени Керкисы. Живут там также оренгаи, которые подвязывают себе под ноги отполированные кости и двигаются на них по замерзшему снегу и по льду с такою быстротой, что ловят птиц и зверей».[1]

«Из приведенных сообщений видно, что урянхай и кыргысы, конечно, не одно и то же, но они жили в стране, находящейся под властью последних, в нынешнем Урянхайском крае».[2]

Из приведенных данных особенно важна ссылка на сообщение об урянхайцах монаха Рубрука, который был отправлен в Монголию королем Людовиком IX в 1253 г. Иначе говоря, Рубрук получил сведение об урянхайцах немного ранее Рашид-Эддина. Если Рубрук помещает своих оренгаев в стране народа «керкис», то тем самым точно устанавливается проживание их в пределах современной Танну-Тувы, именуемой Рашид-Эддином Кем-Кемджиют. Как мы знаем, и сам Рашид-Эддин заявляет: «Кыргыз и Кем-Кемджиют суть две страны, одна с другой соединенные». Нельзя сомневаться в том, что оба автора, являющиеся почти современниками, пишут об одном и том же народе, используя один и тот же источник, т. е. устные рассказы монголов. Заблуждение академика Радлова тем более странно, что он в своей работе приводит подробную выписку из сочинения Рашид-Эддина, относящуюся к лесным урянхит, в которой устанавливаются такие бытовые и лингвистические мелочи, как, например, употребление урянхайцами быков для вьючной перевозки кладей, их пристрастие к березовому соку, называние своих шалашей «алачык», а лыж «чана»:

«Во время перекочевки они вьючат горных быков... Где они останавливаются—делают шалаши и корьевые юрты (алачык) из березовой коры (тоз). Они надрезывают березу и пьют березовый сок как воду... Так как в их стране много гор и лесов и падает обильный снег, они охотятся зимою...; для этой цели они делают деревянные доски, которые они называют чана».

Все эти факты, констатированные в быту урянхайцев в конце XIII века, могут быть признаны культурно-этническим паспортом и для современных сойот. Проф. Катанов, проживший среди урянхайцев около пяти месяцев для изучения их наречия, пишет:

«Лесные урянхайцы ходят на лыжах, называемых чана, и живут в шалашах, называемых алачык, до сих пор и также любят пить березовый сок. Рашид-Эддин говорит, что во время перекочевки они вьючат скарб на быков, и это обыкновение сохранилось до сих пор»[4] (стр. 324).

---

[1] Ссылка на Рубрука—„Путеш. в восточные страны". Спб. изд. Суворина. стр. 134

[2] См. Н. Н. Козьмин. „К вопросу о времени переселения бурят в Прибайкалье". Напечат. в „Очерках истории бурят-монг. народа" М. Н. Богданов. Стр. 21

[3] См. Цитир. соч. стр. 54.

[4] См. Катанов. Там же. Приложение стр. 324

Между прочим, некоторые из этих фактов констатировал и сам Радлов в своей ранней работе «Aus Sibirien», описывая свою встречу с сойотами 4 июля 1861 г. около озера Кара-Кёл:

«Быков употребляют как для верховой езды, так и для перевозки клади, ибо считают для этой цели более пригодными, чем лошадей».

«Подобно двоеданцам они целую неделю летом на лошади, а зимой на лыжах бегают по негостеприимным хребтам и занимаются там охотой»[1].

Эти фактические данные об урянхайцах мы можем дополнить соответствующими справками о современных якутах. Якуты не имеют обыкновения пить березовый сок. По крайней мере, ни один этнограф не устанавливает этого обстоятельства. Лыжи они имеют, как и многие народы севера, но называют их «ханьысар» или «туут» (обитые шерстью). Слово «алачык» для обозначения шалаша им тоже неизвестно, за исключением песенного эпитета к дому вообще—«аласа» (джиэ). Но это слово, утратившее свое значение, знатоки якутского языка обычно переводят через прилагательное имя—«жаркий», «уютный» (дом). Для верховой езды и под вьюки якуты по преимуществу употребляют коней, а быков обычно запрягают в сани. В древности вилюйские якуты, весьма возможно, и возили вьюки на быках, ибо у них сохраняется кое-где понятие о бычьем седле, но факт тот, что этот способ перевозки кладей якутам давно не известен.

Академик Радлов заявляет:

«Монголы ныне словом урянхай обозначают все турецкие племена севера, т. е. алтайцев, абаканских татар, сойот и карагассов, но однако ни один из этих народов так себя не называет и вообще не знает этого слова».

Все эти утверждения Радлова тоже нуждаются в фактических поправках.

Г. Н. Потанин пишет: «На первый вопрос: кто ты такой? Урянхаец отвечает обыкновенно не тува, боясь быть не понятым, а уранга, т. е. называет себя именем, которое этому народы дают соседи-монголы».[3]

У В. И. Вербицкого[4] мы находим сообщение, что калмыки-двоеданцы, кочующие в южной части Алтая по рекам Чуе, впадающей в Катунь, именуют себя «урянхай».

Об урянхайцах, живущих в Западной Монголии около г. Кобдо, В. Ф. Ладыгин говорит тоже «зовут они себя Урянха и делятся на 4 хошуна».[5]

Если верить Радлову, племенное название «Урянхай» является весьма расплывчатым и не приурочивается к одному определенному турецкому народу. С этим положением, конечно, никак невозможно согласиться, поскольку мы не вправе отрицать существование вполне установившегося географи-

---

[1] Цитируем по Катанову. Там же. Прил. 383
[2] Радлов. Там же. стр. 53.
[3] „Очерки северо-западн. Монголии" Ч. IV стр. 931
[4] „Алтайские инородцы". Москва 1893. стр. 6—7.
[5] „Этнограф. очерк." Изв. Имп. Русс. Геогр. О-ва. Т. XXXV, стр. 633—648

ческого термина «Урянхайский край» и его по-турецки говорящего населения, больше известного под названием «урянхайцы», чем «сойот» или «туба». Сам академик Радлов во всех своих научных работах привык называть урянхайцев Танну-Тувы «сойонами», но это обстоятельство отнюдь не мешает многим десяткам, м. б., и сотням других ученых и исследователей до наших дней популяризовать имена «урянхайцы» и «Урянхайский край». (Например, Реклю, Гельмерсен, Клапрот, Шпицлер, Вамбери, Лянье, Африканов, Катанов и мн. др.). И, конечно, не зря в наше советское время упомянутый выше географ, путешественник и орнеталист Г. Е. Грум-Гржимайло издал свой многотомный труд под заглавием: «Западная Монголия и Урянхайский край». (3-й том вышел в 1926 году).

Впрочем, и самому академику Радлову, когда он был далек от изыскания генеологических и исторических корней якутов-урянхайцев, было хорошо известно, что монголы имя урянхай по преимуществу присваивают сойотам. По крайней мере, в русском переводе радловской статьи «Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии»,[1] мы читаем:

«Монголы называют татар северо-западной Монголии урянхай. Те же племена известны у русских под именем саянцев, а у алтайцев и абаканских татар под именем сойонг; в научных сочинениях называют их то сойоны, то сойоты».

Итак, по поводу научного откровения академиком Радловым прямых предков якутского народа в лице лесных урянхитов Рашид-Эддина, мы вынуждены признать, что оно основано на явном недоразумении и поразительном игнорировании исторически сложившегося географического и этнического наименования «урянхай», связанного с эпохой монгольского владычества, а также на невнимательном и поверхностном ознакомлении с обрывками труда Рашид-Эддина. В защиту академика Радлова мы можем дополнительно сообщить, что теория отождествления лесных урянхов Рашид-Эддина с якутами, впервые была высказана В. Ф. Трощанским в его работе «Эволюция черной веры у якутов».[2] Трощанский писал:

«Рашид-Эддин говорит, что Ойн-Урянха (лесные урянхайцы) жили в Северной Монголии».[3]

«Слово ой в якутском языке означает отдельно стоящий лес. По замечанию Банзарова, слово «ой» употребительное только у монголов, принадлежало некогда и тюркам. Таким образом, можно признать, что якуты принадлежали к Ойн-Урянха». (Стр. 13). Дальше Трощанский доказывает, что Ойн Урянха должны были смешаться с Хоринскими бурятами, ибо в составе якутов существуют роды «Хоро». Радлов усвоил и это положение Трощанского о смешении якутов с Хоринскими бурятами, впрочем, без прямой ссылки на его труд.

---

[1] Томск 1887. Перевод с нем. неизв. автора, стр. 11
[2] Казань. 1902 г. стр. 12—17
[3] Ссылка на Банзарова—Черная вера и друг. статьи. Спб. 1891 г. стр. 82

Трощанский, судя по его работе, не имел возможности ознакомиться с текстами самого Рашид-Эддина и почерпнул сведение об его Ойи-Уряиха, несомненно, из названной ранее статейки Банзарова «Об Ойратах и Уйгурах».

Чтобы закончить вопрос о Баргуджин-Тукуме, нам остается ознакомиться еще с одним источником эпохи создания Монгольской империи, в котором имеется указание на эту местность. Это, так называемая, «секретная история династии Юань» (династия Чингиса в Китае), первоначально написанная на монгольском языке, но ставшая известной по переводу на китайский язык под заглавием «Юань чао ми ши». По мнению специалистов, составление этого сочинения относится к 40-м годам XIII стол., ко времени царствования сына Чингис-Хана Огэдая. Перевод на русский язык сделан Палладием Кафаровым и опубликован в «Трудах членов Российской Духов. Миссии в Пекине»[1].

Неизвестный автор обработал в форме связного рассказа народные легенды, относящиеся к Чингис-Хану и его мифическим предкам, родоначальникам всего монгольского народа. Мы имеем в виду подробно использовать этот исторический источник во 2-м томе наших очерков в связи с уяснением происхождения якутов. В данный момент ограничимся разбором одного места, которое уточняет наше знание о местонахождении Баргуджин-Тукума.

В Юань-чао ми-ши рассказывается один эпизод из жизни Чингис-Хана. Когда Темучин (первоначальное имя Чингис-Хана) был еще маленьким удельным князем, находящимся в вассальной зависимости от кераитского хана Тооприла (Тогрул или Ван-Хан), меркиты похитили у него жену Борте. Темучин упросил Ван-Хана и своего друга Чжамуху помочь ему выручить жену из плена. Все три союзника со своими воинскими силами сошлись в верховьях реки Онон в урочище Бётохан Боорчжи, чтобы предпринять поход на меркитов[2]. Меркиты же состояли из трех частей: Меркит Дайир Усунь со своим народом жил «между реками Орхуань и Селянге» (т. е. между Орхоном и Селенгой), местопребывание «Меркит Тохтоа» было на «Киллхо», притоке Селенги (р. Хилок в Верхнеудинском уезде, впадает в Селенгу справа), и Хаатай-Дармала занимал какое-то урочище Харачжикээр (53 стр.). Очевидно, меркиты владели всем течением Селенги и горно-таежным районом, заключенным между Косогол, Байкал и Селенга с глубоким тылом в Дархатском крае, долине Джиды, Хамар-Дабане и т. д.

Союзники, наступая с верховьев Онона, нападают на Тохтоа-Меркит, переправившись через р. Хилок. «Здесь они захватили жен и народ Тохтоа». «А Тохтоа и Дайир-Усунь с несколькими спутниками без всего бежали вниз по реке Селенге в Бархучжинь».[3]

---

[1] Т. IV. Спб. 1866 г.
[2] Там же. стр. 54.
[3] Там же. стр. 55.

Так как в этом сочинении мы имеем дело не с показаниями очевидца, а с пересказом народных преданий о делах «давно минувших дней»,[1] то при толковании те или другие места, конечно, нельзя понимать буквально. Мы должны использовать лишь общие мысли легенды, которые можно сжать в следующих простых положениях. Союзные войска блокируют меркитский народ с юга и юго-востока, со стороны верховьев р. Онона (где обитал Темучин) и верховьев р. Толы (район соврем. Улан-Батора, где была ставка кераитского хана), тесня меркитов к Косоголу, Хамар-Дабану и к южной части озера Байкала. И вожди меркитов, потерпев поражение, спасаются бегством в Баргуджин-Тукум, который должен находиться, само собой разумеется, где-то в глубоком тылу меркитов за Байкалом. Разве здесь Баргуджин-Тукум не является Приангарским краем?

Если согласиться с гипотезой проф. Н. Н. Козьмина, что Баргуджин-Тукум есть бассейн Онона и Керулана, то меркитским князьям пришлось бы спасаться в логовище того самого медведя (Чингиса), который шел с твердым намерением растерзать их.

Еще один вопрос о лингвистическом истоке названия Баргуджин. Приурочивание страны, обозначаемой этим словом, к северо-восточной стороне Байкала, как мы знаем, академик Радлов подкрепляет ссылкой на наличие реки Баргузин. Даже больше того, и степь, и тайга, и город, и уезд, и даже ветер, дующий с восточного берега Байкала, действительно запечатлели на себе это самое имя. «Баргуджин» и «Баргузин», в самом деле, созвучие полное. Вряд ли найдется лингвист, который прошел бы мимо этого поразительного тождества. Еще Д. Банзаров в той статье, на которую мы неоднократно ссылались, сопоставлял эти имена. «Имя Баргу сохранилось доселе в названиях Баргу-Бурят и Баргузин (река, на которой стоит Баргузинск, город Иркутской губернии)».[2]

И мы не возражаем против того положения, что между названием г. Баргузинска со всеми его приложениями и историческим Баргуджин-Тукумом монгольских сказаний и летописей, имеется какая-то неразгаданная связь. Но по поводу глубокой исторической давности имени Баргузин, прилагаемого ко многим объектам в области северо-восточного берега Байкала, мы имеем основание усомниться. Спрашивается, не название ли Баргузинского острожка, поставленного в 1648 г., заразило все, что находится в его окружении?

А между тем лингвистическое происхождение этого русского географического названия устанавливается довольно просто. Дело в том, что русские казаки при завоевании Восточной Сибири как бассейна Лены, так и Ангары, имели обычно «вожами»-путеводителями местных тунгусов, которые, испытав положение малого и угнетенного народа у якутов и бурят, легко переходили на сторону русских и служили последним верою и правдою. Так, например, первые якутские воеводы проездом из Енисейска в Якутск составили

[1] Акад. Бартольд даже называет это сочинение „богатырским эпосом". См. его статью „Образование империи Чингис-Хана". Зап. Вост. Отд. Имп. Русс. Арх. О-ва. Т. X. 1896 г. 105—119 стр.

[2] См. Банзаров. Там же 82 стр. прим.

в 1640 г. подробнейшую роспись рек, земель и племен от Енисея по Ангаре, Верхней Лене и вокруг Байкала.[1] Самую подробнейшую информацию о кочевьях бурят, тунгусов и монголов в районе Прибайкалья дает воеводам тунгусский князец Можеуль, род которого бродил в верховьях Лены от р. Илги до Куленги. Да и по многим другим актам «вожами» казаков при объясачении бурят, как на севере якутов, служили тунгусы. Сами казаки, придвинувшиеся на восток из бассейна р. Енисея, из местных языков могли владеть только тунгусским. Вот почему многие географические имена и племенные названия порусской истории в Восточной Сибири часто обязаны своим происхождением этому случайному источнику. Возьмем, например, имя «якут», обязанное своим историческим бытием тунгускому «йокуо», под каким названием якуты-саха были известны тунгусам. Это тунгусское имя тотчас же окопалось в названии острога, основанного казаками в самом центре Якутского края и приобрело полное право гражданства. Еще аналогичный пример—«Лена», имя третьей великой реки Сибири. Может быть, многие воображают, что это имя принадлежит самим якутам, населяющим в подавляющей массе бассейн Лены. Ничуть не бывало. В центральном Якутском округе очень трудно найти якута-простолюдина, который знал бы общепринятое название своей реки. Пишущему эти строки только на Вилюе по мере передвижения к его верховьям пришлось с удивлением встречать якутов, которым знакомо имя Лена. Очевидно, и в этом довольно громком имени мы имеем дело с каким-то тунгусским лингвистическим подарком. К сожалению, загадка этого географического названия, повидимому, остается неразрешенной в науке.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что туземные народы Сибири вообще избегали давать собственные имена большим рекам, которые, по их древним религиозным понятиям, пользовались престижем особой святости. Как res sacre многоводные реки обозначаются почтительно нарицательными именами—«бабушка», «госпожа» или просто «рѣка», «большая река». Например, река Енисей у турецких племен слывет под названием «Кэм», «Ким», что значит река. Правые притоки Енисея, три Тунгуски, вне всякого сомнения, окрещены казаками. Река Яна у якутов тоже оставалась безыменной, ибо «Джаанты»—название не реки, а всей страны за Верхоянским хребтом. («Джаанты» в якутском языке является пережитком из тунгусских наречий и прежде всего значит—горный хребет, голец). Точно также и имя «Вилой» («Бѣлою») обозначало не реку, а страну и ее якутское население. Вот почему большинство сибирских рек попало на карту под случайными наименованиями, подсказанными первой подвернувшейся ассоциацией порусского происхождения. Следовательно, связь географического имени «Баргузин» с туземным названием реки является более чем сомнительной. Что это слово по своему происхождению является тунгусским, не приходится сомневаться, но оно получило прочное бытие в период порусской истории лишь благодаря названию острога, основанного казаками, а не реки.

---

[1] См. Доп. к Ист. Акт. Т. 2, №№ 88—90, стр. 243—248

Теперь мы имеем возможность разгадать первоначальный смысл и значение этого весьма интригующего нас географического имени. Составитель «тунгусо-русского словаря», Е. И. Титов у тунгусов рода Киндигир, бродящих на север от Байкала, зарегистрировал такие речения:

«Амут баргинджин»—за озером; «амут» значит озеро, а «баргинджин»—той стороной.[1]

Русские казаки, конечно, не сразу перешли на восточный берег Байкала. Они некоторое время должны были задержаться на западном берегу. По Фишеру, первые казачьи походы по Байкалу состоялись в 1643 г. Пятидесятник Курбат Иванов нападает на ольхонских бурят и снаряжает Скороходова с 36-ю человеками «итти вдоль Байкала до Верхней Ангары и усмирить тамошних тунгусов». «Он пошел далее к р. Баргузину, то нашел других тунгусов, коих не так легко победить было возможно, а именно степных тунгусов».[2] Казаки на западной стороне Байкала задержались свыше десяти лет, причем наступают за Байкал через север, где на западном и восточном берегу обитали тунгусы. Ясно, конечно, что они со своими тунгусскими вожами и переводчиками шли... Куда? Да, в тунгусский «баргинджин», т. е. на тот берег озера Байкала. Западные тунгусы восточный берег Байкала, где в районе Баргузинских степей и тайги проживали тунгусы-скотоводы, м. б., с небольшой примесью монголов или бурят, на своем языке и в своей узкой среде должны были обозначать как потустороннее, т. е. Баргинджин. Таким образом, на основе лингвистической привычки тунгусских обитателей западного берега Байкала их восточное визави должно было получить новое крещение: и леса, и горы, и долы, и город, и река покрыло одно слово «Баргузин».

В итоге наших рассуждений получается сравнительно простой вывод: имя «Баргузин» есть не что иное, как хорошо известное нам обобщающее географо-областное название «Забайкалье», только в переводе на северо-байкальский тунгусский диалект. Как мы теперь не можем обойтись без термина «Забайкалье», так и первые завоеватели края, по укреплении своей власти на западном берегу Байкала бросавшие жадные взоры на его восточный берег, безусловно ощущали потребность в таком обобщающем имени. Так как на первых порах международным и дипломатическим языком для завоевателей служило тунгусское наречие, то нужное слово проще всего было позаимствовать у тунгусов. В виде иллюстрации к изложенному приведем отрывок из одного акта того времени:

«В прошлом 173 (1665 г.) году, проведав накрепко и прослышав доприма от Баргузинских иноземцев, ясачных Тунгусских людей, про великую Селенгу реку и про отъезжих Брацких людей, которые иноземцы великим государем изменили и отбежали от нижнего Брацкого и Балаганского острогов к мунгалам...»[3]

---

[1] См. стр. 9 и 17

[2] Фишер. 547—548

[3] Цитируем по М. Н. Богданову—Очерк истории и т. д. стр. 53.

В этом абзаце наше внимание задерживают на себе три момента: во-первых, осведомителями обо всем Забайкалье выступают тунгусские люди, во-вторых, у нас нет уверенности в том, что эти «Баргузинские иноземцы» обязательно должны равняться жителям реки Баргузина, а не того берега вообще, пока что ограниченного областью Баргузинского острожка, в-третьих, туземцы, отбегающие от великого государя в разные места. Туземцы, систематически очищающие территорию, закрепляемую за завоевателями, не во всех случаях будут иметь возможность завещать русским местные географические названия. Вот почему обитатели Баргузинского острожка, «не проведав накрепко и не прослышав допряма», как именовали туземные люди реку, протекающую мимо своего острожка, могли назвать ее по-своему: острог Баргузин, пусть и река будет Баргузин.

В дальнейшем по мере изжития следов влияния на язык завоевателей тунгусских проводников по неводомому краю и локализации имени Баргузин за первым острожным округом на том берегу, вне всякого сомнения, должен был одержать победу русский синоним того же имени, т. е., «Забайкал-Забайкалье».

Таким образом, мы установили, что русский «Баргузин», как широко известный географический термин не древнее эпохи русского завоевания. Если до того немногочисленные тунгусы западного берега Байкала могли именовать в своем кругу его восточный берег «Баргуджином», то не могли оставаться в долгу восточно-бережные тунгусы, для которых и западный берег Байкала был не чем иным, как тем же Баргуджином.

Но однако в изложенной новинке порусской истории, несомненно, старина местная сказывалась. Лингвистическое истолкование первоначального значения русского географического имени «Баргузин» устанавливает факт крупной исторической важности, а именно, то обстоятельство, что и древний Баргуджин монгольских исторических преданий должен был родиться в тунгусской среде. В период порусской истории понятие «Забайкалье» помещается на восточном берегу Байкала, ибо русские завоеватели двигались с запада на восток. А Баргуджин монгольских летописей существовал у степных монголов, когда народы-завоеватели двигались с востока на запад. Иными словами, для них наше Предбайкалье должно было слыть как Забайкалье и, наоборот, наше Забайкалье было у них Добайкальем. Значит, «Баргуджин» для обитателей древней Халхи был равносилен термину—Забайкалье, та сторона Байкала, его северо-западный берег. Здесь отчетливо разъясняется смысл тех мест в истории Рашид-Эддина, где говорится, что Баргуджин-Тукум находится «по ту сторону Селенги» или «на краю отдаленной обитаемости». В устах осведомителя персидского историка эти слова, несомненно, выражали понятие «Забайкалье», ибо область Селенги равнялась Добайкалью, но это обстоятельство историк, очевидно, плохо усвоил.

Вторая часть имени «Тукум» как будто не вызывает никаких сомнений. Банзаров придает этому слову значение «область». (В монгольском словаре Бимбаева—«тухум»—полоса земля, проход). Банзаров первую часть «Баргуджин» переводит через «западный» (от монгольского слова «баруун—

правый, западный). В связи с нашим вышеизложенным анализом мы вынуждены отвергнуть толкование Банзарова, ибо «баруун» и «Баргуджин» слова разные и далекие друг от друга. Монголы Прибайкальский край привыкли именовать не западной, а северной стороной Байкала, поэтому термин «западная область» для него не подходит.

Как видим, вопрос с Баргуджин-Тукумом представляет из себя довольно сложную научную проблему. Разные ученые авторитеты толкуют это имя по-своему, используя отдельные выражения древних авторов и всякие привходящие обстоятельства. Безусловно прав был покойный бурятовед. М. Н. Забанов, который говорит:

«К сожалению, местонахождение Баргуджин-Тукума до сих пор исследователями не установлено и это обстоятельство создает значительную путаницу в определении тогдашней территории бурят».[1]

Сам Забанов не берется за самостоятельное разрешение этой проблемы, хотя и догадывается, что Баргуджин есть Прибайкалье: «Если пределы Баргуджин-Тукума обозначить в Прибайкалье, приблизительно, в рамках теперешних южных пределов Иркутской губ., то, м. б., буряты уже тогда жили в своих теперешних пределах». Вслед за этим автор пишет: «Последнее слово по данному вопросу мы предоставляем нашим более квалифицированным специалистам и историкам-востоковедам, имеющим за собою стаж и опыт многих лет». К этому пожеланию присоединяемся и мы, ибо правильное разрешение этого вопроса очень важно не только для истории бурят, но и якутов.

Баргуджин-Тукум в монгольских преданиях играет очень важную роль. Обычно туда бегут из степной Монголии разбитые на войне герои или провинившиеся пред выше стоящими. Таким образом, Баргуджин-Тукум в истории вошственной Монголии играет роль места убежища для всех обиженных и обездоленных элементов. Это—своеобразное место добровольной ссылки. Мы уже раз заявляли, что исторические законы и факты, устанавливаемые для эпохи по-Чингисовой Монголии, мы вправе распространить и на древне-турецкую Монголию. Поведение, политика и тактика людей должны подсказываться физико-географическими условиями края, его топографией, путями сообщения, расположением гор, лесов и морей, а не наоборот. Следовательно, Баргуджин-Тукум монгольских преданий, конечно, не переставал играть роль той же отдушины, места убежища и добровольной ссылки также и для народов древней турецкой Монголии. Вместе с тем мы можем уяснить и осмыслить процесс постепенного исторического сложения как бурятского, так и якутского племени. Как Баргу-буряты, первоначально состоявшие из немногочисленного и культурно отсталого ядра Эхирит-Булагатов, за время длительного существования степного Монгольского государства постепенно должны были пухнуть и расти от постоянного прилива беженцев из Халхи, точно так же и окраинные вилюйчане, обосновавшиеся в глубокой древности в Баргуджине-Прибайкалье, должны были принимать и растворять

[1] „Бытовые черты в эпических произведениях Эхирит-Булагатов", стр. 22

в себе непрекращающийся поток беженцев из восточных пределов степной турецкой Монголии.

Таким образом, население Приангарья в силу его исторической роли служить отдушиной для соседней Монголии, должно было постоянно испытывать на себе все перипетии его политических судеб, падения и величия заполняющих его воинственных народов. Каждая новая эпоха и важные перемены в судьбах степняков так или иначе должны были ощущаться приангарцами. Если народы степей, объединившись под единою властью, наступали на своих соседей и достигали благополучия, то приангарцам, конечно, жилось вольготно и привольно. Если монгольские степи раздирались междуусобными спорами сильных родов, то благополучию приангарцев приходил конец. А эти распри возникали в Монголии довольно часто и нередко принимали характер хронической болячки. В таких случаях побежденные роды или даже просто благоразумные элементы спасались бегством. Куда? Да в тот же самый Баргуджин-Тукум, за Байкал, в Приангарье, где жилось, относительно говоря, спокойнее. Но эти воинственные пришельцы, если они вливались большими массами и со своими наследственными вождями, конечно, не могли давать спуску отсталым туземцам. Во-первых, они, конечно, занимали самые лучшие места. Во-вторых, явившись из политического центра Монгольских степей, где постоянно царил деспотизм господствующего класса, они неизбежно должны были проявлять те же замашки в отношении старожилов, обращая их в своих безропотных подданных. Следовательно, политическая эксплоатация туземного и старожильческого народа, собирание с него пушной дани, а иногда и простое ограбление должны были процветать в тогдашнем Баргуджине.

Великое горе и подлинное светопредставление должны были навещать время от времени приангарцев..., если там на старых властителей Монголии наступал новый и сильный враг, намеревающийся занять обширные степи Халхи, являющиеся командующим стратегическим плацдармом всея Монголии. Если даже враг будет отбит после длительной и тяжелой борьбы, то поток беженцев в Приангарье, несомненно, парастал во много раз больше против обычной нормы. А если наступающий враг одерживал полную победу, и в Монголии происходила смена господствующих народов и династий, то неизбежно в Приангарье нужно было ожидать коренной ломки старой налаженной жизни. Остатки разбитых владык степной Монголии не преминут нахлынуть в Приангарье неудержимой лавиной. Тут уже о милости и пощаде не может быть и речи: спасайся, кто может, или, как говорят якуты,— «атахха биллэр»—т. е. предоставь решить дело ногам (их быстроте).

Разбираясь в причинах переселения якутов на север, мы раньше как то выразились, что «движущий мотор якутской истории был прикреплен назади». Вот тут-то мы и подходим вплотную к тому самому «пропеллеру», который гнал постепенно якутский народ в ленские дали. Следовательно, причины всех крупных и основных сдвигов якутов на север кроются в истории древней степной Монголии, ибо все газовые вспышки, играющие роль толкачей, происходили внутри того самого мотора, имя которому «Монголия».

Не изучив внутренний механизм этого мотора, условия его работы и известные этапы его истории, мы не сможем осмыслить прошлые судьбы якутского народа. Эту задачу мы откладываем до следующего тома наших очерков.

В самом центре якутского народа сохранились довольно интересные поговорки, которые знакомят нас с настроениями якутов древнего Предбайкалья. Их зафиксировал покойный этнограф и якутовед А. Е. Кулаковский:

1. «Бюлюю ологор дылы—подобно вилюйскому житью бытью (привольному и красному. Западно-Кангаласский улус.)»

2. «Бюлюю тюгэгинээги кисини кынчарыйбыкка дылы—подобно тому, как коситься на человека, находящегося в глубине Вилюйского округа. О бессильной и безрезультатной злобе на отсутствующего».[1]

Зачем якутяне стали бы завидовать, якобы, «красному и привольному житью» вилюйчан, если это говорилось в пределах современного Якутского округа? Очевидно, эта поговорка сохранилась в виде пережитка, и в современных условиях звучит большим анахронизмом. В ней мы ощущаем тяжелый вздох якутов Приангарья, который невольно вырывался у них при каждом новом нажиме воинственной Монголии. Люди, уставшие от военных тревог и внутренних междуусобий, которыми сопровождался каждый прилив новых беженцев, воображали себе спокойное житие на дальнем севере в глубине вилюйских дебрей. И эти вздохи, постепенно нарастая, в конце концов выливались в исторические решения—покинуть навсегда беспокойные берега Ангары и Байкала.

Вторая поговорка не менее анахронична, ибо современный Вилюй для якутян, не бог весть, какая даль. Верхоянск, Колымск, Оймякон, Жиганск отстоят куда дальше от центра Якутского края, хотя и не удостоились чести попасть в народные поговорки, как образцы недосягаемых углов. Значит, опять-таки эта поговорка создалась в Предбайкалье в эпоху существования Вилюйской колонии, характеризуемой, как нам известно, «Кыйаар»—беспредельная даль.

Если успели создаться такие красочные поговорки, то нужно полагать, что разобщенное существование вилюйчан и якутян, первых на севере, а вторых на юге, продолжалось очень долго, вероятно, несколько столетий.

3. СМЕНА НАРОДОВ В ПРИАНГАРСКОМ КРАЕ

Вслед за твердым установлением в истории Рашид-Эддина географического термина Баргуджин-Тукум, как древнего названия Приангарья с общим значением «Забайкалье», мы можем легко определить и состав его населения в эпоху возвышения Чингизидов. Оно было сплошь монгольским, а самые ближайшие к ним турки «лесные урянхаи» оказались совсем не якутами, а а урянхайцами-сойотами. (Напоминаем «чана»—лыжи и «алачык»—

---

[1] А. Е. Кулаковский. „Якутские пословицы и поговорки". Сборн. Саха-Кескиля, Вып. II. 1925 г. стр. 30

шалаш). Так как Приангарье рассматривается нами как последнее убежище якутов в Южной Сибири, то мы приходим к единственно возможному выводу, что последние остатки якутов эвакуировались в бассейн Лены несколько ранее эпохи возвышения монголов и появления их исторического Чингис-Хана, т. е., до начала XIII века.

Какие же монгольские племена обитали в тогдашнем Приангарье? По рассмотренным текстам Рашид-Эддина, чаще мелькают здесь Т у м э т ы, за ними Баргуты, Хори, Булагачин, Керемучин, Ойраты и один раз упоминается Байлук.

Керемучин и Булагачин звучат очень близко к известным нам именам «Эхирит-Булагат». Трудно сомневаться в том, что эти имена подверглись позднейшему истолкованию и дошли до ушей Рашид-Эддина осмысленными сообразно пониманию монголов Халхи. Собственные имена вообще плохо запоминаются, без той или другой мнемонической зацепки трудно бывает удержать их в памяти. В самом деле, имя «Булагат» могло произноситься правильно лишь в самом Приангарье, а в центре Монголии могли помнить его лишь по ассоциации с каким-либо известным словом или путать с созвучным словом. «Булагат» прежде всего ассоциируется со словом «булага»—«булаган»—соболь... Баргуджин-Тукум слывет как привольный край, где богатые охотничьи промысла и откуда поступают дорогие соболя. И, конечно, неудивительно то, что проживающее там племя с соболиным именем в памяти центральных монголов переродится в «Булагачин», что по толкованию переводчика Рашид-Эддина Березина, имеет значение—«ловец соболей».[1]

Метаморфозой «Булагат'а» в «Булагачин» определяется дальнейшая судьба его близнечного брата «Эхирита», для которого тоже нужно было подыскать близкое по ассоциации звуков охотничье прозвание. По монгольски белка—хэрмэн весьма созвучно с «Э-хэрит», а отсюда один шаг до «Хэрмэчин» или «Кэрэмучин». (Березин там же: «Керемучин означает—ловец белок»). У самих северо-байкальских бурят имена Эхирит и Булагат неразлучны, недаром в некоторых вариантах народных легенд родоначальники этих родов представляются близнечными братьями «ихири». (По-якут. «игирэ»—близнецы от турец. числит. два—ики-икки). И у Рашид-Эддина «Булагачин и Керемучин» неразлучны[2] и пишутся всегда рядом. Вот почему можно считать бесспорно установленным, что под этими двумя племенами разумелись именно предки современных Эхирит-Булагатов, составляющих и теперь большинство туземного населения Приангарья. От Ангары до родины Рашид-Эддина—приличная дистанция и нужно удивляться, что устная память тогдашних монголов донесла до ушей историка персидских Гулагидов родовое прозвище маленького и окраинного народа очень мало искаженным. Булагачин вместо Булагат. Можно ли упрекнуть мудрецов тогдашней Монголии за эту маленькую переделку «т» в «чин», чтобы чуждое слово не ускользнуло из памяти?

---

[1] См. цитир. соч. стр. 255 прим.
[2] Там же. 85, 88

Современные Эхирит-Булагаты, со слов Рашид-Эддина, могут получить и более точные данные о местожительстве своих прямых предков в XIII веке и ранее. У него сказано прямо: «Они обитали в пределах Баргуджин-Тукума и на краю страны кыргызов».[1] Историк дополнительно характеризует этот народ: «В этом государстве никто из них неизвестен, а также нет ведомых и славных мужей из этих племен.».

Живут за Байкалом (в Приангарье) «на краю страны кыргызов» нельзя понять иначе, как проживание в лесистом и гористом водоразделе Ангары и Енисея, приблизительно в пределах современных Нижнеудинского и Канского округов. Действительно, это был район очень богатый соболями и белками.

Если в Приангарье раньше жили тумэты, хори и ойраты, то Эхирит-Булагаты не могли не тесниться на западной окраине Баргуджин-Тукума. Окраинное положение Эхирит-Булагатов легко доказывается своеобразием их мифологических и религиозных воззрений, (например, производство себя от быка-пороза, Буха-Нойина, и большая сохранность древнего шаманского культа.), а также большими отличиями их наречия от остальных монгольских диалектов. Но мы вправе внести маленькую фактическую поправку в утверждение Рашид-Эддина. В страницы его истории, наверное, попало указание на исходное положение Эхирит-Булагатов, относящееся к дочингисовой эпохе, ибо с воцарением Чингис-Хана современное Забайкалье, несомненно, разредилось в своем населении. Монгольские племена, вовлеченные в походы чингисовых армий, должны были распространиться по всей ширине Монгольской империи. Следовательно, те племена, которые раньше теснились в Баргуджин-Тукуме, могли перейти за Байкал и расположиться просторнее. Например, хори, которые фигурируют у Рашид-Эддина в качестве обитателей Баргуджин-Тукума, давно живут за Байкалом.

Проживание хоринцев в Приангарье доказывается приведенными ранее народными легендами о том, что Гур-Буряг, предок Эхирит-Булагатов, был родным братом Хоридай-Моргена, предка одиннадцати родов хоринских бурят. (По другому варианту—Хоридай и Бурядай). По преданию забайкальских бурят, записанному Ковалевским еще в 20-х годах XIX ст., общебурятский предок, монголо-туметский богатырь-Баргу пришел с юго-запада и поселился на южном (восточном) берегу Байкала.[2] Сам М. Н. Богданов в другом месте пишет:

«А предания даже говорят, что хоринцы жили в старину на Ольхоне (остров на Байкале) и северной стороне Байкала».[3] Кроме того, он же на основании актов эпохи русского завоевания устанавливает тот факт, что часть хоринцев жила в Предбайкалье даже в момент прихода русских, ибо «коринцы» принимают участие в боях под Верхоленским острогом.[4]

---

[1] Там же. стр. 88.

[2] См. Богданов. стр. 2.

[3] Там же. стр. 48 На стр. 4-й автор приводит аналогичное предание тункинских бурят о хоринцах

[4] Там же. стр. 47.

Современные хоринцы делятся на две неравные группы: восемь Агинских родов «Агайн Пайман Эсэгэ» и три рода, носящих название «Хойто-Хори» (в переводе «северные хоринцы), составляющих Хоринский аймак.[1] Мы вправе допустить, что Хойто-Хори потому и названы «северными», что до прихода русских они оставались на северной стороне Байкала, тогда как Агинские восемь родов переселились за Байкал в век Чингис-Хана или, м. б., и несколько ранее.

Указанное выше предание о происхождении агинцев интересно еще в том смысле, что связывает их происхождение с туметами. Современные агинцы уже забыли свое переселение из Приангарья, утратили также и понимание географического имени «Баргуджин», которое превращается у них то в название группы монгольских племен (хотя это понимание вполне закономерно, ибо название обособленной территории легко может превратиться в объединяющее имя для всех ее обитателей, ср., напр., Бёлою»—название страны и вилюйских якутов, как подотдела якутов), то в имя женщины—прародительницы.

«Агинские буряты свое происхождение приписывают монгольским племенам, жившим некогда в районе р. Селенги вблизи озера Байкала. Племена эти были известны под общим названием «Баргуджин-Тукум». Одна ветвь этих монголов именовалась тумэты; последние были очень богаты и знатны. Правитель Тумэтского рода был Тайшин-Ноен. Слава и могущество его простирались далеко за пределы Тумэтских кочевий. У него было три сына. Младшего из них звали Хоредой-Мэргэн, который имел трех жен. Первая жена по имени Баргудзин и т. д.[2]

Это доказывает проживание агинцев в Приангарском крае, древнее название которого в легенде превратилось в общее наименование всех монгольских племен, когда-то его населявших. Во-вторых, здесь мы находим доказательство и того, что в древнем Баргуджине господствующее положение занимали тумэты, которым подчинялись хори. (Легендарный предок одиннадцати Хоринских родов, Хоридай-Мэргэн оказывается в положении младшего сына Тумэтского властелина). Таким образом, легенда Хоринских бурят вполне сходится со сказаниями вилюйчан о столкновении их предков с иноплеменным народом Тумат. Если даже богатые скотом Хоринские буряты находились в подчинении у тумэтов, то тем более окраинные Эхирит-Булагаты, ловцы соболей и белок, не могли быть независимыми от Тумэтов. Следовательно, при столкновениях якутов с монгольскими племенами, последние должны были фигурировать под общей кличкой командующих тумэтов.

У современных северо-байкальских бурят сохранилось довольно отчетливое легендарное воспоминание о подчинении их тумэтским властелинам. По Рашид-Эддину, фамильное прозвище главы тумэтов—«Тайтула-Сухар:

---

[1] См. П. К. Баторов. „Легенда о происхождении агинских бурят". Бурятоведческий сборник" Вып. III—IV. 1927. стр. 71—72

[2] См. Там же. стр. 71. Записано со слов бурята кости Кубдут Эринчи Сайсанова

«Тумэты было племя и войско чрезвычайно воинственное. Глава их Тайтула-Сухар пришел на службу к Чингис-Хану, подчинился и покорился. Когда Чингис-Хан занимался покорением страны Китайской, оставаясь там в продолжение 6 лет и возвратился назад, услышал, что тумэты вторично возмутились... Он (Ч. Х.) отправил Бургул-Нойона... Они имели большие битвы и покорили племя Тумэт, но Бургул-Нойон был убит в сражении, так как они были племя злодейское и злонамеренное, то множество из них убито»[1].

М. Н. Хангалов среди балаганских бурят записал и опубликовал очень интересное предание о Сухэр-Ноёне и Гэнэн-Худакте. Ознакомившись с содержанием этой легенды, в Сухэр-Ноёне не трудно узнать обобщенный образ вождей тумэтского народа, занимавшего степные районы Приангарского края и собиравшего пушную дань с охотников Эхирит-Булагатов. До разбора легенды бурят об их взаимоотношениях с Тумэтами нам необходимо ознакомиться с историческими судьбами последних.

В настоящее время Тумэты живут во Внутренней Монголии, где входят в состав Джосотуского сейма (два хошуна. Монгольский хошун равняется приблизительно якутскому «улусу»). Окитаившиеся тумэты, по словам А. Д. Руднева, имеются там же в Улан-Цабском сейме. Переселение Тумэтов на юг, повидимому, произошло при Чингис-Хане, ибо они, по показаниям Рашид-Эддина и Юань-чао-ми-ши, неоднократно возмущались и были усмиряемы с большими жестокостями. Выселение их из Баргуджин-Тукума, вероятно, было одной из предупредительных мер, а также и наказанием. По Рашид-Эддину, тумэты и ойраты хотя и показываются в числе обитателей Баргуджин-Тукума, но из ряда его конкретных описаний видно, что ойраты занимали бассейн Верхнего Енисея в пределах Урянхайского края, т. н., восьмиречие, образующее реку «Кэм»[2]. При этом историк заявляет: «В древности на тех реках обитало племя Тумэт».

Проживание ойратов в Урянхае устанавливается также маршрутом монгольского войска, посланного Чингис-Ханом в 1207 г. для покорения енисейских кыргызов под начальством его старшего сына Джучи. Отряд выступил из Хэлиня (Каракорум), весной дошел до реки Кянь (Кэм)[3]. Когда Джучи дошел до места Шихшит (река Шишкит, левый приток Хуа-Кэма в Урянхайском крае), ему покорились «Ойра» (ойраты), Тубасы (урянхайцы—«Туба») и многие др. роды. «От Ойра до кэргисы было пять переездов»[4].

Из Юань-чао-ми-ши мы узнаем, что Чингис-Хан после подчинения обитателей Урянхая и киргизов Южного Енисея отправляет другой отряд под начальством Бороула для покорения Холи-Тумат (Хори-Тумат). Бороул с отрядом попал в засаду и погиб. Ясно, конечно, что Хори-Туматы должны были жить на севере по соседству с Урянхаем в Баргуджин-Тукуме. До Бороула к туматам были отправлены еще Хорчи и глава ойратов Худука-Беки,

[1] Там же. Введение стр. 88.
[2] Там же. стр. 78—79.
[3] Здесь Юань-чао-ми-ши цитир. по прим. 498 переводчика
[4] Юань-чао-ми-ши стр. 131.

«как хорошо знавший лесной народ», и оба попали в плен к туматам. Усмиряет Туматов только третий отряд, посланный под начальством Дорбо-Дохшина [1].

Приведенные факты устанавливают проживание Хори-Туматов в Приангарском крае за озером Байкал, ибо подчинение добайкальских племен Чингис не мог бы отсрачивать до завоевания Урянхайского края. Неудачи монгольских отрядов в борьбе с туматами, несомненно, обусловлены дальностью их местожительства, неизвестностью дорог и т. д. Непосредственное соседство Баргуджин-Тукума с Урянхаем вытекает также из того факта, что вызывается итти на Туматов глава ойратов Худука-Бекн, как хорошо знающий лесной народ. Очевидно, в дочингисову эпоху ойраты Урянхая находились в деятельных сношениях с Хори-Туматами Приангарья.

Теперь ознакомимся с элементами бурятской легенды о Сухэр-Ноёне. Так как тумэты ушли в Монголию, а сами Эхирит-Булагаты из Канской и Нижнеудинской тайги придвинулись на восток и заняли степные места, бывшие ранее во владении тумэтов, то бурятская легенда, само собой разумеется, своего Сухэр-Ноёна помещает в Монголии, где, якобы, он находился в подчинении у монгольских ханов.

«Буряты, жившие по северную сторону Байкала, делали набеги в Монголию и угоняли у монголов скот, которого у бурят было мало, а также добывали здесь разные украшения, выменивая их на звериные шкуры».

Монгольские ханы, желая подчинить бурят, посылают двух лам, одного из которых зовут Гэнэн-Худакта, а другого Сухэр-Ноён. «Эти лица должны были подчинить бурят и прекратить их набеги на Монголию и угон скота».

Здесь совершенно правильно обрисовываются взаимоотношения охотников Эхирит-Булагатов со скотоводами Тумэтами. Буряты обоих названных лам представляют ёлёт'ами, т. е. калмыками-ойратами, что тоже намекает на Тумэтов, принадлежавших к союзу западных монголов.

«Сухэр-Ноён... был из племени Ёлёт... был батур, т. е. предводитель, отличавшийся необыкновенной силой. С того времени, как он приходил, по преданию балаганских бурят, прошло 16 или 17 поколений. При нем было триста вооруженных человек или телохранителей».

«Цель его прихода была покорить бурят, обратить в буддийскую веру и заставить их платить дань дорогой пушниной».

Легенда заставляет Сухэр-Ноёна с его воинами путешествовать по всей Бурятии... «Во время своего пути Сухэр-Ноён совершал над бурятами разные жестокости, будто бы наказывая и предсказывая будущее... Буряты разбежались от него по лесам, уходили вглубь тайги, и Сухэр-Ноён не нашел в крае жителей».[2]

Сказание о Сухэр-Ноёне среди бурят очень распространено. Мне удалось получить от П. П. Баторова аларский вариант этой легенды. Здесь «Сукор-Нойин» представлен богатым скотоводом, у которого одна бурятка с двумя

[1] Там же. стр. 132

[2] См. „Сказания бурят, собран. разными собирателями". Зап. Вост. Сиб. Отд. ИРГО по эти. Т. I. Вып. 2, стр. 108—112.

малолетними сыновьями-двойнями служит барлаком и пасет стада его овец. Сукор-Нойин присваивает имущество этой вдовы. Ее сыновья, возмужав, выручают мать из неволи, и похитив тысячу голов конного скота у Сукор-Нойина, убегают на север в Бурятский край. Сукор-Нойин гонится за беглецами и тоже в разных местах творит всякие насилия над бурятами. Весьма возможно, что в лице двух братьев-близнецов когда-то фигурировали Эхирит и Булагат, легендарные прародители северо-байкальских баргу-бурят.

В предыдущих главах в процессе работы над материалами якутского героического эпоса мы уже научились расшифровывать и уяснять исторический смысл сжатых и суммарных образов народных сказаний. Мы знаем также обычную анахронистичность легендарных представлений во времени и в пространстве. Прилагая известные нам методические масштабы к бурятским сказаниям о Сухор-Нойине, мы приходим к следующим историческим заключениям:

1. Два отдела северо-байкальского бурятского народа, олицетворенные в образе их предков-эпонимов, близнечных братьев—Эхирита и Булагата, в древние времена в пределах своего Приангарского края жили под тяжелым гнетом богатого скотом тумэтского народа, олицетворенного в образе его княжеской фамилии—Сухор-Нойина.

2. Скотоводы Тумэты должны были занимать степные районы Приангарья, тогда как эксплоатируемые ими охотничьи племена, Эхириты и Булагаты, из которых они вербовали себе «барлаков и пастухов», теснились в таежных и промышленных окраинах или, как гласят легенды самих бурят,—«разбегались по лесом... и уходили вглубь тайги».

3. Позднейшее обогащение скотом Эхиритов и Булагатов в связи с занятием ими освободившихся после тумэтов степных мест Приангарья в народных сказаниях переживается как обратное отобрание возмужавшими братьями скота, ограбленного прежде у их бедной матери-вдовы властелинами Тумэтского народа.

4. Бурятский народ в своих легендах не может уяснить себе переселение тумэтов куда-то вглубь степной Монголии и проецирует место развертывания событий своей собственной истории по месту позднейшего проживания Тумэтов или же, представляя себя владельцем всех своих современных земель, допускает нашествие Сухор-Нойона с воинским отрядом, который учиняет разные насилия и жестокости над бурятами. В первом случае выселение тумэтов из Приангарья в легендарном сознании народа получает как бы обратное отображение в воображаемом бегстве предков бурят из степей Монголии в свой нынешний край.

5. Бурятские легенды удостоверяют также и тот исторический факт, что древние тумэты были в составе западных монголов-элэтов.

Таким образом, монгольские исторические летописи Рашид-Эддина, предания северо-байкальских бурят и вилюйских якутов свидетельствуют вполне согласованно о проживании в Приангарском крае Тумэтов или Туматов, которые занимали здесь господствующее положение.

Мы имеем теперь ясное представление об этнической карте Южной Сибири и Урянхайского края в эпоху появления знаменитого завоевателя Чингис-Хана. Центральные степные части Приангарья занимают Тумэты, имевшие в своем составе хори (предков современных Хоринских бурят). В районе Нижнеудинского и Канского уездов живут предки Эхирит-Булагатов. Урянхайский край (вероятно, и Прикосоголье) занимают ойраты совместно с Туба-Урянхайцами. В пределах Южного Енисея властвуют кыргызы. Рашид-Эддин зафиксировал живое предание о том, что «в древности на восьмиречии, образующем реку Кэм», т. е. в Урянхайском крае до Ойратов обитало племя Тумэт. Здесь мы находим косвенное указание на то, что центральные части Приангарья были заняты каким-то другим народом, ввиду чего тумэты живут в Урянхае. Значит, при Рашид-Эддине еще помнили про переселение Тумэтов из Урянхая в Баргуджин-Тукум. Этим народом, освободившим Приангарье для Тумэтов, могли быть только якуты, отступившие на север. Если мы предположим, что якуты Тыгына (якутяне) покинули Приангарье незадолго до появления Чингис-Хана, то оказывается, что они со всех сторон были окружены монголами: в Урянхае и в Прикосоголии жили Тумэты и ойраты, лесистый водораздел Ангары и Енисея занимали Эхирит-Булагаты, а на восток от Байкала, само собой разумеется, находилось гнездо основного ядра монголов.

Мы раньше приводили список поколений, принадлежащих к составу Дурбэн-Ойратов. Кроме основных ойратских поколений к ним относят Баргу-Бурят и Тумэт. Сообразуясь с местами расселения всех названных племен в эпоху возвышения Чингис-Хана, не трудно понять, что секрет образования и обособления западных монголов заключается в якутской проблеме. Якуты когда-то в глубокой древности у озера Байкала разорвали линию монгольских племен на две части,—западную и восточную. Но это обстоятельство в дальнейшем поставило якутов в крайне невыгодную позицию—между молотом и наковальней. Очутившись в зажиме между западными и восточными монголами, якуты, конечно, были вынуждены, постепенно пятиться на север. И в классическом историческом сочинении Рашид-Эддина мы не нашли никаких следов пребывания якутов в Баргуджин-Тукуме.

До окончательной эвакуации на Лену якуты, несомненно, имели жестокие схватки с западными монголами, которые должны были нажимать на них с Урянхая, Прикосоголья и с Запада. Ойраты и Тумэты не могли забыть, что якуты в период раннего засилья турецких племен отобрали у них древнюю родину Баргуджин-Тукум.

Характерно то, что названия некоторых ойратских племен у якутов превратились в ругательные слова. Мы знаем, что калмыков нередко именуют «элёт», по названию одного из их главных племен[1]. Урянхайцы это слово произносят «ёлэт»[2], что нужно рассматривать, как стяжение более

[1] По словам Иак. Бичурина, „Западные монголы Ойраты по стране называются Чжунгарами, по народности Элютами, по союзу Ойратами". См. „Историческое обозрение ойратов". Стр. 17

[2] См. Катанов. Опыт иссл. урянх. яз. Прил. стр. 157

древнего «Угэлэт». «Елэт, элёт» якуты превратили в «плээт». Это—самая сильная ругань с весьма неопределенным содержанием. Э. К. Пекарский, по своим источникам, констатирует целый ряд разных непохвальных качеств, вкладываемых в это слово: «злодей, шулер, жулик, шарлатан, распутник, расточитель, мот, мотыга, люди худой крови, худых предков».[1] Пекарский склонен образовать якутское «плээт» от русского «ляд». Это, конечно, крайне искусственная теория, ибо «ляд» даже в самой русской среде не особенно популярное и известное слово, тогда как якутское «плээт» известно каждому подростку.

Имя кровных врагов якутского народа легко могло превратиться у них в синоним самой крепкой ругани, в которой заключены «все качества» от злодея до распутника-цы.

Мы знаем, что монгольские племена, жившие к западу от Байкала были известны также под общим названием «баргуты» или «буруты», что будто бы значило когда-то «дикий и темный человек». Знатоки бурятского языка говорят нам, что «бурут» есть ранний вариант имени «бурят». А в якутском языке слово «бурут»[2] точно также получило далеко не похвальный смысл. По грамматической конструкции ряда аналогичных глагольных образований, например, ытыыр—кустуур, буруттуур, последнее слово, собственно говоря, имеет значение—«именовать кого-либо буруутом», что во всяком случае не обрадует того, к кому адресовано. Очевидно, древний якут, если желал обидеть кого-либо из своих соплеменников, говорил—«эх ты—бурут». Обиженный, конечно, скажет—«миигин буруттаата, бурукка холоото»—обозвал меня бурутом, сравнил с бурутом. В этих лингвистических фактах мы находим хорошую иллюстрацию древней национальной политики. Якуты в своих богатырских былинах все враждующие с ними племена называют «абаасы»—черти и бесы. Поэтому и не удивительно, что они имя самых окраинных монголов, с которыми приходилось часто враждовать, превратили чуть ли не в синоним понятия—обида, словесное поношение. Описанное явление свидетельствует о том, что древние якуты соприкасались с предками северо-байкальских баргу-бурятов.

Мы имеем лингвистическое доказательство и того, что в составе якутов имелись небольшие вкрапления буратов. В слове «бурут» конечное «т» может исчезать, например,—«бурукка» (дат. п.) от «буру(т)ка». («Т» ассимилировалось с «к» окончания). Следовательно, и глагол «буруу-саа»—угнетать (Пекарский переводит не совсем точно—«досаждать кому словами или поступком), преследовать, гнать кого, произошел от того же корня «бурут» или «буруут». (Слово «баргут» сначала должно перейти в «буруут» и позже в «бурут»). Иными словами, «буруу-суур» первоначально должно было значить поступать с кем-либо из своих соплеменников так, как—если бы он был из буратов, т. е. всячески обижать, постоянно давить и угнетать точно иноплеменника. Обижаемый и угнетаемый якут должен был сравни-

[1] См. Пекарский. Слов. стр. 913

[2] К сожалению, сущ. имя „бурут" в полном словаре Пекарского пропущено

вать свое положение с участью единичного бурута, очутившегося в якутской среде, и, отстаивая свои права, он мог говорить—«я тебе не бурут».

Итак, якуты не только соприкасались когда-то с баргу-бурятами, но даже имели в своей среде единичных бурутов, чтобы, глядя на их печальное положение, образовывать новые слова и понятия с определенным содержанием, списанным с натуры. Текущая история безусловно давала много случайностей, когда среди якутов могли очутиться бурууты в качестве ли военнопленных или добровольных беженцев, спасавшихся от своих по совершении разных проступков или преступлений.

Современные буряты известны якутам под именем «бырааскай» (см. словарь Пекарского). Для каждого человека, мало-мальски знакомого с фонетикой якутского языка, должно быть ясно, что «бырааскай» есть якутское произношение русского наименования «братский». (Ср. якут. бырааг от русского «брат). Значит понятие о бурятах якуты получили только от русских.

У ранних авторов, слышавших отрывки якутских легенд о переселении Омогоя и Эллэя из-за верховьев Лены, очень часто встречаются ссылки на то, что, якобы, по рассказам самих якутов, их предки уплыли по Лене, потерпев поражение от братских. Иногда и сами якуты вклинивают в свои предания имя народа «бырааскай». Из приведенного выше лингвистического факта тождества «бырааскай» с русским «братский», а также целого ряда данных по истории монголов и их передвижений через Баргуджин-Тукум, ясно устанавливается, что имя бурят—бырааскай в якутских легендах есть позднейшая контрабанда. Русские обыватели и бывалые якуты свои собственные домыслы и предположения облекают в форму народных легенд. Записав с уст простого народа подлинные предания во многих вариантах, мы утверждаем, что у самих якутов нет и не может быть никаких легендарных воспоминаний о народе с именем «бырааскай». Древние якуты имели дело с Туматами-Тумэтами, Ёлёт'ами-Илээтами и с Бурутами-Баргутами.

Так как западные монголы были аборигенами Предбайкалья (понятие «абориген» мы употребляем здесь условно, ибо древнейшими обитателями Предбайкалья, вероятно, были тунгусы), то значительные примеси их к якутам можно ожидать лишь в якутских авангардах, т. е. среди северных оленеводов, где мы нашли роды Тумат, Югюлээт или в Северо-Восточном Вилое, население которого переселилось на север вслед за якутами-оленеводами. Объякученных бурутов в настоящее время возможно было бы установить лишь по родовым названиям, сохранившимся параллельно у якутов и северо-байкальских бурят.

Среди бурят Булагатского поколения еще в эпоху русского завоевания выступает довольно многочисленная группа, т. н., батулинцев. Историк бурят М. Н. Богданов пишет:

«В Кудинских степях (долина р. Куды, впадающей в Ангару справа ниже г. Иркутска), как и теперь, жили булагаты. В том же районе жили, согласно цитированным актам, и батулинцы. Кудинские буряты считают себя потомками Батлая, внука или правнука Булагата... Название «Батулин-

цы» относятся к предкам нынешних Кудинских бурят, являющихся одной из ветвей Булагатов»[1].

Среди якутов есть тоже свои «Батулинцы». Это—довольно многочисленный наслег в северо-восточном Вилюе под названием «Боотулу». (В офиц. докум. «Батулинский». По данным 1891 г., в этом наслеге числилось 1684 д. об. п., а по 10-ой ревизии 1505 душ.[2] Это слово подчиняется окающим и акающим. Акающие произносят «Баатылы». Роды Боотулу имеются также среди северных якутов в Жиганском улусе (два наслега), в Устьянском улусе (один наслег) и среди якутов озера Есей.

В эпоху завоевания якутов в казачьих документах нередко упоминается «Батулинская волость» и в пределах Якутского округа, например, в челобитной Петра Бекетова[3]. В настоящее время сохранился лишь один Батулинский род в Кильдемском наслеге Западно-Кангаласского улуса[4].

Несмотря на то, что подавляющая масса «Боотулу» живет среди ранних вилюйчан и якутов-оленеводов, они почему-то удостоились чести попасть в легенды якутян и, повидимому, по недоразумению смешиваются с якутами Баягантайского улуса. По варианту легенды об Омогое и Эллэе, опубликованному В. Приклонским, предком Баягантайского улуса признается единственный сын раннего переселенца на Лену Омогоя, Баарагай Батылы Кэлтэгэй-Тобук, о котором сообщается:

«Терпел нищету и питался добычею, которую приносила черная собака».[5]

В записанных нами вариантах за потомством Омогоя тоже присваивается иногда наименование «Боотулулар-Кэлтэгэй-Тобуктар» или вообще «Боотулулар». Об их легендарном предке, единственном сыне Омогоя, сообщается: «лишился скота и впал в крайнюю бедность». Потом он пропитывается у своих богатых родственников «в качестве проживальщика»[6] или «Боги через шамана ответили, что скота у него не будет и что он должен пропитываться охотой и рыбной ловлей».[7]

Очевидно, бедность Батулинцев и их занятие охотой и рыбной ловлей когда-то были ходячей поговоркой среди якутов. Эти ассоциации, вполне гармонирующие с обычной участью покоренных иноплеменников, в связи с наличием Батулинцев или Батлаевцев среди Баргу-бурят, заставляют нас признать в якутских родах Боотулу объякученных бурутов. Раннее переселение их на север и распыление среди якутов-оленеводов и ранних вилюйчан тоже говорят за их монгольское происхождение.

---

[1] Богданов. Там же. стр. 47

[2] См. Памят. книжка Якут. обл. за 1867 г., стр. 114 и Серошевский „Якуты". Прил. стр. 683

[3] Столбцы Сиб. Прик. 368—в списке объясаченных князей в п. 18 значится „Нигокоя Батулинской волости"

[4] 116 душ об. п. См. Соколов. Якутия по переписи 1917 г., стр. 12

[5] В. Л. Приклонский. Три года в Якутской обл. „Живая Старина. 1890 г. Вып. II

[6] Эллэйада §§ 236, 3, 174

[7] Дополн. к Эллэйаде. § 15

Мы, конечно, не уверены в том, что нами выявлены без остатка все якутские роды монгольского происхождения. Но тем не менее факт обнаружения всех родов монгольского происхождения в одном определенном районе говорит за то, что эти примеси к якутам были не особенно велики и не выходят за указанные нами пределы, т. е. северных якутов и ранних вилюйчан. Если общая численность тех и других не превышает 35—45 тысяч душ; то по равном распределении этого населения между тремя этническими группировками (тунгусы, монголы и якуты) мы не можем определить монгольские вкрапления к якутам свыше 15 тысяч душ.

Остальные отделы якутского племени, которые вливались в Баргуджин-Тукум значительно позже, не могли бы получить значительные монгольские примеси, ибо монголы должны были эвакуироваться до их прихода, а их отрезанные части уже войти в состав передних якутских родов.

Наличие в составе северных якутов и ранних вилюйчан монгольских пленников в корне отвергает гипотезу о том, что якуты были коренными обитателями Предбайкалья и что северо-байкальские буряты являются здесь поздними пришельцами. В исторической действительности произошло как раз обратное явление. Предки якутов, наступая из южных монгольских степей в современном Забайкалье, должны были вклиниться в среду монголов, имея ойратские поколения на западе. В дальнейшем якуты, перейдя через Байкал, оттесняют Хори-Туматов и Элётов в Прикосоголье и в Урянхай, а Эхирит-Булагаты, оторвавшись от своей ойратской массы, застревают между Енисеем и Ангарой. Отступление якутов на север вернуло Хори-Туматов в Приангарье. Эпоха чингисовых войн перебросила Туматов в Южную Монголию и увлекла хоринцев в привольные забайкальские степи. Вот когда эхирит-булагаты очутились в положении единственных господ Предбайкалья и постепенно должны были разбогатеть скотом, хотя до недавнего времени они сохраняли обычаи и замашки охотничьего народа. В эпоху занятия якутами Предбайкалья они, вероятно, были очень немногочисленным народом. Позднее, когда власть Чингизидов пошла на убыль и в Монголии начались междуусобные распри среди потомков Чингис-Хана, Приангарье опять превратилось в убежище для беженцев из Халхи. Так постепенно сложились северо-байкальские буряты, которые в эпоху русского нашествия вряд ли превышали 100 тысяч душ.

Знакомясь с бурятским наречием, их героическим эпосом, былинами, шаманизмом и т. д., не трудно убедиться, что бытовая народная культура у бурят в ее современном состоянии не едина и не однородна. Эхирит-Булагаты по своим культурно-историческим традициям резко отличаются от хоринцев и агинцев, тем более от селенгинцев. Даже в пределах Приангарья бурятское население отдельных обособленных районов, как, например, Тунки, Алари, Балаганских и Кудинских степей, бурятские поселения около г. Нижнеудинска столь сильно разнятся друг от друга по языку, что нужно изучать их порознь. Так например, известный монголист и тюрколог Н. Н. Поппе, составитель «учебной грамматики якутского языка», посвящая специальную монографию говору аларских бурят, заявляет:

«Бурятских говоров много, все они в известной степени отличаются друг от друга, а потому они должны исследоваться более точно, более подробно, чем языки, являющиеся на всей территории своего распространения едиными, во всяком случае более едиными, чем бурятское наречие. Исследователь таких, более единых, единообразных языков может ограничиваться лингвистическим исследованием одного-двух мест всей территории распространения этого языка и обобщить свои выводы на весь язык. Для исследования бурятских говоров такой метод неприемлем. Мы заранее должны разбить территорию его распространения на отдельные клетки и изучать каждую клетку в отдельности, чтобы по настоящему изучить все существующие говоры, действительного количества которых мы даже не знаем»[1].

А по поводу языка якутов разных округов, Якутского, Вилюйского, Верхоянского, Колымского и Олекминского, не взирая на их огромную территориальную разобщенность, еще ни один лингвист не делал подобных заявлений. Якутское племя, за исключением северных оленных якутов, представляет собой монолитное целое. До настоящего времени, как мы знаем, языковеды даже не могут установить наличие каких-либо обособленных говоров в якутском наречии с ясными и устойчивыми фонетическими признаками, за исключением акающих и окающих. А установление культурной обособленности вилюйчан от основной якутской массы по их героическому эпосу и религии, как мы видели, представляет собой довольно сложную научную проблему. Все это свидетельствует о том, что якуты со времен глубокой древности выступали как самостоятельное и прочно сколоченное культурно-этническое единство. Поразительное однообразие якутского языка и бытовых признаков, несмотря на расселение этого народа на огромном пространстве, лишенном удобных путей сообщения, вне всякого сомнения, свидетельствует о том, что все существенные показатели якутской культуры окончательно оформились в незапамятной древности. Безграничная и сплошная тайга Ленского края не могла способствовать объединению людей и образованию однородной культуры. Наоборот, она разъединяла их, клала между отдельными частями народа непреодолимые преграды. Рядовой якут Верхоянского округа никогда не мог видеть и сталкиваться с якутянином, не говоря о вилюйчанине и олекминце. Значит, якуты стали разбредаться по всем диким углам и таежным дебрям своей современной родины, окончательно сложившись в «якута» в полном смысле этого слова, а в особенности в отношении их языка.

Теперь мы вправе критически подойти к теоретическим построениям знаменитого турколога, академика В. В. Радлова, о происхождении якутского языка и народа. Как мы излагали в своем месте, он утверждает, что якутский язык со всеми его лингвистическими особенностями является историческим новообразованием и что само якутское племя сложилось лишь после эпохи возвышения монголов в результате механического смешения монголов,

[1] Н. Н. Поппе. Аларский говор. Ч. I. Ленинград. 1930. стр. 2—3

турок и еще третьего этнического элемента «ни турецкого и ни монгольского происхождения». Этот третий элемент в составе якутского народа Радлов усматривал в «Ойн-Урянха» Рашид-Эддина, который, якобы, обитал на северо-восток от Байкала. Таким образом, обособленное существование одной части якутов, признаваемой их основным и первоначальным ядром, констатируется документально еще в конце XIII в. нашей эры. До этой даты Радлов предполагает монголизацию этих урянхитов. Значит, к концу XIII века в якутском языке и культуре заключались «У+М» элементов. Причем, нужно иметь в виду, что это смешение и объединение урянхайских и монгольских начал происходит в лесах и непроходимых горных хребтах Витима и Олекмы. Дальше,—рассуждает Радлов,— в эпоху возвышения монголов, несокрушимым натиском последних с востока из Прибайкалья вытесняется на север в область обитания урянхае-монгольского народа часть турецких племен, совершенно похожих на енисейских кыргызов, карагасс, сойот, и вот в области тех же лесных и горных дебрей на двухсоставный народ налегает новый турецкий слой и происходит окончательная консолидация якутского народа в ново-турецкий тип из элементов «У+М+Т». По Радлову, последняя метаморфоза «отуречения» урянхае-монгольского народа произошла, приблизительно, с половины XIII столетия[1]. Но удивительнее всего то, что, по мнению академика Радлова, якутский язык к моменту прихода русских уже принял свои современные формы:

«Язык якутов еще в XVII веке был совершенно таким, каким представляется он нам теперь, что доказывается напечатанным Николаем Витсеном в Амстердаме текстом молитвы «отче наш»[2]. Иными словами, в течение 300—400 лет, истекших после появления Чингис-Хана, произошло полное слияние урянхайских, монгольских и турецких элементов в одно монолитное и однородное единство. И все это происходит в такой обстановке, где, казалось бы, ничто не побуждало носителей элементов «у», «м», «т» ко взаимным столкновениям и смешениям. Вряд ли можно усомниться в том, что урянхайцы, монголы и турки, очутившись в указанном географическом районе, оставались бы прозябать каждый в своей трущобе. Если с западной стороны Байкала двигались на север турки-скотоводы, то им незачем было бы беспокоить оленеводов и охотников бассейна Витима и Олекмы, ибо скотовод должен пасти своих коров и лошадей совсем не там, где бродят оленеводы и охотники. С другой стороны, и последним не было нужды обращать внимание на турок, передвигавшихся с конями и коровами по травянистым местам бассейна Лены.

Мы знаем, что даже при гораздо более благоприятных условиях в смысле возможности интенсивного взаимного общения, при удобных путях сообщения, при скученном в городах и селах земледельческом быту, общности интересов и т. д., могут существовать рядом друг с другом разные языки, нации и культуры. Например, татары, цыгане, евреи, русские, финны, ла-

---

[1] Радлов. Там же. стр 55—56.
[2] Там же. стр. 2

тыши et cetera живут бок о бок вот уже сколько столетий, не образуя общего для всех языка, культурной мешанины и не утрачивая своего наречия и культурной физиономии. Но почему-то в диких таежных хребтах на северо-восток от Байкала должно было произойти описанное чудо образования нового языка и культуры из принципиально отличных начал, урянхайского, монгольского и турецкого, в течение каких-либо трех-четырех столетий. Конечно, мы знаем факты поглощения одним народом другого, но это явление обычно имеет место лишь при стечении целого ряда благоприятных обстоятельств.

Вернемся к вопросу о бурятах.

Проф. Н. Н. Козьмин, один из больших знатоков истории бурят и монголо-турецких племен в целом, не разобравшись в вопросе о Баргуджин-Тукуме и его населении в век Чингис-Хана, усматривает в бурятах позднейших пришельцев из верховьев Амура и хребтов Хингана, куда он передвигает и Баргуджин-Тукум. Он думает, что монгольские племена начали эмигрировать на север, в частности в Приангарье, лишь по прошествии блестящего периода Монгольской империи, когда кончились завоевания и возможность обогащаться за счет других народов, приблизительно с начала XIV века при преемниках императора Хубилая. О появлении бурят в Прибайкалье он пишет: «Всего вероятнее, что это переселение происходило в первой половине XIV века». Об якутах он пишет: «Но это был небольшой народ и предоставленный самому себе, он не мог выдержать борьбу за свою самостоятельность против бурят, имевших в тылу опору в монгольских племенах...»[1].

Мы не в состоянии что-либо возразить маститому сибиреведу и ориенталисту, кроме ссылки на вышеизложенное о Баргуджин-Тукуме по Рашид-Эддину и Юань-чао-ши. Впрочем, у проф. Козьмина мы находим и такие дельные замечания: «Надо думать, что в эпоху Чингис-Хана бурятская народность еще не сформировалась»[2]. А мы знаем, что в эпоху появления Чингис-Хана якутов уже не было в Приангарском крае. Очевидно, они ушли на север совсем не под натиском бурят, которые существовали тогда в лице лишь маленького охотничьего племени Эхирит-Булагатов. Проф. Козьмин о бурятах того времени пишет:

«Их основное занятие—рыболовство и охота. Это обстоятельство, как нельзя более, согласуется с народными преданиями бурят. Один из их легендарных предков, Хоридай, получил в удел от отца лесистые и гористые места, удобные для охоты. Предания цикла зэгэтэ-аба настолько многочисленны и крепки были в народной памяти, что давали возможность М. Н. Хангалову воссоздавать подробную картину общественного и семейного быта звероловческой эпохи».[3]

---

[1] Цитир. соч. стр 25—27
[2] Там же. стр. 22
[3] Там же. стр. 22

По поводу мнения М. Н. Хангалова о звероловческом прошлом северо-байкальских бурят и получении их предками в удел «лесистых и гористых мест» и мы можем от себя прибавить тоже, что все это «как нельзя более согласуется» с нашим толкованием соответствующих мест Рашид-Эддина о проживании Эхирит-Булагатов, ловцов соболей и белок, на гористом и лесистом водоразделе Енисея и Ангары «на краю страны кыргызов».

М. Н. Хангалов, безусловно, был большой знаток преданий, обычаев и нравов своего народа. Поэтому его общие фактические предпосылки о господстве в быту северо-байкальских бурят охотничьих интересов, обычаев и зазамашек, в сравнительно недавнем прошлом, не могут быть игнорированы историками.[1]

Проживание эхирит-булагатов при Чингис-Хане на западной стороне Байкала подтверждается их принадлежностью к составу ойратских поколений, которые в своей главной массе в то время жили в Урянхайском крае. Вопрос об ойратстве Баргу-бурят был поднят еще в середине прошлого столетия Д. Банзаровым в его статье «Об Ойратах и уйгурах» и в настоящее время может считаться решенным в положительном смысле. Пишущий эти строки еще в 1920 г. в своих докладах по истории якутов, развивая взгляды Банзарова, утверждал, что когда-то якуты под натиском Ойратов были вынуждены очистить левый берег Ангары и сосредоточиться между Ангарой и Леной и, что буряты, по свидетельству Санан-Сэцэна, в центре Монголии причислялись к Ойратам.[2]

П. П. Баторов в своей статье «Материалы к вопросу о происхождении бурятских племен» высказывается за ойратство эхирит-булагатов:

«Судя по всем легендарным сведениям, эхирит-булагатов и их ветвей—аша-абагатов, готолов, шаралдаев, куркутов и проч., надо признать, что они произошли от олетов-калмыков, так как сказаний о непосредственной связи с монголами у эхирит-булагатов нет... На основании существующих и поныне старинных песен у кудинцев, вспоминающих далекие отсюда страны—Алтай, Хан-Кухей, Кэнтэй..., можно думать, что отдаленные предки эхирит-булагатов когда-то жили или скитались по всем тем местам, т. е. по Алтаю».

Взгляды Баторова полностью усвоил и дальше развивает М. Н. Забанов в своей работе, на которую мы выше ссылались. («Бытовые черты и пр.»). Свои выводы Забанов формулирует в следующих словах:

«Повидимому, ойраты или олеты были в тесной связи и общении с эхирит-булагатами (их предками), почему в легендах последних встречаются признаки, присущие монголам-ойратам, вроде титула хун-тайши или назва-

---

[1] М. Н. Хангалов свои воззрения об охотничьей артельной организации бурят изложил в двух своих работах 1) „Зэгэтэ-аба, облава на зверей у древних бурят". Изв. Вост. Сиб. Отд. ИРГО. Т. XIX, № 3. 1888 г., 1—26 стр. и 2) в статье „Общественные охоты у северо-байкальских бурят—зэгэтэ-аба—охота на росомах". Матер. по этногр. России. Т. I. Спб. 1910 г. 129—154 стр.

[2] См. жур. „Бурятиеведение" 1928 г. № 1—2. „Основные тезисы докладов Г. В. Ксенофонтова на тему—происхождение якутов"

ния «олет» и т. д. Может быть, самый сюжет о Буха-Нойоне сложился под ойратским влиянием».[1]

«Упоминание Алтая и Хухэ в эпосе эхирит-булагатов является отголоском тех отдаленных времен, когда эхирит-булагаты... жили среди западных ойрат-монголов, кочевали и охотились по Алтаю и Хухе».[2]

Работы Баторова и Забанова интересны для историка в том смысле, что они на основании фольклорного сознания самих эхирит-булагатов устанавливают факт тесного общения их предков с элёт'ами-ойратами. Но где, в какой местности западные монголы и баргу-буряты соприкасались друг с другом? Чтобы объяснить принадлежность эхирит-булагатов к составу ойратов, совсем не нужно поселять их где-то далеко на западе около Алтая, ибо сами ойраты там являются пришельцами с востока. Упоминание Алтая в эпической поэзии эхирит-булагатов было бы проще объяснять заносом былинных сюжетов и традиций из степной Монголии. Богатырствующие народы всегда жили там и, конечно, совершали походы во все стороны, в том числе и на Алтай. Ц. Ж. Жамцарано, лучший знаток былинного эпоса монгольских племен, в своей статье «Заметки о монгольском героическом эпосе» пишет:

«Во всех бурятских и монгольских улигэрах (былины, соответствуют якут. «олонгхо») есть определенный географический центр, куда тяготеют, так сказать, события. Таким центром служит Алтайский район, расширяясь во все четыре стороны, но, главным образом, на восток (оз. Байкал) и запад (моря: Аральское, Черное, Красное (Каспийское? А. Р.), а также Индию. Впрочем, необходимо оговориться, что название морей и стран носят слишком общий, нарицательный характер, так что трудно установить точно, где находятся описываемые в улигэре, горы и моря».[3]

Если упоминание Алтая в былинах есть общемонгольская черта, то главный довод названных авторов по поводу признаков проживания эхирит-булагатов около Алтая, само собой разумеется, отпадает. Общение эхирит-булагатов с ойротами в древние времена разъясняется довольно просто. Сами ойраты, отделившись от восточных монголов, могли передвигаться на запад, не по степям Монголии, которые были заняты еще турецкими племенами, а через таежный и гористый север—через Баргуджин-Тукум. При проникновении якутов из-за Байкала элёты и тумэты отступили в Урянхайский край, а эхирит-булагаты отстали от них, будучи прижаты к западным окраинам Приангарья. Если элёты и тумэты не проживали в древности в Приангарском крае, то мы не обнаружили бы их части (роды юголээт и тумат) среди северных оленных якутов и ранних вилюйчан. Таким образом, якутские материалы опять-таки находят подтверждение в преданиях северо-байкальских бурят.

Воинственные ойраты не могли оставить якутов в покое. Борьба за возврат Баргуджин-Тукума, вероятно, носила очень длительный и хрониче-

---

[1] „Бытовые черты и т. д." стр. 16.

[2] Там же. стр 17.

[3] См. Образцы народной словесности монгольских племен. Петрогр. 1918 г. Вып. III. Введ. XXI стр.

ский характер. В известную историческую эпоху, как мы знаем, вилюйских якутов в Приангарском крае сменили якутяне. Вместе с тем, якутяне должны были унаследовать старинную вражду с ойратскими племенами. Переселение якутян на Лену и постепенная колонизация ими территории современного Якутского округа, по всей вероятности, является отражением борьбы за Баргуджин-Тукум. Этот вопрос надлежит рассмотреть при изучении исторических судеб основного отдела якутского племени.

Глава VII

„ТАБАЛЫЫРА-БЭРГЭН"—

(К вопросу об этническом происхождении вилюйских якутов)

В героическом эпосе якутов мы нашли отчетливые следы разделения их на два крупных отдела,—якутян и вилюйчан. Когда-то их отдаленные предки должны были резко отличаться друг от друга по экономическому быту, этническому происхождению, материальной культуре, религиозным и мифологическим представлениям. При сдвигах якутов на север с длительными остановками в ряде промежуточных пунктов должно было происходить постепенное смешение и неразрывное слияние якутян с вилюйчанами. Вилюйчане шли впереди, якутяне двигались за ними следом. Массовому переселению якутян, несомненно, предшествовали небольшие авангарды из их среды, которые раньше натурализовались среди вилюйчан. Дальше, с наплывом якутян всей массой вилюйчане передвигаются на новые места, но, однако, часть их, застряв на старой родине, будет поглощена якутянами. При новых передвижках получится повторение тех же самых явлений смешения наседающих сзади якутян с вилюйчанами. Чем дольше тасуют карты, тем основательнее перемешиваются все масти, подобранные сначала по группам. Точно также и якутский народ, прошедший очень длительный исторический путь, должен был потерять первоначальный естественный распорядок своих составных элементов.

Переходя от героического эпоса якутов к их богатырским былинам и народным песням, мы можем также констатировать два племенных наименования: ураангхай и саха. Пред историком возникает вполне естественный вопрос: не соответствуют ли эти наименования тем двум отделам якутского народа, которые отчетливо разграничивались друг от друга в исходный момент его исторического существования?

Конечно, современные якуты не смогут указать нам, кто из них—«ураангхаец» и кто «саха». Это понятно, если принять во внимание все исторические перетасовки, перенесенные якутами. Но тем не менее можно попытаться угадать первоначальные племенные названия якутян и вилюйчан, использовав кое-какие пережиточные данные.

I. Мы знаем, что якутяне превосходят вилюйчан не только численно, но и культурно, первые признают себя настоящими «саха», а вторые побочным и второстепенным отделом его. У якутян сохранился чистый скотоводческий быт, а у вилюйчан в прошлом было преобладание охоты и рыболовства. Эти факты сами по себе говорят о том, что культурно-экономические признаки якутян должны были постепенно одерживать победу над вилюйскими. При смешениях двух этнических и культурных группировок, по правилу, слабая сторона уступает сильному и принимает защитную окраску, т. е. рекомендуется по названию господствующего элемента. Так мало-азиатские греки, бывшие когда-то под властью восточного Рима, Византии, эмигрировавшие в южно-русские города, на вопрос об их национальности и теперь не без гордости отвечают «роме», т. е. римлянин. И у древних якутов создавалась аналогичная обстановка. Поэтому мы думаем, что первоначальное этническое обозначение вилюйчан постепенно должно было устаревать и, так сказать, выходить в тираж, уступая место племенному названию более сильных якутян. Подходя с этим масштабом к известным нам племенным названиям, мы устанавливаем следующие факты.

«Ураангхай есть старинное название якутского племени»,[1] а «саха, бесспорно, есть современное племенное самоопределение якутов. Иными словами, устаревшее название «ураангхай», сохранившееся только в эпической поэзии и в песнях, когда-то должно было соответствовать вилюйскому отделу якутов, когда последний занимал свою обособленную территорию и не перемешался основательно с «саха». Победа «саха» знаменует собою и постепенное забвение имени «ураангхай». Общий закон жизни—«сильное выживает, а слабое вымирает»—применим и к народным именам.

II. В якутском героическом эпосе мы находим доказательство того, что ураангхай из среды якутов при переселениях на север шли в авангарде и были ранними колонистами бассейна Лены.

По легенде, записанной мною в Западно-Кангаласском улусе Якутского округа, первым переселенцем на Лену был некто по имени «Ураангхай»-Хаадыат». «Прибыв сюда, он повел войну с тунгусами, был побит ими и уменьшился в численности». После него переселяются Омогой, Кюп-Бюкээтэн и Джапиан-Быраадай, которые, «поженившись на дочерях туземного народа, разбогатели». (Элл. 25).

Среди вилюйских якутов на Чопе тоже бытует аналогичное предание, записанное мною с уст 70-ти летнего старца, Тимофея Попова:

«По преданию, древнейшим предком якутов был человек по имени Ураангхай-Саха». Якуты размножились от его младшего сына, переселившегося на Лену. (Элл. § 293).

По ботурусскому варианту легены об Омогое и Эллэе, о первом из них говорится, что он был «из племени Ураангхай». По указанию своего шамана, он первым переселяется с семьей на Лену. Вслед за ним прибывают еще 60 семей, очевидно, из того же народа. (Элл. § 180).

[1] Э. К. Пекарский. Словарь. 3061 стр.

По другому варианту, записанному в одном из Мальжегарских наслегов Западно-Кангаласского улуса, Омогой-Баай ведет войну с народом ураангхай и, будучи побежден им, бежит на Лену. Здесь он находит одну женщину, которая была родом ураангхайка и тоже бежала с юга от войны. Омогой женится на ней. (Элл. § 29).

В одном вилюйском варианте легенды об Омогое и Эллэе, записанном в Мархинском улусе моей сотрудницей Сусанной Жирковой, умирающий отец Эллэя, советуя сыну плыть вниз по Лене, говорит ему:

«Доберешься до места, где живут урянхайцы» («ураангхайдаах дойдуга». Элл. § 229).

В верхне-вилюйском варианте тоже содержится аналогичное место: отец Эллэя также советует сыну плыть по Лене, где в низовьях живет народ «ураангхай-саха», которые, де, будут смотреть на Эллэя, «как на своего повелителя и начальство». В продолжение рассказа старожилы Лены называются просто «ураангхаями». (Элл. 317).

Во всех приведенных местах героического эпоса якутов сквозит мысль о том, что ранние переселенцы на таежный север когда-то были отличаемы от остальных якутов, как «урянхайцы». Причем, мы должны отметить разницу в употреблении слова «ураангхай» вилюйскими якутами. У них в обыкновенном прозаическом повествовании «у р а а н г х а й» нередко заменяет слово «ч е л о в е к». Например, даже о трех русских, приплывших вниз по Лене, говорится как об «урянгхаях». (Элл. § 262), тоже об Эллэе. («Маннык джюсюннээх ураангхайы кёрдюбют»). (Элл. § 230). У якутян в прямом повествовании слово «ураангхай» со значением «человек» почти не встречается, хотя в некоторых окостеневших оборотах речи, в крылатых выражениях и в поэзии оно употребляется наряду с нарицательными именами «киси» (человек) и «саха» (якут). И этот особенный оттенок в значении слова «ураангхай» на Вилюе говорит за то, что древний вилюйчанин более привык считать себя урянхайцем.

Сочетание имен «ураангхай-саха» или «саха-ураангхай», как правильно заметил Серошевский, встречается «в торжественных оборотах речи, в сказках (былинах—олонгхо), молитвах»... «причем ураангхай относится к саха, как общее к частному, как племенное к родовому»[1].

Этот способ обозначения своей национальной принадлежности, несомненно, родился в условиях международного общения и политического быта древне-турецких племен. Основания возникновения этого сложного имени современный якут, конечно, забыл, но общий смысл его, по нашему мнению, совершенно правильно угадан покойным якутом-лингвистом С. А. Новгородовым, который сочетание «саха-ураангхай» переводит «якут-молодец»[2].

Почему древний якут гордился своей принадлежностью к урянхайцам? Посильный ответ на этот вопрос мы дадим несколько позже.

III. В «Верхоянском сборнике» И. А. Худякова мы находим рассказ под заглавием «Ураныкаан-Огонньор».[3] Нельзя сомневаться в том, что в этом

[1] Якуты. 203 стр.
[2] Пекарский. Слов. 3062 ст.
[3] 89—95 стр.

имени мы имеем более древний вариант слова «ураангхай». Ураныкан—старик представляется рыбаком и имеет трех дочерей. К старику приходят женихи, а он каждому из них отвечает:

«Мое дитя питается вонючей рыбой да сухими зайцами, что будет из нее видного-путного?»

Этот рассказ в Якутском округе неизвестен. Но мне удалось записать подробный текст «старика Ураныкаана», в точности совпадающий с верхоянским сюжетом, с уст якута Оргётского наслега Верхне-Вилюйского улуса, Иннокентия Кондакова: «Жил был старик Ураныкаан, имел жену Ураан-Талба и дочь Ураан-Чабык... и т. д.». По моим расспросным данным, эта народная повесть о старике Ураныкане известна и в Жиганском улусе.

На основании приведенных данных, мы должны притти к выводу, что рассказ «Ураныкаан-огонньор» принадлежит к циклу народного фольклора ранних переселенцев на Лену, которые по преимуществу были рыбаками и охотниками.

Таким образом, мы находим след существования особого племени «ураныкаан», так сказать, потонувшего в якутской стихии. Основное ядро древних «ураныканов» когда-то должно было состоять из рыбаков и охотников.

IV. Среди северных оленных якутов, которые, как нам известно, этнически и культурно находятся в тесной связи с вилюйским отделом якутского племени, при совершении их шаманских мистерий, мне пришлось наблюдать следующее любопытное явление.

Первые сцены камлания заключаются в изображении явления духов древних шаманов, предков данного шамана, силою и помощью которых он совершает свои подвиги. Каждый дух, вселившись в шамана, обычно сердится,—почему, де, потревожили и призвали его важную особу, чуждается собравшейся публики, неведомой для него обстановки и грозит разными бедами. В этот момент, по принятому ритуалу, полагается умолять духа, чтобы он успокоился и угомонился: «присутствуют, де, его собственные потомки, у которых изменились обычаи и нравы»... Помощники шамана громко кричат: «ураангхайдарбыт, ураангхайдарбыт—мы урянхайцы, урянхайцы». Правда, иногда говорят—«сахалардбыт», но это, наверное, позднейшее нововведение, отражающее структуру смешанного народа и быта.

Так как религиозные идеи, культовые понятия и ритуал вообще отличаются большой косностью и консерватизмом, мы вправе видеть в описанной сцене отголосок глубокой древности, когда урянхайский народ существовал самостоятельно и имел свою собственную религиозную культуру. Мы отмечали раньше, что вся система якутского черного шаманства первоначально принадлежала вилюйчанам, которые не были знакомы с ысыахами и культом белых шаманов якутян (саха). Следовательно, вилюйский народ до смешения с якутянами именовал себя урянхайцами.

В одном варианте оленекского героического эпоса северные якуты почему-то называются «урянхайцами»:

«В то время у урянхайцев было обыкновение труп, завернув в кору дерева, прикреплять к лиственнице. Так и сделали». (См. Олен. эпос. VIII, 3-й устьянский вариант § 12).

Правда, сказитель не северный якут, а якутянин, временно проживающий на севере. (Иннокентий Прокопьев, якут Тулагинского наслега Метинского улуса). Поэтому, весьма возможно, что в данном случае мы имеем дело с привычкой южных якутов (саха) отличать себя от северян, как урянхайцев.

V. У якутов сохранилась весьма популярная и распространенная поговорка:

«Саха саара, ураангхай буура».

Смысл поговорки—наилучший, отборный из людей. Э. К. Пекарский эту поговорку зарегистрировал в форме «саха саардара, ураангхай буурдара» (т. е. во множ. ч.) и переводит—царь якутов, наибольший урянхайцев[1]. Однако, это выражение в его древнем и прямом значении нужно переводить несколько иначе. «Буур» значит—самец оленя, называют и самца лося. (См. Пекарский. Слов. «буур—самец (оленя, сохатого и дикого барана)». Уяснив во второй части поговорки значение слова «буур», не трудно восстановить и старинное значение утраченного якутами слова «саар». У южносибирских тюрков сохранилось слово «чар, шар»—кладенный, рабочий бык[2]. Это слово является общим для турок и монголов, ибо «цар, чар, шар» у монголов и бурят—тоже кладенный бык, вол[3].

Следовательно, интересующую нас поговорку в ее первоначальном значении нужно было переводить дословно так:

«(Тоже что) у саха вол, а у урянхайцев олень-самец».

Иными словами, самое ценное и важное в древне-якутском быту представлялось в образе рабочего вола, а у урянхайцев в образе их ездового оленя-самца. Поговорка, несомненно, весьма архаическая и сохранившаяся в виде редкого пережитка. В итоге вышеизложенного мы приходим к выводу:

Когда-то в глубокой древности первичное ядро народа ураныкаан или ураангхай состояло из оленеводов.

VI. Теперь мы попытаемся разобраться в семазиологии имени «ураангхай». Прежде всего, необходимо установить первоначальную форму этого имени, чтобы определить его возможное значение. Мы раньше ссылались на слова проф. Н. Ф. Катанова, что коренные обитатели Ташну-Тувинского края, говорящие по-турецки, у монголов и маньчжур известны под именем «урянгхай»:

---

[1] Словарь. стр. 564

[2] У телеутов, алтайцев, лебед. татар, качинцев. Слов. Радлова. Т. 3, 1859 ст. Т. 4, 950 стр. У урянхайцев тоже чар-шар. Катанов. Опыт иссл. урянх. яз. Прил. 301 стр.

[3] См. Подгорбунский. Слов. 20 стр. А. Д. Руднев. Мат. по говор. Вост. Монголии. стр. 153 и 157

«Монголы и манчжуры в правительственных бумагах зовут урианхай».

Ничего нельзя возразить против того положения, что якутская форма «ураанхай» в точности совпадает с монголо-манчжурским произношением. С другой стороны, наряду с именем ураанхай, мы констатировали в фольклоре верхоянских якутов и ранних вилюйчан имя «ураныкаан». Откидывая долготы, которыми якуты вообще злоупотребляют, мы получаем «уранкан». В фольклорном пережитке нужно видеть первичное произношение этого имени, свойственное его носителям, тогда как форма «ураанхай» могла родиться в процессе международного общения с монголо-манчжурскими племенами. Карагассы-оленеводы, бродящие на северной стороне Саянского хребта, и теперь называются нижнеудинскими бурятами «уранкан»[1].

Итак, при определении семасиологии имени урангхай мы имеем основание исходить из его древнего варианта «уранкан».

Однако, и вариант «уранкан», м. б., не совсем точно воспроизводит его первичное смысловое произношение, ибо каждое собственное имя или даже новое нарицательное слово обычно имеет тенденцию видоизменяться, чтобы отличаться от того сочетания обыденных слов, которые дали начало имени. Возьмем простой пример, якутское нарицательное имя «олоппос»—стул. Семасиология этого имени ясна: «олох-мас»—дерево, чурбан для сидения. Это сложное имя, превратившись в нарицательное имя особого предмета, эволюционирует в «олоппос», чтобы не походить на выражение «олох-мас». Точно такие же фонетические передвижки могло пережить и имя уранкан.

По поводу происхождения имени урангхай Е. К. Яковлев приводит народную этимологию, бытующую среди монголов. «Один сойотский лама считает слово уранхай за исковерканное монгольское оронхой, что значит «оборванный, презренный», эпитет, могущий присваиваться всякому народу более бедному и живущему менее культурною жизнью, чем китайцы».[2]

Г. Н. Потанин приводит легенду монголов-дюрбетов аналогичного содержания:

«Эджен-хан, т. е. китайский император, изгнал это племя из своих владений, вот почему оно называется уран-кай, последний член «кай» будтобы значит «бросовое» (брошенная мерзость).[3]

Монголо-бурятский лингвист Б. Б. Бамбаев в своей статье «К вопросу о происхождении бурят-монгольского народа» тоже солидаризируется с сойотским ламой о производстве имени уранхай от монгольского слова «оронхой».[4]

Указанные попытки объяснить происхождение имени уранхай сами по себе не представляют большой ценности, ибо воспроизводят наивную народ-

---

[1] См. Подгорбунский. Там же, стр. 120

[2] „Этногр. описание инородч. населения Южн. Енисея. „Минусинск. 1900, стр. 17. Прим.

[3] Г. Н. Потанин. Очер. Сев. Зап. Монг. Ч. IV, стр. 662

[4] Жур. Бурятиневедение. Вып. I—II (9—10) 1929, стр. 117

ную этимологию, исходящую из фактов простого созвучия слов, но в этой этимологии монголов мы находим маленькое жемчужное зерно. Его мы видим в стародавней привычке монгольского народа сближать имя уранкай со словом орон-хой. Это намекает на то, что «уранкан» первоначально произносилось «орон-кон»:

Орон-кон,
(Орон-кан),
Уран-кан,
Уран (ы) кан,
Ураанынкаан.

Но, однако, что же представляет собой имя «орон-кон»? Оно есть не что иное, как вполне законный и даже более основной вариант имени «оро-(н)чон», т. е., тунгусского народа, обитающего в Верхнем Амуре и в Северной Манчжурии. В древности орочонами назывались вообще все тунгусские племена Манчжурии.

Имя орочон в пределах бассейна Амура и на острове Сахалине констатируется в разных формах: орочоны в Верхнем Амуре, орочи между Уссури и Японским морем,ороки на острове Сахалине и Ольчи-мангуны в низовьях Амура. Исчерпывающие данные о распространении этих имен и их первоначальном этимологическим значении приводит акад. Л. Шренк в своей работе «Об инородцах Амурского края».

Мы позволим себе привести подробные выдержки из обстоятельного труда Шренка. О сахалинских ороках Шренк пишет:

«В конце XVIII века и в начале XIX столетия познакомились с ними более близким образом японские путешественники Могами Токнай и Мамия Ринсо. Они называют их «Оройко», а заселенную ими часть острова «Орикита».

«В китайской государственной географии значатся они в числе ясачных народов Саньсинского окр. под манчжурским названием Орончун, искаженном китайцами в Голун-чун». (В 1709 г. император Кхан-си посылал экспедицию на Сахалин. Манчжуры по возвращении донесли, что лошадей там нет, а что жители пользуются домашними оленями).

«У Иакинфа роки превратились в Элун-чун». (Статист. описс. Китая, ч. II, стр. 30). Палладий (дорож. заметки. 399) называет Ороньчо, как об одном из народов, платившем в прежнее время ясак собольими шкурками в Гирин для отсылки пекинскому двору».

«Айны называют их Орохко (Брыкин. Письма из Сахалина. Зап. Спб. Отд. Ирго. кн. VII, 1864, стр. 21), а гиляки на западном берегу Сахалина Оронгта, а в долине р. Тыми... Орокo».

«Известно однако, что то же самое имя с незначительными лишь изменениями, носят и некоторые тунгусские племена на материке: Орочи на берегу Северно-Японского моря и Орочоны на Верхнем Амуре. Наконец,

[1] Ч. I. Спб. 1883, стр. 134—138

и название Ольча, если принять в соображение смешение у тунгусов звуков «р» и «л», можно тоже считать однозвучным и с именем Орча или Ороча. Действительно, ольчей соседи их, гиляки, называют Ороиго или Ороиш». (В некоторых трудах ороки называются Орокаты или Оргры или Орокапы. Прим. 4 на стр. 136).

«Этимология всех этих названий, близких друг к другу вследствие созвучия, очевидна и относительно одного из них (орочонов) уже была высказана с разных сторон. (Жербильон, Du-Nald, Клапрот)».

«Оро или орон на языке тунгусских народцев Амурского округа, а равно и Сибири значит «олень» и преимущественно домашний. Поэтому все упомянутые названия означают «оленный народ» или «оленеводы».

«Клапрот положительно говорит, что манчжуры называют всех прочих тунгусов общим именем Орочоны».

Академика Шренка необходимо дополнить лишь по поводу грамматического значения имени Оро (н) чон. (Да небольшой поправки, что олень по тунгусски на всех диалектах «орон», а не «оро». Между прочим, и по-чукотски олень «хоранга»). Мы раньше указывали, что у тунгусских племен и у якутов, в особенности у оленных, окончания «чан», «чон», являются уменьшительными аффиксами. Следовательно, «орончон» дословно переводится «олененок»[1]. Но более распространенным уменьшительным окончанием являются слоги «кан», «кон». (У якутов также «кээн», «хаан», «хоон»). Вот почему основным вариантом уменьшительного имени «олененок» нужно признать «Орон-кон» с позднейшими его видоизменениями «Уранкан», «Орон-хой», «Ура-хай».

В северно-вилюйском варианте рассказа «Ураныкаан-Огонньор» этот герой наделяется женой Уран-Талба и дочерью Уран-Чабык. Бытование последних имен наряду с Ураныкаан свидетельствует о происхождении этого имени от корня «орон», «урал»—олень. Мы также знакомы с привычкой северных якутов злоупотреблять уменьшительными формами, что также подтверждает образование племенного названия «уранкан» от «орон» с уменьшительным окончанием.

Академик Шренк, дав совершенно правильный анализ имени орочон, сомневается лишь в том, могли ли такое название дать себе сами тунгусы:

«Немыслимо, конечно, чтобы они сами себя назвали по имени домашнего животного, хотя и столь важного для них».

Конечно, с точки зрения понятий и представлений современного европейца сравнение человека с домашним животным должно показаться чем-то оскорбительным и унизительным. Однако, для древних скотоводов это сравнение не заключает в себе ничего позорного. Даже, наоборот, оно возвышало их, ибо в своем домашнем скоте они видели существа высшего и божественного происхождения. Мы знаем, что древние турки степной Монголии называли себя «огузами», т. е., быками, а северо-байкальские буряты до наступления революционной эпохи верили, что прародителем их является бык-

[1] Ср. Е. И. Титов. Тунгусско-русский словарь, стр. 122—„Орочон-оленишко„

пороз, Буха-Нойон. Поэтому нельзя удивляться тому, что тунгусы в ранние исторические эпохи именовали себя оленями или оленятами. В якутских богатырских былинах тунгусскому богатырю часто дается имя «Табачык-Бэргэн» или «Табалыыра-Бэргэн», что можно перевести «Олень-Меткий стрелок», а в имени «табачык» мы имеем даже уменьшительную форму, ибо «чак-чык» есть уменьшительные аффиксы. (Ср. «кулун-чак», «тут-чах», «солур-чах» и т. д.). Тунгус и олень для якута понятия неотделимые друг от друга:

«Вдруг предстал пред ним всадник верхом на пестром, лысаном олене. Сам он был одет в доху из пестрых оленьих шкур, обувь из шкуры задних ног пеганого оленя, рукавицы из шкуры передних ног, шапка из головной шкуры пестрого же оленя».

Так описывает тунгусского «Олень-Богатыря» якутский рапсод. (См. Элл. § 59).

По поводу нашей гипотезы об образовании имени «уран-хай» от тунгусского слова «орон»—олень могут возразить, что все это есть лишь априорное построение, доказательная сила которого незначительна, поскольку документально не устанавливается называние каких-либо тунгусских племен «Оронкон» или «Оронхой». Однако, не надо спешить с подобными заключениями. В труде Е. В. Бретшнейдера—«Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. Vol. II, изданном в Лондоне в 1888 г., содержится указание, что Namel van Gorcum в «Account of his Captivity in Corea», 1653—1666 гг. упоминает, что Манчжур (the Manchu Tatars) корейцы звали Тиексе и Оранкай». Он же указывает, что в корейско-французском словаре, изданном в 1880 г. в Иокогаме миссионерами, «сказано, что термин о-ран-хай прилагается корейцами ко всем иностранцам».

Нас более интересует, конечно, раннее сведение об употреблении имени «оранкай» корейцами в середине XVII столетия: оран-кай'ями назывались манчжуро-тунгусы. Очевидно, в оленекском хосунном эпосе в качестве постоянного персонажа не зря фигурирует и представитель манчжуро-тунгусского народа «Нюй-чжэнь» (нууча), не напрасно в составе ранних вилюйчан мы нашли род «Люю-чюп»—«Нуу-чин» и не простое, конечно, совпадение, что в героическом эпосе поздних вилюйчан констатируются обычаи нюйчжэн'ских генералов—поедать сердце и печень своих врагов.

Основное ядро якутских урангхаев, по всей вероятности, принадлежало к тем тунгусским племенам Манчжурии, которые, живя по соседству с Нюйчжи и Кореей, очень рано вышли на историческую арену Китая и Монголии, благодаря чему они утратили свои этнические признаки и усвоили целиком турецкий язык и культуру. Из всех племен Северо-Восточной Азии тунгусы, как известно, представляют собой самый неустойчивый в этническом и культурном отношении элемент, который очень быстро утрачивает свой язык и может слиться с другими племенам.

---

[1] Цитируем этого автора по пересказу проф. Катанова. См. Опыт исслед. урянх. яз. Прил. Библиограф. указатель литературы об урянхайцах, стр. 328

VII. Тунгусское происхождение одной половины якутов доказывается особенностями их черного шаманства. Каждый шаман, как мы говорили выше, должен иметь целую лестницу предков-шаманов, которые обучают своего потомка и дают ему шаманскую силу. Один из них представляется специальным духом покровителем или патроном данного шамана. Его обычно именуют «ойун тангарата»—божество шамана. Дух этого древнего шамана, воспитателя и покровителя живого шамана, по якутским мифологическим представлениям, бродит где-то в образе «мать-зверя» (ньэ-кыыл). Мать-зверь черных шаманов в большинстве случаев представляется в образе лося или дикого оленя:

«Мать-зверь у большого шамана имеет вид лося, а у маленького—оленя».

«Мать-зверь у шамана лось или олень. Он приходит к шаману только перед его смертью».

«У каждого шамана должен быть мать-зверь или первообраз зверь... Он по большей части представляется в виде лося, редко в виде медведя».[1]

Наряду с этим мы имеем и такие показания:

«У якутского шамана мать-зверь, говорят, голубопестрый бык, а у тунгусского пятнистый олень».

«Мать-зверь у якутского шамана бык, а у тунгусского, говорят, олень».[2]

У северных якутов мать-зверь шамана неизменно представляется в образе дикого оленя, его рисуют кровью на поверхности бубна и называют «юёрюн кыыла»—зверь шаманского духа.

У белых якутских шаманов (джёсёгёй ойуна) мать-зверь бесспорно конный скот.

Таким образом, в культуре якутских черных шаманов преобладает представление их мать-зверя в виде лося и оленя. Лось, несомненно, есть простая модернизация оленя. (Лось—большой олень). Это обстоятельство опять-таки иллюстрирует религиозную идеологию оленеводческого народа. Да и вообще якутское черное шаманство, повидимому, находится в ближайшем родстве с тунгусским шаманизмом. К сожалению, в данный момент мы не можем заняться этим вопросом, ибо он увлек бы нас в дебри слишком узкоспециальных тем. Обращаем внимание на бубны якутских шаманов, которые по своей продолговатой и яйцеобразной форме повторяют тунгусский тип, отличаясь от круглых монгольских бубнов.

VIII. Наша гипотеза о тождестве имен «ураангхай», «оранхай», «уранкан», орончон, орочи и ороки подтверждается рассмотренной ранее легендой о бородатом народе (айнах), сохранившейся у северных якутов и на Вилюе. Наличие в составе якутов-оленеводов и ранних вилюйчан тунгусских родов из Манчжурии (солонов и лучин) точно также свидетельствует о первичном тунгусизме коренных вилюйчан.

В героическом эпосе поздних вилюйчан мы тоже нашли очень много данных в пользу их тунгусского происхождения. Праматерь вилюйского на-

[1] См. работу автора—Хрестес. Шаманизм и христианство. стр., 88 а также „Легенды и рассказы о шаманах...“ Москва. 1930 2-е изд. Безбожник. Стр. 61, 63 и 65

[2] Легенды и расск. 62 и 66 стр.

рода тунгуска или туматка. Туматы, как мы знаем, хотя и должны быть признаны монголами, но в легендарном воспоминании вилюйчан они сменяются с тунгусами-оленеводами. Якутяне также склонны видеть в своих вилюйских собратьях полутунгусов и полуякутов. (Ср. слова Чаллаайы: «Эти потомки тунгусов будут неуловимы и стойки на войне»).

IX. Косвенным доказательством присутствия в составе якутов достаточно численной тунгусской прослойки, объякученной или отуреченной в незапамятной древности, могут служить также и некоторые особенности якутского народного хозяйства. Нам хорошо известно, что тунгус-оленевод является прирожденным охотником, который при недостатке крупной дичи легко переходит к рыбной ловле. Первая стадия якутизации, лишая тунгуса его привычной подвижности и бродячего образа жизни, должна сопровождаться переходом именно к сидячему рыболовству. Это явление наблюдается, например, в бассейне Амура, где тунгусские роды, утратившие своих оленей, превратились исключительно в рыболовов. Таковы гольды, ольчи, негидальцы, отчасти и орочи. Акад. Шренк пишет об этих тунгусских племенах:

«Эти племена когда-то кочевали с оленями и лишь после потери своих оленей, поселившись на Амуре и на морском берегу, сделались рыболовами».[1]

То же самое сообщает и Врангель о ламутах, живущих в Колымском крае по Большому и Малому Анюям:

«Когда олени их перевелись от волков и мора, то эти инородцы поселились на названных реках и стали жить охотою и рыболовством».[2]

Что якутское скотоводческое хозяйство в некоторых местах осложняется наличием весьма развитого охотничьего промысла и рыбной ловли не подлежит сомнению. Изучая якутскую экономику и предметы материальной культуры, не трудно заметить великолепное развитие орудий охотничьего и рыбного промысла. Якутские самострелы «айа», чарканы, падающие самоловы—«сохсо», засеки на зайцев, иногда простирающиеся на несколько км. лыжи, морды—«туу», сачки—«куйууры», сети и невода обнаруживают стародавнюю промысловую подоснову их современного скотоводческого хозяйства. Сравнивая якутские промысловые орудия с таковыми же у других народов Сибири по экспонатам музеев городов: Иркутска, Красноярска, Минусинска и Томска, нельзя не признать, что по техническому совершенству орудия якутской работы могли бы занять не последнее место на общем конкурсе.

В хозяйстве якутов северных округов—Верхоянского, Колымского, а также на Вилюе рыболовство и охота и теперь играют немаловажную роль. Существование ранних переселенцев на Лене, как мы знаем, поддерживалось преимущественно рыболовством и охотой. Легкость отступления на север древних вилюйчан, несомненно, обусловлена тем, что потомки отуреченных тунгусов еще не совсем утратили свои охотничьи навыки и рассчитывали, на худой конец, прожить там промыслами.

---

[1] Шренк. Там же. 137 Стр.

[2] Врангель. Путеш. по Сибири и Ледов. морю. Спб. 1841 г. Ч. II, стр. 7 26, 138 и 175

X. В якутских богатырских былинах «олонгхо» сохранились довольно отчетливые следы стародавней дружбы якутов с тунгусами, военного союза с ними и включения их в якутскую среду.

В былинном творчестве якутов действующие герои-богатыри распадаются на два враждебных лагеря: богатыри—«а й ы ы», люди солнца и дети светлых небожителей («юн улууса, айыы аймага»), а их противники, богатыри «а б а а с ы», суть порождения злых духов, демонов. Первые—настоящие люди и живут в обычной человеческой обстановке, хотя сплошь и рядом наделяются сверхестественной силой, искусством чудесных превращений и особой близостью к богам и духам. Симпатии рапсодов и слушателей всегда на стороне богатырей айыы, которые ведут вечную борьбу с враждебными абаасыларами. Последние—уродливы, безобразны (однорукие, одноногие, с одним глазом на лбу), нечистоплотны и грязны, наделяются мерзкими и гадкими обычаями.

Характерно то, что тунгусский богатырь занимает совершенно особое место: он не принадлежит ни к тем и ни к другим, фигурирует всегда как тунгус со своим натуральным обликом и в своей собственной бытовой обстановке. Выше мы привели цитату из былины, где тунгус предстал пред якутом в образе всадника на олене. Продолжаем ее:

«Он держал в руках нестро-изрезанную трость. Длинная коса ниспадала сзади, глаза, далеко отставленные друг от друга, косили наружу, зубы немного выступали вперед, щеки были у него впалые, скулы выдавались, а лоб был слегка покатый. Подъехав к нашему богатырю, он приветствует его словами:

«Здорово, мой друг,—якут человек. Ты едешь, гоняя пред собой свое богатство, живешь сыто и богато, а я питаюсь тем, что добуду охотой в тайге. Накорми и угости меня лучшими кушаньями: в долгу я не останусь, заплачу рысями и соболями». (Элл. § 59).

Не трудно узнать в классификации ратоборствующих богатырей якутских былин трехчленный состав алтайских народов: турок, монголов и манчжуро-тунгусов. Турки и монголы два враждующих полюса, айыы и абаасы, а тунгус сам по себе. При описании тунгусского богатыря у якутского рапсода не чувствуется никакой злобы и неприязни, нет преднамеренной утрировки и сгущения красок. Даже, наоборот, он часто идеализируется: отличается гостеприимством, верен дружбе, добродушен и незлобив.

Эпическую поэзию народа нужно рассматривать, как отражение его экономических интересов, она изобличает его прошлое сознание, определяемое бытием. Прошлое «бытие» народа исчезло, но форма сознания, подсказанная им, сохранилась в кристаллизованных образах древних былин. Вот почему исследователь, руководствуясь диалектико-материалистическим методом, может по былинному «сознанию» народа ретроспективным анализом восстановить его прошлое историческое бытие. Турецкие и монгольские народы испокон веков вели и ведут скотоводческое хозяйство, используя для нужд своего скота травянистые просторы. Отсюда ожесточенная борьба за пастбище, отсюда взаимная ненависть и непримиримая вражда. Тунгус же со стадами своих

оленей совсем не предендует на пастбище скотоводов. Поэтому он в борьбе двух крупных отделов алтайских племен должен был занять нейтральную позицию. Но, с другой стороны, тунгус, как прирожденный охотник, по справедливости слывет первоклассным стрелком и отличным воином.

Оленеводческий быт не способен создать более развитые формы социальной организации. Олень и охотничий промысел не обеспечивают человеку больших запасов пищи, не оставляют и досуга для развития ремесла, в частности кузнечного искусства. Поэтому тунгусы-оленеводы не могут самостоятельно завоевывать царства и организовывать свою племенную власть. Но зато в качестве отборных войсковых частей они могут подкрепить те или другие отделы степных народов и дать им перевес в борьбе с их противниками и успех при их обширных завоевательных операциях. При разложении власти и государственной организации того скотоводческого народа, который использовал тунгусов в качестве своих боевых кадров, последние, конечно, могут выступить и в роли организаторов своей тунгусской династии. Но это будут уже не чистые тунгусы, а преторьянцы, унаследовавшие силы и средства своих наемников. В таком именно свете рисуется нам историческая роль тунгусских племен Маньчжурии, которые неоднократно становились господами многомиллионного Китая. Во всех этих случаях тунгусы должны были разыгрывать роль диадохов Александра Македонского, т. е. это была власть тунгусских полководцев, опирающихся на силы своих тунгусских стрелков и социально-культурный опыт своих бывших господ.

Якутские былины подтверждают изложенные положения о роли тунгусов и, кроме того, доказывают, что турецкие племена в период своего господства в монгольских степях опирались на силы и боевые качества тунгусских стрелков.

Мы позволим себе ознакомить наших читателей с остовом сюжета одной обширной якутской былины под названием «Эрэйдээх буруйдаах Эр-Соготох», записанной нами полностью с уст одного якута-старика, известного в своем околотке сказителя былин, Кузьмы Слепцова, и еще вкратце по рассказу сказителя Намского улуса Петра Колесова. Эта былина интересна потому, что образ богатыря Эр-Соготоха в якутском былинном эпосе занимает исключительное положение и является одним из самых популярных героев. Особенный интерес якутов к личности этого былинного персонажа, очевидно, стоит в связи с тем, что та же мифологическая персона под именем «Эр-Соготох Эллэй-Боотура» представляется прародителем всего якутского племени. В своей работе «Опыт сравнительного изучения библейских и якутских мифов о прародителях народа» мы доказывали, что Эр-Соготох-Эллэя нужно рассматривать как общетурецкого мифологического героя. При подробном анализе якутских легенд об Омогое и Эллэе мы убедимся, что Эллэю вполне соответствует Огуз-Хан древне-турецких сказаний, обычно представляемый первым великим ханом-завоевателем и праотцем всех турецких племен. Поэтому в былине «Эр-Соготох» мы можем надеяться отыскать один из древнейших былинных сюжетов, унаследованных якутами от степных турецких народов.

Сюжет названной былины, известной нам по кангаласскому и намскому вариантам, вкратце состоит в следующем:

Богатырь Эр-Соготох имеет двух жен и одну пегую корову. В начале повествования Эр-Соготох неожиданно умирает. При громе и молнии с неба спускается золотой гроб. Жены богатыря, уложив труп своего мужа в этот гроб хоронят его на вершине высокого холма. Из могилы вскипает белая пена. Жены богатыря и корова вкушают из этой пены; в результате все трое забеременели. От женщин рождаются два мальчика. В первой части былины рассказывается о подвигах этих двух сыновей Эр-Соготоха. Они попадают в плен знаменитому тунгусскому богатырю Табалыыра-Берген. (По намскому варианту, один сын, добыв себе жену, благополучно возвращается домой, а другой убивается упомянутым тунгусским богатырем).

Вторая часть былины посвящается описанию подвигов третьего сына Эр-Соготоха, родившегося от его пегой коровы, Айдаан богатыря. Последний в нижней части своего тела имел вид быка-пороза, ноги с копытами, а в верхней части был человеком. Он представляется сильнейшим и непобедимым богатырем из породы «айыы», неимеющим на земле равных соперников. Он освобождает из темницы тунгусского богатыря своих братьев. Одержав победу над тунгусом и его союзниками, Айдаан-богатырь принуждает тунгуса заключить с ним вечный дружеский союз:

«Обещай ты мне никогда не отступать назад, до самой смерти мы должны быть вместе... Общими силами будем бороться, как с бесовскими богатырями, так... и с лучшими из айыы...»

И оба богатыря в знак нерастворимого союза обмениваются кусочками бересты, обмазав ее кровью своего мизинца. В дальнейшем Айдаан-Богатырь все свои богатырские подвиги совершает при содействии своего неразлучного боевого товарища и союзника, тунгусского богатыря.

Во время борьбы с сильнейшими богатырями «абаасы», пока Айдаан-Богатырь в образе огромной птицы летит из подземного мира наверх в средний мир, тунгус, сидя на хребте птицы, своей меткой стрельбой отражает настигающего противника. Здесь под покровом былинных чудес сквозит вполне реальная служебная роль тунгусских стрелков в древне-турецком государстве. В иных случаях тунгусский богатырь, обернувшись лосем, везет на себе уставшего от битвы якутского богатыря.

Свои боевые заслуги тунгусский богатырь формулирует так:

«О, мой друг и приятель, с момента первой встречи я живу с тобой неразлучно. Сражаюсь за тебя. По твоему требованию я истребил свой собственный народ и родичей. Вместе с тобой мы прошли тягостный путь, раскрывали трудные пути. Бились с бесовскими богатырями, истребляли их вместе... Наверное и сам ты думал о том, что мои труды и лишения не могут остаться без возмездия».

Выслушав это заявление, Айдаан-Богатырь, одержав победу над одним богатырем из айыы, женит на его сестре своего товарища-тунгуса.

В заключение все три сына Эр-Соготоха и тунгусский богатырь обзаводятся женами и, закончив свою боевую жизнь, поселяются вместе и живут неразлучно.

Трудно допустить, чтобы изложенный сюжет якутской богатырской былины был продуктом случайной фантазии сказителей и возник, не имея под собой соответствующей житейской подоплеки в исторических взаимоотношениях турецких и тунгусских племен. Былинный образ Айдаан-Богатыря, сына пегой коровы, полу-быка, полу-человека, по всей вероятности, нужно рассматривать, как художественный символ древнейших властителей степной Монголии, Хунну или Сюнну китайских летописей. Могущество Хуннов достигло своего апогея при царствовании хана, известного в китайской истории под именем Модэ или Маодуня.[1] (От 209 по 174 г. до Р. Х.). Китайский историк пишет: «При Модэ дом Хуннов чрезвычайно усилился и возвысился; покорив все кочевые племена на севере, на юге, он сделался равным срединному двору» (т. е. китайскому царству)[2]. Иакинф в своих примечаниях к текстам китайских летописей вполне справедливо заявляет:

«Модэ в азиатской истории известен под громким именем Огуз-Хана (Быка-царя. Г. К.), сына Кара-Хановa». Позже мы убедимся, что Хунны вообще называли себя огузами-быками.

Хуннское единодержавие продолжалось до 25 г. н. э. В дальнейшем царство Хуннов разделилось на два ханства, северное и южное, соответствующие нынешним Внутренней и Внешней Монголии. Взаимное соперничество и непримиримая вражда южных и северных Хуннов окончились гибелью тех и других. Северное хуннское ханство уничтожилось в 93 г. н. э., и степи современной Внешней Монголии были заняты другим кочевым народом «Сянь-би». Южное ханство под протекторатом Китая еще просуществовало до 215 г. н. э., а затем имя Хуннов исчезает со страниц китайской истории.

Уничтожение северной Хуннской державы, как известно, вызвало исход турецких кочевников из Монголии по степям в западном направлении. Северные Хунны, появившись в Европе, вызвали, так называемое, «великое переселение народов» и целые политические бури. Если падение хуннского ханства имело столь важные последствия в отдаленной Европе, то не трудно догадаться о громадных сдвигах племен и народов в ближайших областях Южной Сибири, куда должны были отступить части северных Хуннов из монгольских степей. Мы думаем, что именно в эту историческую эпоху (первый век н. э.) отуреченные тунгусские стрелки «урангхаи» с частью хуннских окраинных родов эвакуировались из Халхи в Приангарье, в Баргуджин-Тукум монгольских преданий, т. е. в обычное место убежища разбитых родов, где они и образовали народ, позже известный под названием Юч-Ку-

---

[1] Германский синолог проф. Хирт, разбирая иероглифы, входящие в состав имени Маодуня, доказывает, что это есть китайская транскрипция турецкого слова, „б а т у р"—богатырь, что в древнем чтении представлялось в форме—„мактут", „бак-тут". См. В. А. Попов. „К истории народов Средней Азии". Ч. II. Владивосток 1918. стр. 22

[2] Иакинф. Собрание сведений... и т. д. Ч. I. О Моде стр. 10—18

рыкан. Предположительно к этой же эпохе нужно приурочить и переселение на Вилюй местных отуречешных тунгусов с частью монгольских родов, которые в своей главной массе отходили в Урянхайский край и в сторону Енисея. Тунгусские стрелки хуннских ханов, само собой разумеется, должны были говорить на языке своих господ. Поэтому в якутском наречии нужно видеть наследника древне-турецкого хуннского языка.

Происхождение вилюйских якутов от древних хуннов можно понять лишь при более подробном ознакомлении с историей древне-турецких кочевников Монголии, а также в связи с уяснением всех важнейших особенностей якутского языка и своеобразия религиозных и мифологических представлений этого народа (их архаичности).

Здесь мы позволим себе остановиться лишь на вопросе о значении имени «Юн-Курыкан». При изложении основных элементов героического эпоса Бордонгских родов из Вилюе мы имели случай отметить, что легендарный прародитель этих родов, Тюлюён-Шаман, представляется зятем Тыгына. Он бежит на Вилюй, будучи побит другим зятем Тыгына, Кургумар-Боотуром. Мы знаем, что Бордонгцы ушли на север стесненные Жарханскими родами. Отсюда можно сделать тот общий вывод, что главы трех подразделений вилюйского народа обычно состояли зятьями Тыгынов, властителей якутского народа. Из истории Чингис-Хана мы знаем, что мелкие вассальные князья окраинных народов обычно получали в жены девушку из рода Чингис-Хана и им присваивается общий титул «ханских зятей».

Палладий, переводчик Юань-чао-ми-ши, в одном из своих примечаний (242) пишет:

«Зятья Чингис-Ханова дома называются общим именем Гулегян (Гулегянь), что довольно близко к слову гурхан».

По Рашид-Эддину, все зятья Чингис-Хана в придачу к своему имени получают титул «к у р к а н». Мы имеем свидетельство этого историка, что и целому народу, возглавляемому ханским зятем, дается наименование «Куркан». Так напр., о племени Баяут, жившему по реке Джиде (левый приток Селенги в районе русских владений), Рашид-Эддин пишет:

«Э т о м у п л е м е н и о н (Чингис-Хан) п о в е л е л и м я У р г а-К у р к а н. Б а я у т и м е л т у д о р о г у, ч т о и з р о д а Ч и н г и с-Х а н а д а в а л и с ь и м д е в у ш к и... Во время Чингис-Хана был бек... левого крыла по имени Урга-Куркан: дали ему девушку, он был из Баяут-Джида... Онгон-Куркан есть из рода его[1]. «Куркан», собственно говоря, есть тунгусское слово. Е. И. Титов в своем «Тунгусско-русском словаре» зарегистрировал у северо-байкальских тунгусов рода Киндигир: «курокан, куракан, курэкэн»—зять.[2] У баргузинских тунгусов зять—хурэхэн.[3]. Монголы это слово произносят мягко «хюргэн»—«кюргэн», у бурят—хюргэн, хюригэн.

---

[1] Рашид Эддин. Введение. 175 стр.
[2] 85 стр.
[3] Н. Н. Поппе. Материалы по солонскому языку. Стр. 81.

Древне-турецкое «Юч-Курыкан» отчетливо звучит по-тунгусски. (Радлов. Опыт слов. т. 2, стр. 925). Ясно, конечно, что политические обычаи Чингиз-Хана являются продолжением древне-турецких порядков, существовавших задолго до него. Выдача дочерей из ханской семьи замуж за вождей тунгусских племен, очевидно, была общей политической системой по приручению тунгусов и превращению их в покорных вассалов. В цикле сказаний об якутском царе Тыгыне и метком стрелке Бэрт-Хара, бедном охотнике, сюжет женитьбы последнего на дочери Тыгына является чрезвычайно популярным и устойчивым элементом. Ввиду важности вопроса о тунгусских примесях в якутском народе мы позволим себе ознакомить наших читателей с образом легендарного Бэрт-Хара, который, по сознанию самих якутов, давным давно утратил свою тунгусскую марку.

В боротонском варианте легенды о Бэрт-Хара ему дается имя Майытытас. (В некоторых вар.—«Хайыктыган»). Первое знакомство Тыгыновой семьи с Бэрт-Хара рисуется так:

«Однажды сын Дыгына Мёчёкё-Бёгё увидел на снегу свежие следы Майытытгаса. Пораженный их большим размером, он пошел по следам. Вскорости конь М. Бёгё грудью ударился о человека, который шел, взвалив на себя в огромном количестве убитых зайцев. Это был Майытытгас. Вздрогнув от неожиданности, последний ударом наотмашь опрокинул коня и всадника». (Доп. к Элл. § 5). По другому варианту, при встрече с сыном Тыгына он несет на плечах огромного лося. (Элл. § 120). Вообще во всех рассказах Бэрт-Хара бедняк и прокармливается охотой, представляется обычно сыном бедной старушки. У некоторых легендистов его родители бедные и безвестные рыбаки. (Элл. 167). «Во всяком промысле не имел себе равных, рыбачил с сачком..., его разовый улов сачком был не меньше, чем улов невода». (Доп. к Элл. § 4). По Кулаковскому, он—лесной богатырь, охотник, сын одной старухи-великанши.

Бэрт-Хара стрелял из такого большого лука, что самые сильные витязи и сыновья Тыгына были не в силах даже натянуть его. Его меткость в стрельбе и ловкость иллюстрируются в легендах самыми невероятными казусами. Фантазия якутских легендистов в этом отношении неистощима.

И этот меткий стрелок служит у царя Тыгына богатырем и витязем. По поручению Тыгына он истребляет его противников, богатого Хоринского старца (Элл. § 81, 101), убивает враждебных богатырей (Элл. §§ 121, 134, 262, 263) и в награду получает в жены дочь Тыгына. По словам одного вилюйского легендиста:

«У Тыгына был сын Чаллаайы-Бёгё и зять Бэрт-Хара. Эти двое постоянно воевали и истребляли людей. Их подвигами Тыгын и заслужил большую славу». (Элл. § 260). Победу русских над Тыгыном сказители обычно объясняют тем, что его зять Бэрт-Хара не успел притти на помощь или вернулся, не рассчитывая одолеть русских.

По Кулаковскому, Тыгын приглашает к себе Бэрт-Хара, снарядив к нему специальных послов, которые говорят:

«До острого слуха нашего великого отца и повелителя Дыгын-Тоёна давно дошли вести о твоих молодых играх, о зоркости твоего глаза, силе груди, крепости ног, меткости руки и о богатырских доблестях твоих. О, лесной богатырь! Не откажи ехать с нами. Не губи напрасно свою молодость в лесу. Испытай судьбу. Счастье там, где живет общество тебе подобных... Может быть предопределено и велено стать тебе преемником славного Дыгын-Тоёна и продолжить его славное владычество...»

«Идем, могучий, славный юноша, навстречу к твоему счастью. Ты рожден не для того, чтобы безвестно увядать в лесах...»

«И долго держали гонцы свою хитросплетенную речь, становясь все вкрадчивее и красноречивее...»[1]

Если принять во внимание, что имя якутского легендарного царя Тыгына не есть простая выдумка народных сказителей, а действительный титул (тегин) древне-турецких ханов, властвовавших когда-то в центре степной Монголии в Халхе[2], то приведенные выше сюжеты и образы получают глубокий исторический смысл. Они вскрывают пред исследователем политику и тактику древне-турецких воителей, которые не могли не использовать тунгусские племена таежного севера для вербовки среди них своих боевых кадров, метких стрелков и непобедимых воинов. В самом деле, кто может оспаривать то простое положение, что тунгус-охотник есть прирожденный воин и неустрашимый вояка, для которого холод и голод привычные явления. С другой стороны, первобытная честность тунгуса, прямота, рыцарские черты его характера не могли не обратить на себя внимание степных воителей, которым были нужны верные слуги и исполнители их приказов.

Бэрт-Хара принадлежит к циклу легендарного эпоса якутян. Он—излюбленный герой народных рассказов. Тыгын и Бэрт-Хара в легендах упоминаются всегда рядом и представительствуют за два полюса якутской общественности: первый—отвечает за командующую верхушку, князей, а второй символизирует народные низы. Таким образом, наше толкование исторического смысла былины об Айдаан-Богатыре находит неожиданное подкрепление в прозаических сказаниях якутов.

Сравнивая мифологические образы прародителей вилюйских якутов, трех братьев—сыновей старухи Джаархан, и Бэрт-Хара якутян, не трудно установить их полное тождество. Герои вилюйчан и Бэрт-Хара одинаково представляются сыновьями бедной старушки, все они по преимуществу охотники и промышленники, противополагаемые богатому скотоводу и властителю Тыгыну.

В Якутском округе сказание о Бэрт-Хара лучше всего сохранилось в Борогонском улусе. Борогонцы матери Бэрт-Хара дают имя Дурбан-Эмээхсин. Она рождает своего сына от прелюбодейной связи с родопачальником и повелителем Боротонцев, Лёгёй-Тойон'ом. По существу, и прародители вилюйчан

---

[1] См. Н. Толоконский—Якутские пословицы, свят. гадания и т. д., собр. при участии А. Кулаковского. Иркутск. 1914. Стр. 94—96

[2] Радлов Die jakutische Sprache 73 стр.

знают только свою мать, которая рождает их от незаконной связи с отцом Тыгына.

Один сын старухи Джаархан всегда представляется калекой от рождения (Босхонг-Бэлгэтин), который исцеляется чудесным образом, убив свою тетку и напившись ее крови. Исцелившись, калека превращается в могучего воина. Тот же самый сюжет приурочивается и к Бэрт-Хара борогонских сказаний. Исцеление его происходит, как и в вилюйских сказаниях, во время бегства от врагов:

«Около озера Кыыс Хаҥа жила женщина по имени Дурбан. От прелюбодейной связи с Лёгой-Тойон она родила сына. Последнего звали Майыттыган... Майыттыган от рождения был калекой и не мог ходить. Однажды пронесся слух о том, что идут какие-то войска. Испуганное население начало переселяться вглубь тайги. Старуха Дурбан посадила калеку-сына на санки и потащила сама. В одном месте пришлось ей подниматься на высокий подъем. Она была не в силах затащить санки с сыном. Тогда в гневе она проговорила:

«Ах, какая досада, так развезло тебя, и однако ты по сию пору не в силах ходить и причиняешь мне этакие муки и страдания!»

Так сказав, она отпихнула санки. Сын имел при себе пальму. Эту пальму он кинул в мать. Острие пальмы слегка содрало у матери кожу голени. Она заплакала. Парень повинился пред матерью и сказал: «Говорят, материнская кровь бывает спасительна, намажь-ка своею кровью мои ноги. Мать, взяв из крови, стала мазать ею, приговаривая:

«Намазала живительной горячей кровью,
да не спотыкаются твои суставы,
пусть окрепнут твои главные кости...»

С того времени он совсем выздоровел. Стал неимоверно сильным, бегал с быстротой летящей птицы...» (Доп. к Элл. § 16).

Этот же сюжет почти без изменения повторяется в другом борогонском варианте, записанном мною. (Доп. к Элл. § 4).

В вилюйских сказаниях сохранились воспоминания и о том, что их легендарные герои когда-то служили воинами у Тыгына. Так, по сунтарскому варианту, Тыгын, ведя войну с каким-то иноплеменным народом, призвал на помощь Быркыҥаа-Боотура, который пришел и одержал победу над врагами Тыгына. Последний в благодарность за это одарил Быркыҥаа скотом, людьми и дал в жены одну красивую девушку. (Элл. §§ 278—283). Сюжет о военной помощи Быркыҥаа Тыгыну содержится также в одном мархинском варианте (Элл. 237). По другому мархинскому же варианту, Тыгын, ведя войну с каким-то народом Хаан-Хаҥыһай, тоже просил Быркыҥаа притти к нему на помощь, но последний ответил отказом (Элл. § 240).

Другой вилюйский герой Эчик, прослужив в Якутском крае у старика Хаҥаласа работником, похищает его красавицу дочку. (Элл. § 246). Таким образом, вилюйский легендарный герой оказывается в положении зятя у главы якутян. (Хаҥалас—один из сыновей легендарного Эллэя, прародителя Кангаласского улуса, и предок Тыгына). Наконец, и воинственный Омолдоон

вилюйских сказаний, одержав победу над якутянином Ллахара, в знак покорности получает от него девицу в полном брачном наряде. (Элл. §§ 268—270).

Нам удалось записать в пределах Якутского округа одну легенду о метком стрелке по имени Хара-Уол, который представляется вилюйским героем. Тыгын призвал его к себе и выдал за него одну свою дочь с условием, чтобы он «три года прожил у него, служа и промышляя». (Элл. § 118).

Характерно то, что тот же порядок житейских взаимоотношений, а именно, установление зятевства, проводится в якутских легендах и в отношении местных тунгусов. Так в одной легенде, записанной мною в Кангаласском улусе рассказывается, что царь Тыгын «сосватал одну из своих дочерей, красавицу Тыасааны-Куо, за тунгусского витязя». (Элл. № 134). В пределах Хочинского улуса на р. Чоне нам удалось записать предание о якуте Маччага, жившем сравнительно недавно. Он с братом Куомарыкы охотился в районе Чоны на тунгусской территории. Куомарыкы во время игры был случайно убит тунгусами. Маччага в отместку за убийство брата истребил целую семью тунгусов и угнал к себе их оленей. Тунгусы, собравшись в большом числе, прибыли к местожительству Маччага. Последний заперся в амбаре и предложил тунгусам мир, обещая выдать им двух девиц. Тунгусы приняли это условие и помирились. (Элл. § 311).

Можно ли сомневаться в том, что главки трех отделов вилюйского народа, когда-то проживавшего в Приангарском крае, состояли зятьями якутских или турецких тегинов или тыгынов и, следовательно, были известны под названием «Юч-Курыкан?», (т. е. трех зятей).

С другой стороны, параллельное изучение цикла сказаний о бедном охотнике и метком стрелке Бэрт-Хара и легендарных образов прародителей вилюйских якутов еще более убеждает нас в первоначальном тунгусизме последних и их служебной роли в древне-турецком государстве. Необычайная популярность и разработанность сказаний о Бэрт-Хара, а также общечеловеческие черты этого мифологического образа (Нимврод, Орион, отчасти и Илья Муромец русских былин, чудесно исцеляемый богатырь-калека) свидетельствуют о том, что тунгусы являются старейшим историческим народом азиатского материка и что тунгусские примеси к якутам отражают структуру и этнический состав самого древне-турецкого народа. Было бы наивно думать, что степные турки, занимавшие самый центр Азии и выступавшие всегда в роли завоевателей среди окружающих разноязычных народов, представляли из себя этнически чистое племя. Военные успехи древних Хуннов при хане Модэ, по всей вероятности, обусловлены наличием в их составе значительного процента тунгусских стрелков, как и в более позднюю эпоху монголов Чингис-Хана, выступивших на историческую арену из Забайкалья и Северной Манчжурии, т. е. фактически из пределов тунгусской территории.

XI. У современных якутов бытует одна поговорка или крылатое речение, в котором центральное место занимает имя «ураанхай». Когда якут хочет выразить величайшее удивление по поводу несуразного, дикого, стран-

ного или бесшабашного поведения кого-либо, из его уст вырывается неожиданное восклицание—«о, джэ ураангхай, догоор»—о, други, ведь (он есть истый) ураангхай!

Принимая во внимание изложенную выше служебную роль древних уранхаев, относивших обязанности династийных войск или отрядов внутренней охраны, приведенное якутское выражение следовало бы переводить приблизительно—«ну, и башибузук» (или, ну и сорви-голова). По Пекарскому, Дмитриан Попов, один из лучших знатоков якутского языка, это выражение переводит:—«ну, существо же». По Кочневу, «ураангхай» значит дерзкий, по Худякову,—бедокур, бедовый, чудак, дивный [1]. А Семен Новгородов, как мы говорили раньше, переводит это слово—«молодец».

Эти приблизительные толкования житейского смысла имени «ураангхай» в устах якутов, несомненно, подтверждают нашу гипотезу об этническом происхождении и социальной роли отуреченных тунгусов—ураангхаев (по первоначальному произношению «ороп'кон-ов»). «Янычары» древне-турецких завоевателей, бывшие постоянными участниками грабительских походов, в своем повседневном поведении не могли не проявлять себя как истые башибузуки.

XII. В якутском быту констатируется еще один момент, который до некоторой степени может характеризовать далекое прошлое уранхайского народа.

Вряд ли кто из серьезных историков и социологов мог бы оспаривать то простое положение, что творчество богатырского эпоса стоит в непосредственной связи с ведением войн. Там, где происходят постоянные битвы и сражения, не может не зарождаться эпическая поэзия, посвященная героям этих войн и более или менее достопримечательным событиям из области военной хроники. Вот почему собрание богатырских поэм, хранящихся в устной памяти народа, возможно было бы сравнивать с древлехранилищем разного оружия, доспехов и прочих приспособлений, служащих для целей войны. Следовательно, по состоянию богатырского эпоса, его количеству и качеству можно почти безошибочно определить характер исторического прошлого народа, являющегося носителем этого эпоса.

Современный фольклорист, заглянув через маленькое окошечко в мир якутских «олонгхо», пожалуй, увидел бы картину, которая поразила пушкинского Руслана:

« . . . . . старой битвы поля.
. . . . . здесь и там
Желтеют кости; по холмам
Разбросаны колчаны, латы;
Где обруч, где заржавый щит;
В костях руки здесь меч лежит;
Травой оброс там шлем косматый
И старый череп тлеет в нем;
Богатыря там остов целый...»

[1] См. Пекарский. Словарь. 3061 стр.

В настоящее время нельзя даже приблизительно определить, сколько основных сюжетов находится в распоряжении ныне живого поколения якутских рапсодов. Автор этих строк летом 1921 г. столкнулся с одним якутским олонгхосутом, якутом Намского улуса, Петром Колесовым, которого рекомендовали, как одного из крупных мастеров своего дела. Рассчитывая в несколько дней ознакомиться с его репертуаром, я попросил перечислить все знакомые ему былины. Крупных былин «олонгхо» он насчитал 45. (См. в приложении III—репертуар былин П. Колесова).

Очевидно, в памяти якутского народа хранится огромный запас самых разнообразных былинных сюжетов. То, что нам известно по имеющейся литературе, вряд ли составит и 10% того материала, который фактически существует. Историк якутского племени не должен был бы пройти мимо этого поразительного богатства эпической поэзии у якутов, которое можно рассматривать как живой памятник военной истории уранхаев древне-турецкой Монголии:

«Бойцы вспоминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они»...

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ[1]

I. Современные якуты, несмотря на кажущуюся однородность по своему экономическому быту, физическому типу, языку и прочим признакам своей материальной и духовной культуры, должны быть признаны народом смешанного этнического происхождения. При внимательном анализе данных экономики, языка, фольклора, а в составе последнего в особенности исторических сат, а также нравов, обычаев и религии довольно явственно обозначается соединительная спайка между двумя крупными и основными этническими группами, которые в течение долгого исторического процесса сливались воедино и приняли общее название «саха», принадлежавшее когда-то одной этнической группе, экономически, культурно и политически более сильной и устойчивой.

Побежденной и ассимилированной стороной мы признаем древних уранхаев, народ маньчжуро-тунгусского происхождения, по преимуществу занимавшийся оленеводством, охотой и рыболовством. Основное ядро уранхайцев, по всей вероятности, состояло из тунгусских племен собственно Маньчжурии и Верхнего Амура, предков современных орочон, солонов, дагуров и других, неизвестных нам, их соплеменников. По мере дальнейшего развития якутских переселений, приведших весь смешанный народ в пределы Северо-Восточной Сибири, ассимиляционный процесс мог захватить и другие тунгусские племена Прибайкалья и бассейна Лены. Причем в районе Прибайкалья общую судьбу тунгусских племен разделила и какая-то часть современных западных монголов калмыков, известных в более ранние исторические эпохи под названием Югэлэт'ов-элётов, (несколько позже Ойратов), а в их составе Тумэтов и Баргутов (предков северо-байкальских бурят), потомки которых в настоящее время обнаруживаются среди якутов-оленеводов и в пределах Северного Вилюя, а также, весьма возможно, среди якутов Верхоянского и Колымского округов.

---

[1] Приводимые ниже тезисы отнюдь не исчерпывают все главное и важное, что возможно было бы извлечь из наших очерков; это—только важнейшие, да и то подобранные лишь в направлении развития общих тем об этногенезе и социальном разрезе древнего якутского общества в связи с тем же этногенезом.

Вопросы методологии и критики старого направления якутской историографии, как и вся конкретная история северных якутов и вилюйчан, остались совершенно в стороне.

II. Первоначальные уранхайцы, тунгусы Манчжурии и Верхнего Амура, по смыслу исторических преданий якутов, должны были состоять данниками степных народов турецкого происхождения в эпоху развития древнего скотоводческого феодализма (не исключается возможность существования и предшествующего ему рабовладельческого уклада своеобразного азиатско-скотоводческого типа). Эти тунгусские племена, эксплоатируемые феодалами древне-турецкого степного быта сначала в качестве охотников-поставщиков дорогой пушнины, а потом и домашней челяди, воинов рабов (в якутских былинах «уолан киси», а в орхонской письменности «оглан'ы [1]), очень рано должны были утратить язык и другие признаки своего прежнего естественно-бытового состояния, превращаясь, таким образом, в народ хотя и не турецкий, но вполне отуреченный по всем своим внешним данным.

В некоторые исторические эпохи эти отуреченные тунгусские племена в качестве династийных войск тех или других ханских фамилий могли играть очень важную роль в древне-турецкой истории, выдвигая из своей среды командующую военную верхушку феодальной знати. На этот момент намекает употребление у якутов имени «уранхай» со значением людитурки вообще, а также обыкновение монгольских племен называть уранхайцами остатки по-турецки говорящих народов. Весьма возможно, что имя «уранхай» служило у монгольских племен общим этническим наименованием древних Хун-ну или Сюн-ну китайских исторических хроник.

III. Эти уранхайцы, находясь в постоянной экономической, политической и культурной зависимости от своих турецких владык, не могли не испытывать в своей собственной истории разные последствия общих судеб древне-турецких племен степной Монголии. Особенно же решающее влияние на них должно было иметь постепенное падение политического могущества турок в Монголии, ибо наряду с разными путями исхода последних из Монголии, как, например, бегства по степям на запад, ассимиляции с оседлыми народами Китая, Тибета, Восточного Туркестана, растворения среди окраинных монголов, нельзя исключить и эвакуацию остатков разбитых турецких племен и родов в места обитания упомянутых отуреченных тунгусов, находящихся в вассальной зависимости от них. Вот почему общий процесс распада политической и культурной мощи древних турок в Монголии должен был сопровождаться постоянным притоком их в отуреченные тунгусские окраины, расширяя ее границы на новые территории, занятые тунгусами чистой крови и охотниче-оленеводческой культуры.

Вместе с тем не могло не расти и турецкое племенное самосознание этих отуреченных тунгусов.

IV. Местом консолидации и племенного оформления древних уранхайцев, как особой этнической единицы, мы должны признать окружение озера Байкала, тесно увязанное с монгольскими степями при посредстве водной системы Селенги с ее многочисленными притоками. Начальная история уранг-

[1] Но в эпоху турецкого средневековья, к которому относятся эти надписи, огланы, несомненно, рабами не были.

хайцев могла протекать на территории теперешнего советского Забайкалья, а с постепенным заполнением последнего турецким беженчеством из степной Монголии их центр должен был переместиться в Предбайкалье (Приангарье) и дальше на север.

V. Больше данных говорит за то, что современный якутский язык принадлежал не поздним турецким эмигрантам в урангхайскую среду, а начальному ядру отуреченных тунгусов и древнейшим турецким элементам, которые могли обратно ассимилировать в языковом и культурном отношении новые волны турецких поселенцев. Если дело обстояло так, то якутский язык должен быть признан тем диалектом, на котором говорили древнейшие турецкие племена Монголии, известные в исторических хрониках Китая под названием Хун-ну или Сюн-ну. Однако, этот спорный вопрос может проясниться лишь в связи с изучением всех культурных признаков собственно саха'ского элемента, как главного носителя якутской культуры. Пока же мы ограничимся указанием на бытующий в якутском языке прилагательный термин «сююнэ» со значением великий, громадный, в архаических словообразованиях принимающий форму «сюнг» (напр., «сюнг-далай»—великие воды, Сюнг-Хаан—великий хан). Особенно знаменательно последнее мифологическое имя, которое приписывается древнейшему царю, почитаемому как божество—покровитель всех властвующих феодально-княжеских родов. Его полное имя «С ю н г-Х а а н-Сюнгкэн-Э р л и к Хомпоруун-Хотой Айыы»—великий хан, величайший Эрлик горбонос—орел—божество. Этот дух почитался якутами в лице темно-серого орла. В былинах этот хан признается властителем многих улусов, занимающих безграничные степи [1]. Это есть тот самый мифологический образ, который одновременно почитается всеми монгольскими племенами как злое божество «Э р л и к-Х а н» (или Эрлэн-Хан), царь подземного мира. «Сюнг-Хаан» под именем «Сюнюч-Хаан» почитается и туркменами, как их древнейший предок. В именах «Сюнг, Сюнюч», превратившимся у якутов в синоним понятия «великий», не трудно узнать древнее китайское название «сюн-ну». С этим выводом вполне согласуется и превращение якутского Сюнг-Хаана в грозного бога Эрлика всех монголов.

VI. Все перипетии исторической судьбы якутского народа, заброшенного на крайний северо-восток таежной Сибири, и большое своеобразие его самобытной культуры и языка, сильно расходящихся от того, что принято называть «турецким» в собственном смысле этого слова, находят свое объяснение в унаследовании им языка и культуры тех древне-турецких племен, которые остаются за завесой известной и документированной истории народов тюрк и уйгур. С другой стороны, этот процесс консервации у современных якутов элементов древнейшей турецкой культуры, которая по своему содержанию была, наверное, интернациональной для своего времени, можно объяснить лишь двухсоставностью якутского народа с незапамятных времен. Хранителями старины должны были быть по преимуществу урянхайские части якутов. В этой самой двухсоставности якутского народа нужно усма-

[1] См. „Образцы нар. литер. якутов". Под редак. Э. К. Пекарского. Т. I стр. 3

тривать интересный пережиток древнейшего состояния степных турок, которые, будучи по преимуществу наездническим народом с грабительскими наклонностями в силу условий их экономического быта, не могли представлять из себя этнически чистую народность. Благодаря господству у степных турок табунного коневодства «турецкого типа», как такового, и не существовало. «Турки» в собственном смысле этого слова по своим физико-антропологическим признакам всегда походили на те народы, в окружении и за счет которых они существовали.

VII. Исторический процесс полной денационализации и отуречения амуро-манчжурских тунгусов, захвативший в пределах распространения якутского влияния и другие тунгусские племена Сибири, несомненно, свидетельствует о сильно развитой классовой организации общества у турецких предков якутского народа. Общественно-политическая организация древних «саха» и господствующая у них форма эксплоатации труда (классовый строй) могут быть установлены лишь при изучении их собственной истории. Здесь же мы формулируем лишь косвенный вывод, подсказываемый историей якутских урангхайцев, в особенности же размахом их переселений.

Мы приходим к выводу, что переселения якутов из Прибайкалья на Лену обычно начинались бегством угнетенных и эксплоатируемых элементов. Следом за ними должны были переселяться и командующие роды, рассчитывая на новых местах восстановить прежние социальные отношения со своими беглецами.

Эти факты нельзя расценивать иначе—как проявление ожесточенной борьбы классов. Пассивные и активные формы классовой борьбы в своем постепенном развитии привели якутское скотоводческое племя из южной степной зоны до места обитания полярных песцов и диких оленей таежно-тундровой полосы Сибири. Вместе с тем мы находим яркое подтверждение в бесспорных фактах основного тезиса марксистского социологического учения, наиболее сжато и точно сформулированного в следующем комментарии Фридриха Энгельса:

«Новые факты заставили подвергнуть всю прежнюю историю новому исследованию, и тогда выяснилось, что вся она, за исключением первобытного состояния, была историей борьбы классов, что эти борющиеся классы являются в каждый данный момент результатом отношений производства и средств сношения—словом экономических отношений своего времени»[1].

У якутов мы находим столкновение двух типов социально-бытовой организации людей, из которых один вырастал на почве размножения степных травоядных животных, главным образом, рогатого и конного скота, а другой на почве таежного оленеводства с неизбежной охотой и рыболовством. В результате их симбиоза и смешения в процессе длительного экономического развития и социальной дифференциации, складывалось древне-якутское общество, в котором классовые черты более раннего кочевого общества должны были выступить еще резче и принять сложные формы.

---

[1] Анти-Дюринг. Партизд. Москва 1934. Изд. 6 стр. 18

Историки буржуазного периода основную причину якутских переселений на север обычно усматривали в механическом нажиме на якутов извне других враждебных племен, например, монголов и бурят, совершенно игнорируя своеобразный закон «самодвижения» всего социального организма якутского народа в результате хронического проявления внутреннего классового и племенного антагонизма[1].

В истории развития древних якутских переселений борьбу с внешними врагами, иноплеменными народами, конечно, нельзя исключать из числа действующих факторов. Но моменты этой борьбы ввиду классовой природы древнего якутского общества и его этнической разнородности с резко выраженными отношениями господства и подчинения неизбежно должны были сопровождаться рецидивами внутренней племенной и классовой борьбы. Эта борьба в первую очередь должна была усиливать беженчество недовольных элементов на отдаленные окраины. При этих условиях господствующему классу якутов нужно было решать дилемму: защищать до последней крайности свою обезлюженную родину от внешних врагов или же предпочесть борьбу со своими внутренними врагами, которые в критический момент грозящей извне опасности «преступно» дезертировали в недосягаемые дали. Остановиться на последнем решении, это значило бы переселяться на новые места вслед за своими угнетенными классами и родами, чтобы обрушить на их головы свою классовую месть. История нам доказывает, что якутские феодалы чаще выбирали последний выход, т. е. путь открытой классовой и внутриплеменной борьбы, которая, несомненно, выражалась в погромах всех ранних беженцев, в изгнании их из насиженных и культивированных мест, в отобрании скота, промысловых угодий и т. д.

Вот почему явные монгольские и манчжуро-тунгусские части в составе яно-якутски говорящего народа мы находим в его заполярном авангарде среди якутов-оленеводов. Иными словами, в древние времена беженчество на север в первую очередь затрагивало иноплеменные примеси к якутам, которые совместно с угнетенными слоями якутского общества представляли собой как бы полюс центробежной силы. Обратные тенденции—сдерживать и закреплять ускользающий элемент должны были проявлять якутские Тыгыны со всей их феодальной свитой.

В процессе древних якутских переселений этот самый Тыгын со своими ближайшими родами и аймаками, конечно, занимал арьергардное положение. В исторических воспоминаниях якутских масс образ их царя Тыгына принимает черты евангельского Ирода: он избивает живые силы своего собственного народа и вынуждает его разбегаться в дальние окраины. И даже нашествие русских якуты-легендисты склонны объяснять как наказание свыше, насланное богом за грехи и преступления их царя Тыгына. Вместе с тем

---

[1] См. Ленин—„К вопросу о диалектике"... „Условие познания всех процессов мира в их „самодвижении", в их спонтанейном развитии, в их живой жизни, есть познание их, как единства противоположностей .. „Цит. по сбор." В. И. Ленин. «Маркс Энгельс марксизм». 4 изд. Партизд. 1935. стр. 322

становится совершенно очевидным, что якутская трудовая масса в дорусскую эпоху жила под невыносимо тяжелым классовым гнетом, ибо в противном случае в установлении острожно-крепостнического режима московских царей при натуральном пушном ясаке в первое время и феодально-крепостнических порядков[1] позже с заменой пушного ясака денежным при разгуле торгово-ростовщического капитала пришлых извне и своих собственных «тойонов» легендарное сознание народных масс не могло бы усмотреть проявление промысла своего всеблагого Айыы-Тойона.

Отмеченные нами моменты могут быть твердо установлены лишь при обозрении и подробном ознакомлении с собранным нами сборником «материалов по легендарной истории и мифологии якутов», озаглавленном нами «Элэйада». Пересказывать все ее содержание мы не имели никакой возможности, как и настаивать на совместном с этими очерками издании в качестве нераздельного приложения.

Все изложенное свидетельствует о том, что, так называемый, азиатский способ производства или вкратце «азиатчина» у якутов дорусского периода существовала, может быть, в более худшем перезданни, чем даже в центрально-азиатских степях при господстве номадизма, как и во всякой другой далекой окраине бытования той же социально-экономической формации.

VIII. Если якутские массы уходили из Предбайкалья на Лену в процессе постепенного обнаружения классового и племенного антагонизма, то и продолжительность этих переселений нужно определять многими столетиями и даже полным тысячелетием. Их начальную стадию мы связываем с эпохой великого переселения народов на континенте Азии и Европы, которая в пределах Восточной Сибири переживалась на два-три столетия раньше, чем в Восточной и Западной Европе, приблизительно с конца 1-го столетия н. эры.

При разрушении Северного хуннского ханства в степях Монголии аборигенное население Прибайкалья должно было получить сильный толчок от наплыва остатков северных хуннов, покидавших свои родные степи. В эту бурную эпоху тунгусские племена, обитавшие в Приангарском крае (Баргуджин-Тукуме) совместно с западными монголами (Югэлэт и Тумэт), подвергшиеся сильному хуннскому влиянию и усвоившие от них железную технику, должны были переселиться на Вилюй, где они частью оттеснили, а частью перемешались с местными тунгусами.

Основная масса западных монголов отступила за Саяны, часть их застряла в лесистом районе на запад от Ангары (эхириты и булагаты), а другая часть ушла на Вилюй совместно с отуреченными тунгусами.

В таком виде представляется нам процесс образования северной оленеводческой группы якутского народа.

В пределах Приангарского края тогда же обосновалось основное ядро отуреченных маньчжуро-амурских тунгусов урангхаев, которые в кочевой мо-

[1] Острожно-крепостнический и феодально-крепостнические порядки московских царей мы не противопоставляем друг другу как нефеодальный и феодальный порядки. И тот и другой, конечно, феодализм, но проходивший в Сибири свои особые стадии развития

нархии древних хуннов играли роль германских варваров древнего Рима, из которых их шаньюи вербовали своих отборных стрелков. Эти уранхаи должны были говорить на хуннском наречии и в небольших размерах вести скотоводческое хозяйство. В них мы усматриваем предков вилюйских якутов. С этого времени, надо полагать, от Прибайкалья до устья Вилюя в западной половине бассейна Лены началось господство якутского наречия.

IX. В седьмом и восьмом веках вилюйские якуты под названием «гулигань» в китайских летописях и «юч-курыкан» в орхонских надписях все еще оставались в Приангарском крае, но их окраинные роды (северные вилюйчане), наверное, уже начали переселяться на Вилюй. Эти переселения могли усилиться в эпоху стеснения тогуз-огузов уйгуров в Забайкалье в связи с возвышением и набегами на них народа тюрк (ту-гю китайцев), которые, по свидетельству Селенгинского камня, по своему происхождению были турки-кипчаки и в эпоху турецкого владычества в Монголии играли роль позднейших ойратов, боровшихся за первенство с халха-монголами.

Падение уйгурского ханства в Монголии в середине IX столетия должно было вызвать окончательное переселение уранхаев на Вилюй и водворение на их месте народа «саха», под каким именем первоначально были известны лишь якуты Якутского округа, ближайший народ якутских тыгынов.

Саха-лары были обитателями степной Монголии, но их окраинные роды, повидимому, очень рано населяли степные места Забайкалья, находясь в экономическом и культурном общении с уранхаями Приангарского края. Приходится допустить, что эти саха-лары, внедряясь в среду уранхаайцев, усваивали их наречие или, может быть, сами представляли собой остаток древних хуннов. (Если не ошибаемся, лингвистическая наука не располагает памятниками языка ранних уйгуров-гаогюйцев, населявших степи Монголии, прилегающие к бассейну Селенги и Орхона. Язык Селенгинского камня вряд ли может характеризовать народное уйгурское наречие, ибо правящая верхушка тогуз-уйгуров после владычества турок—Ту-гю могла усвоить наречие последних. Еще того менее может сойти за древне-уйгурское наречие язык тянь-шанских оседлых уйгуров. Следовательно, наречие коренных турецких обитателей Халхи до периода владычества народа Тюрк, переселившегося из пределов Западной Монголии и Алтая, в науке остается под вопросом).

В эпоху возвышения монголов Чингис-Хана «саха»—якутов в Приангарском крае уже не было. Очевидно, якуты Тыгына переселились в пределы отдаленного Якутского округа незадолго до появления Чингис-Хана. (Этот вопрос будет рассмотрен нами во втором томе наших очерков).

X. С большой вероятностью можно допустить, что якутская феодальная монархия во главе с тыгынами (тэгинами) образовалась после падения уйгурского ханства в Монголии в середине IX-го столетия. Династия якутских тыгынов, по всей вероятности, происходит от последнего уйгурского хана Энень-Тегина, который по китайским летописям признается «пропавшим без вести». (Об уйгурских родах в составе современных якутов мы будем говорить во 2-м томе очерков).

XI. Предки северо-байкальских бурят, так называемые, эхирит-булагаты, за время проживания якутов в Приангарском крае, всегда жили от них на запад в лесистом и гористом районе, занимаясь по преимуществу охотой. Их историческая роль заключается в том, что они заслонили от якутов степные просторы Южного Енисея и обусловили отход их на север. Отступление якутов Тыгына на Лену, по всей вероятности, обусловлено усилением напора на них монголов тумэтов и элетов из Урянхая и Прикосоголья, а также и основного отдела монгольского народа из-за Байкала, которые могли захватить весь левый берег Ангары.

Трагедия якутов в прибайкальский этап их истории заключалась в том, что они, постепенно отступая пред наседавшими внешними врагами в свой собственный тыл, должны были сталкивать свои задние части вглубь бассейна Лены. Вместе с тем, на значительный процент ослабевала, конечно, и обороноспособность остающихся, ибо ушедшие на Лену в дальнейшем уже не могли быть использованы как боевые кадры. А враждебные монгольские племена, между тем, облегали их со всех трех сторон.

Вот почему, когда в глубине бассейна Лены в пределах современного Якутского округа, открылся новый обширный колонизационный фонд, где возможно было вести скотоводческое хозяйство, то вожди прибайкальских якутов в один из тревожных моментов своей истории, легко могли ухватиться за мысль эвакуировать свои южные владения и свалом переселиться на Лену. (Сюжет о чудесном переселении целого народа, населявшего до бурят Приангарский край, сохранился в легендах северо-байкальских бурят во многих вариантах. Этот народ буряты называют то «хара-монголами», то «сэгэнутами»).

XII. Колонизация якутами бассейна Лены, начавшись с ее верхнего течения, должна была перекинуться через Нюю на Вилой и захватить весь Вилюйский округ. Якуты-оленеводы, раньше поселившиеся на Вилюе, при заполнении последнего якутами-скотоводами, должны были отойти на север в бассейн Оленека и в понизовья Лены. Только лишь по заполнении Вилюя якутами-скотоводами последние, постепенно распространяясь на восток, могли нащупать территорию Якутского округа и колонизовать Амгино-Ленское плоскогорье. Подробные доказательства раннего появления вилюйчан в Амгино-Ленском плоскогорье мы приведем во втором томе наших очерков.

XIII. Распространение на северо-восток Сибири вплоть до берегов Полярного моря урангхайских частей якутского народа, бесспорно, обусловлено было расцветом на юге в тех областях, откуда они вышли, железной техники, которая не могла не давить на северную периферию в пунктах своего соприкосновения с каменной и костяной техникой культурно-отсталого древнего сибирского человечества. Если дело обстояло так, а иначе, как будто, не могло и быть, то древние урянгхайцы должны были впервые занести на северо-восточные окраины Сибири довольно развитую железную технику, разного рода орудия труда и вооружения для целей охоты и войны, взамен господствовавшей здесь до того каменной и костяной техники, ибо наличие в этих областях какой-либо заметной медно-бронзовой индустрии, кроме слу-

чайных и единичных находок, могущих попадать и при посредстве натурально-менового торга, как известно, не констатируется.

Это распространение железа в областях бытования каменного века не могло не сопровождаться и значительными сдвигами в сфере идеологии туземного человечества, обогащая его новыми понятиями и представлениями, формами шаманистических обрядов и догматов и проч. Было бы ненаучно заранее исключать и возможность заноса на север Сибири вместе с людьми железной техники и таких явлений идеологического порядка, как, например, целых циклов сказаний и мифов, которые у себя на южной родине в более позднее время, будучи захоронены под слоями новых культурных достижений, исчезли, не оставив по себе никакого заметного следа, тогда как в отсталых и глухих местах дальнего севера они продолжают бытовать и теперь.

К явлениям такого порядка в первую очередь мы относим хосунный эпос северных якутов-оленеводов, названный нами «Оленекской хосунной эпопеей», разумея под этим, главным образом, сюжет борьбы двух героев, Юнкээбиля и Чэмпэрэ. Основной сюжет, мифологические мотивы и отдельные штрихи этого сказания обнаруживают весьма любопытные и подозрительные признаки некоторого сходства и отдаленных намеков на основные элементы, прославленного Гомером (или Гомерами), цикла сказаний древних греков о Троянской войне и ее героях, Ахиллесе и Гекторе, вступающих в единоборство под стенами Трои. На нас лично «Оленекская хосунная эпопея» производит впечатление, весьма возможно, обманчивое, как бы зачаточных эмбрионов общего остова знаменитой Илиады, если взять ее в целом, сосредоточивая, однако, внимание на Ахиллесе и Гекторе. Слабый герой бежит, сильный гонится и, догнав противника, повергает его. Знаменитая Ахиллесова «пята» в Оленекской эпопее, неизменный признак поверженного воина, который получает рану обязательно в задней части ноги у щиколотки. Стремительное бегство побеждаемого и т а м и т у т объясняется его обезоружением в самый критический момент. И т а м и т у т фигурирует предатель из лагеря побежденного. И т а м и т у т довольно отчетливо выступает мотив кровожадности вплоть до каннибализма, мотив мести, похищения красивой женщины и т. д. Ясно, конечно, что здесь могла бы итти речь лишь о какой-то однородной стадии культурного развития человечества Старого Света. Но ввиду недостатка имеющихся в нашем распоряжении материалов по фольклору как самих северных якутов, так и их соседей, мы не рискуем выдвигать какие-либо конкретные теоретические тезисы по данному вопросу. Мы считаем необходимым лишь обратить внимание наших советских ученых, мифологов и фольклористов на эту интересную проблему, может быть, могущую пролить в дальнейшем свет на древнейшие общие стадии экономического и культурного развития человечества дальнего востока и дальнего запада, обитающего на одном материке.

Почем знать, может быть, раскопанные при более внимательном собирании и изучении циклы мифов и сказаний первобытного человечества северных окраин Азии при доказанности заноса их с юга и тесной увязки этого явления с распространением железной техники, вскрывая пред глаза-

ми историка ранние стадии в развитии восточно-азиатских народов, могли бы в дальнейшем повести к признанию бесспорного диалектического единства культурно-исторического процесса на территории всего Старого Света, а в первую очередь, конечно, Азии и Европы, от чего так усиленно открещиваются буржуазные ученые Запада, не говоря уже о современных фашистски настроенных теоретиках.

Ввиду большого и серьезного научного значения «Оленекской хосунной эпопеи», которая нас интересовала лишь в разрезе отражения в ней древнейших переселений на север якутов-уранхайцев, мы прилагаем ее тексты к нашим очеркам в переводе на русский язык. В случае важности и нужности этого фольклорного материала не только для разработки вопросов древней истории якутов было бы желательно продолжить собирательскую работу среди как самих северных якутов, так и их ближайших соседей. Нельзя забывать, что социалистическое строительство среди оленеводов дальнего севера безусловно сопряжено с полной гибелью их первобытного эпоса, что совсем не за горами. Автор же настоящих очерков, работая в единственном числе без всякой поддержки и содействия, морального и материального, со стороны ведущих и авторитетных центральных научных учреждений, был не в силах добраться до многого и произвел, в сущности говоря, только легкую фольклорную разведку.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I.

ПЕРЕВОД НЕРУССКИХ ТЕКСТОВ (С НЕМЕЦКОГО И ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА), ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В КНИГЕ.

Эпиграф к I-ой части:

Если в этом моем исследовании я часто затрагиваю мнения моих предшественников, то не следует в дурном смысле толковать мои истинные намерения (досл.—откровенность, чистосердечие), ибо мое нападение всегда преследует интерес дела и никогда личность того или другого автора.
В. Радлов. «Фонетика северных тюркских языков». Лейпциг 1882.

Цитаты из сочинения Ф. Стралленберга:

1) На стр. 16: С этими тремя народами почти имеют одинаковый диалект тюрки, крым-узбеки (?), башкиры, киргизы и татары-туркмены.
2) На стр. 16: Наши якуты прежде жили на юге около королевства Тангут (как они сами сообщали мне) и поскольку утверждает Исбрандт Идес, который говорит: «они и буряты, которые теперь живут около Байкальского моря, раньше составляли один народ».
3) На стр. 16: Языческий народ, называемый так (якутами) русскими, сам себя на своем наречии называет Цинн Цаха или Цинн Соготох.
4) На стр. 17: Они называют себя Цаха по имени одного князя, которого они имели в очень древние времена.

Цитаты из сочинения академика В. В. Радлова—«Якутский язык в его отношениях к тюркским языкам»:

1) На стр. 103: Что касается начальных переднеязычных звуков—с, ш, ч, выступающих в тюркских словах, то они в якутском наречии совершенно исчезли.
2) На стр. 103.: Мы видим, таким образом, что якутский язык в отношении переднеязычных спирантов не только соответствует очень поздней стадии развития в тюркских языках перехода согласных звуков, но что он представляет из себя последнюю ступень этого поступательного движения, до которого не достигло еще ни одно из других турецких наречий.

Эпиграф на якутском яз. ко 2-ой части:

На каменистой тундре
Диких оленей
Копьем пронизая,
Питанье добывающий,
На широкой равнине
Куропаток стаи
Силками добывая,
Голод утоляющий—
Созданья мы.

Перевод эпиграфа к IV приложению—«Оленекская хосунная эпопея»:

На далеком побережии
Окраинного моря
В великой нужде обитающий,
Мы—самые малые из тех,
Кого называют саха-якуты.

Мы—те горемыки,
Привольную жизнь которых
Свирепые ветра
С северной стороны
Завалили сугробами.

Мы те—якуты,
Счастье которых
Поблекло и погибло
Под снежным покровом,
Настигающим нас и с запада.

Из народных песен северных якутов.
Март 1924 г.

Приложение II.

СОЛУК-БООТУР.

(Из сказаний о древних героях Борогонского улуса)

Солук-Боотур был лёгоец (т. е. принадлежал к аймаку Лёгёй, разделившемуся позже на 1 и 2-ой Легойские наслеги. Он признается 1-м лёгойцем) из рода Чээлей. Он прежде сражался с баягантайским Хантагай-Баатырем и убил его. Жену последнего Элгэс он привел с собой и женился на ней...

Солук-Боотур и Джэллик-Баатыр[1]

После прибытия русских в Мельжехсинцах (Мегинского улуса) жил человек по имени Джэллик-Баатыр. Он имел жену, которая была очень бойкой на язык. Этот человек в тайге, окружающей озеро Тюнгюлю, охотился с луком на соболя.

Однажды он сказал жене:

«Я еду в тайгу озера Мюрю (территория борогонцев) на соболиную охоту, приготовь-ка мне провизию!».

Жена возразила:

«Это зачем ты вздумал заходить на чужую территорию. По рассказам, там проживает очень смелый человек по имени Солук-Боотур. Как бы он нечаянно, встретив тебя, не окровавил твое лицо?»

Муж рассердился. Поднявшись рано утром, он оседлал коня и поехал. Доехал до тайги озера Мюрю. Выпал толстый снег. Найдя следы одного соболя, он выследил его и загнал на сосну с густыми ветвями. Стоя под сосной, он начал стрелять в соболя, но никак не мог попасть в него.

Оказывается, за тем же соболем гнался и Солук-Боотур. Он, подойдя к сосне и стоя поодаль, одним выстрелом убил соболя. Джэллик-Баатыр со сло-

---

[1] Борогонцы принадлежат к акающей группе и потому говорят „Баатыр“, а не „Боотур“. Но в отношении имени Солук-Боотур сказитель окает в силу сингармонизма, ибо в первой части имени „Солук“ содержится звук „о“. Г. К.

вами «это мой соболь»—поднял его и сунул было за пазуху. Заспорили и схватились. Солук-Боотур одолел и, повалив противника на землю, поранил его лицо и вытащил соболя. Затем он прогнал его с наказом—не приходить в чужую территорию. Джэллик-Баатыр, приехав к себе, сказал жене, что его конь, зауросив, поранил лицо об сучок. Но тем не менее скоро разнеслась молва, что Солук-Боотур, встретив Джэллик-Баатыра на соболиной охоте, побил его и отобрал соболя. Эти рассказы дошли и до слуха жены Дж.-Баатыра.

Наступило лето. Из Лёгойского наслега снарядили в город человека для уплаты ясака. В качестве вооруженного стража отправился и Солук-Боотур. Сдав в городе ясак, посыльные переправились через Лену на правый берег Джаарбанг (Ярмопская пристань). В это самое время на пригорке Туруйалаах мельжихсинцы справляли свой ысыах с играми, бегами взапуски, плясали и пели. Наши люди, опасаясь мельжихсинцев, не пошли на ысыах и поспешно проехали дальше. Но, как говорится в поговорке, всякая беда имеет свой срок (мелкий повод): Солук-Боотур на берегу Лены забыл свою пальму. Ехал он на сухой езжалой кобыле. Он говорит товарищу:

«Ах, какая жалость, я забыл свою пальму. Однако, я вернусь за ней!»

Его товарищ был старик. Он попытался отговорить его, сказав:

«Неужели из-за одной пальмы ты хочешь итти к целой стае волков, имея с ними счеты?»

Но тот не послушался и вернулся. Прискакав на берег, он нашел свою пальму и поехал обратно. Когда он проезжал мимо собравшегося народа, там поднялся разговор:

«Что это за люди, которые снуют взад и вперед?»

«Эй, борогонцы возвращаются из города!»

Жена Джэллик-Баатыра тоже вмешалась в разговор и, раззадоривая мужа, сказала:

«Это видно тот самый Солук-Боотур, который побил моего мужа».

У Джэллик-Баатыра оседланный конь стоял наготове. Он тотчас же сел на коня и, схватив лук и пальму, погнался за незнакомцем. Жена закричала ему вслед, чтобы он надел свой панцырь, но он не остановился. Через некоторое время он стал догонять Солук-Боотура. Последний закричал:

«Зачем гонишься за мной, что тебе нужно?»

Джэллик-Баатыр продолжал гнаться. Солук-Боотур крикнул вторично:

«Добром говорю тебе, вернись тотчас же!»

Но, однако, тот не обращал внимания на крики. С.-Б. почувствовал, что его кобылица начинает сдавать в беге. В одном месте он, оберпувшись назад, выстрелил. Стрела угодила в печень Джэллика-Баатыра. Он тут же свалился с коня. Солук-Боотур догнал своего спутника. Тот спрашивает:

«В какой это свалке ты принял участие, почему трясутся у тебя кости?»

Солук-Боотур отперся от содеянного и сослался на быструю езду.

Мельжехсинцы подняли своего человека с дороги. Он был мертв. Среди них был некто Ойуусут-Уус (кузнец-узорник, дочерняя родня лёгойцев).

Этот-то человек подал жалобу русским властям. Началось расследование, в Борогонцы выезжал русский начальник и установил виновность тех борогонцев, которые ездили в город. Лёгойцы и мельжехсинцы кончили дело по соглашению, а именно, в счет погашения греха (провинности) человека обещали заплатить сто голов конного скота и отдать двух человек, мужчину с женщиной. 80 голов скота нашли и сдали, а 20 голов остались долгом. Среди лёгойцев был один старик Тёрёлёй-Ойун (Т. шаман), который был хорошо знаком с Ойуусут-Уус и не раз бывал у него. Он-то и поручился в исправной уплате 20-ти голов скота на будущий год в пору взноса ясака.

На будущей год Тёрёлёй-Ойун поехал в город с ясаком. В Мельжехсинцах он остановился у своего племянника Ойуусут-Уус. Он убедил его отсрочить уплату долга еще на год, ибо, де, ныне удался голодный год и добыть скот очень трудно. Однако, и на следующее лето Т.-О. поехал без скота, следуемого мельжехсинцам, и точно также добился отсрочки еще на год. Скот не был доставлен и на третье лето. На этот раз Т. О. проехал прямо в город, не заезжая к О.-Уус. Тот следом за ним приехал в город и, встретившись с ним в присутственном месте, потребовал уплаты следуемого долга. В ответ на это Т. О. сказал:

«Разве твой долг важнее царского долга, что ты пристаешь со своими требованиями? Пошел вон!»

Ойуусут-Уус возразил:

«Однако, мы еще увидим, сумеете ли вы употребить в свою пользу выкуп человеческой жизни?»

Т. О. с провожатым-стремянным (дословно—седлающим и надевающим узду) утром переправились через Лену. Шаман сказал своему парню:

«Что за диво! Ночью во сне над моим лицом махали окровавленным хвостовым волосом?»

Поехали дальше. Парень ехал впереди, а шаман сзади. Старик, опершись на луку седла, дремал. Проснувшись, он сказал:

«Сейчас я видел во сне, что мой мать-зверь, явившись, показался мне. Что-то стрясется с нами!»[1].

Пришлось им ехать через тальниковые заросли. Вдруг у устья речки Солы нагнали их 4 всадника и сразу открыли стрельбу. Шаман протянул было руку к колчану, но не смог вытянуть ни единой стрелы. Его спутник невзначай наглухо затянул ремнем отверстие колчана. Шамана тут же убили и отрубили ему голову. Рассказывают, что окровавленная голова шамана, взмахивая волосами, точно крыльями, полетела по направлению родины.

Через три года, когда Ойуусут-Уус, переехав на летник, сидел в своей берестяной урасе, пронесся страшный ураган. Когда ураган начал крутить, люди услышали слова Ойуусут-Уус'а:

«О, дядя! (по матери). Погоди, постой!»

Говорят, с того момента кузнец пропал, точно в воду канул.

---

[1] По старинному поверию якутов, если шаману показывается мать-зверь в третий раз, то это служит предвестием его близкой смерти. Г. К.

Приложение III.

СПИСОК БЫЛИН

ВХОДЯЩИХ В РЕПЕРТУАР СКАЗИТЕЛЯ НАМСКОГО УЛУСА ПЕТРА КОЛЕСОВА.

1. Эрэйдээх буруйдаах Эр-Соготох.
2. Второй вариант олонгхо (былины) о том же богатыре.
3. Атаах Эмээхсин, Чонгкуруун-Огонньор. (Вилюйская былина).
4. Алгыстаайы-Хатын, Аар-Мёнгюён-Тойон.
5. Ала-Туйгун, Хара-Туйгун.
6. Тунал-Баай-Тойон, Сандыл-Маган-Хатын.
7. Эристиэбэй-Бэргэн. (Борогонская былина).
8. Джиэрбэк-Бэргэн.
9. Хара-Хаан-Тойон, Маган-Кюскэм-Хатын. (По словам сказителя, коренная намская былина).
10. Бэрт-Киси-Бэйбэллин-Тулаайах.
11. Ытык-Сёлюёнэй-Удаган.
12. Унаалльын-Куо, Байбары-Куо.
13. Кылааннаах-Усуктаах Кыыс-Бухатыыр. (Борогонская былина).
14. Ньэмиэт-Бэргэн.
15. Джэгэлимээн-Эмээхсин.
16. Юрюнг-Уолан.
17. Юрюнг-Уолан, Ёлбёгёчёён-Бёгё.
18. Бюёрсюн-Бёгё, Джиэрбэк-Бэргэн.
19. Хаалльык-Бэргэн.
20. Муос-Эрили, Айала-Баатыр. (Богатыри тунгусы).
21. Айыы-Сиэнэ Айама-Баатыр.
22. Кюн-Айама-Баатыр.
23. Ынах-Уола Айдаан-Бухатыыр.
24. Оройдоон-Буруйдаан, Мёнгюлю-Бёгё.
25. Третий вариант былины об Эрэйдээх-буруйдаах-Эр-Соготох. (Богатырь 40 лет лежит калекой. По словам Колесова, эту былину знают все сказители).

26. Одун Халлаан Уола Одунча-Бёгё.
27. Хара Халлаан Уола Куобах-Сангыйах.
28. Хаарымтагай Хара-Кыырт, Ёрюкюйэр Юрюнг-Кыырт.
29. Ого-Тулаайах.
30. Тыгырахаан Эмээххин уола Сэттэ-Тутум Ого-Тулаайах.
31. Сир-Сабыйа Баай-Тойон.
32. Саха-Саарын-Тойон, Айыы-Сандыл-Хатын.
33. Чучустаан-Бёгё.
34. Балыйа-Баатыр.
35. Джура-Бёгё.
36. Юрдюк таба аттаах Юёмэр-Табар. (Баягантайская былина).
37. Кыыс-Халларык. (Борогонская былина).
38. Джэрэкээн-Эмээххин, Тобук-Огонньор, их сын Маган-Биэ Уола Байантай-Бэргэн.
39. Ураан-Бухатыыр.
40. Бэриэт-Бэргэн, Додору-Бёгё. (Баягантайская былина).
41. Кюнээйи-Баатыр.
42. Кюн-Эрилик.
43. Аджы-Буджу-Бухатыыр, Эрбэхтэй-Бэргэн.
44. Эр-Огото Эрбийэлээн-Баатыр.
46. Модун Эр-Соготох.

Атамайский наслег Намского улуса. Июль 1921 г.

ОТ АВТОРА

Этот сборник содержит в себе героические сказания северных якутов-оленеводов и небольшие параллели к ним, записанные у тунгусских племен, соприкасающихся с якутами на северо-западе и юго-западе Якутии и принадлежащих к составу эвенко-тунгусских обитателей правой половины бассейна Енисея. Эвенки верховий Нижней Тунгуски, известной туземному населению под названием Хатанги, в настоящее время никаких связей с северными якутами не имеют, ибо их разделяет общая масса якутов-скотоводов. Но тем не менее, их героические сказания имеют много общих черт, которые возможно объяснить только их древними культурными взаимоотношениями.

Весь этот фольклорный материал собран нами в течение одного года (1923—1924 гг.) пребывания в низовьях Лены в с. Кюсюр, около с. Булун, откуда в марте 1924 г. мы совершили еще месячную поездку к устью р. Оленека. Эвенков верховий Ниж. Тунгуски мы имели возможность посетить весной 1925 г. во время своей этнографической поездки через вилюйские улусы по маршруту—Тит-Ары на Лене, г. Вилюйск, Верхне-Вилюйск, Марха, Нюрба, Шея, Сунтар, Хадан в б. Хочинском улусе, Садын или Брангатский наслег, Чона, Эрбогачон, Ново-Туруханск и Красноярск. Один вариант сказаний северных якутов записан в низовьях р. Анабара нашим сотрудником Д. Кириллиным по-якутски и переведен нами. Все записи делались по-якутски и переведены на русский язык с соблюдением возможной точности.

Сюда вошли не все наши записи по фольклору северных якутов и упомянутых эвэнкийских племен, а только те из них, которые использованы нами при разработке древней истории якутов. К сборнику прилагаем «словарь особенных слов (провинциализмов) в говоре северных якутов» ввиду их большого значения при разрешении вопроса о первоначальном этническом происхождении северных якутов. Они частью заимствованы из переведенных нами текстов их фольклора, а частью собирались нами особо.

г. Иркутск.
Август 1936 г.

Приложение IV

ОЛЕНЕКСКАЯ ХОСУННАЯ ЭПОПЕЯ

Кыраайынай муорам
Кырыыларыгар
Кысаллаахтаан юёскээбит,
Кыра кытыан
Сахалар диэн буолабыт.

Хотулуура диэккиттэн
Хомурахтаах тыалынан
Холкулуура олохпутун
Хобдогурдан кэбиспит
Хотокулара буолабыт.

Саапастатар диэккиттэн
Сабаннатар хаарынан
Саргылардаах олохпутун
Самыннаран кэбиспит
Сахалара буолабыт.

Из народных песен северных якутов.
Март 1924 г. (Перевод см. Прил. 1)

ХОСУННЫЕ СКАЗАНИЯ СЕВЕРНЫХ ЯКУТОВ

I. БУЛУНСКИЙ ВАРИАНТ

Шадрин Иван Петрович, 22 лет, якут 1-го Хатыгинского наслега, Жиганского улуса.
С. Булун. 11 апреля 1924 г.

§ 1. Юнгкээбил и Чэмпэрэ.

Юнгкээбил имел двух братьев. Старшего из них звали Джакдаактуу, имя младшего из братьев неизвестно, но он был кузнец. Однажды Джакдаактуу отправили в местность Спиктээх, что на Лене выше Булуна, собрать там разные слухи-сведения. Он долго не выезжал и не давал о себе никаких вестей. Сам Юнгкээбил тоже отлучился куда-то. Было время осеннего возврата диких оленей, когда они стадами переплывали реку Оленек. Поэтому младший брат, кузнец, был на промысле «тинкээн». (Об этом слове см. словарь в конце).

Вот в эту-то пору и прибыл знаменитый витязь Чэмпэрэ, чтобы сразиться с Юнгкээбилем. Увидав кузнеца, который на ветке переплывал реку, Чэмпэрэ всадил в его спину стрелу. Убив кузнеца, он срезал у него заплетенную косу, принес ее в дом и передал старухе-матери в знак того, что совершил. При этом он сказал:

«Я сделал затес на растущей лиственнице. Пока смола с этого затеса, стекая по стволу, не зальет моего следа, оставленного под деревом, пусть он (Юнгкээбил-Витязь) последует за мной».

Сказав так, Чэмпэрэ-Витязь ушел во-свояси. Юнгкээбил, вернувшись в дом, застал мать в слезах. Она сказала ему:

«Вот, смотри, убили твоего брата только потому, что вы, будучи глупыми людьми, пускали о своем молодечестве славу».

Сам Юнгкээбил тоже был в отчаянии и говорил:

«Ах, великая досада: тот пропал там, а этот погиб здесь!»

Он решил раньше сходить на реку (Лену) и разведать о потерянном брате. В те времена там уже жили «нуучи» (в современном понятии якутов—русские). Вслед за тем Юнгкээбилю стало известно, что нуучи поймали Джакдаактуу и обвинили его в том, что он принадлежит к племени, живу-

щему войной и насилием («анньыстаах омук») и убивает людей. А подобных людей нуучи приговаривали к такому наказанию: жарко растопив свою печь («русскую печь»), они всех обвиненных клали перед горящим огнем и оставляли там до тех пор, пока не обугливались их ребра.

Юнгкээбил неожиданно ворвался в дом нуучей и, схватив брата за руку, выбежал на двор. Оставив брата у опушки леса, он решил заколоть всех нуучей. Он сказал им:

«По вашему подстрекательству одно из немирных племен убило моего брата. Вот (за это) я вас истреблю».

Нуучи в ответ сказали:

«Остановись, успокойся! Ты, очевидно, пострадал несправедливо, решим дело советом и миром. Мы дадим тебе воинский отряд из 60-ти человек и одного шамана. С этими людьми ты должен выследить и разыскать тех людей (врагов)».

Юнгкээбил принял это предложение, но просил дать хорошего шамана. Как было уговорено, дали ему 60 человек (воинов) и одного шамана. Юнгкээбил привел их в свой дом и прокармливал охотой. Спустя некоторое время он приготовился итти на врагов. Джакдаактуу хотя и пострадал (от русских) так, что через рану на боку были видны легкие, но на это не обращал внимания, как будто ничего с ним и не случилось.

Юнгкээбил имел трехразвильчатую коновязь. Прежде чем отправиться (в поход), он выпустил из лука одну оперенную стрелу в верхнюю часть той коновязи. При этом сказал матери:

«Старуха, мать моя, слушай! Если я буду жив, стрела будет стоять в том же виде, как она стоит теперь, а если погибну, то переломится у самого основания и выпадет».

Отправились. Пройдя большую половину предстоящего пути, заставили шамана совершить камлание. Юнгкээбил предварительно сказал ему так:

«Ты должен душу Чэмпэрэ-Витязя, превратив в сову-птицу, привлечь сюда и посадить на вершину дерева в ту пору, когда перед утром небо-божество начнет лишь рассветать полосой не шире лезвия ножа. Застрелив и изжарив ее на вертеле, мы съедим. Если же этого не сделаешь, то останешься лежать здесь мертвым».

Шаман, совершив камлание, сказал:

«Утром, когда небо озарится светом на толщину лезвия ножа, сова-птица прилетит с восточной стороны и сядет на верхушку самой высокой лиственницы Оленека. Застрелив сову, вы должны изжарить ее на рожне, сделанном из деревянного стержня стрелы, и съесть. Только тогда вы одержите победу над врагом. Если при выстреле дадите промах, то вам надлежит возвратиться».

И впрямь утром рано прилетела сова величиной не больше кончика большого пальца и села на таком расстоянии, что едва возможно было различить ее глазом, не ближе вон той Крестовой-Горы (высокая сопка над селом Булун). Юнгкээбил уже скрестил было одну стрелу, но его остановил Джакдаатуу, сказав:

«Я вижу, что ты промахнешься, ведь уже дрожишь».

«Коли осуждаешь, стреляй ты. Если дашь промах, потом поговорим».

Возразил Юнгкээбил брату. Джакдаатуу, скрестив одну стрелу, выпустил. Сова, взмахнув крылышками, исчезла. Побежали и нашли ее застреленную. Стрела вылетела, пронзив ее через сердце. Тут же у основания той лиственницы изжарили птицу на стержне стрелы и съели. Отправились дальше.

Через день добрались. Те люди (Чэмпэрэ и его народ) жили на противоположном берегу р. Оленека, а Юнгкээбил с товарищами подошли пешие с этого (правого) берега, представляющего открытое поле. Юнгкээбил предложил остановиться у опушки леса, чтобы подкрепиться мясом, зажаренным на вертеле. Разложили маленький костер, дым от которого был не больше, чем от закуренной трубки. Остерегались, как бы не обнаружили их враги. Юнгкээбил спохватился было и сожалел, что напрасно разложили костер так близко. Но было уже поздно: едва разгорелся костер, как весь Оленек наполнился людьми, плавающими на ветках. Наши не знали, что предпринять, но шаман предложил не трогаться с места и лежать без движения. Прилегли все рядком на землю.

Вот показался Чэмпэрэ со своими людьми. По наружности он выделялся от прочих и шел впереди своего войска.Он точно заприметил то место, откуда исходил дым, и привел своих воинов как раз туда. К людям Юнгкээбиля они подошли настолько близко, что, казалось, вот-вот наступят на их головы. Но тем не менее они никого из них не заметили.

«Ведь вот отсюда исходил дым, что за напасть!..»

Говорил Чэмпэрэ. Юнгкээбил уже вытащил было нож, чтобы распороть ему брюхо, но был остановлен шаманом, который сказал:

«Остановись, еще не настало время его смерти!»

После напрасных поисков, Чэмпэрэ с воинами пошел назад.

Вечером выпал иней. Юнгкээбил решил переправиться через реку. Они нарубили древесных веток и привязали к головам. Затем каждый из них сел верхом на обрубок дерева с торчащими корнями и сучьями, которые издали напоминали рога оленя. Таким образом, они переправились через реку. В это время на том берегу воины Чэмпэрэ затеяли пляску, бега и прыжки. Не взирая на шум, Чэмпэрэ сквозь туман разглядел уже, что через реку переплывает что́-то, похожее на стадо оленей. Он приказал остановить пляску, но напрасно. Воины продолжали свое веселие. Поэтому переправа наших людей осталась незамеченной.

Сам Чэмпэрэ не принимал никакого участия в играх. Он сидел на камне перед домом и был занят лишь тем, что высматривал,—не приближается ли к его жительству кто-либо из чужих. Наступила ночь, стало темно. Пользуясь этим, Юнгкээбил и Джакдаалтуу, незаметно присоединившись к толпе, приняли участие в плясках. Перед светом они скрылись. Никто их и не заметил. Они выведали образ жизни Чэмпэрэ-Витязя.

В числе народа Чэмпэрэ был один нууча (русский), захваченный в плен. Он исполнял обязанности работника-слуги: готовил пищу, рубил дро-

ва, носил воду... Сам Чэмпэрэ при еде не прикасался руками к пище. Из мяса и жира дикого оленя у нас готовят особую пищу, которая называется «амаса». Из такой-то пищи один брал куски на руки, скатывал их между ладонями и бросал витязю. Тот ловил куски на спинку ладоней и ел, не касаясь к ним пальцами, чтобы они потом не скользили с тетивы.

Юнгкээбилю с братом как-то удалось поймать нуучу-работника, о котором сказано выше. Он стал было кричать. Юнгкээбил пригрозил, что распорет ему брюхо, если он не перестанет кричать. Затем посулил отпустить его на родину, если он колчан своего хозяина поставит отверстием вниз. Нуучa согласился. Отпуская его, Юнгкээбил сказал ему:

«Чэмпэрэ по выражению твоего лица узнает, что ты перенес большой испуг и догадается о встрече с нами. Но ты взвали на себя вязанку дров, как можно больше. Затем, подойдя к очагу, нарочно упади на пол так, чтобы поранить свое лицо. Тогда он не обратит внимания на твое волнение».

Нуучa пообещал все это выполнить, но добавил:

«Он—страшный человек, наверное, догадается и вряд ли допустит перевернуть свой колчан».

Он собрал большую кучу дров и, взвалив на плечи, пошел домой. Около костра он будто бы зашпился и упал. При этом он выругался по адресу своего хозяина:

«Вы только меня одного мучаете, такие и сякие!..»

Чэмпэрэ, увидев работника, обратился к своим людям с вопросом:

«Почему же наш парень так взволнован?»

«Эй, паренек, подойди-ка сюда и расскажи, что с тобой случилось?»

Люди Чэмпэрэ по этому поводу вставляли свои замечания:

«Он, наверное, злится потому, что боится не получить своей доли из амаса».

«Дайте ему котел, чтобы дочиста облизал».

Добавляли иные. Наконец, вручили ему котел с остатками пищи. Парень выразил притворную радость.

«Когда у нуучи пусто в желудке, он всегда бывает таким...»

Острили другие. В тот же вечер Чэмпэрэ заставил одного шамана совершить камлание, чтобы узнать, не идут ли на него враги. Шаман сказал:

«О,их дух чуется близко, дня через три или четыре они, наверное, пожалуют...»

Но дальше шаман неожиданно предсказал, что:

«Сегодня уже настал день, когда мы повредим друг другу колена («тобуктарбытын буктага джааса игынгсар кюммют буола». «Буктага джааса»—выражение, непонятное для современного якута, но рассказчик предполагает, что речь идет о причинении каких-то повреждений)...

«Когда мы будем ползать на ладонях, не имея возможности подняться на ноги...»

Юнгкээбил и Джаждаактуу тихо подкрались к шатру Чэмпэрэ-Витязя и, накрывшись нижними полами шатра, подслушивали камлание шамана. Юнгкээбил среди всеобщего шума, улучив удобный момент, приложил на тетиву

две стрелы и с возгласом—«оружие уже летит, поберегись»—выпустил их, метясь в самого Чэмпэрэ. Последний успел увернуться и стрелы пролетели мимо. Он тотчас же схватился за колчан, полный стрел, но, так как он лежал вверх дном, все стрелы повысыпались. Лишь две стрелы каким-то родом остались в колчане. Чэмпэрэ, продолжая увертываться, одной стрелой разбил нижнюю челюсть шамана, товарища Юнгкээбиля, а другою разбил вдребезги оба колена своего же шамана. Поднялась страшная суматоха, шум и гам. Воины Чэмпэрэ и Юнгкээбиля начали перестрелку. Юнгкээбил, не обращая внимания на остальных, занялся преследованием Чэмпэрэ, который, выскочив наружу, побежал вверх по Оленеку. От стремительности его бега мелкий камень, застилающий берега реки, говорят, взвивался вверх до самой середины прилежащих гор. Юнгкээбил, продолжая бежать за противником, беспрерывно лаял по-собачьи—онг, онг..., одновременно выпуская одну стрелу за другой. Чэмпэрэ на бегу так ловко отвертывался, что ни одна стрела не попала в него. Когда Юнгкээбил успел выпустить все свои стрелы, Чэмпэрэ крикнул:

«Эй, парень, мы теперь оба стали подобны женщинам, подойди ближе, давай биться на ножах!»

Но, однако, Юнгкээбил не приближался к нему. Дело было уже к вечеру. Вдруг на вершине оленекских гор раздались крики сокола—киэх, киэх. Юнгкээбил, подняв голову наверх, увидал брата Джакдаактуу, который, издав крики сокола, бросил ему колчан со стрелами. Юнгкээбил поймал колчан в ладони и снова пустился преследовать противника, выпуская в него стрелы. Чэмпэрэ продолжал также ловко увертываться. Наконец, заметив, что противников стало двое, он ускорил свой бег. Юнгкээбил гнался по берегу реки, а Джакдаактуу по горе. В одном месте, где Оленек сужается, Чэмпэрэ скакнул на противоположный берег. Когда он уже был готов ступить на илистый берег реки, Джакдаактуу выпустил одну стрелу и срезал толстые жилы его левой ноги. Чэмпэрэ присел. Преследователи тоже перепрыгнули через реку. Чэмпэрэ, обращаясь к Юнгкээбилю, сказал:

«Ты, Юнгкээбил, оказывается, дрянь-человек. Надо мной одержал победу не ты, а Джакдаактуу. Я убегал от вас нарочито, чтобы завлечь сюда. Тут недалеко живет моя мать, у ней хранится запас моего оружия. Чтобы мои кости не стали пищей ворон и воронов, над телом устройте настил из лесин. А в знак того, что вы убили меня, передайте матери мою заплетенную косу. Иначе она вам не поверит».

Братья убили Чэмпэрэ и срезали у него косу. Юнгкээбил вылущил одну его голенную кость и, расколов, отведал мозг.

«Что за диво, братец, у этого человека костный мозг не имеет должного вкуса?»

Сказал он, протягивая кость брату. Последний отвернулся со словами:

«Тьфу, какая гадость, выбрось вон!»

«А ну, попробуй из его сердца!»

Продолжает Юнгкээбил. Сердце Чэмпэрэ, заросшее в трех местах пучками волос, с шумом билось (в грудной его полости). Юнгкээбил, захватив

его с сочащейся кровью и держа в руках, сказал:

«Вот, смотри, оказывается, у лучшего из людей сердце состоит из трех частей. (В подлиннике—«три сердца»).

С этими словами он кровью, накопившейся в ладони из кровоточащего сердца, забрызгал лицо брата. Последний говорит:

«Ты не потому ли брызжешь кровью, что я не захотел отведать из костного мозга? Ну, что ж, попробую и я!»

Затем, отрезав и расколов другую голенную кость, тоже отведал и сказал:

«Ведь он, действительно, приставал когда-то. («Охтубут»—термин, относящийся к упряжным и верховым оленям. Дословно значит—упал в изнеможении, пристал, отказался итти. У южных якутов этим же словом выражается понятие истощения скота от бескормицы: «охтубут сюёсю—до крайности истощалый скот, потерявший способность двигаться).

«Но мы спросим об этом у его матери».

Затем они пришли к матери Чэмпэрэ и говорят ей:

«Вот в этом не узнаешь ли ты своего сына? Вот его коса, но тебе ее не дадим. Будем носить с собой. Костный мозг твоего сына совсем не имеет вкуса. Когда же он перенес длительную голодовку?»

Старуха, услышав эти слова, сказала:

«Вы, наверно, убили его украдкой, когда он не предвидел об опасности. Как мне помнится, мы лишь один раз перенесли голодовку. Он в то время, идя на лыжах, сказал—«от усталка сил у меня зарябило в глазах». Это имело место девять лет тому назад. По всей вероятности, последствия той голодовки до сих пор не прошли».

«Ну, старуха, мы теперь направились к себе».

Братья вернулись к своим людям, где произошло сражение. Из их людей убито было 20 человек. Из людей Чэмпэрэ уцелел работник нуча. Половину захваченного богатства (дословно—«богатства и сытости») они оставили на долю своих людей. Сами отправились в родную страну. Придя в свой дом, Юнгкээбил показал матери косу убитого Чэмпэрэ и сказал:

«Смотри, вот что осталось от того человека, который убил твоего сына-кузнеца. Это его ли коса, таков ли был он?»

«Да, это его коса, его... Ну, вот это я унесу к сыну-кузнецу».

С этими словами старуха вышла на двор и исчезла. Скоро братья спохватились:

«А где же наша старуха?»

Вышли на двор, и увидели ее висевшей под навесом, куда складывали домашние пожитки. Взяв аркан для ловли оленей («чэрчээмэ быа»), она удавилась. Взятая коса была у ней за пазухой. Так она отправилась к сыну-кузнецу с косой Чэмпэрэ.

§ 2. Юнгкээбил и тунгусский витязь.

Однажды Юнгкээбил пешком на лыжах был на промысле. Повстречался с ним один тунгусский витязь, который, кроме одного верхового, имел еще двух оленей для поклажи.

«Кто ты и куда направился?»

Спрашивает Юнгкээбил. Тот ответил:

«Я ищу Юнгкээбиля. Скажи-ка мне, где его найти?»

Юнгкээбил говорит ему:

«Зачем ищешь, ведь его очень хвалят. Он, должно быть, отменный человек. (В смысле—опасный, воинственный). В старину я сам жил у него в работниках. Своих работников он кормил очень плохо. Лучше помоги-ка мне упромыслить зверя».

Тунгус сказал в ответ:

«Ты только наведи меня на зверя, а я сумею поохотиться».

У нас особые места, где любят останавливаться и кормиться дикие олени, называют «кыыл билээгэ». Юнгкээбил повел тунгуса на такое место. Видят одного оленя-самца, который стоял тут и кормился.

«Ну, вот и стреляй!»

Говорит Юнгкээбил. Тунгус ему возразил:

«Что ты! Какой лук может достать из такой дали?»

Подползли еще ближе. Юнгкээбил еще раз предложил тунгусу выстрелить и добавил:

«Юнгкээбил имеет обыкновение стрелять с еще более дальнего расстояния. Здешние олени очень сторожкие и ближе не подпустят».

Когда тот снова отказался, Юнгкээбил одним выстрелом повалил оленя.

«О, да ты, оказывается, не дурной стрелок!»

«Ну, какой я стрелок, разве можно меня сравнить с Юнгкээбилем, который благодаря своей ловкости и меткости попистребил многих. Теперь я освежую оленя, а ты, как я вижу, слишком наряден для этого дела».

Тут же Юнгкээбил содрал с оленя кожу и тушу разрезал пополам.

«Вот тебе полтуши, бери и ешь!»

А затем, срубив жердину из высохшей лиственницы, он сделал себе огромный рожон и воткнул на него свою половину. Поставил рожон к огню жариться. Его товарищ из полтуши срезал себе лишь заднюю ножку и приготовил ее по-человечески. Пока он возился с одной ножкой, Юнгкээбил уже успел съесть половину оленьей туши, поджаривая ее на пламени. После еды он воскликнул:

«О, как ужасно я проголодался и теперь ведь не ощущаю сытости!»

«На, возьми и ешь, я уже сыт»,—говорит товарищ.

«Если ты не насытился, ешь сам».

Возразил ему Юнгкээбил.

«Я уже сыт».

Юнгкээбил взял и быстро покончил с другой половиной туши. Затем он воскликнул:

«Вот что значит встретиться с человеком-молодцом, ишь как у меня раздулся живот. Теперь мне, сытому человеку, можно показать и свой скачок».

С этими словами он, рассказывают, одним махом перепрыгнул широкую и чистую равнину (алыпы), противоположный край которого был не-

различим. Он скакал так легко, что даже не задевал носком снега. Возвратившись к товарищу, он сказал:

«Ну, теперь давай сразимся!»

Тунгус повалился ему в ноги, умоляя и упрашивая этого не делать.

«Убив такого человека, могу ли я заслужить какой-либо славы? Но тем не менее, чтобы показать людям, мне надобно иметь знак (своей победы)».

Так сказав, он срезал вместе с головной кожей его заплетенную косу («латахаанныах асын») и сунул к себе в з а п а з у х у. Затем, обуглив волос, он привязал пепел к пораненному месту, говоря, что это вылечит. Потом он набросил тунгуса на спину его верхового оленя и отпустил на свободу, напутствуя его такими словами:

«И у тебя, наверное, есть круг своей родни. Ты расскажи им, чтобы впредь к Юнгкээбилю приходили отборные люди, а не всякое ничтожество».

Умер или остался жив тот тунгус, неизвестно. Юнгкээбил косу тунгуса принес домой и сказал:

«Ну, и диво, какую странную добычу, какого пушистого зверя я упромыслил. Не соболь ли это? Вот, смотрите, моя добыча!»

С этими словами он бросил на пол заплетенную косу.

«Это чем не добыча?»

§ 3. Борьба Юнгкээбиля с оспой.

Юнгкээбил сделался знаменитым, одержав победу над Чэмпэрэ. Он жил в верховьях реки Оленека. Оттуда он часто ходил на лыжах в урочище Сиктээх, что на Лене. Он так проворно бегал на лыжах, что и на оленях нельзя было за ним угнаться.

Однажды он услышал, что в Сиктээх пришла оспа. Он думает про себя:

«Что представляет из себя эта оспа? Не мешало бы сходить на реку (Лену) и посмотреть на нее».

Вот он снарядился в путь и пошел на лыжах. По дороге в одном месте он остановился на ночлег, разложил костер (отуу) и сбил «сёгёлёён». В стлашу скучивали хвоистые лиственничные ветки и ложились на них, а сверху также накрывались ветвями. Вот это и называли сёгёлёён. Юнгкээбил лег, воткнув у изголовья свою пальму. Огонь в костре едва лишь теплился. Ночью, когда его стало уже клонить ко сну, вдруг он видит за костром женщину из нууча (русская). Она, распластав обе руки, как раз падала на него. Заметив это в щели полузакрытых век, Юнгкээбил тотчас же схватил пальму, вскочил и начал рубить. Раздались слова:

«Эй, Юнгкээбил, остановись!»

Но он, не вслушиваясь, продолжал рубить. Женщина крикнула три раза. Юнгкээбил, наконец, остановился.

«Смотри, вот ты срезал у меня мизинец!»

С этими словами женщина показала ему свой окровавленный палец. Юнгкээбил обратился к ней с вопросом:

«Откуда и кто ты, женщина?»

«Меня зовут Оспой. Я услышала о твоем жительстве на Оленеке и шла к тебе, чтобы состязаться в открытом бою. По пути заметила твой костер и пришла. Я признаю себя побежденной, ты посрамил мое имя. Теперь мы можем помириться и протянуть пограничную нить. (Дословно—«кылыы»—сторожельная, волосяная нить самострела)».

Оспа обязалась не бывать в тех местах, где проживал Юнгкээбил со своим народом и не причинять им никаких бед. Она сказала:

«От этого пункта я возвращаюсь назад, на Оленек не пойду».

Вот по этой-то причине оспа, хотя и случается позже, но нас не затрагивает. Юнгкээбил был из нашего Омолдонского рода. В старину наши предки проживали выше по Лене, в районе Спиктээх, откуда они имели обыкновение перебираться к верховьям реки Оленека. В нашем первом Хатыгинском наслеге, кроме Омолдонского рода, есть еще Асыкайский род. (Асыкай).

II. ЕСЕЙСКИЙ ВАРИАНТ

Харчыыкаан, Николай Данилович, 88 лет, тунгус Илимпейского района, Туруханского края.

Апрель 1924 г. Уроч. Сардаах на р. Оленек

§ 4. Витязи Юнгкээбил и Юрэн.

Когда-то давно встарь жил Юрэн-Хосуун, неизвестно какого он был племени, но говорил по-якутски. Местожительство его было на р. Оленеке, немного ниже урочища, известного под названием Агыс-Арыы. (Восемь островов). Он имел многочисленный народ, который считал его своим начальником и подчинялся всем его приказам. Его семья состояла из жены и малолетнего сына.

Однажды Юрэн услышал молву о сильном витязе, которого именовали Юнгкээбил-Хосуун, и решил итти сразиться с ним. Взял с собой одного товарища. Один взвалил на плечи провизию, а другой оружие. Пошли. Добрались до Бабушки («Эбэ»—бабушка, так северные якуты называют большую реку и океан). По реке выше заметили костер. Около костра сидели двое, один взрослый, а другой мальчик. Увидев незнакомцев, они бросились бежать, но Юрэн нагнал взрослого, который оказался плохим, жалким человеком («кусаган киси»), а мальчик ускользнул. Юрэн спросил у пойманного человека:

«Далеко ли до дома Юнгкээбил-Витязя и кто тот мальчик, который был с тобой?»

Тот ответил:

«До дома Юнгкээбиля недалеко, а убежал Эджээн-Хосуун, младший брат Юнгкээбиля».

Юрэн стал расспрашивать, дома ли сам Юнгкээбил и много ли у него народу. Человек рассказал:

«Сам он теперь в отлучке, прибудет через три дня. Дома теперь его средний брат Сысыахтаах-Хосуун (в переводе—витязь с косой)».

После допроса того человека отпустили. Пришли к местожительству витязей. На вопрос Юрэна, где живет здесь витязь, указали на жилище Сысыахтаах-Хосууна. Юрэн, приложив стрелу на тетиву, приподнял дверную покрышку шатра («джиэл») и воскликнул:

«Я прибыл убить Юнгкээбил-Витязя!»

В это время тот (хозяин шатра) сидел и причесывал свою косу. Он возразил:

«Ведь мы оба лучшие из людей. Подожди, пока я не окончу свои волосы. Когда возьму свое оружие и прочие боевые принадлежности, будем стреляться».

Однако, Юрэн не послушался, натянув лук, стал спускать с тетивы. Две первые стрелы пролетели мимо, но третья переломила спинной хребет (противника). Вытащив (убитого) на двор, он разбил его голенную кость и отведал мозг. Говорят, убитый был с жиром.

Юрэн срезал верхушку тонкой лиственницы и шейный позвонок убитого вдел на этот обрубок. Затем сказал:

«Рассказывают, что Юнгкээбил-Витязь—лучший из людей. Так пусть он, пока вот на этом позвонке не заведутся роями насекомые, придет и убьет меня».

С этими словами он ушел.

Юнгкээбил витязь, возвратившись в свой дом, не знал, где искать противника. Поэтому он позвал одного знаменитого шамана и заставил совершить камлание, чтобы от него получить указание о местожительстве Юрэн-Витязя.

Когда шаман окончил камлание, от жилья Юнгкээбиля до того места, где Юрэн на речной переправе колол диких оленей, по одной дорожке все растущие деревья вдруг пожелтели.

И вот Юнгкээбил-Витязь, взяв шесть человек, направился к Юрэну, следуя по той шаманской тропе. Добрались до реки Оленека и стали рассматривать противоположный берег, где находился лагерь Юрэна. Там на высоком помосте, укрепленном на столбах, сидел человек. Юнгкээбил с товарищами отошли назад и остановились на ночлег. В числе его товарищей был и тот шаман, который совершил камлание. Вечером он поведал свое провидение в таких словах:

«Вот на этом месте мы не досчитаемся одного из наших людей».

Остались ночевать. Утром они заметили, что у одного плохого и нерадивого воина на костре погорел лук. Решив, что такого негодного воина опасно держать у себя, они застрелили его из лука. Кровью же его все воины намазали свое оружие. («Илбистэрин хаанпаабыттар». Под «илбис» рассказчик понимает смертоносное оружие).

Тут же заставили шамана совершить камлание, чтобы узнать исход сражения. Шаман предсказал, что Юрэн-Витязь будет убит, но что и ему, шаману, предстоит здесь смерть. Затем он душу Юрэн-Витязя, превратив в

ястреба, привлек к себе и посадил на дерево. Юнгкээбил-Витязь этого ястреба свалил одним выстрелом.

Повыше местожительства Юрэн-Витязя на р. Оленеке было урочище под названием «Восемь-Островов». Юнгкээбил в этом месте перешел Оленек вброд. Юрэн-Витязь, заметив переплавляющихся людей, сказал своим воинам:

«Вон там, видимо, перешел через реку Юнгкээбил-Витязь».

На это его люди возразили:

«Нет, это самцы диких оленей (ньургундалар) переплывают реку».

Они торчащие луки приняли за рога оленей. Воины Юнгкээбиля, одев свои боевые доспехи, пошли ползком.

В этот самый момент один дикий олень переплыл через Оленек. Юрэн-Витязь, свалив его одним выстрелом, поднялся на свой сторожевой помост. Чтобы сварить мясо оленя, одного старика, который был приставлен для стряпни, послали в лес за хворостом. Этот старик наткнулся на вооруженных людей. Поймали его и попросили рассказать, много ли оружия у его хозяина и где он его держит. Старик рассказал:

«У него на сторожевом помосте с собой имеются только три стрелы—«сюлюкэчээн». (По объяснению рассказчика, так называлась особая боевая стрела с четырехгранным наконечником), а колчан («нимсики») с 99-ю стрелами он оставил в шатре».

Юнгкээбил условился со стариком, что он до боя оденет на голову белый платок, чтобы не пострадать при стрельбе.

Старик ушел и обрядился в белый платок. В это самое время Юрэн-Витязь ел вилкой костный мозг оленя. Он употреблял вилку, чтобы не измаслить свои пальцы, иначе они скользили бы с тетивы. Заметив, что его старик-повар нарядился в белый платок, он стал смеяться над ним, говоря:

«Смотрите, как наш повар, достигнув такого преклонного возраста, вздумал наряжаться!»

Но в этот самый момент, когда Юрэн еще не кончил смеяться, раздался голос Юнгкээбил-Витязя:

«Ты хохочешь, разинув рот и скаля зубы, но, однако, вот уже настал день, когда я выбью твои зубы!»...

С этими словами Юнгкээбил выпустил одну стрелу, вслед за ним выстрелили и его пять товарищей. Но Юрэн-Витязь сумел увернуться от всех шести стрел. Затем, прицелившись в шамана, товарища Юнгкээбиля, он закричал:

«Ах ты, жеребец-шаман со всклокоченной головой, разве я не найду твой рот, ведущий к бездонному желудку, где я должен буду гнить?»

Его стрела, угодив в рот шамана, выскочила через шейное углубление. Вторая стрела, пущенная им, вдребезги разбила лук одного из товарищей Юнгкээбиля. Третья стрела свалила еще одного из нападавших. Выпустив все три стрелы, Юрэн бросился бежать.

Юнгкээбил с братом Эджээн-Витязем погнались за ним, выпуская одну стрелу за другой. Юнгкээбил уже прострелял 98 стрел, Эджээн-Витязь

точно также не попадал. Бежали они вверх по реке Оленеку. Там в верховьях Оленека есть одна речка, которая известна под названием—«речка, через которую перепрыгнул Юрэн-Витязь». До этой речки преследователи не могли попасть в бегущего Юрэна. Добежав до упомянутой речки, Юрэн прыгнул на тот берег. Но на беду одна нога ступила на твердую землю, а другая скользнула. Стрела Юнгкээбиля в этот миг переломила поскользнувшуюся ногу Юрэна. Раненый Юрэн, присев на землю, сказал:

«Вы, наверное, ловкие и доблестные люди, попробуйте-ка перескочить через эту речку».

Но ни один из преследователей не решался перепрыгнуть. Юнгкээбил стал стрелять в сидящего врага, но все его 99 стрел пролетели мимо, ибо и раненый Юрэн также ловко отвертывался. Наконец, последний сказал:

«Не тебе одержать победу надо мной, прекрати стрельбу. Пусть эта честь принадлежит вон тому юноше».

Сказал он, указывая на Эджээн-Витязя, и добавил:

«Мое заветное слово таково:—пусть он возьмет мою жену, известную своей красотой, мой знаменитый воинский передник «далыс», мой лук, колчан, пальму и все мое вооружение».

Затем он попросил завязать ему глаза, чтобы не видеть стрел и не отвертываться. Поднял руки, обнажая пазухи. Эджээн-Витязь, подойдя вплотную, застрелил его. Покончив с противником, Юнгкээбил с братом, отрубили его коленную кость и, расколов, отведали из костного мозга. Он не имел вкуса и был водянистым.

У Юрэна был престарелый отец. Юнгкээбил с братом пришли к нему и говорят:

«Мы застрелили одного мойкану (двухлетний дикий олень), но почему-то его костный мозг водянист и не имеет вкуса».

«О, мой сынок семь лет тому назад перенес голод! Это, наверно, последствие той голодовки. Потому-то вы одержали над ним победу. Еще через два года он был бы совершенно здоров и неуязвим для оружия».

Дальше старик справился, не сказал ли сын какое-либо заветное слово. Ему передали все то, что он заповедал. У него, оказывается, был четырехлетний сын. Этого ребенка старик-дед, завидев идущих витязей, сумел спрятать.

Витязи направились в свою страну. По дороге они зашли к одному тунгусу и рассказали, что вот они убили знаменитого Юрэн-Витязя. Тунгус сказал:

«Если мертв знаменитый Юрэн-Витязь, то зачем мне оставаться в живых? За одно прикончите и со мной!»

С этими словами он затеял с витязями стрельбу, но был застрелен тут же. Убив тунгуса, Юнгкээбил с братом пошли дальше. У того тунгуса была жена-шаманка и сын подросток. Шаманка отправила сына отомстить за убийство отца. При этом она вручила ему одну единственную стрелу с двумя развилками, предварительно совершив над ней заклинание, и предупредила так:

«Ты стреляй издали и не метясь, она сама найдет того, кого надо».

Юнгкээбил с братом добрались до дому. Сын шамана шел за ними следом. Едва лишь Юнгкээбил начал рассказ о своей победе над Юрэном, как подошедший мальчик издали пустил в него стрелу. На Юнгкээбиле была шапка, украшенная спереди бисером. Стрела угодила как раз в середину его лба. Умер он. Попробовали было искать убийцу, но не нашли.

§ 5. СЫН ЮРЭН-ВИТЯЗЯ.

Тем временем сын убитого Юрэн-Витязя стал подрастать. Едва научившись говорить, он то и дело спрашивал у деда о своем отце. Дед говорил ему:

«Эй, он был плохой человек, умер сам по себе!»

Они прокармливались охотой. Ставили на диких оленей самострелы, протянув заводную ограду («тогуу»). Был у них один сосед, очень искусный кузнец. Он стал ковать парню пальму, наконечники стрел и т. д., но делал это медленно. Изготовление полного снаряжения одного воина продолжалось целый год. По просьбе парня он ковал вооружение для трех воинов. Парень уже стал взрослым. Кузнец по окончании работы обещал рассказать парню о виновниках смерти его отца. На исходе третьего года кузнец и говорит ему:

«Недалеко отсюда в одной из излучин Оленека расположился станом Эджээн-Витязь. В его стане семь шатров. Вот он-то и убил твоего отца».

Получив от кузнеца три лука с боевыми принадлежностями, парень направился в стан Эджээн-Витязя, чтобы сразиться с ним. Свое вооружение он запрятал в трех местах, а при себе оставил только нож. В центре стана был приметный шатер, покрытый чем-то белым. Парень вошел в этот шатер. Сидела одна замечательно красивая и парадно одетая женщина, никого из других домочадцев не было. На вопрос, кто и откуда он, парень ответил:

«Я—сирота, хожу, блуждаю».

Хозяйка стала угощать его разной пищей, но парень едва прикасался к пище. Витязь со своими людьми охотился на диких оленей на переправе через Оленек. Скоро показался и он сам. Одетый во все белое, он плыл на ветке, а за ним его люди тащили по воде заколотых оленей. Приблизившись к берегу, он сильными ударами весла разогнал ветку и приткнул высоко на берег. Опершись на весло, он выпрыгнул и зашел в свой шатер. Обращаясь к нашему парню, он приветствовал его и попросил рассказать о себе. Парень ответил:

«Я заблудившийся малыш, не знающий куда приткнуться. Расскажи-ка ты сам что-нибудь о себе».

Тот ответил:

Меня зовут Эджээн-Витязем. Я—тот самый витязь, который убил знаменитого Юрэн-Витязя».

Затем он подробно рассказал о своем подвиге и в подтверждение своих слов показал воинский передник убитого и его оружие.

Услышав этот рассказ, парень сказал:

«Вы, оказывается, убили его воровски, иначе он вряд ли дал себя убить».

Эджээн-Витязь тотчас же схватился за пальму. Парень, приподняв полы шатра, выскочил наружу и побежал. Эджээн с людьми погнались за ним. Но парень успел добежать до того места, где он раньше запрятал свое оружие. Вооружившись, он предложил Эджээн-Витязю стреляться с расстояния трех луков. Тот оробел и опустил свой лук книзу. В это время выбежала его жена и сказала:

«Когда смотрю на этого парня, почему-то трепещется мое сердце. Он повидимому, мой родной сын».

Помирились и парень остался у Эджээн-Витязя за сына.

Эджээн-Витязь нередко рассказывал сыну об охоте на медведя. При этом он говорил, что на медведя нельзя нападать с голыми руками. Сын, не предупреждая отца, ходил на медведя. Однажды, завидев медведя, он отбросил свое оружие и набросил на него свою одежду. Ему очень захотелось посмотреть, каков будет медведь в испуге. Но, однако, тот набросился на него, сгреб в охапку и стал рвать его когтями. Медведь нанес парню такие зияющие раны, что даже показались его печень и сердце. Но тем не менее он успел вырваться из объятий медведя и добежал до дома. Эджээн-Витязь, увидев раненого сына, побежал по его следам. Наткнувшись на медведя, он пустил в него целый град стрел и уложил тут же на месте.

От полученных ран парень умер. Таким образом, от Юрэн-Витязя не осталось потомства.

Послесловие сказителя. Этот рассказ я слышал от одного дряхлого старика по имени Юрюнг-Борогон. Это было еще в пору моей юности. Старик был родом из наслега Чорду и постоянно жил около озера Есей. Он говорил мне, что рассказ впервые он слышал очень давно от старосты своего наслега по имени Самойла.

Среди илимпейских тунгусов такого рассказа мне не приходилось слышать. Там только по слухам знают, что когда-то жили витязи с именами Юрэн и Юнгкээбил и что они сражались друг с другом. Все тунгусы, принадлежащие к наслегу Чорду, изъясняются только по-якутски. Среди них говорящих по-тунгуски совсем нет, да и не рассказывают, чтобы кто-либо из них когда говорил по-тунгусски.

Среди тунгусов моего района (Илимпейского в Туруханском крае) олонгхосутов (сказителей эпических поэм) совсем не бывает. Певцы есть, но их очень мало. В нашем тунгусском наречии слова «хосуун» не существует, так говорят только якуты и объякученные тунгусы. Вместо «хосуун» употребляется «суонинг» (кэйсиилээх киси)—человек, который занимается убийством людей и войной. Человека, искусного в охоте на дикого оленя, называют «баалан».

(Для рассказчика язык илимпейских тунгусов родной, но и якутским языком он владеет в совершенстве, так как в пору молодости долго жил

среди вилюйских якутов в Нюрбинском улусе. Он владеет даже языком якутских богатырских былин. Г. К.).

III. АНАБАРСКИЙ ВАРИАНТ.

Очкасов Иннокентий 31 года, якут 3-го Хатыгинского наслега Жиганского улуса.

Записан Д. Ф. Кириллиным на р. Анабаре 18-го декабря 1923 г. Перевод мой.

§ 6. Витязи Юнгкээбил и Чэмпэрэ.

Юнгкээбил жил постоянно на прибрежных горах р. Оленека на 200 верст выше теперешней трактовой дороги «Чуос». Имел мать и жену. Кроме того, у него был работник по происхождению нуча (русский).

Однажды работник нуча пошел по дрова и встретил в лесу двух человек. Вернувшись домой, он не сообщил своему хозяину о встреченных незнакомцах. Сам Юнгкээбил, заметив встревоженное состояние работника, крикнул:

«Эй, паренек, почему это меняется у тебя краска ланит? (Дословно—приступами приливает кровь). Не набрел ли ты на человека?»

«Вероятно, от рубки дров переливается кровь».

Ответил нуча. Легли спать.

Вдруг около полуночи раздались слова человека:

«На твою громкую и высокую славу я, по имени Чэмпэр-Витязь, именуя тебя, пришел!»

Юнгкээбил тотчас же вскочил с постели и одним прыжком выбежал на двор. По пути пинком в печень умертвил своего работника. Караулившие у двери двое мужчин, сам Чэмпэрэ и Маган-Хопоо, ударили пальмами, но промахнулись. Маган-Хопоо, намереваясь сорвать у Чэмпэрэ колчан, рассыпал все его стрелы. Юнгкээбил побежал вверх по Оленеку, следом за ним погнался Чэмпэрэ, выпуская из тетивы по две стрелы. Юнгкээбил на бегу оборнулся и с возгласом «ах, какая досада» кинул в Чэмпэрэ свой нож, метясь прямо в его печень. Но удар ножа пришелся как раз по тетиве лука и прорезал его.

«Теперь мы оба обабились!»

Захохотал Юнгкээбил. Добежали к подножью одной высокой прибрежной скалы. Брат Чэмпэрэ, Маган-Хопоо, бежал сбоку по горе, издавая лай собаки. Чэмпэрэ, тоже подражая лаю собаки, просил у брата его лук. Маган-Хопоо, прикрепив одну стрелу, спустил ему свой лук. Вдруг дорогу преградила широкая речка. Юнгкээбил прыгнул через речку. Когда его нога только что коснулась топи противоположного берега, стрела Чэмпэрэ прорезала толстые жилы его ноги. Вслед затем прыгнул и он сам, но, не доходя до прыжка своего противника, попал в воду. Вышел на берег, бродя по воде. Сидящий Юнгкээбил сказал противнику:

«Однако, напрасно прославляют тебя как удальца!»

Подоспевший Маган-Хопоо одним прыжком достиг противоположного берега. Юнгкээбил обратился к своим врагам с просьбой:

«Скорее кончайте со мной, не причиняя страданий!» (Дословно—продлите мое дыханье—«тыыммын салгаэнг»).

Чэмпэрэ выстрелил три раза подряд и не мог попасть в сидящего человека. Глядя на него, Юнгкээбил сказал:

«Первенство надо мной (дословно—пя) и свой передник «далыс» я уступаю Маган-Хопоо».

(По разъяснению рассказчика, витязь, сдавший свой передник, тем самым изъявляет покорность и добровольную сдачу).

Затем, обращаясь к Маган-Хопоо, он сказал:

«Когда ты шел по горе, я, заметив на воде твое отражение, подумал про себя, что летит белая чайка (маган хопто). Эта белая чайка, оказывается, ты. Ну, скорее срежьте мой загривок (косу), не мучьте меня!»

Братья разрезали живот Юнгкээбиля.

«Люди говорили, что у удалого человека на сердце в трех местах бывает волос. Оказывается, это правда. Парень, подойди сюда, посмотри!»

Сказал Чэмпэрэ. Когда Маган-Хопоо подошел, брат, зачерпнув в ладони густую кровь, забрызгал его лицо. Волосы, заплетенные в косу, (латахаан) срезали. Отделив две кости голени, они отведали из костного мозга.

Пришли к жилищу матери Юнгкээбиля.

«Старуха, мы только что упромыслили одного самца дикого оленя, но, к сожалению, он оказался очень старым, а костные мозги уже утратили всякий вкус».

Сказали они старухе.

«Девять лет прошло, как сынок говорил, что перенес сильный голод до изнеможения. Вы, наверное, поохотились за моим сыном и убили его»—возразила им старуха.

«Вот сохрани на память, это коса твоего дитяти!»—сказал Чэмпэрэ, протягивая ей косу.

§ 7. Сын Юнгкээбил-Витязя.

От Юнгкээбиля остался трехмесячный ребенок. Старуха, остерегаясь, заранее спрятала его под постель, набив под нее свеженарубленных ветвей, а сама уселась на постель. Жену Юнгкээбиля и все его богатство Чэмпэрэ увез с собой. Эта женщина была родом из того племени, люди которого украшают свои лица прошитыми швами, и была самая красивая из них. Старуху Чэмпэрэ оставил на ее жительстве.

Чэмпэрэ перед своим уходом сделал затес на толстой лиственнице и сказал:

«Если найдется кто-либо из кровных родичей Юнгкээбиля, то пусть он последует за мной. Вот я направился вверх по Оленеку».

Ушли. Старуха, собрав своих людей, стала промышлять диких оленей на переправах и зажила хорошо. Ребенок достиг семилетнего возраста. Однажды, играя, он нашел обломки стержней и наконечники стрел.

«Мама, разве раньше в этой местности были еще люди и скот. Был ли у меня отец?»—вопрошал мальчик.

«В старину здесь жили мои родичи, это, наверное, их пепелище»—ответила бабушка. Мальчик из длинных костей дикого оленя сделал себе стрелы.

«Мама, когда я бываю выше по Оленеку, там попадаются затесы на деревьях. Видимо, раньше там бывали какие-то люди?»

Так говоря, он порывался итти.

«Ну, да ладно, дитятко, видно тебе не жить у меня. У тебя был отец, звали его Юнгкээбил. Была и мать с прошитым лицом. Некто Чэмпэрэ с братом Маган-Хопоо умертвили твоего отца, а мать увели с собой. Ну, дитятко, иди, уничтожь врагов своих, преследуй упорно тех, с кем у тебя старые счеты. Но прежде чем итти, умертви меня и окровавь свою стрелу в пальму».

Парень одним выстрелом умертвил старуху и побежал вверх по берегу Оленека. Переночевав один раз, добрался до устья речки Биириктэ. Там, оказывается, проживал один старик-кузнец со старухой.

«Рассказывай, паренек, откуда пришел?»—вопрошают они.

«Я сын одной бедной старушки, живущей ниже по Оленеку. Хожу—блуждаю»—ответил парень.

«Семь лет тому назад у меня был друг, которого звали Юнгкээбил-Витязем. По слухам, его умертвил витязь Чэмпэрэ. Рассказывали, что от него осталось потомство. Почему-то ты напоминаешь мне того человека». Сказал старик.

«Да, действительно, у меня был, говорят, отец по имени Юнгкээбил и мать, дочь чужеплеменников. Меня же, оставшегося сиротой, воспитала старуха-бабушка».

Парень остался здесь ночевать. Около жилья старика он заметил разное железо, кузнечные меха...

Старик, обращаясь к парню (можно переводить и «мальчику»), говорит:

«Наверно, ты идешь, именуя Чэмпэрэ-Витязя, желая стереть с лица земли своего врага. А ну-ка принеси и покажи мне то оружие, которое несешь для такого смертного боя».

Парень принес свое оружие.

«Эх, с таким снаряжением и древние люди не ходили на войну, да и сам ты еще слишком мал. Давай-ка, с расстояния трех шагов я выстрелю в тебя три раза подряд. Если сумеешь увернуться, сделаю тебе хорошее оружие. Если же попаду, то сам почту похоронами сына моего друга, чем посылать на убой к чужеплеменникам. Пока подрастешь, поживи у меня годик, два».—Сказал старик.

С трех шагов он три раза выстрелил в мальчика, но промахнулся.

«Однако, из тебя выйдет хороший муж, год-два поживи у меня. Я заготовлю боевое снаряжение человека-витязя».

Мальчик согласился. На следующий год старик дал ему для пробы лук.

«Если бы ты возмужал, видимо, смог бы владеть луком твоего отца, но пока ты слишком молод».

Затем он изготовил лук и пальму, которые были подстать ему. Вместе с этим оружием старик вручил ему другой, худой лук со стрелами и сказал:

«Когда доберешься до людского жилья, имей привычку хорошее оружие прятать, худое же носи с собой. Своих врагов узнаешь по такой примете: увидишь три чума (урасы), в большом из них живет старший из братьев, в среднем (по размеру)—средний брат Джагдааттыыр, а в самом малом—младший из братьев».

Парень ушел. Добрался до жилья, где было много оленей. Спрятав хорошее оружие в дупле дерева и держа в руках худой лук, он спрятался около большой урасы и стал наблюдать.

Люди того времени имели обыкновение делать долбленую ветку из толстого дерева. Один человек на такой ветке приплыл сверху по Оленеку и с размаху приткнулся к берегу с такой силой, что ветка очутилась на суше на один шаг от воды. Затем он несколькими прыжками вошел в одну из урас. Вслед за первым подплыл другой мужчина, который одним ударом вынес свою ветку на сушу еще выше на один шаг и прыжками вошел в среднюю урасу. Потом подплыл третий, ветка которого вылетела на берег на три шага от воды и одним прыжком заскочил в свою урасу. Парень, лежа, думает про себя—«последний, наверное, старший из братьев». Затем он вслед за девками, таскавшими дрова, вошел в среднюю урасу.

«Откуда пришел, дитятко?»—вопрошают домашние.

«Отец и мать умерли, оставшись один, скитаюсь».

«Тогда поживи у нас, ешь и работай».

Парень согласился и остался жить. Прожил целый год, работая на всех троих. Ему исполнилось уже девять лет. Эти люди имели обыкновение перед кочевкой сходиться для совещаний в одну из урас. Однажды, когда все три брата собрались в одну урасу, мальчик, сидя около очага, сказал:

«Рассказывают, что отсюда ниже по Оленеку когда-то жил знаменитый витязь, по имени Юнгкээбил, и что его будто бы убили другие витязи. Не знаете ли вы, какие люди убили того витязя?»

Хозяева отговорились неведением. На следующий день мальчик опять спросил о том же. Хозяева повторили, что про того витязя ничего не слыхали. Мальчик возразил им:

«Сказывают, что ходил к нему и убил его Чэмпэрэ-Витязь. Как же вы про это не знаете?»

Едва он успел вымолвить эти слова, как два витязя кольнули пальмами с двух сторон, метясь в его бока. Но мальчик, подскочив с места наверх, вылетел через дымовое отверстие и побежал в лес, где раньше спрятал лук и прочее оружие. Витязи тоже повыскакали на двор. В это время мальчик уже держал в руках лук и стрелы. Началась перестрелка, которая продолжалась беспрерывно в течение трех дней. За это время мальчик убил двух братьев Чэмпэрэ. Когда у него иссякал запас стрел, он схватывал руками летящие стрелы своих противников и стрелял ими. Наконец, ему удалось прорезать

тетиву лука Чэмпэрэ. Лишившись лука, последний ударился в бегство. Парень погнался за ним, не переставая стрелять на бегу, но, однако, все его стрелы летели мимо. Добежали до одной речки. Чэмпэрэ прыгнул на противоположный берег. Когда его нога уже коснулась того берега, парень прострелил задние жилы его подколенного изгиба. Чэмпэрэ тотчас же присел и говорит:

«Ну, теперь ты победил, видимо, исполнилось предопределение судьбы. Не медля, застрели меня!»

Парень выстрелил три раза, но Чэмпэрэ каждый раз увертывался.

«Не попадешь, завяжи мне глаза и отруби голову». Говорит Чэмпэрэ. Парень ударил было пальмой два раза, но в оба раза Чэмпэрэ увернулся от ударов Третий раз, схватив за косу, он, наконец, отрубил ему голову. Туловище, сделав девять шагов, упало на землю.

Парень, захватив мать со всем имуществом и запасом пищи, поехал к себе домой. По пути заехал к старику-кузнецу. Тот был несказанно рад.

У Юнгкээбиля был еще старший брат, который не считался витязем и в качестве простого человека рыбачил. Парень пришел к нему. Все богатство этого старика заключалось в четырех оленях. Он, заколов самого лучшего самца из них, устроил на радостях пирушку. (Амаса малаасын). После еды старик со словами—«иду рассказать твоему отцу»—вышел во двор. Через некоторое время парень пошел разыскивать старика и увидел его повесившимся на могиле своего брата. Он был уже мертв.

IV. ОЛЕНЕКСКИЙ ВАРИАНТ.

Гоголев Иннокентий 67 лет, якут Кобяконского наслега Намского улуса. С молодых лет постоянно проживает в Жиганском улусе, по профессии кузнец по железу.

С. Булун. 2 января 1924 г.

§ 8. Витязи Юнгкээбиль и Чиимкэрэ.

Дело было в давно прошедшую старину, когда якуты еще не были крещены. Юнгкээбиль и Чиимкэрэ оба были люди Жиганского улуса и одного Кангаласского наслега. Кровный род первого (иньэтин ууса) носил название Хангалас, а второго Хорутуонка. Юнгкээбиль имел еще двух братьев, старшего из которых звали Джэгэдээктиир, а младший был подросток. У братьев была жива мать-старуха, а об отце их ничего не известно.

У Чиимкэрэ тоже была мать. Эти две старухи жили по соседству над самой Леной в местности Баак, в 60-ти верстах выше селения Булун. Юнгкээбиль и Чиимкэрэ с детства росли вместе. Юнгкээбиль превосходил своего товарища ловкостью, умом и хитростью, но зато Чиимкэрэ был гораздо сильнее его. Возмужав, они поселились далеко друг от друга. Юнгкээбиль жил за Оленеком на 50 верст южнее теперешней трактовой дороги «Чуос», а Чиимкэрэ промышлял в верховьях Оленека. У каждого из них было войско и оба

они считались в своей среде начальниками. («Тойоттор»). Никто из людей не смел итти против них.

Однажды ранней весной, когда хвоя на деревьях еще не распустилась, Юнгкээбил со своим средним братом отправился на охоту за дикими оленями. Младший брат и воинский отряд остались дома.

Во время отсутствия старших братьев пришел Чиимкэрэ с одним товарищем. Спрашивают у старухи:

«Куда ушли твои дети?»

«Ушли на промысел за дикими оленями».

Старуха угостила гостей. Чиимкэрэ после еды позвал на двор подростка, брата Юнгкээбиля, сказал:

«Я хочу окровавить свои стрелы».

Парень ответил:

«Если ты так говоришь, то стану ли я отказываться».

Старуха вслед за сыном промолвила:

«Ведь я не раз говорила тебе, чтобы ты не ростил такие длинные волосы. Когда-нибудь в день гибели и смерти они будут тебе помехой».

Парень вышел вслед за Чиимкэрэ. Последний начал пускать в него стрелы. Опорожнил все то, что было в одном колчане (нимсики). Половина стрел пролетела мимэ, но все остальные воткнулись в парня, так как ниспадавшие волосы мешали ему видеть летящие стрелы. Парень свалился замертво, опираясь на торчащие стрелы.

Чиимкэрэ на растущих лиственницах сделал затесы и сказал:

«В ту пору, когда эти затесы заплывут и вокруг них появится окаймление, мы снова встретимся с ним (с Юнгкээбилем). Пусть к тому времени ждет моего прихода. Побывав у имеющего человека, я должен был оставить след своего пребывания».

С этими словами он ушел. Юнгкээбил, возвратившись в дом, увидел деяние противника, но делать было нечего. Он решил, прежде чем напасть на него, тайно разведать его местожительство и образ жизни. Он незаметно подкрался к его табору. В стане было множество чумов. Дым от них густым облаком обволакивал небо и, казалось, что белая куропатка, пролетевшая над ними, сделалась бы желтой. Очевидно, многочисленно было и его войско. Юнгкээбил попал в пору какого-то празднества и веселья: во многих кучах затеяли пляску.

Среди чумов возвышались две огромные урасы. Внутри последних происходило камлание шамана. Табор был расположен на ровной безлесной тундре. («Джаангы»—ровное, возвышенное место в полосе северной тундры). Чиимкэрэ, остерегаясь внезапного нападения врагов, жил с постоянным караулом на возвышенном увале над широкой речкой. Юнгкээбил обозрел местожительство врага с противоположного берега той речки. Чтобы лучше разузнать, он решил пробраться в самый табор. Когда наступили сумерки, он из лиственничных суковатых ветвей изобразил на голове оленьи рога и быстро перебежал вброд через речку. Караульные заметили это, но, подумав, что переплывает дикий олень и будучи отвлекаемы пляской, не обра-

тили должного внимания. Юнгкээбил под покровом темноты тихо подкрался к большой урасе. Там в куче домашнего скарба (юнгююр), укрывшись покрышками дорожных вьюков, он разрыл одну корзину-матага и достал нарядную женскую доху, обувь-этэрбэс, расшитый бусами, и шапку из лапок лисицы, отороченную мехом росомахи. Обрядившись в эту одежду, он осторожно пробрался во внутрь самой большой урасы, где распевал шаман, и лег рядом с самим хосууном Чиимкэрэ, накрывшись полами шатра. По принятому в тогдашнее время обычаю, человек со званием хосууна при камлании должен был сидеть за шаманом в переднем ряду, чтобы во время вторить его моленню-алгыс. Лежа тут, никем не замеченный, Юнгкээбил стал прислушиваться к камланию.

Вот Чиимкэрэ (иногда рассказчик произносит имя «Чыынгхара») обратился к шаману с просьбой дать прорицание:

«Ну-ка, поведай ты мне: доблестный Юнгкээбил, наверное, уже идет к нам, разыскивая наши свежие следы, допытывая старые тропы?»

В ответ ему шаман пропел:

«Эй, что я вижу: Юнгкээбил у себя дома, пажравшись мелкой речной рыбешки («осогдо»), лежит, поглаживая живот. Разве он осмелится притти к нам?»

Чиимкэрэ вторит шаману:

«Да, так и должно быть, ибо он, дрянь-чертенок, разве решится притти ко мне?»

Затем, обращаясь к лежащему около него Юнгкээбилю, он сказал:

«Эй, девка, почему улеглася тут, иди на двор играть!»

Услышав эти слова, Юнгкээбил в порыве гнева и раздражения хотел было вскочить и ножом распороть ему брюхо, но удержался, подумав о стыде, чтобы потом не говорили, что он убил своего противника тайком из-за угла. Вернулся домой.

Наступила уже осень, близился срок, когда Чиимкэрэ обещал прибыть. Юнгкээбил с братом и несколькими воинами решил итти к нему навстречу. Взяли с собой и шамана, чтобы призвать духа кровопролития.

Остановились в одном месте и заставили шамана совершить моление. Он во время камлания сказал:

«О, что я вижу: вот впереди речка; там они остановились и устроили привал; застрелили одного дикого оленя и начали варить пищу. Не один он, с ним много воинов».

Юнгкээбил сказал шаману:

«Как мне известно по слухам, он при помощи шамана внедрил свою душу в ястреба. Ты сделай так, чтобы этот ястреб пролетел надо мной или сел на ближайшее дерево».

Шаман снова стал камлать, чтобы вызвать душу Чиимкэрэ. Вот прилетел ястреб и сел на большую лиственницу.

«Вот она, душа его... Зачем ты просил призвать ее?»

Юнгкээбил, не долго думая, выстрелил в птицу. Он был не из тех, которые промахиваются. Птица, простреленная надвое, упала к ногам. Разла-

лись крики радости и ликования по поводу этой удачи. Птицу вдели на рожон, зажарили и съели.

Пошли на место, указанное шаманом, и действительно обнаружили костер и вокруг него множество людей. Сам Юнгкээбил, подкравшись по берегу реки поближе к табору, наткнулся на работника нуучу, который ходил за оленями. Одним прыжком очутившись возле него, Юнгкээбил схватил его. Нуучу со страху чуть не помер. На вопрос—кто он, нуучу ответил:

«Я был нуучу, а теперь нахожусь у Чиимкэрэ в плену. Они убили самца дикого оленя, теперь сидят и растапливают жир с мяса. («Асымалаан эрэллэр»). Сам Чиимкэрэ, сняв обувь, сидит поодаль от костра. Лук и колчан прислонил сбоку. Ему подают жир, завернув в древесные стружки. Он жир не берет руками, а подставляет спинку ладони, чтобы не замаслить свои пальцы. Иначе они скользили бы с тетивы лука».

Выслушав рассказ нуучи, Юнгкээбил сказал ему:

«Выслушай меня и пойми вот что: если ты как-нибудь ухитришься колчан своего господина поставить отверстием вниз, то, в случае победы, я выведу тебя в люди, окажу всякий почет и уважение. Кроме того, постарайся сохранить на лице полное спокойствие, чтобы хозяин не заподозрил тебя в чем-либо. Ну, теперь иди».

Нуучу действительно повернул колчан своего хозяина вниз отверстием. Юнгкээбил подкрался совсем близко к самому Чиимкэрэ и с расстояния длины трех луков опустил тетиву с криком:

«Эй, поделись-ка со мной из жира!»

Чиимкэрэ успел увернуться и стрела пролетела мимо. Он тотчас же схватил лук и колчан. Так как колчан был перевернут, все стрелы рассыпались. Он успел захватить на руки лишь три стрелы. Глядя на рассыпавшиеся стрелы, трое из сидящих воинов вздумали шутить над своим начальником: первый из них сказал—«сегодня не иначе, как одному из нас придется скакать на одной ноге», второй заметил—«одному наверняка быть без зубов», а третий—«нет, остаться без плеча»... Чиимкэрэ в порыве гнева и досады на своих воинов, которые еще не замечали присутствия врага, на бегу выпустил все три стрелы в шутников. Стрелы угодили кому в зубы, кому в надколенную чашу, кому в самое плечо.

Вслед за Чиимкэрэ погнался и Юнгкээбил, беспрерывно пуская в него стрелы до полного истощения своего колчана. Чиимкэрэ извивался как рыбавыюн и ни одна стрела не попала в него. У обоих остались одни роговые луки. Бежали вверх по речке с утесистыми берегами. Юнгкээбил, преследуя противника, не переставая выл по-волчьи. Чиимкэрэ, обернувшись назад, сказал:

«Что с тобой случилось, зачем воешь?»

«Ты убегаешь от меня подобно раненому дикому оленю, а я гоняюсь за тобой точно волк. Я не могу догнать тебя и пожрать. Поэтому с досады и вою».

Чиимкэрэ, обернувшись назад, метнул в преследователя свой нож с оправленным в олово черенком с восклицанием:

«А вот это я дарю своему другу!»

Юнгкээбил, не успел отклониться, подставил свой лук. Нож, ударившись лезвием, прорезал насквозь тетиву лука. В этот момент Чиимкэрэ далеко позади заметил что-то белое и спросил:

«Эй, друже, что это надвигается к нам?»

Юнгкээбил возразил ему:

«Хотя ты лучший из людей, но, видимо, у тебя плохое зрение, разве не видишь, что летит голубь?»

Это был Джэгдээктинр, который уже справился со всеми воинами Чиимкэрэ и спешил теперь на помощь к брату. Два витязя бежали по ложбине речки, а он бежал по горе. Нагнав бегущих, он с вершины утеса бросил брату лук и колчан со стрелами. Юнгкээбил поймал их на лету. Снова стал стрелять в противника, но также безуспешно. Наконец, добежали до речки, за которой виднелось местожительство Чиимкэрэ. На речке прибыла вода и ширина ее была не менее длины трех вытянутых сетей. В одном месте поперек речки лежало упавшее бревно. Чиимкэрэ побежал по этому бревну и скакнул через речку. Смерть часто имеет случайные поводы. Противоположный берег был обрывистый, под обрывом было топкое место. Одна нога Чиимкэрэ как раз угодила в грязь и застряла. В этот момент стрела Юнгкээбила, наконец, попала в цель, прорезав подколенные сухожилья его противника. Чиимкэрэ, потеряв способность двигаться, тотчас же присел. Оба преследователя спокойно переправились вброд. Юнгкээбил, подойдя к раненому, начал стрелять, но противник и сидя продолжал ловко увертываться. Ни одна стрела не задевала его. Наконец, он, обращаясь к Юнгкээбилу, сказал:

«Ты—дрянь человек, тебе не удастся убить меня. Если бы не подоспел во время твой брат, я избил бы тебя досмерти простой палкой. Ты торжествуешь теперь только благодаря хитрости и вероломству. Свое имя и первенство сдаю твоему брату, пусть он и застрелит меня».

Джэгдээктинр одним выстрелом поразил его насмерть. Победители тотчас же отрубили голени противника, вылущили мясо и, раздробив трубчатую кость, отведали из костного мозга. Мозг был водянистый и без всякого вкуса. По этому признаку братья решили, что Чиимкэрэ не так давно перенес сильный голод. («Охтубут»—пристал, падал. Так говорится об ездовом олене). Юнгкээбил говорит:

«Одну голенную кость нужно уделить его матери-старухе («Тюнгэсэлиэххэ» от «тюнгэсэ»—доля охотничьей добычи, раздаваемая соседям или случайно присутствующим гостям).

Пришли в дом Чиимкэрэ и передали голенную кость старухе с такими словами:

«Старуха, мы убили одного самца дикого оленя, но костный мозг оказался без всякого вкуса. Скажи нам, с какого времени это случилось?»

«Эй, да вы принесли мне в гостинец голенную кость моего дитяти. Он перенес голод девять лет тому назад. Оказывается, его последствия в течение столь продолжительного срока не исчезают.

Про Юнгкээбиля еще рассказывают следующее. Недалеко от села Булун есть высокая гора под названием Мыйаахтыыр. Юнгкээбил, стоя у подошвы той горы, пустил вверх стрелу. Стрела перелетела через гору. На юг от местечка Сиикгээх на Лене есть тоже гора, которая считается одной из высоченных. Юнгкээбил стрелял и здесь. Стрела его упала на самую вершину той горы.

Рассказ о борьбе Юнгкээбиля и Чиимкэрэ я слышал от нескольких лиц, якутов Жиганского улуса. Рассказывал старик Акыы, якут Кангаласского наслега; по его словам, сам он услышал от прадеда ныне живущего якута Кутуйаха, местожительство которого на Оленеке в местности Тюмэти. То же самое передавал старик Акакый, Кангаласского наслега. Он говорил, что Юнгкээбил жил близ устья речки Уджа, что будто бы там около озера Чиэрес и поныне видны следы его дома, рубленка. По рассказам, Юнгкээбил умер, дожив до глубокой старости.

V. 2-ой БУЛУНСКИЙ ВАРИАНТ.

Борисов Иван Михайлович 71 года, якут Эженского рода Жиганского улуса (из тунгусов).

Правый берег Лены, Уроч. Эбитиэм. 27 марта 1924 г.

§ 9. Витязи Юнгкээбил и Чэмпэрэ.

В древности жили три брата, витязи-хосууны. Старшего из них звали Юнгкээбил, среднего Джаагдааттыыр. Младший брат был кузнец и выковывал из железа разное оружие—наконечники стрел, сингэпчээны...

Так жили они втроем. Однажды Юнгкээбил обратился к братьям с такими словами:

«Эй, парни, наш отец, умирая, в своем заветном слове сказал:

«В старину приходил к нам хосуун Чэмпэрэ и многих побил, живите со всякими предосторожностями, он наш враг». Я почему-то предчувствую, что он скоро придет. Нам нужно заранее приготовиться.

Затем он приказал кузнецу заготовить стрелы в таком количестве, чтобы у каждого из них было по семь полных колчанов. Два старших брата начали делать боевые луки с роговой накладкой. Окончив эту работу, старший брат, обращаясь к Джагдааттыыру, говорит:

«Теперь примемся за приготовление запаса провизии. Когда придет враг, мы с тобой будем заняты битвой, а кузнец будет ковать. Пусть он сидит дома, а мы с тобой пойдем промышлять».

Утром, чуть занялась заря, оба уже были на ногах и, надев обитые шерстистой кожей лыжи, пошли. Вышли на обширную равнину «алыы» и видят стадо диких оленей. На глаз было не меньше сорока голов. Юнгкээбил говорит:

«Перебьем это стадо и довольно с нас, хватит!»

Начали избивать, стараясь не пропустить стадо в лес. Когда братья обежали равнину три раза, гоняясь и поражая оленей, в живых остался

лишь один годовалый теленок. Джагдаалтыыр погнался было и за ним, но старший брат остановил его:

«Эй, братец, оставь в живых этого теленка, будет греховно истребить до единого. Таким поступком мы напрасно навлечем на себя кару судьбы».

Джагдаалтыыр прекратил преследование, но в душе затаил обиду и думал про себя:

К чему понадобилось ему оставлять одного оспротелого теленка, не ради же приплода? Или он думает, что в необъятной земле мало всякого зверя?»

Но брат прервал его размышления словами:

«Ну, пойдем, сегодняшней добычи хватит для пропитания нашего брата».

Помчались на лыжах. Подходят к жилищу и видят странное зрелище: их младший брат на четвереньках стоял недвижим на дворе.

Юнгкээбил говорит:

«Братец, что случилось с нашим кузнецом?»

Тот в ответ сказал:

«Да, наверное, стоит просто, ради шутки».

«Нет, братец, ничего ты не понимаешь, видимо, настал час нашей гибели. Враг уже пришел. Смотри, ведь брат стоит, опершись на стрелы!»

Приблизились к дому. Огонь уже потух, на дворе повсюду был беспорядок. Младший брат стоял на четвереньках, опираясь на стрелы, которых было с двух боков по семи штук. Чэмпэрэ-Витязь нарочито оставил его в таком виде.

Труп брата, сняв с места, забросили на лабаз, где складывали домашние вещи и оставили там с торчащими стрелами. Негодуют, досадуют на врага за то, что он, будучи именитым человеком, совершил убийство тайком. Войдя в жилище, наскоро подкрепились пищей, запаслись оружием, чем могли. Заторопились, ими овладело волнение...

Юнгкээбил, обращаясь к брату, сказал:

«Ну, скорей снаряжайся, прицепи колчаны. Он действовал воровски, и мы тоже нападем без предупреждения».

Осмотрели следы: их было семеро, вернулись обратно по той же дороге, по которой пришли. Окончив снаряжение, братья скользят на лыжах...

Вдруг увидели впереди густой дым, целым облаком обволакивающий небо. Был вечер, солнце клонилось к закату.

Юнгкээбил говорит:

«Вот это, наверное, и есть его жительство. Будучи именитым человеком, он, надо полагать, не ездит с малочисленным народом?»

Из предосторожности замолкли, идут дальше, где стоя, где и ползком. Считаясь сами витязями, они передвигались так, чтобы не попасть на глаза людям. Вот, наконец, показалось жилье, огни, кучи домашнего скарба («хадасалара»). Было три больших шатра «буойуу джиэ», крытых ровдугой. Самый большой из них, наверное, принадлежит самому Чэмпэрэ, думают братья. Взад и вперед ходят воины, народу тьма, точно комары в летнюю пору... Братья залегли в рытвине и стали наблюдать.

Из большого шатра вынесли что-то вроде дощечки и положили позади жилья. Затем из шатра выскочил один человек, одетый во все белое, будто снегом покрытый. На нем три колчана. Он сел пред дощечкой, подогнув под себя одну ногу, а другой опираясь на землю, чтобы в случае тревоги было ловчее вскочить. Два колчана развязал и положил сбоку. Вокруг стали его люди. Из шатра вынесли дымящийся котел. Видимо, собрались кушать. Наконец, вышла женщина, держа в руках сумку с жиром. Подойдя к мужу, она стала подавать ему куски, втыкая их на кончик ножа. Чэмпэрэ брал эти куски, подставляя спинку ладони, чтобы не мазать жиром пальцы. Так делали древние воины, чтобы при натягивании тетивы не скользили пальцы.

Юнгкээбил обратился к брату с вопросом:

«Ну, как себя чувствуешь, ты будешь начинать или я?»

«Нет, мой старший брат, ты сам пошли вестником одну стрелу!»

Юнгкээбил говорит:

«Если переведаться с именитым человеком, то только тремя стрелами».

«Делай, как знаешь!»

Между тем никто из врагов не подозревал их близости. Оба натянули по три стрелы. Юнгкээбил со словами:

«Эй, Чэмпэрэ-Витязь, оставь-ка на мою долю из жира!»—выпустил сразу все три стрелы, а за ним и его брат. Куда упали стрелы, братья и не заметили. Они увидели лишь, как витязь Чэмпэрэ сорвался с места, как вспугнутый ворон. Впопыхах он схватил было два колчана, положенные сбоку отверстиями вперед, но при захвате все стрелы повысыпались. Третий колчан лежал впереди с луком. Лук остался на месте, а в поднятом колчане осталась одна единственная стрела. Держа в руках три пустых колчана с единственной стрелой, Чэмпэрэ помчался вперед, что было мочи. Юнгкээбил с братом пустились за ним в погоню. Весь народ витязя Чэмпэрэ остался на месте, наблюдая за бегущими, которые были похожи на три летящих чайки.

Чэмпэрэ бежал прямо на запад под отвесными утесами, Юнгкээбил следом за ним, а брат его побежал по нагорью. Преследователи постепенно стали настигать своего противника. На бегу они беспрерывно стреляли, но ни одна стрела не задела Чэмпэрэ, так как он ловко увертывался. У Юнгкээбиля в колчане осталась одна единственная стрела, а у брата лишь три стрелы. Юнгкээбил, не решаясь выпустить последнюю стрелу, намеревался нагнать противника и напасть на него с сингэпчээном.

Чэмпэрэ стал ослабевать. Он заметил, что бегущий по горе Джагдаатты-ыр уже опережает его... Оборачиваясь назад, он видел, что Юнгкээбил с каждым мигом становился ближе и ближе, готовый напасть на него с ножом-сингэпчээном. Был близок момент, когда преследователи вот-вот загородят дорогу спереди и сзади. Он крикнул:

«О горе мне, какая досада, что погибну, не причинив вреда моим врагам!»

С этими словами он в отчаянии выхватил свою единственную развильчатую стрелу—«уостаах огун» и метнул ее через плечо в настигающего противника. Юнгкээбил не ожидал такой обороны и, не имея возможности увер-

нуться, подставил свой лук. Стрела развильчатым острием как раз угодила на тетиву лука и прорезала ее. Таким образом, Юнгкээбил вдруг очутился без оружия с пустыми руками. С досады и злости он три раза издал пронзительные крики:

«Не догнал, ускользнул, ускользнул!»

Услышав этот крик, Джагдааттыыр остановился и стал приглядываться к брату: он сидел, махая выпрямленным луком, а Чэмпэрэ бежал далеко впереди.

Джагдааттыыр в свою очередь крикнул брату:

«А ну-ка покажи свое молодечество, лови!»

С этими словами он бросил ему свой лук. Юнгкээбил был парень не промах: брошенный лук поймал на лету. Снова погнался за противником. Немного спустя, настиг вторично и, скрестив стрелу, искал удобного момента, чтобы вернее поразить бегущего врага. Тот продолжал бежать, кидаясь с одной стороны на другую, чтобы не давать прицела. Юнгкээбил часто прицеливался впустую, чтобы утомить противника. Но вдруг преградила дорогу широкая речка. Чэмпэрэ, не долго думая, сделал прыжок и сразу очутился на другом берегу... Юнгкээбил в нерешительности остановился... Противоположный берег речки был болотистый. Чэмпэрэ увяз в грязи по самое колено. Едва лишь успел он вытащить из грязи одну ногу, как Юнгкээбил, быстро скрестив лук, выстрелил. Увязший Чэмпэрэ был лишен возможности увернуться от летящей стрелы. Она угодила как раз в самую пятку поднятой ноги, перерезав сухожилья.

Раненый Чэмпэрэ присел на землю и, обращаясь к своим преследователям, сказал:

«Как вижу, вы доблестные мужи, теперь победа на вашей стороне. Ну, скорей переправляйтесь и добейте меня, чтобы зря не мучить живую душу!»

Юнгкээбил одним прыжком очутился возле него, за ним прыгнул и подоспевший брат.

Чэмпэрэ:

«Юнгкээбил, как же это ты, называясь витязем, мог допустить, чтобы одна стрела лишила тебя лука? Если бы не лук брата, то, наверное, погиб бы и ты сам. Я думаю, что Джагдааттыыр далеко превосходит тебя воинской доблестью. Он долгие годы будет славиться своим молодечеством, а ты скоро погибнешь. Я не сержусь на вас за то, что вы напали на меня украдкой, ибо я сам первый сделал то же самое. Но от вас, моих почтенных братьев, прошу одного снисхождения: скорее умертвите, не причиняя лишних мучений».

Юнгкээбил выхватил свой сингэнчээн, одним ударом снес ему голову. И тут же ножом вылущил голенную кость—«чонгкутун» (так называется голенная кость оленя, но в данном случае этот термин применяется к кости человека) и взяли с собой.

Пришли к народу убитого Чэмпэрэ, вошли в шатер его. Там были его старуха-мать и жена. Голенную кость сына подали старухе со словами:

«Вот, старуха, мы убили одного двухтравого дикого оленя—мойка-чаана, это его голенная кость. Расколи и отведай!»

Старуха, сказав—«что это, что»—выхватила кость и тотчас же стала раскалывать. Внутри кости не оказалось мозга, была одна вода и кровь.

«О, вот почему мой сыночек повержен вами: однажды семь лет тому назад он было пристал («охтубута»). Оказывается, за такой длительный срок в костях не прибыло ни капли мозга. Если бы не это несчастье, то разве он позволил настигнуть себя?»

Тут они прожили три дня. Собрав людей Чэмпэрэ-Витязя, спросили—подчиняются ли они добровольно. Те ответили:

«Покоряемся, среди нас нет никого, кто мог бы противиться вам, был у нас один повелитель, теперь его замените вы. Возьмите нас и сделайте своими воинами—(«сэриэ тыныҥ»).

Собрали все имущество и народ убитого Чэмпэрэ и возвратились к себе домой.

Какого наслега и рода были эти витязи, я не знаю. Здесь в Жиганском улусе о них рассказывают все, слышал я и от Эженцев и Кюнцев.

Послесловие. По рассказам, древние витязи-хосууны носили косы. Если они допускали срезать свою косу, то с них снималось звание хосууна.

В те времена будто бы были племена, которые имели на лице прошитое швами изображение оленьего рога. Эти племена почитались врагами (очевидно, носителей оленекского хосунного эпоса). А племена, имевшие на лицах простые швы, считались мирными и дружескими. Народы со швами на лице, говорят, и теперь живут где-то на западе.

Среди чукчей тоже бывают со швами на лице. Я сам видел двух старух-чукчанок, у которых на левой щеке были игольные следы.

(Сказитель юридически числится родовичем Эженского наслега или рода Жиганского улуса, предки которых когда-то были тунгусами, но в настоящее время совершенно слились по языку, обычаям и нравам с якутами Жиганского улуса. Среди родовичей Эженского и Кюнского наслегов нет ни одного человека, который понимал бы по-тунгусски, не помнят даже и старшков, которые знали бы по-тунгусски. Мать Ивана Борисова якутка из Анабара. Г. К.).

VI. УСТЬЯНСКИЙ ВАРИАНТ.

Васильев Николай Владимирович, якут 1-го Эргисского наслега Западно-Кангаласского улуса.

Урочище Кюсююр. 1924 г.

§ 10. Витязи Юнгкээбил и Чэмпэрэ.

Витязь Юнгкээбил жил у устья реки Оленека, а Чэмпэрэ имел местожительство вверх по Оленеку. Они враждовали друг с другом. Юнгкээбил имел двух братьев, среднего из них звали Джагдааттыыр, а младший был кузнец.

Однажды два старших брата, Юнгкээбил и Джагдааттыыр, были на промысле, дома оставались мать-старуха и брат кузнец. В это время пришел к ним витязь Чэмпэрэ. Он убил кузнеца и дал старухе-матери голенную кость, сказав:

«Вот голень твоего младшего сына. Куда ушли твои старшие дети?»

Старуха ответила:

«Ушли на промысел».

Чэмпэрэ ушел. Два сына вернулись с охоты. Мать рассказала им о случившемся. Сыновья говорят:

«Этот доблестный муж, видимо, убийством невозмужавшего парня хочет вызвать нас на бой».

Но, однако, открыто напасть на Чэмпэрэ они побаивались. У них был один большой шаман. Пригласили его и просят сновидением или иным своим предчувствием рассказать о том, что ожидает их в предстоящем столкновении с Чэмпэрэ, который обидел их. Шаман, поспав одну ночь, сказал:

«Мои сны и предвещанья не обещают вам ничего доброго. Но имейте в виду, душа Чэмпэрэ летает в образе совы. Силою своих духов я приведу его сюда. Утром рано, когда заря только начнет заниматься, эта птица прилетит и сядет на дерево. Если у вас хватит ловкости и сноровки застрелить ее, то можно рассчитывать на благоприятный исход дела».

И действительно, в указанное время птица прилетела и села на дерево. Юнгкээбил одним выстрелом сшиб ее. Шаман похвалил и предрекал успех. Собрались в путь. Добрались до устья реки Оленека. Шаман говорит им:

«Чэмпэрэ человек очень осторожный, он имеет караульный лабаз. Сам сидит там, постоянно готовый для обороны, не сходит даже для еды. Пищу приносят ему другие. Я своими чарами наведу темный туман, в это время попытайтесь подойти к лабазу на расстояние меткой стрельбы. Первым выстрелом старайтесь перерезать тетиву его лука».

Чэмпэрэ жил не один, вокруг его шатра было множество других. Сам он сидел на высоком лабазе, имея под боком лук и колчан. Братья подкрались близко. Джагдааттыыр одним выстрелом перерезал тетиву его лука. Чэмпэрэ тотчас же обратился в бегство. Джагдааттыыр начал избивать его народ, а Юнгкээбил погнался за убегавшим противником. Гнался он очень долго, выпуская одну стрелу за другой, но безуспешно. Перебежали много речек. За это время Джагдааттыыр успел справиться со всеми воинами Чэмпэрэ и пустился догонять ушедших витязей. Он избрал дорогу стороной так, что передние витязи его самого не могли видеть, были слышны лишь его крики по-лебединому. По этим крикам Юнгкээбил догадался о прибытии своего брата. По поводу этих лебединых криков Чэмпэрэ подумал про себя:

«Это, видимо, дух изначальной земли, сопутствуя Юнгкээбилю, подбадривает его. Нужно полагать, что он человек с более полным и совершенным назначением».

В связи с этим, он проникся еще большим страхом пред преследователями. Вскоре показался и Джагдааттыыр. Чэмпэрэ, обернувшись назад, воскликнул:

«О, горе мне! Зачем я не разорвал этого жалкого Юнгкээбиля голыми руками? Заставляя его гнаться за собой, довел себя до безвыходного положения. Я и раньше догадывался, что витязь Джагдааттыыр превосходит во всем своего брата. Теперь мои предположения оказались правильными».

Витязи продолжали свой бег. Вот пробежали уже речку Буур. Перейдя через нее, Чэмпэрэ одним прыжком перелетел через реку Оленек. Но на несчастье на том берегу он поскользнулся и увяз в грязи. Только лишь он успел подняться и побежал, как стрела, пущенная меткой рукой Джагдааттыыра, перерезала задние жилы ноги у самой щиколотки. Юнгкээбил тоже выстрелил, но промахнулся. Наконец, преследователи догнали свего врага.

Чэмпэрэ, обращаясь к Джагдааттыыру, говорит:

«Ты много доблестнее своего брата, не позволяй ему убивать меня, застрели сам. Тебе принадлежит имя героя и молодца».

Джагдааттыыр исполнил его просьбу. Его стрела угодила в самое сердце. Чэмпэрэ успел, однако, сказать:

«У тебя, оказывается, верная рука, убил меня без лишних страданий».

Умер. Братья тотчас же отрубили одну ногу, срезали мясо и, раздробив трубчатые кости, осмотрели мозги. В костных мозгах была застоявшаяся кровь. По этому поводу они догадывались, что он когда-то перенес голодовку. Пришли они к жилищу Чэмпэрэ и передали голенную кость матери убитого в качестве ньымаат'а (дар охотника из своей добычи). Спросили у ней:

«Давно ли твой сын перенес голодовку?»

Этот рассказ я слышал от якутов Устьянского улуса, слышал и на западе в районе Анабара. Но подробнее повествуют об Юнгкээбиле на Оленеке.

VII. ВТОРОЙ УСТЬЯНСКИЙ ВАРИАНТ.

Прокопьев Иннокентий, якут Тулагинского наслега Мегинского улуса.
Урочище Кюсюр. Март 1924 г.

§ 11. Витязь Чыынгхара.

В районе реки Оленека жил когда-то витязь Чыынгхара. В одно время с ним на Лене, около Жиганска, проживали старик со старухой и с двумя сыновьями. Младший из них был еще подросток.

Однажды Чыынгхара пришел к жительству того старика и убил его со старшим сыном. Старуху не тронул, а младший сын отсутствовал. У сына он отрубил голенную кость и принес к матери. Передавая кость, он сказал ей.

«Старуха, вот я заколол пятитравого дикого оленя и еще самца, но почему-то на костном мозге образовались кровавые сгустки. Вот попробуй, вкуси».

Старуха, взяв кость, сказала:

«Семь лет тому назад мы переживали сильный голод и бескормицу. В то время однажды сын пришел и говорил, что его олень обессилел. Надо полагать, что последствия той бескормицы не прошли и по сию пору».

Чыынгхара еще сказал старухе:

«По слухам, у вас есть олененок одногодок. Когда он достигнет зрелости, пусть пощет мои следы. Я проживаю на реке Оленеке».

Ушел во-свояси, а старуха осталась, плача и завывая. Через некоторое время пришел ее младший сын и справляется об отце и брате.

Старуха как-то отговорилась и скрыла от сына все происшедшее. У них был сосед-шаман, который жил, прикармливаясь у них упромышленными дикими оленями. Мальчик стал выпытывать у этого шамана. Тот рассказал:

«Приходил Чыынгхара-Витязь и убил твоего отца и брата. Однако, мы вдвоем с ним не справимся. Ты найти в помощь товарища».

При этом он назвал ему имя одного человека. Парень разыскал того человека и стал уговаривать его итти с ним на Чыынгхара-Витязя. Тот сначала отказался и говорил: «это человек, которого мы не осилим», но под конец дал себя уговорить. Вот они снарядились и пошли.

«Пока наш дед-шаман еще жив, возьмем и его с собой».

Так говоря, они взяли и шамана.

Чыынгхара-Витязь имел местожительство на высоком пригорке над речкой, где у него был высокий помост—арангас. Подкравшись, они обозрели его лагерь. Вернувшись с разведки, они попросили шамана совершить камлание и привлечь душу и жизненную силу Чыынгхара. Шаман сказал:

«Есть тут лиственница с тремя развилинами, из которых средняя высохла. Когда я совершу камлание, прилетит сова и сядет на эту сухую развилину. Один из вас, кто расторопен и меток, пусть стреляет в птицу. Если же сова сядет на зеленую ветвь, трогать ее не надо. Убив птицу, не оставляйте на месте ни одно перышко, все несите мне».

Оба стали пререкаться, кому стрелять в птицу, но потом согласились на том, что будет стрелять парень. Шаман остался шаманить, а парень, взяв лук и колчан (нимсики), пошел и спрятался под деревом. Около полуночи прилетела сова и села как раз на сухую развилину лиственницы. Тотчас же стрела парня пронзила птицу от заднего прохода до самой макушки. Радуясь и ликуя, он принес сову шаману. Взяв ее, шаман произнес заклинание и спровадил душу Чыынгхара в воду гибели и смерти. Вслед за этим он своим ясновидящим взором провидел всю обстановку врага:

«На запад от его местожительства есть амбар, где сложены луки и колчаны, полные стрел. Вы сначала найдите этот амбар и прорежьте тетивы луков. Отсюда на север есть у него еще ураса, где тоже имеется запас луков и стрел. И там прорежьте тетивы и поломайте стрелы. А народу у него видимо-невидимо... Он имеет обыкновение посылать своих людей за топливом на речку, которая протекает подле... Хватит ли у вас хитрости и ловкости переправиться через эту речку? Для меня уже наступает отмеченный судьбою час смерти. Вы послушайте совета, который я вам преподам... Вот на запад от нас в чаще леса я вижу: пришли и стоят три самца диких оленей. Вы сначала застрелите из них двух. А затем, не ломая рогов, снимите у них головную кожу. Эти оленьи рога наденьте на свои головы. Чыынгхара и днем и ночью держит бдительный надзор, но я низведу ветер и обман на

его зрение. В это время, держа над головой оленьи рога, переплывите через речку. На том береге, где завал наносного леса, вы обсушитесь и приготовьтесь к нападению. Он подумает, что дикие олени переплыли речку и пошлет своих людей проведать. Вы же притаитесь как можно лучше».

Парень с товарищами поступили так, как советовал шаман. Разыскали амбар и шалаш с оружием, перерезали тетивы и поломали луки. Затем нашли диких оленей, убили и содрали головные кожи с рогами. Когда шаман навел ветер, оба пустились вплавь. Чыынгхара-Витязь уже заметил плывущих оленей и закричал:

«Эй, парни, вон там переплыли два оленя. Тотчас же идите и застрелите их».

Три человека отправились за оленями, но те уже успели спрятаться. Не найдя оленей, посланные вернулись. Чыынгхара говорит:

«Эй, парни, стряслось что-то неладное. Побывав в Жиганске, я не упромыслил годовалого дикого оленя, не придавая ему значения. Мои сновидения и предчувствия не обещают добра. Идите назад и тщательно проверьте следы».

Его люди снова пошли и также не нашли свежих следов. Вернувшись, говорят своему повелителю:

«Там нет никаких свежих следов».

«Что за диво? Ведь я точно видел две пары рогов. Неужели это—игра моего зрения?».

В это время женщины стали бранить работника-нуучу и послали его за дровами. Нууча как раз наткнулся на двух спрятавшихся людей, так как шаман навел на его зрение обман. Нууча был босой. Парень схватил его за щиколотку и прикрикнул:

«Только попытайся крикнуть, я тотчас же разорву тебя пополам!»

Нууча присел и взмолился:

«О, мой повелитель, отпусти меня!».

«Но ты лучше расскажи, как живет твой повелитель, Чыынгхара-Витязь. Вот уже наступает час его гибели, определенный судьбой. Я лежу здесь с намерением решить его жребий».

«Сам он сидит на высоком помосте, и днем и ночью стережется».

«Ну, а как он принимает пищу?»

«Он питается обычно жиром диких оленей. Женщины скатывают жир наподобие утиных яиц, затем две из них становятся под лабаз, где он сидит, и попеременно бросают ему наверх. Жир он ловит на спинку ладони и ест. Он делает так, чтобы на случай схватки пальцы крепче держали оружие».

Парень говорит ему:

«Можешь итти. Однако, Чыынгхара, наверное, заметит твой испуг. Если он подзовет и спросит, почему у тебя испуганный вид, что ты ему ответишь? Если сумеешь промолчать о встрече с нами, то мы выведем тебя в люди».

Нууча не знал, какой ответ нужно держать перед хозяином. Парень дал ему такой совет:

«Ты с вязанкой дров подойди к очагу, сделай вид, что поскользнулся и при падении опрокинь кипящий котел. А затем, когда подзовет хозяин и скажет:

«Эй, паренек, почему у тебя такой растерянный вид?»—ты скажи ему в ответ:

«О, мой повелитель! Вот уже сколько лет я живу у тебя и ни разу не был замечен в какой-либо оплошке. Только вот теперь, поскользнувшись, опрокинул котел с пищей. Не взыщи с меня за это несчастье!»

Нууча, вернувшись с вязанкой дров, поступил так, как посоветовал парень. Хозяин, действительно, подозвал его и спросил о причине его испуганного вида. Когда работник дал подсказанный ответ, Чыынгхара спросил у него:

«А там, где ты рубил дрова, не заметил ли ты чего-либо подозрительного, нет ли там свежих следов диких оленей?»

«Есть следы, только старые, а новых нет, не видел».

«Ну, хорошо, ступай!»

Двое наших стали совещаться. Товарищ говорит парню:

«Так как ты застрелил душу и жизненную силу Чыынгхара, то тебе и надлежит напасть на него. Тем временем я стану истреблять его народ».

Оба пошли, крадучись. Парень, не доходя до помоста Чыынгхара на расстоянии пяти вытянутых сетей, спустил тетиву. Уловив треск пальца при спуске тетивы, Чыынгхара подскочил и тотчас же, соскочив с лабаза, пустился бежать. Он хотел было захватить колчан, полный стрел, но второпях опрокинул и высыпал все стрелы. Рассчитывая добраться до своего запаса, он и не попытался собирать их. Парень погнался за ним следом, пуская одну стрелу за другой. Прибежав к своему амбару, Чыынгхара увидел, что стрелы поломаны, тетивы порезаны. Взглянув на это, он сказал:

«Ты, оказывается, предусмотрительный человек и заранее поломал мое оружие. Значит, уже прошли судьбой отсчитанные дни, наступила пора и мне споткнуться». (Дословно—пришло время, когда я должен стать зайкой. Якутская поговорка).

Побежал дальше в урасу, но, заглянув во внутрь, обнаружил и там поломку. Парень, не отставая следовал по пятам. Под урасой протекала речка. Чыынгхара скакнул через нее. На противоположном берегу одна нога увязла в грязи. Пока он вытаскивал ногу, парень выпустил единственную оставшуюся стрелу и прорезал подколенные сухожилия. Раненый с пронзительным криком сел и проговорил:

«Ну, дружок, как вижу, ты—человек с качествами доброго витязя. Ты далеко превосходишь своего брата. Убив твоего отца и брата, я слышал о тебе, но ввиду твоего малолетства (дословно—оттого, что на твоих губах материнское желтое молоко не обсохло и зубы окончательно не созрели), не стал тебя преследовать. Очевидно, уже тогда судьба готовила мне гибель.

Прошу, кончай, не причиняя мне лишних страданий. Порази копьем сразу в сердце».

Парень кольнул в сердце и отрубил обе голенные кости (чонгкутун). Когда он пришел к оставленному товарищу, тот уже успел перебить всех своих противников.

У Чыынгхара были отец, мать и сестра. Нуучу-работника и дочь оставили в живых, поженили их и, вручив кое-какой мелкий люд, оставили их жить на землях Чыынгхара. Сами вернулись в свои собственные места.

Этот рассказ я слышал в Устьянском улусе от многих тамошних якутов. Более же подробно рассказывал Григорий Шамаев, якут Устьянского улуса.

VIII. ТРЕТИЙ УСТЬЯНСКИЙ ВАРИАНТ.

Предыдущий сказитель Кюсююр. Март 1924 г.

§ 12. Чэмпэрэ-Хосуун.

Однажды Чэмпэрэ-Хосуун пошел настораживать луки. Все свое оружие он оставил дома. В это время пришел другой витязь и вошел в дом Чэмпэрэ, где оставалась его жена. (Имя этого витязя рассказчик слышал, но забыл). Витязь спрашивает у женщины—«когда придет муж?» Та говорит—не знаю. Вслед за тем женщина, улучив момент, вынесла лук, стрелы и пальму мужа на двор и спрятала в снегу.

Чэмпэрэ, возвращаясь с охоты, заметил спрятанное оружие и попятился назад. Он тотчас же сообразил, что в доме, должно быть, сидят какие-то витязи. Захватив свое оружие, он притаился в ближайшем лесу.

Когда стало смеркаться, женщина сказала витязю, что идет в лес по дрова. Витязь остался сидеть в юрте. Женщина пошла на то место, где спрятала оружие мужа. Не найдя их на месте, направилась с топором в лес. Муж окликнул ее и спросил—кто пришел. Жена отвечает:

«Пришел один витязь и расспрашивает про тебя».

Чэмпэрэ, скрываясь за жену, вошел в сени и спрятался в углу, держа наготове свое копье. Жена прошла в юрту. Вечером она сварила пищу и накормила пришлого витязя. Затем на наре приготовила ему постель. Витязь, прежде чем сходить на двор, стал тревожно озираться и говорит:

«Я чую какой-то запах, слышу шорох!»

Женщина возразила ему:

«Дом наш очень старый, наверное, завелися мыши, ты слышишь их шуршание».

Витязь, приоткрыв двери юрты, стал озираться и одним стремительным прыжком выбежал наружу. В этот самый момент Чэмпэрэ, заметив подмышку врага, кольнул пальмой. Копье прорезало спинные мышцы и становые жилы. Раненый витязь успел было выскочить на двор, но Чэмпэрэ, погнавшись следом, схватил его за косу и повалил наземь. Тут же убил, но противник перед смертью успел сказать:

«Ты хотя и умертвил меня воровски, но не утешайся, думая, что я человек без родичей и сотоварищей. Твое злодеяние не останется без поисков и расследования».

Покончив с врагом, Чэмпэрэ остановился в раздумье и рассуждает про себя:

«Не поторопился ли я убивать его? Может быть, и впрямь у него имеются кровные родичи, которые будут добиваться отомщения. Однако, если бы не боязнь быть убитым самому, то я не стал бы опережать его».

Посоветовавшись с женой, он решил похоронить витязя. В те времена у урянхайцев было обыкновение труп, завернув в кору дерева, прикреплять к лиственнице. Так и сделали.

С тех пор Чэмпэрэ не разлучался с оружием, остерегаясь нападения родственников убитого витязя. У последнего, действительно, остались два брата. Они, не дождавшись брата, решили, что он убит Чэмпэрэ. Они хотели напасть на него, но побаивались, думая, что он большой витязь, имеющий воинов и сторожевой лабаз. Однажды, придя в отсутствие Чэмпэрэ, они осмотрели его местожительство. Возвратившись домой, они пригласили шамана и заставили совершить камлание, поручив ему подробно разузнать образ жизни Чэмпэрэ. Шаман сказал:

«Чэмпэрэ человек одинокий, воинов у него нет. Хотя у него есть сын, но он еще не возмужал и не может владеть оружием. Ходит, играет. Чэмпэрэ человек без достатка и пропитывается охотой на диких оленей. Сказать подробно о судьбе его ребенка я не могу, так как его душа скрылась в тумане».

Получив эти сведения, два брата вооружились и пошли на Чэмпэрэ. Напали и убили. Его маленький сын успел выскочить из юрты и скрылся в лесу. Витязи не стали его преследовать и возвратились к себе, сказав:

«Пусть он остается в живых и прокармливает свою мать. Все равно он не осмелится итти на нас».

Убежавший парень возмужал, ему уже исполнилось 20 лет. В те времена среди предков современных устьянских якутов был один знаменитый шаман. Парень отправился к нему и попросил совершить над ним камлание и сделать его неуязвимым для оружия. Шаман исполнил его просьбу: заклинаниями закалил его тело так, что он не мог бы умереть от полученных ран, хотя бы даже и в самое сердце. Но на его теле он оставил одно уязвимое место, а именно, надколенную чашу, куда он внедрил его жизненную силу.

После этих приготовлений парень отправился к убийцам отца. Младший из братьев около своего жилища имел сторожевой лабаз. Парень, надеясь на свою неуязвимость, прямо вошел в жилище своих врагов. Последние напали на него с двух сторон с пальмами, но парень успел одному из них отрубить голову, а другой выбежал на двор и скрылся. Парень, взяв себе в жены одну девушку, вернулся домой.

Убежавший брат, собрав девять витязей, однажды подкараулил парня на месте его промысла. Неожиданно напали на него, зарубили и изрезали.

Раскрыв внутренности убитого, они вынули сердце и печень и, воткнув их на острие копья, принесли в его юрту. Все это передали жене и при этом сказали:

«Так как ты связалась с человеком, имеющим такое тело и кровь, мы не возьмем тебя с собой. Оставайся тут и живи. Однако, через три года мы еще понаведаемся».

Ушли. Однако, зарубленный парень был еще жив. По уходе своих противников, он поднялся и пришел домой. Позвали шамана и тот, совершив моление, вложил сердце и печень на место. Парень выздоровел и стал жить.

Прошли три года и настало время, когда ушедшие витязи обещались вернуться. Парень говорит жене:

«Если придут, ты скажи им, что меня нет в живых».

Затем он внутри своей юрты приготовил из дров потайное место, куда сложил оружие, запас пищи и лег сам.

Вот приходят девять витязей. Женщина приняла их с почетом, сварила мясо дикого оленя. Мясо в котле она поставила посреди юрты и пригласила всех витязей сесть вокруг и кушать. Как только они уселись, парень, держа в одной руке копье и в другой пальму, выскочил из засады. И тут же всем девяти витязям отрубил головы.

Покончив с врагами, парень думает про себя:

«Моя вражда с ними длится очень долго. Если у них дома еще остались живые родичи, то мне, наверное, не сдобровать. Надо итти по их следам и покончить со всеми прочими».

Решив так, он сел за еду. В это время маленький сын около ног отца играл с ножом в руках. Он как-то споткнулся и, падая, ударился о колено отца. Последний тут же умер.

Остались жить жена и сын.

Этот рассказ я слышал три года тому назад от якута Устьянского улуса Григория Шамаева.

IX. 3-й БУЛУНСКИЙ ВАРИАНТ.

Шадрин Иван Петрович 32 лет, якут 1-го Хатыгинского наслега Жиганского улуса.

С. Булун. 11 апреля 1924 г.

§ 13. Витязи Мач-Чабаана и Танггача.

Жил один старик по имени Ишаайин, который, как и мы, вел тунгусский образ жизни. Он имел трех сыновей. Старшего из них звали Мач-Чабаана. Два других сына были подростки. Они проживали в верховьях реки Оленека, но промыслы их находились и по речке Гуонамка. Мач-Чабаана имел свой кош (кёс), т. е. семью с домашним обзаведением.

Однажды Мач-Чабаана с домочадцами отделился от своих и укочевал на р. Гуонамку, чтобы осмотреть там свои засеки и ловушки на диких оленей. Он обещал вскорости вернуться.

Ждут его со дня на день, но напрасно. Точно пропал. Наконец, старик-отец, измучившись ожиданием, даже захворал. Стало хуже и хуже, совсем собрался умирать. Перед смертью он, призвав двух сыновей, держит такую заветную речь:

«Ребятки мои, вашего старшего брата, видимо, убили его враги из чуждого племени. Имейте в виду, что люди этого враждебного племени имеют на своих лицах прошитые швы, изображающие рога оленя. Но есть и дружеское нам племя с такими же прошитыми на лице рогами оленя; однако, у последних рога будут прямее, чем у первых. Если случится вам встретиться с враждебным племенем, то заранее кончайте жизнь самоубийством, ибо все равно погибнете от их руки».

Умер старик. Пришла весна. По приходе речной воды настало время охоты на диких оленей, которые вплавь переходят через реку.

Однажды младший брат, тонясь на ветке, из одного стада заколол много диких оленей и приткнул всю добычу на берег. В это время пришлы на ветке один человек и вышел на то самое место, где лежали олени. Парень пошел к нему навстречу и разглядел на его лице прошитые оленьи рога. Попытался было разговориться с ним на своем языке, но тот не понял. Парень подумал про себя, что этот человек из того самого племени, о котором говорил умирающий отец. Пошел в свой чум и рассказал брату о незнакомце. Спокойно переночевали, настало утро.

На следующий день показались чужеплеменники. Одни плыли на ветках, другие ехали по берегу на оленях. Остановились табором недалеко от чумов наших парней. Пришельцы без спроса забрали заколотых оленей. Самого большого оленя преподнесли своему главному витязю. Через некоторое время из их лагеря пришла женщина за огнем. Парни узнали в ней жену своего старшего брата. Она рассказала, что захватили ее после убийства мужа и отдали в жены самому главному витязю. Она сообщила, что на следующий день пришельцы собираются разделаться и с ними. Посоветовались, как выпутаться из неминуемой беды. Парни решили напасть ночью на сонных врагов. Попросили тетку, чтобы она колчан мужа (нимсикилэх ох) перед сном положила в условленное место под кучами домашнего скарба.

Около полуночи, когда лагерь врагов погрузился в глубокий сон, оба парня, вооружившись, направились к ним. Младший брат разыскал чум главного витязя и под покрышками домашнего скарба (дасына) нашел лук и три колчана, наполненных стрелами. Колчаны надел на себя. Затем, опираясь на свою большую пальму (лёкё батыйа), приподнял полог чума и вошел. Витязь спал глубоким сном. Парень вспомнил рассказ своего отца, что хороший воин не должен убивать врага без предупреждения. Поэтому он громко крикнул:

«Я пришел, проснись!»

Три раза повторил этот возглас, но витязь спал. Наконец, с криком: «Берегись, я колю тебя в самое сердце!»—кольнул пальмой. Противник, видимо, проснулся и успел увернуться от удара. Он тотчас

же выскочил наружу и бросился к оружию, но парень, догнав, отсек ему голову. В это время стали просыпаться и другие витязи. Когда они высовывали из чумов свои головы, парень рубил их. Так зарубили десять человек. Поднялась суматоха, повыскакали все. Началась стрельба. Оба брата стали расстреливать обезумевших людей и рубить их без разбора. Мало кто уцелел из них. Лишь один молодой парень ловко увертывался от стрел и начал отстреливаться. Младшему брату удалось двухразвильчатой стрелой прорезать тетиву его лука. Обезоруженный противник с криком отчаяния бросился бежать. Парень за ним. Бежали вдоль по реке Гуонамка. Убегающий, приблизившись к верховью реки, перепрыгнул через нее. Он едва ступил на пл противоположного берега, как стрела парня прорезала толстую жилу его ноги. Присел и остался сидеть тут же на берегу. Наш парень тотчас же перепрыгнул через речку. Раненый говорит ему:

«Ты погубил нас без предупреждения. Чтобы мое тело не терзали вороны, ты придави его срубленными деревьями».

Наш парень возразил ему:

«Ты не именитый витязь, чтобы так обряжать твое тело. Убью тебя как собаку иль дурную птицу».

Тут же заколол его ножом в затылок. Возвратился к месту побоища. Тихо кругом, не видно ни одного живого человека. Подумав, что брат убит, наш парень стал осторожно обходить мертвые тела. Вдруг раздался треск тетивы лука. Парень едва успел увернуться от стрелы. Оказывается, осталась жива жена среднего витязя, она-то и выстрелила. Парень прострелил кисть ее руки. Женщина, прежде чем быть убитой, успела сказать:

«Ты дрянь человек!.. Есть у нас знаменитый витязь, царь наш Тангтача-Хосуун, у которого огромный лук. («Агыс ангаабыллаах», не совсем понятное выражение). Встретишься с ним днем или ночью, все одно он порубит ваши головы. Будет лучше, если помрешь до встречи с ним. Твоего брата я легко ранила».

Парень разыскал брата, который действительно был ранен не смертельно. Тетка же спряталась в яме.

Парни хвалили бога, что он выручил их из неминуемой смерти. Стали жить, овладев всем богатством убитых. Но тем не менее они очень опасались Тангтача-Хосуупа, который, по рассказам тетки, должен был проживать где-то в верховьях Оленека.

Младший брат не находил покоя. Он держал в своих мыслях одно,— убить Тангтача-Хосуупа или погибнуть от его руки. Только тогда он нашел бы желанное удовлетворение. Однако, свои замыслы он держал в тайне. Меняя свои кочевки, он постепенно приближался к тому району, где, по его предположениям, он мог бы встретиться с Тангтача. Однажды он сказал своим людям, что идет высматривать места, где водятся дикие олени. И пошел. Идя вниз по одной речке, он вышел в обширную равнину, на середине которой виднелись пять чумов. Около среднего чума на большом камне сидел человек в одежде, подбитой горностаевым мехом. По этому признаку он узнал в нем чужеплеменного витязя. Тотчас же своего верхового оленя и оле-

ия огдоону (олень, употребляемый для приманки дикого оленя) привязал в скрытом месте. Сам спрятался в тальниках, росших на краю речной наледи. В это время витязь, сидящий на камне, сев на верхового оленя, поехал по направлению к спрятавшемуся парню. Последний подумал, что его заметили. Но тот, не замечая его присутствия, ехал прямо на него. Когда витязь приблизился на расстояние десяти шагов, парень, скрестив две стрелы, крикнул:

«Берегись, летит оружие! Я тот самый витязь, который когда-то порубил твой народ».

С этими словами он спустил тетиву. Одна стрела пронзала оленя противника, а другая пролетела мимо. Всадник прыгнул на лед. Парень начал пускать в него стрелы, но витязь, скользя по льду, так ловко увертывался, что ни одна стрела не задела его. Лишь последняя угодила в локоть. Витязь тотчас же крикнул:

«Не стреляй, коли одна стрела задела, я должен сдаться. Ты исполнишь две мои просьбы. Над моим телом ты устрой помост из деревьев, а затем возьми мою косу, украшенную серебряным латаханом и передай ее моим родителям. Пусть хранят ее в чистоте».

Тут же заколол его. Взяв косу с латаханом, парень пошел в средний чум, где жили родители убитого витязя. Войдя в чум, он говорит старику:

«Я убил вашего сына, имеющего знаменитый тугой лук».

Когда старик усомнился в правдивости его слов, парень подал ему косу с латаханом. Тогда лишь старик поверил в смерть своего сына. Он сказал:

«Ну, тогда ты сам оставайся у нас взамен сына. Вот у нас есть одна дочь-девица, ее дам тебе в жены».

Парень согласился и женился на той девице. Затем он переселил к себе брата с теткой и стали жить.

Прожили некоторое время спокойно, парень в поведении старика-тестя и его людей не замечал ничего подозрительного и потому перестал остерегаться.

Однажды он заметил, что тесть с сыном-подростком стали обвязывать свой чум длинной веревкой «суупахаан». На вопрос парня, что это за приготовления, его жена ответила:

«Да, наверное, укрепляют чум на случай наступления сильного ветра».

Уснул он с женой. Вдруг ночью парень заметил, что кто-то подходит к их постели и приподнимает занавес. В это время подошедший с криком: «летит оружие, берегись»—кинулся на него с пальмой. Парень успел увернуться от удара и вскочил на ноги. Нападал на него брат жены, тут же был и сам старик. Оба кинулись рубить его пальмами. Парень выхватил с очага железный крюк, на котором подвешивается чайник, и одним ударом в затылок повалил старика. Умирая, старик свою пальму отбросил наверх. Падающую пальму парень поймал в свои ладони. Ею он разрубил полог чума и выскочил наружу. Там стояли наготове два витязя, которые кольнули его с двух сторон, но попали друг в друга и оба упали замертво. Парень побежал, что было мочи, думая—все одно, где ни помирать. Люди тестя погна-

лись, кто верхом на оленях, кто и пешком. Парень продолжал убегать. Много он пересек речек и речушек, а погоня все еще не отставала. Наконец, он видит перед собой 7—8 чумов. Не разбирая кто они, парень вскочил в самый большой чум с криком—«спасайте, убивают, дайде одежду!» Сначала на его крик никто не отозвался. Однако, парень успел разглядеть, что лица обитателей чума были прошиты швами, изображавшими рога оленя, но не так, как у его врагов. Тут он вспомнил завет умирающего отца о дружественном племени...

Наконец, один старик сказал:

«Ребята, мое сердце почему-то тревожно забилось. Не родственник ли нам этот пришелец?»

Тут разговорились и узнали, что отец нашего парня был с этим стариком в дружбе. Старик снарядил своих витязей, чтобы отразить преследователей. Произошла битва-резня, в которой люди старика одержали победу и истребили своих противников. Старика того звали Мас-Туруук. Такое прозвание дали ему потому, что он в период своей возмужалости, убегая от врагов, перескакивал с дерева на дерево.

Стручков Герасим, якут Борогонского наслега, Верхоянского улуса.
26 марта 1924 года. Уроч. Эбитиэм.

§ 14. Витязи Эмчээгин и Чыымкани.

В далекую старину, когда люди кололись пальмами, жили два хосуун-витязя. Одного из них звали Эмчээгин-Хосуун, а другого Чыымкани-Хосуун. Однажды Эмчээгин напал на Чыымкани и увел с собой его жену.

Дело было осенью. Чыымкани разыскал след похитителя и пришел к его жительству. Над речкой стояли девять шалашей, крытых обветшалой ровдугой («тордох джиэ»). Он осторожно подкрался к лагерю и увидел свою жену, которая шла за водой. Поймал ее и хочет начать разговор, но она, не говоря ни слова, указала на язык. Язык был проткнут тремя иголками. Вынул иголки, разговорились. На вопрос мужа, кто живет в этих шатрах, жена ответила:

«Живет старик по имени Хаганхаан (м. б. слово раздельное «Хаган-Хаан»?) и девять его сыновей. Старшего из них зовут Эмчээгин. У каждого сына свой шатер. Будь осторожен, меня хотят убить».

Численность противников устрашила Чыымкани. Он попросил жену, чтобы она ночью, когда все уснут, подала знак стуком. Жена сказала, что если ему удастся убить Эмчээгина, то все остальные братья будут очень слабые противники. Воткнул обратно все иголки на язык и отпустил жену.

Ночью, услышав стук жены, Чыымкани тихо подкрался к шалашу Эмчээгина и, приподняв полы, вошел во внутрь. Найдя спящего Эмчээгина, он приставил копье над самой почкой и пригвоздил его к земле. Поднялась тревога, крики. Прибежали все братья и начали рубить Чыымкани своими пальмами, но ни один удар не попадал в него, ибо он ловко увертывался. Все девять братьев пали под его ударами. Остались одни старик и старуха.

Они взмолились о пощаде, прося даровать им жизнь. Чыымкани зарубил и их.

Этот рассказ я слышал от своего деда.

(Сказитель постоянный житель Омолоя, где издавна поселились якуты Верхоянского улуса в ближайшем соседстве с северными якутами и ламутами).

ГЕРОПЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ КОНДАГИРСКИХ ТУНГУСОВ

(Верховья Нижней Тунгуски).

Григорьев Николай, 40 лет, тунгус Брангатского рода, живет в верховьях Ниж. Тунгуски.

13 мая 1925 года.

§ 15. Нургаабыл.

Нургаабыл тунгусский вояка. Однажды он с товарищем Джонгула охотился. Увидели большой тунгусский табор, стояли около 20-ти чумов. Нургаабыл со своим товарищем тихо подкрались к табору, чтобы перебить этих людей. У них имелась железная доска под названием «тутуука», которая служила оружием. (Как употреблялось это оружие, рассказчик не объяснил). Приблизились к табору, Нургаабыл крикнул:

«Пришел я, Нургаабыл!»

Те тунгусы в ответ на это стали стрелять из луков, но ни одна стрела не задела Нургаабыла и его товарища. Наконец, Нургаабыл крикнул:

«Ну, теперь наш черед стрелять!»

Каждая стрела попадала в сердце. Истребили всех мужчин, не исключая и детей, но женщин и стариков не тронули. Случайно уцелел лишь один грудной ребенок, мальчик. Старик (дед) сказал, что это—девочка, потому его оставили в живых.

Совершив это избиение, Нургаабыл на своем пути оставлял знаки-затесы (элкээйи), предварительно сказав:

«Если появится мужское потомство, то пусть следует по этим моим знакам. Я живу в Илимпейском крае.

Старик стал воспитывать того мальчика, который остался в живых, в надежде, что он убьет своих недругов. Когда мальчику наступило 7—8 лет, старик стал приучать его увертываться от стрел. Поставив мальчика, старик пускал в него стрелы. Когда мальчик возмужал, старик указал ему знаки, оставленные Нургаабылом.

И вот этот парень однажды весной, когда стала подмерзать поверхность снега, снарядился в путь в Илимпею—биться с Нургаабылом. Пошел на лыжах, подбитых шкурой. Добравшись до Илимпеи, парень набрел на след лыж. Идя по следу, он нашел туши двух зарытых под снег диких оленей. Парень взял из туш почки и съел. Тут же вскорости он встретился с двумя девушками, которые на верховых оленях приехали за тушами упромышлен-

ных оленей. На вопрос парня, кто они будут, девушки ответили, что они дочери Нургаабыла. Парень упросил их не сказывать отцу о его прибытии.

Девушки, навьючив туши, уехали. По прибытии их Нургаабыл стал проверять части туш и обнаружил отсутствие почек. Он спрашивает (у дочерей)—«куда девались почки оленей». Однако, девушки скрыли от него встречу с парнем.

Нургаабыл имел жительство на вершине горы. Он был занят едой, когда наш парень подполз к его жилью. Подойдя близко, парень крикнул:

«Кто ты?»

«Я—Нургаабыл».

«Не ты ли убил моих людей?»

«Да, я самый».

«Если так, сказал парень, начинай стрельбу!»

Нургаабыл стал стрелять. Когда вышел весь запас его стрел, стал стрелять парень. Три стрелы подряд он всадил в сердце Нургаабыла. Перед смертью он успел сказать:

«Ты, оказывается, отличный муж. Бери себе (в жены) моих двух дочерей».

ВТОРОЙ ВАРИАНТ

Каплин Николай, 38 лет, Кондагирский тунгус рода Монгол, живет в верховьях Нижней Тунгуски, в местности Айаан в 50-ти км. от села Эрбогачэн.

3-го мая 1925 г.

§ 16. Нургаабыл.

Нургаабыл был сильный и храбрый воин («hуонинг»—храбрец), имел двух жен, а детей не было. Он постоянно занимался войной и убивал тунгусов других родов. Однажды он истребил 25 чумов тунгусов. Десять тунгусских воинов пошли на Нургаабыла, крадучись. А Нургаабыл об их приближении узнал уже за десять верст. Опершись на свой лук, он прислушивался... и говорил своим людям:

«Ложитесь спать, они еще далеки. Когда приблизятся, я скажу».

Когда те тунгусы приблизились, Нургаабыл вскочил и, приплясывая, крикнул им:

«Узнал, перестаньте ползти!»

Затем, опершись на свой лук, сказал:

«Ну, теперь можете затеять стрельбу».

И каждую пущенную стрелу он ловил руками. Когда те кончили стрельбу, Нургаабыл подряд выпустил девять стрел. Часть (нападавших) оказалась перебитой, а оставшихся в живых Нургаабыл поймал и присоединил к своим людям.

У Нургаабыла был многочисленный народ, многих он кормил.

Однажды Нургаабыл встретил тунгусского парня 20-ти лет и вступил в состязание. Сначала они условились, что раньше будет стрелять парень. При стрельбе последнего Нургаабыл так ловко увертывался, что ни одна стрела его не задела. Выпустив все свои стрелы, парень говорит:

«Ну, теперь постреляй-ка ты!»

Нургаабыл крикнул:

«Берегись, я выпущу сразу три стрелы!»

Но парень не дал попасть в себя. Начали рубиться пальмами. Точно также не могли попасть друг в друга. Парень бросился бежать. Нургаабыл был знаменитый бегунец и погнался за парнем. Однако, он был не в силах догнать парня. На бегу он стал выпускать стрелы, но парень ловил их руками или увертывался. Вдруг он остановился и выстрелил в Нургаабыла. Стрела как раз угодила в колено Нургаабыла. У него больше не оставалось стрел. И он предложил парню помириться. Поэтому он передал ему свою медную стрелу, что должно было означать покорность.

Сели рядом и вступили в беседу, покурили трубки. Нургаабыл вопрошает:

«Кто ты, как тебя зовут, я еще не видел человека, подобного тебе».

Парень рассказал следующее:

«Я одинок, имею только одного престарелого деда, который и воспитал меня. Один знаменитый тунгус убил моего отца и истребил всю мою семью. Остались в живых только мой дед да я в колыбели. Тот тунгус, заглянув в мою колыбель, спросил:

«Это парень или девка?»

Дед ответил—девка. Затем тот тунгус, делая пометки на деревьях, сказал:

«Если этот ребенок окажется мальчиком, то пусть он последует за мной по этим следам».

Идя по тем следам, я и встретился с тобой».

Нургаабыл подарил парню стрелу с узорным медным наконечником, и тот, в свою очередь, подарил такую же стрелу, чтобы по ним позже узнать друг друга. После этого они разошлись.

§ 17. НУРГААБЫЛ И РУССКИЕ.

Когда пришли русские (лууча) и начали побеждать тунгусов, Нургаабыл с одной женой и двумя товарищами, кочуя с места на место, шел к русским, находившимся в местности Йормо. Шел он, услышав рассказ тех двух тунгусов, которые сопровождали его. Они, повстречавшись с Нургаабылом, рассказали о русских, что вот, мол, пришли люди, носы которых похожи на грудь (или грудную кость?) глухаря, а волосы на вихорево гнездо на верхушках деревьев. Кроме того, они стрелами рисуют, будто углем водят.

В пути попался им навстречу тунгус, который нес пульное ружье. Узнав Нургаабыла, тунгус присел и прицелился в него. Нургаабыл крикнул:

«Ты что за человек, почему хочешь стрелять в меня?»

Тот отвечает:

«Ты лучше скажи, кто из нас должен стрелять первым?»

Нургуабыл с удивлением рассматривает его трубчатое железо и спрашивает:—«что это за вещь?»

«Да это мое ружье».

«А ну ка, покажи, как оно стреляет!»

Тунгус выстрелил в дерево.

«Зачем же ты так кричишь?»—вопрошает Нургаабыл. Наконец, Нургаабыл попросил выстрелить в него. Тунгус выстрелил, а Нургаабыл успел отскочить в сторону. Затем попросил выстрелить в своего товарища. Тот выстрелил и убил тунгуса наповал.

Тунгус рассказал, что люди, которые рисуют углем, имеют точно такое же оружие. Нургаабыл отправился в Йормого. Русские вышли навстречу и начали стрелять. Нургаабыл, примечая падение замка, увертывался. Русские попросили его к себе. Они угостили его пищей, приправленной солью. Тогдашние тунгусы соли не знали. Поэтому пища русских показалась Нургаабылу очень вкусной. Русские упрашивали его сдаться и не важничать. Нургаабыл же истребил тех русских и бежал в дальние места. Там он нашел одного знаменитого тунгуса, по имени Соболтоо. Когда Нургаабыл уже постарел, они вдвоем стали воевать с русскими. Но Нургаабыл уже не обладал проворством и был убит русскими.

Нургаабыла здесь знают все тунгусы. Он предок рода Монгол.

У нас среди тунгусов рассказов, подобных якутским олонгхо (богатырские былины), с пением не бывает. Существуют только краткие рассказы, называемые «нимнгакаан». Те, кто научились у якутов, иногда рассказывают в переводе на тунгусский язык якутские олонгхо.

У нас есть один тунгус Хоойночо Николай, который знает рассказы о войне наших тунгусов с якутами.

«Чорбокочоон» есть название утеса, отсюда происходит название Эрбогачоон.

ЛЕГЕНДА ТУНГУСОВ ИЛИМПЕЙСКОЙ ТУНДРЫ ТУРУХАНСКОГО КРАЯ.

Харчыкаан Николай Данилов 88 лет, тунгус Илимпейского района. Р. Оленек. Местность Сардаах. Апрель 1924 г.

§ 18. ВИТЯЗИ ДЖУУПКУР И ЧААТАРА.

В древности жили два брата-старика, тунгусы нашего Джурумджальского рода. Под именем Джурумджаал мы, Илимпейские тунгусы, известны среди якутов. Один из братьев имел на теле в девяти местах следы зажившихран, а другой в шести местах. У братьев общим счетом было десять сыновей. Из последних известны имена двух, самых храбрых и сильных витязей. Один слыл под именем Джуупкур-Витязя, а другой—Чаатара-Витязя.

По соседству с этими витязями жили их родичи, тунгусы же в 150-ти чумах.

Однажды два упомянутых витязя пришли к 150-ти семьям и потребовали покорности (дословно—преклонить головы). Те ответили отказом. Тогда два витязя приказали им избрать из своей среды, десять стрелков, из которых каждый имел бы в запасе по 99 стрел. (Рассказчик добавляет—«иметь по сто стрел считалось греховным»). Против этих десяти стрелков два витязя обещали выступить сами, имея в запасе лишь по десять тальниковых стрел и по пальме. Сделали так, как было сказано. Витязи стали от десяти стрелков на расстоянии трех саженей и открыли по ним стрельбу тальниковыми стрелами. Стрелы их попадали между глаз в самое переносье. Ни один из десяти не мог увернуться, все попадали наземь, оглушенные стрелами. Когда они очнулись, два витязя начали избивать их тыльной стороной пальмы, приговаривая:

«Покоряетесь ли теперь нам?»

Все тотчас же изъявили покорность. Затем витязи потребовали, чтобы все покорившиеся им оставили привычку убивать людей. При этом они пригрозили, что нарушители этого приказа будут также избиты тыльной стороной пальмы. Все послушались и обещали не убивать.

С тех пор два витязя стали пропитывать своей охотничьей добычей весь народ в 150 чумах. Они приказывали подчиненным добытых диких оленей целиком с костями, жилами и даже с внутренним калом высушивать, чтобы не голодать. Ослушникам этого приказа также грозили избиением пальмой. Боясь наказания, все стали высушивать упромышленную добычу.

Два старика, отцы витязей, не любили большое сборище людей и жили отдельно. Однажды к старику пришли два человека на лыжах из какого-то другого рода и рассказали так:

«В прошлом де году какие-то неведомые люди, всего 19 человек, переправились через реку Енисей и поселились над крутым яром берега. Они имеют страшную наружность: носы большие, волосы кудрявые, строят дома точно амбары (срубом), имеют бумагу, на которой рисуют какие-то узоры. Посуда у них сделана из камня, одежда будто лакированная, их языка мы не понимаем. Рассказывают они про царя и про бога. Они просили сказать вам, чтобы вы пришли и свиделись бы с ними».

Старики, услышав этот рассказ, очень испугались. Двух витязей—начальников в это время не было дома. Когда они пришли и услышали рассказ о неведомых пришельцах, они тотчас же собрались в дорогу, сказав:

«Как же мы будем сидеть дома, услышав про такие дела». Добрались. Их ввели в дом и посадили на ложе рядом с собой. Разговорились через переводчиков... Угостили витязей сладким (дословно «ценным») кушаньем и табаком. Все это им очень понравилось. Начальник пришельцев, исправник, рассказал витязям про свою веру и нравы, а затем спросил—«каковы же ваши обычаи?» В ответ на это витязи рассказали:

«Вот уже три года как мы, избивзя народ пальмами, добились оставления старых самоуправных обычаев убивать друг друга. Кроме того, так-то и так-то прекратили голодовку».

Сначала рассказывал витязь Джуушкур, так как он был искуснее в слове. Исправник сказал:

«Пусть Джуушкур-Витязь будет князем среди тунгусов, а Чаатара при нем старшиной. Затем вы изберите из своей среды четырех капралов (десятников). Весной, к началу таяния снега вы со всем народом прикочуйте сюда».

В указанное время тунгусы прикочевали. Люди 20-ти чумов приняли крещенье, на 296 человек наложили подати. На каждого плательщика определили подать в сумме 4 рублей 75 копеек.

О борьбе тунгусов с якутами я никаких рассказов не слышал.

ЛЕГЕНДЫ ОБ ЯКУТСКИХ КУЗНЕЦАХ

Гоголев Иннокентий 67 лет, якут Кобяконского наслега Намского улуса. Село Булун. 2 января 1932 г.

§ 19. ДЭЛГЭР-УУС.

В старину, котда русские захватили Якутский округ, прибыл в Усть-янск один кузнец по имени Дэлгар. Он поселился в Казачьем, женился на туземной женщине и имел от нее одного сына. Сын уже возмужал и самостоятельно ходил на промысел.

Родственники жены были оленеводы, поэтому сын каждое лето имел обыкновение бродить с оленями по тундре, а старик со старухой оставались дома. Старик кузнечил.

Однажды в начале осени к кузнецу прибыли с восточной стороны два витязя-хосууна. Подружились с кузнецом. Старик понаведался у них о сыне, не встретили ли его, не поймали ли какой-либо слух о нем. Витязи говорят:

«Нет, мы его не встречали и ничего о нем не знаем».

А между тем младший из них шопотом говорит товарищу:

«Эй, вот почему тело его было черное!»

(Рассказчик поясняет: «это значит, что убитый витязями человек, сын кузнеца, был якут». Повидимому, по понятиям самого населения, тело природных северян должно быть заметно светлее, чем якутское).

Старик, уловив эти слова, догадался о гибели сына и затаил в себе чувство досады.

Витязь говорит старику:

«Докажи-ка свое искусство. Скуй мне такой нож, чтобы им можно было одним взмахом перерубить мерзлое стегно задней ножки оленя-самца с костью и мясом. Приготовь к будущему нашему приходу».

Старик ответил ему:

Трудную задачу возлагаешь на меня, вряд ли возможно ее исполнить, но тем не менее попытаюсь сковать».

Затем витязь спрашивает:

«Скажи мне, как ты думаешь, кто по своему корню и происхождению будет старше, кузнечное ли искусство или наше витязей?

Старик на это возразил:

«Мне не приходилось испытывать и разузнавать старшинство того или другого начала».

Услышав эти слова, витязь вскочил с места и с размаху ударил своим «батасом» по середине наковальни, сказав:

«Если желаешь видеть испытание, так вот оно!»

Рассказывают, что батасы в середине выпуклины имели особо закаленную часть. Как раз этою частью и ударил витязь по наковальне. Батас врубился в него на четыре пальца вглубь и засел так крепко, что сам витязь не смог его вытащить. Он обратился к кузнецу:

«Вытащи батас, но так аккуратно, чтобы не повредилось лезвие».

Кузнец напилком протер наковальню с обоих сторон батаса и дал его витязю. Осмотрев лезвие, витязь сказал:

«Оказывается, по своему корню кузнецы должны быть старше витязей».

Назначив время своего прихода на второй месяц, витязи ушли.

В начале зимы, когда снег уже выпал, они снова явились. Привезли с собой заднее стегно самца-оленя.

«Ну, друг наш, приготовил ли обещанный нож?»—Говорят они. Старик сидел кузнечил. Он передал им нож и попросил сделать испытание. Внесли мерзлое стегно мяса. Положив его на колени, витязь резнул ножом. Нож, перерубив мясо, перерезал насквозь его колени и врезался до самой середины в боковой брус нары. Увидев это, младший витязь бросился к двери юрты, чтобы выбежать на двор, но кузнец своим молотом ударил его в надколенную чашу и вдребезги разбил ее. Старик тут же убил обоих витязей.

Как рассказывают, тот нож он выковал, соединив лезвие трех девяток различных оружий.

Этот рассказ я слышал от многих здешних якутов.

ВТОРОЙ ВАРИАНТ.

Корякин Степан Иванович 29 лет, Эжепского наслега Жиганского улуса. 12 апреля 1924 г. Речка Чонгхогор.

§ 20. Дэлгэр-Уус.

Жил,—рассказывают,—старик по имени Дэлгэр-Уус. (Д. кузнец). Жену его звали Кютюр-Кыыс. (Скупая Дева). Место их постоянного жительства было на реке Яне, жили одиноко, не имея никаких связей с остальными людьми. Кормились в зимнее время охотой на диких оленей засеками,

а летом—ловлей рыбы заколами и сетями на речках и озерах. Далеко на востоке на Уяндинской тундре были у них и свои люди, какие-то родственники, но о них они знали лишь по слухам.

Однажды утром старуха, выйдя на двор, заметила на противоположном берегу речки целый табор из десяти чумов. По зову жены вышел и старик посмотреть на пришельцев. Обозрев пришельцев, старик промолвил:

«Говорили, что где-то есть бродячее и немирное племя (дословно—дерущиеся, прибегающие к оружию). Это, наверное, они. Беда стряслась над нами».

Вошли в дом и сидят. Вдруг немного спустя заходят трое. Поздоровались. Старик обратился к ним с вопросом:

«Расскажите, из каких мест бродите?»

Те ответили:

«Да мы проживаем не особенно далеко, в этих же окрестностях, бродим в поисках пищи. Сюда попали случайно. У нас много домочадцев, трудно пропитывать их. Гоняемся за зверем».

Справились об имени старика. Он сообщил свое имя.

«Слух о тебе доходил и до нас, нам рассказывали отцы».

Ушли к себе.

Старуха:

«Надо бы поостерегаться этих людей, как бы чего не натворили».

Старик:

«Что у нас есть, ради чего стоило бы нас убивать?»

Старуха:

«Ты решай сам, ибо что значит мое пониманне». (Слово)

Пришельцы стали навещать чуть ли не каждодневно, свыклись и познакомились ближе. К старику относились с уважением. Когда случалось им упромыслить диких оленей, приносили ему постоянно гостинец.

Старик ковал им наконечники стрел. Оказывается, с железными наконечниками они раньше не были знакомы, для этой цели употребляли только рог. Они очень радовались и говорили, что железо лучше рога, Старик каждый день стал ковать для них наконечники. Но он нарочито делал их такими, чтобы при падении на человека их острие переламывалось. Хорошие наконечники он прятал. Так они прожили до половины лета, но дальше они перестали навещать старика. Старик со старухой почувствовали, что соседи готовят недоброе и промеж себя стали судить и рядить, что бы предпринять. Старик говорит:

«Ты бы, старуха, отправилась на поиски своих родичей, местожительство которых тебе известно.

Старуха и впрямь собралась, стала готовиться. Сшила себе акыйаан (особый род местной обуви. Носок из толстой черной кожи, а голенища из ровдуги). Подошву к нему поставила из лосиной кожи для пущей прочности.

Никаких ездовых животных у них не было. Сварила небольшой кусок мяса и положила его в мешок. В тот же вечер она отправилась. Ее родичи жили на расстоянии 70-ти кёс. (Кёс—мера длины, от 6 до 10 км).

Через одни сутки она уже была там. Оповестила своих родственников, что вот, мол, у нас объявились такие-то неведомые люди, до середины лета жили хорошо, а потом, видимо, умышляют что-то недоброе. Приходите выручать нас. Родные тотчас же начали готовиться к поездке. Старуха же на третьи сутки уже была дома. А ее родные, 30 человек, пришли через 7 дней после ее прибытия.

Заречные соседи пребывали, ничего не подозревая. Старик прибывшим людям роздал припасенные наконечники стрел, приготавливаясь к вооруженной стычке.

Затем старик отправил к соседям одного человека с просьбой сказать им:

«Друзья мои, почему разобиделись и перестали бывать у меня? Теперь домочадцев у меня стало больше. Если придете, то скучать не будете. Ходить же к вам в гости мне самому тяжело по преклонному возрасту. Кроме того, мое посещение для вас будет убыточно».

Услышав эти слова, те люди оскорбились и возразили:

«Если он на самом деле зовет, то завтра утром мы переправимся. Пусть готовится принять нас как гостей».

Старик предупредил своих людей, чтобы они были наготове. В те времена употребляли луки. Натянули луки потуже. На следующий день утром, когда солнце только что выглянуло за горизонт, на речке показались три человека, переправлявшиеся на трех ветках «мэрэкэ». (Кожаная ветка, шьется из ровдуги). Луки у них были наизготовке. Люди старика, подпустив их к берегу, сразу выпустили в них три стрелы, которые угодили прямо в сердце каждого. На том берегу поднялась суматоха. Люди бросились к кожаным веткам. Выпуская стрелы, стали переправляться через речку. А люди старика, стоя под защитой деревьев, стали перестреливаться. Стрелы противников, попадая, переламывались. Поэтому наши люди очень скоро перебили своих врагов, не оставив в живых ни женщин и ни детей. Оленей и имущество убитых собрали и поделили между собой. Все прибывшие остались жить там же, где жили старик со старухой.

Этот рассказ я слышал от якута 3-го Хатыгинского наслега Жиганского улуса Григория Винокурова. Его отец вилюйский тунгус, но приписался к Жиганскому улусу.

Болтунов Василий Егорович, 1-го Ноготского наслега Устьянского улуса.

§ 21. СААПНА-ХОСУУН.
(Из сказаний об якутском кузнеце).

Саапна-Хосуун дружил с тунгусами. Он был кузнец и делал для них разные железные принадлежности. Когда пришли русские, они спрятались у него.

Русские приучали тунгусов к чаю. После того тунгусы не стали убегать и отлучаться.

Сааппа-Хосуун жил в глубокой древности. Он был отборный из людей, быстроногий из людей.

Лепчиков Филипп Михайлович, Тыллымминского наслега Восточно-Кангаласского улуса.
Март 1924 г. Кюсюр.

§ 22. СААППА-ХОСУУН.

Витязи Сааппа-Хосуун и Халтагай-Баатыр были люди одного поколения. Сааппа-Хосуун отличался большой силой и необыкновенной ловкостью, но никогда не убивал людей. В ту пору между якутами и тюгэсирскими тунгусами происходили постоянные войны. Якуты поселились на тунгусских землях. Тунгусы, стремясь прогнать якутов, постоянно охотились за ними, но им никак не удавалось убить Сааппа-Хосууна. Когда они стреляли в него из луков, он ловил стрелы руками, когда кололи пальмами, зажимал их в подмышках и вырывал из рук. Пойманных же тунгусов отпускал живыми. Со временем тунгусы примирились и стали жить с якутами дружно.

Среди тюгэсирских тунгусов жил богач, у которого один иноплеменный тунгусский витязь состоял зятем. Однажды последний прибыл к тестю. Местные тунгусы рассказали ему, что вот, мол, среди нас поселился один якутский воин, которого мы никак не можем убить. Услышав это, зять посмеялся над их бессилием и вызвался убить Сааппа-Хосууна.

Запряг он в нарты оленей белой масти, сам тоже одел белую доху и помчался к жилищу Сааппа-Хосууна. Тот в это время стоял на водопое и долбил прорубь. Тунгус подъехал к нему почти вплотную и с расстояния длины пяти стрел начал стрелять. Сааппа-Хосуун при каждом выстреле отскакивал в сторону и стрела пролетала мимо. Тунгус начал стрелять с расстояния одной стрелы, С. Х. ловил стрелы руками и, переламывая наконечники, стержни их подавал ему обратно. Испуганный тунгус погнал своих оленей обратно, но С. Х. настиг его, схватил за косу и тотчас же отрезал ее. По обычаям тогдашних людей, допустить срезать свои волосы было величайшим позором для мужчины. С. Х., сделав свое дело, отпустил тунгуса на волю, но тот со стыда удавился тетивой своего лука.

Постоянное местожительство Сааппа-Хосууна было на речке Быдантае. Однажды, уже состарившись, он пошел в тайгу на промысел. Вернувшись домой, видит у коновязи стоит привязанная лошадь. Вошел в юрту. Оказывается, приехал его дальний родственник, молодой витязь, который собрался воевать с тюгэсирскими тунгусами. Он обратился к С. Х-ну с просьбой:

«Окажи мне помощь, поедем воевать к Тюгэсирцам, отберем у них имущество и пищу!»

С. Х-н на это возразил:

«Я в продолжение всей моей жизни не убивал людей. Кроме того, я теперь живу с ними в мире. Поэтому не могу присоединиться к тебе. Если же спрашиваешь моего совета, то не езди, там немало воинственных людей. Напрасно погубишь себя!»

Но тот не послушался его внушений и говорит:

«Тогда я еду один. Если не вернусь через три дня, то ты знай, что я убит. Поезжай туда и почти мои кости. В случае же удачи, побью их немало».

С. Х-н три дня прождал возвращения уехавшего витязя. Нет его. Тогда решил поехать к Тюгэспрцам сам и проведать о его судьбе. Добрался до одной речки, где проживали тунгусы. Все тунгусы мужчины, живущие вдоль по этой речке, были перебиты до единого, остались одни женщины и дети. Но у последнего становища тунгусам удалось собраться вместе, они перерезали тетиву лука у якутского витязя и вступили с ним врукопашную на пальмах. Якут лежал весь изрубленный, но полегли все и тунгусские воины.

С. Х-н собрал всех женщин и детей, привез к себе и стал прокармливать.

С тех пор, рассказывают, тюгэспрские тунгусы присмирели и обрели человеческое поведение.

Этот рассказ я слышал от дулгалахских якутов.

Прокопьев Иннокентий 35 лет, якут Тулагинского наслега Мегинского улуса.

§ 23. СААППА-ХОСУУН.

Саапна-Хосуун имел двух братьев. Однажды он высматривал свои сети. В это время откуда-то с южной стороны подъехал тунгус на двух оленях белой масти, запряженных в нарту. Дело было весной в девятый месяц. Саапна-Хосуун почему-то на одну ногу был бос. Тунгус обратился к нему с вопросом:

«Не знаешь ли ты Саапна-Хосууна?»

«Нет, не знаю».

«Как ты не знаешь Саапна-Хосууна, что ты за дрянь-человек? Вот я прострелю твою спину!»

«Если тебе пришло такое желание, стреляй. Как собака я сгину здесь. Кто же взыщет за это?»

Тунгус, не долго думая, стал выпускать стрелы одну за другой. Он стрелял не переставая, пока С. Х. в трех местах долбил проруби. Так много было у него стрел. Но С.-Х. каждую стрелу хватал руками и, переломив, втыкал торчком в кучу снега, что около проруби. Тунгус в страхе понужнул оленей. С.-Х., не выпуская из рук пешни, бросился за ним вдогонку. Настигнув, он схватил тунгуса за косу и стащил с нарты. Тут же пешней срезал косу и сказал:

«Живи, не велика слава убить тебя!»

Тунгус уехал. Добравшись до опушки леса, он остановился. Им овладели горестные мысли:

«Что же я расскажу товарищам и друзьям-ровестникам по поводу утраты косы? Чем оставаться жить на посмеяние равных, для порицания ближних, будет гораздо лучше удавиться здесь».

Подумав так, он удавился.

У этого витязя дома оставались мать, младший брат и сестра. Он, уезжая, заказал им:

«Если я не возвращусь к исходу этого девятого месяца, спасайте свою жизнь».

Прождали его до исхода девятого месяца. Наконец, сестра говорит брату:

«Иди-ка, разузнай в соседях про судьбу брата».

Парень пошел. Скоро он наткнулся на труп брата, висящий на дереве. Затем он нашел и оленей его, присоединившихся к чужому стаду. Возвратился домой и рассказал обо всем сестре. Та говорит:

«Брат говорил, что поедет к Саапша-Хосууну. Вероятно, это он покончил с ним. Теперь и нам самим нужно подумать о спасении».

В это время С. Х. пришел к этим тунгусам и, спрятавшись снаружи чума, прислушивался к разговорам. Сестра говорит:

«Паренек, у нас вышла вся провизия. Иди-ка за дикими оленями!»

Парень, схватив лук и стрелы, тотчас же отправился на охоту, сказав, что вернется вечером. Около полудня он уже подходил к дому, неся на спине туши четырех оленей. На берегу озера, около которого они жили, была большая лиственница, свернувшаяся набок. Парень, подойдя к этому дереву, стал озираться. Вдруг он слышит Саапша-Хосууна:

«Эй, парень, поберегись-ка, я стреляю!»

Оказывается, он улегся около проруби, спрятавшись за кучей льда. Парень, заметив С. Х-на, сбросил свою ношу и взмолился к нему.

«О, мой повелитель, какую славу заработаешь, умертвив меня? Я собирался бежать отсюда, вот и провизию себе наготовил. Теперь я в твоей власти, не могу переместиться на вершок, сдвинуться на расстояние одной четверти. Но прежде чем прикончить, разреши мне хотя бы свидеться с сестрой».

«Ты говоришь правду, не велика честь убить тебя!»

С этими словами С. Х. выскочил из засады.

«Ну что стоишь, идем к тебе!»

Схватив парня за руку, С. Х. повел его в юрту. С. Х. говорит старухе-матери:

«Твой старший сынок, видимо, глупый парень. Он напал на меня, когда я долбил прорубь. Я не хотел убивать его, отпустил на волю, срезав косу. Надо бы тебе унимать сына. Иначе, не ровен час, наткнется на острые пики, порежется об лезвие».

Ему говорят в ответ:

«О, наш повелитель, его уже нет в живых, он удавился!»

С. Х. говорит:

«Этого младшего сына оставляю у вас кормильцем. Только пусть он не вздумает тревожить меня, старого человека, чтобы порассчитаться за смерть брата».

С. Х. вернулся к себе домой. Говорят, позже один из его братьев женился на той тунгуске.

Сааппа-Хосуун считается якутом Устьянского улуса. Он жил будто бы в глубокой древности. Этот рассказ я слышал в Устьянске три года тому назад от тамошнего якута Григория Шамаева.

Даада Иван 27 лет, якут Верхоянского улуса из Дулгалаха. Постоянно живет на Омолое. Март 1924 г. Кюсюур.

§ 24. Сааппа-Хосуун.

Сааппа-Хосуун был якут, жил среди русских. В то время русские хотели окрестить князя тюгэсирских тунгусов и очень его упрашивали. Но тот ни за что не хотел креститься. Русские поймали его, заковали в деревянную колодку и посадили в темницу.

Его народ, жена и дети прикочевали и жили около города. Тунгусский князь через лазутчиков передал своим людям просьбу,—запрячь в нарты самцов, на которых он сам ездил, и проехать мимо его темницы. Те так и сделали. Когда тунгусы с запряженными оленями проезжали мимо, князь вырвался из темницы и, пробежав в колодке около 50-ти саженей, бросился на нарты. Тунгусы понужнули оленей. Он так и скрылся.

Сааппа-Хосуун раньше был в приятельских отношениях с тюгэсирским князем. Русские попросили его поймать убежавшего князя. Сааппа-Хосуун в течение трех суток гнался за князем, наконец, настиг и привел к русским. Тунгус плакался на Сааппа-Хосууна, но тот говорил:

«У меня не было иного выхода, должен был поймать тебя».

Князь, как рассказывают, наотрез отказался принять веру русских и умер в темнице от голода, отказавшись принимать пищу.

§ 25. Хаптагай-Баатыр.

Хаптагай-Баатыр был якут, жил на границе якутских и тунгусских земель. Он занимался охотой по преимуществу на тунгусской территории. Поэтому тунгусы возненавидели его и все время охотились за ним.

Однажды он убил дикого оленя, привязал всю тушу к себе на плечи и пошел домой. По пути ему пришлось развести костер. Не снимая с плеч свою ношу, он нагнулся и стал раздувать костер. В это время послышались шаги человека по снегу. Хаптагай-Баатыр поплотнее притянул к себе тушу оленя. Пришедший человек ткнул копьем в тушу оленя. К острию копья пристал кусочек оленьей печени. Хаптагай-Баатыр притворился мертвым. Ушел тунгус, думая, что убил Хаптагай-Баатыра.

Х. Б. приходит в дом и говорит жене:

«Скоро прибудут четыре тунгусских витязя и скажут тебе:

«Мы убили Хаптагай-Баатыра, собирайся и иди с нами!»

Ты скажи им: «я боюсь вашего оружия, спрячьте его подальше.». Итти с ними не отказывайся. Затем, сделав вид, что идешь за делом, выйди на двор и накрепко придави двери снаружи. А я сам ляту в юрте, ты набросай на меня сверху поленья дров. Тогда я рассчитаюсь с ними».

Взяв лук и пальму, он лег. Жена поверх его наклала поленьев.

Вот приходят четыре тунгусских витязя. Показали женщине на острие копья кусочки печени и спрашивают:

«А это что? Куда ушел Хаптагай-Баатыр?»

«Ушел промышлять. Почему вы спрашиваете, что вы сделали с ним?»

«Собирайся, мы уведем тебя с собой!»

Женщина притворилась, что будто собирается варить пищу в горшке и говорит:

«Ну хорошо, вот покушаем и пойдем. Но я боюсь вашего оружия, вынесите и спрячьте его на дворе.

Доверчивые тунгусы поспешно вынесли свое оружие наружу. Женщина вышла на двор и придавила двери юрты обрубком бревна.

Хаптагай-Баатыр тотчас же выскочил из своего прикрытия и перебил всех тунгусов. Затем отправился на их жительство, забрал людей, оленей и все, что было с ними. Присвоив это, стал жить.

Шадрин Иван Петрович 32 лет, якут 1-го Хатыгинского наслега Жиганского улуса. Булун. 11 апреля 1924 г.

§ 26. Легенда о людоедах.

Когда среди нас уже была насажена вера (под словом «вера» рассказчик, повидимому, разумеет не только христианство, но и обще-русский гражданский порядок с судами, законами и начальством), все еще существовали немирные, своевольные племена «омуки».

Наш предок Ефим Павлов исполнил обязанности князя (старосты) 1-го Хатыгинского наслега. Он имел обыкновение перекочевывать от урочища Сиктях (на Лене) к верховьям р. Оленека для промысла за дикими оленями и для снаряжения настей-ловушек. В верховьях Оленека, как рассказывают, обитали тогда омуки из племени Кэргэбил. Они будто бы ели и людей и собак, когда переносили голод. Однажды Ефим Павлов тоже выехал по своему обыкновению на Оленек и кочевал с семьей. Вдруг неожиданно в его стан пришли трое мужчин, скользя на лыжах. Наш дед знал языки тогдашних омуков. Он вступил с ними в разговор и узнал, что они из племени Кэргэбил и что вслед за ними должны прикочевать их семьи с табором. Дед, зная, что это страшные люди, был очень напуган и все время находился в ожидании внезапного нападения.

В те времена костры раскладывали вне чума и называли их «отуу». Вокруг костра стелили ветки с хвоей и это застеленное место называли «тээпкэн'ом». Мы и теперь говорим «тээпкээн огустубут». Люди, приехавшие со стороны, сразу не входили в жилой чум, как делается теперь, а оставались около костра на тээпкэне. Когда пришельцы некоторое время побыли около костра, женщины позвали их во внутрь чума кушать. Дед перевел приглашение на их язык. Вошел только старший из них, а двое других, его сыновья, остались наружи. Кэргээбил рассказал, что они переживают голод

ввиду отсутствия зверя и плохого промысла. Приступая к еде, он крикнул своим:

«Уйулгу, Джогджодой эмни!» (Так звали его сыновей).

Жуя нарезанное мясо и вкушая суп, он то и дело восклицал:

«Аллаккуо, киттиккуо!»

Этими словами он будто бы выражал радость. Вскоре прибыл их табор. Кэргээбил имел двух жен. Наши уделили им из пищи. На следующий день Кэргээбил и наш дед решили перекочевать вместе на другое место. Сам Кэргээбил, сказав женам, чтобы они перекочевали с табором, ушел в лес. Наш старик, думая, что Кэргээбил, имея двух жен, вероятно, очень ревнив, старался не пересекать лыжные следы этих двух женщин и раскинул свой шатер поодаль от них. Затем он настелил тээпкээн. Скоро пришел и сам Кэргээбил, снял свои лыжи и тростью (эмпэрэ) сорвал берестяное подножье своих лыж (исэхтэрин). Он казался очень сердитым. Старик подумал было:—«Не подозревает ли он, что мои лыжные следы перепутались со следами его жен?» Кэрээбил сказал:

«За сегодняшний день я не видел ничего из имеющих кровь» (т. е. зверя).

Наш старик обратился к тунгусу со словами:

«Скоро, вероятно, наступит оттепель и потекут ручьи, которые могут преградить нам дорогу. Поэтому со следующей остановки (суртан) мне придется перекочевать к своему постоянному жилищу. На будущий год опять выеду. У нас есть свои земли, солнце-государь и свой суд».

Омук воскликнул:

«Какая страсть, что такое «суд?»

«Суд это—наш закон и (должностная) присяга»,—ответил дед.

На это омук возразил:

«Тогда и у меня есть свой суд,—я начальствую над 60-ю людьми, которые слушаются моих приказаний. Если я повелю им убить кого-либо, они обязаны исполнить это. Хорошо, мы разъедемся».

Пора была весенняя. Хотя по ночам бывали заморозки, но днем снег уже таял. Старик тайно приказал своим людям, ехать не останавливаясь ни днем и ни ночью. Сам же, отвлекши внимание омука разговорами, хотел ускользнуть от него и нагнать своих. На следующей остановке, отправив свою семью, старик запряг в нарту двух резвых оленей и, повернув их по направлению своего пути, привязал их к пню. Затем вступил в разговор с омуком. В те времена были и деньги. Старик вручил омуку в подарок трехрублевую бумажку со словами:

«Вот деньги нашего солнца-государя».

Омук, взяв бумажку, приставил к солнечному свету. Просвечивает. Дунул, шелестит. Затем сказал:

«Это мне ни к чему, оставь ее при себе!» И отдал обратно. Солнце уже клонилось к закату, садилось на верхушки лиственниц. Старик, распрощавшись с омуком, стал пятиться назад к своей нарте. Двигаясь задом, он, развязав вожжи, взял в руки трость, которою погоняют оленей и, не оборачи-

ваясь вперед, сел на нарту. Порывистым ударом тронул оленей. Быстро помчались... Старик держал в руках свой рогатый лук. В старину луки обкладывались ротом, берестой и спинными жилами, делались из лиственничной кренн. Чтобы умерить быстроту оленей, он стал тормозить нарту луком. Но лук расщепился вдребезги. Старик успел захватить и завернуть в доху щепы лука, чтобы омук не догадался о повреждении его оружия. Повидимому, и омук очень опасался старика. Не заметив поломки лука, он не стал преследовать. Старик, нагнав своих, трое суток ехал безостановочно.

Про судьбу того омука рассказывают следующее. Он не мог упромыслить дичи и был близок к голодной смерти. Поэтому он разыскал своих людей 60 человек, которые жили под его началом. Среди них был один омук из рода Тээджэлин, проживавший со своей семьей. У него будто бы имелось кремневое ружье. Омук Кэртээбил, вынуждаемый голодом, решил порезать и съесть всех своих подчиненных. Упомянутый выше Тээджэлин успел вырваться и убежал с женой и детьми. Остальные 59 человек были убиты. Перебив их, он срезал волосы убитых, чтобы изжарить и съесть... Тээджэбил, спасшись от избиения, перебрался на соседнюю равнину «алыы» и поставил там свой чум. С той стороны, откуда должен был прибыть лодоед, он сделал прорез в покрышке шатра, чтобы следить через отверстие, и хорошую лайку привязал к нипгэ (название места около шатра, где рубят дрова). Он окарауливался всю ночь напролет. На расстоянии ружейного выстрела от его чума стояла толстая лиственница. Утром рано, когда занялась заря, залаяла собака. Хозяин осторожно вышел наружу и, отвязав собаку, ввел ее в чум. За толстой лиственницей мелькнуло лицо человека, опять показалось и исчезло. Тот видимо прислушивался. Улучив момент, когда он, высунувшись, задержался на некоторое время, Тээджэбил выстрелил в него из своей кремневки. Тот повалился навзничь. Тээджэбил побежал. Пуля угодила прямо в лоб. Лежал мертвый. По прошествии времени, необходимого, чтобы выкурить трубку, прибежали два сына, восклицая—«аллака, китикко». Тээджэбил поймал этих парней. Он повез их на Вилой и сдал князю Самойла, предупредив, что они из немирных племен. Власти же (повидимому, речь идет о якутских родовых властях) решили прикрыть это дело, боясь, что (русское) начальство будет принуждать их ловить эти немирные племена.

«Где мы возьмем такую силу, чтобы изловить их всех».—Говорили они и оставили все шито-крыто. (Т. е. не донесли русской власти).

Этот рассказ я слышал от своего отца.

Предыдущий сказитель. С. Булун. 11 апреля 1924 г.

§ 27. Мудрая дева.

Жил старик с сыном. Звали его Кураах-Мэнгэл. Его жена умерла. Сын, хотя и полоумный, тем не менее был энергичный и мужественный человек.

Однажды этот старик поехал на верховом олене вниз по какой-то речке. Вдруг он наехал на небольшой чум. В чуме жили старик и старуха с дочкой. Домохозяева, сварив в маленьком котелочке мясо, поставили перед го-

стем суп. Готовила дочка. Старик-гость, сев за стол, обратился к хозяйской дочери с такими словами:

«Милочка («тыгыым»), ты хорошо приготовила пищу. Скажи-ка мне, ты наливала суп, считая по ложке, или же сообразуясь с количеством мяса?»

Девица возразила ему:

«Старик, знаешь ли ты, сколько шагов сделал твой олень от дома до нас? Если ты сосчитал шаги своего оленя, то, наверное, и я считала сколько раз черпала ложкой, если же ты не считал шагов оленя, то и я вряд ли следила за тем, сколько раз черпала ложкой».

Старик не нашелся возразить что-либо девице и замолк. Дальше, беседуя с домохозяевами, он сообщил, что с сыном живут сиротливо, без хозяйки, некому у них справить одежду и прочее. В заключение старик сказал:

«Если вы останетесь в этом месте до завтрашнего дня, то я еще раз навестил бы вас?»

Те ответили, что поживут еще. Старик поспешно приехал к себе и рассказал сыну о своем посещении старика со старухой и об их замечательной дочке и добавил—«было бы не худо посвататься ее».

На следующий же день отец с сыном на оленях во весь дух примчались и посватались. Старик и старуха ответили:

«Ну что же, пусть будет так, согласны отдать свое дитя, а сами переселимся к своим родичам».

Итак породнились и девица переехала к мужу. Зажили. Однажды старик Кураах-Мэнгэл и сын порознь пошли на охоту. Старик повстречался с людьми одного племени, с которыми он издавна находился во вражде. Поймали его и прикрутили ремнями к наклонно растущему дереву («таахаи мас»). Собрав под деревом кучу гнилушек, подожгли, чтобы старик задохся от дыма. Старик попросил (у врагов) разрешения сказать слово. Те согласились выслушать. Он сказал им:

«У меня дома остался сын. Вы передайте ему от меня таковые слова:

«Нашел я приятелей, с которыми жил в мире и в постоянном согласии... Будучи не в состоянии совладать со своей силой, качусь горшком, не умея сдержать порыв ретивого сердца, начал играть с молодой лиственницей».

Затем скажите ему еще:

«Когда он станет, обернувшись лицом прямо на восток, увидит две березовые рощи. Пусть как можно скорее он срубит верхушки этих берез и принесет ко мне... Затем, если взглянет на запад, увидит густую чащу молодых лиственниц. Пусть срежет их верхушки и принесет ко мне. Дальше, мой острый топорик, что лежит у меня под подушкой, вряд ли что уразумеет. Если что сможет понять, то поймет мой белый камень, который лежит у меня под красной нарой».

Враги, услышав эти слова, быстро решили между собой:

«Эй, нужно ехать и передать все это!»

И отправили двух витязей с несколькими воинами. Через два дня они уже были в юрте старика. Сына дома не застали. Передали его жене заказ старика. Спрашивают у ней, как понять слова старика. Женщина говорит им:

«Подождите, пусть придет мой муж. Он срежет то, что ему поручено. Сами увидите».

Наконец, пришел сын. Жена передала ему поручение отца. При этом она истолковала смысл иносказания старика так:

«Будучи не в состоянии совладать со своей силой, качусь горшком, не умея сдержать порывы своего сердца, начал играть с молодой лиственницей»—значит:

«Меня привязали к наклонно растущему дереву и, разжегши подо мной костер из гнилушек, обкуривают дымом».

«Говоря о двух растущих березовых рощах, головы которых нужно срубить», он предлагает тебе отрубить головы этих двух витязей. А, говоря о густой чаще молодых лиственниц, он разумел войско этих витязей». Острый топорик, который у меня под подушкой,—это ты. В самом деле, разве ты сам что-либо уразумеешь? Под «белым камнем, лежащим под красной парой», он разумел меня, рассчитывая, что я пойму значение его слов. Ну, скорей готовься и приступай к делу!»...

Муж, не долго думая, отрубил головы двух витязей и истребил их воинов. А затем отправился спасать отца. Когда он прибыл, старик-отец вопил благим-матом, задыхаясь от дыма. Сын тотчас же подскочил к нему и, разрезав ремни, бросил отца в снег. Начал биться с врагами. (Северные якуты говорят «кэйсэр» дословно бодаться, колоться). Всех перебил.

Таким-то образом этот старик, благодаря умной и рассудительной невестке, спасся от неминуемой беды. Тут конец рассказу. В старину это рассказывал мой отец. Он умер, перевалив за восьмой десяток лет.

Харчыыкаан Николай Данилов 88 лет. Р. Оленек местность Сардаах. 24 апреля 1924 г.

§ 28. Племя Майаат.

Когда-то в древности пришло на Оленек одно племя, именуемое Майаат, столь же многочисленное, как шерстинки на шкуре оленя белой масти, а количества шерсти оленя черной масти даже нехватило бы, чтобы пересчитать всех майаатов. Обозрев с высоких берегов земли, прилежащие к Оленеку, они будто бы сказали:

«Жеребенка дикого оленя, стоящего на том краю равнины, возможно бы застрелить отсюда. На этакой земле не вместится потомство даже одного сиротинки».

Они двинулись вниз по реке и поднялись на ближайший хребет. Там на реке плавал на ветке один человек. Заметив наверху людей, он крикнул—«кто вы такие?»

«Мы племя Майаат, пришли с намерением, истребив здешних людей, поселиться тут». Ответили сверху. Человек на ветке возразил им:

«Эй, я ведь здешний витязь, сумейте-ка поймать и убить меня!»

Взяв на плечи свою ветку, он побежал на гору по крутому склону. Поднявшись, скрылся. Не могли его поймать. Майааты пошли через хребет и наткнулись на сотню самострелов. Сто человек из них тут же погибли. Одному из них стрела самострела переломила ногу. Тот человек отрубил раненую ногу по колено и отбросил прочь, сказав:

«Если попадаешь на такую пустяковину, незачем тебе и лежать со мной!»

Пошли дальше по Оленеку. Наткнулись на три чума местных жителей, тунгусов. Слышно было камлание шамана. Увидев майаатов, эти люди разбежались. В местности Туманнаах Тюбэтэ майааты заметили что-то вроде огромного амбара. Тут же около виднелось много тунгусских чумов, их было целая сотня. Заглянув в чумы, они нашли одних женщин. Когда разглядели амбар, оказалось, что он был сложен из кожаных матага, наполненных сушеным оленьим мясом, так что он был непроницаем. Внутри этого сооружения, было слышно, кузнецы ковали, другие строгали. Майааты крикнули: «Выходите, будем биться из луков!»

Оттуда выскочил один человек и сказал:

«Я был выше ростом всех прочих, имел выпуклые мышцы, поэтому прозвали меня «Кунгнаан-Витязь».

Вслед за ним выскочил высохший, маленький человечек и едва слышно ступил на землю. Не взирая на свой рост, он имел отличное вооружение.

«Хотя и много вас, довольно будет и нас двоих. Меня зовут Ишиччэ-Витязь. Когда будете умирать, знайте, что погибли от носящих эти имена».

Начал стрелять Кунгнаан-Витязь: люди повалились точно стелющаяся трава. Другой стал пускать стрелы, ни одна из них не пролетела мимо цели. Майааты, окружив Кунгнаан-Витязя, начали обстреливать его. Но у него была непроницаемая для стрел железная броня, подмышки были прикрыты дощечками, обклеенными кожей лося. Такие же дощечки прикрывали его руки. Майааты пришли было под вечер, а на следующий день еще до заката солнца они все полегли. Ишиччэ-Витязь, как только выходили стрелы, заскакивал в свой амбар и вытаскивал новую кучу. А Кунгнаан-Витязь не исчерпал и охапку, вынесенную в первый раз.

Так-то исчезли Майааты, об них и слух пропал.

Этот рассказ я слышал от старика Юрюнгэй-Борогон, наслега Чорду, живущего около озера Есей.

Стручков Степан, якут 2-го Хатыгинского наслега Жиганского улуса.

§ 29. Старуха-Витязь с двойными ножнами.

Старуха-Витязь с двойными ножнами однажды пошла искать витязей (чтобы вступить с ними в состязание). Вдруг неожиданно из-под ее ног с

криком «хабиэх» вылетела одна куропатка. Старуха-Витязь вздрогнула, по привычке ёмпрэчэк, (нервно-больные, повторяющие чужие слова или действия) подхватила крик куропатки «хабиэх» и тут же, вытащив из двойных ножен свой острый ножичек, перерезала себе горло и померла.

Вот такая-то старуха, рассказывают, тоже ходила, ища встречи с витязями.

Он же. 20 апреля 1924 г.

§ 30. Старуха Таал-Таал.

Старуха Таал-Таал, торопливо семеня ногами и трепыхаясь, шла по скользкой ледяной поверхности. Вдруг она, поскользнувшись, грохнулась на лед, сильно ушибла селезенку и завела такую беседу:

«Эй, лед-лед, силен ли ты?»
— «Силен, да еще как!»
«Ну, а солнечные лучи почему же светят сквозь тебя?»
— «Солнца-солнышка лучи ведь сильнее меня!»
«Эй, солнца-солнышка лучи, сильны ли вы?—
— «Ну, конечно, сильны!»
«А как же тогда тучи-тученьки закрывают вас?»
— «Тучи-тученьки ведь сильнее нас!»
«Эй, тучи-тученьки, сильны ли вы?»
— «Еще бы, конечно, сильны!»
«А почему же тогда ясного неба ветра так треплют вас?»
— «Неба-неба ветра знать сильнее нас!»
«Эй, неба-неба ветра, сильны ли вы?»
— «Конечно, сильны!»
«А почему же тогда меж двух утесистых гор
Так бессильно сопите вы?»
— «Утесистые горы, знать, сильнее нас!»
«Эй, утесистые горы, сильны ли вы?»
— «Ну, конечно, сильны!»
«Если так, то почему землеройка-мышь буравит
И проходит сквозь вас?»
— «Землеройка-мышь, знать, сильнее нас!»
«Землеройка-мышь, сильна ли ты?»
— «Ну, конечно, сильна!»
«Если так, то почему же тогда босоногая дева
Может ножкой прижать тебя?»
— «Босоногая дева, знать, сильнее меня!»
«Эй, босоножка-дева, сильна ли ты?
— «Ну, конечно, сильна!»

Вот так-то босоножка-дева оказалась сильнее всех.

Он же Стручков.

§ 31. Тонооско-Лгун.

Тонооско рассказывал:

«Пошел я осматривать свои сети. Пешню воткнул было в снег. Немного погодя, обернувшись, вижу—на кончике ручки пешни уселись уже семь сов».

«Однажды запряг в нарту двух диких оленей. Одна была яловая самка, а другой трехгодовалый самец. Последний, чертенок, был уж очень уросliв».

«Как-то я ловил сюллюкюнов (духи воды, выходящие из озер в крещенские дни), сдирал с них кожу, которую употреблял в тяжи для оленьих лямок. Вот прочность-то, замечательно!»

«Однажды пошел осматривать свои пасти. Вижу—в одну из них попалась щука. Наверно, вода прибыла и залила пасть, щука и угодила в нее».

«Здешний народ не умеет находить пищу. Если олений помет смешать с пеной воды, ведь получается отменное кушанье. Да и выжми из кишек налима все то, что там есть, наруби на кусочки и ешь. Это тоже замечательная еда!»

Легенды о бородатом народе.

Винокуров Афанасий Чонгку 62 лет, якут I-го Батулинского наслега Жиганского улуса.

§ 32. Первый вариант.

Один человек в районе «Русского Устья» объезжал свои пасти и заблудился. Ночью на берегу моря он набрел на человеческое жилье. Обитатели держали в качестве собак белых медведей. Промышленник ездил на собаках. Расставив их у самой дороги, он опрокинул нарту набок и укрепил ее тормозом. Осторожно открыв дверь, он вошел в дом... Направо от камелька один, лежа на постели, сказывал былину. (Другие рассказывают, что этот человек, войдя в дом, нашел нару девушки, лег к ней на постель и даже вступил с ней в любовную связь. Тело девушки, будто бы, было покрыто волосами. Девушка дала ему шкуру морской черной собаки и посоветовала тотчас же уходить, ибо иначе ее люди убьют его). У этого человека за пазухой имелись древесные стружки. Бросив пучок стружек на тлеющий очаг, он осветил помещенье. При ярком свете он увидел сказочника, у которого одеяло было спущено до мочки грудей. Лицо его сплошь было покрыто волосами, так же и груди. Тотчас же он бросился обратно к выходу. Тут же раздались крики:

«Вставайте, пришел мошенник!.. В нашу страну не могли бы притти двуногие... Кто это, кто?..»

А между тем промышленник успел сесть на нарту и помчался, что было мочи в его собаках. Следом за ним погнался один верзила, вышиной не менее сажени. Он догнал было и ухватился обоими руками за последние ко-

нылья нарты. Но собаки бежали так стремительно, что в руках преследователя остались лишь сорванные с места копылья. Великан прокричал:

«Божие дитя, ты улетело к богу,
Солнечное дитя, ты улетело к солнцу!
Я тебя всенепременно умертвил бы».

Промышленник, проблудив, разыскал свой дом и рассказал людям о своем приключении. Люди, прослушав его рассказ, сказали:

«В древности существовал бородатый народ. Ты, наверное, набрел на них».

У нас рассказывают, когда будет найден бородатый народ, то должно быть с ними великое сражение... От их крови возгорится пламя. Наступит последний век (Мунгур юйэ) и переворот как на небе, так и на земле («сиҥ тангара эргийэрэ»). Вся земля будет объята пламенем.

«О, как бы этот народ остался не разысканным», говаривали мои родители, отец и мать. Этот рассказ я слышал, будучи еще отроком, от своего деда.

Шемяков Афанасий, якут 3-го Хатыгинского наслега Жиганского улуса.

§ 33. Второй вариант.

Один промышленник остался на островах «Новая Сибирь» на зимовку, чтобы поохотиться на песцов. Однажды он поехал на собаках осматривать свои ловушки-пасти. Вернулся он поздно вечером. Была лунная ночь. Из трубы его жилья вылетали искры, на дворе лежали две собаки величиной с волков, тут же была и их нарта. Это обстоятельство очень удивило промышленника, ибо он не ожидал встретить в этих местах другого человека. Привязав своих собак, он вошел в юрту. Пред очагом сидел человек громадного роста, лицо которого сплошь было покрыто волосами. Целую ногу дикого оленя он воткнул на рожон и жарил. Промышленник сердито обратился к нему:

«Кто тебе разрешил располагаться тут и изводить запасы дров?»

Незнакомец продолжал сидеть молча, не обращая внимания на его слова. Промышленник подошел и ударил. И это на него не подействовало, он сидел неподвижно, точно был деревянный. Когда промышленник снова подошел и начал сыпать удар за ударом, великан схватил его за шиворот, привлек его к себе и стиснул между ног. Тут промышленник взмолился:

«Приятель, я поступил ошибочно, будь добр, освободи!»

«Зачем же ты, впервые видя человека, вздумал драться? Если пообещаешь больше не драться, отпущу».

Освободил. Съев зажаренное мясо, великан стал собираться в дорогу. При этом он сказал:

«Пока я не уеду, ты не выходи на двор и тем более не вздумай следовать за мной».

Вышел и уехал. Промышленник, подкрепившись пищей, решил поехать следом за своим странным гостем. Была лунная и тихая ночь. Незна-

конец поехал прямо в море. Заложив в нарту 15 собак, промышленник помчался. На льду снега хотя и не было, но тормоз незнакомца глубоко прорезал лед, показывая его дорогу. Промышленник мчался по следу три дня и три ночи. Наконец, пред ним в темноте обрисовалось очертание берега. Вступил на землю. Повсюду были заметны следы людей. Дорога пошла вверх. Поднявшись на горку, он увидел множество домов. У самой дороги был один дом. Промышленник остановил здесь своих собак. Поворотил нарту и собак, расположил последних так, чтобы они в одно мгновение были готовы к отъезду.

Вошел в дом. Попал в темные сени. Наощупь заметил, что тут была развешана разная меховая одежда. Приотворил внутреннюю дверь и тихонько вошел в дом. Было темно, обитатели уже были на постелях, но один из них пел и другие изредка подбадривали певца возгласом «ноо». (У северных якутов былины сказываются и слушаются, лежа на постели). У нары, что бывает при входе около дверей, он ощупал ровдужный занавес. Отовсюду неслся храп спящих людей. У промышленника за пазухой имелись пучки стружек для разжигания костра. Из кучи дров он схватил одно полено и, прищемив к нему стружки, сунул в пепел очага. Через мгновение стружки вспыхнули и осветили внутренность помещения. Около передней нары на полу лежал длинный человек и пел, налево был виден занавес, на другой наре лежали двое. Около двери за занавесом было слышно дыхание человека. Промышленнику показалось, что за этим занавесом лежит одна женщина. Он, не долго думая, раскрыл занавес и пощупал. В этот момент лежащий схватил его руку и, крепко стиснув, привлек к себе:

«Кто ты и откуда пришел?» «Ой, холодно, позволь прилечь к тебе!» Промышленник силком улегся и сказал:

«Я человек белого царя».

Женщина возразила ему:

«Коли так, то напрасно попал к нам».

«Но что вы за народ?» Спросил промышленник.

«Разве ты не слышал про людей (или племя), тело которых покрыто волосами? Мы и есть тот самый волосатый народ».

Тут промышленник ощупал на груди женщины волоса. Женщина сказала: —

«Ты не мешкай, уходи сейчас же. Здесь живут страшные люди».

«Позволь мне еще полежать с тобой».

«Нет, уходи, иначе погибнем оба».

Она откуда-то достала кожаный мешок и дала ему, говоря:

«Это за твои труды, за то, что приезжал к нам... Иди!»

Промышленник, подумав, и сам решил, что благоразумнее будет уходить. Осторожно встал. Мимоходом из кучи дров он выхватил полено и кинул его в передний угол юрты. Выбежав на двор, он бросился на свою нарту и гикнул на собак. На спуске, тормозя нарту, он услышал под собой треск и тут же заметил, что две задних копылья нарты были сорваны. Оберну-

шись назад, он заметил на спуске фигуру громадного человека, который вслед ему прокричал:

«Дитя солнца, ты улетело к солнцу, божье дитя, ты улетело к богу! Радуйся тому, что я вышел голым»...

Промышленник, добравшись до своего жилья, побоялся оставаться на острове и тотчас же переехал в Устьянск. О посещении волосатого народа он рассказал людям только перед смертью.

Волосатое племя должно обнаружиться лишь в последний век, когда начнутся войны. Барон Толль, говорят, искал этот волосатый народ и пропал без вести.

Белоусов Николай Дмитриевич, якут Хамагаттинского наслега Намского улуса, Урочище Кюсююр. 1924 год.

§ 34. Третий вариант.

В старину казак Цыпандин на островах «Новая Сибирь» промышлял песцов. Однажды, возвратившись в свой стан, он увидел на дворе парту, в которую были запряжены пять собак, на парте лежали туши трех волков. Войдя в свою урасу, он увидел человека огромного роста с бородой, который, сварив в котле мясо, закусывал. Цыпандин внес со двора хаһьах (род сливочного масла якутского приготовления). Незнакомец обратился к казаку с просьбой поделиться с ним из этой пищи. Попробовав хаһьаху, он сказал:

«О, оказывается, вы едите очень вкусную пищу!»

Затем спросил:

«Вы—люди белого царя неужели все такого же маленького роста, как ты?»

Сам Цыпандин, однако, был саженного роста. Он ответил ему:

«Нет, это только я случайно уродился таким маленьким».

Незнакомец, по обычаю охотников, преподнес Цыпандину в дар туши трех волков. Затем сказал:

«Я принадлежу к бородатому племени, однако, ты не вздумай ехать по моим следам. Ничего доброго не получишь!»

Но Цыпандин после его отъезда решил пуститься вслед за незнакомцем. Заложил в парту 12 собак и поехал. Незнакомец поехал прямо в открытое море. Через сутки казак наехал на костер. Пепел был еще теплый. На вторые сутки тоже увидел след костра, но пепел уже давно был остывшим. На третьи сутки, когда уже стемнело, казак завидел впереди что-то темное. Подъехав ближе, он увидел на пригорке множество домов-рубленков. Около одного дома стояла парта, на которой приезжал незнакомец. Цыпандин повернул своих собак, приготовил их к отходу. Вошел в избу. Перед дверью была пекарная печь, а на печке было положено что-то, издававшее яркий свет, величиной с кулак. Подойдя ближе, казак рассмотрел, что издавал свет какой-то камень. Взял камень и сунул себе в карман. За печкой на наре спала молодая женщина. Казак, не долго думая, юркнул к ней под одеяло. Женщина, проснувшись, спросила—зачем он явился в их край.

Цыпандин ответил, что к нему заезжал один человек и сказал, что у него есть сестра... Вступили в связь. Девушка на прощанье достала из-под подушки что-то черное и дала казаку. Она предложила ему тотчас же уезжать, ибо ее брат, если проснется, то убьет его. Девушка, подхватив казака себе в подмышки, вышла на двор и отпустила. Казак побежал к нарте и помчался... Сзади раздался страшный крик и один человек, подбежав, ухватился руками за последнюю перекладину нарты. Казак гикнул на собак. Преследователь остался на месте, изрекая по его адресу угрозы. Цыпандин, приехав домой, разглядел подарок девушки. Оказывается, она дала ему шкуру чернобурой лисицы. Через три-четыре года Цыпандин вторично ездил на то место, где нашел бородатых людей. Но их там не оказалось. Они съехали на другое место. Цыпандин, будто бы, только перед смертью у исповеди рассказал о посещении им бородатых людей.

Рассказывают, что бородатый народ будет открыт лишь по наступлении последнего века и что один из этого народа будет избран царем.

РАССКАЗЫ О ДИКОМ ЧЕЛОВЕКЕ «ЧУЧУНА».

§ 35. Винокуров Афанасий.

Чучуна-человек, питается охотой на диких оленей. Ест он мясо оленей в сыром виде. Говорят, с дикого оленя он целиком сдирает шкуру, как мы снимаем шкуру с песца. Эту шкуру натягивает на себя. Когда шкура ссохнется на теле, чучуна заводит себе новую одежду. Он будто бы живет в норе наподобие медведя. Голос у него противный. Люди встречают его весьма редко. Часто видят его убегающим... Бежит с быстротой птицы. Чучуна бродит в-одиночку, завидев человека, тотчас же убегает.

§ 36. Шемяков Афанасий.

Про чучуна у нас рассказывают, что это, должно быть, одичавшие чукчи. Чучуна, завидев человека, убегает или начинает стрелять. Он, будто бы, имеет деревянный лук и пальму. Одежда его—шкура дикого оленя, снятая целиком. Чучуна эту кожу натягивает на себя в сыром виде. Лицо чучуна черное, в нем нельзя разобрать ни носа и ни глаз. Чучуна видят только в летнее время, зимой он не бывает. Говорят, он делает себе запасы (пищи), собирая мышей. Голос у него очень плохой, хриплый и трескучий. Свистит, пугает людей и оленей. Далеко на востоке в тундре жил богатый чукча Ара-арап. Он, будто бы, рассказывал, что вдвоем с одним товарищем, превратившись в чучуна, ходил по речке Джардаан (впадает в Лену с восточной стороны ниже Жиганска).

§ 37. Борисов Иван, тунгус Эженского наслега Жиганского улуса.

Мээлкээн—дух земли, похож на человека, но лицо черное-пречерное, всегда самец. Отличается замечательной быстротой в беге. Когда увидит человека, прячется. Ловит домашних оленей и спутывает им тальниками ноги.

Это то же, что и злой дух (абаасы), но с просьбой о даровании удачи в промысле к нему не обращаются.

ВИЛЮЙСКИЕ ЛЕГЕНДЫ О БОРОДАТОМ НАРОДЕ.

§ 38. Попов Иннокентий Егорович 58 лет, якут Хаданского наслега Хочинского улуса. 27 марта 1925 г.

Рассказывают, что где-то существовало шерстистое или волосатое племя. Один охотник, забравшись вдаль, очутился в бедственном положении и прозимовал среди людей с шерстистыми лицами. Этот охотник будто бы рассказывал, что он, как промышленник, превосходил этих волосатых людей. Те чуть его не убили, он вырвался и бежал. Один из шерстистых погнался за ним, но был убит охотником. По словам последнего, когда он стал под прикрытие дерева, в него (т. е. в дерево) воткнулись подряд семь стрел.

Про этого охотника говорят, что он был из тунгусов-чуччума. (Это место непонятно. Очевидно, рассказчик употребил «чуччума» вместо «чуччунаа).

§ 39. Потапов Егор Ефимович 55 лет, якут 2-го Юёдюгейского наслега Верхне-Вилюйского улуса. 4 марта 1925 года.

В древности жил якут по имени Джирэнгсэ-Боотур. Однажды он на двух оленях, запряженных в нарту, ездил вверх и вниз по р. Оленеку в поисках дичи-зверя. Вечером, возвращаясь к себе на ночевку, он заметил на льду реки прорубь и след, как бы кто-то проволок по снегу обрубок бревна. Поднявшись на пригорок, он увидел три урасы, снаружи весьма изрядно отделанные. Войдя в первую урасу, он увидел старика и старуху с седыми волосами, которые показались ему тунгусами. Они с большим удивлением встретили Джирэнгсэ-Боотура и сказали:

«Ба, ты, человек средней земли, зачем пришел к нам? Сейчас же уходи. Наш сын очень сердитый человек. Он теперь на охоте, коль скоро вернется, тебе живым не выбраться».

Охотник выскочил наружу, но ему захотелось заглянуть в среднюю урасу, которая выглядела еще наряднее первой. Он подумал, что здесь обитает дух темного леса Баай-Байанай. Вошел и видит женщину прекрасной наружности, которая тоже встретила его с большим удивлением и выразила сожаление, что он напрасно явился в эти места. Она подала охотнику две кожаные тунгусские корзины, туго набитые чем-то, и сказала:

«Вот используй это и будь человеком (в смысле зажить счастливо, обзавестись хозяйством). Однако, ты не должен рассказывать ни одному человеку (ураангхайга), откуда получил это. Уходи не медля, скоро придет мой старший брат. Он человек очень дурного нрава».

Джирэнгсэ-Боотур сунул корзину в свою нарту и помчался. Но, отъехав поодаль, он опять раздумал и решил еще раз взглянуть на ту женщину.

Повернул оленей. Когда подъехал к жилью, женщина была на дворе. Она, махая руками, сказала:

«Не медля уходи, ибо мой брат уже сидит дома, иначе лишишься света белого солнышка».

Едва он успел повернуть оленей и спуститься с подъема, как сзади навалился на него кто-то теневодобный и раздался треск нарты. Джирэнгсэ сдвинулся на перед нарты. Преследователь уже успел схватить одну из корзин и сорвал заднюю половину нарты. Вслед за этим раздался зычный крик:

«Эй, человек средней земли, если ты еще раз повернешь свою голову в нашу сторону, пусть лопнет твоя шея, если захочешь снова притти к нам, пусть вывихнутся твои суставы, ибо мы духи темного леса Богатые Байанам».

Джирэнгсэ уехал. Привезенная им корзина была битком набита черными отборными соболями. И тот человек, рассказывают, разбогател и зажил хорошо.

Этот рассказ я слышал от якута Чукарского наслега Нюрбинского улуса Давида Никифорова лет 20 тому назад. Он говорил, что слышал рассказ от очень старых людей

СЛОВАРЬ
ОСОБЕННЫХ СЛОВ (ПРОВИНЦИАЛИЗМОВ) В ГОВОРЕ ЯКУТОВ—ОЛЕНЕВОДОВ

ПРИНЯТЫЕ В СЛОВАРЕ СОКРАЩЕНИЯ.

Анаб.—говор якутов Туруханского края, кочующих в низовьях р. Анабара.
Ач.—наречие ачеульских тунгусов (Верховья Лены).
Аян. Н.—наречие аяно—нельканских тунгусов.
Баргуз.—наречие баргузинских тунгусов.
Брант.—говор объякученных тунгусов Брангатского рода, образующих наслег того же названия в Хочинском улусе. (Верх. Вилюй)
Бельт.—язык Бельтир Минусинского края в Хакассии.
Верх. лам.—наречие ламутов или тунгусов (эвенов) Верхоянского края.
Верх. ул.—говор якутов Верхоянского улуса.
Верхн. Ангар.—наречие тунгусов, кочующих в районе р. Верхней Ангары.
Витим.—наречие витимских тунгусов.
Дагур.—дагурское наречие. (Дагуры—тунгусы, но говорят на одном из монгольских наречий).
Долг.—северный якутский говор у долган Туруханского края.
Ес.—северный якутский говор в районе оз. Есей Туруханского края.
Жиг. ул.—говор северных якутов Жиганского улуса. (Низовья Лены и р. Оленека).
Илимп.—наречие тунгусов Илимпейской тундры Туруханского края.
Конд.—наречие тунгусов Кондагирского рода. (Верх. р. Ниж. Тунгуски).
Лам.—ламуты Верхоянского края.
Манч.—письменный манчжурский язык.
Маст. ул.—северно—вилюйский говор в Мастахском улусе.
Мемел.—наречие тунгусов Охотского края Мемельского рода.
Монг—монгольский язык.
Неман.—наречие тунгусов Амурского края в районе Неманских приисков.
Олен.—северный якутский говор в бассейне р. Оленека.
Омол. як.—верхоянские якуты, живущие в бассейне р. Омолоя.
Охот.—наречие тунгусов Охотского края.
Панкаг.—наречие тунгусов Панкагирского рода. (Ниж. Тунгуска).
Русс.—русский язык.
Сев. як.—северные якуты оленеводы.
Тунг. или т.—тунгусы.
Тутур,—наречие Тутурских тунгусов (Верхняя Лена)
Тюгэс.—наречие тунгусов или ламутов Тюгэсирского рода Верхоянского края.
Устьян. ул.—северный якутский говор в Устьянском улусе.
Чапог.—наречие тунгусов Чапогирского рода (Ниж. Тунгуска.)
Юж. як.—южные якуты—скотоводы.
Як.—якуты, якутский язык.

СОКРАЩЕННЫЕ ССЫЛКИ НА НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ПО ИХ АВТОРАМ

Бимбаев.—„Монгольско—русский словарь". Изд. 1914.
Катанов. „Опыт исследования урянхайского языка". Казань. 1903 г. Приложение. Словарь.
Пекарский. „Словарь якутского языка". Акад. изд.
Подгорбунский.—Русско монгольско—бурятский словарь. „Иркутск. 1909.
Поппе.—1) „Материалы по солонскому языку". Изд. Акад. Н. 1931. 2) „Дагурское наречие". Изд. Акад. Н. 1930.
Радлов.—„Опыт словаря тюркских наречий"
Титов. „Тунгусско—русский словарь". Иркутск. 1926.
Звездочками помечены слова северного якутского говора, позаимствованные из разных тунгусских наречий.

А

Абалаа (Анаб.) — ругать, поносить.

Абаратар — колоть дрова.

*Абылакаан** — название оленя-самца на втором году. Маст. ул.—тоже. У тунгусов Конд. Илимп.— авалакаан, у Тутур.—авлакан (Титов), у Аян. Н.— тоже.

Адага (Жиг. ул.)— обрубок дерева, к которому прикрепляется цепь или железн. полоской капкан на песца или волка.

Айыы москуойкаан (Анаб.)— отличный, хороший. В том же смысле употребляется и *москуй—боскуй*. От русс. „московский".

Айыысыт—шкурка зайца или пучок конского волоса, которые вешаются при родах женщины на три дня. По истечении этого срока А. хранится среди вещей. Обычай распространен повсюду среди северных якутов, отчасти и в Верх. улусе.

Аал (Верх. ул. на Быдантае)—плот. Тоже в верховьях Вилюя среди объякученных тунгусов Бранг. рода. У юж. як. „аал"—судно, большая лодка, паузок. У урянхайцев „сал"—плот (Катанов).

Ала — плоский длинный ремень оленьей упряжи. Один конец ремня продевается между передних ног оленя и перекидывается у основания шеи, образуя петлю. Другой конец ремня продевается через дужку нарты и тем же порядком надевается на другого оленя.

Алха (Олен.)— молоток. У бурят и монголов —„алха-алхо"— молот. (Подгорбунский). Илимп. „салка"—молот.

Алыы — равнина среди леса, гор, ровное место. Маст. ул.— тоже.

Алып— хитрость, обман. У юж. як сохраняется в виде слабого пережитка

*Амаркана** — шестилетний олень-самец. У Илимп. Конд. Лам. Неман.— 5-ти летний самец. У Бранг.—амархана.

*Амаса**— особый род пищи из мяса и жира дикого оленя.

Аматтан—с самого начала, с первого раза.

Амачаан – легко, не страшно, пустяки. Говорят о больном „амачаан", желая выразить этим, что он чувствует себя хорошо

Амыдай—заяц. У юж. як. сохранилось понятие „амыдай аса" — пища амыдая, говорится о землянике (См. Пекарский).

Анньыстаах омук—племя, живущее войной и не признающее установленных властей. Легендарное—представление. См. „кэйсинлээх омук".

Ара — обычное восклицание, выражающее либо удивление, либо утверждение, иногда же употребляется в смысле — постой, погоди. Ара буоллун—ну, пусть будет так!

*Араан** (Олен.) — 1) след очага и чума, где провели ночь. 2) то же, что сурт у жиганских якутов. См. дальше. 3) Железный лист, подкладываемый под очаг в летнее время (См. латуун). У Илимп. „сараан"— очаг. У Витим. тунг.—аран, саран—место для юрты. (Титов).

Арангас—навес на четырех столбах для складывания домашнего скарба.

Арбагас (Олен. Жиг. ул.) — старое пальто из оленьей шкуры, дошка, у которой стерлась и вылезла вся шерсть.

Арбами (Олен.)— домашний олень, освященный шаманом, т. е. посвященный духам.

Арбыйа (Жиг. ул. Олен.)—Железное орудие наподобие копорули для долбления ветки — однодеревки. Насаживается на кривое, дугообразное топорище.

Аргыс — рыба, запасенная на зиму в период тепла и сильно пахнущая. Тоже в Север. Вилюе и в Намском улусе.

Ат-баса (Олен.)—род, то же, что у остальных якутов „ага-ууса". В улусах Южного Вилюя „ат-баса" тоже род.

Ата — волос, который растет на нижнем выеме щиколотки оленей. Аян. Н—тоже.

Ача, ачата—жир с кишек оленя.

*Ачаруун** (Верх. лам. и омол. як.) — верхняя часть кожаной покрышки чума, то же, что „юнюкээн" у сев. як.

Ачаах (Жиг. ул.) — средняя часть юрты и чума, (Олен.) — то же, что „суонан". (См. суона).

Э.

*Эбэрэ** (Анаб. Долг.)— длинные камазы из шкуры оленьих ног.

*Эбгэрэ**— 1) См. „дапсы". 2) деревянное кольцо, перетянутое ремнями, надевается на трость лыжника для упора о снег. У тунг. Сев. Байк.— овгура (Титов), у Конд. Нэбгура, у Бранг.—ёнггюрэ, у Аян. Н.— эбгюрэ.

Эгэл вм. агал—дай, принеси. Обычное произношение объякученных тунгусов.

Эгэсэ (Жиг. ул.)—две палки, служащие подпоркой при стрельбе из ружья. На Олен.— палка, на которую насаживается лук самострел, настораживаемый на зверя.

*Эджигээн** (Верх. лам.)— так называется вся та страна, которая имеет покатость к Лене с водораздела с Яной. У Аян. Н. тунг. „эджэгэн"— вообще страна и люди нижнего течения рек и речек.

Элэм, элэтэ — все, что я или он имеет, могу, может, в состоянии дать, сделать. Элэ сюрэгим—это моя единственная любовь, мое сердце, душа, все, что есть дорогого на свете. Элэтин сылльар—ходит, служит изо всей мочи. Элэ ёсё — его постоянная привычка, обычай, поведение.

Элбюргэ — верхняя часть инструмента эрэсэ (см. это слово), служащего для сверления дыр, род блока со втулкой, в которой на вертикальной оси вращается нижняя часть сверла при помощи лучка „чаачар". При сверлении элбюргэ придавливается левой ладонью и остается неподвижной. Эрэсэ в узком смысле—сверлящая железная часть.

Элиэ— отверстие в снежном замете или засеке, устраиваемой для установления силков на куропаток. У юж. як. это название перенесено на всякого рода засеки, охотничьи и рыболовные.

Элик — дикий олень. У урянхайцев „элик"—дикий козел, коза. (Катанов). У юж. як. это имя сохраняется лишь в виде пережитка в одном из названий духа богатого леса — Байаная: Элик-Хандаагай или Самнаагай.

*Эмпэрэ**—трость лыжника. У Северо-Байк. тунг.—онгуру. (Титов).

*Эмчиирэ**— короткая обувь в виде башмаков. У Сев. Байк. тун.—„омчурхомчуро"— имеет то же значение. У Илимп. т.—Номчура.

*Эрэпчиин**— железный скобель. Состоит из деревянного остова с широким продолговатым отверстием посредине. Оба конца деревяшки сужены и образуют две ручки. С нижней стороны отверстия прикрепляется обоюдоострый клинок, слегка изогнутый, длиной около 20 см. При работе стружки выбрасываются через верх. отверстие. У Илимп. т. „ирэпчиин", у Конд.— „ирэпчиина.

Эрэсэ — сверло с лучком для вращения. См. ёлбюргэ.

Эрингэх—сумы из шкуры налима.

Эриттэрэр — гоняться на нарте за дикими оленями. Один из видов охоты на диких оленей гоном.

Эрсэнгэй айыы— божество, дает детей и приплод домашним оленям. Дети, данные им, будто бы имеют неполную нижнюю губу.

Эсэкээнниир — совершать камлание духу, покровителю охотничьей добычи.

*Ээсээн**— небольшие поленца, которые в летнее время возят в кожаных сумах для разведения огня в безлесной тундре.

Б

Балыс, балтым—младший брат или сестра. У юж. як. так говорится о младшей сестре.

Баан таба* — тихой, не быстрый в беге олень. Маст. ул. то же. У Илимп. т. „баанси"—тихой олень.

Баанньыктыыр—уросить. Говорится об упряжном олене.

Барбаас—Варвара. У юж. як.—Балбаара.

Баары, маары—(Жиг. ул.)—стяжение „маарынгны". Баары киситэ кэлэн... тот, давнишний человек, придя...

Басхаал—деревянный или костяной календарь с обозначением христианских праздников.

Батар—следовать, преследовать дикого оленя или другого зверя.

Баччик, Бачыык — Василий. У юж. як. „Басылай", „Бааска".

Бэгэсэгийэ (Жиг. ул.)—недавно, несколько дней тому назад. У юж. як, „бэгэсэ-бээсэ"—вчера, вчерашний.

Бээккэ (Ес.)— деревянная долбленая лодочка, ветка. (с русс.).

Бигэ—крепкий, сильный. У юж. як. „бёгё". Бигэ Айыы — какое-то божество.

Биилкэ, миилкэ или *сыанiаан биилкэтэ*—особый способ гадания об исходе промысла или судьбе человека костяшками налима. Берутся по счету 41 кость. Гадающий, взяв одну кость, шепчет свою просьбу или пожелание, обводит кость вокруг себя три раза. Все костяшки кладутся кучей на стол. Гадающий наглаз разбивает их на три кучи. Потом от каждой кучи отсчитывает по три штучки, пока в куче не останется меньше четырех штук. Эти лишки откладываются порознь в разные места с особым символическим значением: голова, два плеча, две руки, две ноги, сердце и печень. Процедура бросания камешков повторяется три раза. По количеству камешков, выпавших на символическую фигуру человека, узнается его судьба. Напр., если на „сердце" выпадает три камешка, то значит хорошо, один камешок — плохо и проч. Слово „биилкэ", повидимому, извращение як. „билгэ—судьба, предзнаменование. У тун. по Ниж. Тунгуске „билкиикал"—гадать о промысле по лопатке дикого оленя. См. „сингкэн".

Боджойоон (Уст. ул.)— второе название зайца. Охотники вообще воздерживаются от называния имени промышляемого зверя и выдумывают для него другое имя.

Бёкю—женский половой орган.

Бёлтюрэ — железное кольцо в недоуздке оленя для привязи вожжейньоогу.

Бётёё—название рыбы — муксуна.

Бёх—(Уст. ул.)- лишняя одежда, домашний скарб.

*Бугдии, быгдии** — название пегого или пестрого оленя.

У Илимп. т. „бугадии" — пегий о масти оленя и название оленя такой масти. У Конд. т." бугуды"—то же. У Нерч. „буhуды-буды—пегий, пестрый. (Титов).

Буойду — джиэ—большой шатер, чум. По легендам, в таких чумах жили древние витязи, хосуны, игравшие роль начальников родов, возможно, и племенных объединений.

*Бурупчаан** — особый вид сверла „эрэсэ" маленьких размеров. Употребляется для сверления дыр в деревянной долбленой ветке. У Конд. т. „пурупчана"—сверло.

Бююрпэх (Олен.)— короткая обувь из шкуры ног оленя. Маст. ул.—то же.

Былаабыт, булаабыт—особый род пищи, приготовленной из крошенной юколы, облитой рыбьим жиром.

Былыт или *албан былыта*—облако, „албана". (Значение последнего слова утрачено). Былыт—обрядовая принадлежность шаманского служения, когда шаман душу больного возносит на небо к божеству. Б. представляет собой продолговатую дощечку, насаженную на длинный шест с девятью зарубками. Шест называется „сэргэ", в иных местах „тюспэт туруу". На верхушку шеста садят деревянное изображение птицы, а на четырех углах дощечки фигуры людей, сделанные из дерева и называемые „нууча". (См. это слово). На севере Верх. улуса шаманское „облако" иногда называют „хоро былыт".

Г

Гууба (в районе дельты Лены и на Усть-Оленеке) — морской залив, губа (русс.).

Гулаарка (Илимп. т.)—то же, что кукаарка у сев. як.

*Гули**—куча костей упромышленных диких оленей, придавленная камнями. У Аян. Н. тун.—гулин. У Сев. Байкал. тунг. „гулим"— вешать на лабаз, как посвящение; „гулиимачин"—то, что вешают на дерево от туши убитого животного. (Титов).

Гуона—значение, ценность. Гуоната суох киси—бесполезный человек.

Д

Дал ытысыы— в старину состязание в стрельбе из луков. У Илимп. т. „дал"—шест для стрельбы в цель из луков. У юж. як. кое-где сохранилось понятие „дал ытысыы".

Далда—особое приспособление для скрадывания дикого оленя, род щита. Одна или две доски укрепляются вертикально на двух коротеньких полозьях. Посредине доски делается отверстие для глаз. Охотник скрадывает зверя, скрываясь за доской и толкая ее перед собой. Солон. „далда"—скрытое место, тайник. (Поппе). Монг. „далда"—закрыто, скрыто, тайно. (Бимбаев).

Далыс—кожаный фартук, передник—мужской и женский, надеваемый сверх меховой одежды, чтобы предохранить шерсть от избивания, а также для защиты груди от холода.

У Илимп. т. Iаамэ — передник. У Охот. (Мемел.)—нэлэкэ. У Аян. Н.—„нэл".

Даам (Жиг. ул.)— дамка при игре в пешки, пешка, дошедшая до крайней линии партнера.

Дапсы, дэпси (Жиг. ул.)—небольшая пластинка из мамонтовой кости, привязываемая к кисти левой руки для защиты ее от удара тетивы лука. См. эбгэрэ.

*Дарама**— задняя, хребтовая часть оленьей туши. У Сев. Байкал. тунг. „дарама — мясо с задних стегон, филейная часть туши, почетное блюдо охотников, гостей, свадебное." (Титов). Манчж., солон, негид. — „дарама" — спина, поясница, крестец. (Поппе). Дагур. „дарам"—спина. (Поппе).

Даарый—христ. имя Дарья. В Маст. ул. то же. У юж. як. Даарыйа.

*Дасына**—коврик, сшитый из белой оленьей шкуры с ровно остриженной шерстью. Служит покрышкой оленьего седла. У Север. Байк. тунг. „далIа"—олений коврик для покрывания клади или седла. (Титов.). У Илимп. т. „дашна".

*Дэлкээн**— брусья, которые служат для укладывания мяса убитых диких оленей. Брусья кладутся на высокие подставки.

У Сев. Байк. т. „дэлкэн—1) четырехугольный подстав для повети, на которую кладут оленье мясо как жертву. 2) Тутур. Ач. тунг., Аян. Н.—лабаз, постройка на сваях для хранения припасов и вещей." (Титов).

Дэпси, лэпси—1) то же, что дапсы. 2) плоский костяной кружок, надеваемый на кончик трости, которою погоняют упряжных оленей. (Трость—таньах, кюрэй).

Дэпсэ (Олен.)— подушка оленьего седла. Верхняя покрышка подушки из шкуры головы оленя, а нижняя из ровдуги. Середина набивается волосом.

*Долуур, доруу**—гадание по лопатке дикого оленя. На очищенную от мяса лопаточную кость оленя кладут горячие угли и раздувают. Кость от жара дает трещины. По характеру и направлениям трещин дают заключение по предмету гаданья. Главным образом гадают об исходе промысла.

У эвенков по Чаре и Токо—„долуран"— гадание по лопатке дикого оленя. У бурят—дала, дали—лопатка. (Подгорбун).

Дула — четыре толстых шеста, составляющие остов конического шатра.

Дула джиэ (Жиг. ул.)— особый род неподвижного жилища, разновидность „холума" (см. слово). Четыре толстых жерди соединяются верхушками, корневые части отводятся по 4 углам. Ближе к верхушке с четырех сторон укрепляются перекладины, образующие квадрат. На эти перекладины наклонно в уровень с жердями остова приставляются стенки из толстых бревешек. Сверху на перекладины настилается потолок. Жилье снаружи обсыпается дерном, кочками и глиной. Жилище имеет вид усеченного конуса. Окна не пробиваются, дверь—досчатая створка.

*Дуунда** (Верх. лам.)—1) Равнина в верховьях речек, то же, что у северных як.—дюёндэ и тээн. 2) Общее назва-

ние страны от ленского водораздела к востоку. Сев. Байкал. тунг., Тутур., Илимп. т. „дунда"—земля. Як. „дюёдэ", вероятно, происходит от тунг. „дунда".

Дюрюктэ—стружки дерева для разжигания огня.

Дыбга—завалины из снега вокруг чума внутри.

ДЖ

*Джалаар**—невыезженный, непривычный к упряжи олень, также и ленивый на ходу. В Маст. ул.—то же. У Нерч. тунг. „джалавкан"—молоденький. (Титов) У солон джалоо—молодой (Поппе).

Джалаардыыр—об олене—худо итти в упряжи, упрямиться, лениться.

*Джааныы**—возвышенное ровное место без растительности (тундра). У Сев. Байк. т. „йанг"—нетающий снег на вершине горы, голец. (Титов). У Аян. Н. тунг. „йангы"—хребет. У Конд. тунг. „йангура"—гольцы, хребты. У Илимп. „йангура"—широкое ровное место. Якутское слово „джаангы"—хребты, гольцы, очевидно, тунгусского происхождения.

Джаптаахай (Уст. ул.)—близко.

Джебдэк, Джэбдиэн, Дэпдэк—Евдокия. У юж. як Джэбджиэй, Джэбджикиэйэ.

*Джиэ**—общеякутское—дом, жилье, юрта. У Конд. т.—„джуу"—урасa, у Витим., Сев. Байк.. Нерч. тунгусов „джю"—дом, юрта, берлога. У солон „джыр"—дом, у Барг. т. „джуу"—дом (Поппе). У Охот. тунг. „джуурта'—шесты для урасы. Наконец, у гольдов „дже"—фанза китайского типа. Остов гольдской фанзы совершенно одинаков с остовом якутской юрты, и там и тут применяется обмазка. Разница лишь в том, что у гольдов стены вертикальные, а в якут. юрте—наклонные. (См. И. Я. Лопатин—„Гольды—амурские, уссурийские и сунгарийские". Владивосток. 1922. 78—79 стр.)

Джиэ туоса (Олен.)—покрышка чума из оленьих шкур, хотя дословно переводится „береста для жилья, дома". То же, что ёлдююн.

Джиэл—кожаная покрышка двери чума, урасы, холомо и юрты. У юж. як. это слово сохранилось только в богатыр. былинах, а также в слове „джиэл аана"—дверь.

Джирэнг — трехгодовалый дикий олень-самец. Произносится и тирэнг.

Джодоон—мало.

*Джукээнгди** — в Жиг. ул.—мужское оленье седло, а на Олен. вообще оленье седло. У Илимп. т. то же.

Джуккаахаан — небольшое прикрытие, шалаш, устраиваемый рядом с жилым домом при родах женщины. Заменяет для роженицы отхожее место. Там же кладут сено, на котором лежала роженица. У Тутур. тунг. „джюкокан"—юрточка, у Нерч. т. hункинат—временная юрта для роженицы (Титов).

*Джыммаан**—(Анаб. и Долг.)—запасная ураса для складывания домашнего скарба.

И

Иэсэр—особое приспособление для сушения или копчения рыбы.

Иэт—ножик с загнутым острием для выдалбливания деревянной посуды. Это слово известно и юж. як.

*Икэн**—низьменное ровное место в верховьях речек, истоптанное дикими оленями. У Аян. Н.—то же.

*Икээптин**—палка для подвешивания котелков и чайников над очагом. Укрепляется горизонтально. Один конец прикрепляется к шесту чума, а другой к вертикальному шесту, называемому чыымка. У Илимп., Конд. тунг. „икааптин"—имеет то же значение. У тунг. по Чаре икааптун—горизонтальная палка над очагом. У Витим. икаптун—поперечная палка в юрте для подвешивания котлов. (Титов).

*Илэнгсэ**—открыто, явно, на виду.

*Илкэн**—хозяйская мета на ухе оленя в виде разрезов, выемок различных форм. Употребляется и слово „им". Последнее общеяк.

Имэктэ—наружная отщепившаяся часть мамонтовой кости.

Ингэрчэ—конец деревянного стержня стрелы, прикладываемый на тетиву, обмотанный жильными нитками, чтобы стержень не раскололся.

*Иргэх**—олень-самец. У Сев. Байк. т. „ирки"—бык дикого оленя, в песнях символ молодого парня. Иргичан—изюбриный теленок по второму году (Титов).

*Иитэн**—четырех годовалый олень-самец. В верховьях Вилюя у якутов и Бранг. т. „иктээни"—олень трехле-

ток. У Илимп. т. трехлетний олень-самец—гэрбиичаан. У Сев. Байк. и Тутур. „иктаано"—трехлетний олень.

Исэх—накладки из бересты на лыжах для ступни лыжника.

К

Кама, кюмэ (Жиг. ул.)—одно из названий чума. В урянх. яз. „хана"—решетка чума (Катанов), у сагайц. „хана" деревянный круг на верхнем отверстии юрты, у бельтир— решетка, решетчатый забор, стена, загородка (Радлов). В монгол. яз. „хана"—стена, боковая решетка у юрты.

Камылыайка (Жиг. ул.)—доха из одинарной ровдуги, не подбитая мехом.

Кэб, кэбэр—1) натыкаться на что-либо, столкнуться с чем. 2) кэп, кэб—изображение шаманских духов, сделанное из дерева или материи. Употребляются при камлании. В более широком смысле все священные принадлежности шамана, не исключая плаща и бубна.

*Кээбэ**—пара костяных пластинок с зубцами, привязываемых с обоих сторон к недоуздку оленя. (См. суунахаан). Кээбе у як. олен. надевается и на охотничью собаку.

Кэдэрээн—мялка, скребок для выделки шкуры,—длинное изогнутое железо с зубьями, вставленное в две деревянные ручки. У Сев. Байк. т. „кэдэро", по Ниж. Тунгуске у всех тунг. „кэдэрэ", у солон „хэдэрэ",—дубить кожу. У Аян. Н.—кэрдэ.

Кэнтик—принадлежность настороженного самострела, палка, которая втыкается поодаль от лука для прикрепления волосяного шнура, протягивающегося от лука.

*Кээнтээр**—самка дикого оленя с теленком. Называют и „нуйага". У Илимп. т. „кёнгтёр" имеет то же значение.

Кэргэн—семья, домочадцы—общеяк. слово. У Конд. т. „коргон"—семья, у Аян. Н. то же „кэргэн".

Кэрикэ—плоскогорье.

Кэтириин—Екатерина, у южн. як.—Кэтириинэ, Кэтириис. У тунг. Панкаг. на Ниж. Тунг. то же Кэтириин.

Киэлдаки—бусы большого размера.

Киибэс—грузило в сетях.

Кинл — полозья оленьих нарт. У Конд. т. „киилльа"—лыжи, у Аян. Н.—киил—полозья салазки.

Кирис—1) Выем на конце стержня стрелы. 2) тетива лука. 3) волосяная веревка, натягиваемая вокруг шаманского бубна поверх деревянных шишек. Шишки и веревка, подпирая кожу бубна, образуют резонирующие пустоты. Киристээ—(повел. форма глаг.)—класть стрелу на тетиву и натягивать лук.

Кристиин—правосл. имя Христина.

—Киси сылгы хайдах олорор (Уст. ул.)—люди и конный скот в каком состоянии находятся, как живут. Зачин разговора при встрече. У юж. як. такое выражение не употребляется.

Китиик—шалаш, крытый сеном или дерном (Омол. як.). Это слово, по всей вероятности, образовалось от „титиик"—конусообразное жилье, крытое лиственничной корою, встречающееся и теперь по Вилюю. У юж. як. „титиик" летний хлев для рогатого скота из жердей, крытый листв. корою.

Кёгюс—широкая лямка, шейный пояс в оленьей упряжи, нарядно орнаментированный. К. употребляется лишь для олоха, т. е. для оленей, запряженных под седока. К лямке пристегивается длинный ремень—„атах охсор", служащий постромкой.

Кёс 1) семья с домашним скарбом при перекочевках, караван оленей со скарбом, женщинами и детьми. 2) Мера длины для измерения больших расстояний, равняется одному дневному переходу при кочевании.

*Кётёт**—сухой, нежирный, як. кётёх.

Кругуорай—правосл. имя Григорий. У юж. як. Киргиэлэй.

*Куджай**—(Верх якут)—посвященное духу животное. У лам. Тюгэс. рода „куйай"—посвященный олень.

Куйука—темя человека. Очевидно, образовалось от як. „куньаха"—головная кожа под волосами.

Куйукаан—гусенок. (Уст. ул., Илимп. т.]

Куульчах—мешок, сшитый из шкуры оленьих ног, для ружейных принадлежностей, а у женщин для рукодельных.

*Кукаарка**—приспособление из железа, меди или кости в виде раскрытой с одного края скобы для продевания оленьих вожжей. Прикрепляется к кожаному поясу оленя-вожака. У Илимп. тунг.—„гугаара".

*Кумадаал**—покрышка женского седла, сшитая из лоскутков оленьей шкуры (по преимуществу из головных частей). У Бранг. т. кумалаан—покрышка вьюка. У Илимп. Панкаг., Конд., „кумалаан"—верхняя покрышка для вьюка. У Сев. Байк. „кумулан"- коврик из оленьих голов и нерпы. (Титов.)

Кунньалгы—1) Силки для куропаток. То же у як. Север. Вилюя. 2) Жердинка, к которой привязываются оленьи телята, чтобы самки и олени не уходили далеко от чума.

Куолбас—внутренний гроб покойника.

Курум—1) Свадьба. 2) Олени, которые при свадебной пирушке назначаются на убой. (Часть калыма). У Илимп-тунг. „курумин"—свадьба, у Нерч. „курим" – свадьба (Титов),

Кутунах (Олен. Жиг. ул.) — заяц. В урянх. яз. „ходан"—заяц (Катанов), койон, койан — в др. тюрк. яареч. У селенг. бурят заяц-охотоно, у остальных бурят и у монг.— тула и тулай. (Подгорб.). У Илимп. т. заяц-мундуукаан, у Север. Байк. т. тукшики, туксакизаяц.

Кююкэйи — бодливый, об олене.

Кюлюёмэ — падающая ловушка на медведя.

*Кюрэй** — длинная трость для понужания оленей, запряженных в нарты. У Конд. „кюрэй", у Илимп. т. „кюрэйит" и „курай".

*Кютээ** — короткое пальто из плохих оленьих шкур. Надевается около дома. Полы едва сходятся на груди и связываются ремешками.

Кюёллэнэр — ловить рыбу в озерах сетями, ставить сети.

Кюёс — 1) Ужин, мясной обед, вообще всякая пища, которая варится в котле. 2) запасы мяса и рыбы, вообще провизия. „Кюёсю сиэ"-ешь мясо или рыбу, садись за стол. „Кюёс бысынна"-запасы провизии вышли. Такое же значение придается слову „кюёс" и в Маст. улусе на Вилюе. У юж. як. „кюёс"—в прямом значении горшок.

Кыйданар — сердиться, гневаться.

Кыылланар — итти или ехать на охоту за дикими оленями.

Кыптый—общеяк. ножницы. У тунг. Панк. и Чапог. на Ниж. Тунгуске-киптий-ножницы, у Конд. т. ножницы-кайыт и киптыы, у Аян. Н. „киптыы". У монголо-бурят-хайши, хайчи.

Кытат—южная страна, куда улетают на зиму перелетные птицы. Кытат кётёрё-перелетные птицы. По-монгольски-„хитад" -китаец, китайский (Бимбаев). У бурят селенг., тункинских-„хатат" -китаец. (Подгорб).

Кыычча—двухгодовалый олень-самка.

Л

*Лавикта**—у Сев. Байк. тунг.-белый олений мох (Титов). Отсюда общеяк. лабыкта-белый олений мох. (См. Пекарский).

Лаайда—мелкие места на берегу океана и на озерах. (Уст. ул. и северн. часть Жиг. ул.). Весьма возможно, что это слово усвоено север. як. от русс. промышленных людей.

*Лаампы** — то же, что „ала" и „аалык", длинный ремень для запряжки пары оленей на грузовую нарту. У Илимп. т. „лаампын" — пояс для оленя.

Латуун (Верх. лам.) —то же что араан.

Лэникээмэ, лэникэй—какая то птица из породы совиных.

Лойто —дощечки, употребляемые в качестве подножек. Возят с собой при кочевках.

Лыгита, лыкта —тихой, смирный олень, не отходящий от чума или юрты.

М.

Маа (Жиг. ул.) — стяжение „маагы, маарынгнгы". „Маа сиригэр сюрэн киирдэ"—прибежал (он) на то самое, давнишнее место. Такие формы стяжения юж. якутам неизвестны.

Малахай (Устьян. ул. в районе Индигирки) — шапка.

Малаахай, малагай — шапка у бурят и монголов. Подгорб.)

*Маамыкта, маакта**—длинная, тонкая свитая из кожаных ремней веревка. Служит для ловли оленей. Аян. Н.-маут. У Илимп. т. маамут, у лам. Тюгэс. рода маабуту, у Конд. т. маавут, маут. У юж. як. след этого тунг. слова сохранился в глаголе „муомахтаа" —удавливать за шею ремнем.

Маарый — правосл. имя Марья. У юж. як. Маарыйа, Маайа. В Маст. ул. также Маарый.

Мастанар — ехать в лес за дровами, а также на берег реки и моря.

Масы тардар — возить дрова на оленях.

Маат — кривое железное орудие для сгибания крючков.

Маатычча — временная изгородь с двумя заводными крыльями. В нее загоняется стадо оленей при поимке.

Маха (Устьян. ул.) — мать.

Мэйии — 1) Голова, 2) верховья речек.

Мэкчэ — короткое пальто из оленьих шкур, то же, что кютээ и хопоо. Название мэкчэ известно и в Маст, ул. на Вилюе.

*Мэлкээн** — дух лесов, представляемый в образе человека. Лицо черное. см. чучунаа.

Мэнгиэрт — (от мэнгиэ-нажива) — наживлять пасти, ловушки на зверей мясом, гнилой рыбой или гусиными крыльями.

*Мэнкэри** — вьючная кожаная корзина для вещей. У Аян. Н.-мэнггюрэ.

Мэрэкэ — ветка, сделанная из кожи. У Илимп. т. тоже.

Миин — садиться на оленьи нарты. У юж. як. этот глагол употребл. в смысле садиться верхом на животное.

Мёккюйэр — стараться уйти, сворачивать, убегать. Говорится об оленях, домашних или диких.

Мукуччу — все, целиком, свалом.

Мунньах — группа домохозяев, живущих в одном месте, то же, что „тюсюю". У Пэнк. и Чапог. „мунньах"-сход. У юж. як. мунньах-сходка, собрание.

*Муойка муойкаан муойкачаан** — двухгодовалый дикий олень. У Илимп. т. „муойка" — двухлетний олень, у Аян. Н. т.—вообще олений теленок.

Муора (Устьян. ул.)—тундра.

Муосуку—чехол для ружья.

*Мюйээлдэ**—длинные волосы, растущие на внутренней стороне шеи оленя, подшейная грива. У Аян. Н.—тоже. У Север. Байк. — муһйалдо-подгрудный олений волос, употребляется в шитье для прокладки швов и в орнаменте.. (Титов). У Илимп. т. муйэлдэ — тоже.

Мыкаа — прав. имя Михаил. У юж. як.-Мэхээлэ, Мэхээс. В Мастах. ул. с тунгусским акцентом—Мэкээлэ.

Н.

Название месяцев: В Жиг. ул. 1) Суо ыйа-месяц гонки зверей по насту; 2) буус устар-месяц ледохода; 3) кумаар ыйа-месяц появления комаров; 4) ыргахта ыйа — месяц появления оводов; 5) кюёл тонгор ыйа-месяц замерзания озер; 6) бэсисинни, алтынньы, сэтинни и т. д. — обычные для всех якутов названия. Якуты Верх, ул. различают след. месяца; буус устар, кулун тутар. тунах ыйа, бырдах ыйа, от юргююр ый, сынньаланг ыйа, бэсинни, алынньы и т. д. У Илимп. т. нганмании-комариный м-ц, һунминии—м-ц овода.

*Наамын**—вдовый,мужчина или женщина. У Север. Байк. т. „нааун"-вдовец. (Титов). У солон-наагуу-вдова, Баргуз, т. наавуун, у ольча-наау, у гольдов-нау. (Поппе). У Аян. Н. т.-наун.

Нарах — возглас при управлении упряжными собаками, приказ вожаку брать налево. Говорят и тадах.

Ньахха (Жиг. ул. устье Лены) —мелкий лед океана, прибиваемый подольдом к берегу.

*Нэкчээн** —самец дикого оленя, лишившийся рогов.

Ниш, ньыы—простая пешка в противоположность дамке. См. даам. У юж. як. —ньыык, ньыкаа.

*Нимсики** — колчан для стрел. У Илимп. т. — нибчики — колчан. У Конд. т.—нипчик тоже. У Тутуро-Ач.—мэмки — лук. (Титов)

*Ниптэ**— 1) Утоптанное место около шатра кочевника, где рубят дрова 2) Лоскут кожи, на которой разрезается и свежуется рыба.

Ногуолу (Олек.) — прямо, как раз, таким образом.

Нокуо — обращение к парням и девкам. В Маст. ул. тоже. У юж. як. так обращаются только к парням. У Конд. т. нуку — младшая сестра, у Илимп.-тоже—нукундимар-младший брат. У Аян. Н. — нукун, нуку, ласковое обращение к младшим.

*Ньоори** — женская трость с железным наконечником при верховой езде на олене. У Илимп. т.—тоже. У Север. Байк. т.—нёри крюк у лыжного посоха. У Конд. т.—железный наконечник женской трости.

*Нёёкю** — амбарушка, поставленная на столбы для хранения запасов пищи и имущества. У Илимп и Конд. т. — пооку с тем же значением. У Чапог. и Панк. „нооку„ —открытый лабаз для хранения запасов пищи. Это слово известно и в Маст. ул. на Вилюе.

*Нунгни** — мясо с позвоночника оленя около хвоста. Считается лакомством и подается гостю.

*Ньуогу** — оленьи вожжи. У Илимп. т. тоже.

*Ньуогусут** — олень коренник при упряжи, управляемый при посредстве вожжей.

Ньуорбан—(Анаб.)—стадо диких оленей то же, что и мэйиилэ.

Ньуоркана—пятигодовалый олень-самец. У Илимп. т.— ньуоркана, у Кондак.—ньогоркана—4-х летний самец. У Сев. Байк. т. нюгаркана, у Тутур. Ач.—нёоркана,—4-х травый олень. (Титов). У Аян. Н.—тоже.

*Ньымаат** — 1) обычай дележки упромышленного дикого оленя соседям охотника и вообще случайным гостям. 2) в узком смысле доля каждого, получившего пай при ньымаате. В Жиг. ул. наряду с ньымаат употребляется слово „тюнгэсэ" с тем же значением. В Маст. ул. на Вилюе „тюнгэсэ"-скот, убиваемый при смерти человека для угощения собравшихся.

У тунгусов по Чаре ньымаат употр. с тем же значением. У Тутур. Ач. т.—нимат—дарственный пай, обычно половина шкуры. У Сев. Байк. т.—н'амааччирин-дарственный пай от промысла старикам, вдовам и бедным. (Титов). У Илимп. т. тоже, ньымаар—сосед.

*Ньургунгда**—самцы диких оленей.

Ньууча—1) (Анаб. Долг. и запад. часть Жиг. ул.)—разъезжающие купцы, торговцы независимо от их национальности. Якутов-торговцев тоже зовут ньууча. Ньууча кулута — работники купцов. „Ньуучаларга уолльам этэ"—с купцами условился о времени (встречи). (Посл. выраж. записано из разговора с якут. 3-го Хатыгинского насл. Жиг. ул.—Григор. Винокуровым.)2)название духов, сопровождающих шамана, когда он, совершая камлание, возносится к божеству. На особом предмете, именуемом "былыт" (см. это слово)-облако или "албан былыта"—втыкаются четыре челов. фигуры, сделанные наскоро из дерева. Эти чучела и изображают духов ньуучей. 3) Русский, русские.

НГ.

Нгахса (Устьян. ул.)—трубка. У юж. як.—хамса.

О.

Огдоону—то же, что „ондоодо". (См. это слово).

Огоккоонум бытыылкачаана — бутылка моего дитяти. У всех северных якутов весьма распространено обыкновение употреблять в разговоре уменьшительные формы, хотя бы это и не требовалось по смыслу речи. Говорят-юрэхчээн, саакаан (от саа—лук, ружье, маскаан (от мас-дерево); кыылкааны бултанабыт- промышляем диких оленей, сайынигыкаан—лето. и т. д.

Ойумсуйар—шаманить. Говорят-ойумсутабыт вм. ойуннатабыт.

*Оокит, оокут**—амбарушка в лесу на сваях для хранения запасов. Возводится на четырех столбах. Входное отверстие снизу. Поднимаются по лестнице. См. нёёкю.

Окуол (Дельта Лены и Устьян. ул.)—сети, расставляемые для загона ленных гусей.

*Олдоон**—железный крюк для подвешивания над очагом, У Илимп. т. тоже. У Сев. Байк. т.—олдон — употр. с тем же значением.(Титов). У лам. Тюгэс. р.—олдоон- шест, втыкаемый наклонно над костром для подвешивания котлов и чайников.

Олох—нарта оленя, предназначенная для седока в противоположность „сэтии"—нарты для грузов.

Омук— не якуты, племена, ведущие бродячий образ жизни. Чаще это название относится к тунгусам. Омуктуу тыл — тунгусский язык. Бисиэхэ ким да омукту билбэт — у нас никто по-тунгусски не знает.

*Ондоодо** — домашний олень, служащий прикрытием при скрадывании дикого оленя. У Илимп. т. — ондоодо, у Бранг. р.—ондоодор—тоже.

Опуу—Афанасий.

*Осогдо**—(Жиг. ул.)—мелкая озерная рыбешка. У Аян. Н.—тоже.

Оттук—пастбище оленей.

Отуу — костер на открытом месте. У як. Верх. ул. тоже. В Якутском округе это слово устарело и редко употребляется, отуу чаще шалаш сенокосчиков, крытый сеном.

У Илимп. т. — гулувун, гулумун — костер. У юж. як. сохранилось „кулусун уот"—костер.

Охтор, огутта — приставать, доходить до изнеможения, отказаться итти—об упряжном олене. В Маст. ул. тоже

Ё

*Ёлбюгэннээх**—имеющий на привязи оленей с вьюками. У Аян. Н. т.—элгэбун — привязанные к переднему олени с вьюками.

*Ёлюктэ**— сушеное оленье мясо. У Бранг. тунг „юлээнгки" — сушеное мясо дикого оленя. У Чапог., Панкаг. и Конд. тунг.—hуликта — сушеное мясо. У Илимп. т.— тэлии. Слово ёлюктэ известно и в Маст. ул.

Ёрёсё— (Жиг. ул.)—шест, к которому привязывается закинутая сеть.

Ёс— обычай, привычка, нрав. Ити бу диэкки джон ёсё—это обычай, привычка здешних людей.

П

Паарқы—высушенная вареная рыба.

Паас — пасти, ловушки для песцов. Устраиваются по типу якутских сохсо, но с употреблением наживы и без засек. Паас, очевидно, русское „пасть", унаследованное полярными якутами от русских промышленных людей, которые по берегам океана впервые занялись песцовым промыслом.

Паталак сирэ (Жиг. ул. дельта Лены)—название той части берега реки или моря, где прибивает плавник из крупных бревен, из которых делают весьма ценные на севере долбленые ветки. Прибитые бревна делятся между всеми домохозяевами данного района по рабочим душам. Такой обычай существует на островах дельты Лены и на Быковом мысу.

Паталак тойоно — особое выборное лицо, которое заведует дележом добычи при общественной охоте на диких оленей на переправах через протоки Лены и в низовьях р. Оленека. (См. слово— тиикээн). У него бывает еще один помощник.

Писдаахайдыыр — болтать лишнее, плести вздор. (На Анаб.) (с русск. яз.).

Прозвища людей в Жиган. улусе. Почти все взрослые люди, главы семей, имеют якутские прозвища. Наиболее характерные из них: Дыраанай, Куртаанай, Хороо, Омчуу, Кэрэмэс, Ураньык, Джаллай, Кёппёх, Бургаас, Пыахтаан, Булдуу, Амах-Уола, Чукаас-Огото, Чонгку, Иирсээн, Чыычаах, Мохох, Пуккаан, Ыккаан, Кутуус-Огонньор, Кубаача, Мэйээрин, Обууча, Куочун, Джугдаал, Лэспэтэр, Сёлгёйёён, Хонтой-Уола, Молохчоон, Сутуруо-Уола, Чуури и т. д. Большинство приведенных имен не переводимо.

Прокуус—христ. имя Прокопий.

Пуотак — широкий ремень, привязываемый к собачьей нарте. К ней попарно пристегиваются собаки.

Пуорча—сушеное рыбье мясо. Слово известно и в Маст. ул.

Пююрпэх — бисер, корольки, служащие украшением одежды. Пююрпэхтээх этэрбэс — камазы из шкуры оленьих ног, украшенные бисером.

Р

Руука— (Жиг. ул.)— рукавицы из шкуры оленьих ног, шерстью наружу без мехового подклада.

С

Сабыат — разные инструменты и орудия промысла. (Устьян ул.). Заимствованное с русского—"завод".

Саабыл таки, саабыл даганы (Анаб. як)—забыл-таки (русс.)

Саайба—клетушка из жердей в местах промысла для сохранения рыбы.

*Салгымча** (Омол. як. и Верх. лам.)—три толстых шеста, составляющие остов урасы особого типа, т. н., чуораа джиэ. (См. это слово). У Аян. Н. тунг. тоже.

Саапас (Устьян. ул.)—западный ветер. (Заимст. от русских).

*Саапча** — особый род сушеного оленьего мяса. Мясо сушится в виде длинных и тонких ломтей и рубится на мелкие кусочки.

Сарай (Жиг. ул.)—название летних стойбищ над рекой, на высоких местах, где исстари проживала группа хозяев. В районе нижней Лены много урочищ носит название „сарай": Лиэтэбийэ Сарайа, Хайыргас — Сарайа, Хара—Сарай, Кюп—Сарайа и проч.

Саралыыр — охотиться на ленных гусей.

Сарапчы — металлический козырек для защиты глаз от солнечного сияния в весеннюю пору. Пластинка имеет для глаз два продольных отверстия.

Саарда (Верх. ул.)—то же, что сардаана, лесное растение сарана. В старину да и теперь верхоянские якуты выкапывают его корни и употребляют в пищу. Выкапывают особыми копорулями—хоньос. Разновидность саарда называют ирджики.

*Сачарыы**—двухлетняя самка оленя. У Север. Байк. т. сатьари—оленья самка двух лет. У Кондаг. т. hачарии—тоже. У Аян. Н.—чачары.

*Сэктэ** —хвоистые ветки, расстилаемые вокруг костра. У Илимп. т. сёктё, у Аян. Н.—тоже.

Сэлэбэрэ (Олен.)—то же, что эрэсэ от русс. „сверло".

Сэлии—мамонт.

*Сэhтэлээх** (Анаб. як.)—с родимым пятном. У Илимп. т. hёнгта — бородавка, у Аян. Н. т.—энгтэ.

*Сэрээчэ**—шитье, вышивка волосом из подшейной гривы оленя. У Аян. Н. тоже.

*Сэргии**—кости хвоста дикого и домашнего оленя, а также и кости хвостового плавника рыбы.

У Илимп. т. ирги—хвост., у Витим. т. иргии—хвост. (Титов).

*Сэрийэ, суурай, саандыр** —у як. Жиг. ул. возгласы при круговых плясках или хороводах. Плясали в старину, а теперь таких увеселений не бывает. У долган круговые пляски случаются и теперь. Их возгласы: „сэрийэ, сарыйа, hэчуо". Анаб. якуты в центре круга втыкают тонкий шест, которым погоняют оленей, и выкрикивают—hиэра, hэйроо.

Сэтии—нарты с грузом без седока.

*Сии**—гололедица, когда олений мох покрывается льдом, ввиду чего олени не могут добыть пищу и голодают.

У Бранг. и Илимп. т. "сии"—имеет те же значение.

Симии (Жиг. ул. и Устьян. ул.) — род пищи из гусиного мяса. Мясо четырех гусей разрезается на мелкие кусочки и забивается во внутрь одного гуся с необщипанными перьями. В таком виде мясо сохраняется впрок.

*Синкэн** — название диких оленей при гадании о промысле по лопатке дикого оленя. Сингкэн суола— дорога сингкэна — трещины на жженой лопатке, которые предвещают удачный промысел.

У Конд. и Аян. Н. тунг. „сингкэн"—дух леса, даятель охотничьей добычи. У Чапогир и Панкагир есть выражение „того hингкэрэн"— огонь предвещает. Так говорят, когда огонь в очаге издает треск. Такое же воззрение на треск огня весьма распространено повсюду среди полярных якутов. Говорят — „уот эттэ" — огонь сказал. В Маст. ул. тоже.

Сит — крючки для ловли крупных рыб—налима, нельмы, тайменя.

*Сынгапчаан** или *сингэпчээн* —какое-то оружие древних легендарных витязей. По объяснениям одних, нечто вроде большого обоюдоострого ножа или кинжала, носимого в ножнах сверх обыкновенного ножа, а по рассказам других, особого вида пальма.

Сирдэнэр—итти, ехать на промысел в лес, на тундру. В таком же порядке образуют аналогичные глаголы от ыал, кюёл, паас—ыалланар, кюёллэнэр, паастанар и т. д.

Сиэники—оленье мясо особого приготовления. Мясо оленя жарят на рожне, потом сушат и разбивают на мелкие кусочки. Эти кусочки едят,

смешивая с жиром. У Илимп. т.— тоже.

Сиэркилэ (Жиг. ул.)— стекло. (русс. зеркало).

Сойутар (Олен.) — чайник при самоваре. В Маст. ул. тоже.

Сонгосоон — скребок для выделки кожи. Дугообразное железо с острыми зазубринами, насаживается на деревянную ручку.

Сорча (лам.)—сушеное оленье мясо, то же, что и ёлюктэ.

Сугулаан (Олен.) —то же, что дэлкээн.

Суккуй — глухая доха из оленьей шкуры, надеваемая наподобие рубашки через голову. Шьется с колпаком для головы. Полы доходят до колен и ниже. Суккуй под тем же названием известен и в Маст. ул.

*Суума** (Жиг. ул., Устьян. ул.)— стадо домашних оленей, сдаваемое в летнее время пастуху на присмотр и пастьбу. У Верх. лам. и Аян. Н. тунг.— тоже.

Суумасыт—олений пастух, который летом кочует вместе с оленями.

*Суунахан**— ременная крученая веревка длиной в 70—100 махов. Служит арканом при ловле оленей. У Конд. т. С.—вожжи оленя.

Суурт (Жиг. ул. Анаб.) —то место, где располагались с чумом на ночлег, место остановки при кочевьях.

Суокур (Жиг. ул. дельта Лены)— мелкая озерная рыба на островах дельты Лены.

*Суона**—три толстых шеста, составляющие основу урасы.

У тунг. по Чаре „суонан“— три основных жерди урасы. У Чапогир и Панкагир— суона — четыре основных шеста особого шаманского чума, воздвигаемого при камлании. У Илимп. т. hуона—дымовое отверстие в урасе. У Аян Н.—тоже. У Верхне-Ангарских т. „сона“ (шона) — отверстие в верху юрты. У Бранг. тунг. — два высоких шеста в урасе.

*Суонаан** (Жиг. ул.) — три выструганных шеста, связанные верхушками, устанавливаемые пирамидкой, которые служат для складывания туш убитых диких оленей. Шесты при кочевках возят с собой.

*Суонга hуонга** (Олен.)—подросший и почерневший олененок как домашнего, так и дикого оленя.

*Сутороо hутороо**—у всех тунгусов по Ниж. Тунгуске и Ангаре — наколенники, род штанов, натягиваемые на каждую ногу отдельно. У як. „сутуруо“ имеет то же значение, но сохранились только у женщин. В старину с-ро носили и мужчины.

Сюгэ—общяк. топор. У Илимп. т. hуко — топор, тоже и у Конд. т. У Верх. лам. топор ньаана.

Сыаллыйа (Жиг. ул.) — штаны вообще, и длинные и короткие. У юж. як. это название приурачивается лишь к женским коротким штанам.

*Сыангаан** — рыба налим. У Сев. Байк. т. шэнгэн, синго — шинго, сенгичен — налим. (Титов). У Аян. Н. „сынгачан“—тоже.

Сыллыктыыр—предвещать, предчувствовать, разбирать.

Сытыган—рыба, положенная впрок на зиму из летнего лова. Рыба портится и издает гнилостный запах. В Север. Вилюе сытыган чаще называют „сыма“.

Т

Тарагай — двухлетний олень самец.

Тараан юёрэ (Верх. ул.)—старинное название каши, приготовляемой из сосновой мездры.

Таас—общее название высоких гор.

Таахан мас (Жиг. ул.)—дерево, растущее наклонно, близко к земле.

Тэйгэ (Жиг. ул.)—железный гвоздь.

*Тэлэгии**—ременный пояс для штанов. К нему привязывается нож в ножнах. У Илимп. т.— тоже. В Маст. ул. тоже. Аян. Н. тунгусам слово известно с тем же значением.

*Тээн** (Северн. як., Турух. тунг. юж. Вилюй) — ровное возвышенное место в верховьях речек. У Конд. т.— тоон, у Аян. Н.—тээн.

*Тэниин**— коврик, сшитый из лоскутков шкуры оленьей головы. Служит для покрывания седла и вьюков. У Илимп. Бранг. тунг. „тэниин“— нижняя покрышка седла под вьюками. У Аян. Н.— тоже.

Тээпкээн — хвоистые ветви, раскидываемые вокруг костра. См. сэктэ.

Тэрээк илим— сети, которые ставятся в озерах для мелкой рыбы—ююкю.

Тэх, тэх— возглас управления упряжными собаками. Значит направо.

Тиикээн (Жиг. ул. Анаб. Устьян. ул.) — общественная охота на диких оленей при переправах через реки. Осенью, когда стада оленей возвращаются с островов дельты Лены в район леса и переплывают ленские протоки и р. Оленек, местные якуты в определенных пунктах поджидают их, сидя на ветках на противоположном берегу. Как только стадо выплывает на середину реки, охотники подплывают к ним и, гоняясь сзади, колют длинными копьями. Эта охота всегда совершается большими артелями— родами с особыми выборными распорядителями. Добыча делится между всеми участниками поровну, по едокам. Охота происходит во многих пунктах, где олени искони веков имеют привычку переправляться, и всегда привлекает много посторонних гостей, главным образом, из бродячих якутов бассейна Оленека, которым тоже уделяется часть добычи. Наибольшей известностью по богатству добычи пользуются тиикээны в низовьях р. Оленека.

В Устьянском улусе „тиикээн" общее название диких оленей в летнюю пору.

*Тилкэрэр**— (Жиг. ул.)— кончаться. выходить, иссякать. У Аян. Н. т.— тоже.

*Тимэктиин**—кожаный пояс упряжного оленя — вожака. У Илимп. т.— тингаптуун—подпруга вьючного оленя. У Конд. т.—тынгаптун—подпруга оленьего седла. У Сев. Байк. т.— тэнгоптун,- у Нерч. тынгэптун—коврик. (Титов).

Тийрэр—деревянный болван для натягивания шкуры песцов, лисиц и пр.

Тиркэ * (Олен.)—отсутствие, истощение оленьего корма, мха. Тиркэ буолбут, тиркэрбит-олений мох выщипан, скудное пастбище.

Тиэрэн—место около чума, на котором снег утаптывается оленями.

Тойуу (Жиг. ул.)—дитятко, ласкательное обращение к детям.

Томуу (Жиг. ул.), тусах томуута—преграда из тальника при установке петли на куропаток.

Тонг (Жиг. ул.). Устьян. ул.)—строганина, мерзлая рыба, употребляемая в пищу в сыром и мерзлом виде.

Тонголдо 1) (Жиг. ул.) узкая длинная морская коса, заливчик. 2) костяной блок, прикрепляемый к длинному аркану маамыкта.

Тонгус—хороший стрелок и охотник за дикими оленями. „Кыыллы ёлёрюгэс кисиии тонгус диибит"—человека, успешно промышляющего диких оленей, мы называем тунгусом (Жиг. ул.)

Тоопоор (Жиг. ул.) —топор-колун (русс.). Топор с широким лезвием называют по-якутски „сюгэ". У Аян. Н. тунг. туобар—топор.

Торго ,торго тангас—общее название всякого тканного мануфактурного материала. У Илимп., Конд. Панк. Чапог. т. т. „туорга" имеет то же значение. У тунгусов рода Бюлтэгир в верх. Витима „торга"—аршинный товар, (Титов). У Аян. Н. т. „торга"—мануфактурная ткань.

Тордох (Устьян. ул.)—чум, крытый дымленой оленьей кожей. То же название имеют и отдельные полосы кожаной покрышки чума

Тёркюттююр — совершать путешествие через три года после замужества к своим родным. Говорится о молодой женщине

Тёрё—олень с навьюченным ребенком в зыбке или вьюк с ребенком.

Тугут—теленок оленя. У Сев. Байк. т.—тукучан. У Илимп. т.—овгнокоон. У Конд. т.—ёнгнокоон—жеребенок оленя, родившийся осенью, hунггачан — только что родившийся, эпкачаан—теленок годовик. У лам. Тюгэс. р. hуонычан, энгкэн. У тунг. Баргуз. теленок—тукучаан. У солон тухсаа—теленок до году. У монголо-бурят теленок (рог. ск.) тугул, тогол (Поппе).

Тулуур (Олен) — деревянная закидка для замыкания дверей амбара.

Тума (Анаб. як,) — много, множество (русс. тьма).

Тундук — короткая доха вроде рубашки.

Туой-тоо — возглас для остановки упряжных собак. (Русс, „стой")

Туолан — четырехгодовалый олень-самец. (Устьян. ул.)

Тууранкы (Жиг. ул.) — калоши из шкуры оленьих ног.

Туруу (Жиг, ул. Олен. Мастах) 1) остановка, отдых, передышка оленей 2) мера длины, равняется расстоянию, которое можно проехать на оленях без передышки. Биэс туруулаах—расстояние с пятью остановками в пути.

Турук—прямое направление, свойство, привычка. Кёнё туруктаах мас—прямоствольное дерево. Ючюгэй туруктаах киси—честный, прямой человек. Ючюгэй туруктаах таба — пряглый олень, идущий прямо, не сворачивая в сторону.

Тюнгэсэ (Жиг. ул.)—то же, что ныымаат. (См. это слово)

Тюсюю—становище нескольких семейств в одной местности, поселок, то же, что мунньах.

Тыыннастар таба — особый род священного оленя, которым пользуются для лечения больных. Больное место подставляют под дыханье священного оленя. Этот олень не употребляется в упряжи, нельзя его бить и проч. У Верх. лам. такой олень вазывается куйаай.

У

Угаарка (Олен.)—то же, что кукаарка (См. это слово).

Уктас (Жиг. ул.) — меховые чулки мехом во внутрь.

Уолджасар—случаться, приключаться.

Уоча, уольах—урочное время, пора, условленный срок, стечение обстоятельств.

Уолук Симэгэ — старинный нагрудный женский наряд, весь прошитый мелким бисером. Укрепляется под подбородком на груди.

Уриахта * — сушеное оленье мясо, накрошенное на мелкие кусочки. У Брангатских тунгусов—вяленое мясо, у Илимп. и Конд. т.—то же.

Устуок (Устьян. ул.)—восточный ветер. Заимств. с русс. „восток".

Утага * — небольшой мешочек из кожи для мелких женских принадлежностей. У Аян. Н.—„утахаан"—то же. У Нерч. т. „утакан—мешочек из оленьих лап для посуды, чая, сахара." (Титов)

Уус-Хаан (Устьян. и Верх. ул.)—былинный и мифологический образ, то же, что у юж. як.—Кыдай—Бахсы.

Уучча (Верх. ул. речка Быдантай) произношение слова „нуучча" — русский, русские.

Учугаччаан—близко, як. „учугас" с уменьшит. оконч.

Уучах—верховой олень. У Илимп. т. угучах, во всех тунг. нар. уучах, У Нерч. т.—учак.

Учулбу—конопля.

Ю

Юллююн, ёлдююн * — нижняя половина кожаной покрышки чума. Ю. шьется из выделанных оленьих шкур. У Конд. т.—ёллюн—нижняя покрышка чума из ровдуги. У Комбаг. р. Илимп. т.—олдуун. У Северо-Байк. т.—олбоно—покров юрты из бересты, лосины. (Титов). У Охот. т. (Мемельск. р.) ёлбён—ураса, эллэши—покрышка урасы.

*Юнюкээн**—верхняя часть покрышки урасы, обычно набирается из обветшавших и рваных с заплатами кож. У Конд. т.—унакаан—верхняя часть покрышки урасы, ниж. часть—оллъун. У Комб. т.—юнэвуун—покрышка урасы. У тунг. по Чаре и Аян. Н. юнэкээн—покрышка урасы. У Сев. Байк.—унэкан. (Титов).

Юнююр—куча домашнего скарба около чума или юрты. У Илимп, умгабун, у Аян. Н. т.—унгабун.

Юрюллю (Жиг. ул.)—длинная обувь из шкуры оленьих ног, надевается в дальнюю дорогу.

Юрюнкэй (Устьян. ул.)—вторичное название песца промышленниками.

Ютэ—запас пищи, который берется на дорогу.

Юютэн (Лам Тюгэс. р.) якутская юрта.

Юттэрэр — разжигать огонь, костер. Уоту юттэсиннибит — разожгли огонь.

Юёнгэс — трехгодовалый олень. (Устьян. ул.)

Х.

Хаа-хатырган (Устьян. ул) — юрта и надворные постройки.

Хабджы (Жиг. ул.) — белая куропатка.

Хадаса — название утоптанного места вокруг чума, куда складывается домашний скарб.

Хайа — скала, утес. В Урянх. яз. „хайа“ — скала, утес. (Катанов).

Ханыса (Устьян. ул.) — трубка. У юж. як. — хамса.

Хаанысаар (Устьян. ул.) — нос.

Хараама — олень сплошь темной масти.

Харыабти (*хахириэн*) — названия куропаток.

Хаарыын (Устьян. ул.) — черный чукотский олень.

Харанкы (Устьян. ул.) — скупой.

Хасхаан (жиг. ул.) — мало.

Хачамаас, хачымаас — мелкая рыба, высушенная на солнце. Употребляется в корм собакам. Название известно и в Маст. ул.

Хойох — остаток пищи в желудке заколотого оленя.

Холлогос — шесты или жерди, составляющие остов холума за исключением трех главных.

*Холума** — конусообразное жилое помещение, заваливаемое снаружи дерном. Распространено повсюду на севере, по Ниж. Тунгуске и в северных улусах Вилюя. В верховьях Ниж. Тунгуски называется гольомо. У Панк. и Чапог. — голомо. У Илимп. т. холумачаан, гуулама джуу — дом - рубленок. У Верх. Ангар., Тутуро — Ач. и Киренск. т. т. гула, гуло — изба, дом. (Титов)

Холуста (Жиг. ул.) — полотенце.

Хонюнорбо — сети для сельдей.

Хопоо — то же, что кютээ. Известно и на Мастахе.

Хопсох (Анаб. Долг.) — амбарушка, сруб, як. хоспох.

Хоро сирэ — теплая страна на юге, куда улетают на зиму перелетные птицы. В Устьян. и Верх. улусах наряду с „хоро“ употребляется с тем же значением и Кытат. Есть понятие о „хоро тыла“ — язык хоринцев, невнятный, непонятный. В Верхоянском улусе иногда при косноязычии говорят — „хоролуу сангарагын дуу“ — что это, ты, видимо, заговорил по-хорински. Эти данные более чем прозрачно намекают на то, что под названиями Хоро и Кытат древним якутам был известен теплый Китай и сами китайцы с их своеобразным слоговым языком.

Хорой — трехгодовалый олень-самец. У Конд. т. хорой олень - одногодок, а у Бранг т. двухлетний.

Хосуун — общее и обычное название древних легендарных витязей, витязь, герой, богатырь. У Илимп. и Конд. тунг. этого слова нет. У Юж. як. это слово употребляется редко: ни в былинах и ни в легендах древние герои хосунами не называются.

Ч.

Чаабый (Верх. ул.) — утка чирок.

*Чалаам** (Северн. як. и Маст. ул.) — дикий и необъезженный олень, быаны билбэтэх — незнавший веревки.

Чалаах — деревянный блок, через который пропускается лямка нарты. Называют и тонголдо.

Чардыыр — подбирать и хватать снег с мочей. Говорится о домашних оленях.

*Чээлкэ** — олень белой масти. У Илимп. т. чаалка — белый и олень белой масти.

*Чээнкэптиин** — тальниковое кольцо, надеваемое на оленей. У Конд. т. чёнгоойиптин — имеет то же значение, у Чапог. и Панк. чонгойуптун и монгоптунин, у Илимп. т. — чёнгги и чёнггэптин. Аян. Н. тунгусам тоже известно.

*Чэнкээйи** — палки, привязываемые на шею оленей на ночь при пастьбе. Это слово известно и юж. як. и, несомненно, происходит от приведенного выше тунгусского слова.

Чэрэдэк — второе название волка, употребляется как оберег. (Жиг. ул.)

Чэрчээмэ — тонкая плетеная из четырех прядей ременная веревка. Употребляется для ловли оленей и для охоты на диких при помощи оленя манщика. Манщик отпускается на этом ремне. У Бранг. т. чиэрчимэ.

Чээчэ (Устьян. ул.) — отец.

Чилкэ (Жиг. ул.) — ошурки, сальные вытопки.

*Чонкуу** — передние и задние голенные кости оленя. Слово известно и на Мастахе.

Чонгуоска (Анаб. як.) — танец самоедов с подражанием крику оленей, то же, что чёмчёкёйдюор.

Чопчу — в широком смысле пуговицы, в узком — особый род медных

подвесок якутского изготовления, пришиваемых в виде украшения к женской, иногда и к мужской одежде. Хоро-чопку — сохранившиеся со старины медные подвески, работы якутских кузнецов.

У бурят-монг.— тобчи, тобши — пуговица. (Подгорб.) Топчы, топчуу — пуговицы и в некот. тюрк. нареч. (в телеут., алтайском, кара-кирг. и шорском)

Чорогой — выструганная и зачерненная углем палка. которая втыкается для отметки места, где закинута сеть.

Чорчохоот — короткая обувь, торбоса (Анаб. як.), а также калоши, сшитые из шкуры оленьих ног.

Чёмчёёкёйдююр —танцевать, издавая крики оленей.

Чубуккаан (Жиг. ул.) — сейчас, только что.

Чуо, чуо — возглас остановки оленей при ловле.

Чуораа-джиэ (Омол. як.)— особый род урасы с вертикальными стенами внизу и конической наверху. Такое жилье заводят богатые оленеводы. Короткие палки, втыкаемые по окружности урасы с двумя подпорками, которые располагаются крест-накрест, называются чуораа.

Чурбуку (анаб)— горы, вершины.

Чуос (Жиг. ул. Анаб. Илимп. т.)— большая трактовая дорога. В пределах Северного Вилюя словом „чуос" обозначают вехи, расставляемые в зимнее время вдоль трактовых дорог.

Чуучуна — мифологическое представление о диком человекообразном существе. Чуучуна, по понятиям север. якутов, надевает на себя в сыром виде шкуру оленя, летом своим свистом пугает людей, спутывает ноги домашних оленей тальниковой вязью. Завидев людей, убегает. Бродит всегда в одиночку. См. мэлкээн.

Чуучус (Жиг. ул.)— нечистая сила, бес, чертовщина; чуучустуур — испытывать проявление невидимой силы.

Чымайа кёрёр — стесняться, потрухивать кого.

*Чыымка** — два вертикальных шеста, устанавливаемые в чуме между очагом и дверями для привязывания поперечной палки-иикэптиин. У тунг. по Чаре чыымка — вертикальная палка над очагом. У Северо-Байк. т.— тимко, чимка—жердь посредине юрты перпендикулярно к поверхности основания. (Титов). У Конд. т. чиимка — вертикальный шест у очага. У чапог. и Панк. тоже.

Чынгыс—(Верх. ул. Быдантай и Омолой) эпитет к слову мороз и значит — жестокий, сильный мороз: чынгыс тымныы. Употребляется и как синоним понятий джыбар, чысхаан—утренники, лютые морозы.

Чычыпкаанналар — особый обряд, совершаемый охотниками. Охотник, убивший оленя с редкими приметами (заранее указанных шаманом) должен пролезть между ног убитого оленя вдоль его туши. Исполнение этого обряда, якобы, обусловливает удачу в будущей охоте.

Ы.

Ынтака (Жиг. ул.) — шапка из оленьей шкуры с длинными ушами, с округлым и острым верхом.

Ыраакы — летние нарты. От зимних отличаются тем, что их копылья вбиваются в полозья, тогда как у зимних нарт копылья привязываются ремнями. Кроме того, полозья короче и легче. Копыльев всего три пары. Тыы ыраакыта — особый вид „ы", приспособленный для возки летом долбленых веток, имеет всего две пары копыльев.

*Ыргахта** — овод, нападающий на оленей. У Витим. т. эргахта тоже овод. У Илимп. тунг. Нунмикта — овод.

Ыстаан — русс. „стан", пункты привала и остановок промышленников в пустынных местах, где устраивается временное прикрытие от непогоды в виде амбарушки и шалаша, заваленного дерном.

Ыттыыр — гоняться за зверем с собакой.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие . . . . . .

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОБЗОР ТЕОРИЙ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЯКУТОВ И ИХ ДРЕВНИХ ПЕРЕСЕЛЕНИЯХ

Историческая литература об якутах 3

Глава I. Ранние историки якутов . . . . . 7—38

1. Исбрандт Идес и первичный источник гипотез о южном происхождении якутов 7
2. Филипп Страленберг (Табберт) 14
3. Герард Миллер и Иоганн Фишер 22

Глава II. Поздние историки якутов . . . . . 39—87

1. Основоположники минусинско-енисейских гипотез 41
2. В. Л. Серошевский о происхождении якутов 48
3. Н. А. Аристов 55
4. Д. А. Кочнев 57
5. В. Ф. Трощанский и В. И. Иохельсон 60
6. Проф. В. И. Огородников 67
7. Проф. Н. Н. Козьмин 70

Глава III. Знатоки турецких языков о происхождении якутов . . . . . 88—116

1. Академик Отто Бётлингк 88
2. Герман Вамбери 92
3. Академик В. В. Радлов 95

Заключительные выводы 112

Глава IV. Устные летописи якутов. (К вопросу об историческом значении их героического эпоса). 1—11 . . . . . 117—144

Глава V. Южное происхождение якутов . . . . . 145—162

Глава VI. Расселение якутов к моменту русского завоевания . . . . . 163—193

1. Показания писаных источников 163
2. Воин Шахов о вилюйских якутах 177
3. Казачьи документы о местожительстве якутов Жиганского улуса 181
4. Что говорят казачьи документы о верхоянских якутах 184
5. Окраинные колонии якутов и пути русских завоевателей 186

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. СЕВЕРНЫЕ ЯКУТЫ

Глава I. Общие сведения о северных якутах-оленеводах . . . . . 197—229

1. Якуты - оленеводы в этнографической литературе царского периода 197
2. Русское завоевание и экономика якутского севера 202
3. Родовые имена, численность и распространение якутов - оленеводов 216

Глава II. Культурно-бытовые особенности . . . . . 230—252

1. Говор якутов - оленеводов 230
2. Обычаи и нравы северных якутов 234
3. Шаманство северных якутов 243

Глава III. Героический эпос якутов-оленеводов . . 253—297

1. Хосунные сказания 253
2. Схема оленекского хосунного эпоса 263
3. Отражения исторических событий в хосунном эпосе 270
4. Легенда о бородатом народе 288

Глава IV. Заключительные выводы. (Происхождение якутов-оленеводов и исторический путь их переселений на север) 298—310

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ВИЛЮЙСКИЕ ЯКУТЫ

Глава I. Вводные замечания . . . . . 313—318

Глава II. Ранняя стадия колонизации Вилюя . . . 319—330

Глава III. Вилюй как колония прибайкальских якутов 331—353

Глава IV. Поздняя стадия колонизации Вилюя . . . 354—394

1. Смешение коренных вилюйчан с якутянами 354
2. Происхождение вилюйских якутов по их легендам 361
3. Легенды о воинственном Омолдооне 369
4. Легенды о предках Бордонских родов 372
5. Особенности вилюйского героического эпоса 377
6. Историческое значение вилюйских сказаний 382

Глава V. Свидетельство центрально-азиатской истории о вилюйских якутах . . . . . 395—399

Глава VI. Баргуджин Тукум. (Якуты и монгольские племена) 400—445

1. Современные и древние буряты 401
2. Приангарский край в летописях империи Чингисханидов 410
3. Смена народов в Приангарском крае 428

Глава VII. Табалыыра-Бэргэн. (К вопросу об этническом происхождении вилюйских якутов) . . . . . 446—467

Заключительные выводы . . . . . 468—477

Приложение I. Перевод нерусских текстов (с немецкого и якутского языка), встречающихся в книге 481

Приложение II. Солук-Боотур. (Из сказаний о древних героях Борогонского улуса) 483

Приложение III. Список былин, входящих в репертуар сказителя Намского улуса Петра Колесова 486

Приложение IV. Оленекская хосунная эпопея . 489—555

(§§ 1—13 Хосунные сказания северных якутов. §§ 15—17 Героические сказания Кондагирских тунгусов. § 18 Легенда тунгусов Туруханского края. §§ 19—24 Легенды об якутских кузнецах. §§ 32—34 Легенды о бородатом народе, §§ 38—39 Вилюйские легенды о бородатом народе) 489

Словарь особенных слов (провинциализмов в говоре северных якутов . . . . . 557—573

Отв. редактор *М. А. Гудошников.* Техн. редактор *М. Ф. Клинской.*

Корректор *Е. М. Коткин.*

Сдано в набор 3/XI-1936 г. Подп. к печати 15/II-1937 г. Огиз 886. В.-Сиб. Облит 154. Бумага 60×90. Бумажных листов 18½. Печ. листов 36½. Учетно-авторских листов 42,81. Тираж 4000. Заказ 3074. Индекс Эк—1г.

Цена 11 р. 50 к. Переплет 50 коп.

г. Иркутск, тип. Огиза треста „Полиграфкнига".

ВАЖНЕЙШИЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
5	10 сверху	социологоческого	социологического
13	9 сверху	Предбайкалье	Предбайкалья
28	15 снизу	самым	самыми
32	1 снизу	старны	страны
50	4 сверху	помады	номады
50	20 сверху	„тэбиэи“	„тэбиэн“
60	1 сверху	Бом-Кемчикиу	Бом-Кемчику
63	10 сверху	темнав	темная
64	2 снизу	Wochelson	Jochelson
65	11 снизу	провдинуты	продвинуты
69	15 сверху	состянии	состоянии
72	4 сверху	константируется	констатируется
75	13 сверху	формулировну	формулировку
75	19 сверху	Последовадоватьльность	Последовательность
77	19 сверху	„арры“	„арыы“
80	13 сверху	меленькими	маленькими
89	5 снизу	значитиельно	значительно
96	5 сверху	inrem	ihrem
96	6 сверху	пе	по
96	7 сверху	к грамматики	к грамматике
98	15 сверху	отпечатак	отпечаток
107	15 снизу	языкво	языков
112	11 снизу	социаильно-экономического	социально-экономического
141	3 сверху	Сыранов	Сыранова
141	10 сверху	дожностное	должностное
146	14 снизу	отены	стены
147	30 снизу	иовейший	новейший
147	15 снизу	кужды	нужды
152	13 сверху (Таблица)	северных	северных
153	8 снизу	посителей	носителей
159	3 снизу	собравный	собранный
161	20 сверху	якутский	якутских
162	2 сверху	якуткого	якутского
168	5 снизу	вскякого	всякого
177	8 сверху	с тунгусаси	с тунгусами
178	18 снизу	Енисейского	Есейского
198	11 сверху	Протоперей	Протоиерей
201	8 снизу	якутах-скотоводах	якутах-оленеводах
208	20 снизу	Пе фильев	Перфильев
213	16 снизу	приспособлеиния	приспособления
219	7 снизу	на озер	на озеро
224	3 снизу	в работд	в работе
224	3 снизу	полуостровл	полуострова
224	вывод 1 строч.	улуся	улуса

Приложение III. Список былин, вошедших в репертуар сказителя ...

При

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
237	11 сверху	биилко	биилкэ
245	13 снизу	влиятия	влияния
246	4 сверху	жигацы	жиганцы
255	18 сверху	тунрусским	тунгусским
261	13 снизу	исторического значения	историческое значение
262	19 сверху	звучть	звучать
263	3 снизу	нересказов	пересказов
267	11 снизу	вреждебного	враждебного
274	11 сверху	свой	своей
276	7 сверху	оленской	оленекской
279	14 сверху	оленэксоким	оленекском
280	13 снизу	выводы	выводы
284	16 сверху	якутам-олеиеводам	якутам-скотоводам
289	10 сверху	волосасом	волосатом
294	10 сверху	до Корея	до Кореи
304	22 сверху	точто	точно
315	12 сверху	пнкты	пункты
320	5 снизу	мундука	мундушка
349	3 снизу	халха-монго	халха-монголов
354	3 сверху (Заголовок)	вилюйчан с якутами	вилюйчан с якутянами
378	9 снизу	полевецкого	половецкого
403	8 снизу	с монголским	с монгольскими
405	22 сверху	шамапка	шаманка
406	3 снизу	Бятур-Монгольская	Бурят-Монгольская
409	15 сверху	в бобее	в более
414	6 сверху	ябляющейся	являющейся
425	3 снизу	слоьаре	словаре
434	2 сверху	вдоы	вдовы
444	11 снизу	зняты	заняты
447	18 снизу	В якутсом	В якутском
448	2 снизу	Покарский	Пекарский
458	1 сверху	не предендует	не претендует
460	6 снизу	Гермавский	Германский
460	3 снизу	Средпей Азии	Средней Азии
501	17 снизу	голедовки	голодовки
501	24 снизу	коленную кость	голенную кость
526	12 сверху	По приходе	По проходе
527	16 снизу	доторый	который
529	4 сверху	дайде	дайте
565	24 снизу (прав. столб.)	подольдом	подо льдом
566	12 снизу (прав. столб.)	отверттие	отверстие
571	12 сверху (прав. столб.)	половина	половина

Отв.

Сдан
Обл

г. Иркутск, тип. Огиза треста „Полиграфкнига".

12 руб.